БЕРНАРД ШОУ

ЛЕНИНГРАД
«ИСКУССТВО»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ
1978

БЕРНАРД ШОУ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ПЬЕС В ШЕСТИ ТОМАХ

Под общей редакцией
А. А. Аникста, Н. Я. Дьяконовой,
Ю. В. Ковалева, А. С. Ромм,
Б. А. Станчица, И. В. Ступникова

БЕРНАРД ШОУ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ПЬЕС
В ШЕСТИ ТОМАХ

Том 1

Пьесы неприятные

ДОМА ВДОВЦА

СЕРДЦЕЕД

ПРОФЕССИЯ
МИССИС УОРРЕН

Пьесы приятные

ОРУЖИЕ И ЧЕЛОВЕК

КАНДИДА

ИЗБРАННИК СУДЬБЫ

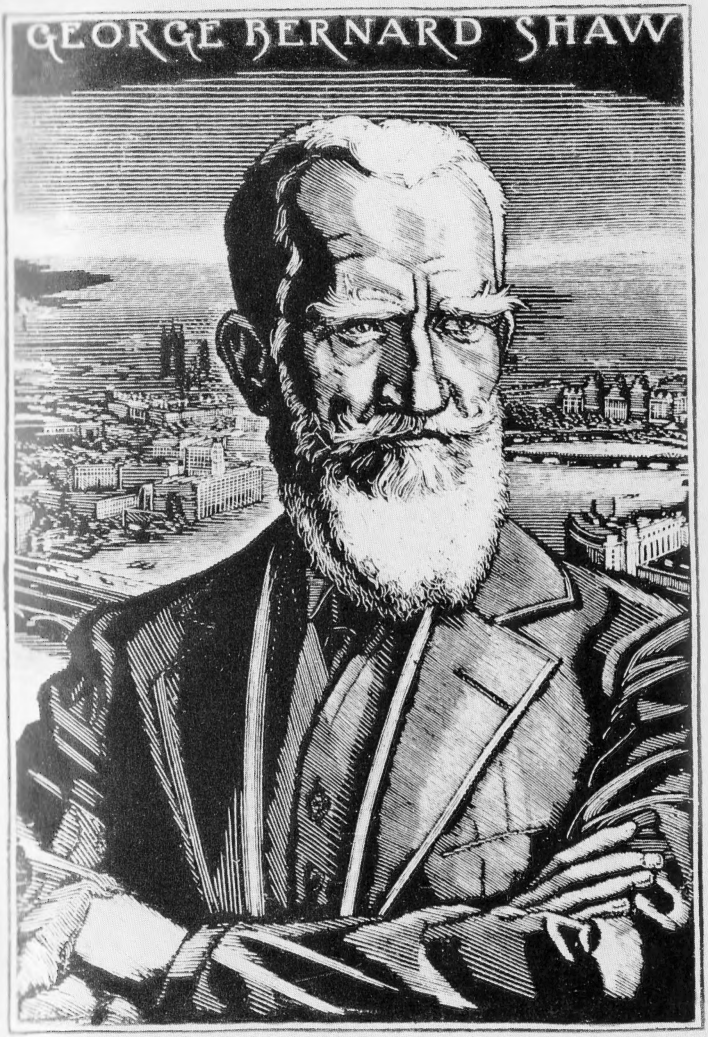
ПОЖИВЕМ – УВИДИМ

И (Англ)
Ш31

Вступительная статья А. А. Аникста
Комментарии А. А. Аникста и А. Н. Николюкина
Редактор тома Е. А. Корнеева
Художник Б. В. Власов

Ш $\frac{70600\text{-}053}{025(01)\text{-}78}$ подписное

© «Искусство», 1978 г.


GEORGE BERNARD SHAW

ВЕЛИКИЙ НАСМЕШНИК

Важные жизненные вопросы принято обсуждать с подобающей им серьезностью. Бернард Шоу[1] не признавал этого. Чего бы он ни касался в своих произведениях – религии, философии, морали, политики, экономики, искусства, – во всем он находил повод для насмешки. Обладая необыкновенно острым умом, он обличал и высмеивал несправедливости общественного устройства, противоречия между показными принципами и истинным состоянием вещей, нелепость господствующих предрассудков и всей силой своего сатирического дарования обрушивался на святыни буржуазного общества.

Шоу писал о коренных, серьезнейших вопросах жизни, но избирал для этого веселую форму. Его пьесы принадлежат к разным типам комедии, и даже те из них, которые по содержанию приближаются к трагедии, писатель наполняет речами и диалогами, полными комизма. Шоу – один из самых остроумных писателей мира. Недаром его называли то Мольером, то Вольтером XX века. Но столь же часто и даже чаще его обзывали клоуном и шутом. Есть доля правоты и в том и в другом, ибо Шоу – смеющийся мудрец, апостол-шутник, философ-весельчак.

Парадоксализм Шоу иногда раздражал даже тех, кто был согласен с его мнениями. Л. Н. Толстой упрекнул его: «Вы недостаточно серьезны. Нельзя шуточно говорить о таком предмете, как назначение человеческой жизни и о причинах его извращения и того зла, которое наполняет жизнь нашего человечества».[2] Укор яснополянского мудреца не смутил Шоу, и он возразил: «Вы говорите, что я в этой книге[3] недостаточно серьезен, что я заставляю публику смеяться даже в самые серьезные моменты. А почему бы и нет? Надо ли изгонять юмор и смех? Предположите, что мир есть всего лишь одна из божьих шуток. Разве из-за этого вы меньше старались бы превратить его из дурной шутки в хорошую?»[4]

Толстой критиковал Шоу не только за несерьезную манеру изложения мыслей, но и за то, что она будто бы не достигает цели: «Вопросы, которых вы касаетесь, имеют такую огромную важность,

---

[1] Утвердившееся русское написание фамилии писателя неточно. По-английски его фамилия произносится: «Шо».

[2] Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. в 90 т., т. 78. М., 1956, с. 202.

[3] Имеется в виду пьеса Шоу «Человек и сверхчеловек».

[4] B. Shaw. Collected letters. 1898–1910. Ed. by Dan H. Laurence. London, 1972, p. 902.

что людям с таким глубоким пониманием зол нашей жизни и такой блестящей способностью изложения, как вы, делать их только предметом сатиры часто может более вредить, чем содействовать разрешению этих важных вопросов.

В вашей книге я вижу желание удивить, поразить читателя своей большой эрудицией, талантом и умом. А между тем все это не только не нужно для разрешения тех вопросов, которых вы касаетесь, но очень часто отвлекает внимание читателя от сущности предмета, привлекая его блеском изложения».[1]

У Шоу нашелся ответ и на это. Он воспользовался двойственностью великого русского писателя, в котором в последние годы его жизни моралист боролся с художником. В полемике с Толстым-моралистом Шоу решил опереться на Толстого-художника. «Во всех известных мне драмах я не могу припомнить сцены, которая восхитила бы меня так, как сцена со старым солдатом в «Власти тьмы» [...] Особенно поразило меня в этой пьесе то, что проповеди набожного старика отца при всем том, что он прав, оказались совершенно бесполезными, — они только обозлили его сына и лишили его последних остатков самоуважения. Но то, чего не смог сделать набожный и добрый отец, того достигает старый негодяй солдат, как если бы он был гласом самого бога. На меня эта сцена, где двое пьяниц валяются на соломе и старший побуждает более молодого преодолеть свою трусость и самолюбие, произвела такое сильное впечатление, какого не могла бы добиться обычная романтическая сцена; и в моем «Бланко Поснете» я по-своему использовал эту богатейшую жилу, которую вы первым открыли современным драматургам».[2]

Шоу своеобразно понял второстепенный эпизод пьесы, но ему нужно было столкнуть Толстого с Толстым, чтобы доказать, что самые лучшие проповеди благородных идеалов могут остаться безрезультатными. Шоу опирался при этом также на двухвековой опыт английской литературы. С конца XVII века морализаторство занимало в ней большое место. В XIX столетии английский роман и драма были насквозь проникнуты нравоучительными тенденциями, но это ничуть не мешало порокам буржуазного общества процветать под покровом лицемерия. Шоу наблюдал это повсюду вокруг себя и как писатель пришел к выводу: «...обычные способы внушать благородное поведение не только безуспешны, но — хуже того — побуждают всех благородных людей, обладающих воображением, решительно отвергать их. [...] Во всем этом виновато наше воспитание. Мы твердим людям, что они должны быть хорошими, но обосновываем это лишь тем, что таково мнение кого-то, кто ничем для них не привлекателен и

---

[1] Л. Н. Толстой, т. 78, с. 202.

[2] B. Shaw. Collected letters, p. 900.

кого они не уважают, и кто к тому же, будучи значительно старше, не только во многом непонятен им, но просто смешон».[1]

Шоу избрал другой метод обращения с читателями и зрителями. Как верно определил Л. Н. Толстой, он стремился «удивить, поразить» и для этого прибегал к самым неожиданным, остропарадоксальным утверждениям. Он применил этот метод и по отношению к великому русскому писателю, но его он смутить не смог. Шоу смеется над всем, переворачивает вещи с ног на голову, паясничает сам и заставляет паясничать своих героев. В его пьесах много мастерски отработанных театральных эффектов. Но юмор для Шоу не самоцель и не средство бездумного развлечения. В том же письме Л. Н. Толстому, отстаивая свой принцип — театр должен быть занимательным,— Шоу писал о пьесе «Разоблачение Бланко Поснета»: «Я не утверждаю, что меня больше всего привлекал театральный эффект как таковой. Я не сторонник «искусства для искусства» и не шевельнул бы пальцем, чтобы создать художественное произведение, если бы думал, что в нем нет ничего, кроме искусства».[2] В пьесе «Другой остров Джона Булля» Шоу вложил в уста священника Кигана слова: «Мой способ шутить заключается в том, чтобы говорить правду. Это самая забавная шутка на свете». То же самое с полным основанием можно сказать о Шоу. Писатель отлично сознавал ниспровергающий смысл своих насмешек. В пьесе «Назад к Мафусаилу» он прямо говорит: «Все революционное начинается с шутки».

Чтобы сгладить смысл сатиры Шоу, парализовать силу его насмешек, буржуазные критики стали говорить, что он просто фигляр, шут, что не следует серьезно воспринимать то, что он пишет.[3]

Иначе относился к Шоу В. И. Ленин. Однажды при нем кто-то заметил: «Шоу — это клоун!» Присутствовавший при этом английский журналист Артур Рансом рассказывает: «Ленин сердито отрезал: „Он, может быть, и клоун в буржуазном государстве, но в революции его не приняли бы за клоуна“».[4]

Не следует забывать, что Шоу начал свою деятельность в условиях господства лживой, крайне чопорной буржуазной морали, запрещавшей касаться темных сторон жизни. Английская буржуазия создала крепкий заслон против правды. Писатель, который в такой обстановке пытался критиковать существующие порядки, оказывался в трудном положении. Как раз тогда консервативная английская критика заставила умолкнуть великого реалиста Томаса Харди, встретив в штыки

---

[1] B. Shaw. Collected letters, p. 901.
[2] Ibid., p. 900—901.
[3] Eric Bentley. Bernard Shaw. 2nd ed., N. Y., 1957, p. 187.
[4] Артур Рансом. Великий вождь.— В кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 5. М., 1970, с. 206.

его романы «Тэсс из рода д'Эрбервилей» (1891) и «Джуд незаметный» (1895). Другой выдающийся писатель, Сэмюэл Батлер, написав роман «Путь всякой плоти», не посмел опубликовать его, и роман увидел свет только после смерти писателя, в 1903 году. Шоу сказал о себе однажды: «Марк Твен и я находимся в одинаковом положении. Мы должны высказывать свои мнения так, чтобы люди, которые иначе повесили бы нас, думали, будто мы шутим».[1] С течением времени необходимость в маскировке отпала, но Шоу сохранял верность своей манере, потому что читатели и театральная публика уже привыкли к ней и ждали ее. Но дело не только в этом. Шоу сохранял верность своей манере еще и потому, что она позволяла ему с наибольшей остротой ставить важные вопросы, выдвигаемые жизнью. Победив старые предрассудки или, во всяком случае, сказав о них правду, Шоу постоянно сталкивался со все новыми пороками общества. Мир не уставал провоцировать его остроумие. Парадоксам Шоу суждена еще долгая жизнь, ибо многое из того, что он осмеивал, очень живуче. Как он сказал устами Кигана в «Другом острове Джона Булля», «каждая шутка оборачивается истиной в лоне вечности».

Юмор — часть идеи; идея у Шоу — не философская абстракция, а мысль, облеченная в шутливую, а подчас в шутливо-фантастическую форму. В таком сочетании и предстает она перед нами.

ИРЛАНДЕЦ

26 июля 1856 года в главном городе Ирландии Дублине в неприглядном доме из желтого кирпича появился на свет Джордж Бернард Шоу.[2]

В свойственной ему иронической манере он впоследствии так писал о своем происхождении: «Я типичный ирландец; моя семья происходит из Хэмпшира в Англии, а мой самый древний предок, поселившийся в Ирландии в 1689 году, был по рождению шотландцем».

---

[1] A. Henderson. George Bernard Shaw, a man of the century. N. Y., 1956, p. 831.

[2] Основные источники биографических сведений о Шоу: A. Henderson. George Bernard Shaw, his life and works. Cincinnati, 1911; A. Henderson. George Bernard Shaw, the playboy and prophet. N. Y., 1932; A. Henderson. George Bernard Shaw, a man of the century. N. Y., 1956 (В дальнейшем при ссылках на работы данного автора указывается только фамилия автора и год издания книги); M. D. Coulbourne. The Real Bernard Shaw. N. Y., 1940; St. John Ervine. George Bernard Shaw. London, 1956; Eric Bentley. Bernard Shaw, 2nd ed., N. Y., 1957; A. Williamson. Bernard Shaw, man and writer. London and N. Y., 1963; Х. Пирсон. Бернард Шоу. М., 1972.

Иначе говоря, предки Шоу вступили на землю Ирландии после того, как страна была завоевана англичанами во второй половине XVII века. Ирландец Шоу скорее всего выдумал свое шотландское происхождение, для того чтобы создать себе юмористическую генеалогию: «Мой род восходит к Шейгу, третьему сыну шекспировского Макдуфа. Отсюда мой драматургический талант».[1]

Отец писателя Джордж Карр Шоу происходил из почтенной буржуазной семьи; среди его родни были банкиры, чиновники и всякого рода дельцы. Но Джорджу Карру не повезло: принадлежа к обедневшей ветви семьи, он служил сначала в суде, затем завел самостоятельное дело по торговле зерном, но не преуспел в нем.

Джорджу Карру Шоу было уже за сорок, когда он женился на Люсинде Элизабет Герли, которая была вдвое моложе его. Молодая миссис Шоу родила двух дочек и сына Джорджа Бернарда.

Дом Шоу не был уютным семейным очагом. Отец был занят делами, мать увлекалась музыкой. Детьми занимались няньки и слуги, тоже не слишком заботливые. Благодаря свободе, которой Шоу пользовался с детства, он, по его собственным словам, «стал вольнодумцем, еще не научившись думать». Первые уроки грамоты Шоу получил от гувернантки, затем его образованием занялся дядя-священник, а в десять лет он поступил в школу.

Юный ум Шоу формировало чтение. Читать он научился лет пятиисести, но детских книг не любил. Одной из самых первых его книг было аллегорическое нравоучительное сочинение писателя-пуританина XVII века Джона Беньяна «Путь паломника», которое он без конца перечитывал. В произведениях Шоу можно найти очень много явных и особенно скрытых цитат из Беньяна. «Если я теперь пишу, не заботясь о стиле, то этим я обязан тому, что с детства напитался Библией, «Путем паломника» Беньяна и Шекспиром в иллюстрированном издании Касселя»,— писал Шоу.

Лет двенадцати, когда Шоу, по его словам, стал «искушенным циником», он прочитал всего Диккенса, который произвел на него огромное впечатление. Из поэтов Шоу больше всего любил Шелли.

Университетского образования будущий писатель не получил. Материальное положение семьи становилось все хуже, и было решено, что Бернард должен начать зарабатывать. Когда ему исполнилось пятнадцать лет, его устроили клерком в контору по продаже недвижимости. Юноша Шоу узнал беспросветную фермерскую нужду: ему пришлось собирать ренту с арендаторов земельных участков. То, чего Шоу насмотрелся в это время, запомнилось ему надолго. Отголоски этих впечатлений звучат в его первой пьесе — «Дома вдовца» и особенно в «Другом острове Джона Булля».

---

[1] A. Henderson, 1956, p. 3.

Так закончилась ранняя пора жизни Бернарда Шоу.

Чем же Шоу обязан Ирландии и родному городу Дублину?

Отношение Шоу к Ирландии было сложным. Любя свою страну, он совершенно не разделял иллюзий ирландских националистов, склонных романтизировать и несчастья страны, и мечты об ее освобождении. Свое отрицательное отношение к романтической мечтательности, столь свойственной ирландцам, Шоу выразил словами одного из героев пьесы «Другой остров Джона Булля», ирландца Дойла: «...И грезы, грезы! Сжигающие сердце, ничем не утолимые грезы, грезы! Самый грубый скотский разврат, какому предается англичанин, не может сделать его таким ничтожеством, каким делают нас эти грезы. Воображение ирландца никогда не оставляет его в покое, никогда не рождает в нем решимости, никогда его не утоляет, но убивает в нем всякую способность смотреть в лицо действительности, приладиться к ней, подчинить ее, завоевать; он может только издеваться над теми, кто на это способен... Он не способен мыслить. Он не способен и работать. Он ни к чему не способен — только грезить, грезить; а это такая мука, которую невозможно вынести без виски».

Это, конечно, преувеличение, но преувеличение, в котором велика доля истины. Шоу ополчился против того, что можно назвать ирландской «обломовщиной». Ему, с его трезвым умом и жаждой практического действия, были чужды романтические мечтания его соотечественников, культивировавших любовь к патриархальной старине и предававшихся мечтам, когда надо было действовать — не во имя отжившей старины, а за новую Ирландию, свободную от всех пороков старой.

Ирландские буржуазные националисты добивались не только политической независимости, но и возврата к прерванным традициям отечественной культуры. Их идеал, как и у других буржуазных романтиков, был в прошлом. В отличие от них, Шоу видел единственно верный путь для Ирландии в социальном прогрессе, а не в возврате к старине. Не разделял он и реакционных идей об обособлении ирландской культуры от английской, да и от всей европейской цивилизации. Шоу был свободен от националистических предрассудков своих соотечественников, которых ненависть к английскому гнету сделала врагами всего английского вообще.

Хотя Шоу осуждал своих соотечественников за пассивную мечтательность, он знал, конечно, и о революционных традициях лучшей части нации, не раз поднимавшейся с оружием в руках против своих покорителей — англичан. Шоу — ниспровергатель всех и вся, борец против любого проявления несправедливости был бы немыслим, если бы не вечное возмущение, пропитавшее самый воздух Ирландии XIX века. Ирландия воспитала в сознании молодого Шоу недовольство существующим укладом жизни, но не помогла пытливому юноше найти положительное решение жизненных вопросов.

Шоу вырос в атмосфере духовных интересов, несовместимых с мещанским прозябанием. Ему претил провинциализм ирландской жизни, ограниченность интересов даже в самом центре страны – Дублине, где протекали его детство, отрочество и юность. И он бежал из Ирландии, как бежали потом два других ирландских писателя – Джеймс Джойс и Шон О'Кейси. Впоследствии он писал: «Дело моей жизни было невозможно осуществить в Дублине, опираясь на один лишь ирландский опыт. Я должен был уехать в Лондон... Лондон был центром английской литературы, английского языка и того царства художественной культуры (владыкой коего я намеревался стать), какое было возможно на английском языке. В те времена еще не существовало Гэльской лиги и не было даже намека на то, что Ирландия обладает зародышами собственной культуры. Каждый ирландец, искавший свое призвание в сфере более высоких культурных профессий, чувствовал, что ему надо жить в Англии и быть связанным с международной культурой. Так было и со мной. Я не питал никакого особенного пристрастия ни к Лондону, ни к Англии. Если бы моим призванием была наука или музыка, я направился бы в Берлин или в Лейпциг. Живопись привела бы меня в Париж... Ради богословия я отправился бы в Рим, а за протестантской философией – в Веймар. Но так как моим орудием был английский язык, мне ничего не оставалось, как поехать в Лондон».[1]

РОМАНИСТ

Ранней весной 1876 года Бернард Шоу приехал в столицу Великобритании. «Лондон тогда еще не созрел для меня. Да и я не созрел еще для Лондона, – признался Шоу через двадцать лет. – Я оказался в совершенно невероятном положении. Я был иностранцем, а ирландец, если он не прошел через университетскую мясорубку, – для англичан самый иностранный иностранец. Нельзя сказать, что я был совсем необразован, но того, что знал я, англичане часто не знали; а еще чаще они просто не могли поверить, что такое существует».[2]

Шоу поселился с матерью, дававшей уроки пения, и сестрой-певицей, выступавшей в концертах, а затем и в опере.

Выросший в атмосфере музыкальных интересов, Шоу еще в Дублине пробовал учиться петь, но, убедившись, что у него нет голоса, решил ограничиться инструментальной музыкой. По самоучителю он овладел нотами и стал играть на фортепьяно, так что мог аккомпанировать певцам-любителям. В качестве аккомпаниатора он выступал в домашних концертах Дж. В. Ли, учителя его матери. В знак благодарности

---

[1] Bernard Shaw. The complete prefaces. London, 1965, p. 674.
[2] A. Henderson, 1911, p. 57.

музыкант предложил Шоу писать от его имени рецензии на концерты для одной музыкальной газеты, причем весь гонорар за эти статьи получал Шоу. Но прожить на эти деньги было нельзя, и кто-то из знакомых устроил Бернарда на службу в лондонский филиал телефонной компании Эдисона. Предприятие не имело коммерческого успеха и вскоре слилось с одной британской компанией. После этого Шоу бросил службу. Нескольких месяцев было достаточно, чтобы еще раз убедиться в том, что он, по его собственным словам, ни для какой честной профессии не подходит.

Шоу не мог жить одними мыслями о заработке. Ему хотелось заниматься тем, к чему он питал действительное влечение. А влекло его к журналистике. Но лондонские газеты возвратили ему все статьи за исключением одной. Года два он жил на средства матери. После неудачи с журналистикой он взялся за романы. За пять лет, с 1879 по 1883 год, он написал пять романов: «Незрелость», «Неразумный брак», «Любовь среди художников», «Профессия Кэшела Байрона», «Неуживчивый социалист».[1] Однако ни одно издательство на Британских островах и в США, куда он посылал рукописи, их не приняло. И все же они увидели свет, хотя и не в том порядке, в каком Шоу их написал.

Сначала были опубликованы два последних романа. Оба печатались частями в социалистическом журнале «Тудей»: «Профессия Кэшела Байрона» – в 1884–1885 годы, «Неуживчивый социалист» – в 1885–1886 годы. Как «романы с продолжениями» были напечатаны в журнале «Аур Корнер» «Неразумный брак» (1885–1886) и «Любовь среди художников» (1887–1888). Эти журналы не платили гонорара, да и в дальнейшем, когда романы были переизданы отдельными книгами, они тоже не принесли автору сколько-нибудь значительного дохода. Не привлекли они и внимания критики. Только потом, когда Шоу прославился как драматург, эти романы получили некоторую известность. Позже всех появился в печати первый роман – «Незрелость» – в 1930 году.

Уже в этих своих ранних произведениях Шоу шел наперекор буржуазным понятиям. Не случайно его романы увидели свет в журналах передового направления.

Для характеристики взглядов Шоу наибольший интерес представляет роман «Неуживчивый социалист», герой которого, молодой капиталист Сидни Трефусис, бежит из своей среды. Жене, которая разыскала беглеца, он так объясняет свое отношение к буржуазному обществу: «По-моему, современное английское общество, из которого я ушел, несмотря на всю его культуру и моралистику, испорчено до мозга

---

[1] В России этот роман в дореволюционном переводе был назван «Социалист-любитель».

костей. Это лицемерное общество любит ложь и ненавидит правду. Оно пишет и говорит глупости, гонится за богатством, наслаждениями и славой, утеряло страх божий и ничего не создало взамен истины. Это общество стремится лишь захватить себе львиную долю всех жизненных благ и вырывает эту долю из рук других классов, которые, создавая его благосостояние, сами принуждены голодать».[1] Жена спрашивает, не бежит ли он от общества потому, что совершил какое-нибудь преступление? Сидни отвечает, что ничего преступного он не сделал за исключением того, что жил на средства, которые его отец добыл бесчестным путем — эксплуатацией рабочих.

Трефусис ненавидит богачей — «тех, кто создал этих несчастных рабов, которые трудятся всю жизнь для того, чтобы мы жили беспечно». Он не хочет вернуться к жене и в среду богатых бездельников, потому что у него в жизни появилась цель: «Способствовать освобождению этих манчестерских рабочих — рабов моего отца. Для этого их товарищи по несчастью на всем белом свете должны объединиться в один интернациональный союз, который будет полюбовно распределять между рабочими все орудия труда и всю работу, причем ни один здоровый лентяй не получит ни гроша, а всякий, кто захотел бы урвать больше жизненных благ, чем приходится на его долю в результате его труда, будет считаться мерзавцем». Эта цель, по мнению Трефусиса, может быть достигнута пропагандой. Он и занимается ею весьма деятельно. Стремясь объединить рабочих в свой «интернационал», Трефусис вместе с тем агитирует интеллигентных буржуа перейти на сторону пролетариата. Новая социальная мораль должна идти рука об руку с новой житейской моралью, которую также следует освободить от лжи и предрассудков. Трефусис — противник буржуазного брака, основанного на собственнических отношениях между мужем и женой. Как всегда, Шоу ниспровергает мнимую романтику любви, требуя трезвости и правдивости в отношениях между мужчинами и женщинами.

Неуспех Шоу как романиста объяснялся отнюдь не отсутствием мастерства. Сам писатель следующим образом определял причины своих неудач: «Неуживчивый социалист» — уже самое название этого романа погубило меня в глазах издателей, — писал Шоу впоследствии. — Один из них просто отказался читать его. Я был знаком с первым томом «Капитала» Маркса и сделал моего героя социалистом-марксистом. Этого они не могли перенести. В моем первом романе[2] героем был мелкий служащий — это не могло послужить ему хорошей рекомендацией; но он, по крайней мере, принимал мир таким, как он есть, и, как полагалось, носил белый воротничок. Может быть, за это я еще

---

[1] Б. Шоу. Социалист-любитель. М., 1910, с. 95.

[2] «Незрелость».

мог рассчитывать на поощрение. Но мой второй герой, инженер-электрик, разрушил кастовые перегородки и стал выше их; это уже было безвкусно и некорректно.[1] Я был на ложном пути. Потом — английский Бетховен, небрежно одетый, непокорный, непонятный, бледный, живущий в жалкой квартире с немодным адресом: это уже сущий вздор.[2] Следующий — боксер: он ухаживает за чопорной утонченной богатой дамой. Несколько романтично, хотя нет умирающего младенца, а есть пара хороших драк.[3]

Но социалист! Красный, враг цивилизации, вор, обкрадывающий всех, безбожник, прелюбодей, анархист, апостол сатаны, в которого он сам не верит! Да к тому же представленный как богатый молодой джентльмен, эксцентричный, но совершенно неприемлемый в обществе. Очень плохо.

Увы, я не понимал, что меня подвергают остракизму по социальным и политическим причинам, и считал, что романы, мол, отвергают по литературным соображениям, которые — теперь это совершенно очевидно — тогда даже и не возникали».[4]

Трудно было бы лучше определить эволюцию и основной смысл литературной деятельности молодого Шоу, чем это сделал он сам. Как подлинный художник, он рос и развивался от романа к роману. «Неуживчивым социалистом» кончились попытки Шоу утвердиться в литературе в качестве романиста. Встретив упорное сопротивление издателей, Шоу решил посвятить свое перо другим жанрам.

ФАБИАНЕЦ

Мы знаем, что Шоу уже из Ирландии приехал с чувством острого недовольства действительностью. Но его близкие не привили ему таких идей, которые придали бы определенность накипавшему мятежному чувству. Молодой Шоу присматривался к людям, рано научился оценивать их, пристально вглядывался в жизнь, стремясь понять ее; наконец, много читал и, главное, размышлял обо всем, что видел и узнавал.

Однажды, вскоре после приезда в Лондон, Шоу целую ночь бродил по гигантскому городу. Перед ним возникали картины резких социальных контрастов. Лондон стал для него символом всей современной буржуазной цивилизации, и Шоу на всю жизнь понял, что главное зло — бесчеловечность капиталистического строя.

---

[1] «Неразумный брак».
[2] «Любовь среди художников».
[3] «Профессия Кэшела Байрона».
[4] A. Henderson, 1956, p. 119.

В Лондоне Шоу общался с разными людьми и все время расширял круг знакомств. Он посещал всевозможные публичные собрания и однажды попал в дискуссионный клуб – Общество искателей истины. Здесь в 1881 году Шоу познакомился с Сидни Уэббом, впоследствии известным социологом, и они подружились на всю жизнь. Шоу начал принимать участие в разнообразных политических дебатах.

В сентябре 1882 года Шоу попал на лекцию американского экономиста Генри Джорджа, автора книги «Прогресс и бедность», который утверждал, что причиной всех экономических бедствий является частная собственность на землю. Джордж предлагал произвести повсеместную национализацию земли и заменить все налоги единым налогом на землю в соответствии с приносимым ею доходом. «До того вечера, – признавался Шоу, – я, как и пристало атеисту, интересовался в основном конфликтом между наукой и религией. Генри Джордж ткнул меня носом в экономику. Достав за полшиллинга «Прогресс и бедность», я пришел в восторг и, не в силах сдерживать себя, выступил по этому вопросу в Демократической федерации Гайндмана. Меня обрезали: да не смеет касаться таких материй тот, кто не читал Карла Маркса. Тогда я отправился в Британский музей и засел за «Капитал» во французском переводе Девиля, – английского перевода еще не было. И все перевернулось в моей жизни. Маркс стал для меня откровением. Он сорвал с моих глаз завесу, научил меня думать над ходом истории и развитием цивилизации, заставил по-новому взглянуть на мироздание в целом, открыл мне мою цель и назначение в жизни».

Шоу не только прочитал «Капитал», но и стал членом кружка, специально изучавшего творение Маркса. По его определению, «это – перемиада против буржуазии, подкрепленная такой массой доказательств и таким непреклонным духом обличения, каких не существовало раньше».[1]

Обращение Шоу к Марксу было связано с общим подъемом рабочего движения в Англии 1880-х годов. Активизация рабочего класса, развитие в его среде революционных настроений привели к образованию двух социалистических организаций – Социал-демократической федерации, возглавлявшейся Гайндманом, и Социалистической лиги, руководящее ядро которой составляли Уильям Моррис, Эдуард Эвелинг и дочь Маркса Элеонора Маркс-Эвелинг. Шоу посещал митинги и собрания обеих социалистических организаций. Лично ему были ближе руководители Социалистической лиги. Он дружил с Уильямом Моррисом, встречался с Эвелингами. Он общался не только с этими деятелями социалистической интеллигенции, но и с рабочими лидерами тред-юнионов.

---

[1] A. Henderson, 1956, p. 219.

В 1880-е годы Шоу становится уличным агитатором. Он выступает с речами против капиталистических порядков и призывает рабочих объединиться для борьбы против буржуазии. Ему приходилось выступать не только среди сочувствующей, но часто и враждебной аудитории. В Гайд-парке, на площадях и улицах Лондона, стоя на какомнибудь ящике, нередко под наблюдением полисменов, Шоу произносил сотни речей, спорил с противниками. Его признали одним из наиболее блестящих полемистов. Он мастерски владел аудиторией, провоцировал вопросы слушателей и с блеском, остроумно отвечал на них. Впоследствии Шоу не раз говорил, что искусство диалога он впервые постиг на митингах и собраниях в бурные 80-е годы.

В Англии тогда назревала революционная обстановка. Возмущение пролетариата достигло крайнего предела. Однако ни социалистические организации, ни тред-юнионы не сумели организовать борьбу таким образом, чтобы привести рабочий класс к победе. Движение носило в основном стихийный характер. Оно достигло своей кульминации в массовой демонстрации, состоявшейся 13 ноября 1887 года в Лондоне. Полиция разогнала демонстрантов. Так как в Англии не было революционной партии, способной возглавить борьбу рабочего класса, то Шоу укрепился в мнении, что смены капитализма социализмом надо добиваться мирным путем, посредством реформ.

Еще в 1883 году он вступил в Фабианское общество. Эта организация, первоначально насчитывавшая примерно сорок интеллигентов, ставила своей целью содействовать переходу к социализму в Англии посредством пропаганды и постепенных мирных преобразований. Общество называлось так по имени древнеримского полководца Фабия Кунктатора (Медлительного), получившего это прозвище за осторожную тактику в борьбе против Карфагена. Фабианцы считали, что социализм можно построить, добиваясь возможных улучшений в пределах существующей системы и постепенно превращая капитализм в социализм. Поэтому они принимали участие в местных органах управления. Следуя этому принципу, Шоу с 1893 по 1897 год участвовал в работе муниципалитета лондонского пригорода Сент-Пэнкрас. Ф. Энгельс, хорошо знакомый с социалистическим движением в Англии того времени, отрицательно относился к реформизму фабианцев. Вместе с тем он отмечал: «Фабианцы издали с большой тщательностью наряду с разной дрянью и несколько хороших пропагандистских сочинений, и это наилучшее из всего того, что в этой области было сделано англичанами. Но как только они возвращаются к своей специфической тактике – затушевыванию классовой борьбы, так дело плохо. Из-за классовой борьбы они фанатически ненавидят Маркса и всех нас».[1]

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд., т. 39, с. 8.

Говоря о «хороших пропагандистских сочинениях», Энгельс, по-видимому, имел в виду некоторые «Фабианские трактаты», издававшиеся с 1889 года. Автором нескольких таких трактатов был сам Шоу, другие он редактировал, так как выделялся среди фабианцев своими литературными способностями.

Интересно отметить, что Ф. Энгельс был знаком с ранним творчеством Шоу, в частности с его романами. Отрицательно относясь к его фабианским взглядам, Энгельс тем не менее признавал писательское дарование Шоу, как это явствует из письма, написанного в 1891 году: «Парадоксальный беллетрист Шоу — как беллетрист очень талантливый и остроумный, но абсолютно ничего не стоящий как экономист и политик, хотя он и честен и не карьерист...»[1] В. И. Ленин, разделявший оценку фабианцев Ф. Энгельсом, также выделял Шоу. Он сказал о нем: «Шоу — честный человек, попавший в компанию фабианцев. Он куда левее всех тех, кто его окружает».[2]

Свои социалистические воззрения Шоу высказывал не только в экономических и политических трактатах, в статьях о литературе и искусстве, но и в художественном творчестве как драматург.

КРИТИК

Активное участие в социалистическом движении не мешало Шоу отдаваться и другим интересам, из которых главным был интерес к искусству. Он изучал его, много размышлял о нем и немало написал по вопросам эстетики, музыки и живописи. Мы уже упоминали о том, что по приезде в Лондон Шоу писал рецензии на концерты, которые печатал за подписью дирижера Ли. Некоторое время спустя, когда Шоу лишился этой работы, он стал художественным критиком, хотя никакой предварительной подготовки для этого не имел. Он говорил, что судить о живописи научился, внимательно рассматривая картины. Затем Шоу устроился в качестве концертного рецензента газеты «Стар» и, по его словам, завоевал славу «музыкального критика, которого больше всех других ненавидели в Европе». Критические суждения Шоу отличались независимостью и резкостью. Для него не существовало никаких авторитетов.

Шоу написал так много статей о музыке, что впоследствии из них составили трехтомное собрание «Музыка в Лондоне. 1890—1894 годы». Кроме того, были опубликованы еще два сборника. Но, пожалуй, наибольшее значение для понимания взглядов Шоу на музыку имеет

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд., т. 38, с. 379.

[2] Артур Рансом. Великий вождь. — В кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 5, с. 206.

его сочинение «Истый вагнерианец», содержащее социальную интерпретацию «Кольца нибелунга» Р. Вагнера.

Большой интерес проявлял Шоу также к драматургии, притом задолго до того, как сам стал писать пьесы. Особенно привлекало его творчество норвежского драматурга Генрика Ибсена. Ибсен сыграл подлинно революционизирующую роль в западной драматургии и театре последней четверти XIX века. Его реалистические драмы произвели огромное впечатление на общество. Реакционеры и консерваторы чествили Ибсена как ниспровергателя морали. Его пьесы с трудом пробивались на сцену. В Англии их тоже долго не ставили, хотя уже существовал хороший литературный перевод, сделанный другом Шоу критиком Уильямом Арчером и его братом. Отметим, между прочим, что Шоу участвовал в любительском спектакле «Норы», где Элеонора Маркс-Эвелинг играла роль героини, а он — Крогстада. В 1890 году Шоу прочитал в Фабианском обществе доклад об Ибсене, который был затем опубликован в расширенном виде под названием «Квинтэссенция ибсенизма» (1891).

Шоу справедливо видел в Ибсене драматурга-новатора. Во второй половине XIX века на сцене господствовала так называемая «хорошо сделанная драма» — драма интриги, носившая либо комический, либо мелодраматический характер. С точки зрения Шоу, такая драматургия не только не отвечала уровню восприятия нормально развитых взрослых людей, но и просто искажала действительность, создавала у людей ложные и вредные иллюзии.

«По сути дела,— утверждал он,— сегодня может считаться интересной только та пьеса, в которой затрагиваются и рассматриваются проблемы, характеры и поступки героев, имеющие непосредственное значение для самой аудитории».[1]

Пьесы Ибсена именно таковы. Но они содержат не только определенные жизненные ситуации и реалистические образы. Персонажи пьес обсуждают важные жизненные вопросы. «Драматургическое новаторство Ибсена и последовавших за ним драматургов состоит, таким образом, в следующем: во-первых, он ввел в пьесу дискуссию и расширил ее права настолько, что, распространившись и вторгшись в действие, она окончательно с ним ассимилировалась. Пьеса и дискуссия практически стали синонимами. Во-вторых, сами зрители включились в число участников драмы, а случаи из их жизни стали сценическими ситуациями».[2]

Характеризуя Ибсена, Шоу, по существу, изложил те творческие принципы, которыми он впоследствии сам руководствовался в своей драматургической деятельности.

---

[1] Бернард Шоу. О драме и театре. М., 1963, с. 67.
[2] Там же, с. 77.

В 1895 году Шоу стал постоянным критиком журнала «Сэтердей Ревью». В течение трех лет он еженедельно публиковал рецензии на спектакли. Они составили три тома — «Наш театр в девяностые годы». Шоу и в последующие годы не раз выступал со статьями и интервью о драме и театре.

Как театральный критик, Шоу боролся за изгнание со сцены пошлой развлекательной драматургии. Однако в число кумиров, которых он стремился ниспровергнуть, попал также и Шекспир. Подобно Льву Толстому, Шоу весьма критически относился к Шекспиру. Он считал, что, обильно представляя зрителю шекспировские пьесы, театры вели определенную политику, препятствуя проникновению на сцену современной драмы, посвященной наболевшим общественным проблемам. В борьбе против этой линии Шоу многое намеренно заострял и преувеличивал, утверждая, например, что Шекспир устарел и его философские, политические и моральные взгляды не могут удовлетворить человека конца XIX века. «Драматургическое творчество веками остается неизменным, изменениям подвергается философия», — заявлял Шоу.[1] Правда, и в Шекспире он видел по-своему замечательного мастера: «Его чудесный талант рассказчика (но сначала он от кого-то другого должен узнать сюжет), совершенное владение языком, восхитительное не только в его необычайных поэтических выражениях, но и в бессмысленных неправильностях, его юмор, понимание сложных странностей человеческого характера, изумительная жизненная энергия, эта, пожалуй, самая истинная и специфическая из всех хороших, плохих и сносных способностей гения, — вот чем он всегда захватывает нас так, что вымышленные им картины и герои, которых он создал, для нас более реальны, чем сама действительность, — по крайней мере до тех пор, пока наше знание реальной жизни, став глубже, не возвысится над всеми общепринятыми представлениями».[2] Шоу высоко ценил также музыку шекспировского слова.

Он признавал, что Шекспир-художник переживет века. Но по мере развития познания искусство, естественно, будет стремиться выразить новые взгляды и представления о жизни. «Какой смысл писать пьесы или создавать фрески, если вы неспособны поведать или показать миру больше, чем поведал нам Шекспир или показали Микеланджело и Рафаэль?»[3]

Была еще одна причина, побуждавшая Шоу бунтовать против всеобщего преклонения перед Шекспиром. Шоу верил в просветительскую роль искусства и полагал, что оно способно не только разъяснить нелепость существующих порядков, но и научить, каким образом

---

[1] Бернард Шоу. О драме и театре, с. 462.
[2] Там же, с. 305.
[3] Там же, с. 462.

можно построить новый мир на более разумных основаниях. Герои Шоу рассуждают и спорят о жизни, как она есть и какою должна стать. Среди причин, мешающих усовершенствованию жизни, по его мнению, особенно важна одна: наличие в человеке не поддающихся разуму страстей. В произведениях же Шекспира действуют именно люди, одержимые страстями; обаяние шекспировской поэзии делает привлекательными и эти страсти, и героев, наделенных ими. Но Шоу хотел, чтобы со сцены звучал голос разума, зовущего человечество к перестройке жизни.

Именно с этой точки зрения судил Шоу о пьесах старых и новых драматургов. Мало кто выдерживал испытание, попав под обстрел его критики. С особенной силой сокрушал он драмоделов, наводнявших театры комедиями интриги и сентиментальными мелодрамами. Шоу осмеял устаревшую романтическую драму и показал идейную слабость своих предшественников – популярных в конце XIX века английских драматургов А. Пинеро и Г. А. Джонса, которые первыми создали проблемные пьесы, но оставались далеко не последовательными в утверждении новых идей. Досталось от него и кумиру буржуазной публики – французскому драматургу Викториену Сарду. Зато он всегда с огромным уважением писал о русских реалистах – Толстом, Горьком, Чехове.[1]

Статьи и рецензии Шоу были написаны в острой, а подчас и резкой форме. Почти все они окрашены своеобразным юмором Шоу. Он сам очень точно определил характер своей критической деятельности: «Люди, которые считают, что мои высказывания суровы и даже злы, должно быть, приписывают мне то, чего я не говорю. Я изо всех сил стараюсь не быть равнодушным, бить по таким злоупотреблениям, которые можно исправить, а не по случайным ошибкам, и по людям сильным и ответственным, не по слабым и беспомощным. И все же проку от моих усилий не много. Но во мне сидит упрямый критик, и всякий раз, когда я расположен проявить добродушие и снисходительность, что было бы по сердцу всем злейшим врагам искусства, – он, этот критик, оказывается совершенно неподкупным».[2]

Шоу-критик боролся за правду в искусстве, за социальную содержательность его, за то, чтобы оно выражало самые передовые взгляды на жизнь.

---

[1] Например, в «Квинтэссенции ибсенизма» (Бернард Шоу. О драме и театре, с. 55), в предисловии к пьесе «Дом, где разбиваются сердца» (там же, с. 512), в статье «Кто же Толстой – трагик или комедиограф?» (там же, с. 520–525).

[2] Бернард Шоу. О драме и театре, с. 245.

В читальном зале Британского музея Шоу часто сидел рядом с критиком Уильямом Арчером. Когда они наконец познакомились, то решили совместно написать пьесу. Арчер должен был сочинить фабулу, а Шоу – диалоги. Шоу действительно написал пьесу, но совсем не ту, какую задумал Арчер.

В то время в Европе развивалось движение за создание театров, свободных от коммерциализма и ставящих правдивые пьесы о жизни. Первым таким театром был парижский Свободный театр Андре Антуана, открытый в 1887 году. В 1891 году английский театральный деятель Т. Грейн основал в Лондоне Независимый театр. В нем шли пьесы драматургов-реалистов, но репертуар театра составляли исключительно произведения иностранных авторов. Шоу решил дать театру свою пьесу для того, чтобы на его сцене появилась и английская драма.

9 декабря 1892 года в Независимом театре состоялась премьера первой пьесы Бернарда Шоу – «Дома вдовца». В ней Шоу обличал буржуазию, добывающую богатства нечестным путем. «Первое представление прошло весьма бурно, – писал Шоу, – социалисты и независимые яростно аплодировали мне из принципа; завсегдатаи премьер неистово освистали меня из тех же побуждений; сам я выступил в уже привычной для меня роли митингового оратора и произнес речь перед занавесом. Газеты добрых две недели обсуждали пьесу... Я не добился успеха, но зато вызвал шум. Это мне так понравилось, что я решил сделать еще одну попытку».[1]

Однако вторая пьеса Шоу – «Сердцеед», написанная в 1893 году, на сцену попала не скоро. Помешали этому как вольнодумные идеи автора, слишком смело трактовавшего проблемы свободной любви, так и отсутствие актеров, которые согласились бы сыграть пьесу. Третья пьеса Шоу – «Профессия миссис Уоррен» была еще более вызывающей – она касалась проституции. Ни один лондонский театр, даже Независимый, не осмелился ее поставить. Впервые в Лондоне она была показана на закрытом спектакле Сценического общества лишь в 1902 году. Публичное представление пьесы было осуществлено сначала в США (1905), а в Лондоне она увидела свет рампы только в 1925 году, после того как обошла сцены всего мира, включая Россию.

Так как театральная цензура и буржуазное общественное мнение препятствовали постановке пьес Шоу, он решил обратиться к читающей публике и в 1898 году выпустил сборник, содержавший три

---

[1] Предисловие Б. Шоу «Главным образом о себе самом».

эти пьесы, под названием «Пьесы неприятные». Он сопроводил сборник предисловием, в котором писал для объяснения названия: «Я использую здесь драматическое действие для того, чтобы заставить читателя призадуматься над некоторыми неприятными фактами. [...] Здесь мы сталкиваемся не только с комедией и трагедией отдельных человеческих характеров и судеб, но, к сожалению, и с социальными язвами, происходящими оттого, что средний доморощенный англичанин, пусть даже вполне порядочный и добрый в частной жизни, представляет собой весьма жалкую фигуру как гражданин: с одной стороны, он требует, чтобы ему совершенно бесплатно водворили на земле Золотой век, с другой стороны, он готов закрыть глаза на самые гнусные безобразия, если для пресечения их надо хотя бы на один пенс повысить те подати и налоги, которые он платит...» Ничуть не смущенный неудачами, Шоу продолжал создавать пьесу за пьесой. В 1894 году он написал комедию «Оружие и человек». Поставленная в том же году, она принесла Шоу первый театральный успех. Когда на премьере Шоу вышел на аплодисменты публики, с галерки зашикал какой-то недовольный. Шоу сразу нашелся. «Дорогой мой, – сказал он, обращаясь к недовольному, – я совершенно согласен с вами, но что мы двое можем поделать против всех остальных?» Однако и эта пьеса еще не привела к утверждению драматургии Шоу на английской сцене. Коммерческие театры не брали его пьес. Охранительная буржуазная критика либо замалчивала их, либо с остервенением бранила. Зато нашлись желающие играть в пьесах Шоу в США. В 1894 году американский актер Ричард Мэнсфилд поставил «Оружие и человек» в Нью-Йорке.

Не попали на сцену «Кандида» (1894), «Избранник судьбы» (1895), «Поживем – увидим» (1895–1897), но зато пьеса «Ученик дьявола» (1896–1897) с большим успехом прошла в Лондоне и впервые принесла Шоу солидный гонорар.

В 1898 году Шоу напечатал второй сборник своих пьес под названием «Пьесы приятные», куда вошли «Оружие и человек», «Кандида», «Избранник судьбы», «Поживем – увидим». Название сборника было обманчивым. Шоу ничуть не смягчил в новых пьесах критику буржуазного общества. Однако элемент развлекательности в них был несколько больший, чем в «Пьесах неприятных». Шоу использовал ряд приемов так называемой «хорошо сделанной драмы», более тщательно разработав интригу, и решился ввести ряд мелодраматических мотивов.

«Ученик дьявола» положил начало новому циклу – «Пьесы для пуритан», куда вошли также «Цезарь и Клеопатра» (1898) и «Обращение капитана Брасбаунда» (1899). Этим сборником Шоу бросал вызов тем, кто считал любовный сюжет обязательным для драмы. Во всех трех пьесах Шоу обошелся без него. Это давало ему основание иронически

провоцировать сборник самым строгим пуританам, требовавшим благопристойности на сцене. Зато Шоу приготовил им другие сюрпризы — сильные заряды критики английских буржуазных порядков.

В 1890-е годы Шоу сформировался как драматург, введя в английский театр совершенно новый тип пьес. Главной заслугой Шоу было создание социальной драмы. В своих пьесах он подвергал беспощадной критике капиталистический строй и смело обличал господствующий класс. В эти годы Шоу в предисловиях к изданиям своих пьес и в статьях обосновал принципы социальной драмы.

«Материалом для драматурга всегда служит какой-нибудь конфликт между человеческими чувствами и внешними факторами,— писал Шоу в 1895 году.— Коль скоро общественные установления относятся к числу таких факторов, то каждая социальная проблема дает материал для драмы. Однако не каждая драма касается социальных проблем, потому что человеческие чувства могут вступать в конфликт и с такими факторами, которые не принадлежат к общественным и не подымают никакой социальной проблемы, а просто составляют удел человека... Старость, как и любовь, смерть, несчастные случаи и индивидуальный характер человека, стоит вне всяких социальных установлений; именно это придает им вечное, общечеловеческое значение, и драма, где все это показывается, не зависит ни от времени, ни от места».[1]

Итак, по определению Шоу, есть два вида драмы: драма социальная и драма, трактующая общие вопросы человеческого бытия. Он сознает, что пьесы второго типа, естественно, долговечнее, тогда как пьеса, построенная на основе социальной проблемы, представляет интерес лишь до тех пор, пока существует эта проблема. И все же в этот период Шоу видит свою задачу в том, чтобы посвятить все силы созданию пьес, имеющих непосредственное значение для современной жизни. «Если люди, куда ни посмотришь, гниют заживо и мрут с голоду, и если ни у кого недостает ни ума, ни сердца забить по этому поводу тревогу, то это должны делать большие писатели. Словом, наши поэты идут по стопам Шелли и становятся политическими и социальными агитаторами, превращая театр в трибуну пропаганды и арену дискуссий [...] Социальные проблемы, требующие своего разрешения, возникают почти ежедневно [...] А чтобы обнаружить всю остроту этих проблем, поэты должны помогать тем немногим, кто борется за общественное дело уже на его начальной стадии, когда единственной наградой им бывают брань и поношения».[2] Шоу в полной мере познал, что такое брань и поношения. Но он неуклонно следовал по избранному пути. В конце концов он достиг

---

[1] Бернард Шоу. О драме и театре, с. 182.
[2] Там же, с. 187—188.

того, что к его мнению стали прислушиваться. Им двигало отнюдь не честолюбие и не стремление к успеху, а желание принести пользу обществу. Именно потому, что он не гнался за успехом, он не шел ни на какие компромиссы с буржуазной публикой и театральными предпринимателями. Совершенствование своего драматургического мастерства – вот единственное, о чем он заботился. Он тщательно отделывает диалоги, придавая им драматическую остроту, пробует различные приемы построения действия и именно художественностью своих пьес привлекает к себе внимание. Правда, смелостью и оригинальностью идей он завоевывает признание лишь прогрессивно настроенных кругов общества. Это не удовлетворяло Шоу, ибо он хотел, чтобы его слушали не только друзья или сочувствующие, но и враги. И добиться этого он мог только своим искусством. Художественная сила его произведений и в особенности его юмор и остроумие преодолели наконец враждебность буржуазной публики и критики.

КЛАССИК

Начало XX века было для Шоу временем, когда к нему после десяти с лишним лет работы на драматургическом поприще пришло признание. Большую роль в этом сыграли изменения в общественной и культурной жизни Англии. Переломным моментом явилась англо-бурская война (1899–1902), крайне обострившая социальные противоречия в Англии. Со смертью королевы Виктории (1901) кончилась эпоха, названная по ее имени «викторианской». Рост рабочего движения внутри страны, появление конкурентов в борьбе за колонии на международной арене положили конец стабильности английского капитализма.

В такой обстановке литература и театр стали смелее, обрели большую критическую остроту. Роман и драма, проникнутые духом критического реализма, завоевывают господствующее положение. Во главе движения за социально-критическое искусство стоял Шоу. Он выдвинулся в число великих писателей-гуманистов, игравших видную роль в духовной жизни всего мира. Теперь он стоял в одном ряду с Львом Толстым, Максимом Горьким, Генриком Ибсеном, Эмилем Золя, Роменом Ролланом, Генрихом и Томасом Маннами.

Хотя общественная атмосфера в целом благоприятствовала новым течениям в литературе, на протяжении 1890-х годов лицо английского театра определяла все же не драматургия Шоу, а развлекательные пьесы.

Признание пришло к Шоу из-за границы. Большую роль сыграл в этом венский журналист Зигфрид Требитч, который перевел пьесы Шоу на немецкий язык. Благодаря ему в 1903 году в Вене поставили «Уче-

ника дьявола», а в Берлине – «Оружие и человек». После этого пьесы Шоу приобретают популярность на всем европейском континенте и в США.

Для того чтобы пьесы Шоу проникли на английскую сцену, нужен был особый театр. Такой театр возник в 1904 году. Его создали молодой актер Харли Гренвил-Баркер и антрепренер Дж. Ведрен. Сняв помещение Корт-тиэтр, они создали труппу для пропаганды передовой реалистической драмы. На сцене театра шли пьесы Ибсена, Гауптмана, Зудермана и Шоу. Драматургия Шоу заняла особенно значительное место в репертуаре театра.

Здесь были поставлены некоторые ранее написанные и уже видевшие свет рампы пьесы: «Кандида», «Поживем – увидим», «Обращение капитана Брасбаунда», а также новые пьесы Шоу – «Человек и сверхчеловек», «Другой остров Джона Булля», «Майор Барбара», «Врач перед дилеммой».

Эти пьесы утвердили положение Шоу как драматурга. Отныне он становится признанным главой новой драмы в Англии. Постановки его пьес были осуществлены под руководством Гренвил-Баркера, который играл в них молодых героев. В женских ролях блистала его жена Лила Маккарти. Хотя Гренвил-Баркер был на двадцать один год моложе Шоу, единство творческих взглядов связало их тесной дружбой. Новые пьесы Шоу не составили единого цикла, так как были очень разнообразны по содержанию и форме. «Человек и сверхчеловек» – философская комедия о новом Дон Жуане. «Другой остров Джона Булля» – политическая драма об Ирландии. «Майор Барбара» – шедевр социальной драматургии. Пьеса «Врач перед дилеммой» посвящена отношению науки и искусства к морали.

Глубокие по содержанию, блестящие по языку и драматургической форме, они свидетельствовали о том, что Шоу-драматург достиг полной зрелости. Теперь театры наперебой добивались права постановки его пьес.

Связь Шоу с театром всегда была очень тесной. Уже в Корт-тиэтр он постоянно руководил репетициями. В дальнейшем он также почти всегда принимал непосредственное участие в подготовке спектаклей по своим произведениям.

Неутомимо работая, Шоу создает одну пьесу за другой. «Разоблачение Бланко Поснета» (1909) Шоу сам определил как «проповедь в форме грубой мелодрамы». «Неравный брак» (1910) и «Первая пьеса Фанни» (1911) посвящены проблеме родителей и детей. «Андрокл и лев» (1911 – 1912) касается вопросов религии и нравственности. «Пигмалион» (1912) трактует тему культуры чисто внешней и культуры внутренней. Кроме того, Шоу написал в эти годы несколько небольших пьес, среди которых особо следует отметить «Смуглую даму сонетов» (1910).

Когда разразилась первая мировая война, Шоу не поддался угару шовинистической пропаганды. В статье «Здравый смысл о войне» (1914) он заявил, что мировая бойня затеяна во имя интересов господствующих классов всех воюющих стран и что английские банкиры и лендлорды нисколько не лучше немецких юнкеров. Он написал в эти годы несколько маленьких пьес-памфлетов: «О'Флаэрти, кавалер креста Виктории» (1915), «Огастес выполняет свой долг» (1916) и «Инка Перусалемский» (1916). Насколько было возможно в военных условиях, Шоу и в этих пьесах проявил критическую направленность ума.

Уже перед войной критика стала поговаривать о том, что талант Шоу скоро иссякнет. Но Шоу опроверг все эти прогнозы, опубликовав драму «Дом, где разбиваются сердца» (1919), а за нею – философскую пенталогию «Назад к Мафусаилу» (1921) и историческую трагедию «Святая Иоанна» (1923). Эти произведения свидетельствовали о новом взлете творчества Шоу. Различные по жанру, они поднимают читателя на такую высоту, с которой видится прошлое, настоящее и вечность; трагедия героизма, побежденного пошлостью и посредственностью («Святая Иоанна»), трагикомедия потери идеалов и смысла жизни в настоящем («Дом, где разбиваются сердца»), трагическое и комическое в космических судьбах человечества («Назад к Мафусаилу»).

В 1925 году шведская Академия присудила Шоу Нобелевскую премию по литературе. Узнав об этом, он пошутил: «Очевидно, премию мне присудили в благодарность за то, что я облегчил в 1925 году положение всего мира, ничего не опубликовав в этот год». Он поблагодарил за честь, но отказался от денег, заявив, что деньги, полагающиеся лауреату, – это «спасательный круг, брошенный пловцу, который уже благополучно добрался до берега». Он предложил использовать эти средства для создания фонда, который финансировал бы издание на английском языке лучших произведений шведской литературы.

После 1923 года Шоу долго не пишет пьес. Он, правда, выступает как публицист, и именно в эти годы создает один из своих капитальных трудов по вопросам экономики и политики – «Руководство по социализму и капитализму для интеллигентных женщин» (1928). Шоу адресовал свою книгу женщинам, ибо считал, что, если удастся убедить в необходимости социализма женщин, они-то сумеют повести за собой мужчин.

Перерыв в драматургической деятельности Шоу длился целых шесть лет. Такого в его жизни еще не бывало. Впрочем, это никого не удивляло: ведь Шоу достиг семидесятилетнего возраста. Казалось естественным, что его творческая энергия иссякла.

Но Шоу опять поразил мир. В 1929 году он написал пьесу «Тележка с яблоками» – острый политический памфлет против буржуазного

фарламентаризма. Начался новый период его творчества, длившийся десятилетие, в течение которого престарелый драматург создал несколько значительных пьес, достойных его дарования, – «Плохо, но правда» (1932), «На мели» (1933), «Простачок с Неждановых островов» (1934), «Миллионерша» (1936), «Женева» (1938), «В золотые дни доброго короля Карла» (1939). Ничто в этих пьесах не говорит о том, что их написал автор, которому было около восьмидесяти лет. Мысли и диалоги в этих произведениях отличаются обычной для Шоу остротой и блеском. Он верен идеалам своей жизни и с прежней убежденностью борется за них. Жгучие общественно-политические проблемы конца 20-х – первой половины 30-х годов получили в них яркое, как всегда у Шоу, парадоксальное отражение: мировой экономический кризис, идейное и духовное разложение буржуазного общества, кризис парламентаризма, бессилие социального реформизма, опасность фашистской угрозы миру.

В 1931 году Шоу посетил СССР, побывал в Москве и Ленинграде, встречался с видными деятелями советского государства и писателями, осматривал заводы и колхозы и отпраздновал в нашей стране свое семидесятипятилетие. По возвращении в Англию он выступал в печати, на собраниях и по радио, опровергая антисоветские вымыслы.

В 1933 году Шоу совершил кругосветное путешествие. Он впервые посетил США, где широко ставились его пьесы.

Во время второй мировой войны Шоу горячо поддерживал антигитлеровскую коалицию. В эти годы он не прекращал и своей творческой работы. Когда ему исполнилось 88 лет, он опубликовал книгу «Политическое что есть что» (1944) – публицистическое произведение, в котором подводил итоги своему социальному опыту и еще раз со всей настойчивостью доказывал, что спасение цивилизации заключается в смене капитализма социализмом.

В 1947 году Шоу написал еще одну большую пьесу – «Миллиарды Бэйнта». В 1949 году она шла в Лондоне ежедневно в течение двух месяцев подряд. В следующем году Шоу закончил «Притчи о далеком будущем» (1948), где осудил атомную войну. Затем он принялся за сочинение небольшой комедии «Почему она отказалась» (1950).

ЧЕЛОВЕК

Высокого роста, худощавый, в молодости рыжеволосый, в пожилые годы седой, Шоу обладал незаурядной внешностью. Даже на фотографиях видно, что он был необыкновенной личностью. Своими ранними статьями, которые он подписывал инициалами G. B. S. – Джи-Би-Эс, Шоу стяжал себе славу ниспровергателя кумиров, сокрушителя авторитетов, человека, не уважающего никого и ничего, крайне самоуверен-

ного, откровенного до наглости, хотя при всем том несомненно остроумного. За ним утвердилась репутация хвастуна, позера, беспощадного насмешника и оригинала, делающего все наоборот. Но сам Шоу не считал себя человеком необыкновенным: «На самом деле я на девяносто пять процентов такой же, как все остальные».[1] Маска забияки Джи-Би-Эс нужна была Шоу сначала просто для того, чтобы привлечь к себе внимание, а потом он увидел, что образ экстравагантного писателя, возникший в представлении публики, позволяет ему высказывать самые неожиданные идеи — ведь от Джи-Би-Эс другого и не ждали. Шоу интересен не только своими произведениями. Есть неотразимая привлекательность в облике этого незаурядного человека. Он любил жизнь, умел радоваться и доставлять радость другим. Он был убежденным врагом пессимизма, хотя отнюдь не закрывал глаза на трагические стороны действительности. Выросший в бедности, Шоу на всю жизнь сохранил скромные привычки и не изменял им даже тогда, когда состояние позволяло ему удовлетворить любые желания.

С двадцати лет Шоу стал вегетарианцем. Он любил шутить, что его задор, боевой дух и энергия объясняются тем, что он питается только растительной пищей. Шоу не пил вина, не курил, увлекался большими пешеходными прогулками, катанием на велосипеде, работой в саду.

О многих великих сатириках говорят, что в жизни они были мрачными людьми. Шоу был безудержно веселым и даже озорным. Он любил дразнить и эпатировать читателей и зрителей. Вместе с тем он обладал душевной глубиной и целеустремленностью. «Просто поразительно, что некоторые люди совершенно не могут понять меня, — говорил Шоу. — А ведь для этого нужны всего лишь умение анализировать, развитое чувство юмора и способность хоть какое-то время посмотреть на вещи с моей точки зрения. Правда, мне доставляет большое удовольствие вызывать переполох. Мне нравится производить пожар и опустошение на моем пути и создавать впечатление, что я ужасный тип. Большинство людей совершенно неспособны разобраться в моих настроениях — когда я шучу, когда серьезен».[2]

Все, знавшие его близко, утверждают, что общаться с ним было необыкновенно приятно. Его ум и острый язык привлекали к нему друзей, почитателей и поклонниц.

В 1892 году у Шоу завязалась длительная переписка с великой актрисой Эллен Терри. После ее смерти в 1928 году переписка была издана. «Эллен Терри и я в девяностые годы обменялись примерно двумястами пятьюдесятью письмами, — писал Шоу. — Какая-нибудь старомодная гувернантка сказала бы, что многие из них страстные любов-

---

[1] A. Henderson, 1911, p. 489.
[2] Ibid., p. 507.

мые послания; однако, хотя от моего до ее дома можно было доехать на извозчике за шиллинг, мы никогда не встречались лично; единственный раз я прикоснулся к ней после премьеры «Обращения капитана Брасбаунда», когда я поцеловал ей руку».[1] В предисловии к изданию их переписки Шоу заметил, что на его вкус «ухаживание на бумаге – самое приятное из всех видов ухаживаний, потому что оно может длиться без конца».

С будущей женой Шоу познакомили его друзья Сидни и Беатриса Уэбб. Шарлотта Пейн-Таунзенд была на год моложе Шоу. Наследница изрядного состояния, она охотно жертвовала деньги прогрессивным организациям, руководствуясь советами Уэббов.

Однажды, катаясь на велосипеде, Шоу сломал ногу, и тогда Шарлотта взяла на себя заботу о лечении и уходе за беспризорным холостяком. Когда она заявила, что ему будет удобнее всего в ее доме, Шоу ответил, что переедет к ней при условии, если они поженятся. Бракосочетание состоялось в 1898 году.

Супруги Шоу поселились в лондонской квартире Шарлотты. Затем они приобрели небольшой участок с домом в глухой деревушке Эйот-Сент-Лоренс, и здесь Шоу прожил вторую половину своей жизни. Когда Шоу однажды спросили, почему он выбрал этот ничем не примечательный уголок Англии, он повел спрашивающего на кладбище и показал надгробный камень, на котором было начертано: «Джейн Эверсли. Родилась в 1815 году. Умерла в 1895 году. Ее жизнь была коротка», и сказал: «Если о женщине, прожившей здесь восемьдесят лет, можно было сказать, что ее жизнь коротка, то этот климат как раз то, что мне нужно».[2]

Шарлотта создала Шоу уют, заботилась о всех его делах. Она любила путешествовать, и Шоу совершил с ней несколько больших заграничных поездок. Они были очень привязаны друг к другу. Их брак был основан на прочной дружбе и взаимопонимании. Заботливый и внимательный, Шоу самоотверженно ухаживал за Шарлоттой, когда она в преклонном возрасте тяжело заболела. Жена Шоу скончалась в Лондоне в 1943 году.

Их семейная идиллия была нарушена только однажды, когда Шоу увлекся красавицей актрисой мисс Патрик Кэмбл. В разгар этого романа Шоу исполнилось пятьдесят семь лет. Интерес Шоу к Патрик Кэмбл имел не только лирический характер. Специально для нее он написал роль Элизы в пьесе «Пигмалион», и она была ее первой исполнительницей. В одном из писем к Патрик Кэмбл, в 1912 году, Шоу в шутливой форме определил свое отношение к актрисе: «Крепко за-

[1] Ellen Terry and Bernard Shaw. A Correspondence. N. Y., 1931. Русский перевод избранных писем в кн.: Джордж Бернард Шоу. Письма. М., 1971, с. 5–104.

[2] A. Henderson, 1911, p. 502.

жмурьте глаза и не смотрите на этого льстивого ирландского лжеца и притворщика... На самом деле он не заботился ни о чем, кроме своей миссии, как он это называет, и своей работы. Только ирландцы могут быть такими обманщиками: одним глазом он обожает вас, а другим рассчитывает извлечь из вас пользу».[1]

Недолгое, но бурное увлечение Шоу в конце концов сменилось дружбой. Памятником этого «театрального романа» писателя осталась его переписка с актрисой.

Заметим, что Шоу был неутомимым корреспондентом и многие его письма уже удалось собрать. Они содержат богатейший материал о взглядах писателя по самым различным вопросам. По стилю они так же остроумны, как и его литературные произведения. 10 сентября 1950 года Шоу, любивший работать в саду, подстригал кусты. Работая, он поскользнулся и при падении сломал бедро. Его немедленно отвезли в больницу. Он мужественно перенес две операции и 4 октября вернулся домой. Однако в результате падения у Шоу обострилась болезнь печени, и 2 ноября 1950 года в возрасте 94 лет Бернард Шоу скончался. По желанию Шоу, прах его был сожжен, а пепел развеян в саду.

МЫСЛИТЕЛЬ

Раньше всего определилось отношение Шоу к религии. Еще юношей он отвернулся от христианского вероучения. В молодости он стал убежденным социалистом и на протяжении всей жизни размышлял о путях преобразования общества. С годами Шоу все больше задумывался над вопросами жизни вообще и над человеческой природой в особенности. Он внимательно следил за современной ему философией и заимствовал из нее многие идеи, существенные для его мировоззрения.

Категорически отвергая пессимизм Шопенгауэра, Шоу, однако, извлек из его философии идею о том, что движущей силой жизни является воля — как индивидуальное качество и как некая общая сила всего жизненного процесса. Шоу не устает показывать в своих пьесах характеры, наделенные сильной волей, и это не просто особенность его персонажей, но художественное отражение определенного философского принципа.

Из этого принципа вытекает целый комплекс идей о сущности жизни и законах ее развития. Шоу не принимает теории Дарвина о происхождении видов, согласно которой выживают наиболее приспособленные, поскольку, по его мнению, наиболее приспособленные — это еще не

[1] Русский перевод писем Шоу к Патрик Кэмбл в кн.: Джордж Бернард Шоу. Письма, с. 168—255.

[illegible] лучшие. А между тем жизнь в процессе эволюции достигла [illegible] высокой ступени развития. Это, как утверждает Шоу, могло произойти [illegible] потому, что, хотя библейского бога нет, но есть некая непознанная [illegible] тем не менее совершенно реальная сила, которая обусловливает [illegible] эволюцию жизни и человечества. Таким образом, в биологии Шоу [illegible] принимает сторону Ламарка против Дарвина, в философии – близок [illegible] концепции Анри Бергсона о существовании жизненной силы, опре[illegible]ляющей творческую эволюцию человека.

Ступень развития, достигнутая человечеством, не удовлетворяет Шоу как в социальном, так и в биологическом отношении. Шоу полагал, что биологическая эволюция человека должна продолжаться, и надо добиться долголетия человека, усовершенствовать его психику, избавив людей от унижающих дурных страстей; эволюция человека, происходящая под воздействием жизненной силы, должна привести к появлению сверхчеловека. Сверхчеловек, по Шоу, будет свободен от пороков и предрассудков, вошедших в плоть и кровь людей классового общества, и под воздействием заключенной в нем жизненной силы станет более совершенным общественным существом.

Свои взгляды Шоу выражал как в публицистической, так и в художественной форме. Наряду с многочисленными социальными драмами он писал и драмы философские. Наиболее значительные из них – «Человек и сверхчеловек» и «Назад к Мафусаилу».

Хотя Шоу был писателем-проповедником, у него не было таких последователей, как, скажем, у Льва Толстого. Даже биограф Шоу А. Гендерсон постоянно спорил со своим кумиром. Он много знал о Шоу, но далеко не всегда понимал его. Марксисты критиковали Шоу как буржуазного писателя, буржуазные критики обвиняют его в слепой приверженности социализму. Материалистам он не нравится своим идеализмом, идеалистам – материализмом. Он не устраивает католиков, но его не принимают в свое лоно и протестанты.

Шоу писал, намеренно стремясь вызвать протест со стороны читателей и зрителей. «Всегда надо преувеличить вашу идею до такой степени, чтобы заставить людей подскочить и прислушаться, а также напугать их так, чтобы они начали действовать, – писал Шоу и признавался: – Я всегда сознательно поступаю так».[1]

Поразить неожиданностью Шоу действительно всегда умел. Но он побуждал не столько к действию, сколько к спору с автором. Помня, что Шоу постоянно преувеличивает, утрирует, выражает свои идеи в крайне парадоксальной форме, мы скорее поймем его, чем если будем понимать все сказанное им буквально.

---

[1] B. Shaw. Everybody's Political What's What. London, 1944, p. 71.

Маркс помог Шоу осознать бесчеловечность капитализма и необходимость замены этого строя социалистическим. Но социализм в представлении Шоу выглядел иначе, чем его понимают теоретики марксизма-ленинизма. Общественно-политические взгляды и этические воззрения писателя сложились на основе различных социалистических учений, по-своему воспринятых и переработанных Шоу.

Человек должен освободиться от ложной морали и создать новую мораль – мораль свободы и равенства. Аморальность, по мнению Шоу, – это угнетение человека человеком, использование любых преимуществ для утверждения своего господства над другими.

Шоу решительно отрицает сентиментальную филантропию, считая, что жалость унижает человека. Он ратует за практическую деятельность, направленную на то, чтобы уничтожить причины, ставящие людей в такое положение, когда они возбуждают жалость.

Люди, задавленные нуждой, лишены и культуры, а следовательно, не обладают данными, необходимыми для того, чтобы заниматься сложными вопросами, важными для судеб человечества. Это идея, типичная для фабианцев. Шоу рано усвоил ее и придерживался на протяжении всей долгой жизни мнения о неспособности масс зрело и обдуманно решать значительные общественные проблемы.

По этой же причине Шоу считал буржуазную демократию фикцией. Хотя массы народа и участвуют в выборах, они не отдают себе ясного отчета, за кого и за что они голосуют. Выбранные народом депутаты проводят совсем не ту политику, которую они обещали проводить. Парламент – говорильня, неспособная осуществить и десятую долю необходимых реформ. Словом, вся махина буржуазного государства совершенно не приспособлена к тому, чтобы служить народным интересам.

Шоу в течение многих лет находился в самой гуще прогрессивных социальных течений Англии и был знаком с социалистическим рабочим движением на континенте. Он изучил все разновидности социалистических учений: «...утопический социализм Томаса Мора, теократический социализм инков, рассуждения Сен-Симона, коммунизм Фурье и Роберта Оуэна, научный социализм Карла Маркса, христианский социализм католика Кингсли и преподобного Ф. Д. Мориса, «Вести ниоткуда» Уильяма Морриса, конституционный социализм Сидни и Беатрисы Уэбб и социализм весьма респектабельного Фабианского общества».[1] Он лично общался с такими деятелями, как Кропоткин, Вильгельм Либкнехт, Степняк-Кравчинский, Гайндман, Уильям Моррис, Бельфорт Бакс и другие.

---

[1] M. D. Coulbourne. The Real Bernard Shaw. N. Y., 1940, p. 174.

Одним словом, Шоу отнюдь не был человеком, лишь издали знакомым с прогрессивными социальными движениями своего времени. Однако, как во всем остальном, он и в социализме занял свою особую позицию. Он стоял на точке зрения уравнительного социализма: после того как средства производства станут общественной собственностью, необходимо создать условия, при которых утвердится «подлинное равенство». Все члены общества обязаны трудиться, и все должны получать равную долю дохода. Он отвергает принцип оплаты по труду, поскольку, по мнению Шоу, невозможно определить долю труда каждого в отдельности.

Предшествующее общественное развитие создало много форм неравенства: неравенство классов, сословий, образования, полов. Только полное равенство в доходах и правах может уничтожить различия в положении людей и дать всем одинаковые возможности. Для Шоу этот идеал был не конечной целью, а исходным моментом. Социалистическим Шоу считал такое общество, в котором осуществлено полное и безоговорочное равенство.

Однако, переходя к вопросу о том, какая политическая система должна соответствовать такой экономической основе общества, Шоу вступает в противоречие с самим собой. Знания и способности людей неравны, поэтому руководить обществом могут лишь наиболее способные. Правительство должно быть выборным, но не по буржуазно-парламентской системе. Люди каждого рода занятий знают, кто из них наиболее приспособлен к руководящей работе. Из их числа и следует формировать выборные органы власти. «Народ должен иметь право выбирать своих вождей и руководителей и проверять правильность своего выбора через промежутки времени, достаточно длительные, чтобы можно было увидеть результаты их деятельности; без этого условия правительство превратится в тиранию, осуществляемую в интересах определенных классов, каст, толп, клик, решающих, кого следует избирать».[1]

Однако Шоу не считал, что все имеют равные права избираться и быть избранными. «Право быть избранным следует ограничить группами лиц, которые в состоянии выдержать особую проверку их мудрости, кругозора, знаний и энергии».[2] Лишь незначительная часть населения может издавать законы и управлять государством. «Правительство должно формироваться из наиболее умных и способных людей. Наряду с этим необходим совещательный орган, состоящий из лиц, выбранных всем населением. Такой орган нужен для того, чтобы народу было где излагать свои жалобы, пожелания и предложения, делать запросы министрам, выражать доверие или недоверие прави-

---

[1] B. Shaw. Everybody's Political What's What, p. 351—352.
[2] Ibid., p. 352.

телям. Словом, такой орган должен служить для связи правительст с народом».[1]

Такой была своеобразная утопическая программа Шоу.

Когда произошла Великая Октябрьская социалистическая революци Бернард Шоу был одним из первых деятелей Запада, кто понял смысл и мировое значение. В массе же своей английские социалист и лидеры тред-юнионов встретили Октябрь с не меньшей враждеб ностью, чем британские капиталисты. Так же отнеслись к Октябр и фабианцы. А вот Шоу на одном собрании Фабианского обществ взял слово и заявил: «Мы социалисты. Дело России – наше дело В знак сочувствия революции Шоу в 1921 году послал В. И. Ленин только что вышедшее издание книги «Назад к Мафусаилу» с над писью: «Николаю Ленину, который один среди государственных дея телей Европы обладает дарованиями, характером и знаниями, необхо димыми человеку на столь ответственном посту, от Бернарда Шоу».[2] В 1921 году он написал для коммунистического журнала «Лейбор Мансли» статью «Диктатура пролетариата», в которой заявил, что безоговорочно поддерживает революционные методы перестройки об щества.

ДРАМА ИДЕЙ

Шоу – замечательный мастер драмы идей. Драматические ситуации и конфликты его пьес важны не столько сами по себе, сколько как повод для обсуждения действующими лицами различных проблем. В «Квинтэссенции ибсенизма» Шоу писал: «Сегодня наши пьесы, в том числе и некоторые мои пьесы, начинаются с дискуссии и кончаются действием, а в других дискуссия от начала до конца переплетается с действием... Пьеса без спора и без предмета спора больше уже не котируется как серьезная драма».[3]

Пьесы Шоу богаты идеями, но в каждой из них есть свой стержень – центральная тема. В «Домах вдовца» – это эксплуатация городской бедноты капиталистами, в «Сердцееде» – так называемая «свободная любовь», в «Профессии миссис Уоррен» – проституция, в пьесе «Оружие и человек» – милитаризм, в «Кандиде» – положение женщины в семье, в «Цезаре и Клеопатре» – политика завоеваний и принципы правления, в «Обращении капитана Брасбаунда» – формальная законность и подлинная нравственность, в «Человеке и сверхчеловеке» – любовь, брак, социализм, капиталистическая цивилизация, в «Другом

---

[1] B. Shaw. Everybody's Political What's What, p. 352.
[2] «Иностранная литература», 1957, № 4, с. 27.
[3] Бернард Шоу. О драме и театре, с. 69.

«Профессии Джона Булля» — отношения англичан и ирландцев, национальный характер, практицизм и романтизм, в «Андрокле и льве» — христианство и религия вообще, в «Назад к Мафусаилу» — эволюция человечества от истоков жизни через современную цивилизацию к самому отдаленному будущему, в «Святой Иоанне» — трагическая судьба великого человека, в «На мели» и «Тележке с яблоками» — буржуазная демократия и парламентаризм, в «Женеве» — фашизм и коммунизм, в пьесе «В золотые дни доброго короля Карла» — политика, наука и искусство. Вокруг центральной темы группируется множество других вопросов и проблем, и можно сказать, что предметом обсуждения персонажей Шоу является вся действительность.

Шоу хотел, чтобы зрителей привлекала «не холостая перестрелка репликами между актерами, не притворная смерть, венчающая сценическую битву, не пара театральных любовников, симулирующих эротический экстаз, и не какие-нибудь там дурачества, именуемые «действием», — а сама глубина пьесы, характеры и поступки сценических героев, которые оживают благодаря искусству драматурга и актеров».[1] Созданные по таким принципам, пьесы Шоу стимулируют мысль. Многое из того, что кажется само собой разумеющимся, после знакомства с его произведениями уже не представляется столь ясным и бесспорным. Писатель ставит вопросы и побуждает зрителя искать на них самостоятельные ответы.

Шоу вводит читателя в стихию мышления. Он показывает, как это увлекательно — мыслить! — и поражает неожиданностью, смелостью своих мыслей. В этом особая прелесть его таланта, именно этим он больше всего и воздействует на читателя и зрителя.

Хотя Шоу — драматург-мыслитель, он все же не профессиональный философ. Он писал не трактаты в драматургической форме, а пьесы, персонажи которых обсуждают различные жизненные вопросы. В пьесе «В золотые дни доброго короля Карла» устами художника Нелера Шоу так раскрывает различие между мышлением ученого и художника: «Этот человек, — с возмущением говорит живописец Нелер о Ньютоне, — смеет спорить со мной, что правильная линия — это прямая линия, и что все, что движется, движется по прямой линии, если только не уклоняется от своего пути под действием какой-нибудь высшей силы. Это, говорит он, первый закон движения...» В противовес этому Нелер утверждает: «Правильная линия, линия красоты — кривая. Моя рука никогда не проведет прямой линии. Вы не станете отрицать, что ваша герцогиня, здесь присутствующая, так же славится своей красотой, как Психея божественного Рафаэля? Так вот — в ней нет ни одной прямой линии. Она вся состоит из кривых... Нет такой линии, проведенной всевышним, начиная с радуги на небе и кончая раковиной, которую тащит на себе

[1] Бернард Шоу. О драме и театре, с. 68.

улитка, – нет такой линии, которая не была бы кривой, кривой красоты... Движение по кривой – основной закон природы...»
В этих словах – ключ к пониманию Шоу. Его мысль редко движется по прямой. Она все время уклоняется в разные стороны, чтобы захватить в свою орбиту как можно больше разных явлений жизни. Она течет по кривой, и читателю надо поспевать за изгибами причудливого мышления Шоу.

ПАРАДОКС

Гротескное изображение действительности в пьесах Шоу объясняется не желанием автора смеяться во что бы то ни стало, а пороками самой действительности. Вместо того чтобы расценивать эти пороки как трагедию, Шоу обнажал нелепость порядков, созданных классовым обществом, восставал против общепринятой морали. Его основным оружием в этой борьбе был парадокс, то есть мнение, расходящееся с тем, что считается само собой разумеющимся.
Собрание таких парадоксов Шоу приложил к своей пьесе «Человек и сверхчеловек». Вот несколько образцов такого рода изречений: «Не поступай с другими так, как тебе хотелось бы, чтобы они поступали с тобой. У них могут быть другие вкусы.
Никогда не сопротивляйся искушению. Испробуй все и крепко держись за то, что окажется хорошим.
Не люби ближнего как самого себя. Это наглость, если ты собой доволен, и оскорбление, если недоволен».
В речах персонажей Бернарда Шоу много подобных парадоксов. На первый взгляд они кажутся странными, а потом, когда вдумаешься, обнаруживаешь, что они больше выражают истину, чем многие ходячие, общепринятые мнения.
Шоу не ограничивается тем, что наделяет своих героев остроумием. Само действие его пьес обычно основано на парадоксальных ситуациях. В «Домах вдовца» выясняется, что респектабельные буржуа живут на доходы, получаемые из самых нечистых источников. В «Ученике дьявола» священник становится бунтарем, а безбожник совершает акт христианского самопожертвования, идя на смерть за другого. Законники творят беззакония, преступники – добро, бесчестные люди совершают благородные поступки, умные делают глупости, а устами глупцов говорит мудрость – все это в изобилии встречается в пьесах Шоу. Острые драматические ситуации, построенные таким образом, придают пьесам Шоу особый интерес.
Каждая пьеса Шоу несет печать его неповторимой индивидуальности. И каждая обладает глубоким внутренним единством, проистекающим именно из богатой индивидуальности писателя. Пьесы Шоу – не плоды творчества холодного ума. Всякий, читающий Шоу, оказывается за-

[illegible] содержанием его пьес. Они волнуют, и это волнение возникает оттого, что нам передается страсть автора. Что это за страсть, объясняет сам Шоу, сказав, что «интеллект, в сущности, — страсть [illegible] это стремление к познанию намного интереснее и устойчивее, чем [illegible] эротическое стремление мужчины к женщине, которое в ранние годы моего творчества считалось единственно занимательной темой, делающей пьесы пригодными для театра».[1]

У Шоу даже любовь обретает интерес и драматическое значение только тогда, когда она ставит героев перед проблемой, важной для решения вопроса об отношениях между полами вообще. В конфликтах такого рода персонажи состязаются, может быть, не столько в чувствах, сколько в идеях. Показательно, как в «Кандиде» Марчбэнкс и Морелл, каждый по-своему, обосновывают, почему героиня должна быть с ним, а не с другим. Любовь становится предметом диспута, а индивидуальность персонажей отчетливее обнаруживается в том, как они понимают любовь и брак.

ЖАНРЫ ДРАМАТУРГИИ

Диапазон драматургического творчества Шоу огромен. Он исчерпал почти все жанры драмы, начиная с трагедии и кончая фарсом. Впрочем, границ между жанрами он никогда не проводил. «Святая Иоанна» — трагедия. Однако в пьесе много обычных для Шоу юмористических сцен и шуток. «Врач перед дилеммой», «Дом, где разбиваются сердца» граничат с трагедией. «Дома вдовца», «Профессия миссис Уоррен», «Кандида» — драмы. В «Ученике дьявола» Шоу воспользовался приемами мелодрамы со всеми присущими ей эффектами, но и этот жанр подчинил своей манере, наполнив пьесу сарказмом, парадоксами, сатирой и юмором. «Назад к Мафусаилу» — философская драма такого же космического масштаба, как «Фауст» Гете, и «Пер Гюнт» Ибсена, но и в ней Шоу сочетает серьезные проблемы с юмористическими ситуациями.

Комическое начало присутствует во всех произведениях Шоу, включая и те, которые полны трагизма и серьезных проблем. Поэтому неудивительно, что он был особенно плодовит в комедии. Есть у него комедии семейно-бытовые («Женитьба», «Неравный брак» и др.), комедии политические («Тележка с яблоками», «На мели»), эксцентрические пьесы или, как их называл сам Шоу, «экстраваганцы» («Плохо, но прилично»), «высокая комедия» («Пигмалион», «Оружие и человек»), фарсы, комические сценки.

Шоу никогда не подчинял свои пьесы какой-нибудь строгой системе построения драмы. Он мог посвятить первые два акта одной группе

---

[1] Бернард Шоу. О драме и театре, с. 554.

персонажей, например Тренчу и Бланш в «Домах вдовца», а в третьем акте перенести центр тяжести на совершенно новую фигуру — Ликчиза. В «Плохо, но правда» начало имеет фантастический характер, а затем действие переносится в реальную обстановку.

Логика драматургической композиции в основном определяется у Шоу логикой его идей, а не фабульными элементами. Однако неверно думать, будто построение пьес Шоу хаотично. Просто у Шоу свое представление об основах драматургии, во многом расходящееся с общепринятыми представлениями о «законах драмы».

Драматургическая техника Шоу неоднородна в разных пьесах, но общим для всей его драматургии является стремление перебросить со сцены мост к действительности, побудить зрителей соотнести увиденное и услышанное в театре со своей жизнью и с окружающим обществом.

ХАРАКТЕРЫ

Среди критиков распространено мнение, что центральные персонажи пьес Шоу похожи на него самого. Это мнение — оборотная сторона важнейшего из достоинств писателя — его мастерского владения речью. Действительно, в реальной жизни редко можно встретить людей, беседующих между собой так умно и остроумно, столь блестяще владеющих искусством эпиграммы, афоризма и парадокса, как в пьесах Шоу. Поэтому на первый взгляд персонажи его кажутся похожими друг на друга. Но только на первый взгляд.

Объясняя принципы своего драматургического творчества, Шоу говорил: «Я всегда следовал классической традиции и считал, что драматурги должны создавать характеры таких людей, которые наделены способностью глубоко понимать самих себя и выражать то, что они думают и чувствуют, [...] людей, внутренне свободных от всякой скованности, — черты эти в действительной жизни превратили бы их в исключительных гениев. Умение создавать такие характеры отличает меня (и Шекспира) от граммофона и фотографической камеры».[1]

Главные персонажи Шоу каждый по-своему понимают окружающую жизнь. Они выше уровня обычных людей. Некоторые из них выражают гениальные мысли. Иначе говоря, перед нами не люди, встречающиеся повседневно, а художественные образы людей, в которых, как и у персонажей Шекспира, с необыкновенной выразительностью воплощены существеннейшие черты человеческой натуры. Каждый из них — личность в подлинном смысле слова.

Различие между персонажами Шекспира и Шоу в том, что герои первого преимущественно люди чувства, страстей, тогда как герои

[1] Бернард Шоу. О драме и театре, с. 554.

чаще всего люди разума или рассудка. Однако Шоу отвергал миф о сухом рационализме — собственном и своих героев. «К тому времени, как я начал писать пьесы, я оставил рационализм далеко позади, а то, что в моих пьесах ошибочно принимали за него, было ярким проявлением способности мыслить, которую я развил в себе как социолог и экономист. Поэтому я мог размышлять о своих проблемах, от которых большинство наших писателей искало убежища в сентиментальности».[1]

Герои Шоу вовсе не лишены способности чувствовать, у них есть свои страсти, ничто человеческое им не чуждо — они любят, ненавидят, радуются и страшатся, надеются и впадают в отчаяние. Словом, у них можно найти всю гамму человеческих эмоций. Характеры, созданные Шоу, как правило, острооригинальны. В этом отношении они несут на себе отблеск личности автора. О них безусловно можно сказать, что в большинстве они умны, — иначе как же могли бы они вести те споры, которые составляют содержание драм? Как настоящий драматург, Шоу не дает своим героям легких побед в их дискуссиях с противниками. Спорщики умны, независимо от того, какой точки зрения они придерживаются. В пьесах Шоу далеко не всегда есть герои, о которых можно смело сказать, что именно они выражают взгляды автора. Нередко Шоу дает лучшие аргументы персонажам, которых мы назвали бы отрицательными, и оставляет их мнения без опровержения.

Вообще традиционное деление на положительных и отрицательных персонажей неприменимо к героям Шоу. «В новых пьесах, — объяснял он, — драматический конфликт строится не вокруг вульгарных склонностей человека, его жадности или щедрости, обиды и честолюбия, недоразумений и случайностей и всего прочего, что само по себе не порождает моральных проблем, а вокруг столкновения различных идеалов. Конфликт этот идет не между правыми и виноватыми: злодей здесь может быть совестлив, как и герой, если не больше. По сути дела, проблема, делающая пьесу интересной (когда она действительно интересна), заключается в выяснении, кто же здесь герой, а кто злодей. Иначе говоря, здесь нет ни злодеев, ни героев».[2]

Героев Шоу отличает друг от друга как характер, так и образ мыслей. Возьмем одну из самых знаменитых пьес Шоу — «Профессия миссис Уоррен». Крофтс и миссис Уоррен оба одинаково безнравственны в своей жизненной практике. Но миссис Уоррен толкнула на путь безнравственности нужда. В душе она хотела бы остаться чистой, она воспитывает дочь для честной, красивой жизни. Иное дело ее компаньон Крофтс. Он откровенный циник, который не верит в воз-

[1] Бернард Шоу. О драме и театре, с. 553—554.
[2] Там же, с. 70.

можность жить честно. Виви совсем непохожа на мать. Миссис Уоррен при всей порочности ее прошлого образа жизни несколько сентиментальна. Вообще она несравненно эмоциональнее дочери. Виви рассудительна, не склонна к компромиссам и уж тем более не способна примириться с житейской грязью.

В каждом из этих трех персонажей много индивидуальных черт. Более того, если Шоу и можно в чем-то упрекнуть, то не в отсутствии индивидуализации, а, скорее, в чрезмерной контрастности персонажей. Шоу любит противопоставлять силу и слабость, моральность и порочность, активность и бездействие.

У Шоу встречаются персонажи, которые, несомненно, ближе ему, чем другие. В речах Джона Таннера («Человек и сверхчеловек»), Ричарда Даджена («Ученик дьявола»), Юлия Цезаря («Цезарь и Клеопатра») угадываются мысли самого Шоу, а капитан Шотовер («Дом, где разбиваются сердца») кажется просто автопортретом Шоу. Но было бы ошибочно отождествлять персонаж с автором, даже когда герой выражает мысли, дорогие писателю.

Создавая характеры, являющиеся носителями идей, близких ему, Шоу ни в коей мере не идеализирует их. У него нет героев в точном смысле слова. Каждого такого героя писатель наделяет либо смешными чертами и слабостями, либо безрассудством. У них обязательно есть недостатки, и именно это препятствует превращению их в ходячих провозвестников новых идей.

Значительную группу представляют в пьесах Шоу персонажи, являющиеся живыми носителями социального зла: Сарториус («Дома вдовца»), Андершафт («Майор Барбара»), Кошон («Святая Иоанна») и многие другие. Они умны и рассудительны, но их ум извращен, потому что направлен на доказательство неизбежности социального зла. По-своему они логичны, но их логика почти в буквальном смысле железная: она лишена человечности, и ее цель – оправдание выгоды, извлекаемой из человеческих слабостей и пороков. Сарториус доказывает необходимость существования трущоб для бедноты, Крофтс и миссис Уоррен – пользу проституции, но, пожалуй, самое разительное проявление этой бесчеловечной логики – речь Кошона, «доказывающего», что Жанну д'Арк необходимо казнить для общего блага! Но у Шоу есть не только умно рассуждающие персонажи. Комедии нужны простаки и дурачки, на которых оттачивается остроумие героев и которые служат у Шоу преимущественно для выявления предрассудков и заблуждений, тупости и ограниченности, встречающихся в любой среде – у аристократов, буржуа и в непривилегированных слоях общества. Таковы, например, обыватели американского городка – родня «ученика дьявола» Ричарда Даджена – высокомерный шалопай Стивен («Майор Барбара»), сухой формалист-законник сэр Хауард («Обращение капитана Брасбаунда»). Шоу создал целую галерею

[illegible] персонажей, в которых воплощены худшие стороны человеческой [illegible], и против них он борется оружием смеха.

С большим юмором Шоу изображает всякого рода отщепенцев и [illegible], к которым он относится без морального предубеждения. В том же их Бланко Поснет, который оказывается в тысячу раз более [illegible] человеком, чем осуждающие его обыватели. Нельзя не вспомнить и Дулитла («Пигмалион»), пьяницу, распутника, вымогателя, который, однако, благодаря своему своеобразному юмору, так же обаятелен, как Фальстаф.

Женские характеры были одной из самых больших новаций в драматургии Шоу, и прежде всего потому, что они — в самом деле характеры. В драматургии XIX века преобладала романтическая идеализация женщины, допускавшая две крайности — либо слабая, нежная страдалица и жертва, либо волевая, страстная героиня. Натуралистическая драматургия сохраняла эти два типа, снизив их, однако, до бытового уровня.

У Шоу женщина перестает быть жертвой и страдалицей. Его героини (мы называем их так условно) не только равны мужчинам, но часто превосходят их умом, волей, душевной силой. В своих пьесах Шоу осуществил то, чего еще не было в действительности, — эмансипацию женщины. Леди Сесили («Обращение капитана Брасбаунда»), Кандида, Энн («Человек и сверхчеловек»), Жанна д'Арк — можно долго перечислять обаятельные женские образы, созданные Шоу. Они обрисованы как полноценные личности, наделенные умом, сердцем, красотой, жизнелюбием и — для Шоу это едва ли не главное — лучшим пониманием жизни, более верным сознанием истины и справедливости, чем мужчины.

Создавая таких героинь, Шоу иногда вовсе лишал их недостатков. И чем можно упрекнуть леди Сесили или Кандиду? Они воплощение такта, чуткости, ума и душевности. Они могут доказать свою правоту не хуже мужчин, и их отличает также женское умение добиться своего.

При всей своей женственности некоторые героини Шоу явственно обнаруживают типичные черты, присущие людям определенного социального положения. В «Цезаре и Клеопатре», например, юная египетская царица воплощает все пороки самодержавных властителей, пробуждающиеся в ней инстинктивно, вопреки поучениям Цезаря, — в изображении Шоу многоопытного и умудренного властителя. Шоу, кажется, исчерпал все типы женского характера, показав самые разные степени и сочетания благородного и дурного.

Духовный кризис, вызванный первой мировой войной и последующим хаосом, породил в творчестве Шоу новый тип женщины — разочарованной, скептичной, как леди Эттеруорд («Дом, где разбиваются сердца»), и девушки, лишенной идеалов, Элли (там же). Но нельзя

забывать, что, хотя уже после этого Шоу и находит в женской половине человеческого рода типы отрицательные, все же в целом его пьесы — это прославление новой женщины, ее духовной красоты и человеческого величия.

В заключение напомним, что действующие лица пьес Шоу не только носители определенных взглядов и мнений; они живые, хотя часто и необыкновенные люди.

РОМАНТИКА ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ

Шоу признавался, что в молодости отдал дань увлечению романтикой. Он навсегда остался восхищенным поклонником поэзии революционных романтиков Блейка и Шелли. Но жизнь (как мы знаем) рано разрушила для Шоу очарование сказочного романтического мира. «Романтика, я думаю, — писал он, — всегда плод ennui,[1] попытка ускользнуть от реальной жизни, которая кажется пустой, прозаичной и скучной, иными словами, плод аристократизма. Человека, телом и духом участвующего в схватке с реальной жизнью, не прельстишь раем глупцов».[2]

Шоу ратовал за искусство, опирающееся на реальную действительность. «...Я не оригинальный писатель и поэтому вынужден брать весь материал для своей драмы либо прямо из действительности, либо из документов»,[3] — заявил Шоу еще в начале своей деятельности. В его время, да и не только в его, наряду с реалистической драмой существовала драма натуралистическая, лишь прикрывавшаяся внешней схожестью с жизнью, но на самом деле далекая от реальности. В каждую эпоху театр вырабатывает некое условное сценическое изображение действительности, которое какой-то частью публики считается верным изображением жизни. Так было, в частности, в Англии конца XIX века. Врагом реализма была не только ложная романтика, но и эта псевдореалистическая драма. «Итак, — писал Шоу о театре конца 1890-х годов, — мы имеем дело с двумя видами действительности: субъективной, или сценической, и объективной, или реальной... Сценическая действительность отличается искусственной простотой и доступна пониманию массы зрителей, но она крайне избита, а чувства в ней условны; она не будит мысль, потому что все выводы в ней подготовлены; она постоянно вступает в противоречие со знанием подлинной жизни, которое каждый отдельный зритель черпает из своих повседневных занятий. Поэтому, например, мелодрама из жизни воен-

---

[1] Скука, пресыщение, апатия *(франц.)*.

[2] Бернард Шоу. О драме и театре, с. 399.

[3] Там же, с. 94.

ных или моряков хорошо принимается только штатской публикой. С другой стороны, даже проницательным наблюдателям так трудно понять реальную жизнь, что им не удается обнаружить в ней никакой последовательности: здесь нет «естественной справедливости», которая соответствовала бы простому и утешительному для нас понятию «поэтической справедливости», а есть нечто невообразимое. Но зато она достоверна, она волнует, будит мысль, она разнообразна, свободна от догм и систем, — короче говоря, она настоящая».[1]

Шоу добавлял, что, как и ложная романтика, «сценическая действительность существует для тех, кто не может смотреть фактам в лицо...»[2] Как же понимал Шоу реализм? Отнюдь не как простое копирование действительности. «Если вы видите жизнь только такой, какой она является вам, она покажется на редкость бессмысленной шуткой. Это все равно, что пройтись с киноаппаратом по Стрэнду или Пикадилли,[3] крутя беспрестанно ручку, а затем продемонстрировать полученный фильм и сказать: «Вот какова жизнь, вот каковы вокруг нас люди». Но у одних людей — трагическая судьба, а с другими происходят комические истории: одни переполнены радостью, потому что влюблены, другие помышляют о самоубийстве, ибо разочарованы в любви. Все это так удивительно. А посмотрев фильм, вы скажете: „Да я ничего не вижу здесь, кроме толпы людей, бессмысленно снующих взад и вперед“».[4]

Отвергая описательство, фотографическое воспроизведение действительности, Шоу стоял за драматургию, помогающую осмыслить реальность. Драма, говорил он, «берет это бессмысленное и беспорядочное зрелище жизни, которое ничего для вас не значит, и вносит в него разумный порядок и организует все так, чтобы заставить вас думать обо всем гораздо глубже, чем вы когда-либо мечтали думать об известных вам реальных происшествиях, которые вам случалось видеть. Вот что такое драма, вот в чем ее огромная общественная миссия».[5]

ЕРЕТИК

С самого начала своей деятельности Шоу избрал вызывающую манеру обращения к читателям и зрителям. Это естественно, ибо он хотел заставить их пересмотреть укоренившиеся взгляды, подвести их к мысли о необходимости полного изменения всего строя жизни, созданного предшествующим развитием классового общества. Понятно поэтому,

---

[1] Бернард Шоу. О драме и театре, с. 95.
[2] Там же.
[3] Улицы в центре Лондона.
[4] Бернард Шоу. О драме и театре, с. 565.
[5] Там же, с. 566.

что его идеи встречали враждебное отношение у сторонников буржуазных порядков. Но многие положения Шоу вызывали и вызывают критику также и со стороны марксистов.

Почти невозможно встретить людей, которые полностью разделяли бы взгляды Шоу. В лучшем случае их разделяют частично. Получается парадоксальное положение: Шоу значителен как величайший драматург-мыслитель нашего времени, но именно с его идеями люди нечасто склонны соглашаться. Такое положение определяется тем, как понимал Шоу назначение театра и писателя-драматурга.

Не успокаивать, не утешать стремился он своими произведениями, а, наоборот, вывести людей из спокойного состояния. «„Театр не должен доставлять удовольствия, – полемически заявлял Шоу. – Он нарушает свое назначение, если не выводит вас из себя... Назначение театра в том, чтобы возбуждать людей, заставлять их думать, страдать". Он считал свою задачу выполненной, если после представления его пьес люди уходили из театра разгневанными, потому что он заставил их думать, вызвал у них протест и родил в них чувство стыда за самих себя». [1]

Очень верно раскрыла стратегию Шоу-драматурга советская исследовательница Н. Дьяконова, которая писала: «Он хотел только одного: вывести слушателей из состояния равнодушия и покоя. И всегда добивался своего: парадоксально заостренной аргументацией он будил внимание, заставлял прислушаться самых безразличных и, вызывая в них чуждый им полемический жар, доводил до их сознания свою основную мысль».[2]

Шоу был смелым и оригинальным мыслителем, умевшим по-новому увидеть привычные вещи. Он замечал противоречия и несоответствия там, где большинству все представлялось нормальным. Парадоксальная форма, таким образом, находилась в органическом единстве с необычными взглядами Шоу, подвергавшего критическому сомнению основы существующего социального строя и его идеологию.

Когда в 1909 году цензура запретила представление пьесы Шоу «Разоблачение Бланко Поснета» на том основании, что она оскорбляет религию, Шоу в ответ очень точно определил характер своей драматургической деятельности: «Я не принадлежу к тем обыкновенным драматургам, которые подвизаются в этом виде деятельности. Моя специальность – безнравственные и еретические пьесы. Моя репутация основана на том, что я упорно борюсь, чтобы заставить публику пересмотреть свои взгляды на мораль. В частности, я считаю, что общепринятая мораль в экономике и половых отношениях губительно

---

[1] A. Henderson, 1911, p. 275.

[2] Н. Дьяконова. История и современность в драматургии Б. Шоу. – В кн.: Литература и эстетика. Л., 1960, с. 281.

[illegible], я считаю, что некоторые доктрины христианской религии, [illegible] их понимают в современной Англии, отвратительны. Я пишу [illegible] с твердым намерением привить всей нации мои мнения по этим [illegible]просам. Другого побуждения к писанию пьес у меня нет...»[1]

Что представляли собой ереси Шоу, он сам хорошо объяснил: «Все, [illegible]противоречащее установленным нравам и обычаям, считается амо[illegible]ральным. Аморальный поступок или мнение отнюдь не обязательно [illegible]порочны. Наоборот, каждый шаг вперед в развитии мысли и нравов [illegible]считается аморальным, пока он не получил признания большинства. Поэтому исключительно важно ревностно защищать аморальность от [illegible]падок тех, кто имеет только одно мерило – обычай и кто считает [illegible]любую критику обычаев нападением на основы общества, на религию [illegible] на добродетель».[2]

Критические мысли – это те мысли, которые обогнали уровень сознания рядового человека, находящегося во власти общепризнанных предрассудков. Шоу ратовал за такие общественные условия, когда люди будут иметь возможность пересматривать устаревшие жизненные нормы, порядки, обычаи и нравственные понятия. Он стоял за то, чтобы предоставить другим людям поступать так, как они хотят, если только их свобода не наносит вам ущерба, а лишь потрясает ваши чувства и предрассудки».[3]

Для буржуазного общества, для всякого строя, основанного на гнете, неравенстве и несправедливости, Шоу – еретик. Для людей, борющихся за лучшее будущее человечества, он – передовой мыслитель, писатель-гуманист.

Шоу – социалист, безоговорочно осудивший капиталистический строй. Его произведения – это сатирическая энциклопедия буржуазного общества. Сильнейшую сторону его дарования составляла способность критического отношения к действительности. Но это ни в коей мере не означало отсутствия положительных убеждений. «Я отнюдь не циник, – заявил Шоу, – ибо циник не верит в то, что человек по своей природе хорош. И я не пессимист, ибо пессимист это тот, кто разуверился в человеческих добродетелях и в ценности жизни.

Жить стоит ради самой жизни и ради достижения всеобщего благополучия человечества. Широко распространенное мнение, будто проницательные критики являются убежденными циниками, ошибочно. Успехом моей критики я обязан отнюдь не цинизму, а силе пытливого анализа».[4]

Таким образом, у Шоу были благородные идеалы, которые служили отправным моментом для его критики пороков частной и общественной

---

[1] «Разоблачение Бланко Поснета». Предисловие Б. Шоу.
[2] Там же.
[3] Бернард Шоу. О драме и театре, с. 52.
[4] A. Henderson, 1911, p. 508.

жизни. Как художник-мыслитель он старался показать, какою должна стать жизнь, отвечающая природе человека, его стремлению к свободе и совершенствованию, отвечающая высшим требованиям разума и справедливости. Любовь к людям и к жизни составляла пафос всей его деятельности. «Я считаю,— говорил он,— что моя жизнь принадлежит всему обществу, и пока я живу, я должен сделать для него все, что могу. Прежде, чем я умру, я хочу полностью исчерпать свои силы, и чем больше я работаю, тем дольше буду жить. Я люблю жизнь ради нее самой. Жизнь для меня не «маленький огарок»,[1] а яркий факел, который мне дали подержать некоторое время; и я хочу, чтобы в моих руках он разгорелся как можно ярче до того, как я передам его грядущим поколениям».[2]

А. АНИКСТ

---

[1] У. Шекспир. Макбет (акт V, сц. 5).
[2] A. Henderson, 1911, p. 512.

Пьесы неприятные

ДОМА ВДОВЦА

СЕРДЦЕЕД

ПРОФЕССИЯ МИССИС УОРРЕН

Plays Unpleasant

ПРЕДИСЛОВИЕ ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ О СЕБЕ САМОМ

Есть старинная поговорка, что если человек не влюблялся до сорока лет, то лучше ему не влюбляться и после. Я давно заметил, что это правило приложимо не только к любви, но и ко многим другим вещам — например, к сочинению пьес,— и записал себе на память, что если я до сорока лет не напишу по меньшей мере пяти пьес, то лучше мне совсем не браться за драматургию. Однако выполнить это условие было не так-то просто. Не то чтобы у меня отсутствовало дарование драматурга, напротив, только собственная моя лень могла положить предел моей способности вызывать к жизни воображаемые персонажи в воображаемой обстановке и находить предлоги для эффектных сцен между ними. Но для того чтобы при помощи этого странного дара зарабатывать себе на хлеб, надо было вызывать к жизни такие персонажи и в такой обстановке, чтобы они представляли интерес не для меня одного, а по меньшей мере для ста тысяч моих современников — посетителей лондонских театров. Выполнить это требование было свыше моих сил. Я не любил ходового искусства, не уважал ходовой морали, не верил в ходовую религию и не преклонялся перед ходовыми добродетелями. Я был ирландцем, стало быть, у меня неоткуда было взяться патриотическим чувствам ни к той стране, которую я покинул, ни к той, которая ее разорила. Будучи человеком гуманным, я питал отвращение к убийству и насилию, где бы с ними ни сталкивался — на войне, спортивном поле или в лавке мясника. Как социалист, я ненавидел современную анархическую погоню за деньгами и считал, что равноправие — это единственная прочная основа для общественного устройства, для порядка, законности, добрых нравов и отбора на высокие должности людей, действительно к ним пригодных. Светскую жизнь, доступ к которой широко открыт для блестящих бездельников, я находил невыносимо скучной, не говоря уж о том, что опасался ее разлагающего влияния на мой характер, столь нуждающийся в дисциплине. Я не был ни скептиком, ни циником в этих вопросах; просто я смотрел на жизнь иначе, чем средний респектабельный англичанин, а так как удовольствия я получал от нее неизмеримо больше — главным образом, от таких занятий, которые его повергли бы в глубочайшее уныние,— то это расхождение во взглядах меня мало тревожило.

Судите же сами, были ли у меня шансы написать пьесу, которая понравилась бы публике. В юности я пытался проникнуть в литературу в качестве автора романов и действительно состряпал пять предлинных произведений этого рода и получил два или три поощрительных отзыва от самых солидных английских и американских издательств,— одновременно с их категорическим отказом рисковать ради меня своим капиталом. Но ведь всякий знает, что нет такого плохого романа, который не выгодно было бы издать, если только это вообще роман, а не окончательная бессмыслица. Другое дело, что бывают чересчур хорошие романы, и те, правда, невыгодно издавать, но мне кажется, что в данном случае такие опасения были бы неуместны. Я мог бы, конечно, утешить себя словами Уотли: «Эти дураки не знают своего собственного дурацкого ремесла»,— ибо, когда мои детища нашли, наконец, дорогу в типографию и заполнили пустоты на страницах социалистических журналов, содержащихся на средства их щедрых друзей, одно или два из этих произведений все же пустили корни, жидкие и неглубокие, как у сорной травы, и до сих пор еще временами подвертываются мне под ноги.

Но как раз в это время я узнал кое-что новое о самом себе, и это убедило меня в том, что издатели были совершенно правы с коммерческой точки зрения. Узнал я это от одного приятеля, врача по глазным болезням. Как-то раз он осмотрел мои глаза и объявил, что я для него не представляю никакого интереса, так как у меня нормальное зрение. Я, конечно, понял это в том смысле, что у меня такое же зрение, как у всех людей; но он возразил, что я говорю парадоксы: нормальное зрение, то есть способность видеть точно и ясно, величайшая редкость; им обладают всего каких-нибудь десять процентов человечества, тогда как остальные девяносто процентов видят ненормально, и я, стало быть, представляю собой отнюдь не правило, а редкое и счастливое исключение. Тут-то я, наконец, и понял причину моих неудач на литературном поприще: мое духовное зрение, так же как телесное, было «нормально» — я видел все не так, как другие люди, и притом лучше, чем они.

Это открытие произвело на меня большое впечатление. Сперва я решил так: ну что ж, буду продавать свои произведения тем десяти процентам, которые видят, как я, и этим зарабатывать на жизнь; но уже минутное размышление убедило меня в неосновательности таких надежд: очевидно, эти десять процентов так же бедны, как и я, и все мы навряд ли разбогатеем, если будем, так сказать, обслуживать друг друга.

Как добыть себе хлеб насущный литературным трудом, по-прежнему оставалось для меня проблемой. Будь я обыкновенным англичанином, практическим, здравомыслящим и превыше всего ценящим деньги, все разрешилось бы очень просто: я надел бы ненормальные очки и исказил бы свое зрение в угоду всеобщности процентам, от которых зависел сбыт моих книг. Но я был до такой степени доволен своим превосходством, я так гордился своей ненормальной нормальностью, что мне даже в голову не приходило прибегнуть к лицемерию. Лучше жить на один фунт в неделю и смотреть прямо, чем иметь миллион и видеть все вкривь и вкось. Вопрос был в том, как добыть этот фунт в неделю. Но теперь, когда я бросил писать романы, это не составляло труда. Каждый деспот, чтобы сохранить душевное здоровье, должен иметь хотя бы одного непокорного подданного. Даже Людовик XI терпел своего исповедника, который отстаивал небесного владыку против владык земных. Демократия отняла скипетр у деспотов и вручила его суверенному народу; но и у этого нового владыки есть свой исповедник, а именно — критика. Критика не только полезна с медицинской точки зрения,— она приятна толпе еще и потому, что утоляет ее кровожадность своими гладиаторскими боями, ее зависть — своими нападками на великих людей, ее потребность в преклонении — хвалой, которую им возносит. Критика говорит вслух то, что многие хотели бы сказать, но не смеют, а если и смеют, то не могут по недостатку умения. Ее иконоборчество, ее призывы к бунту, ее кощунства вызывают приятный трепет даже у тех, кого они шокируют; таким образом, критик соединяет в себе исповедника и придворного шута. Если бы Гаррик назвал клоуном доктора Джонсона, он высказал бы глубокую и остроумную мысль; когда же доктор Джонсон называл так Гаррика, он только повторял одну из тех плоских шуток, мишенью которых так часто становится актер.

Именно на этом клоунском поприще я впервые завоевал известность. Достаточно мне было раскрыть свои нормальные глаза и, пустив в ход свою литературную сноровку, изложить все так, как оно мне представлялось, или, проще говоря, точно описать то, что я видел,— и я не замедлил снискать славу первого юмориста в Лондоне, изобретателя самых невероятных парадоксов. Единственный упрек, который мне то и дело приходилось слышать, это: «Почему вы никогда не бываете серьезны?» Скоро мои успехи превзошли всякие ожидания, и мои доходы возросли до невероятных размеров. Видный журнал каждую неделю отводил место для моих высказываний, словно я был самой важной персоной в королевстве. Работа моя была легка

и приятна: я должен был писать рецензии обо всех творениях и творцах искусства, которых мировая столица привлекала для своих картинных галерей и оперных, концертных и театральных залов. Высшие классы жадно читали мои эссе, широкие массы терпеливо выслушивали мои поучения; я пользовался свободой, доступной только человеку без гроша в кармане, и возможностями, доступными только миллионеру. Если был на свете человек, которому ничего не оставалось желать, то этим человеком был я.

Но, увы, мир молодел, а я старел; его зрение становилось все острей, а мое притуплялось; он невооруженным глазом читал письмена на стене, а я, глядя на них, уже вспоминал, что близится время, когда мне придется надеть очки. Все возможности были налицо, их стало даже в десять раз больше,— но использовать их уже не хватало сил, и щедрое вдохновение юности приходилось подменять хитростями и уловками опыта. Пришлось отказаться от публичных выступлений, беречь здоровье, даже отдыхать. Раньше, для того чтобы заполнить столбцы, которые мне еженедельно предоставляли в журнале, мне стоило только покачать ручку насоса — и я мог достать сколько угодно искрящейся влаги из волшебного колодца, который никогда не пересыхал; а теперь я начинал повторяться и даже — опасный признак! — по крайней мере изредка, впадать в серьезный тон; я замечал, что подчас устаю качать и что уровень воды в колодце все понижается; а самым угрожающим симптомом было то, что я по временам с легким испугом начинал догадываться, что это фантастическое богатство нельзя приберечь себе на старость лет, как это делают с деньгами. А в дверь уже стучалось новое поколение, воспитанное в такой просвещенности, о какой не слыхано было в мои школьные годы. Я перечитывал свои статьи и видел, что я в тридцать лет с трепетом отваживался на то, что эти юнцы с веселым апломбом проделывают еще в колыбели. Я слушал их нетерпеливый стук и радовался за человечество, но сокрушался при мысли о своей необеспеченной старости. Разговаривая со мной, представители этого поколения величали меня «мистер» и с очаровательной добротой и простодушием давали мне понять, что я заслужил их уважение, потому что в свое время тоже сделал кое-что полезное. Мистер Пинеро написал длинную пьесу, в которой доказывал, что людей моего возраста давно уже пора сдать в архив; и я смеялся над ним, но невеселым смехом.

В этот горький час мои сограждане, ранее упорно отвергавшие все мои попытки послужить обществу, презрительно согла-

...шись избрать меня членом церковного совета — меня, автора «Домов вдовца»! Тогда я в страхе попятился, как сделало бы на моем месте всякое мирное и полезное животное. До этого рокового дня я никогда не удостаивал собирать пролитые капли целебной влаги из моего колодца и запечатывать ее в бутылки — для этого, думалось мне, будет еще время — когда колодец пересохнет. Но теперь я прислушался к голосу издателей — впервые с тех пор, как они отказались прислушаться к моему голосу. Я опять пересмотрел свои статьи, но подавать как новинку то, что уже было напечатано в журналах пять лет тому назад, — нет, так низко я еще не пал, хотя эта унизительная перспектива и маячила передо мной в будущем, как перед деревенским батраком маячит призрак работного дома. Нет, сказал я, начнем с менее тяжких преступлений: сперва я выпущу свои пьесы.

Что? — воскликнете вы. — Какие пьесы? Откуда пьесы? Позвольте вам объяснить.

Для человека, живущего в Лондоне и обладающего серьезными умственными и художественными интересами, одним из наиболее тяжелых лишений является отсутствие театра, способного удовлетворить его вкусам. Я очень люблю театр, и, как уже, наверно, заметили проницательные читатели этого предисловия, я сам немножко актер. Поэтому я готов был приветствовать всякую попытку создать в Лондоне такой театр, который для только что собранной духовной жатвы девятнадцатого столетия мог бы стать тем же, чем шекспировский театр был для жатвы Ренессанса. Но скоро стало ясно, что для создания Нового театра (в те дни мы, конечно, все передовое называли «новым») нужна огромная энергия, а взять ее неоткуда; вялый интерес, проявляемый к этому делу кучкой утонченных и гордых своим превосходством ценителей — кстати сказать, отлично умевших обходиться и без театра, — был, очевидно, недостаточен. Разжечь очаг такой энергии могла бы только спаянная работа актера и режиссера в том случае, если бы они нашли необходимое и характерное выражение для своих талантов в шедеврах новой драматургии и сумели бы раскрыть их обаяние перед зрителями. Значит, прежде всего необходимо было найти два-три шедевра. Но шедевры не валяются на улице. Не будь Ибсена, Новый театр, наверно, так и не родился бы на свет, как не родился бы Байрейтский театр без «Нибелунгов» Вагнера. Каждая новая попытка расширить репертуар убеждала в том, что пьесы создают театр, а не театр создает пьесы. Казалось бы, нет надобности это доказывать, потому что ведь и все-то труд-

ности возникли именно оттого, что современные драматурги писали пьесы на заказ, а не в силу внутренней необходимости. Но то, чему никто не верит, не мешает лишний раз повторить.

Итак, Ибсен стал знаменем этой новой кампании. Ее открыли мистер Чарлз Чаррингтон и мисс Джэнет Эчерч, поставив в 1889 году «Кукольный дом». Затем они повезли эту сделавшую эпоху пьесу за границу, а мистер Грейн продолжал военные действия в Лондоне, в своем Независимом театре. Театр впервые прочно стал на ноги после постановки «Привидений» Ибсена; но все поиски нового отечественного репертуара были до такой степени безуспешны, что до самой осени 1892 года Грейну не удалось поставить ни одной сколько-нибудь стоящей пьесы, принадлежащей перу английского автора. Не в силах выносить столь унизительное для нашей национальной гордости положение, я предложил мистеру Грейну анонсировать мою пьесу. Будучи необыкновенно смелым и предприимчивым человеком, он это сделал безо всяких колебаний. Тогда я раскопал самую пыльную груду моих отвергнутых рукописей и вытащил оттуда первые два акта пьесы, написанной мною в соавторстве с моим другом мистером Уильямом Арчером в 1885 году, вскоре после того, как я бросил писать романы.

Мистер Арчер уже описал в другом месте, каким невозможным соавтором я оказался: задуманный и тщательно разработанный им план очень приятной, чувствительной и «хорошо сделанной» пьесы, как раз такой, какие тогда были в моде, я совершенно исказил и исковеркал, превратив ее в гротескно-реалистическое разоблачение домовладельцев в трущобных кварталах, аферистов из городского управления, а также денежных и матримониальных союзов между этой публикой и теми милыми людьми, которые живут на «независимый» доход и воображают, что вся эта грязь никак их не затрагивает. В результате получилось нечто крайне несуразное. К своей теме я отнесся достаточно серьезно, но к театру как таковому — еще не совсем, хотя, быть может, все-таки серьезней, чем сам он относился к себе. Следуя моде того времени, я ввел в свою пьесу фарсовые трюки, но в пьесе, трактующей такую глубокую, насущно важную и значительную тему, они были неуместны и только вызывали раздражение. Мистер Арчер, видя, как я уродую и его план и свою тему, поспешно отказался от соавторства, и наш неудачный замысел заглох, а у меня на руках остались два акта незаконченной и забракованной пьесы. Но когда я откопал ее после семилетнего промежутка, я пришел к мысли, что те самые особенности, которые делали ее непри-

[illegible] для обыкновенного театра в 1885 году, делают ее, по-[illegible]ей, особенно подходящей для Независимого театра в 1892 году. Поэтому я дописал третий акт, присочинил натянутое [illegible]ийно-библейское название «Дома́ вдовца» и вручил ее мистеру Грейну, а тот, вместе со всеми заключенными в первой редакции клоунадами, преподнес ее публике в театре Ройалти. Она произвела сенсацию, совершенно несоразмерную ни с ее достоинствами, ни даже с ее недостатками, и я молниеносно прославился как драматург. Первое представление прошло весьма бурно: социалисты и независимые яростно аплодировали мне из принципа; завсегдатаи премьер неистово освистали меня из тех же побуждений; сам я выступил в уже привычной для меня роли митингового оратора и произнес речь перед занавесом. Газеты добрых две недели обсуждали пьесу — и не только в обычных театральных рецензиях и заметках, но и в передовицах и письмах в редакцию; наконец, текст ее был опубликован со вступительной статьей мистера Грейна, остроумным рассказом мистера Арчера о нашем первоначальном сотрудничестве и с длинным предисловием и многочисленными комментариями автора, написанными в его самой боевой и заносчивой манере. Эта книжечка, первая из серии пьес, изданных Независимым театром, теперь уже ставшая библиографической редкостью, сохранилась как единственное воспоминание об этой недолговечной сенсации; в ней содержится текст пьесы в его первоначальном виде, со всеми нелепыми шутками и трюками, и я рекомендую ее собирателям «Гамлетов» in quarto и прочих редких и забытых первых изданий, которые злополучные авторы с радостью уничтожили бы, если б могли.

Я не добился успеха, но зато вызвал шум. Это мне так понравилось, что я решил сделать еще одну попытку. В следующем, то есть в 1893 году, когда споры об ибсенизме, «новой женщине» и тому подобных предметах были в полном разгаре, я написал для Независимого театра злободневную комедию под названием «Сердцеед». Но еще раньше, чем я ее окончил, мне стало ясно, что для заглавной роли в труппе мистера Грейна не найдется исполнителя, ибо это уже область высокой комедии, требующая исключительно искусной и тонкой игры. Я написал роль, которую мог бы сыграть только мистер Чарлз Уиндем, и вставил ее в пьесу, которая немыслима была на подмостках театра Крайтирион, — то есть попал со своей пьесой примерно в такое же положение, как Робинзон Крузо со своей первой лодкой. Тогда я отложил в сторону эту комедию и, вернувшись к настроению, в котором писал «Дома вдовца», сочинил третью пьесу — «Профессия миссис Уоррен», в которой снова затронул

социальную тему огромного значения. Значительность темы и спасла пьесу, вопреки даже неопытности драматурга. В этой пьесе было решительно все, чего мог пожелать Независимый театр, и всего этого даже, пожалуй, больше, чем ему было желательно. Но тут я столкнулся с препятствием, из-за которого писанье пьес оказывается в Англии таким мучительным делом для автора, привыкшего к свободе печати. Я подразумеваю театрального цензора.

В 1737 году Генри Филдинг, самый крупный (если не считать Шекспира) из английских драматургов, писавших для театра в промежуток между средними веками и XIX столетием, обратил всю силу своего таланта на разоблачение и пресечение взяточничества, свирепствовавшего тогда в парламенте. Уолпол, неспособный управлять без взяток, немедленно заткнул рот театру, учредив театральную цензуру, действующую и поныне. Филдингу таким образом был закрыт путь Мольера и Аристофана; тогда он избрал путь Сервантеса — и с той поры английский роман становится гордостью мировой литературы, а английская драма ее позором. Этот гаситель, наложенный Уолполом на Филдинга, существует сейчас и для меня в лице Королевского театрального цензора, каковой джентльмен грабит, оскорбляет и подавляет меня столь же успешно, как если бы он был русским царем, а я самым ничтожным из его подданных. Грабеж выражается в том, что меня заставляют платить ему две гинеи за прочтение любой моей пьесы, превышающей по размеру один акт. Я совсем не хочу, чтобы он читал мои пьесы (по крайней мере как официальное лицо; как обыкновенный читатель — пожалуйста!), наоборот, я даже считаю такую претензию с его стороны величайшей дерзостью. Но я вынужден подчиниться, ибо иначе мне не получить от него некоего изумительного по наглости документа — вся кровь кипит во мне, когда я его читаю! — удостоверяющего, что, по его мнению — е г о мнению! — в моей пьесе «не содержится ничего противного нравственности или в других отношениях недопустимого для исполнения в театре» и что поэтому министр двора «разрешает» ее постановку (каково нахальство!). Но даже и выдав мне такое удостоверение, цензор, как частное лицо, сохраняет за собой право подать на меня в суд за оскорбление общественной нравственности или побудить к тому других частных лиц, если его взгляд на мою пьесу в дальнейшем изменится. К тому же, если он действительно охраняет публику от моей безнравственности, почему публика сама не платит ему за эти услуги? Полицейский получает жалованье не от вора, а от того честного

*ческа, которого он охраняет от воров. Однако, если я от-
мусь платить, этот тиран может разорить любого антре-
пренера, который вздумал бы, не считаясь с ним, поставить
мою пьесу. Если же, получив свою мзду, он все-таки решается
дать санкцию на постановку, иными словами: если он больше
внимается шума со стороны противников моих идей, чем со
стороны их приверженцев, он может запретить мою пьесу
и наложить штраф в пятьдесят фунтов на всякого, кто при-
мет участие в ее постановке, начиная от осветителя сцены
до главного актера. И нет никаких способов избавиться от цен-
зора. Он живет не на счет налогоплательщиков, а на счет тех
сумм, которые путем шантажа вытягивает у автора; поэ-
тому ни одной политической партии нет смысла ратовать за
упразднение его должности — это не принесет ей и десятка
ваших голосов на выборах. Политическое влияние отдельных
лиц тоже ему не страшно. Ибо такие влиятельные лица обычно
гораздо больше бывают заинтересованы в создании новых удоб-
ных и приятных должностей, чтобы пристроить к ним разных
милых и приятных людей, к коим они благоволят, чем в упразд-
нении уже существующих теплых местечек. Да и сам я, хотя
отлично понимаю, что деятельность цензора отвратительна
и вредоносна и что если бы я занимал этот пост (на который,
вероятно, и выставлю свою кандидатуру, как только откроется
вакансия), то и я не мог бы действовать иначе, чем отврати-
тельно и вредоносно, как не может не быть вредоносным
стальной прут, если его засунуть в колеса паровой машины,—
несмотря на все это, я и сам не решаюсь поднять вопрос об
упразднении этой должности, ибо опасаюсь, что наша пресса,
давно забывшая славные традиции свободы слова, предложит
взамен Королевского цензора что-нибудь вроде цензора при поли-
цейских властях или еще какую-нибудь семиглавую гидру взамен
существующей одноглавой — так что лекарство окажется горше
самой болезни. Поэтому я держусь за Королевского цензора,
как многие радикалы держатся за палату лордов или за короля;
так женщина властного нрава, отвергая волевых мужчин, охот-
нее берет в мужья человека слабого и бесхарактерного. Нет,
пока общество не готово еще к тому, чтобы ввести свободу
театра на тех же основаниях, на каких у нас существует
свобода печати, то есть дать возможность драматургу и
антрепренеру ставить все, что им вздумается, а за последст-
вия отвечать перед обыкновенным судом, как отвечает сейчас
автор и издатель, до тех пор я буду хранить Королевского
театрального цензора как зеницу ока. Одно время я носился
с мыслью подать премьер-министру коллективную Петицию о*

правах от всех драматургов и антрепренеров, но так как можно было сказать наперед, что девять из десяти этих жертв угнетения не только никогда не решатся оскорбить своего угнетателя, но, наоборот, немедленно начнут восхвалять его как полезнейшее из всех английских установлений и, вместо того чтобы обсудить вопрос по существу, станут льстиво распространяться насчет высоких личных качеств нынешнего цензора, то я отказался от своего намерения. В такой осторожной тактике для многих заключается еще и прямой деловой расчет, ибо те драматурги и антрепренеры, которые процветают при нынешнем порядке, разумеется, не заинтересованы в том, чтобы сменить его на другой, грозящий открыть дорогу для более широкой конкуренции; большинство этих драматургов сами до смерти боятся «новых» идей, которые при отмене цензуры смогут беспрепятственно проникнуть на сцену. Итак, да здравствует Королевский театральный цензор!

В 1893 году этот пост занимал некий джентльмен, ныне покойный, чьи воззрения сильно отставали от века. Он был открыто враждебен Новому движению, и речь, которую он произнес в 1892 году перед особой парламентской комиссией, ведающей театрами и общественными развлечениями («Синяя книга», № 240, стр. 328—335),— это, вероятно, наиболее полное собрание всех тех превратных мыслей, руководясь которыми, цензор может на своем посту наделать максимум вреда. В борьбе с ним мистер Грейн был побежден заранее. Без разрешения цензора «Профессию миссис Уоррен» можно было исполнять только в здании, не предназначенном специально для театра, и показывать только лицам, приглашенным в качестве гостей; платных зрителей не могло быть, а это лишало Независимый театр денежной поддержки, без которой он не мог обойтись. Просить же о разрешении — значило бы нарываться на верный отказ, а ставить пьесу после отказа, хотя бы и бесплатно,— значило навлечь на каждого из участников штраф в пятьдесят фунтов.

Мы оказались в тупике.

Пьеса была готова; Независимый театр был готов к постановке; актеры были готовы к исполнению своих ролей — и вот цензор, даже не предпринимая никаких шагов, даже ничего не зная о пьесе, одним своим существованием парализовал все наши усилия. Тогда я отложил в сторону и эту пьесу и на том закончил свою карьеру в качестве присяжного драматурга Независимого театра.

К счастью, если сцена у нас в кандалах, то печать свободна. И если бы даже удалось освободить сцену, то это не устранило

Вы необходимости не только исполнять, но и печатать пьесы. «Дома вдовца» шли у мистера Грейна только два раза; но иди они хоть сто раз, они все равно остались бы неизвестны тем, кто не может ходить в театр по условиям местожительства, а также тем, кто хотя и может, но не ходит — в силу привычки или предрассудка, любви к покою, слабого здоровья или преклонного возраста. Есть много людей, которые с наслаждением читали всю классическую драму от Эсхила до Ибсена, но театр посещают только тогда, когда идет пьеса автора, чьи вещи они уже научились ценить как литературные произведения, и то же тогда, когда выступает какой-нибудь знаменитый актер. Даже наши привычные театралы не имеют, собственно говоря, настоящей привычки к театру. Если бы в один прекрасный вечер, в разгар лондонского сезона, полиция оцепила все театры и допросила каждого зрителя о его взглядах на это развлечение, наверно, не нашлось бы ни одного имеющего собственный домашний очаг лондонца, который не сознался бы, что смотрит на посещение театра — да и не только театра, а любого публичного собрания, преследующего эстетические или политические цели, — как на совершенно экстраординарный способ провести вечер; нормальный же английский способ состоит в том, чтобы сидеть у себя дома в кругу своей семьи в полном молчании за чтением книги или газеты или за игрой в хальму, в равной мере лишая себя наслаждения и одиночеством и обществом себе подобных.

Обойдите тысячу улиц, заселенных английскими семьями среднего достатка, и ни в одной из этих семей вы не найдете даже следа каких-нибудь общественных чувств или эстетической культуры. Даже с мужчинами дело обстоит достаточно плохо: хотя у них есть отдушина — ежедневное посещение конторы, но это им не помогает, потому что и в более широкий мир деловых отношений они приносят с собой замкнутые и антиобщественные нравы «домашнего очага». Нельзя сказать, чтобы они были так уж нелюбезны и необщительны от природы, но домашняя жизнь прививает им столь дурные манеры, что даже соображения выгоды — ведь как дельцы они должны были бы видеть в любом человеке возможного клиента — не могут излечить их от привычки обходиться со всяким, кто не был им представлен, как с навязчивым нахалом. Однако женщины, лишенные даже воспитательного влияния конторы, еще во сто раз хуже: они уже совсем не приспособлены к культурному общению, до такой степени они неуклюжи, невежественны и ограниченны. Этой доморощенной публике никак не втолкуешь, что права, которыми они пользуются в общественных местах сами,

в такой же мере принадлежат и другим людям. Где бы они ни сидели — в вагоне второго класса или в церкви, — каждого нового пассажира или нового молящегося они встречают примерно так, как китаец встречает «заморского дьявола», вторгающегося в его гавань.

Но по мере того как этот страшный институт семьи расшатывается — в высших классах благодаря оживленному общению их представителей между собой, а в низших благодаря специфическим условиям труда, которые делают семейную замкнутость вообще невозможной, — наблюдается заметное улучшение нравов. Даже семья из средних классов в поразительно короткий срок приобретает более человеческий облик, когда в ней заводится энергичная девушка, которая поднимает дочерний бунт (никто еще в полной мере не оценил, до какой степени современная образованная англичанка ненавидит самое слово «дом») и настаивает на своем праве вести независимую трудовую жизнь: замкнутость такой семьи ослабевает, в ее быту появляются коллективные развлечения, вроде посещения раз в неделю пригородного театра, или общедоступного концерта, или даже и того и другого. Но пробить такую брешь в этом английском пережитке гарема удается лишь после того, как он подвергнут обстрелу книгами и фортепианной музыкой. От книг и музыки английская семья не может отказаться, потому что благодаря им можно кое-как выносить неописуемую скуку домашнего очага. Его жертвы если не могут сами жить реальной жизнью, то хотят по крайней мере читать о ней, а заодно в их душу, быть может, закрадывается сомнение — стоит ли вообще принадлежать к такому классу общества, который мало того что терпит этого рода домашнюю жизнь, но еще и хвалится ею. Вот ради этих несчастных пленников домашнего очага я и стремился к тому, чтобы мои пьесы были не только поставлены, но и напечатаны.

Однако у драматурга есть и другие причины желать, чтобы его пьесы были напечатаны, и эти причины останутся в силе, даже если английские семьи начнут ходить в театр так же регулярно, как и читать газеты. Дело в том, что для вполне созвучной и удачной постановки пьесы на сцене требуется такое исключительное стечение обстоятельств, что я сомневаюсь, имело ли оно место хотя бы один-единственный раз с сотворения мира. Возьмем того из первоклассных драматургов, кому в этом смысле больше всего повезло, — Шекспира. Хотя он писал три столетия тому назад, пьесы его до сих пор не сходят с репертуара, и среди наших заслуженных любителей театра не редкость встретить такого, кто видел на сцене по меньшей

[illegible] тридцать из тридцати семи приписываемых Шекспиру [illegible], причем десяток из них — больше одного раза, а пяток — [illegible] много раз. Я сам, использовав далеко не все представившиеся мне возможности, видел в театре двадцать три шекспировские пьесы. Но если бы я лишь смотрел их, а не читал, мое представление о них было бы неполным и даже искаженным и фальшивым. Ведь только в последние годы некоторых из наших молодых актеров и режиссеров осенила мысль — крайне оригинальная для представителей их профессии,— что Шекспира можно исполнять так, как он писал, а не делать из его пьес то же употребление, какое кукушка делает из воробьиного гнезда. Несмотря на успех таких экспериментов, на нашей сцене до сих пор господствует убеждение, которое в свое время проповедовал Гаррик, а именно, что актер и режиссер должны приспособлять Шекспира к современному театру; им самим, конечно, кажется, что они улучшают и совершенствуют пьесу, но что они могут сделать с ней, как не огрубить ее и искалечить, если режиссер во всех отношениях уступает автору,— и такие случаи, что ни говори, бывают.

Живой автор, правда, может защищаться, но чем выше его авторитет в театральной среде, чем охотней идут ему навстречу режиссер и актеры, тем скорей он убеждается в невозможности поставить пьесу так, чтобы идеи ее были переданы верно, и вместе с тем так, чтобы она имела успех. Гораздо легче добиться полных сборов ценой извращения заключенной в пьесе философской мысли; хочется даже сказать, что истинно поэтическая драма может иметь успех у широкой публики только вопреки заключенным в ней философским мыслям. Блестящее подтверждение этого — та операция, которая была проделана над первой частью «Фауста» Гете,— из великого оригинала состряпали сперва оперу Гуно, а позже ту версию, что идет в театре Лицеум; в обеих философия и поэзия подменены модульной романтикой — этим самым ходким суррогатом поэзии и философии, наповал убивающим и ту и другую. Но даже в тех случаях, когда пьесу ставят без пропусков и переделок, когда сами актеры являются горячими последователями автора, она предстает перед нами до странности преображенной. Недавно мы видели образцы благоговейных сценических интерпретаций поэтической драмы, начиная от экспериментов мистера Чаррингтона с пьесами Ибсена и господина Люнье Поэ с пьесами Метерлинка, где это делалось на сравнительно скромных началах, и кончая вагнеровскими фестивалями в Байрейте, где на это ухлопывались колоссальные суммы. И совершенно бесспорно утверждение, что те, кто знаком с Ибсеном и Метерлинком

только по книгам, а с Вагнером только по клавирам, не могут их вполне оценить, ибо силу воздействия драматического произведения ощущаешь до конца, только когда видишь его на сцене. Но, с другой стороны, я не знаю случая, чтобы тот, кто знакомился с драматургом только в театре, а с композитором только в концертном зале, имел о них сколько-нибудь глубокое и верное представление. Самая оригинальность и гений исполнителя вступают в конфликт с оригинальностью и гением автора. Представим себе, что Шекспир встретился с сэром Генри Ирвингом на репетиции «Венецианского купца», а Шеридан — с мисс Адой Рейен на репетиции «Школы злословия». Легко вообразить себе те речи, которые будут при этом произнесены удивленными авторами. Например:

— Когда я смотрю на вашу игру, сэр Генри, мне кажется, что я слышу, как вопиет Израиль, оплакивая свое пленение: «Доколе, о господи, доколе?» Для меня несколько неожиданно видеть, что страстная натура Шейлока проявляется в этом романтическом плане, вместо того чтобы проявляться в плане чистого корыстолюбия; но, пожалуйста, не меняйте свою концепцию, она чрезвычайно выгодна для нас обоих.

Или:

— Дорогая мисс Рейен, позвольте поздравить вас с блестящим, подлинно трагическим исполнением, которое заставило меня устыдиться легковесности моей пьесы и совершенно позабыть о сэре Питере Тизле, хотя именно его я хотел сделать главным действующим лицом. Я предвижу огромный успех для нас обоих в результате этого счастливого извращения моего замысла.

Но даже в том случае, когда автор ничего не выигрывает в денежном отношении, позволяя исполнителю романтизировать свою пьесу, вряд ли он будет в силах ему противостоять, ибо талант актера — это его высший суд; талантливый исполнитель взывает к актерскому инстинкту самого автора, и, конечно же, автор сдастся, если только он не какой-нибудь неумолимый и непреклонный фанатик реализма. Впрочем, будь он даже таков, ему и это не поможет, ибо все его попытки заставить сильного актера дать меньше, чем он может, будут столь же бесплодны, как и попытки заставить актера дать больше, чем он может.

Короче говоря, умело написанную пьесу гораздо легче приспособить к разным исполнителям, чем существующих исполнителей приспособить к разным пьесам (хотя и желательно, чтобы было как раз наоборот), и это приводит автора к заключению, что правильно передать свой замысел может только он сам.

А так как он не может сыграть всю пьесу — будь он даже профессиональным актером, — то ему ничего не остается, как прибегнуть к имеющимся в его распоряжении средствам литературной выразительности, которыми издавна пользуются поэты и прозаики. Только драматурги до сих пор их почти не применяли. В шекспировском наследии у нас не сохранилось ни одного полного режиссерского экземпляра; в издании folio мы находим почти что один голый диалог. А чего бы мы не дали за режиссерский экземпляр «Гамлета», которым пользовался сам Шекспир во время репетиций, с карандашными пометками на полях его рукой! И если прибавить к этому разъяснения, которые автор давал устно по ходу действия, в особенности же описания действующих лиц, при помощи которых он пытался втолковать актерам, кого, собственно, они должны изображать, — какой свет пролило бы все это не только на саму пьесу, но и на всю историю шестнадцатого века! И все это у нас было бы — и даже больше, — если бы Шекспир не просто записывал текст ролей для сцены, а подготовлял свои пьесы к печати, соперничая с романистами, владеющими такой разработанной литературной техникой, как, скажем, у Мередита. Именно отсутствием такой разработанной техники и объясняется то, что Шекспир, непревзойденный поэт, рассказчик, изобразитель людей, юморист и оратор, не оставил нам ни одной идейно связной драмы и не мог прибегнуть к подлинно научному методу при анализе человека и общества, хотя в таких малопопулярных пьесах, как «Все хорошо, что хорошо кончается», «Мера за меру» и «Троил и Крессида», мы видим, что он был готов начать с двадцатого столетия, если б только семнадцатое ему позволило.

Такая литературная обработка современным пьесам нужна даже больше, чем шекспировским, ибо в его время собственно актерская игра еще не отделилась вполне от декламации стихов, и описательные и повествовательные монологи выполняли ту функцию, которую теперь выполняют декорации и режиссерская ремарка.

Прочитайте голый диалог из какой-нибудь елизаветинской пьесы, и вы без труда поймете все, что в ней происходит, кроме, быть может, двух-трех мест, не имеющих существенного значения, тогда как иная современная пьеса, очень занимательная на сцене, без сценических аксессуаров будет не только неудобочитаемой, но даже просто непонятной. Ее уж никак не поставишь на сценической площадке елизаветинских времен, где в центре помещался декламатор, а вокруг на стульях сидели слушатели. Крайний случай — это чистая пантомима, как

«L'Enfant Prodigue»,[1] *в которой диалог хотя и существует, но не произносится. Если бы автор пантомимы захотел ее напечатать, то, для того чтобы сделать ее хоть сколько-нибудь понятной в чтении, ему пришлось бы вписать в нее тот диалог, который при ее постановке на сцене только подразумевается. Так вот сделать современную постановочную пьесу понятной слушателю при помощи одного лишь диалога так же невозможно, как сделать пантомиму понятной читателю без помощи диалога.*

Как ни очевидно все это, тем не менее оформление пьесы литературными средствами до сих пор еще не стало искусством, и в результате очень трудно заставить английскую публику покупать и читать пьесы. Да и с какой стати им это делать, когда в напечатанной пьесе они ничего не находят, кроме голого диалога и нескольких сухих указаний плотнику и костюмеру, вроде того, что у отца героини седая борода, а в гостиной имеются три двери в правой стене, дверь и вход из оранжереи в левой и стеклянная дверь в задней? Больше всего меня удивляет, что Ибсен, тратящий по два года на то, чтобы написать трехактную пьесу, необыкновенные достоинства которой целиком зависят от тонкой характеристики действующих лиц и положений, — а добиться этого можно только путем глубокой проработки личной и семейной биографии героев, — так вот этот самый Ибсен, печатая свои пьесы, не дает ничего в ремарках, кроме чисто технических указаний, необходимых плотнику, осветителю и помощнику режиссера. Вряд ли кто станет отрицать, что загадочные эффекты, которые иногда от этого происходят, как бы они ни были интересны сами по себе, покупаются за счет ясности смысла. Ибсен, когда его спрашивают, что он собственно хотел сказать, отвечает: «Что я сказал, то сказал». Совершенно верно; но беда вся в том, что чего он не сказал, того не сказал. Возможно, что есть люди (я в этом сомневаюсь, потому что сам не принадлежу к их числу), которым пьесы Ибсена понятны и так, безо всяких комментариев. А есть и другие, которым не помогут никакие комментарии. Для этих двух крайних категорий всякие дальнейшие разъяснения, очевидно, излишни; но неужели не стоит позаботиться о том подавляющем большинстве, для которых несколько объяснительных слов меняют все дело!

Наконец, разрешите мне замолвить словечко за актеров. Прирожденный актер обладает живой восприимчивостью, которая позволяет ему интуитивно улавливать эмоциональные оттенки

---

[1] «Блудный сын» (*франц.*).

Но ожидать, что он тем же интуитивным путем постигнет идейный смысл пьесы и ее конкретную обстановку, значило бы требовать от него сверхъестественной прозорливости; это все равно, что требовать от ученого астронома, чтобы он точно определил время, находясь в катакомбах. А между тем актер обычно находит в пьесе множество разъяснений по эмоциональным моментам, разъяснений, которые он сам мог бы дать не хуже, а может быть, и лучше автора; что же касается политической и религиозной атмосферы, в которой действует воплощаемое им лицо, то она остается ему совершенно неизвестной.

В хорошей пьесе всегда заключена четкая концепция такого рода; часто именно она-то и является ключом к правильному исполнению; но актеры так привыкли обходиться безо всяких концепций, что если им даже ее предложить, они, пожалуй, сочтут излишним трудом в нее вдумываться; а между тем только такой вдумчивый труд, воспитывающий актера, может поставить его профессию в один ряд с профессией врача, юриста, священника и государственного деятеля. Даже если взять театр таким, какой он сейчас, и то окажется, что Шейлок как еврей и ростовщик, Отелло как мавр и солдат, Цезарь, Клеопатра и Антоний как люди, действующие в определенной политической обстановке, неизмеримо более реальны для актера, чем те бесчисленные герои, о которых ничего не известно, кроме того, что они носят хорошо сшитые костюмы, любят героиню, расстраивают козни злодеев и затем живут счастливо до самой смерти.

Дело, стало быть, не в том, чтобы напечатать и выпустить в свет диалог пьесы, а в том, чтобы полностью донести ее содержание до читателя. А для этого нужно создать новый вид искусства; и я верю, что не пройдет и десяти лет после выпуска предлагаемых ниже двух томиков, как моя слабая и несовершенная попытка в этом направлении будет далеко превзойдена, и в пьесах, которые будут печататься тогда, краткая и сухая ремарка, помещаемая в начале акта, разовьется в целую главу или даже ряд глав. Это может привести к образованию нового, смешанного жанра, совмещающего в себе повествование, проповедь, описание, диалог и, возможно, драму; возникнут произведения, которые можно будет читать, но не ставить на сцене. Я не возражаю против таких произведений; но сам я подходил к делу как драматург, который пишет для театра; скорей мне можно поставить в упрек, что я слишком считался с требованиями сцены. Во всяком случае, я ничего не вводил в пьесу сверх того, что нужно для актерского

исполнения, а через него — и для правильного понимания пьесы зрителем. Конечно, мне пришлось опустить многое, что может дать только игра актера, — просто потому, что письменное искусство, хотя и очень разработанное грамматически, совершенно беспомощно, когда надо передать интонацию; так, например, есть пятьдесят способов сказать «да» и пятьсот способов сказать «нет», и только один способ это написать. Даже употребление разрядки вместо курсива в тех случаях, когда нужно усилить интонацию, достаточно известное за границей, непривычно для английского читателя, и пройдет еще некоторое время, пока оно станет восприниматься так, как должно. Но я все же надеюсь, что если мой читатель не поленится выполнить свою долю работы, он скоро будет понимать в моих пьесах почти столько же, сколько я сам в них понимаю.

В заключение скажу несколько слов о том, почему я назвал три пьесы, помещенные в первом томе, пьесами неприятными. Причина, положим, и так ясна: я использую здесь драматическое действие для того, чтобы заставить читателя призадуматься над некоторыми неприятными фактами. Конечно, всякая пьеса, правдиво изображающая человеческую природу, неизбежно уязвляет наше чудовищное самомнение, которому романтическая литература так бессовестно льстит. Разница, однако, в том, что здесь мы сталкиваемся не только с комедией и трагедией отдельных человеческих характеров и судеб, но, к сожалению, и с социальными язвами, происходящими оттого, что средний доморощенный англичанин, пусть даже вполне порядочный и добрый в частной жизни, представляет собой весьма жалкую фигуру как гражданин: с одной стороны, он требует, чтобы ему совершенно бесплатно водворили на земле Золотой век, с другой стороны — он готов закрыть глаза на самые гнусные безобразия, если для пресечения их надо хотя бы на один пенс повысить те налоги и сборы, которые он платит, принуждаемый к тому отчасти обманом, отчасти силой. В «Домах вдовца» я показал, что респектабельность нашей буржуазии и аристократичность младших сыновей из знатных семейств питается нищетой городских трущоб, как муха питается гнилью. Эта тема не из приятных. В «Сердцееде» я изобразил те нелепые и смешные сексуальные сделки, которые, под именем брака, заключаются у нас между мужчиной и женщиной, — причем иные видят в этом явлении политическую необходимость (особенно когда дело касается других людей), иные — божественное установление, иные — романтический идеал, иные — домашнюю профессию для женщин, а иные — невероятную глу-

мость и гнусность, абсолютно устарелую систему, которую общество давно переросло, однако до сих пор не изменило, так что «передовые» личности вынуждены всячески от нее уклоняться. Сцена, которой открывается «Сердцеед», атмосфера, в которой развивается действие, брак, которым пьеса кончается, — все это весьма типично с точки зрения умственно и эстетически сознательных представителей современного общества, и, мне кажется, трудно отрицать, что все это до крайности неприятно. В «Профессии миссис Уоррен» я без обиняков изложил то положение вещей, о котором сама миссис Уоррен говорит так: «Единственный способ для женщины прилично обеспечить себя — это завести себе мужчину, которому по средствам содержать любовницу». В некоторых вопросах я, как большинство социалистов, крайний индивидуалист. Я считаю, что всякое общество, которое основу свою видит в честности и личном достоинстве входящих в его состав граждан, должно быть устроено так, чтобы каждый мужчина и каждая женщина могли содержать себя своим трудом, не торгуя своими привязанностями и своими убеждениями. А мы в настоящее время не только вынуждаем каждую женщину искать себе «добытчика», законного или незаконного, обрекая ее в противном случае на тяжкие лишения и всяческие невзгоды, мы еще завели целые категории проституированных мужчин, как, например, драматургов и журналистов, к коим я сам принадлежу, не говоря уже о полчищах юристов, врачей, священников и профессиональных политиков, которые каждодневно обращают свои высшие способности на дела, противные их истинным чувствам, — а это грех, по сравнению с которым грех женщины, продающей на несколько часов свое тело, столь ничтожен, что о нем не стоит и говорить; ибо в современном обществе богатый мужчина, лишенный убеждений, представляет собой куда большую опасность, чем бедная женщина, лишенная целомудрия.

Эту тему тоже не назовешь приятной!

Я, однако, должен предупредить моих читателей, что моя критика направлена против них самих, а не против моих сценических персонажей. Пусть поймут хорошенько, что вина за порочное устройство общества падает не только на тех, кто самолично осуществляет коммерческие махинации, неизбежные при таком порочном устройстве, и кто, как Сарториус или миссис Уоррен, нередко проявляет при этом немалые деловые способности и даже высокие нравственные качества, но и на всех граждан в целом, ибо только общественное мнение, общественная деятельность всех граждан и общественное богат-

ство, составляющееся из вносимых ими налогов, поможет на заменить трущобы Сарториуса хорошими жилыми домами интриги Чартериса – разумным браком и профессию мисси Уоррен – почетным трудом под охраной гуманного промышлен ного законодательства и при обеспеченном «моральном мини муме» заработной платы.

О том, как случилось, что впоследствии я стал писать пьесы, трактующие не столько о преступлениях общества, сколько о его романтических иллюзиях и о борьбе отдельных людей с этими иллюзиями,– пьесы, которые, по контрасту, можно назвать приятными, я расскажу как-нибудь позже, когда про должу эту беседу в назидание читателям второго тома.

ДОМА ВДОВЦА

Оригинальная
дидактическая
реалистическая
пьеса

1885 – 1892

WIDOWER'S HOUSES

Сад-ресторан при гостинице в Ремагене на Рейне; действие происходит в восьмидесятых годах XIX века. Ясный августовский день клонится к вечеру. Если глядеть вдоль Рейна, оборотясь лицом к Бонну, то направо видна калитка, ведущая на берег. Налево здание гостиницы; при нем деревянный павильон с надписью «Table d'hôte». Между столиками прохаживается официант.
В дверях гостиницы появляются двое английских туристов. Один, помоложе, доктор Гарри Тренч, коренастый молодой человек лет двадцати четырех, с широким затылком, темноволосый, стриженный под гребенку, с развязными манерами студента-медика, откровенный, горячий, даже немного ребячливый. Другой, постарше, мистер Уильям де Бар Кокэйн; ему лет сорок, а может быть и пятьдесят; это худосочный господин с редкими волосами и напыщенными манерами, щепетильный, нервный, обидчивый и, на взгляд скептического наблюдателя, комичный во всех своих проявлениях.

Кокэйн (*стоя на пороге гостиницы, повелительным тоном официанту*). Два пива. Сюда, в сад.

Официант уходит. Кокэйн спускается в сад.

Благодаря моему такту, Гарри, мы получили лучшую комнату в отеле. Прекрасный вид из окон. Завтра утром двинемся дальше, осмотрим Майнц и Франкфурт. Во Франкфурте заслуживает внимания изящная статуя женщины в доме одного из представителей местной знати, а также зоологический сад. На следующий день – Нюрнберг! Богатейшая в мире коллекция орудий пытки.

Тренч. Ладно. Посмотрите поезда, хорошо? *(Достает из кармана путеводитель Брэдшо и бросает его на один из столиков.)*

Кокэйн (*хочет сесть, но останавливается*). Фу! Сколько пыли! Исключительно неопрятный народ эти иностранцы.

Тренч *(жизнерадостно)*. Э, бросьте, старина! Подумаешь, какая важность. Веселей, Билли, веселей! Наслаждайтесь жизнью. *(Силой усаживает его на стул, сам садится*

напротив, достает трубку и во все горло затягивает песню.)

Наполним бокалы, пусть льется
рейнвейн полноводной рекой...

Кокэйн (*шокирован*). Гарри, умоляю вас, ведите себя приличней. Кажется, вы джентльмен, а не уличный торговец на пикнике в Хэмстед-Хис. Неужели вы стали бы так держать себя в Лондоне?

Тренч. Вот еще! Я затем и поехал за границу, чтобы повеселиться. И вам бы того же захотелось, если бы вы только что сдали экзамены, а перед тем четыре года корпели в лабораториях да в больницах. *(Снова запевает песню).*

Кокэйн (*встает*). Тренч! Или вы будете вести себя как джентльмен, или я отказываюсь дальше сопровождать вас в этом путешествии. Вот почему англичан так не любят на континенте. Еще если б это было только перед туземцами; но среди пассажиров, севших на пароход в Бонне, были англичане. Меня весь день беспокоит мысль, что они о нас подумают. Взять хотя бы наши костюмы.

Тренч. А чем плохи наши костюмы?

Кокэйн. Négligé,[1] дорогой мой, négligé! На пароходе некоторое négligé даже уместно, но здесь, в отеле, кое-кто, наверно, сочтет необходимым переодеться к обеду; а у вас ничего нет, кроме этой дорожной куртки. Откуда им знать, что вы из хорошей семьи, если этого не видно по вашему костюму?

Тренч. Чушь! Кто там был на пароходе? Шушера всякая, американцы и тому подобное. Начихать мне на них, Билли, вот что. Было бы кого стесняться! *(Чиркает спичкой и принимается раскуривать трубку.)*

Кокэйн. Тренч, я очень прошу вас не называть меня Билли, хотя бы при посторонних. Моя фамилия Кокэйн. А что касается наших спутников, то я уверен, это вполне порядочные люди: вы сами обратили внимание на то, какая у отца аристократическая внешность.

Тренч (*мгновенно присмирев*). Что? Они? *(Тушит спичку и прячет трубку в карман.)*

Кокэйн (*наслаждаясь произведенным впечатлением*). Они, Гарри, они: остановились в этом же самом отеле. Я видел зонтик отца в вестибюле.

---

[1] Небрежность в одежде *(франц.)*.

Тренч *(он в самом деле слегка сконфужен)*. Да, пожалуй, не мешало захватить с собой другой костюм. Но с багажом всегда такая возня... *(Внезапно встает.)* Пойду помоюсь, что ли. *(Поворачивается к двери в гостиницу, но останавливается в замешательстве, видя, что в калитку входит группа путешественников.)* Ах, черт! Вот и они!

В сад входят господин и дама, за которыми следует рассыльный, нагруженный пакетами — не дорожными вещами, а только что сделанными в магазинах покупками. По-видимому, это отец с дочерью. Господину лет пятьдесят, он высокого роста, хорошо сохранился, держится очень прямо. Он гладко выбрит; крупный орлиный нос и решительная складка рта в сочетании с резким, повелительным голосом и исполненными важности манерами придают ему внушительный вид. На нем светло-серый сюртук с шелковыми отворотами и белая шляпа; через плечо висит полевой бинокль в новеньком кожаном футляре. Человек из низов, успехом в жизни обязанный только самому себе; на слуг он наводит трепет, да и вообще к нему нелегко подступиться. Дочь недурна собой; хорошо одета, пышет здоровьем и, видимо, особа с характером; по манерам — девица из общества, однако все же дочь своего отца. Но она свежа и привлекательна, и ее ничуть не портит то, что энергия и жизненный напор берут в ней верх над утонченностью и изяществом.

Кокэйн *(поспешно берет под руку Тренча, который, словно остолбенев, стоит и смотрит на вновь пришедших)*. Опомнитесь, Гарри! Присутствие духа, дорогой мой, присутствие духа! *(Делает вместе с ним несколько шагов по направлению к гостинице.)*

Появляется официант с подносом, на котором стоит пиво.

Kellner! Ceci-là est notre table. Est-ce que vous comprenez français? [1]

Официант *(говорит по-английски с резким немецким акцентом)*. Да, сэр. Слушаю, сэр.

Господин *(рассыльному)*. Положите пакеты на этот стол.

Рассыльный не понимает.

---

[1] Кельнер! Это наш столик. Вы понимаете по-французски? (*франц.*)

Официант *(вмешиваясь в их разговор)*. Эти джентльмены заняли этот стол, сэр. Осмелюсь предложить...

Господин *(строго)*. Что же вы не сказали раньше? *(Кокэйну с надменной вежливостью.)* Прошу прощения, сэр.

Кокэйн. Пожалуйста, мой дорогой сэр, пожалуйста. Мы с радостью уступим вам этот столик.

Господин *(холодно, поворачиваясь к нему спиной)*. Благодарю вас. *(Рассыльному.)* Положите пакеты вон на тот стол.

Рассыльный не двигается с места, пока господин не указывает на пакеты и не стучит повелительно по другому столику, ближе к калитке.

Рассыльный. Jawohl, gnäd'ger Herr.[1] *(Кладет пакеты на столик.)*

Господин (*вынимает из кармана пригоршню мелочи*). Кельнер!

Официант (*подобострастно*). Да, сэр.

Господин. Чаю. Для двоих. Сюда.

Официант. Слушаю, сэр! *(Уходит в дверь гостиницы.)*

Господин выбирает в горсти мелкую монету и дает ее рассыльному, тот покорно берет и, притронувшись к козырьку, уходит, не смея выразить недовольство. Дочь садится за столик и, распечатав пачку фотоснимков, начинает их рассматривать. Господин достает Бедекер, придвигает стул и, прежде чем сесть, окидывает Кокэйна уничтожающим взглядом, словно спрашивая, когда же тот уберется отсюда. Кокэйн, нисколько не смущаясь, с видом скромной благовоспитанности усаживается за соседний столик и обращается к Тренчу, который нерешительно бродит поодаль.

Кокэйн. Тренч, мой дорогой друг, пиво вам подано. *(Пьет.)*

Тренч *(рад предлогу вернуться к столику)*. Благодарю вас, Кокэйн. *(Тоже пьет.)*

Кокэйн. Кстати, Гарри, я уже давно хотел вас спросить: леди Роксдэл приходится вам теткой с отцовской или с материнской стороны?

Этот трюк немедленно оказывает действие. Господин прислушивается с явным интересом.

Тренч. С материнской, конечно. Что это вам вдруг пришло в голову?

---

[1] Слушаю, господин (*нем.*).

Кокэйн. Да просто так. Я как раз думал... Гм! Она, разумеется, захочет, чтобы вы женились, Гарри; врачу гораздо приличнее быть женатым.

Тренч. А ей-то какое дело?

Кокэйн. Большое дело, дорогой мой! Она уже мечтает о том, как введет вашу жену в лучшее лондонское общество.

Тренч. Какая чепуха!

Кокэйн. Ах, дорогой мой, вы еще слишком молоды, вы не понимаете, какое значение имеют все эти мелочи; по виду как будто пустые светские церемонии, а на самом деле пружины и винтики великой аристократической системы.

Официант возвращается с чайным подносом и ставит его на стол.

(*Встает и обращается к старому господину.*) Простите мою смелость, сэр, но мне все-таки кажется, что вы предпочли бы этот столик и что мы вам мешаем.

Господин *(милостиво)*. Благодарю вас. Бланш, этот джентльмен так любезен, что согласен уступить нам свой столик, если тебе там больше нравится.

Бланш. Спасибо, мне совершенно все равно.

Господин *(Кокэйну)*. Кажется, вы были нашим спутником на пароходе, сэр?

Кокэйн. Да, сэр, мы с вами спутники — спутники и соотечественники. Ах, мы лишь тогда ощущаем прелесть родной речи, когда слышим ее под чужими небесами. Вы, вероятно, сами это отметили, сэр.

Господин *(несколько удивлен)*. Гм! Пожалуй... Возможно — с романтической точки зрения. Но я лично, когда слышу английскую речь, чувствую себя как дома: а я терпеть не могу чувствовать себя как дома, когда я за границей. Не для того же выбрасываешь столько денег. (*Смотрит на Тренча.*) Этот джентльмен, кажется, тоже был с нами на пароходе?

Кокэйн *(принимая на себя роль церемониймейстера)*. Мой глубокоуважаемый друг доктор Тренч.

Старый господин и Тренч встают.

Тренч, дорогой мой, разрешите вам представить... *(Вопросительно смотрит на старого господина, ожидая, что тот назовет себя.)*

Господин. Позвольте пожать вашу руку, доктор Тренч. Моя фамилия Сарториус. Я имею честь быть знакомым

с леди Роксдэл, вашей, как я понимаю, близкой родственницей. Бланш!

Бланш поднимает голову.

Познакомься — доктор Тренч.

Бланш и Тренч кланяются друг другу.

Тренч. Разрешите, мистер Сарториус, представить вам моего друга, Кокэйна: мистер Уильям де Бар Кокэйн.

Кокэйн отвешивает церемонный поклон. Сарториус с достоинством кивает. Тем временем возвращается официант с чайником, сахарницей и прочими принадлежностями чаепития.

Сарториус *(официанту)*. Еще две чашки.

Официант. Слушаю, сэр. *(Скрывается в дверях гостиницы.)*

Бланш. Вам с сахаром, мистер Кокэйн?

Кокэйн. Да, пожалуйста. Благодарю вас. *(Сарториусу.)* Вы очень любезны, сэр. Гарри, несите сюда ваш стул.

Сарториус. Пожалуйста, очень рад.

Тренч приносит стул, и все рассаживаются вокруг столика. Официант приносит чашки.

Официант. Табльдот в половине седьмого, джентльмены. Что еще прикажете, сэр?

Сарториус. Больше ничего. Можете идти.

Официант уходит.

Кокэйн *(сладким голосом)*. Долго вы думаете пробыть здесь, мисс Сарториус?

Бланш. Мы хотели побывать еще в Роландсэке. Вы не знаете, там так же красиво, как здесь?

Кокэйн. Гарри, дайте, пожалуйста, Бедекер.

Тренч достает путеводитель из кармана.

Благодарю вас. *(Просматривает оглавление, ища Роландсэк.)*

Бланш. С сахаром, мистер Тренч?

Тренч. Благодарю вас.

Бланш подает ему чашку и на миг взглядывает на него с особенным выражением. Тренч быстро опускает глаза, с опаской косясь на Сарториуса, который в эту минуту занят своим бутербродом.

Кокэйн. Роландсэк, по-видимому, очаровательное место. (*Читает.*) «Один из самых живописных и любимых туристами уголков на Рейне. В его окрестностях, на ле-

систых склонах, спускающихся к реке, расположены многочисленные виллы и прекрасные сады, принадлежащие по большей части богатым нижнерейнским купцам».

Бланш. Что ж, как будто вполне культурное и благоустроенное место. Я за то, чтобы туда поехать.

Сарториус. Совсем как у нас в Сербитоне, дорогая.

Бланш. Да, совсем как у нас.

Кокэйн. У вас дача на Темзе? Как я вам завидую.

Сарториус. Нет, я просто снял там меблированную виллу на лето. Я живу на Бедфорд-сквер. Я член церковного совета, так что должен жить в своем приходе.

Бланш. Еще чашку, мистер Кокэйн?

Кокэйн. Нет, благодарю вас. *(Сарториусу.)* Вы, кажется, уже прогулялись по городу? Смотреть тут особенно нечего, кроме церкви святого Аполлинариса.

Сарториус *(шокирован)*. Какой церкви?

Кокэйн. Святого Аполлинариса.

Сарториус. Странное название для церкви. Только за границей может быть такое.

Кокэйн. Ах, да, да, да... Это слабое место наших соседей. Вкус, вкус — вот чего им недостает! Но в данном случае их нельзя винить. Слабительная вода была названа по церкви, а не церковь по слабительной воде.

Сарториус *(тоном судьи, который готов признать это смягчающим обстоятельством, но отнюдь не полным оправданием)*. Рад это слышать. Церковь чем-нибудь замечательна?

Кокэйн. В Бедекере она отмечена звездочкой.

Сарториус *(почтительно)*. А! Тогда ее надо осмотреть.

Кокэйн *(читает)*. «...воздвигнута в 1839 году архитектором Цвирнером, знаменитым строителем Кельнского собора, ныне покойным, на средства графа Фюрстенберг-Штаммгейма».

Сарториус *(эти сведения производят на него сильное впечатление)*. Непременно надо ее осмотреть, мистер Кокэйн. Я понятия не имел, что строитель Кельнского собора жил так недавно.

Бланш. Довольно уже церквей, папа. Все они одинаковы и до смерти мне надоели.

Сарториус. Ну, дорогая, если ты считаешь это разумным — предпринять такое далекое и дорогое путешествие со специальной целью все осмотреть, а потом уехать, ничего не увидев...

Бланш. Только не сегодня, папа.

Сарториус. Дорогая, я хочу, чтобы ты все видела. Ведь это ради твоего образования...

Бланш *(встает, сердито вздыхая)*. Ах, мое образование. Ну ладно, ладно. Придется уж, видно, довести его до конца. Вы пойдете, доктор Тренч? *(С гримаской.)* Я уверена, что эта церковь святого Иоганнеса доставит вам огромное удовольствие.

Кокэйн *(смеется с нежным лукавством)*. Ах, прекрасно, прекрасно, очень остроумно! *(Серьезным тоном.)* Но знаете, мисс Сарториус, здесь и в самом деле есть церковь святого Иоганнеса, и даже не одна. Есть Аполлинариса, а есть и Иоганнеса.

Сарториус *(сентенциозно, беря свой бинокль и направляясь к калитке)*. Многое, сказанное в шутку, оборачивается правдой, мистер Кокэйн.

Кокэйн *(следуя за ним)*. Как это верно! Ах, как это верно!

Уходят вдвоем, погруженные в философическое раздумье. Бланш остается на месте. Она провожает их взглядом, пока они не скрываются из виду, затем поворачивается к Тренчу и глядит на него с загадочной улыбкой, в ответ на которую он ухмыляется смущенно и вместе с тем самодовольно.

Бланш. Ну! Добились все-таки своего.

Тренч. Да. То есть Кокэйн это сделал. Я вам говорил, что он уж как-нибудь устроит. Во многих отношениях он настоящий осел; но у него замечательный такт.

Бланш *(презрительно)*. Такт! Какой же это такт – просто любопытство. Любопытные люди умеют заговаривать с посторонними, набили себе руку. Почему вы сами не заговорили с отцом на пароходе? Со мной небось не дожидались, пока вас представят.

Тренч. А мне не очень-то и хотелось с ним заговаривать.

Бланш. Вам не приходило в голову, что вы этим ставите меня в ложное положение?

Тренч. Не понимаю, почему это вас ставит в ложное положение. А с вашим отцом не так-то просто заговорить. То есть теперь, когда мы познакомились, я вижу, что он совсем не такой страшный; но вся штука в том, что для того, чтобы это увидеть, надо сперва с ним познакомиться.

Бланш *(нетерпеливо)*. Все боятся папы. Не понимаю, почему. *(Снова садится, слегка надувшись.)*

Тренч *(нежно.)* Но теперь-то все уладилось, правда? *(Садится возле нее.)*

Бланш *(резко)*. Не знаю. Откуда мне знать? Вы не имели права заговаривать со мной тогда, на пароходе. Вы думали, что я одна... *(С наигранной чувствительностью.)* Конечно, со мной не было матери...

Тренч *(возмущен)*. Ну, знаете! Ведь это вы первая заговорили со мной. Понятно, я рад был случаю, но, клянусь вам честью, я б даже пальцем не шевельнул, если бы вы сами меня не поманили.

Бланш. Я только спросила, как называется этот замок. Тут нет ничего неприличного.

Тренч. Конечно, нет. Почему бы вам и не спросить? *(С новым приливом нежности.)* Но теперь-то ведь все уладилось, да?

Бланш (*мягко, устремив на него многозначительный взгляд*). Все ли?

Тренч *(внезапно смущается)*. Ну да... а что же? Кстати, как насчет этой церкви? Ваш отец, верно, ждет нас там.

Бланш *(подавляя раздражение)*. Пожалуйста, идите, если она вас так интересует. Я вас не удерживаю.

Тренч. А вы разве не пойдете?

Бланш. Нет! *(С досадой отворачивается.)*

Тренч *(встревожен)*. Послушайте! Вы не обиделись? *(На миг она оборачивается и глядит на него с нежной укоризной.)* Бланш! *(Она тотчас обдает его холодом, но она перестаралась, на него нападает робость.)* Простите, ради бога, что я назвал вас по имени... Но я... э... *(Она спешит исправить ошибку, смягчая выражение лица. Он немедленно и бурно реагирует.)* Вы ведь не сердитесь? Мне почему-то казалось, что вы не рассердитесь. Видите, какое дело. Я, конечно, не знаю, как вы это примете... Уж очень это сразу; но обстоятельства не допускают... То есть, я хочу сказать, мой недостаток такта... *(Окончательно запутавшись, он не замечает, с какой жадностью она ждет продолжения его речи.)* Вот если б на моем месте был Кокэйн...

Бланш *(с негодованием)*. Кокэйн!

Тренч *(перепуган)*. Нет, нет, я совсем не про то... Уверяю вас! Я только хотел сказать, что он...

Бланш. Что он сейчас вернется вместе с папой.

Тренч *(отупело)*. Да. Теперь уж, наверно, скоро. Надеюсь, я вас не задерживаю?

Бланш. Я думала, что вы меня задерживаете для того, чтобы мне что-то сказать.

Тренч *(окончательно оробев)*. Нет, нет, ничего. То есть ничего важного... то есть я боюсь, что для вас это неважно. Может быть, как-нибудь в другой раз...

Бланш. Какой еще другой раз? Мы, может, никогда больше и не встретимся. *(В отчаянии.)* Скажите сейчас. Я хочу, чтобы вы сказали сейчас!

Тренч. Видите ли, я думал, что если б мы с вами сейчас решили... так или этак... То есть если бы вы могли решиться... *(От волнения окончательно утрачивает дар речи.)*

Бланш *(теряя всякую надежду заставить его заговорить)*. Непохоже, чтобы вы могли на что-нибудь решиться, доктор Тренч.

Тренч *(заикаясь)*. Я только думал... *(Умолкает и жалобно смотрит на нее. Мгновение она колеблется, затем с рассчитанным порывом бросается ему на шею. Он стискивает ее в объятиях с возгласом облегчения.)* Бланш! Дорогая! Господи! Я уже боялся, что так ничего из себя и не выжму. Я бы тут стоял и заикался до самого вечера, если бы вы мне не помогли!

Бланш *(с негодованием отстраняется от него)*. Я вам вовсе не помогала...

Тренч *(не выпуская ее)*. Я не хочу сказать, что вы нарочно. Нет, а так – инстинктивно.

Бланш *(не вполне еще успокоенная)*. Но вы еще ничего не сказали.

Тренч. Что ж тут еще говорить? Больше этого *(целует ее)* все равно не скажешь.

Бланш *(тает от поцелуев, но не упускает из виду своей цели)*. Но, Гарри...

Тренч *(в восторге от того, что она назвала его по имени)*. Да, милочка?

Бланш. Когда мы поженимся?

Тренч. Сейчас же. В первой церкви, которая нам попадется. Вот хоть в этой – святого Аполлинариса.

Бланш. Нет, серьезно. Ведь это очень серьезно, Гарри. Не надо с этим шутить.

Тренч *(внезапно оглядываясь на калитку и выпуская Бланш)*. Тсс! Они уже возвращаются.

Бланш. О, ччер... *(Ее восклицание тонет в звоне, донося щемся из дверей гостиницы.)*

На пороге появляется потрясающий колокольчиком о ф и-

циант. Кокэйн и Сарториус входят через садовую калитку.

Официант. Табльдот через двадцать минут, леди и джентльмены. *(Уходит в гостиницу.)*

Сарториус *(он очень серьезен)*. Я думал, ты пойдешь с нами, Бланш.

Бланш. Да, папа. Мы только что хотели идти.

Сарториус. Тут всюду столько пыли. Надо пойти почиститься перед обедом. Пойдем, дитя мое. *(Подает ей руку. Его торжественный тон всех терроризирует.)*

Бланш молча уходит, опираясь на руку отца. Кокэйн, не менее напыщенный, чем сам Сарториус, смотрит на Тренча строгим взором судьи.

Кокэйн *(укоризненно)*. Нет, дорогой мой. Нет, нет. Никуда не годится. Краснею за вас. Никогда в жизни мне еще не было так стыдно. Вы злоупотребили неопытностью этой беззащитной девушки.

Тренч *(с горячностью)*. Кокэйн!

Кокэйн *(неумолимо)*. Отец ее, по всем признакам, настоящий джентльмен. Я имел честь с ним познакомиться, я представил ему вас; полагаясь на меня, он с полным спокойствием оставил свою дочь под вашим покровительством. И что же я вижу по возвращении? Что видит ее отец? О Тренч, Тренч! Нет, дорогой мой, нет. Дурной вкус, Гарри, дурной тон!

Тренч. Вздор! Ничего вы не видели.

Кокэйн. Ничего не видели! Она, истинная леди, благовоспитаннейшая девица, у вас в объятиях — и вы говорите, что мы ничего не видели! — а в дверях официант трезвонит в огромный колокол, тщетно стараясь привлечь к себе ваше внимание. *(Продолжает свою нотацию с удвоенной строгостью.)* Неужели у вас нет принципов, Тренч? Неужели у вас нет религиозных убеждений? Неужели вам не знакомы принятые в порядочном обществе обычаи? Вы целовались...

Тренч. Ну, этого вы не могли видеть.

Кокэйн. Мы не только видели, мы слышали. Звук вашего поцелуя разнесся по всему Рейну. Не унижайтесь до лжи, Тренч.

Тренч. Чепуха, Билли! Вы...

Кокэйн. Опять! Я уже просил вас не употреблять это вульгарное уменьшительное. Как я могу ожидать, что солидные состоятельные люди отнесутся ко мне с ува-

жением, если меня на каждом шагу будут обзывать Билли? Меня зовут Уильям! Уильям де Бар Кокэйн.

Тренч. Ах, да ну вас! Ну, ну, не обижайтесь, старина. Что вы так ершитесь из-за всяких пустяков? У меня это както само выходит, что я вас зову Билли: к вам это идет.

Кокэйн *(уязвлен)*. В вас нет деликатности, Тренч, нет такта. Конечно, я никому об этом не говорю, но боюсь, что из вас никогда не получится истинного джентльмена.

В дверях гостиницы появляется Сарториус.

Вот мой друг Сарториус; он, очевидно, намерен потребовать у вас объяснений. Меня не удивило бы, если б он захватил с собой хлыст. Я удаляюсь, не желая быть свидетелем прискорбной сцены.

Тренч. Стойте, Билли! Да не уходите же! Черт!.. Мне как раз сейчас неудобно говорить с ним наедине.

Кокэйн *(качает головой)*. Деликатность, Гарри, деликатность! Хороший вкус! Savoir faire![1] *(Уходит.)*

Тренч пытается улизнуть в другую сторону. Он с непринужденным видом направляется к калитке.

Сарториус *(тоном гипнотизера)*. Доктор Тренч!

Тренч *(останавливается и поворачивается к нему)*. Ах, это вы, мистер Сарториус? Ну, как вам понравилась церковь?

Сарториус молча указывает ему на стул. Тренч, парализованный собственным волнением и торжественным тоном Сарториуса, беспомощно опускается на сиденье.

Сарториус *(тоже садится)*. Вы беседовали с моей дочерью, доктор Тренч...

Тренч *(все еще пытаясь держать себя непринужденно)*. Да, побеседовали... так вообще поболтали, пока вы с Кокэйном были в церкви. А как вам понравился Кокэйн, мистер Сарториус? Изумительно тактичный человек, правда?

Сарториус *(не обращая внимания на эти увертки)*. Я только что говорил с дочерью, доктор Тренч. У нее создалось впечатление, будто между вами двумя произошло нечто такое, что я, как отец — отец девушки, рано утратившей мать, — считаю своим долгом немедленно привести в ясность. Моя дочь — быть может, по своему неразумению — приняла ваши слова всерьез; и я...

---

[1] Умение себя вести (*франц.*).

Тренч. Но...

Сарториус. Минуточку. Я сам был молод – моложе, чем можно себе представить, судя по мне сейчас. Я имею в виду душевную молодость. И если вы говорили несерьезно...

Тренч *(простодушно)*. Но я говорил совершенно серьезно. Я хочу жениться на вашей дочери, мистер Сарториус. Надеюсь, вы не против?

Сарториус *(инстинктивно сразу же хватается за преимущество, которое дает ему смирение Тренча, но все же не забывает, что перед ним племянник леди Роксдэл)*. Пока нет. Ваше предложение, по-видимому, вполне серьезно и благородно, и я лично считаю его за честь для себя.

Тренч *(приятно удивлен)*. Ну, так, значит, это дело решенное? Вы очень добры.

Сарториус. Не спешите, мистер Тренч, не спешите. Такие дела не решаются в одну минуту.

Тренч. Ну конечно. Есть еще разные формальности и тому подобное. Но между нами это уже решено, да?

Сарториус. Гм! Больше вам нечего прибавить?

Тренч. Только то, что... Да нет, собственно говоря, нечего. Разве только то, что я всем сердцем люблю...

Сарториус *(прерывает его)*. Например, что-нибудь относительно ваших родных. Вы не ожидаете возражений с их стороны?

Тренч. Ну, их это совершенно не касается.

Сарториус *(с жаром)*. Простите, сэр, это их очень даже касается.

Тренч озадачен.

Я твердо решил, что моя дочь войдет только в ту семью, где ее примут с уважением, на которое ей дает право ее образование и воспитание *(здесь выдержка изменяет ему, и он повторяет, словно Тренч ему противоречит)*, да, и ее воспитание.

Тренч *(все более изумляясь)*. Ну ясно. Само собой разумеется. Но почему вы думаете, что Бланш не понравится моим родным? Ведь мой отец был младшим сыном; поэтому мне и пришлось избрать себе профессию, и так далее; мои родные и не ждут, что мы будем устраивать для них приемы, они прекрасно понимают, что это нам не по средствам. Зато они будут приглашать нас к себе. Они всегда меня приглашают.

Сарториус. Нет, сэр, этого мало. Я знаю, что во многих семьях очень косо смотрят на всякого, кто не принадлежит к их кругу.

Тренч. Но мои родные вовсе не какие-нибудь снобы. Уверяю вас. И чем же Бланш не леди? Ну так чего им еще надо?

Сарториус *(прочувствованно)*. Я рад, что вы так думаете. *(Протягивает руку Тренчу, тот в недоумении берет ее.)* Я сам так думаю. *(Благодарно пожимает руку Тренча, затем отпускает ее.)* А теперь вот что я вам скажу, доктор Тренч, вы поступили со мной честно, и вам тоже не придется на меня жаловаться. Денежных затруднений у вас не будет. И устраивать приемы можете сколько вам угодно. Я вам это гарантирую. Но и я со своей стороны тоже должен иметь гарантию, что моя дочь будет принята в вашей семье как равная.

Тренч. Гарантию?

Сарториус. Да. Достаточную гарантию. Я желал бы, чтобы вы написали своим родным, сообщили им о своем намерении и прибавили, что найдете нужным, о тех качествах, которые дают моей дочери право войти в высший круг общества. Когда вы мне покажете письма от старших членов вашей семьи – письма, в которых вас поздравляют и приветствуют ваш выбор, – тогда я сочту себя удовлетворенным. Я, кажется, ясно выразился?

Тренч *(очень удивлен, но обрадован)*. Вполне. Вы, право, очень добры. Благодарю вас. Раз вы этого хотите, я, понятно, напишу своим родным. Но только напрасно вы сомневаетесь. Уверяю вас, они все будут очень рады. Я им велю ответить с обратной почтой.

Сарториус. Благодарю вас. А пока я попросил бы вас не считать помолвку окончательной.

Тренч. Не считать окончательной?.. А, понимаю. Вы хотите сказать, между Бланш и...

Сарториус. Я хочу сказать, между вами и мисс Сарториус. Когда несколько времени тому назад я прервал вашу беседу, вы оба, по-видимому, считали дело решенным. Но если возникнут препятствия и этот брак – вы видите, я говорю о браке, – если этот брак расстроится, я не хочу, чтобы Бланш имела повод жалеть, что позволила постороннему мужчине...

Тренч сочувственно кивает.

Вот именно. Могу я рассчитывать, что вы сами сумеете соблюсти должное расстояние и этим избавите меня от необходимости ограничить знакомство, которое обещает быть столь приятным для всех нас?

Тренч. Конечно, сэр, раз таково ваше желание.

Они пожимают друг другу руки.

Сарториус *(встает)*. Вы, кажется, сказали, что напишете домой сегодня?

Тренч *(с жаром)*. Сейчас напишу, не сходя с места.

Сарториус. В таком случае не буду вам мешать... *(Запинается в смущении, так как эта беседа оставила в нем чувство некоторой неловкости; но он побеждает себя усилием воли и, уже поворачиваясь к выходу, с достоинством добавляет.)* Очень рад, что мы с вами договорились. *(Уходит в дверь гостиницы.)*

Тотчас из-за кустов появляется Кокэйн, который все время слонялся поблизости, мучимый любопытством.

Тренч *(взволнованно)*. Билли! Вы как раз кстати. Окажите мне услугу. Сочините-ка за меня письмо, а я потом перепишу.

Кокэйн. Кажется, я путешествую с вами в качестве друга, Тренч, а не в качестве вашего секретаря.

Тренч. Ну и напишите как друг. Это к моей тете Марии, насчет Бланш и меня. Надо ей сообщить...

Кокэйн. Насчет Бланш и вас? Сообщить ей о том, что было? Предать вас, моего друга? И забыть, что я обращаюсь к леди? Ни за что!

Тренч. Ерунда, Билли. Не притворяйтесь, будто не понимаете. Мы с Бланш обручены — слышите, обручены! Что вы на это скажете? Письмо должно пойти с вечерней почтой. А вы лучше всех можете мне посоветовать, как писать и что писать. Ну же, старина! *(Усаживает Кокэйна за столик и всячески старается его умаслить.)* Вот вам карандаш. Нет ли у вас кусочка... Ну да ладно, можно писать на карте, на обороте. *(Вырывает карту из Бедекера и расстилает ее на столе, чистой стороной кверху.)*

Кокэйн берет карандаш и готовится писать.

Вот так, очень хорошо. Страшно вам благодарен, дружище. Ну шпарьте! *(Тревожно.)* Только вы там все-таки поосторожней насчет выражений, Кокэйн.

Кокэйн *(откладывая карандаш)*. Если вы сомневаетесь в моей

способности найти подобающие выражения для письма к леди Роксдэл...

Тренч *(стараясь задобрить его)*. Что вы, что вы, старина! Кто же это сделает лучше вас. Я только хотел объяснить. Видите ли, Сарториус почему-то вбил себе в голову, что мои родные будут задирать нос перед Бланш. И он даст согласие лишь в том случае, если они пришлют нам поздравления, и приглашения, и прочее тому подобное. Так уж вы сочините такое письмо, чтобы тетя Мария сейчас же ответила, с обратной почтой, и написала, что она в восторге, и пригласила нас — то есть Бланш и меня — погостить у нее, ну и остальное в том же духе. Ну, вы понимаете. В общем изложите все эдак в разговорном тоне, ну и...

Кокэйн *(уничтожающе)*. Изложите вы мне в разговорном тоне, а я, надеюсь, сумею передать это леди Роксдэл с надлежащим тактом и деликатностью. Кто такой Сарториус?

Тренч *(смущен)*. Не знаю. Я не спросил. Как-то неудобно задавать такие вопросы... то есть по крайней мере такому человеку, как он. Нельзя ли как-нибудь это обойти, а? Мне, право, не хочется его спрашивать.

Кокэйн. Я могу это обойти, если вы желаете. Ничего нет легче. Но если вы полагаете, что леди Роксдэл согласится это обойти, то я другого мнения. Может быть, я не прав. Весьма вероятно. Кажется, я вообще никогда не бываю прав. Но таково мое мнение.

Тренч *(в замешательстве)*. Ах, черт возьми! Как же быть? Да вы просто напишите, что он джентльмен, — это нас ни к чему не обязывает. А главное, напирайте на то, что он богат и что Бланш его единственная дочь. Ну, тетя Мария и успокоится.

Кокэйн. Гарри Тренч! Когда же вы наконец возьметесь за ум? Это серьезное дело. Не будьте легкомысленны, Гарри, не будьте легкомысленны.

Тренч. Тьфу! А вы не будьте таким добродетельным.

Кокэйн. Я не добродетелен. Вернее, я не собираюсь учить вас добродетели. Вот это, пожалуй, будет точная формулировка: я добродетелен, но не учу добродетели. А вы, Гарри, скажите мне вот что: если вы берете за женой приданое, разве ваших родных не должно интересовать, откуда взялись эти деньги? А вас самого — вас самого, Гарри, это не интересует?

Тренч беспомощно смотрит на него, нервно ломая пальцы.

(Откладывает карандаш и с подчеркнутым равнодушием откидывается на стуле.) Конечно, это не мое дело. Я только так – высказываю предположение. Что вы знаете о Сарториусе? Может быть, он просто-напросто удалившийся на покой грабитель.

Из дверей гостиницы выходят Бланш и Сарториус, одетые к обеду.

Тренч. Тсс! Они идут сюда. Вы уж кончайте с этим до обеда, хорошо? Будьте другом! Вы меня очень обяжете.

Кокэйн *(нетерпеливо)*. Идите себе, идите, вы мне мешаете. *(Машет на него рукой и принимается писать.)*

Тренч *(смиренно и с благодарностью)*. Хорошо, дружище. Страшно вам благодарен.

Бланш, оставив отца в саду, направляется к калитке, ведущей на берег. Сарториус с Бедекером в руках проходит между столиками, садится неподалеку от Кокэйна и погружается в чтение.

(Обращается к Сарториусу.) Вы не возражаете, сэр, если я поведу Бланш к столу?

Сарториус. Пожалуйста, доктор Тренч. Сделайте одолжение. *(Любезным жестом предлагает ему присоединиться к Бланш.)*

Тренч устремляется вслед за Бланш в калитку.
Над Рейном разгорается закат, заливая все красным светом. Кокэйн, терзаемый муками творчества, строя гримасы, трудится над письмом. Заметив, что Сарториус наблюдает за ним, приходит в смущение.

Надеюсь, я не мешаю вам, мистер Кокэйн?

Кокэйн. О нет, нисколько. Наш друг Тренч возложил на меня трудное и крайне щекотливое поручение. Он просил меня, как друга семьи, написать его родным об одном деле, касающемся вас, мистер Сарториус.

Сарториус. Вот как, мистер Кокэйн! Ну что ж. Лучше вас никому это и не сделать.

Кокэйн *(скромничая)*. Ну, это слишком сильно сказано, мистер Сарториус, слишком сильно сказано. Но вы видите сами, что такое Тренч. В своем роде отличный малый, мистер Сарториус. Прекрасный молодой человек. Но в таких семейных делах требуется соблюдение формы. Требуется такт. А такт – это слабое место Тренча. У него золотое сердце, но никакого такта. Решительно никакого.

А ведь все зависит от того, как изложить леди Роксдэл. Но на меня вы можете положиться. Я знаю женщин.

Сарториус. Что ж, очень хорошо. Но как бы она к этому ни отнеслась, — а меня, мистер Кокэйн, очень мало заботит, как люди ко мне относятся, — я во всяком случае надеюсь, что, когда мы вернемся в Англию, мы будем иметь удовольствие видеть вас в нашем доме.

Кокэйн *(очарован его любезностью)*. Мой дорогой сэр! Ваши слова обличают в вас истинного английского джентльмена.

Сарториус. Ну что вы. Мы всегда будем рады вас видеть. Но я боюсь, что отрываю вас от письма. Прошу вас, продолжайте. Не буду вам мешать. *(Делает вид, что хочет встать, но остается сидеть и добавляет.)* Впрочем, не могу ли я быть вам полезным? Например, уточнить какой-нибудь неясный для вас вопрос или даже — если вы не примете это в обиду от старика — помочь вам своим опытом, указать, например, в какой форме лучше преподнести те или другие сведения? *(Кокэйн несколько удивлен. Сарториус пристально глядит на него, затем говорит медленно и многозначительно.)* Я всегда буду рад оказать помощь другу доктора Тренча, любую помощь, насколько это в пределах моих возможностей и моих средств.

Кокэйн. Дорогой мистер Сарториус, вы, право, очень добры. Мы с Тренчем как раз ломали голову над этим письмом; и правда, есть тут один или два пункта, которые для нас не ясны. *(Щепетильно.)* Но я не позволил Гарри расспрашивать вас. Нет, ни в коем случае. Я указал ему, что будет гораздо тактичнее, гораздо деликатнее подождать, пока вы сами пожелаете дать нужные сведения.

Сарториус. Гм! Разрешите узнать, что вы уже написали.

Кокэйн. «Моя дорогая тетя Мария». То есть это, конечно, не моя тетя, а Тренча; леди Роксдэл — мой большой друг. Я, видите ли, составляю для него черновик, а он потом перепишет.

Сарториус. Понятно. Продолжайте, пожалуйста. Или вы позволите мне предложить?..

Кокэйн *(с жаром)*. Все ваши предложения, дорогой мистер Сарториус, будут весьма ценны... весьма ценны и весьма желательны.

Сарториус. Я бы начал так: «Совершая путешествие по Рейну вместе с моим другом Кокэйном...»

Кокэйн *(пишет и бормочет про себя)*. Превосходно, пре-

восходно. Именно то, что нужно... «вместе с моим другом Кокэйном...»

Сарториус. «...я познакомился...», или «повстречался», или «набрел» — что, по-вашему, больше подходит к стилю вашего друга. Не будем слишком церемонны.

Кокэйн. «Набрел». О нет. Слишком degagé,[1] мистер Сарториус, слишком degagé... Я бы сказал так: «Я имел удовольствие завязать знакомство».

Сарториус. Ни в коем случае. Об этом пусть леди Роксдэл судит сама. Оставьте, как было. «Я познакомился с молодой девицей, дочерью...» *(Умолкает.)*

Кокэйн *(пишет)*. «...с молодой девицей, дочерью...» Дальше?

Сарториус. Ну, скажем, «джентльмена».

Кокэйн *(удивлен)*. Само собой разумеется.

Сарториус *(неожиданно раздражаясь)*. Вовсе не само собой разумеется, сэр.

Кокэйн недоуменно смотрит на него; в нем зашевелилось подозрение.

(Овладев собой, смущенно продолжает.) Гм!.. «...джентльмена, имеющего солидное состояние и положение в обществе...»

Кокэйн *(повторяет слова по мере того, как их пишет, но уже с ноткой холодности в голосе)*. «...положение в обществе...»

Сарториус. «...которым он, однако, обязан только самому себе».

Кокэйн, которому теперь ситуация стала совершенно ясна, откидывается на спинку стула и, вместо того чтобы писать, бесцеремонно разглядывает Сарториуса.

Написали?

Кокэйн *(покровительственным тоном)*. Ага. Так, так. *(Пишет.)* «...только самому себе». Именно. Продолжайте, Сарториус, продолжайте. Вы выражаетесь чрезвычайно ясно.

Сарториус. «Молодая девица — единственная наследница отца, выходя замуж, не будет стеснена в средствах. Она получила наилучшее воспитание и образование, какое можно приобрести, не щадя затрат, и всегда жила в самой утонченной и изысканной обстановке. Она во всех отношениях...»

Кокэйн *(прерывает)*. Простите, но вам не кажется, что

---

[1] Развязно *(франц.)*.

это несколько смахивает на рекламу? Я только так, с точки зрения хорошего вкуса.

Сарториус *(обеспокоен)*. Пожалуй, вы правы. Я, конечно, не стремлюсь диктовать вам каждое слово...

Кокэйн. Ну конечно. Вполне вас понимаю.

Сарториус. Но я не хотел бы, чтобы у леди Роксдэл создалось неправильное представление о... о воспитании моей дочери. Что же касается меня...

Кокэйн. Ну тут будет достаточно указать вашу профессию, или ваше занятие, или... *(Останавливается, и несколько секунд оба испытующе глядят друг на друга.)*

Сарториус *(с расстановкой)*. Мои средства, сэр, слагаются из дохода от целого ряда больших жилых домов в Лондоне. Земля, на которой они построены, принадлежит в основном леди Роксдэл, а доктор Тренч имеет закладную на эти дома, и эта закладная, кажется, является единственным источником его средств. Сказать по правде, мистер Кокэйн, мне очень хорошо известны денежные дела доктора Тренча, и я уже давно искал случая познакомиться с ним лично.

Кокэйн *(снова становится любезным; однако его любопытство еще не удовлетворено)*. Какое замечательное совпадение. А в каком районе, вы говорите, находятся эти дома?

Сарториус. В Лондоне, сэр. Управление этой недвижимостью занимает все мое время, за исключением тех часов, которые я посвящаю обычным занятиям и развлечениям, приличным джентльмену. *(Встает и вынимает бумажник с визитными карточками.)* Остальное я предоставляю на ваше усмотрение, сэр. *(Кладет визитную карточку на стол.)* Вот мой сербитонский адрес. Если вся эта затея кончится разочарованием для Бланш, ей, вероятно, не захочется встречаться с вами. Но если все обернется так, как мы рассчитываем, то друзья доктора Тренча будут и нашими друзьями.

Кокэйн *(встает, с карандашом и бумагой в руках, и говорит самоуверенно)*. Положитесь на меня, мистер Сарториус. Здесь *(указывает себе на лоб)* письмо уже готово. Через пять минут оно будет готово и здесь. *(Указывает на бумагу, кивком головы подкрепляет свои слова и принимается ходить взад и вперед по саду, то записывая что-то на бумаге, то постукивая себя по лбу, всем своим видом показывая, что в нем совершается напряженная умственная работа.)*

Сарторius *(смотрит на часы, потом зовет, обернувшись к калитке)*. Бланш!

Бланш *(издали)*. Да?

Сарторius. Пора идти к столу, дорогая. *(Уходит в павильон с надписью «Table d'hôte».)*

Бланш *(голос ее слышен ближе)*. Иду. *(Входит через калитку в сопровождении Тренча и направляется к павильону.)*

Тренч *(полушепотом)*. Бланш. Подождите минутку.

Она останавливается.

Надо нам вести себя поосторожней, когда ваш отец где-нибудь поблизости. Мне пришлось ему пообещать, что я не буду считать нашу помолвку окончательной, пока не получу ответа из дому.

Бланш *(с холодом в голосе)*. Ах, так! Понимаю. Ваши родные могут решить, что я вам не пара, и тогда свадьбе не бывать. А они, конечно, именно так и решат.

Тренч *(встревожен)*. Не говорите этого, Бланш; можно подумать, что вам все равно. Вы-то сами считаете ее окончательной? Вы мне еще не дали слова.

Бланш. Нет, дала. И отцу я тоже дала слово. Но я его нарушила ради вас. Я, видно, не так щепетильна, как вы. Но вот что я вам скажу: если вы не считаете нашу помолвку окончательной — что бы ни ответили ваши родственники, что бы вы ни пообещали моему отцу, — так давайте порвем все сейчас, и дело с концом.

Тренч *(теряя голову от наплыва чувств)*. Бланш! Клянусь вам честью! Что бы там ни говорили мои родные, что бы я сам ни обещал...

В дверях появляется официант и оглушительно звонит в колокольчик.

Ах, чтоб тебе провалиться!

Кокэйн *(подходит к ним, размахивая письмом)*. Готово, дорогой мой, готово! Сказано — сделано; секунда в секунду! C'est fini, mon garçon, c'est fini![1]

Сарторius возвращается.

Сарторius. Вы поведете Бланш к столу, доктор Тренч?

Тренч предлагает руку Бланш, и они уходят.

Кончили письмо, мистер Кокэйн?

---

[1] Готово, милый мой, готово *(франц.)*.

Кокэйн *(с выражением авторской гордости подает листок Сарториусу)*. Вот оно!

Сарториус читает, кивками выражая полное удовлетворение.

Сарториус *(возвращает письмо Кокэйну)*. Благодарю вас, мистер Кокэйн. Вы в совершенстве владеете пером.

Кокэйн *(вместе с Сарториусом направляется к павильону)*. Ну что вы, что вы. Всего лишь капелька такта, мистер Сарториус, капелька знания света, капелька понимания женской натуры...

Исчезают в дверях павильона.

Библиотечная комната в хорошо обставленной вилле в Сербитоне. Солнечное сентябрьское утро. Сарториус сидит за письменным столом, просматривая деловую корреспонденцию. Позади него — камин, на лето заставленный цветами; в противоположной стене — окно. Между столом и окном сидит Бланш, одетая в свое самое кокетливое платье, и читает журнал. В средней стене дверь. Всюду по стенам полки, на полках книги в роскошных переплетах, плотно пригнанные одна к другой, словно кирпичи.

Сарториус. Бланш!

Бланш. Да, папа.

Сарториус. У меня есть новости.

Бланш. Какие?

Сарториус. Интересные для тебя. Письмо от Тренча.

Бланш *(с притворным равнодушием)*. Вот как!

Сарториус. «Вот как!» Это все, что ты можешь мне сказать? Ладно. *(Продолжает работать.)*

Пауза.

Бланш. Что говорят его родные, папа?

Сарториус. Его родные? Не знаю. *(Продолжает писать.)*

Пауза.

Бланш. А он что говорит?

Сарториус. Он? Он ничего не говорит. *(Не спеша складывает письмо и оглядывается в поисках конверта.)* Он предпочитает сообщить нам о результатах своих... куда это я его девал? А, вот. Да! Он предпочитает сообщить нам о результатах переговоров лично.

Бланш *(вскакивает)*. Ах, папа! Когда он приедет?

Сарториус. Если он пойдет со станции пешком, то будет здесь через полчаса. А если поедет, то его надо ждать с минуты на минуту.

Бланш *(спешит к двери)*. Ах!

Сарториус. Бланш!

Бланш. Что, папа?

Сарториус. Надеюсь, ты воздержишься от встречи с ним, пока я сам с ним не переговорю.

Бланш *(лицемерно)*. Ну конечно, папочка. Мне это даже в голову не приходило.

Сарториус. Это все, что я хотел сказать. *(Бланш уже на пороге, он протягивает к ней руку и говорит под наплывом отеческих чувств.)* Дорогое мое дитя!

Бланш возвращается и целует его. Стук в дверь.

Войдите.

Входит Ликчиз с небольшим черным чемоданом в руках. Он бедно и неряшливо одет, в несвежем белье; лицо плохо вымыто, борода и бакенбарды растут клочьями, на голове небольшая плешь. Судя по выражению рта и глаз, это цепкий, задиристый человек с темпераментом фокстерьера, но перед Сарториусом он трепещет и раболепствует. Он кланяется Бланш и приветствует ее словами: «С добрым утром, мисс». Она проходит мимо, едва удостоив его презрительным кивком.

Ликчиз. С добрым утром, сэр.

Сарториус *(грубо и отрывисто)*. Здравствуйте!

Ликчиз *(достает из чемодана мешочек с деньгами)*. Сегодня немного, сэр. Я только что имел честь познакомиться с доктором Тренчем, сэр.

Сарториус *(недовольным тоном, поднимая глаза от листка, на котором пишет)*. Вот как?

Ликчиз. Да, сэр. Доктор Тренч просил указать ему дорогу со станции и был так добр, что подвез меня в экипаже.

Сарториус. А где же он сам?

Ликчиз. Задержался в вестибюле, сэр, вместе со своим другом. Наверно, беседует с мисс Сарториус.

Сарториус. С каким таким другом?

Ликчиз. С ним еще господин. Мистер Кокэйн.

Сарториус. Я вижу, вы уже с ними разговорились?

Ликчиз. Мы ведь вместе ехали со станции, сэр.

Сарториус *(резко)*. Почему вы не приехали девятичасовым?

Ликчиз. Я думал...

Сарториус. Ладно. Теперь это уже не исправишь, так что неважно, что вы думали. Но впредь не извольте откладывать мои дела до последней минуты. Как там в Сент-Джайлзе? Были еще неприятности?

Ликчиз. Санитарный инспектор придирается из-за дома номер тринадцать по Робинз Роу. Говорит, что будет жаловаться в церковный совет.

Сарториус. Вы ему сказали, что я член церковного совета?

Ликчиз. Да, сэр.

Сарторіус. Ну?

Ликчиз. Он говорит, что так и знал, а то вы не посмели бы так нагло нарушать закон. Я ведь только передаю его слова, сэр.

Сарторіус. Гм! Вы узнали, как его фамилия?

Ликчиз. Узнал, сэр. Спикмэн.

Сарторіус. Запишите ее в календаре — против того дня, когда будет заседание санитарной комисии. Я научу мистера Спикмэна с бóльшим уважением относиться к церковному совету.

Ликчиз *(с сомнением)*. Церковный совет ему ничего не может сделать, сэр. Он подчинен только городскому управлению.

Сарторіус. Я вас об этом не спрашивал. Покажите счета.

Ликчиз достает приходо-расходную книгу, подает ее Сарториусу и записывает, что ему велено, в лежащем на столе календаре, все время тревожно поглядывая на Сарториуса, погруженного в просмотр счетов.

(Встает, хмуря брови.) Один фунт четыре шиллинга за ремонт по дому номер тринадцать. Это еще что такое?

Ликчиз. Это за ремонт лестницы, сэр, на третьем этаже. По ней прямо ходить опасно. Ступеньки чуть не все поломаны, а перил вовсе нет. Я велел приколотить там несколько досок.

Сарторіус. Досок? Это для чего же? Чтобы жильцам было чем топить, что ли? Они ведь все сожгут, до последней щепки. Вы израсходовали двадцать четыре шиллинга моих денег на дрова для квартирантов.

Ликчиз. Там надо бы каменную лестницу, сэр. Это в конечном счете дало бы экономию. Священник говорит...

Сарторіус. Кто-о?

Ликчиз. Священник, сэр, всего-навсего священник. Не то чтобы я очень с ним считался, но если бы вы знали, как он меня извел с этой лестницей...

Сарторіус. Я англичанин, и я не потерплю, чтобы какой-то священник вмешивался в мои дела. *(Вдруг грозно поворачивается к Ликчизу.)* Послушайте-ка, мистер Ликчиз! Вот уже третий раз за этот год вы мне подаете счета на ремонт стоимостью выше одного фунта. Я вам неоднократно объяснял, что это не какие-нибудь роскошные квартиры в Вест-Энде. Я вас не раз предупреждал, чтобы вы не смели болтать о моих делах с посторонними. Вам не угодно считаться с моими желаниями? Хорошо. Вы уволены.

Ликчиз *(в ужасе)*. Что вы, сэр! Ради бога...

Сарториус *(жестко)*. Вы уволены.

Ликчиз. Мистер Сарториус, это несправедливо! Это несправедливо, сэр! Ни один человек на свете не мог бы больше, чем я, выжать из этих несчастных бедняков или меньше при этом истратить! Я так замарал себе руки на этой работе, что для чистого дела они уже и не годятся. А теперь вы меня выгоняете...

Сарториус *(перебивая его, угрожающим тоном)*. Это что за разговоры о грязных руках? Если я узнаю, что вы хоть на волос отступили от буквы закона, я сам упеку вас под суд. Знаете, что нужно для того, чтобы руки у вас всегда были чисты? Не обманывать доверия своего хозяина. Запишите это себе на память – пригодится на новой службе.

Горничная *(распахивая дверь)*. Мистер Тренч и мистер Кокэйн!

Входят Кокэйн и Тренч. Тренч франтовски одет; он в прекрасном настроении. У Кокэйна вид крайне самодовольный.

Сарториус. Здравствуйте, доктор Тренч. С добрым утром, мистер Кокэйн. Рад вас видеть у себя. Мистер Ликчиз, положите счета и деньги на стол, я после просмотрю и рассчитаюсь с вами.

Ликчиз отходит к столу и в глубоком унынии начинает приводить в порядок счета. Горничная уходит.

Тренч *(взглянул на Ликчиза)*. Мы вам не помешали, сэр?

Сарториус. Нисколько. Садитесь, пожалуйста. Боюсь, что я заставил вас ждать.

Тренч *(садясь на стул, на котором сидела Бланш)*. О нет, ни капельки. Мы только что вошли. *(Достает пачку писем и принимается ее развязывать.)*

Кокэйн *(подходит к столу у окна, но, прежде чем сесть, восхищенным взглядом обводит комнату)*. Сколько книг! Как вы, должно быть, счастливы здесь, мистер Сарториус. Литературная атмосфера.

Сарториус *(садится)*. А я в них и не заглядываю. Бланш – та иной раз берет что-нибудь почитать. Я этот дом выбрал главное из-за песчаной почвы. Процент смертности здесь очень низкий.

Тренч *(торжествуя)*. Ну, я вам привез целую кучу писем. Все мои родные в восторге от того, что я решил наконец

остепениться. Тетя Мария хочет, чтобы свадьба была у нее в доме. *(Подает Сарториусу письмо.)*

Сарториус. Тетя Мария?

Кокэйн. Леди Роксдэл, дорогой мистер Сарториус. Он подразумевает леди Роксдэл. Выражайтесь же немного тактичнее, друг мой.

Тренч. Ну да, леди Роксдэл. Дядя Гарри...

Кокэйн. Сэр Гарри Тренч. Его крестный отец, дорогой сэр, его крестный отец.

Тренч. Ну да, мой крестный. Веселый старикан. Он предлагает нам свой дом в Сент-Эндрюс, если мы захотим провести там медовый месяц. *(Подает Сарториусу другое письмо.)* Это, знаете, такой дом, что жить в нем, конечно, невозможно, ну а все-таки очень мило со стороны дядюшки, что он нам предложил, правда?

Сарториус *(с трудом скрывая удовольствие, которое он испытывает при упоминании стольких титулов)*. Без сомнения. Это весьма удовлетворительные письма, доктор Тренч.

Тренч. Вот, вот, я и говорю. Тетя Мария прямо молодчина! Почитайте там постскриптум: она говорит, что сразу узнала руку Кокэйна в моем письме. *(Посмеиваясь.)* Это ведь он его сочинял.

Сарториус *(обмениваясь взглядом с Кокэйном)*. Неужели? Очевидно, мистер Кокэйн сделал это с большим тактом.

Кокэйн. Вы слишком любезны, сэр.

Тренч *(сияя)*. Ну, что вы теперь скажете, мистер Сарториус? Можно считать нашу помолвку окончательной?

Сарториус. Безусловно. *(Встает и протягивает руку Тренчу. Тот тоже встает и трясет его руку, не находя слов от счастья.)*

Кокэйн *(становится между ними)*. Разрешите поздравить вас обоих. *(Пожимает руки одновременно тому и другому.)*

Сарториус. А теперь, господа, я дожен пойти поговорить с дочерью. Доктор Тренч, надеюсь, вы не лишите меня удовольствия первому сообщить ей радостную весть? Мне столько раз приходилось ее огорчать, с тех пор как мы с вами познакомились. Разрешите покинуть вас на несколько минут?

Кокэйн *(тоном дружеского протеста)*. Пожалуйста, сэр, о чем тут спрашивать?

Тренч. Сделайте одолжение.

Сарториус. Благодарю вас. *(Уходит.)*

Тренч *(опять посмеиваясь)*. Он, бедняга, думает, что это для нее новость! А она уже читала все письма.

Кокэйн. Никак не могу назвать ваше поведение корректным, Гарри. Вы поддерживали с ней тайную переписку...

Ликчиз *(вкрадчиво)*. Господа...

Тренч } *(оборачиваются, они совсем забыли о его присут-*
Кокэйн } *ствии)*. Что?

Ликчиз *(становится между ними, говорит подобострастно, но страшно волнуясь и спеша)*. Простите, господа, я хочу вас попросить... *(Тренчу.)* Я, собственно, к вам обращаюсь, сэр. Не могли бы вы замолвить за меня словечко хозяину? Он только что меня уволил. А у меня четверо детей, и я у них единственный кормилец. Одно ваше слово, сэр... В такой счастливый день он вам не откажет...

Тренч *(в затруднении)*. Видите ли, мистер Ликчиз, по-моему, мне неудобно вмешиваться. Очень сожалею.

Кокэйн. Конечно, неудобно. Это был бы весьма дурной тон.

Ликчиз. Вы молоды, сэр, вы не понимаете, что это значит для такого, как я, потерять работу! Ну что вам стоит помочь бедному человеку? Позвольте, я вам расскажу, как было дело. Я только...

Тренч *(ему жаль Ликчиза, но, чувствуя, что заступничество за него сулит неприятности, он рад придраться к случаю и напускает на себя официальный тон)*. Нет, я не стану слушать. Я вам скажу напрямик, мистер Ликчиз, что не считаю мистера Сарториуса способным поступать опрометчиво или бессердечно. Я с его стороны всегда встречал только доброту и великодушие; я полагаю, что в ваших делах он может разобраться лучше, чем я.

Кокэйн *(с пробудившимся любопытством)*. А по-моему, вам не мешает выслушать, Гарри. Вреда от этого не будет. Послушаем, что скажет мистер Ликчиз.

Ликчиз. Да нет, сэр, не стоит. Уж раз этого человека называют добрым и великодушным!.. Ну, что уж тут.

Тренч *(строго)*. Если вы хотите, чтобы я вам помог, мистер Ликчиз, то позвольте вам сказать, что вы избираете неправильный путь, дурно отзываясь о мистере Сарториусе.

Ликчиз. А я разве что против него говорю? Вот ваш друг свидетель: сказал я против него хоть что-нибудь?

Кокэйн. Верно. Совершенно верно. Будьте справедливы, Гарри.

Тиквиз. Помяните мое слово, господа, он еще обо мне пожалеет. И не позже как через неделю, когда новый агент будет сдавать ему квартирную плату. Вы сами почувствуете разницу, доктор Тренч, когда вы или ваши дети вступят во владение этими домами. Я выцарапывал деньги там, где никто другой в жизни бы не выцарапал. И вот благодарность! Смотрите сюда, джентльмены. Посмотрите на этот мешок с деньгами! Тут каждый пенни слезами полит; на него бы хлеба купить ребенку, потому что ребенок плачет от голода, — а я прихожу и выдираю последний грош у них из глотки. До тех пор пристаю, и требую, и угрожаю, пока не отдадут. Знаете, джентльмены, я уже очерствел на этой работе; но тут есть такие деньги, к которым я бы никогда не прикоснулся, кабы не страх, что мои собственные дети останутся без хлеба, если я не угожу хозяину. И вот только за то, что я истратил двадцать четыре шиллинга на ремонт лестницы, — а на этой лестнице уже три женщины покалечились, и случись еще такое, он бы непременно угодил под суд, — так вот за то, что я истратил эти гроши, он меня выгоняет!.. Слушать ничего не хочет, хотя я и предложил возместить этот расход из своего кармана, да и сейчас не отказываюсь, только бы вы, сэр, замолвили за меня словечко.

Тренч *(в ужасе)*. Вы отнимали хлеб у голодного ребенка! Ну, знаете, так вам и надо. Будь я отцом одного из этих ребят, я бы вам кое-что похуже всякого увольнения показал! И мне еще за вас заступаться!.. Пальцем не шевельну, хотя б от этого зависело спасение вашей души, если только она у вас есть. Мистер Сарториус совершенно прав.

Тиквиз *(смотрит на него во все глаза; и, как ни терзает его тревога, на миг она уступает место презрительному удивлению)*. Господи! Вы только послушайте, что он говорит! Ну и невинный же вы ягненок, как посмотрю я на вас, сэр! Вы что думаете — он меня уволил за то, что я был слишком жесток? Да как раз наоборот — за то, что я был недостаточно жесток. Ему ведь все мало; если б я с них шкуру живьем содрал, он бы и то сказал, что мало. Я не говорю, что он хуже всех домовладельцев в Лондоне, — есть такие, что хуже быть нельзя; но только если взять самого плохого, так и он ничем не лучше. А я, хоть и не пристало мне самому себя хвалить, я прямо скажу: лучшего управляющего, чем я, у него еще не бывало.

Я столько выжимал из этих домов и так мало на них тратил, что никто даже не поверит, кто знаком с этими делами. Я знаю свои заслуги, доктор Тренч, и раз другие о них молчат, так приходится самому говорить.

Кокэйн. Что это за дома? Какого типа?

Ликчиз. Жилые дома, сэр, где квартиры сдаются понедельно. Комнату там можно снять, а то и полкомнаты, а то и угол. Выгодное дело, если умеючи за него взяться. Выгодней нету. Это подсчитано: с кубического фута такие дома дают больше дохода, чем самый шикарный особняк на Парк-лейн.

Тренч. Я надеюсь, что у мистера Сарториуса не много таких домов, как бы они ни были доходны.

Ликчиз. А у него только такие и есть. Это-то и показывает, какая у него деловая сметка. Он всегда так и поступал: как только накопит несколько сотен фунтов, так сейчас и покупает старые дома. Такие дома, сэр, что вы бы нос зажали, доведись вам мимо пройти. У него есть дома в Сент-Джайлзе, есть в Мэрилебоне, есть в Бетнал Грине. Вы только посмотрите, как он сам живет, — уж значит это выгодное дело. Сам-то он ищет, где почва песчаная да где процент смертности низкий. А вот пойдемте как-нибудь со мной на Робинз Роу, — я вам покажу, какая там почва и какой процент смертности. И заметьте, что это все моими руками добывается; сам-то он небось не пойдет собирать с жильцов квартирную плату!

Тренч. Вы хотите сказать, что все его доходы, все его состояние — из этого источника?

Ликчиз. А как же? Все до последнего пенни.

Тренч так потрясен, что вынужден сесть.

Кокэйн *(смотрит на него с состраданием)*. Ах, дорогой мой друг, алчность — это корень всех зол.

Ликчиз. Да, сэр. И каждый из нас не прочь иметь у себя в саду деревце от этого корня.

Кокэйн *(высокомерно)*. Я не с вами говорю, мистер Ликчиз. Не хочу судить вас слишком строго, но профессия сборщика квартирной платы всегда внушала мне особое отвращение.

Ликчиз. Профессия как профессия, не хуже многих других. А мне нужно о детях думать.

Кокэйн. Согласен. Это оправдание у вас действительно есть. И оно есть также у нашего друга Сарториуса. Его

привязанность к дочери многое искупает... безусловно многое искупает.

Ликчиз. Она счастливая дочь, сэр. Немало дочерей выгоняли на улицу для того, чтобы Сарториус мог тешить свои родительские чувства. Что поделаешь, сэр, в делах всегда так. *(Вкрадчиво.)* А теперь, сэр, когда ваш друг знает, что я не виноват, он ведь не откажется замолвить за меня словечко?

Тренч *(сердито встает)*. И не подумаю. Все это мерзость с начала и до конца, и вы, как пособник, ничего лучшего и не заслуживаете. Я уже сталкивался с такими фактами, когда работал в больнице. И у меня прямо кровь закипала, когда я думал, что ничего против этого нельзя сделать.

Ликчиз *(не в силах сдержать накопившееся раздражение)*. Вот как, сэр! Мерзость-то мерзость, а от своей доли небось не откажетесь, когда женитесь на мисс Бланш. *(Яростно.)* Кто из нас хуже, хотел бы я знать, — я ли, который выдирает эти деньги у людей из глотки для того, чтобы мои дети не остались без крова, или вы, который тратите их на свои удовольствия да еще норовите свалить вину на другого!

Кокэйн. Совершенно неподходящие выражения в разговоре с джентльменом, мистер Ликчиз. Прямо какой-то революционный душок...

Ликчиз. Может быть. Но только Робинз Роу не школа светских манер. Вы походите там недельку, другую... Вот меня увольняют, так не угодно ли на мое место? Там всего наслушаетесь.

Кокэйн *(с достоинством)*. Вы знаете, с кем вы говорите, милейший?

Ликчиз *(дерзко)*. Очень даже хорошо знаю. Да не больно вы мне нужны — и вы и все вам подобные! Я беден, вот в чем загвоздка! Беден — ну, значит, жулик! И жалеть меня нечего и заступаться не надо, — прибыли-то вам от этого ведь никакой нет! *(Опомнившись, униженным тоном Тренчу.)* Одно только словечко, сэр! Что вам стоит!

В дверях появляется Сарториус, они его не замечают.

Пожалейте бедного человека!

Тренч. Вы сами, кажется, не слишком жалели других, по собственным вашим признаниям.

Ликчиз *(снова выходит из себя)*. Побольше, чем ваш

драгоценный тестюшка. Я во всяком случае... *(Ледяной голос Сарториуса заставляет его застыть на месте.)*

Сарториус. Будьте любезны явиться сюда завтра, мистер Ликчиз, не позже десяти утра; тогда мы закончим наши дела. Сегодня я вас больше не задерживаю.

Присмиревший Ликчиз уходит среди гробового молчания.

(После неловкой паузы продолжает.) Это один из моих агентов, — вернее, бывший мой агент. Мне пришлось его уволить, так как он неоднократно нарушал мои предписания.

Тренч молчит.

(Поборов смущение, говорит нарочито шутливым, поддразнивающим тоном, который не идет к нему ни при каких обстоятельствах, а в данную минуту кажется невыносимо фальшивым.) Бланш сейчас придет, Гарри.

Тренча коробит.

Я полагаю, что теперь мне можно вас так называть. Не прогуляться ли нам с вами по саду, мистер Кокэйн? Мои цветники славятся на всю округу.

Кокэйн. С восторгом, дорогой мистер Сарториус, с восторгом! Ваша жизнь здесь — это идиллия, настоящая идиллия. Мы только что об этом говорили.

Сарториус *(лукаво)*. А Гарри и Бланш потом к нам присоединятся... Немного погодя. Она сейчас придет.

Тренч *(торопливо)*. Нет! Я сейчас не могу с ней разговаривать.

Сарториус *(посмеиваясь)*. Да неужели! Ха-ха!

От этого смеха, который он слышит впервые, Тренча всего передергивает. Даже Кокэйна берет оторопь, но он тотчас же овладевает собой.

Кокэйн. Ха-ха-ха! Хо! хо!

Тренч. Да вы не понимаете...

Сарториус. Не понимаем? Так-таки и не понимаем? А, мистер Кокэйн? Ха-ха!

Кокэйн. Где уж понять! Ха! ха! ха!

Уходят, продолжая смеяться. Тренч, внутренне содрогаясь, опускается на стул. В дверях появляется Бланш. Лицо ее вспыхивает радостью, когда она видит, что он один. Она на цыпочках подходит к нему сзади и зажимает ему глаза. Он вскрикивает от неожиданности и, резко вскочив, вырывается из ее рук.

Бланш *(удивленно)*. Гарри!

Тренч *(силясь быть вежливым)*. Простите, пожалуйста! Задумался... Пожалуйста, садитесь.

Бланш *(подозрительно смотрит на него)*. Что-нибудь случилось? *(Не спеша усаживается возле письменного стола.)*

Тренч садится на место Кокэйна.

Тренч. Нет, нет ничего.

Бланш. Папа вас чем-нибудь обидел?

Тренч. Мы с ним почти и не разговаривали. *(Встает, берет свой стул и ставит его рядом со стулом Бланш. Это ей больше нравится. Она глядит на него с самой обворожительной улыбкой. У него вырывается что-то вроде рыдания, он хватает ее за руки и страстно их целует. Затем, заглядывая ей в глаза, торжественно спрашивает.)* Бланш! Вы любите деньги?

Бланш *(весело)*. Очень. А вы хотите мне дать?

Тренч *(морщится)*. Не шутите с этим, это очень серьезно. Знаете ли вы, что мы будем очень бедны?

Бланш. Вот почему у вас был такой вид, словно у вас болят зубы?

Тренч *(умоляюще)*. Дорогая! Право, это совсем не шутки. Знаете ли вы, что все мои доходы составляют семьсот фунтов в год?

Бланш. Это ужасно!

Тренч. Бланш, да послушай же! Говорю тебе, это очень серьезно!

Бланш. Мой дорогой мальчик! На эту сумму, пожалуй, нелегко вести хозяйство, не будь у меня своих денег. Но папа обещал, что после замужества я стану еще богаче, чем сейчас.

Тренч. Нет, мы можем рассчитывать только на эти семьсот фунтов. Мы должны сами себя содержать.

Бланш. А это так и будет, Гарри. Только если бы ты меня кормил на эти семьсот фунтов, ты стал бы вдвое беднее; а вместо того я сделаю тебя вдвое богаче.

Тренч качает головой.

Разве папа что-нибудь возражает?

Тренч *(встает со вздохом и ставит свой стул на прежнее место)*. Нет, он не возражает. *(Садится, повесив голову.)*

Когда Бланш опять заговаривает, по ее лицу и голосу видно, что в ней нарастает раздражение.

Бланш. Гарри. Тебе гордость не позволяет брать деньги у папы?

Тренч. Да, Бланш. Гордость не позволяет.

Бланш *(помолчав)*. Это нехорошо по отношению ко мне, Гарри.

Тренч. Не сердись на меня, Бланш... Я... я не могу тебе объяснить. В конце концов это вполне естественно.

Бланш. А тебе не приходило в голову, что у меня тоже есть гордость?

Тренч. Ну, это пустяки. Про тебя никто не подумает, что ты вышла замуж ради денег.

Бланш. А если и подумает, то не осудит. И тебя тоже. *(Встает и принимается беспокойно ходить взад и вперед.)* Гарри, мы не можем жить на семьсот фунтов в год. И нечестно требовать этого от меня только потому, что ты боишься, как бы люди о тебе плохо не подумали.

Тренч. Дело не только в этом, Бланш.

Бланш. А в чем же?

Тренч. Да нет, ни в чем... я просто...

Бланш *(подходит к нему сзади, кладет руки на плечи и, нагнувшись к нему, говорит с наигранной шутливостью)*. Ну конечно, ни в чем. Не глупи, Гарри. Будь пай-мальчиком и выслушай меня. Я знаю, как мы сделаем. У тебя есть гордость, ты не хочешь жить на мой счет. А у меня тоже есть гордость, и я не хочу жить на твой. У тебя семьсот фунтов в год. Я попрошу папу, чтобы он пока давал мне тоже ровно семьсот. Вот мы и будем квиты. Против этого тебе уж нечего возразить.

Тренч. Это невозможно.

Бланш. Невозможно?

Тренч. Да, невозможно. Я твердо решил, что ни одного пенни не возьму у твоего отца.

Бланш. Да ведь он мне даст эти деньги, а не тебе.

Тренч. Это все равно. *(Хочет сыграть на чувстве.)* Я так люблю тебя, что не вижу разницы. *(Нерешительно протягивает ей руку через плечо. Она с такой же нерешительностью берет ее. Оба искренне стремятся к примирению.)*

Бланш. Это очень мило сказано, Гарри. Но я уверена, что тут еще что-то кроется, что мне следовало бы знать. Может быть, папа тебя все-таки обидел?

Тренч. Нет, он был очень добр... то есть по крайней мере со мной. Дело не в этом. Ты все равно не догадаешься, Бланш. Да и не к чему тебе знать. Ты только

огорчишься, а пожалуй, еще и рассердишься. Это, конечно, не надо так понимать, что мы всю жизнь будем жить на семьсот фунтов в год. Я всерьез займусь медициной. Увидишь, как я буду работать! До кровавых мозолей.

Бланш *(играет его пальцами, все еще склонившись над ним)*. Но я совсем не хочу, чтоб у тебя были кровавые мозоли. Гарри, я требую, чтобы ты объяснил мне, в чем дело. *(Он отнимает у нее руку. Она вспыхивает гневным румянцем, и когда заговаривает, в голосе ее нет и следа благовоспитанных, светских интонаций.)* Ненавижу секреты! И не выношу, когда со мной обращаются как с ребенком!

Тренч *(ему не нравится ее тон)*. Тут нечего объяснять. Просто я считаю неудобным пользоваться щедростью вашего отца, вот и все.

Бланш. Полчаса тому назад, когда мы разговаривали в зале и вы показывали мне письма, вы не находили это неудобным. Ваши родные не находят это неудобным. У них нет возражений против нашего брака. А у вас теперь, значит, есть?

Тренч *(серьезно)*. Не против брака, Бланш. Речь идет только о деньгах.

Бланш *(умоляюще; еще раз голос ее становится мягким и кротким)*. Гарри, не будем ссориться. Не надо. Папа никогда не допустит, чтобы я целиком зависела от тебя. И, правду сказать, мне это самой не нравится. Если ты заикнешься ему об этом, он разорвет нашу помолвку. Только этого ты и добьешься.

Тренч *(упрямо)*. Тут уж я ничего не могу поделать.

Бланш *(бледнея от бешенства)*. Ничего не можешь! А... я начинаю понимать. Хорошо, я избавлю вас от хлопот. Можете сказать папе, что я вам отказала. Это разрешит все ваши затруднения.

Тренч *(поражен)*. Бланш! Что с тобой? Ты обиделась?

Бланш. Обиделась! Вы еще смеете спрашивать!

Тренч. Смеете!

Бланш. Гораздо достойней было бы признаться, что вы только играли мной тогда, на Рейне! Зачем вы сегодня приехали? Зачем писали вашим родным?

Тренч. Бланш! Ты сердишься и сама не знаешь, что говоришь...

Бланш. Это не ответ. Вы надеялись, что ваши родные не согласятся,— а они как раз и согласились; видно, рады поскорей сбыть вас с рук. Просто сбежать у вас

совести не хватило, а сказать правду стыдно. Вот вы и придумали — разозлить меня до того, чтобы я сама от вас отказалась. Очень красиво и совершенно по-мужски — постараться свалить всю вину на женщину! Хорошо, будь по-вашему: возвращаю вам ваше слово. Только лучше бы вы придумали другой способ открыть мне глаза, хоть самый грубый... ударили бы меня, что ли, чем вот так вилять, как вы сейчас!

Тренч *(в гневе)*. Вилять!.. Ну, знаете, если б я думал, что вы способны так кидаться на человека, я б с вами никогда не заговорил. Мне что-то и впредь с вами говорить не хочется.

Бланш. И не придется. Больше никогда не придется. Уж я об этом позабочусь. *(Бежит к двери.)*

Тренч *(встревожен)*. Что вы хотите сделать?

Бланш. Принести ваши письма — ваши лживые письма — и ваши подарки — ваши ненавистные подарки, и вернуть их вам. Я очень рада, что наша помолвка расстроилась; я никогда...

В ту минуту, когда Бланш берется за ручку, дверь отворяется изнутри; входит Сарториус и плотно затворяет дверь за собой.

Сарториус *(перебивает ее, строго)*. Тише, Бланш! Ты уж себя не помнишь, кричишь так, что слышно по всему дому. В чем дело?

Бланш *(она в таком бешенстве, что ей безразлично, слышит ли ее кто-нибудь или нет)*. А это ты у него спроси. Денег, видите ли, брать не хочет! Придумал благовидный предлог!

Сарториус. Предлог? Для чего предлог?

Бланш. Для того, чтобы меня бросить.

Тренч *(возмущенно)*. Никогда я не говорил...

Бланш *(еще более возмущенно)*. Нет, говорил! Говорил! Вы только это и говорили!

Бланш и Тренч говорят оба сразу, каждый старается перекричать другого.

Тренч. Совсем я не хочу вас бросить! Неправда! Вы сами знаете, что неправда! Ложь! Наглая ложь! Я не потерплю...

Бланш. Нет, хотите, хотите! Но я вас сама знать не желаю! Ненавижу вас! Всегда ненавидела! Грубый, наглый, подлый...

Сарториус *(выйдя из терпения)*. Молчать! *(Еще более грозно.)* Молчать!

Бланш и Треич умолкают.

(Твердо продолжает.) Бланш! Надо все-таки владеть собой. Я уже предупреждал тебя, что не потерплю таких сцен. Прислуга все слышит. Доктор Треич может сам за себя ответить. А тебе лучше всего уйти. *(Распахивает дверь оранжереи и зовет.)* Мистер Кокэйн, можно вас сюда на минутку?

Кокэйн *(из оранжереи)*. Иду, дорогой мистер Сарториус, иду. *(Появляется в дверях.)*

Бланш. Я и сама не хочу тут оставаться. Надеюсь, что когда я вернусь, ты будешь один, без посторонних.

У Треича вырывается нечленораздельное восклицание. Бланш уходит, по пути окинув Кокэйна гневным взглядом. Он удивленно смотрит ей вслед, потом вопросительно глядит на обоих мужчин. Сарториус сердито захлопывает дверь и поворачивается к Треичу.

Сарториус *(вызывающе)*. Ну, сэр...

Треич *(перебивает, еще более вызывающе)*. Что, сэр?

Кокэйн *(становится между ними)*. Спокойнее, дорогой мой друг, спокойнее. Учтивость, Гарри, соблюдайте учтивость.

Сарториус *(овладевает собой)*. Если вы хотите мне что-то сказать, мистер Треич, я готов вас выслушать. А затем разрешите сказать мне.

Треич *(пристыжен)*. Простите. Виноват. Выкладывайте.

Сарториус. Должен ли я это понимать так, что вы отказываетесь жениться на моей дочери?

Треич. Ничего подобного. Это она отказывается выйти за меня замуж. Но так или иначе, а мы не женимся, если вы об этом спрашиваете.

Сарториус. Доктор Треич, я буду с вами откровенен. Я знаю, что Бланш не в меру вспыльчива. Это такая же неотъемлемая ее черта, как сильная воля и большая смелость,— в такой степени эти качества редко встречаются даже у мужчин. С этим вам нужно заранее примириться. Если для этой ссоры нет других причин, кроме характера Бланш, то, поверьте мне, завтра все забудется. Но я понял из ее слов, что возникли какие-то препятствия из-за денег.

Треич *(снова приходя в волнение)*. Все препятствия были с ее стороны. Да это бы еще ничего, но она тут такого

наговорила!.. Показала, что вот настолько *(делает жест пальцами)* меня не любит!

Кокэйн *(умиротворяющим тоном)*. Дорогой мой друг...

Тренч. Замолчите, Билли! После таких сцен, право, отпадает охота даже глядеть на женщин. Вы посудите сами, мистер Сарториус. Я ей объяснил положение со всей деликатностью, со всей осторожностью, ни словом не упомянул о причинах, только спросил, согласна ли она жить на один мой доход, а она накинулась на меня, словно я грубиян какой-нибудь!

Сарториус. Жить на один ваш доход! Это невозможно: моя дочь привыкла совсем к другой обстановке. Разве я не сказал уже, что дам необходимые средства? Разве Бланш не говорила вам, что я ей обещал?

Тренч. Да, да, я знаю, мистер Сарториус. И я очень вам благодарен. Но я предпочел бы ничего не брать у вас, кроме самой Бланш.

Сарториус. Почему же вы раньше этого не сказали?

Тренч. Неважно почему. Не будем говорить об этом.

Сарториус. Неважно! Нет, это очень важно, сэр. Я требую ответа. Почему вы не сказали раньше?

Тренч. Раньше я сам не знал.

Сарториус *(раздражен)*. Так надо было знать, прежде чем брать на себя такое серьезное обязательство. *(Начинает возбужденно ходить по комнате.)*

Тренч *(в негодовании)*. Надо было знать! Кокэйн, ну где тут здравый смысл? *(Лицо Кокэйна выражает усилие беспристрастно оценить положение, но он ничего не отвечает, и Тренч снова обращается к Сарториусу, на этот раз гораздо менее почтительным тоном.)* Откуда мне, черт возьми, было знать? Вы мне ничего не говорили.

Сарториус. Не увертывайтесь, сэр. Вы только что сказали, что раньше сами не знали своих намерений.

Тренч. Ничего подобного я не говорил. Я сказал, что не знал, откуда у вас деньги.

Сарториус. Это ложь! Я...

Кокэйн. Спокойнее, дорогой мистер Сарториус. Спокойнее, Гарри. Возьмите себя в руки. Suaviter in modo, fort...[1]

Тренч. Пускай сперва он себя возьмет! Набрасывается на меня чуть не с кулаками!

---

[1] Suaviter in modo, fortirer in re – мягче по форме, тверже по существу *(лат.)*.

Сарториус. Мистер Кокэйн, будьте свидетелем. Я дал исчерпывающие объяснения по этому вопросу. Я сказал, что своим положением я обязан только самому себе: все, что у меня есть, нажито моим трудом. И я этого не стыжусь.

Тренч. И все вранье. Я только что узнал от вашего агента, этого... Ликчиза, или как его там зовут, как вы нажили состояние. Вымогали последние гроши у несчастных бедняков, не брезгуя при этом пускать в ход угрозы и насилие и всякого рода мелкое тиранство!

Сарториус *(в ярости)*. Сэр!

Угрожающе смотрят друг на друга.

Кокэйн *(кротко)*. За квартиру нужно платить, дорогой мой. Тут ничего не поделаешь, Гарри, ничего не поделаешь.

Тренч в сердцах отворачивается. Сарториус с минуту смотрит на него в раздумье, затем, снова приняв спокойный и полный достоинства вид, говорит с подчеркнутой вежливостью, но также и с ноткой снисхождения к его молодости и неразумию.

Сарториус. Боюсь, доктор Тренч, что вы еще очень неопытны в делах. Простите, что я на минуту забыл об этом. Могу я попросить вас воздержаться от окончательного приговора до тех пор, пока мы с вами не побеседуем спокойно и обстоятельно и не обсудим со всех сторон ваши сентиментальные представления? Не обижайтесь, что я так их называю. *(Берется за стул и жестом предлагает Тренчу сесть на другой, рядом.)*

Кокэйн. Очень деликатно выражено, дорогой мистер Сарториус. Гарри, сядьте и выслушайте... и давайте обсудим дело спокойно и беспристрастно. Не упрямьтесь.

Тренч. Хорошо, я сяду и выслушаю. Только не знаю, как вы ухитритесь из черного сделать белое. И мне надоело, что все мне читают нотации, словно я тут один виноват. *(Садится.)*

Кокэйн подсаживается к нему справа. Все приготовляются к обстоятельному разговору.

Сарториус. Прежде всего, доктор Тренч, договоримся: надеюсь, что вы не социалист и не что-нибудь подобное?

Тренч. Конечно, нет. Я консерватор... то есть... по крайней мере если б я дал себе труд голосовать, то я бы подал голос за кандидата консерваторов.

Кокэйн. Правильно, Гарри, правильно! Верность старому знамени!

Сарториус. Я очень рад, что хоть в этом у нас нет разногласий. Я, само собой разумеется, тоже консерватор; не какой-нибудь узкий и закоснелый ретроград, не враг истинного прогресса, но все же консерватор. Что касается Ликчиза, то тут довольно сказать одно: не далее как сегодня я его уволил за то, что он обманул мое доверие; поэтому его нельзя считать беспристрастным и незаинтересованным свидетелем. Теперь о моих делах. Я предоставляю жилище очень бедным людям, — которым ведь тоже нужен кров над головой, — за плату, соответствующую их скромным средствам. Вы ведь не станете требовать, чтобы я это делал даром?

Тренч. Это все очень мило, но вопрос в том, какого рода жилье вы им даете за эту плату? Человек должен где-то жить, а не то его сажают в тюрьму. Этим и пользуются и заставляют его платить за грязный угол, не пригодный даже под собачью конуру. Почему вы не строите приличные дома и не даете людям полноценный товар за их деньги?

Сарториус *(полный сострадания к такой наивности)*. Мой юный друг, бедняки не умеют жить в приличных домах; они их через неделю обратят в развалины. Вы мне не верите — испытайте сами. Поставьте на свой счет все недостающие перила и решетки, приделайте крышки к бакам для воды и мусорным ящикам — и через три дня ни одной не окажется на месте: сожгут, сэр, все сожгут до последней щепки. Я их не виню; им нужно топливо, а достать его другим способом они часто не имеют возможности. Но я не могу без конца тратить деньги на ремонт только для того, чтобы они все растащили, когда мне с трудом удается выцарапать у них четыре шиллинга шесть пенсов в неделю за комнату, что в Лондоне является нормальной квартирной платой. Нет, джентльмены, есть такая степень бедности, когда людям нельзя помочь, как бы вы им ни сочувствовали. В конечном счете это им приносит больше вреда, чем пользы. Я предпочитаю сберечь деньги и построить лишний дом для тех, кто совсем не имеет крова, — и отложить кое-что для Бланш. *(Смотрит на своих собеседников.)*

Оба молчат; Тренча не убедили эти доводы, но он пасует перед красноречием Сарториуса; Кокэйн сокрушенно задумался.

(Сдвигает брови, подается вперед на стуле, словно готовясь к прыжку, и с ударением спрашивает у Тренча.) А теперь, доктор Тренч, разрешите у вас спросить, откуда берется ваш доход?

Тренч *(вызывающе)*. Из процентов по ценным бумагам. Не от сдачи домов внаем. Тут по крайней мере я чист. Из процентов по закладной.

Сарториус *(с силой)*. Да, по закладной на мои дома. Когда я, по вашему выражению, вымогаю у бедняков то, что они сами по доброй воле согласились мне платить, я не смею истратить ни единого пенни из этих денег до тех пор, пока не выплачу вам ваши семьсот фунтов в год. Что Ликчиз делал для меня, то я делаю для вас. Оба мы только посредники, а хозяин — вы. И так как из-за бедности моих клиентов мое дело сопряжено с коммерческим риском, то вы и тянете с меня чудовищный и ни с чем не сообразный процент — семь годовых! — и тем самым заставляете меня в свою очередь выжимать последний фартинг из квартирантов. И, однако, доктор Тренч, хотя сами вы никогда палец о палец не ударили ради собственного благополучия, вы не постеснялись говорить обо мне с презрением только потому, что я обращаю всю свою энергию и весь свой опыт на управление нашим имуществом и на то, чтобы поддерживать его в удовлетворительном состоянии.

Кокэйн *(с облегчением)*. Превосходно, дорогой мистер Сарториус, превосходно! Я чувствовал, что Тренч говорит вздор, непрактический вздор. Прекратим этот разговор, дорогой мой друг, вы только ставите себя в смешное положение, когда беретесь судить о делах. Я вам говорил, что тут ничего не поделаешь.

Тренч *(ошеломлен)*. Вы хотите сказать, что я такой же негодяй, как и вы?

Кокэйн. Стыдитесь, Гарри, стыдитесь! Какая бестактность! Будьте джентльменом, извинитесь.

Сарториус. Разрешите мне, мистер Кокэйн. *(Тренчу.)* Если, говоря, что вы такой же негодяй, как я, вы подразумеваете, что вы так же бессильны, как и я, изменить нынешний строй общества, то вы, к сожалению, правы.

Тренч отвечает не сразу. Он смотрит на Сарториуса, широко раскрыв глаза, потом, опустив голову, тупо глядит в землю, свесив между колен руки со сплетенными пальцами, — моральный банкрот, живая картина душевного

упадка. Кокэйн подходит к нему и с видом сочувствия кладет руку ему на плечо.

Кокэйн *(мягко)*. Ну же, Гарри, ну! Возьмите себя в руки. Мистер Сарториус ждет ответа.

Тренч *(все еще подавленный, медленно разжимает пальцы, выпрямляется, упершись ладонями в колени, обдергивает жилет; он пытается философски отнестись к постигшему его разочарованию)*. Да, кто сам живет в стеклянном доме, тот не смеет бросать камнями в других. Но, честное слово, я не знал, что мой дом стеклянный, пока вы мне не показали. Прошу прощенья. *(Протягивает руку Сарториусу.)*

Сарториус. Ни слова больше, Гарри. Ваши чувства делают вам честь. Уверяю вас, что я сам их разделяю. Всякий, в ком есть сердце, хотел бы, чтобы другой, лучший порядок вещей был практически осуществим. Но, к несчастью, это не так.

Тренч *(несколько утешен)*. По-видимому, да.

Кокэйн. Вы правы, дорогой мистер Сарториус, вы безусловно правы. Всему виной прирост населения.

Сарториус *(Тренчу)*. Надеюсь, я убедил вас, сэр, что вам нет оснований возражать против того, чтобы Бланш брала деньги у меня,— не больше, чем мне против того, чтобы она брала их у вас.

Тренч *(в унылом раздумье)*. Да, по-видимому, так. Похоже, что мы все одна шайка. Простите, что я тут так нашумел.

Сарториус. Ну что вы, есть о чем говорить. Наоборот, очень благодарен вам за то, что вы умолчали перед Бланш о причине ваших сомнений. Это в высшей степени благородно с вашей стороны. Пожалуй, лучше ей и впредь ничего не знать.

Тренч *(с волнением)*. Но я должен ей объяснить. Вы видели, как она рассердилась.

Сарториус. Предоставьте это мне. *(Смотрит на часы, затем звонит.)* Скоро завтрак. Вы, может быть, захотите почиститься с дороги, а я тем временем поговорю с Бланш; надеюсь, что все обойдется к нашему общему удовольствию.

Входит горничная.

(Обращается к ней своим обычным повелительным тоном.) Скажите мисс Бланш, чтобы она пришла сюда.

Горничная *(лицо у нее заметно вытягивается)*. Слушаю, сэр. *(Нерешительно идет к двери.)*

Сарториус *(передумав)*. Подождите.

Она останавливается.

Пойдите к мисс Бланш, спросите ее от меня, как она себя чувствует, и скажите, что я здесь один и хотел бы видеть ее на минутку, если она не занята.

Горничная *(с облегчением)*. Слушаю, сэр. *(Уходит.)*

Сарториус. Позвольте, я вас провожу в вашу комнату, Гарри. Надеюсь, вы скоро будете чувствовать себя здесь как дома. Вам тоже, мистер Кокэйн, надо у нас освоиться. Пойдемте, пока не пришла Бланш. *(Направляется к двери.)*

Кокэйн *(следуя за ним, весело)*. После нашей маленькой дискуссии у меня появился прекрасный аппетит.

Тренч *(мрачно)*. А у меня пропал.

Сарториус распахивает перед ними дверь. Они выходят. Он сам уже на пороге, когда возвращается горничная. Это кроткая, чувствительная девушка, глаза у нее на мокром месте, она и сейчас еле сдерживает слезы.

Сарториус. Ну? Придет мисс Бланш?

Горничная. Да, сэр. Кажется, придет, сэр.

Сарториус. Подождите ее здесь и скажите, что я сейчас вернусь — только провожу доктора Тренча в его комнату.

Горничная. Слушаю, сэр. *(Входит в комнату. Когда она проходит мимо Сарториуса, у нее вырывается сдавленное рыдание.)*

Сарториус окидывает ее подозрительным взглядом и, притворив дверь, идет за ней.

Сарториус *(понизив голос)*. Что с вами?

Горничная *(всхлипнув)*. Ничего, сэр.

Сарториус *(все так же вполголоса, но угрожающим тоном)*. Извольте вести себя прилично, когда у нас гости. Слышите?

Горничная. Да, сэр.

Сарториус уходит. Слышен его голос за дверью: «Простите, я вас задержал, надо было кое-что сказать прислуге», и ответы Тренча: «Ничего, пожалуйста», и Кокэйна: «Пожалуйста, пожалуйста, дорогой мистер Сарториус». Голоса замирают в отдалении. Горничная сморкается, вытирает глаза, подходит к книжному шкафу и достает из ящика лист оберточной бумаги и клубок

шпагата, кладет все на стол. Она еще не совсем успокоилась и по временам всхлипывает. Входит Бланш со шкатулкой в руках. Ее лицо в эту минуту — лицо сильной, решительной женщины, охваченной неудержимым гневом. Горничная смотрит на нее взглядом, выражающим одновременно оскорбленную преданность и физический страх.

Бланш *(оглядываясь)*. Где папа?

Горничная *(дрожащим голосом, стараясь умилостивить ее)*. Он сказал, что сейчас придет, мисс. Сказал, что сию минуту. Я приготовила бумагу, мисс. И бечевку. *(Расстилает бумагу на столе.)* Позвольте, я заверну.

Бланш. Не надо. Не суйтесь не в свое дело. *(Опрокидывает шкатулку. На бумагу выпадает связка писем и несколько драгоценностей. Бланш срывает с пальца кольцо и так стремительно кидает его в общую кучу, что оно скатывается со стола на ковер. Горничная покорно подбирает его и кладет на стол. При этом она опять всхлипывает и утирает глаза.)* Чего вы плачете?

Горничная *(жалобно)*. Вы так грубо со мной разговариваете, мисс Бланш. А я вас так люблю. Никто другой не стал бы это терпеть.

Бланш. Ну так уходите. Вы мне не нужны. Слышите? Убирайтесь.

Горничная *(в отчаянии, падая на колени)*. Нет, нет, мисс Бланш! Не прогоняйте меня! Пожалуйста...

Бланш *(с отвращением)*. Фу! Видеть вас не могу!

Горничная горько плачет, уязвленная в самое сердце.

Перестаньте реветь. Они ушли?

Горничная *(плача)*. Ох, как вы могли мне это сказать, мисс Бланш. А я вас так...

Бланш *(хватает ее за волосы и за горло)*. Перестань реветь! Убью!

Горничная *(умоляет и уговаривает, но все вполголоса, чтобы их не услышали)*. Пустите, мисс Бланш, вы же потом сами пожалеете, ведь всегда так. Вспомните, как в прошлый раз я расшибла себе голову...

Бланш *(в бешенстве)*. Ты будешь отвечать или нет? Они ушли?

Горничная. Ликчиз ушел, он ужасно... *(У нее вырывается сдавленный крик — видно, пальцы Бланш крепко впились в нее.)*

Бланш. Я тебя о Ликчизе спрашиваю? Дрянь! Ведь сама знаешь! Ты это нарочно!

Горничная *(задыхаясь)*. Они остались завтракать.

Бланш *(напряженно смотрит ей в лицо)*. А он?

Горничная *(шепотом, сочувственно кивая)*. Он тоже, мисс.

Бланш отпускает ее и стоит подавленная, с выражением отчаяния на лице. Горничная, определив, что приступ гнева кончился и ей больше не угрожает насилие, садится на корточки и пытается привести в порядок волосы и наколку, по временам всхлипывая от изнеможения и боли.

Ну вот, теперь у меня руки дрожат, и вся посуда будет звенеть на подносе, и все это заметят. Как вам не совестно, мисс Бланш...

Кашель Сарториуса за дверью.

Бланш *(быстро)*. Тсс! Встаньте!

Горничная вскакивает и, приняв степенный вид, проходит к двери мимо Сарториуса. Сарториус провожает ее строгим взглядом и подходит к Бланш. Горничная тихо затворяет за собой дверь.

Сарториус *(сокрушенным тоном)*. Дитя мое, неужели ты не можешь совладать со своим нравом?

Бланш *(тяжело дышит, успокаиваясь после припадка)*. Не могу. И не хочу. Я и так стараюсь. Кто меня любит, тот не покинет меня из-за моего нрава. Я никому его не показываю, кроме этой девушки, и одна она из всех наших слуг не берет расчета.

Сарториус. Но, дорогая, вспомни, что у нас за завтраком будут гости. Я и решил сперва поговорить с тобой – сказать, что я все уладил с Тренчем. Это Ликчиз ему бог знает чего наплел. Тренч просто дурак, молодо-зелено! Ну, да я все уладил.

Бланш. Я не хочу выходить замуж за дурака.

Сарториус. Тогда тебе придется поискать себе мужа старше тридцати лет. Нельзя требовать слишком много, дитя мое. Ты будешь богаче своего мужа и, как мне кажется, умнее. Это не так плохо.

Бланш *(прижимается к его плечу)*. Папа!

Сарториус. Что, дорогая?

Бланш. С этим замужеством... Могу я поступить так, как я сама хочу, или я должна сделать так, как ты хочешь?

Сарториус *(уклончиво)*. Бланш...

Бланш. Нет, папа, ты должен мне ответить.

Сарториус *(отбрасывает всякую сдержанность и дает волю чувству)*. Дорогое мое дитя, поступай, как сама хочешь. И сейчас и всегда. У меня только одно желание – видеть мою девочку счастливой.

Бланш. Тогда я не выйду за него. Он насмеялся надо мной. Он считает нас ниже себя, он нас стыдится, он посмел сказать, что не хочет, чтобы ты благодетельствовал ему, – как будто в этом для него есть что-то позорное. А потом... все-таки соблазнился деньгами! *(Бросается отцу на шею.)* Папа! Я не хочу выходить замуж, я не хочу тебя покидать! Ведь нам до сих пор так хорошо жилось вместе! Мне даже думать противно о замужестве, я его совсем не люблю, я не хочу с тобой расставаться.

Входят Тренч и Кокэйн, но Бланш ничего не слышит, кроме собственного голоса, и не замечает их.

Только прогони его. Обещай, что его прогонишь, и мы по-старому будем жить вместе... *(Видит Тренча.)* Ах!.. *(Прячет лицо на груди отца.)*

Тренч *(нервно)*. Надеюсь, мы не помешали...

Сарториус *(внушительно)*. Доктор Тренч! Моя дочь передумала.

Тренч *(в замешательстве)*. Значит ли это...

Кокэйн *(перебивает, чрезвычайно кислым тоном)*. Боюсь, мой дорогой друг, что при данных обстоятельствах это значит, что нам придется позавтракать где-нибудь в другом месте.

Тренч. Но, мистер Сарториус, вы объяснили?..

Сарториус *(прямо ему в лицо)*. Я все объяснил, сэр. Прощайте.

Тренч, вспыхнув, делает шаг вперед. Бланш выскальзывает из объятий отца и падает на стул. Сарториус, выпрямившись во весь рост, стоит над нею, как страж.

Тренч *(с негодованием отворачивается)*. Пойдем, Кокэйн.

Кокэйн. Пойдемте, Гарри, пойдемте.

Тренч уходит, очень сердитый. По дороге ему попадается горничная; в руках у нее поднос, вся посуда на нем звенит.

(Оборачивается к Сарториусу.) Я очень ошибся в вас, сэр, очень. Прощайте. *(Уходит вслед за Тренчем.)*

Гостиная в доме Сарториуса на Бедфорд-сквер. Зимний вечер, топится камин, шторы опущены, и лампы зажжены. Сарториус и Бланш уныло сидят у камина. Горничная только что принесла кофе и расставляет чашки на столике между ними. Посреди комнаты большой стол. Если, стоя у стола, обернуться лицом к окнам, то направо находится концертный рояль, закрытый чем-то вроде постельного покрывала, что свидетельствует о том, что инструмент открывают редко, а может быть и никогда; на крышке рояля стоит миниатюрный мольберт с увеличенной фотографией Бланш. В комнате две двери: одна налево, ведущая в кабинет, другая в углу, около правого окна, ведущая в коридор. Бланш вяжет, возле нее рабочая корзинка. Сарториус сидит у самого камина и читает газету. Горничная уходит.

Сарториус. Бланш, дорогая.

Бланш. Да?

Сарториус. Сегодня мы долго беседовали с доктором насчет поездки за границу.

Бланш *(нетерпеливо)*. Я совершенно здорова. И я не хочу ехать за границу. Мне даже думать об этом противно. Что ты все беспокоишься о моем здоровье?

Сарториус. Речь шла не о твоем здоровье, Бланш, а о моем.

Бланш *(встает)*. О твоем? *(Встревоженная, идет к отцу.)* Папа! Ты болен?

Сарториус. Болезни придут, Бланш, ведь это неизбежно, и гораздо раньше, чем ты успеешь стать пожилой женщиной.

Бланш. Но сейчас-то ты здоров?

Сарториус. Видишь ли, доктор считает, что мне нужна перемена впечатлений, путешествие, развлечения...

Бланш. Развлечения! *Тебе* нужны развлечения! *(Невесело смеется и садится на ковер у ног Сарториуса.)* Папа, скажи, почему это другими людьми ты вертишь, как хочешь, а со мной совсем не умеешь хитрить? Думаешь, я не понимаю, зачем тебе понадобилось за границу? Раз я не соглашаюсь быть больной и не позволяю тебе стать моей сиделкой — ну, значит, больным будешь ты, а я сиделкой.

Сарториус. Что же делать, дорогая. Ты утверждаешь, что ты здорова и ничто тебя не тревожит, — так уж приходится мне говорить, что я болен и что меня кое-что тревожит. А так жить, как мы эти четыре месяца, дальше нельзя. Ты совсем извелась, да и мне было нелегко.

Лицо Бланш омрачается; она отворачивается и молчит задумавшись.

(Напрасно ждет ответа, потом добавляет, понизив голос.) Нужно ли быть такой непреклонной, Бланш?

Бланш. Я думала, что ты ценишь в людях непреклонность. Ты сам всегда так гордился своей непреклонностью.

Сарториус. Пустяки, дорогая, совершеннейшие пустяки. Мне много раз приходилось уступать. И я мог бы назвать тебе сколько угодно очень мягких людей, которые добились в жизни не меньше, чем я, а удовольствия при этом получали гораздо больше. Если ты только из гордости насилуешь себя...

Бланш. Я не насилую себя. Не понимаю, о чем ты говоришь. *(Хочет встать и отойти.)*

Сарториус *(удерживает ее за руку, когда она еще только приподнимается)*. Дитя мое, не таись от меня, словно я тебе чужой. Ты страдаешь из-за того...

Бланш *(резко вырывается и вскакивает на ноги)*. Папа! Если ты это скажешь, я покончу с собой. Это неправда. Пусть бы он даже сам сюда пришел, пусть бы стоял сейчас передо мной на коленях, я б лучше из дому ушла, только бы его не видеть. *(Уходит в волнении.)*

Сарториус с глубоким вздохом опять поворачивается к камину.

Сарториус *(мрачно глядит в огонь)*. Как быть? Спорить с ней — так потом от нее целый месяц слова не добьешься. Словно не с дочерью живешь, а с конторщиком или со слугой. А уступить ей сейчас — значит и всегда придется уступать. Но что поделаешь! Я, правда, привык всегда ставить на своем, но надо же как-нибудь с этим покончить. Она молода — ей жить, а не мне.

Входит горничная.

Горничная. Там мистер Ликчиз пришел, сэр, хочет вас видеть. Велел сказать, что по очень важному делу. По *вашему* делу, сэр.

Сарториус. Какой еще мистер Ликчиз? Ликчиз, что у меня служил?

Горничная. Тот самый, сэр. Но только его теперь и не узнать.

Сарториус *(хмурится)*. Гм! С голоду, наверно, подыхает? Милостыню пришел просить?

Горничная *(с жаром отвергает это предположение)*. Ах, нет, сэр! Он теперь прямо важный барин! В меховом пальто, сэр! В экипаже приехал! Бритый, чистый! Он, наверно, наследство получил, сэр.

Сарториус. Гм! Впустите его.

Ликчиз, дожидавшийся за дверью, тотчас входит. В его наружности удивительная перемена. Он во фраке, на нем пальто, подбитое мехом, отливающим всеми оттенками тигровой шкуры, в руках атласно-лоснящийся черный цилиндр. Галстук заколот булавкой с крупным брильянтом, на отросшем брюшке массивная золотая цепь, бакенбарды сбриты, теперь он носит усики, нафабренные и закрученные. Сарториус глядит на него в немом изумлении, а Ликчиз останавливается и с улыбкой позволяет полюбоваться собой, от души наслаждаясь произведенным эффектом. Горничная не меньше его наслаждается этим coup de théâtre[1] *и, вся сияя, спешит к выходу, чтобы поделиться сенсационной новостью на кухне. Ликчиз завершает сцену победоносным кивком Сарториусу.*

Сарториус *(опомнившись, враждебно)*. Ну?

Ликчиз. Очень хорошо, Сарториус, благодарю вас.

Сарториус. Я не спрашиваю о вашем здоровье, и вы это прекрасно знаете. Какое там у вас дело?

Ликчиз. А такое дело, Сарториус, что я с ним и в другое место могу пойти, если тут меня недостаточно вежливо встретят. Мы теперь с вами на равных правах. Не вы были моим хозяином, а ваши деньги, не воображайте, будто вы. А теперь, когда у меня у самого денег, слава богу, довольно и я от вас больше не завишу...

Сарториус *(решительно подходит к двери и распахивает ее)*. Ступайте-ка со своей независимостью вон из моего дома. Я ее тут не потерплю.

Ликчиз *(снисходительно)*. Ну, ну, Сарториус, не упрямьтесь. Я пришел к вам как друг, для того, чтобы по-

[1] Театральным эффектом *(франц.)*.

ложить денежки вам в карман. Не станете же вы меня уверять, будто деньги вас не интересуют?

Сарториус *(колеблется, затем притворяет дверь и недоверчиво спрашивает)*. Сколько денег?

Ликчиз *(торжествуя победу, подходит к стулу, на котором сидела Бланш, и сбрасывает пальто)*. Вот так-то лучше. Теперь вы опять стали самим собой, Сарториус. Да вы бы предложили мне сесть, сказали бы: чувствуйте, мол, себя как дома.

Сарториус *(идет к нему от двери)*. А я вот думаю, не взять ли вас за шиворот да не спустить ли с лестницы, наглец вы этакий.

Ликчиз *(ничуть не смущаясь, вешает пальто на спинку стула, попутно достает из кармана портсигар)*. Мы с вами, Сарториус, два сапога пара, так что не стоит мне на вас обижаться. Не хотите ли сигарку?

Сарториус. Здесь нельзя курить, это комната моей дочери. Но сесть можете.

Садятся.

Ликчиз. Мои дела пошли в гору с тех пор, как мы с вами в последний раз виделись.

Сарториус. Вижу.

Ликчиз. И отчасти я этим обязан вам. Вас это удивляет?

Сарториус. Мсня это не касается.

Ликчиз. Это вам так кажется, Сарториус, потому что раньше вас никогда не касалось, как я живу, пока вы жили себе припеваючи на те денежки, что я собирал для вас с квартирантов. Но я тоже кое-что приобрел на Робинз Роу.

Сарториус. Я так и думал. Вы пришли вернуть наворованное?

Ликчиз. Вы б не взяли, даже если б я вам предложил. Это не деньги, Сарториус, а знание. Полезные сведения по очень важному общественному вопросу — о жилищных условиях рабочего класса. Известно вам, что для их обследования создана правительственная комиссия?

Сарториус. Ага, понимаю. Вы давали им показания.

Ликчиз. Показания? Нет. Какая мне была б от этого польза? Ну, оплатили бы мне расходы... да еще бог весть по какой расценке. Нет, я не давал показаний. Но я вам скажу, что я сделал. Я оставил при себе то, что знаю,— из уважения к двум-трем людям, которым было бы неприятно, если бы в Синей книге про них написали,

что их дома – рассадник заразы. Их агент так был мной доволен, что даже выписал мне чек на сумму... ну ладно, не важно на какую сумму. Но с этим я уж мог начать, а мне только того и надо было – начать. Дальше я уже сам стал на ноги. Я прихватил с собой первый отчет комиссии – он в кармане пальто. *(Идет к стулу, достает из кармана пальто книгу в синей обложке.)* Вот я тут загнул страницу. Я думал, вам будет интересно почитать. *(Перегибает книгу и подает Сарториусу.)*

Сарториус. Так, значит, шантаж? *(Не заглядывая в книгу, кладет ее на стол и выразительно стучит по ней кулаком.)* Мне все равно, что обо мне ни напишут в каких угодно Синих книгах... Мои друзья их не читают. И я не министр и не выставляю свою кандидатуру в парламент. Этим способом у меня ничего не выудишь.

Ликчиз *(оскорблен)*. Шантаж! Мистер Сарториус, неужели вы думаете, что я хоть слово сказал о ваших домах? Подводить старого знакомого! Ну нет, это не по-моему. А кроме того, они и так уже все про вас знали. Помните лестницу, из-за которой мы с вами поссорились? Еще священник поднял тогда историю, потому что на ней женщина покалечилась? Они его вызвали и допрашивали целых полдня. Уж он им и расписал! Очень неделикатно поступил, не по-джентльменски, не по-христиански. Мне прямо стыдно за него. А вы говорите – шантаж! Мне это никогда и на ум не приходило!

Сарториус. Хорошо. А что вам приходило на ум? Выкладывайте.

Ликчиз *(с вызывающей неторопливостью усмехается и загадочно смотрит на Сарториуса)*. Вы с тех пор не делали в своих домах ремонта? Не потратили на это сотню-другую фунтов?

Сарториус, потеряв терпение, делает угрожающий жест.

Ну, ну, не лезьте сразу на стену. Я вот знаю одного домовладельца, у него дома возле Тауэра – уж такие лачуги, хуже во всем Лондоне не найдешь... Так вот, он по моему совету в одной половине домов произвел капитальный ремонт, а другую сдал под склады новой торговой компании. Есть такая – Северо-Лондонские мясохладобойни. Я сам акционер, член-учредитель. А чем это кончилось, как вы думаете?

Сарториус. Надо полагать, банкротством.

Ликчиз. Банкротством! Как бы не так! Компенсацию ему уплатили, мистер Сарториус, компенсацию. Понимаете?

Сарториус. Компенсацию? За что?

Ликчиз. А видите ли, его участки понадобились для расширения Монетного двора, вот и пришлось дать отступного компании, а за дома уплатить компенсацию. Такие вещи полезно знать заранее. И всегда кто-нибудь да знает, в какой бы тайне их ни держали.

Сарториус *(он заинтересован, но по-прежнему настороже)*. Ну?

Ликчиз. Другого ничего не скажете, мистер Сарториус? «Ну»! Словно я лошадь! А допустим, я разнюхал, что городская управа решила проложить новую магистраль и для этого снести всю Робинз Роу? А на месте Берк Уок будут торговые ряды, где за витрину станут платить по тридцать фунтов с квадратного фута? А? Вы и тогда ничего не скажете, кроме «ну»? *(Сарториус колеблется, с сомнением глядя на него. Ликчиз встает и охорашивается, показывая себя со всех сторон)*. Поглядите-ка на меня, мистер Сарториус. Поглядите, как я одет! А цепочка какая! А брюшко какое отрастил! Думаете, это я тем заработал, что умел вовремя молчать? Нет-с! Тем, что умел вовремя смотреть и слушать.

Входит Бланш, за ней горничная с подносом, на который она начинает собирать кофейную посуду. Сарториус, раздосадованный этой помехой, встает и жестом предлагает Ликчизу перейти в кабинет.

Сарториус. Тсс! Поговорим в кабинете. Там тоже топится камин и можно курить. Бланш! Наш старый знакомый.

Ликчиз. Для меня мисс Бланш всегда была *доброй* знакомой. И я этого не забыл. Как поживаете, мисс Бланш?

Бланш. Мистер Ликчиз! Я вас и не узнала.

Ликчиз. Да и вы малость изменились, мисс.

Бланш *(поспешно)*. Нет, что вы, я такая же, как всегда. Как здоровье миссис Ликчиз и дет...

Сарториус *(нетерпеливо)*. У нас дело, Бланш. Ты потом поговоришь с мистером Ликчизом. Пойдемте.

Сарториус и Ликчиз уходят в кабинет. Бланш, удивленная резкостью отца, мгновение смотрит им вслед, потом, заметив пальто Ликчиза на своем стуле, берет его в руки и с любопытством разглядывает.

Горничная. Какой шикарный, а, мисс Бланш? Он, наверно, наследство получил. *(Доверительно.)* Какие-то дела у него с хозяином. Посмотрите, мисс Бланш! Привез ему вот эту книжицу. *(Показывает Бланш книгу в синей обложке.)*

Бланш *(с пробудившимся любопытством)*. Покажите. *(Берет книгу и раскрывает ее.)* Тут что-то про папу. *(Садится и начинает читать.)*

Горничная *(убирает со столика и отставляет его в угол)*. А как помолодел, мисс Бланш, а? Я чуть со смеху не померла, как увидела его без бакенбард. Чудно с непривычки.

Бланш не отвечает.

Вы уже отпили кофе, мисс? Можно убирать?

Бланш не отвечает.

Видно, интересная книга, мисс?

Бланш вскакивает. Горничная только взглядывает ей в лицо и мгновенно на цыпочках выбегает из комнаты, прихватив поднос.

Бланш. Так вот почему он не хотел брать денег! *(Пытается разорвать книгу, это ей не удается, тогда она с размаху бросает ее в огонь. Книга заваливается за каминную решетку.)* Лучше б у меня не было ни отца, ни семьи, никого! Как нет матери! Священник! Негодяй! «Владелец худших трущоб во всем Лондоне». «Владелец трущоб»! *(Закрывает лицо руками и дрожа опускается на стул, на котором висит пальто Ликчиза.)*

Дверь из кабинета растворяется.

Ликчиз *(голос его слышен из кабинета)*. Подождите пять минут, и я его привезу.

Бланш хватает какое-то рукоделие из корзинки и сидит выпрямившись и молча, делая вид, что шьет. Ликчиз входит в гостиную, продолжая разговор с Сарториусом, который идет за ним следом.

Он тут живет, за углом, на Гауэр-стрит; а мой экипаж ждет у подъезда. С вашего позволения, мисс Бланш. *(Осторожно тянет свое пальто.)*

Бланш *(встает)*. Простите, пожалуйста. Надеюсь, я его не помяла.

Ликчиз *(надевая пальто, галантно)*. Сделайте одолжение,

мисс Бланш! Был бы счастлив, если бы вы его еще помяли – сейчас, например! Не прощайтесь со мной, мисс, я скоро вернусь и парочку друзей с собой привезу. Пока, Сарториус! Я мигом! *(Уходит.)*

Сарториус оглядывается, ища книгу.

Бланш. Я думала, ты покончил с Ликчизом.

Сарториус. Нет, еще не совсем. Он тут оставил мне книгу для просмотра, большую, в синей обложке. Горничная, что ли, убрала? *(Видит брошюру за каминной решеткой, смотрит на Бланш и добавляет.)* Ты ее не видала?

Бланш. Нет... да... *(Сердито.)* Нет, не видала. Какое мне до нее дело?

Сарториус достает книгу, стряхивает с нее пепел, спокойно садится и читает; пробежав взглядом несколько страниц, кивает, словно найдя именно то, чего ожидал.

Сарториус. Подумай, Бланш, как странно, что господа из парламента, которые пишут эти книги, до такой степени ничего не смыслят в практической жизни. Ведь прочитать это, так можно подумать, что мы с тобой – самая алчная, прижимистая, бессердечная парочка на свете!

Бланш. Это неправда, что тут написано? О состоянии домов?

Сарториус *(спокойно)*. О нет, это чистая правда.

Бланш. Но мы в этом не виноваты?

Сарториус. Видишь ли, Бланш, если бы я отремонтировал как следует эти дома, пришлось бы повысить квартирную плату настолько, что бедняки не смогли бы ее платить и остались бы на улице, без крова.

Бланш. Ну так выгони их вон и пусти приличных жильцов. С какой стати нам терпеть неприятности из-за того, что мы даем кров всяким нищим?

Сарториус *(широко раскрывает глаза)*. Это несколько жестоко по отношению к ним. Ты не находишь, дитя мое?

Бланш. Ах, я ненавижу бедняков. По крайней мере вот таких грязных, пьяных оборванцев, которые живут как свиньи. Если непременно нужно о них заботиться, пусть это делают другие. Как можно ожидать, чтобы люди нас уважали, когда про нас пишут такие вещи, как в этой мерзкой книжке.

Сарториус *(холодно, с оттенком грусти в голосе)*. Я вижу, что мне удалось сделать из тебя настоящую леди, Бланш.

Бланш *(вызывающе)*. Ты жалеешь об этом?

Сарториус. Нет, дорогая, конечно нет. Но знаешь ли ты, что моя мать была очень бедна, и в своей бедности не она была виновата?

Бланш. Может быть, но те, с кем мы хотим водить знакомство, этого не знают. А я в этом тоже не виновата и не понимаю, почему я должна из-за этого страдать.

Сарториус *(в гневе)*. Кто это вас заставляет страдать, мисс? Где б ты была сейчас, если б твоя бабушка не простаивала по тринадцать часов в день у корыта, чтобы только поднять меня на ноги, почитая себя богачкой, когда ей удавалось заработать пятнадцать шиллингов в неделю?

Бланш *(сердито)*. Жила б, наверно, так же, как она, вместо того чтобы жить лучше. А по-твоему, нужно залезть обратно в эти трущобы — вот те, что здесь описаны, и копошиться там в грязи в память бабушки? Мне противно об этом думать! Я знать об этом ничего не хочу! Я тебя за то и люблю, что ты воспитал меня для лучшей доли! *(В сторону, отворачиваясь.)* Я бы возненавидела тебя, если б ты этого не сделал.

Сарториус *(сдается)*. Хорошо, дитя мое. Должно быть, для тебя, при твоем воспитании, естественно так чувствовать. Так именно и чувствуют настоящие леди. Не будем ссориться из-за этого. Больше тебе не придется страдать. Я решил отремонтировать эти дома и впредь пускать квартирантов совсем другого сорта. Ну? Ты довольна? Я только жду согласия владелицы земельных участков, на которых они построены, — леди Роксдэл.

Бланш. Леди Роксдэл?

Сарториус. Да. Но я рассчитываю, что и держатель закладной возьмет на себя часть риска.

Бланш. Держатель закладной! Ты хочешь сказать... *(Не решается закончить. Сарториус делает это за нее.)*

Сарториус. Гарри Тренч, да. И заметь, Бланш, если он одобрит мой план, мне придется встречаться с ним на дружеской ноге.

Бланш. И приглашать его к нам в дом?

Сарториус. Только по делу. Ты можешь не выходить к нему, если не хочешь.

Бланш *(очень взволнована)*. Когда он придет?

Сарториус. Тут нельзя терять времени. Ликчиз поехал за ним.

Бланш *(в смятении)*. Так он сейчас будет здесь! Что мне делать?

Сарториус. Советую тебе поздороваться с ним, как будто ничего не произошло, а затем уйти и не мешать нашему деловому разговору. Или ты боишься встретиться с ним?

Бланш. Боюсь! Нет, я не боюсь. Еще бы я стала бояться! Но...

Голос Ликчиза *(за дверью)*. Прямо, прямо, доктор. Вы тут еще ни разу не бывали, но я-то знаю этот дом, как свой собственный.

Бланш. Они уже приехали. Не говори, что я тут. *(Убегает в кабинет.)*

Входит Ликчиз, а с ним Тренч и Кокэйн, оба во фраках. Кокэйн с чувством жмет руку Сарториусу. Тренч, какой-то огрубевший и надутый,— видно, он еще не примирился с нанесенной ему обидой,— коротко и сухо кланяется Сарториусу. Общую неловкость несколько рассеивает Ликчиз, который говорит без умолку, пока все они рассаживаются вокруг большого стола: Тренч ближе к камину, Кокэйн к роялю, а остальные между ними; Ликчиз рядом с Кокэйном.

Ликчиз. Ну, вот мы опять все вместе. Собрание друзей! Мистера Кокэйна вы помните? Он теперь со мной работает, помогает мне, как друг, насчет писем и прочего. Секретарь, одним словом. Я-то не бог весть какой писатель, литературного слога у меня нет, вот он и подпускает его куда надо, в письма или там в проспекты и объявления. Верно, Кокэйн? Что ж, зазорного в этом ведь ничего нет. Вот он мне и сегодня помог — уговорил своего старого приятеля, доктора Тренча, насчет того дельца, о котором мы с вами беседовали.

Кокэйн *(с видом неподкупной добродетели)*. Нет, мистер Ликчиз, я его не уговаривал. Нет. Для меня это вопрос принципа. Я сказал ему: Гарри, это ваш долг — ваш *долг!* — превратить эти омерзительные конуры в удобные и благоустроенные жилища. Ваша обязанность, как человека науки, содействовать оздоровлению общества. В вопросах долга нет места уговорам, даже со стороны лучшего друга.

Сарториус *(Тренчу)*. Я тоже, как прекрасно выразился мистер Кокэйн, смотрю на это как на свою обязанность;

обязанность, которой я, быть может, слишком долго пренебрегал из сострадания к беднейшим нашим квартирантам.

Ликчиз. А конечно, обязанность, это же ясней ясного, джентльмены. Долг! В делах я, знаете ли, сам жох, своего никому не уступлю. Но раз долг – тут уж не поспоришь!

Тренч. Не знаю, почему это сейчас мой долг, а четыре месяца тому назад не было моим долгом? Для меня это просто вопрос выгоды.

Кокэйн. Стыдитесь, Гарри, стыдитесь! Позор!

Тренч. Заткнитесь, дурак!

Кокэйн вскакивает.

Ликчиз *(хватая его за полу и удерживая на месте)*. Легче, легче, мистер секретарь. Доктор Тренч пошутил.

Кокэйн. Я требую, чтобы он взял назад свои слова! Меня назвали дураком!

Тренч *(мрачно)*. А вы и есть дурак!

Кокэйн. В таком случае вы набитый дурак! Вот вам!

Тренч. Очень хорошо. Этот вопрос, значит, улажен.

Кокэйн, фыркнув, садится.

Я хочу сказать вот что. Нечего тут разводить канитель. Насколько я понимаю, Робинз Роу решено снести и на ее месте проложить новую улицу с выходом на набережную; и вся штука в том, чтобы нам получить побольше компенсации.

Ликчиз *(ухмыляется)*. Правильно, доктор Тренч. В самую точку.

Тренч *(продолжает)*. И по-видимому, положение таково: чем грязней дом, тем больше от него дохода, а чем он чище, тем большую за него дают компенсацию. Поэтому долой грязь и да здравствует чистота.

Сарториус. Я бы не стал, пожалуй, употреблять столь резкие выражения, но...

Кокэйн. Совершенно справедливо, мистер Сарториус, совершенно справедливо! Трудно найти более безвкусные, более бестактные выражения!

Ликчиз. Ну, ну, ну!..

Сарториус. Тут я с вами не согласен, мистер Кокэйн. Доктор Тренч говорит откровенно, как деловой человек. Я смотрю шире – как общественный деятель. Мы живем в век прогресса, когда гуманные идеи получают все

более широкое распространение: это нужно принять в расчет. Но практические доводы у меня те же, что и у него. А при данных обстоятельствах я не счел бы себя вправе требовать большой компенсации.

Ликчиз. Ну да. А если бы и потребовали, так вам бы не дали. Позвольте, я вам объясню, доктор Тренч. Весь фокус, видите ли, в том, что церковные советы имеют законное право совать нос в такие вот дома, где живет всякая голь перекатная, и вполне могут испортить нам всю музыку. В доброе старое время это не имело значения, потому что церковные советы — это были мы сами. Ни про какие выборы тогда и слуху не было, а просто приходили мы все десять человек, в одну комнату, да и выбирали друг друга, а потом делали все что нам угодно. Ну, эта лошадка больше не играет: короче говоря, таким людям, как вы и мистер Сарториус, тут больше делать нечего. Мой вам совет — воспользуйтесь случаем и развяжитесь с этими домами. В том корпусе, что на углу Крибс-Маркет, сделайте ремонт, не пожалейте денег, пусть хоть с виду будет этакий образцовый жилой дом. А другой корпус сдайте мне под склады для Северо-Лондонских мясохладобоен. Не пройдет и двух лет, как эти дома снесут, чтобы очистить место для новой магистрали, которая перережет город с севера на юг, и вам выплатят компенсацию в двойном размере против нынешней их стоимости плюс расходы по ремонту. А оставите так, как есть, — вас того и гляди оштрафуют да еще притянут к суду, а дома все-таки снесут. Так что ловите момент.

Кокэйн. Правильно! Правильно! Очень хорошо! Превосходно сформулировано с деловой точки зрения! Я понимаю, Тренч, что моральная сторона дела вас не интересует, но коммерческие соображения мистера Ликчиза и для вас должны быть убедительны.

Тренч. Но почему вы не можете обойтись без меня? Какое мне до всего этого дело? Я ведь только держатель закладной.

Сарториус. В этой комбинации есть известный риск, доктор Тренч. Допустим, совет графства решит в конце концов проложить улицу в другом месте. Тогда все, что мы затратим на ремонт, будет выброшенные деньги! И даже хуже, потому что квартиры могут полгода простоять пустыми или их удастся сдать не все. А вы по-прежнему будете требовать свои семь годовых.

Тренч. Надо же человеку жить.

Кокэйн. Je n'en vois pas la nécessité.[1]

Тренч. Молчите, Билли! Или хоть говорите на языке, который понимаете. Нет, мистер Сарториус Я очень был бы рад войти с вами в компанию, но не могу Мне это не по карману. Так что вопрос исчерпан

Ликчиз. Ну, одно только могу сказать,— что вы очень неразумный молодой человек.

Кокэйн. Ага! Что я вам говорил, Гарри?

Тренч. Простите, а какое вам до этого дело, мистер Ликчиз?

Ликчиз. Мы живем в свободной стране; каждый имеет право высказывать свое мнение.

Кокэйн восклицает: «Правильно! Правильно!»

А где же ваше сочувствие беднякам, доктор Тренч? Вспомните, как вы это близко приняли к сердцу, когда я вам в первый раз про них рассказал? А теперь вы их, значит, совсем не жалеете?

Тренч. Бросьте. На это вы меня не подденете. Вы мне очень убедительно доказали, что в нашем деле не приходится разводить сантименты, а теперь, когда вам понадобился мой капитал для ваших спекуляций, так, смотри ты, какие все стали филантропы! Нет, я получил хороший урок и впредь намерен крепко держаться за свои денежки. У меня их и так не слишком много.

Сарториус. По правде сказать, доктор Тренч, я могу обойтись и без вашего согласия. Мне нетрудно будет достать денег в другом месте и выкупить у вас закладную. И тогда — раз уж вы так боитесь риска — помещайте ваши десять тысяч фунтов в государственные бумаги и получайте двести пятьдесят фунтов в год вместо семисот.

Тренч, окончательно загнанный в тупик, растерянно смотрит на него. Молчание нарушает Кокэйн.

Кокэйн. Вот, Гарри, к чему приводит скупость. Двух третей вашего дохода как не бывало. И поделом вам, поделом.

Тренч. Это все очень хорошо, но я одного не понимаю. Если вы можете проделать со мной такую штуку, почему вы давно этого не сделали?

Сарториус. Потому что другому кредитору, вероятно, пришлось бы платить такие же проценты, так что я ни-

[1] Не вижу в том необходимости *(франц.)*.

чего бы не выиграл, а вы потеряли бы свыше четырехсот фунтов, что для вас весьма чувствительный урон. А я не имел никакого желания поступать с вами не по-дружески; я б и сейчас не стал, если б меня не вынуждали обстоятельства, о которых упоминал мистер Ликчиз. А кроме того, доктор Тренч, одно время я питал надежду, что нас будут соединять еще более тесные узы, чем узы дружбы.

Ликчиз *(вскакивая, с облегчением)*. Ну, слава богу! Выпустили, наконец, кота из мешка. Извините, доктор Тренч. Извините, мистер Сарториус, прошу прощения за мою вольность, сэр. Почему бы доктору Тренчу не жениться на мисс Бланш? Все бы и уладилось как нельзя лучше!

Общее волнение. Ликчиз садится с торжествующим видом.

Кокэйн. Вы забываете, мистер Ликчиз, что молодая девица, с чьим вкусом приходится считаться, категорически возражает против такого жениха.

Тренч. Ишь ты! Вы, может, думаете, что она пленилась вашей особой?

Кокэйн. Я этого не сказал, Тренч. Ни один деликатный человек не позволит себе таких намеков. У вас грубый ум, Тренч, грубый ум.

Тренч. Ладно, Кокэйн. Свое мнение о вашем уме я уже высказал.

Кокэйн *(в бешенстве вскакивает)*. А я уже высказал свое о вашем! Могу повторить! Всегда готов это сделать!

Ликчиз. Полноте, мистер секретарь. Мы с вами люди семейные, где уж нам заглядываться на молодых девиц. Но мисс Бланш я знаю: на дела у нее острый глаз, отцовский! Объясните ей, в чем тут штука, и она сама поладит с доктором Тренчем. Почему бы и не внести капельку поэзии, раз это не требует лишних затрат? У нас ведь у каждого есть сердце, не просто же мы арифмометры.

Сарториус *(возмущен)*. То есть вы предлагаете, Ликчиз, чтобы моя дочь пошла в придачу к денежной сделке между вами?

Ликчиз. Э, Сарториус, не становитесь вы на ходули, словно вы только один отец на свете. У меня тоже есть дочь, и отцовские чувства я понимаю не хуже вашего. А предлагаю я только то, что может составить счастье Бланш и доктора Тренча.

Кокэйн. Мистер Сарториус, Ликчиз выражается, может быть, несколько грубовато, но у него золотое сердце. И говорит он дело. Если мисс Сарториус действительно способна питать чувства к Гарри, то я со своей стороны не нахожу никаких возражений.

Тренч. Вы-то еще куда суете свой нос?

Ликчиз. Спокойней, доктор Тренч, спокойней. Мы ждем вашего ответа. Хотите ли вы по-прежнему жениться на мисс Бланш, если она будет согласна?

Тренч *(сухо)*. Не знаю. Не уверен, что хочу.

Сарториус в негодовании встает.

Ликчиз. Минуточку, мистер Сарториус. *(Тренчу.)* Вы не уверены, что хотите... Так. Ну, а уверены ли вы, что не хотите? Вот что нам нужно знать.

Тренч *(брезгливо)*. Я вообще не желаю, чтобы мои отношения с мисс Сарториус припутывались к этой сделке. *(Встает и отходит от стола.)*

Ликчиз *(встает)*. Правильно. Вот это ответ джентльмена. *(Вкрадчиво.)* Вы не обидитесь, доктор Тренч, если мы с хозяином и с Кокэйном перейдем на минутку в кабинет — набросать условия сдачи этих домов под склады для Северо-Лондонских мясохладобоен?

Тренч. Пожалуйста, мне-то что. Я ухожу. Говорить больше не о чем.

Ликчиз. Нет, нет, не уходите. Подождите минутку: мы с Кокэйном живо отделаемся и подвезем вас до дому. Подождете? Сделайте такую милость.

Тренч. Ладно, подожду.

Ликчиз *(весело)*. Ну я же знал!

Сарториус *(у дверей в кабинет, пропуская вперед Кокэйна)*. Прошу вас, сэр.

Кокэйн кланяется и проходит в кабинет.

Ликчиз *(в дверях, на ухо Сарториусу)*. Нет, Сарториус, такого управителя, как я, вам уже не сыскать! А? *(Посмеиваясь, проходит в кабинет, Сарториус за ним.)*

Тренч, оставшись один, настороженно оглядывается и прислушивается, затем на цыпочках подходит к роялю и, облокотившись на крышку, рассматривает портрет Бланш. Через мгновение в дверях появляется сама Бланш. Увидев, чем он занят, она тихонько притворяет дверь и подкрадывается к нему сзади, пристально следя за каждым его движением. Он выпрямляется, снимает порт-

рет с мольберта и хочет его поцеловать, но сперва воровато оглядывается, желая убедиться, что его никто не видит, и вдруг замечает Бланш, уже подошедшую к нему вплотную. Он роняет портрет и в полной растерянности смотрит на нее.

Бланш *(сварливо)*. Ну? Вы, значит, опять сюда явились. Хватило у вас низости снова прийти в этот дом. *(Он краснеет и отступает на шаг. Она безжалостно следует за ним.)* Видно, у вас совсем нет самолюбия! Почему вы не уходите?

Весь красный от обиды, Тренч сердито хватает свою шляпу со стола, но, повернувшись к выходу, видит, что Бланш загородила ему дорогу; волей-неволей ему приходится остановиться.

Ну что же вы? Я вас не держу.

Минуту они стоят друг против друга, совсем близко; она смотрит на него вызывающим, дразнящим взглядом, одновременно приказывая и запрещая ему идти, вся во власти нескрываемого животного возбуждения. Внезапно его осеняет догадка, что истинная подоплека ее свирепости — страсть и что, в сущности, это объяснение в любви. Глаза его вспыхивают, в углах рта появляется хитрая складка; с нарочитым равнодушием он идет обратно к своему стулу и садится, скрестив руки на груди. Она идет через всю комнату следом за ним.

Ах, да, я забыла: вы узнали, что тут можно нажить деньги. Ликчиз вам сказал. Вы, такой бескорыстный, такой гордый, что даже у отца ничего не хотели брать! *(После каждой фразы она останавливается и смотрит, как реагирует на укол ее жертва.)* Вы, конечно, станете меня уверять, что сюда вас привело одно лишь человеколюбие, вы решили осчастливить бедняков тем, что перестроите эти дома.

Тренч сохраняет прежнее положение и не отвечает.

Ну да, когда мой отец вас заставил, а Ликчиз придумал, как сделать, чтобы это было выгодно. О, я знаю папу. И знаю вас. И вот стоило вас поманить, и вы прибежали сюда, в этот дом, где вам отказали, откуда вас выгнали. *(Лицо Тренча омрачается; она это замечает, и глаза ее вспыхивают.)* Ага! Этого вы не забыли? Да, да, так оно и было; вы не можете это отрицать.

(Садится и говорит, смягчив голос, с притворным состраданием.) Должна вам сказать, что вы представляете собой очень жалкую фигуру, Гарри, очень, очень жалкую.

Услышав, что она назвала его по имени, Тренч немного разжимает руки, и слабая улыбка — предвкушение торжества — появляется на его губах.

А еще такой джентльмен! С такой знатной родней! С такими высокопоставленными знакомыми! Такой щепетильный в вопросе о том, откуда берутся наши деньги! Удивляюсь вам. Честное слово, удивляюсь! Уж, казалось бы, раз другого ничего нет — так хоть чувство собственного достоинства ваши родные могли вам передать! Вы, может быть, думаете, что сейчас играете достойную роль?

Ответа нет.

Уверяю вас, что самую смешную, самую глупую, какая только может быть. Что вам говорить — вы не знаете, что делать — тоже не знаете. Да и правда, что тут скажешь? Трудно оправдать подобное поведение.

Тренч по-прежнему смотрит прямо перед собой и складывает губы, словно собираясь засвистеть. Это раздражает Бланш, и она становится подчеркнуто вежливой.

Простите, доктор Тренч; кажется, я вам мешаю? *(Встает.)* Не буду больше вас отвлекать. Вы, по-видимому, чувствуете себя здесь совершенно как дома, и мне можно не извиняться в том, что оставляю вас одного. *(Делает вид, будто идет к двери, но он не трогается с места; тогда она возвращается и подходит к нему сзади.)* Гарри. *(Он не оборачивается; она делает еще шаг к нему.)* Гарри, я хочу, чтобы вы ответили мне на один вопрос. *(Настойчиво, наклоняясь над ним.)* Поглядите мне в лицо.

Ответа нет.

Слышите? *(Кладет руку ему на плечо.)* Поглядите — мне — в лицо. *(Берет его обеими руками за щеки и поворачивает лицом к себе. Он крепко зажмуривает глаза и усмехается. Она вдруг опускается на колени, прижимаясь грудью к его плечу.)* Гарри, что вы делали с моим портретом — вот сейчас, когда думали, что вы один?

(Он раскрывает глаза, в них светится ликование. Она бросается ему на шею и стискивает его в страстном объятии, спрашивая с яростной нежностью.) Как вы смели трогать мои вещи?

Дверь кабинета приотворяется, слышны голоса.

Тренч. Кто-то идет.

Бланш мгновенно усаживается обратно на стул и отодвигает его как можно дальше от Тренча. Кокэйн, Ликчиз и Сарториус выходят из кабинета. Сарториус и Ликчиз подходят к Тренчу. Кокэйн с видом неотразимого сердцееда направляется к Бланш.

Кокэйн. Добрый вечер, мисс Сарториус! Прекрасная погода, не правда ли?.. В честь возвращения блудного сына!

Бланш. Прекрасная, мистер Кокэйн. Очень рада вас видеть. *(Подает ему руку, он галантно подносит ее к губам.)*

Ликчиз *(вполголоса Тренчу, стоя по левую руку от него)*. Что скажете новенького, мистер Тренч?

Тренч *(Сарториусу, который стоит по его правую руку)*. Я с вами, как бы ни обернулось дело. *(Пожимает руку Сарториусу.)*

В дверях показывается горничная.

Горничная. Ужин подан, мисс.

Кокэйн. Разрешите мне.

Все выходят — Бланш под руку с Кокэйном, за ними Ликчиз, подхватив с шутовским видом под руку Сарториуса с одной стороны и Тренча с другой.

СЕРДЦЕЕД

Тематическая комедия в трех действиях

1893

THE PHILANDERER

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Гостиная в квартире на Эшлигарденс в Лондоне, квартал Виктория. Леди и джентльмен объясняются в любви. Одиннадцатый час вечера. Стены комнаты увешаны гравюрами и фотографиями актеров: Кембл в роли Гамлета, м-с Сиддонс в роли королевы Екатерины в сцене суда, Макреди в роли Вернера (с картины Маклиза), сэр Генри Ирвинг в роли Ричарда III (с картины Лонга), мисс Эллен Терри, м-с Кендел, мисс Ада Рейен, г-жа Сара Бернар, м-р Генри Артур Джонс, м-р А. У. Пинеро, м-р Сидни Гранди и так далее, но нет ни Элеоноры Дузе, ни кого-либо, связанного с Ибсеном.

Комната не прямоугольная: один угол срезан по диагонали дверью, в противоположном углу окно-фонарь, где на жардиньерке с цветами возвышается бюст Шекспира. Справа от двери камин, перед ним кресло. Чуть дальше камина небольшой круглый столик; рядом с ним стул. На столике раскрытый французский роман в желтой обложке. Неподалеку от Шекспира, параллельно стене, рояль с откинутой крышкой. На пюпитре ноты романса «Когда уста иные». На рояле и камине электрические лампы с плотными абажурами. Возле рояля — софа, на которой застыла в страстном объятии влюбленная пара. Она — Грейс Трэнфилд, женщина лет тридцати двух, хрупкого сложения, с тонким, нервным, выразительным лицом. Сейчас она всецело отдана порыву страсти, однако ее твердо очерченный рот, высоко вскинутые брови, упрямый подбородок и гордая осанка говорят о сильном характере и развитом чувстве собственного достоинства. На ней вечернее платье.

Он — Ленард Чартерис, старше ее на несколько лет. Одет Чартерис необычно, но очень изысканно: на нем бархатная куртка, кашемировые брюки, рубашка небесно-голубого цвета с отложным воротником, гранатовый галстук индийского шелка, пропущенный в бирюзовое кольцо. На ногах голубые носки и кожаные сандалии. Его каштановые волосы, усы и короткая бородка выглядят так, словно они предоставлены заботам природы; однако Чартерис принял меры, чтобы природа не обделила его при этом своим вниманием. Его любовный пыл,

над которым он сам слегка иронизирует, и тщательно обдуманная, хотя чуть-чуть небрежная манера держать себя резко контрастируют с искренней нежностью и спокойным достоинством женщины.

Чартерис *(прижимая к себе Грейс* . Любимая!

Грейс *(нежно отвечая на его порыв).* Родной мой! Ты счастлив?

Чартерис. Я на седьмом небе.

Грейс. Мой единственный!

Чартерис. Любовь моя! *(Вздыхает от избытка чувств завладевает ее руками и нежно глядит на нее.)* Довольно! Это последний поцелуй, Грейс, а то я окончательно потеряю голову. Давай поговорим. *(Отпускает ее и отодвигается.)* Это твоя первая любовь, Грейс?

Грейс. Разве ты забыл, что я вдова? Неужели ты думаешь, что я вышла за Трэнфилда по расчету?

Чартерис. Откуда же мне знать? Ты могла выйти за него не потому, что любила его, а потому, что не любила никого другого. В молодости часто выходят замуж и женятся просто из любопытства — чтобы посмотреть, что это такое.

Грейс. Ну, раз уж ты спрашиваешь, отвечу. Я не любила Трэнфилда, хотя поняла это только, когда полюбила тебя. Но он любил меня, и мне это нравилось. Все то хорошее, что в нем было, так ярко раскрывалось в любви, что мне тоже захотелось кого-нибудь полюбить. Надеюсь, что теперь, когда я люблю тебя, я буду тебе нравиться, как раньше мне нравился Трэнфилд.

Чартерис. Дорогая моя, я хочу жениться на тебе именно потому, что ты мне нравишься. Любить же я могу кого угодно — то есть любую хорошенькую женщину.

Грейс. Ты это серьезно, Ленард?

Чартерис. Конечно. А что?

Грейс *(в раздумье).* Так, к слову. А теперь скажи мне: у тебя это тоже первая любовь?

Чартерис *(пораженный наивностью вопроса).* Помилуй бог, нет! Даже не вторая и не третья.

Грейс. Я хотела сказать — первая настоящая любовь?

Чартерис *(не слишком уверенно).* Да.

Молчание. Грейс не убеждена.

(Добавляет, явно идя на сделку с совестью.) Это первая любовь, к которой серьезно отношусь я.

Грейс *(испытующе)*. Понимаю. Твои возлюбленные всегда относились к этому серьезно.

Чартерис. Слава богу, не всегда!

Грейс. Но все-таки часто?

Чартерис. Нет, пожалуй, всего один раз.

Грейс. Джулия Крейвен?

Чартерис *(отпрянув)*. Кто тебе сказал?

Грейс с таинственным видом покачивает головой.

(Недовольно отворачивается и добавляет.) Зря ты об этом спрашиваешь.

Грейс *(мягко)*. Прости, милый. *(Берет его за руку и нежно пытается снова притянуть его к себе.)*

Чартерис *(механически подчиняясь и не отнимая руки, но все еще отчужденно и не проявляя ни малейшего желания ответить на ласку)*. Я тверже на ощупь, чем был пять минут назад?

Грейс. Какой вздор!

Чартерис. У меня такое чувство, словно я одеревенел. Так всегда бывает, когда мне напоминают о Джулии Крейвен. *(Опираясь локтем о колено, задумчиво опускает голову на руку.)* Я сидел с ней наедине точь-в-точь как сейчас с тобою...

Грейс *(отодвигаясь)*. Как со мной!

Чартерис *(выпрямляясь и пристально глядя на нее)*. Да, точно так же. Я держал ее руки в своих, она прижималась щекой к моей щеке и слушала, как я болтаю всякие глупости.

Грейс, окончательно остыв, встает с софы и садится на табурет у рояля, спиной к клавиатуре.

А, тебе расхотелось слушать! Тем лучше.

Грейс *(глубоко задетая, но владея собой)*. Когда ты порвал с ней?

Чартерис *(виновато)*. Порвал?

Грейс. Да, порвал.

Чартерис. Постой, дай подумать. Когда я влюбился в тебя?

Грейс. Ты тогда же порвал с ней?

Чартерис *(раздраженно и все очевиднее показывая, что он не порвал с Джулией)*. Разумеется, тогда стало ясно, что мы с нею должны порвать.

Грейс. И ты порвал?

Чартерис. О да, я порвал.

Грейс. А Джулия?

Чартерис *(вставая)*. Сделай одолжение, дорогая, перемени тему. Отойди от рояля – я хочу, чтобы ты сидела здесь, рядом со мной. *(Делает шаг по направлению к ней.)*

Грейс. Нет. Я теперь тоже стала тверже на ощупь, притом куда тверже дерева. Итак, она с тобой тоже порвала?

Чартерис. Будь разумна, дорогая. Я ей недвусмысленно объяснил, что связь наша должна быть порвана.

Грейс. А она приняла объяснение?

Чартерис. Она поступила так, как в таких случаях всегда поступают женщины типа Джулии. Когда я объяснился с ней лично, она заявила, что во мне говорит мое дурное начало: она, видите ли, знает, что на самом-то деле я по-прежнему люблю только ее. Когда я написал ей обо всем, и написал с жестокой прямотой, она прочитала письмо вдоль и поперек и отослала мне его обратно с запиской, что у нее не хватило мужества вскрыть конверт и что я должен стыдиться, что написал такое. *(Подходит к Грейс и ласково обнимает ее левой рукой.)* Как видишь, дорогая, она не желает смотреть правде в глаза.

Грейс *(отбрасывая его руку и поворачиваясь на табурете в сторону)*. Ты так легко рассказываешь об этом, что, боюсь, ты затронул не ту струну, какую нужно.

Чартерис. Дорогая, когда мужчина совершает то, что женщины называют «разбить сердце», он может затрагивать самые дивные струны, но в ее ушах они все равно будут звучать вот так. *(Подсаживается к роялю и пробегает по басам клавиатуры.)*

Грейс затыкает себе уши.

(Встает и отходит от рояля.) Нет, дорогая, я был с ней нежен, был откровенен, был таким, каким только может быть человек, добрый от природы. Но она восприняла все это как примирение после обычной любовной размолвки.

Грейс вздрагивает.

Откровенность и нежность одинаково бесполезны, особенно откровенность. Я пробовал и то и другое. *(Подходит к камину, протягивает руки к огню и, грея их, разглядывает орнамент.)*

Грейс *(несколько принужденно)*. Что же ты попробуешь теперь?

Чартерис *(по-прежнему стоя на коврике у камина, поворачивается к ней)*. Буду действовать, моя дорогая! Женюсь! В это ей придется поверить. Ничем другим ее не убедить: у меня, видишь ли, и раньше бывали сильные увлечения, после которых я все-таки возвращался к ней.

Грейс. Поэтому ты и хочешь жениться на мне?

Чартерис. Не стану отрицать, любовь моя, именно поэтому. Да, твой долг – спасти меня от Джулии.

Грейс *(поднимаясь)*. А я, с твоего позволения, отказываюсь помогать тебе в подобных делах. Я не желаю красть у другой женщины. *(Принимается беспокойно расхаживать взад и вперед по комнате.)*

Чартерис. Красть меня! *(Подходит к ней.)* Грейс, я спрашиваю тебя, как женщину, стоящую выше предрассудков. Да, именно выше! Разве Джулия принадлежит мне? Разве я ее владелец, ее хозяин?

Грейс. Конечно, нет. Женщина не может быть собственностью мужчины. Женщина принадлежит только самой себе и никому больше.

Чартерис. Совершенно верно! Да здравствует Ибсен! Я держусь точно того же мнения. А теперь скажи, как, по-твоему, имею я право принадлежать самому себе или я – собственность Джулии?

Грейс *(сбитая с толку)*. Конечно, имеешь, но...

Чартерис *(торжествующе прерывает ее)*. Тогда как же ты можешь украсть меня у Джулии, которой я не принадлежу? *(Берет ее за плечи и держит перед собой на расстоянии вытянутых рук.)* Ну, что скажешь, маленький философ? Нет, моя милая, если ибсеновский соус хорош для гусыни, то он хорош и для гуся. Кроме того, *(вкрадчиво)* с Джулией у меня был только мимолетный флирт и ничего больше, уверяю тебя.

Грейс *(вырываясь)*. Тем хуже! Я ненавижу твой вечный флирт. Когда я слышу о нем, мне стыдно за тебя и за себя. *(Отходит к софе и садится в угол, подальше от рояля, отвернувшись и мрачно подперев голову рукой.)*

Чартерис. Грейс, ты совершенно не понимаешь, почему я флиртую. *(Садится рядом с ней.)* Скажи, я очень красив?

Грейс *(удивленная его самомнением)*. Нет.

Чартерис *(с торжеством)*. Ага, ты признаешь это! Я очень хорошо одеваюсь?

Грейс. Не слишком.

Чартерис. Разумеется, нет. Есть во мне нечто романтическое, некое загадочное очарование? Выгляжу я так, словно меня снедает тайная печаль? Галантен я с женщинами?

Грейс. Ничего подобного!

Чартерис. Разумеется, нет. В этом уж меня никто не упрекнет. Так чья же вина, что половина знакомых женщин влюбляется в меня? Не моя. Мне это противно, мне надоело это до одури. Вначале это мне льстило, приводило меня в восхищение. Джулия и взяла меня этим: она была первая женщина, у которой хватило мужества объясниться мне в любви. Но скоро мне все приелось. И поверь, я никогда не брал на себя инициативы и не гонялся за женщинами. Наоборот, женщины сами гонялись за мной. Неизменно. За исключением, конечно, тебя.

Грейс. В этой оговорке нет нужды. Мне стоило немалого труда затащить тебя к нам. Ты держался весьма застенчиво.

Чартерис *(нежно беря ее руку)*. С тобой, дорогая, моя застенчивость была чистым кокетством. Я полюбил тебя с первого взгляда и ускользал только ради того, чтобы ты гонялась за мной. Но довольно! Поговорим о чем-нибудь по-настоящему интересном. *(Обнимает ее.)* Ты любишь меня больше всех на свете?

Грейс. Тебе же, по-моему, не нравится, когда тебя любят слишком сильно.

Чартерис. Смотря кто любит. Ты *(прижимая ее к груди)* не можешь любить меня слишком сильно: как бы ты ни любила меня, мне всегда будет мало. Я каждый день упрекаю тебя за твою холодность, твою...

Яростный стук в дверь. Они вздрагивают и прислушиваются, все еще не размыкая объятий и едва смея дышать.

И кого принесло в такой час?

Грейс. Представить себе не могу. *(С виноватым видом прислушивается.)*

Слышно, как открывают дверь. Они поспешно расходятся.

Женский голос *(за сценой)*. Мистер Чартерис здесь?

Чартерис *(вскакивая)*. Джулия! Черт побери! *(С бьющимся сердцем стоит у софы, устремив глаза на дверь.)*

Грейс *(тоже вставая)*. Что ей тут нужно?

Голос. Не надо, я сама доложу о себе.

В дверях появляется красивая брюнетка с трагическим выражением лица, в накидке и шляпке. Она кипит от гнева.

Очень мило! Я, кажется, помешала очаровательному tête-à-tête. Ах вы, негодяйка! *(Направляется прямо к Грейс.)*

Чартерис из-за софы бросается ей наперерез и останавливает ее. Она яростно отбивается. Грейс, сохраняя полное самообладание, на всякий случай невозмутимо отступает за рояль. Видя, что с мужчиной ей не справиться, Джулия отказывается от попытки напасть на Грейс, но, вырвавшись из рук Чартериса, дает ему пощечину.

Чартерис *(шокированный)*. Джулия, Джулия! Это уж слишком!

Джулия. Ах, слишком? А что ты тут делаешь с этой женщиной? Подлец! Берегись, Ленард, — ты довел меня до отчаяния. Мне теперь все равно, что со мной будет и что обо мне подумают. Я не перенесу разрыва. Я не уступлю ей свое место в твоей жизни...

Чартерис. Тише! Тише!

Джулия. Да, да, мне все равно. Я разоблачу ее перед всеми. Ты — мой. Ты не имеешь права быть здесь, и она это знает.

Чартерис. Давай-ка лучше я отвезу тебя домой, Джулия.

Джулия. Нет! Я не поеду домой. Я останусь здесь, да, здесь, пока ты не откажешься от нее.

Чартерис. Ну, будь же благоразумна, дорогая! Право, ты не можешь оставаться в доме миссис Трэнфилд, если она возражает. Ей достаточно позвонить, и слуги выставят нас обоих за дверь.

Джулия. Пусть попробует. Пусть позвонит, если посмеет. Посмотрим, как эта чистая, добродетельная особа выдержит скандал, который я ей закачу. Посмотрим, кстати, как будешь выглядеть при этом и ты. Мне терять нечего. Как ты обращался со мной — всем известно. Ты хвастался своими победами, ничтожный, тщеславный человечишка! Обо мне сплетничают все наши знакомые. О, я знаю свои преимущества! *(Срывает с себя накидку.)* Я самая несчастная и униженная женщина на свете, но не такая дура, как ты полагаешь. Я остаюсь здесь, понял? *(Швыряет накидку на круглый столик, кладет сверху шляпку*

и садится.) А теперь, миссис Трэнфилд, вот звонок! *(Указывает на кнопку звонка у камина.)* Что же вы не звоните?

Грейс, не отрываясь, глядит на Чартериса, но не трогается с места.

Ха-ха-ха! Я так и думала.

Чартерис *(не переставая следить за Джулией, спокойно).* Я полагаю, вам лучше удалиться в другую комнату, миссис Трэнфилд.

Грейс направляется к двери, но останавливается и вопросительно смотрит на Чартериса. Джулия вскакивает, чтобы перехватить ее. Чартерис делает шаг вперед — он хочет обезопасить уход Грейс.

Джулия. Нет, она не уйдет! Она останется здесь. Она узнает, что ты представляешь собой, узнает, что ты все еще любишь меня — не прошло и двух дней с тех пор, как ты целовал меня и уверял, что впереди у нас счастливое будущее, такое же счастливое, как прошлое. *(Визжит.)* Да, да, уверял. Посмей только отрицать!

Чартерис *(тихо к Грейс).* Иди.

Грейс *(на ходу, брезгливо).* Убери ее поскорее, Ленард.

Задыхаясь от ярости, Джулия с воплем бросается на Грейс, которая обходит софу, направляясь к двери. Чартерис перехватывает Джулию. Грейс выходит. Чартерис, крепко держа Джулию, оглядывается на дверь, чтобы убедиться, удалось ли Грейс благополучно покинуть комнату.

Джулия *(внезапно прекратив сопротивление, обращается к нему с самым мелодраматическим видом).* О, прибегать к насилию нет никакой нужды.

Он проходит мимо Джулии к софе и опирается на нее, тяжело дыша и вытирая лоб.

Как это похоже на тебя! Прибегнуть к грубой силе! Так унизить меня перед нею! *(Опускается на софу и разражается рыданиями.)*

Чартерис *(самому себе, с грустной убежденностью).* Ну и веселенький вечер мне предстоит! Итак, терпение, терпение, терпение! *(Садится на стул возле круглого столика.)*

Джулия *(с болью).* Ленард, неужели у тебя совсем ничего ко мне не осталось?

Чартерис. Ничего, кроме страстного желания благополучно убрать тебя отсюда.

Джулия *(яростно)*. Я не двинусь с места.

Чартерис *(устало)*. Ну, ну. *(Тяжко вздыхает.)*

С минуту они сидят молча. Джулия старается не столько обрести самообладание, сколько удержать свою ярость на точке кипения.

Джулия *(внезапно вставая)*. Я поговорю с этой женщиной.

Чартерис *(вскакивая)*. Нет, нет. Черт возьми, Джулия, как тебе хочется еще раз перейти врукопашную! Ну, подумай сама: мне уже под сорок, ты слишком молода для меня. Садись или дай отвезти тебя домой. Того и гляди вернется ее отец. Что тогда?

Джулия. Мне все равно. Дело только за тобой. Если она откажется от тебя, я уйду; если нет, я остаюсь. Это мои условия. И ты выполнишь их. *(С непреклонным видом усаживается на софу.)*

Чартерис смотрит на нее, затем, приняв решение, твердым шагом подходит к софе и садится на другом конце.

Чартерис *(саркастически)*. Я тебе ровно ничем не обязан.

Джулия *(с упреком)*. Ничем! И тебе не стыдно говорить мне это в лицо? Ох, Ленард!

Чартерис. Разреши тебе напомнить, Джулия, что, когда мы познакомились, ты держалась как женщина без предрассудков.

Джулия. Тем более ты должен уважать меня.

Чартерис *(примирительно)*. Я и уважаю тебя, дорогая. Но дело не в этом. Как женщина без предрассудков, ты решила оставаться свободной. Ты смотрела на брак, как на унизительную сделку, посредством которой женщина продает себя мужчине в обмен на общественное положение законной жены и на право жить за его счет под старость. Это передовой взгляд, наш взгляд. Кроме того, вступив со мной в брак, ты могла бы оказаться женой пьяницы, преступника, сумасшедшего или выродка, который внушал бы тебе отвращение, но от которого ты была бы уже не в силах избавиться. Как видишь, риск непомерно велик. Это разумный взгляд, наш взгляд. Соответственно ты сохраняла за собой право оставить меня в любую минуту, как только ты сочтешь наше содружество несовместимым с... — как ты тогда выражалась? — с требованиями полного твоего развития как личности.

Кажется, так ты формулировала тогда взгляды Ибсена, наши взгляды? Таким образом, мне пришлось удовольствоваться очаровательным романом, который многому научил меня и доставил мне несколько часов истинного счастья.

Джулия. Значит, ты признаешь, что обязан мне кое-чем, Ленард?

Чартерис *(надменно)*. Нет, я платил за то, что получал. Разве ты ничему не научилась у меня? Разве наша дружба не доставляла тебе радости?

Джулия *(страстно и трогательно, потому что сейчас она искренна)*. Нет. Ты заставлял меня дорого платить за каждую минуту счастья. Ты мстил мне за свое унижение: ты ведь чувствовал, что ты — раб своей страсти ко мне. Я ни на одну минуту не была уверена в тебе. Получая от тебя письмо, я всякий раз дрожала — а вдруг оно нанесет мне смертельный удар. Я страшилась твоих посещений так же сильно, как ждала их. Я была для тебя игрушкой, а не другом. *(Встает.)* Ах, в счастье моем было столько муки, что я с трудом отличала боль от радости. *(Опускается на табурет у рояля, закрывает лицо руками и, отвернувшись, добавляет.)* Лучше бы уж мне не знать тебя!

Чартерис *(негодующе вскакивая)*. Ах ты, недостойная дрянь! Вот твоя благодарность за то, что я сейчас так льстил тебе! Чего я только не терпел от тебя, терпел с ангельской кротостью! Ведь уже через две недели после того как мы сблизились, я понял, что все твои передовые взгляды — просто дань моде, которой ты подчиняешься, как всякой другой моде, что слова, которые ты произносишь, ничего для тебя не значат! Ведь всячески отстаивая собственную свободу, ты осаждала меня такими требованиями, рядом с которыми придирки самой ревнивой жены — и те показались бы пустяками! Найдется ли хоть одна моя знакомая, которую ты не обозвала бы старухой, уродиной, распутницей?

Джулия *(вскидывая голову)*. Они на самом деле такие.

Чартерис. Ну, если так, я перейду к обвинениям, понять которые способна даже ты. Я обвиняю тебя в постоянной нестерпимой ревности и невозможном характере. В том, что ты оскорбляла меня по всяким вздорным, выдуманным тобою поводам, в том, что ты просто била меня, крала мои письма...

Джулия *(встает)*. Ничего себе письма!

Чартерис. В том, что ты ежедневно нарушала свои клятвы никогда больше этого не делать, и часами – какое там часами – целыми сутками! – собирала по кусочкам содержимое моей корзины для бумаг в поисках писем, а затем выдавала себя за невинную мученицу, за святую, преданную и покинутую чудовищным эгоистом.

Джулия. Я имела право читать твои письма. Мне давало его наше полное взаимное доверие.

Чартерис. Спасибо. В таком случае я не замедлю разорвать узы доверия, которые дают такие права. *(Мрачно опускается на софу.)*

Джулия *(угрожающе наклоняясь над ним)*. Ты не смеешь порывать со мной.

Чартерис. Нет, смею. Ты отказалась выйти за меня замуж, потому что...

Джулия. Я не отказалась. Ты никогда не делал мне предложения. Если бы мы были женаты, ты никогда не решился бы обращаться со мной так, как сейчас.

Чартерис *(настойчиво возвращаясь к своим доводам)*. Между нами, людьми передовых взглядов, подразумевалось, что мы не намерены вступать в брак. Поскольку законы таковы, что окажись я пьяницей...

Джулия. ...преступником, сумасшедшим или выродком. Ты повторяешься. *(Делает резкое движение и садится рядом с ним.)*

Чартерис *(вежливо)*. Прости, дорогая. Я знаю, у меня есть привычка повторяться. Короче говоря, ты сохранила за собой право бросить меня, когда захочешь.

Джулия. Ну и что из того? Я не хочу бросать тебя и не брошу. Ты же не стал ни пьяницей, ни преступником.

Чартерис. Ты все еще не понимаешь меня, Джулия. Ты, видимо, забываешь, что, сохранив за собой право оставить меня в случае, если я окажусь неподходящим человеком, ты тем самым дала мне право оставить тебя, если неподходящим человеком окажешься ты.

Джулия. Ловко придумано! Скажи, пожалуйста, разве я стала пьяницей, преступницей или сумасшедшей?

Чартерис. Ты стала тем, что неизмеримо хуже всего этого вместе взятого. Ты стала ревнивой мегерой.

Джулия *(горько качая головой)*. Ну что ж, оскорбляй меня, ругай последними словами!

Чартерис. И сейчас я отстаиваю свое право, право порвать с тобой, когда захочу. Передовые взгляды, Джулия, налагают на человека передовые обязанности. Нельзя быть

женщиной без предрассудков, когда тебе хочется, чтобы мужчина упал к твоим ногам, и вновь становиться обывательницей, как только тебе вздумается удерживать его против воли. Передовые люди заводят очаровательные дружеские связи, обыватели женятся. Брак устраивает многих, и первая обязанность, налагаемая им,— верность. Дружба устраивает немногих, и первая обязанность, налагаемая ею,— не колеблясь, не жалуясь, примириться с неизбежным, если чувство с той или другой стороны изменилось. Ты сама выбрала дружбу, а не брак. Исполни же свой долг и взгляни правде в глаза.

Джулия. Ни за что! Мы неразрывно связаны перед лицом... перед лицом...

Чартерис. Ну что, Джулия? Запуталась? Перед лицом того, во что женщины без предрассудков не верят.

Джулия *(бросаясь к его ногам)*. О, Ленард, не будь таким жестоким! Я слишком несчастна, чтобы спорить и думать. Я знаю одно — я люблю тебя. Ты упрекаешь меня в том, что я не хотела выйти за тебя. Я согласилась бы на это в любую минуту, после того как полюбила тебя, но ты не делал мне предложения. Я выйду за тебя теперь, если хочешь.

Чартерис. Нет, не хочу, дорогая. Отказываюсь раз и навсегда. Мы интеллектуально совершенно разные люди.

Джулия. Но почему? Мы бы могли быть так счастливы. Ты любишь меня — я это знаю, чувствую. Ты все еще называешь меня «моя дорогая». Только за сегодняшний вечер ты несколько раз сказал мне эти слова. Я знаю, я была скверной, отвратительной, дрянной, я даже не оправдываюсь. Только не будь так суров со мной. Я с ума сходила при мысли, что потеряю тебя. Я не могу жить без тебя, Ленард. Я была так счастлива, когда встретила тебя: до этого я никого не любила. Если бы ты тогда не обратил на меня внимания, я спокойно продолжала бы жить одна. А теперь не могу. Мне нужно, чтобы ты всегда был со мной. Не отталкивай меня. Подумай, что ты для меня значишь. Я могла бы стать твоим другом, если бы только ты дал мне... если бы только ты посвящал меня в свои планы, позволял помогать тебе в работе, видел во мне не просто забаву в свободную минуту. Ах, Ленард, Ленард, ты никогда не давал мне такой возможности, право же, не давал. Я приложу все усилия: буду читать, научусь думать, подавлю свою ревность, я... *(Припадает к его коленям и в отчаянии*

бьется о них головой.) Ох, я с ума схожу, с ума схожу! Ты убьешь меня, если бросишь.

Чартерис *(гладя ее по голове)*. Не плачь, родная. Не надо. Ты же понимаешь — я тут ничего не могу поделать.

Джулия всхлипывает. Он встает и поднимает ее, продолжая гладить по голове.

Джулия. Можешь! Можешь! Одно твое слово, и мы навеки счастливы.

Чартерис *(дипломатично)*. Пойдем, дорогая, нам в самом деле пора. Того и гляди вернется Катбертсон. *(Ласково высвобождается и берет ее накидку.)* Вот твоя накидка, надень и будь умницей. Ты испортила мне весь вечер. Так посчитайся хоть немного и со мной.

Джулия *(снова становясь агрессивной)*. Значит, ты меня бросаешь?

Чартерис *(успокоительно)*. Надень-ка лучше шляпку, дорогая. *(Набрасывает ей на плечи накидку.)*

Джулия *(с горечью, полурыдая, полусмеясь)*. Ну, что ж, пожалуй, мне действительно надо делать то, что велят. *(Подходит к столику за шляпкой и замечает французский роман в желтой обложке.)* Смотри, смотри, что читает эта тварь — грязную, пошлую французскую стряпню, к которой не притронется ни одна порядочная женщина. И ты, ты читал это вместе с ней!

Чартерис. Да ведь книгу-то рекомендовала мне ты сама!

Джулия. Фу! *(Сбрасывает книгу на пол.)*

Чартерис *(в беспокойстве подбегает к книге)*. Не порти чужую собственность, Джулия. *(Поднимает и отряхивает книгу.)* Сцены — это область чувств, а вот порча чужой собственности — дело серьезное. *(Кладет книгу на место.)* А теперь, прошу тебя, идем.

Джулия *(непримиримо)*. Можешь идти, никто тебе не мешает. А я с места не двинусь. *(Упрямо садится на софу.)*

Чартерис *(теряя терпение)*. Ну, довольно! Я не собираюсь начинать все сначала. Даже моему терпению есть предел. Идем.

Джулия. Я уже сказала — не пойду.

Чартерис. В таком случае, спокойной ночи. *(Решительно направляется к двери.)*

Она одним прыжком обгоняет его и преграждает ему дорогу.

Я думал, тебе хочется, чтобы я ушел.

Джулия *(стоя в дверях)*. Ты не оставишь меня здесь одну.

Чартерис. Тогда идем со мной.

Джулия. Не пойду, пока ты не поклянешься бросить эту женщину.

Чартерис. Я поклянусь в чем угодно, дорогая, только уйдем и покончим с этим.

Джулия *(растерянно и недоверчиво)*. Ты поклянешься?

Чартерис. Торжественно. Говори, в чем клясться. Я готов был сделать это еще полчаса тому назад.

Джулия *(безнадежно)*. Ты опять смеешься надо мной. Не нужны мне твои клятвы. Дай просто слово — святое, честное слово.

Чартерис. Пожалуйста. Я сделаю все, что тебе захочется, лишь бы ты немедленно ушла. Даю святое, честное слово джентльмена, англичанина, кого угодно, что никогда больше не встречусь с ней, не заговорю с ней, не подумаю о ней. Теперь идем.

Джулия. А ты говоришь серьезно? Ты сдержишь слово?

Чартерис *(чуть улыбаясь)*. Ну вот, опять все сначала! Идем. Довольно глупостей! Я-то во всяком случае ухожу. У меня не хватит сил стащить тебя домой, но у меня их вполне достаточно, чтобы выйти в эту дверь, как бы ты ни старалась мне помешать. Кстати, тогда у тебя будет новый повод жаловаться на мою грубость. *(Делает шаг к двери.)*

Джулия *(торжественно)*. Клянусь, Ленард, если ты уйдешь, я выброшусь из окна, как только ты покажешься на улице.

Чартерис *(невозмутимо)*. Окно выходит во двор, а я выйду через парадное, так что меня ты не ушибешь. Спокойной ночи. *(Приближается к двери.)*

Джулия. Ленард, неужели у тебя совсем нет жалости?

Чартерис. Совершенно. Позволяя себе такие выходки, ты не добьешься от меня ничего, кроме презрения. Как может женщина, которая ведет себя словно избалованный ребенок и разговаривает в стиле сентиментального романа, быть при этом настолько наглой, чтобы хотеть стать подругой мужчины, обладающего хоть крупицей здравого смысла и характера?

Она издает нечленораздельный вопль и, рыдая, бросается к нему на грудь.

Довольно плакать, дорогая моя Джулия: слезы вдвое уменьшают твою привлекательность; к тому же скоро я от них совсем промокну. Идем.

Джулия *(нежно)*. Иду, дорогой, раз тебе так хочется. Поцелуй меня.

Чартерис *(взрываясь)*. Нет, это уж слишком! Провалиться мне, если я это сделаю! Довольно! Пусти, Джулия.

Она прижимается к нему.

Ну, а если я тебя поцелую, ты уйдешь без всяких разговоров?

Джулия. Я сделаю все, что ты захочешь, дорогой.

Чартерис. Ладно, получай. *(Обнимает ее и бесстрастно целует.)* А теперь пойдем. Помни — ты обещала.

Джулия. Ты не так поцеловал меня, дорогой. Поцелуй, как прежде — по-настоящему.

Чартерис *(неистово)*. Поди ты ко всем чертям! *(Резко вырывается.)*

Джулия с подавленным стоном мелодраматически падает, словно Чартерис швырнул ее на пол. Он бросает на нее сердитый взгляд и выходит, захлопнув за собой дверь. Джулия приподымается, опираясь на руку, и прислушивается к его шагам. Внезапно шаги стихают. Лицо ее озаряется, выражая нетерпение и торжество. Опять раздаются торопливые шаги — Чартерис возвращается. Джулия опускается на пол в прежней позе. Входит Чартерис, страшно испуганный.

Джулия, мы погибли! Сюда идут Катбертсон и твой отец.

Она быстро садится.

Слышишь? Оба отца!

Джулия *(сидя на полу)*. Не может быть. Они же не знакомы.

Чартерис *(отчаянно)*. Говорю тебе, они поднимаются по лестнице бок о бок, как родные братья. Что делать?

Джулия *(поднимается, он помогает ей)*. Бежим к лифту! Спустимся на нем. *(Бросается к столику за шляпкой.)*

Чартерис. Нельзя. Лифт заперт — лифтер уже ушел домой.

Джулия *(лихорадочно надевая шляпку)*. Поднимемся этажом выше.

Чартерис. Невозможно — мы и так на самом верхнем. Нет, нет, ты должна придумать что-нибудь убедительное. У меня не получится, а ты сумеешь, Джулия. Призови на помощь весь свой гений. А я поддержу тебя.

Джулия. Но...

Чартерис. Тише!.. Вот и они. Садись и веди себя так, словно ты здесь как дома.

Джулия срывает с себя шляпку и накидку и бросает их на столик. Затем бежит к роялю и садится за него.

Джулия. Иди сюда и пой.

Играет романс «Когда уста иные». Чартерис становится у рояля, как будто собирается петь. Входят два пожилых джентльмена. Джулия перестает играть.

Старший из джентльменов, полковник Дэниэл Крейвен, старается выглядеть грубоватым старым служакой, и это получается у него довольно удачно и мило, благодаря тому, что он хорошо сложен, обладает отличной выправкой и к тому же в самом деле человек добродушный, порывистый, доверчивый, который всю жизнь прожил, не задумываясь, как и полагается офицеру и джентльмену, а теперь занимается чем-то вроде самовоспитания — его вынуждает к этому непонятное ему поведение собственных детей.

Спутнику его, мистеру Джозефу Катбертсону, отцу Грейс, отнюдь не свойственна ребячливость полковника. Он — пылкий идеалист, и грубая действительность возмущала его так часто, что лицо его постоянно выражает негодование, которое немедленно сменяется восторженностью или нежностью, как только он начинает говорить. Внешне эти два человека также совершенно несхожи. Лицо полковника изборождено морщинами, но прочертила их не напряженная работа мысли, а непогода, возраст, неумеренность в еде и питье и мелкие, накапливающиеся годами огорчения. Он еще свеж, жаден до удовольствий, полон интереса ко всему новому. Морщины Катбертсона — следствие сидячего, типично лондонского образа жизни и умственного труда с его хронической усталостью, которая пробуждает в человеке жажду покоя, лишает его иллюзий и делает равнодушным к приключениям и наслаждению — они для него, в лучшем случае, лишь средство отдыха. Его наблюдательные глаза, в которых то и дело вспыхивает негодование, волосы ежиком, серьезное и подчеркнуто уважительное отношение к самому себе придают ему внушительный вид. Оба в вечерних костюмах. Катбертсон не успел даже снять пальто с меховым воротником.

Катбертсон *(с преувеличенной радостью гостеприимного*

хозяина, заставшего у себя гостей). Что же вы перестали, мисс Крейвен? Продолжайте, Чартерис. *(Заходит за софу и кладет на ее спинку пальто, предварительно вынув из кармана и положив на рояль бинокль и театральную программку.)*

Крейвен подходит к камину и встает на коврик.

Чартерис. Нет, благодарю вас. Мы с мисс Крейвен только что спели одну старинную песенку, и с меня довольно. *(Снимает с пюпитра ноты, откладывает их в сторону и закрывает крышку рояля.)*

Джулия *(проходит между софой и роялем и пожимает руку Катбертсону).* Вы привели с собой папу? Вот сюрприз! *(Глядя на Крейвена.)* Я так рада встретить тебя здесь, папа! *(Берет стул у окна и садится.)*

Катбертсон. Крейвен, разрешите представить вас мистеру Ленарду Чартерису, знаменитому философу-ибсенисту.

Крейвен. О, мы уже знакомы. Чартерис свой человек у нас в доме, Джо.

Катбертсон. В таком случае прошу прощения.

Чартерис садится на табурет у рояля.

У нас он тоже свой человек. Кстати, где же Грейс?

Джулия и Чартерис. Она... *(Умолкают и смотрят друг на друга.)*

Джулия *(учтиво).* Извините, мистер Чартерис, я, кажется, перебила вас.

Чартерис. Нисколько, мисс Крейвен.

Неловкая пауза.

Катбертсон *(приходя на выручку).* Вы как будто собирались сказать нам, где Грейс, Чартерис.

Чартерис. Я хотел только сказать, что не знал о вашем знакомстве с Крейвеном.

Крейвен. Я и сам узнал об этом лишь сегодня вечером. Просто поразительно! Мы случайно встречаемся в театре, и выясняется, что он — мой старинный друг.

Катбертсон *(энергично).* Вот именно, Крейвен! Как видите, это отлично подтверждает то, что я говорил вам о распаде семейной жизни. Наше молодое поколение: Грейс, мисс Джулия, да и все остальные, — близкие, неразлучные друзья, а нам об этом ничего не говорят, хотя мы знали друг друга еще до их рождения. Мы могли бы никогда не встретиться, если бы по чистой случайности

вы не оказались сегодня в партере рядом со мной. Да садитесь же! *(Суетится вокруг Крейвена, усаживая его в кресло у камина.)* Когда бы вы ни захотели занять это место у моего очага, оно — ваше. *(Подходит к софе, опирается на нее и восторженно смотрит на Крейвена.* Подумать только! Это Дэн Крейвен!

Крейвен. Подумать только! Это Джо Катбертсон! Удивительная удача! Ведь я всегда считал, что ваша фамилия Трэнфилд.

Катбертсон. Это фамилия моей дочери. Она у меня вдова. Как вы прекрасно выглядите, Дэн! Годы почти не отразились на вас.

Крейвен *(почему-то мрачнея)*. Да, выгляжу я хорошо. Я даже чувствую себя хорошо. И все-таки дни мои сочтены.

Катбертсон *(встревоженно)*. Не надо так говорить, дорогой друг. Надеюсь, вы ошибаетесь.

Джулия *(с болью в голосе)*. Папа!

Катбертсон вопросительно смотрит на нее.

Крейвен. Полно, полно, дорогая! Я напрасно заговорил об этом — слишком грустная тема. А все-таки пусть лучше Катбертсон знает все заранее. Мы ведь были очень близкими друзьями и, надеюсь, остались ими.

Катбертсон подходит к Крейвену и молча пожимает ему руку; затем возвращается, садится на софу и вытаскивает носовой платок, чем явственно выдает свое волнение.

Чартерис *(несколько нетерпеливо)*. Видите ли, Катбертсон, Крейвен искренно верит в разновидность колдовства, именуемую медициной. Он приобрел известность в медицинском мире как человек с невиданной еще болезнью печени. Врачи уверяют, что жить ему осталось меньше года, и он твердо решил не дотянуть до следующей пасхи, хотя бы для того, чтобы не разочаровать их.

Крейвен *(с напускной бодростью — он ведь военный)*. Очень любезно с вашей стороны, Чартерис. Я понимаю — вы смеетесь над всем этим, чтобы поддержать меня. Но когда наступит мой час, я буду готов. Я — солдат.

Джулия всхлипывает.

Не плачь, Джулия.

Катбертсон *(хрипло)*. Надеюсь, вам суждена еще долгая жизнь, Дэн.

Крейвен. Пожалуйста, Джо, переменим тему. *(Встает и снова устраивается на каминном коврике, спиной к огню.)*

Чартерис. Он просто хандрит. Попробуйте убедить его, Катбертсон. Пусть вступит в наш клуб.

Джулия. Бесполезно. Мы с Сильвией все время уговариваем его вступить, но он не хочет.

Крейвен. Дитя мое, у меня есть свой клуб.

Чартерис *(пренебрежительно)*. Да, «Клуб армейской и флотской молодежи». Вот так клуб! Да ведь там женщин и на порог не пускают!

Крейвен *(несколько высокомерно)*. Клубы – дело вкуса, Чартерис. Вам нравится клуб с петухами и курами, мне – нет. Достаточно того, что Джулия и ее сестра, девчонка, которой еще нет двадцати, проводят половину своего времени в подобном месте. Да и название-то какое! Ибсеновский клуб! Мне пришлось бы просто сбежать из Лондона, чтоб меня не засмеяли. Ибсеновский клуб! Катбертсон, да поддержите же меня! Уверен, что вы согласны со мной.

Чартерис. Катбертсон – член нашего клуба.

Крейвен *(пораженный)*. Не может быть! Он же весь вечер доказывал мне, что все у нас идет прахом именно из-за передовых взглядов молодого поколения.

Чартерис. Оно и понятно: он изучает их в клубе. Ведь он там днюет и ночует.

Катбертсон *(горячо)*. Ничего подобного! Не преувеличивайте, Чартерис. Вы отлично знаете, что я никогда не одобрял эту затею и вступил в члены клуба только ради Грейс, считая, что присутствие отца послужит ей защитой и некоторым образом санкционирует ее поведение.

Крейвен *(бестактно подчеркивая непоследовательность Катбертсона)*. Вот уж не ожидал! Никак не ожидал. Никогда бы этого не подумал, слушая вас, Джо. Вы же уверяли, что вам претят все эти современные тенденции, потому что на своем веку вы видели немало примеров самоотверженности и благородной стойкости в страданиях со стороны как женственных женщин, так и мужественных мужчин и черт знает кого еще. Уж не в Ибсеновском ли клубе вы наблюдаете все эти проявления женственности и мужественности?

Чартерис. Конечно, нет. Устав клуба запрещает что-либо подобное. Кандидат в члены клуба представляет две рекомендации – от мужчины и женщины, которые должны поручиться, что рекомендуемый не отличается женствен-

ностью, если это женщина, и мужественностью, если это мужчина.

Крейвен *(с легким смешком и наклоняясь, чтобы его нагретые брюки плотнее прилегали к озябшим ногам)*. Не выйдет, Чартерис. Меня на такую наивную выдумку не поймаешь.

Катбертсон *(горячо)*. Это правда. Чудовищно, но правда.

Крейвен *(с негодованием, растущим по мере того, как он начинает делать неизбежные выводы)*. Вы хотите сказать, что у кого-то хватило наглости поручиться в том, что моя Джулия — женщина, лишенная женственности?

Чартерис *(мрачно)*. Как ни трудно этому поверить, но нашелся мужчина, который согласился обременить свою совесть такой невероятной ложью.

Джулия *(вспыхнув)*. Если на его совести нет чего-нибудь похуже, он может спать спокойно. Хотела бы я знать, почему это я женственнее других? Сильвия говорит, что об этом постоянно болтают за моей спиной. Совсем на днях одна из членов правления сказала, что меня не надо было принимать, что вы *(к Чартерису)* протащили меня контрабандой. Хотела бы я посмотреть, как она скажет мне это в лицо! Я только этого и жду.

Крейвен. Но, драгоценная моя, я совершенно искренне надеюсь, что она права. Она сделала тебе самый утонченный комплимент. Боже мой, да этот клуб просто гнусный притон!

Катбертсон *(выразительно)*. Совершенно верно, Крейвен, совершенно верно.

Чартерис. Безусловно. Вот почему он доступен только для избранных: в него рискуют вступать лишь люди, чья репутация выше подозрений. Как только наш клуб приобретет известность, он превратится в настоящую прачечную для всех замаранных репутаций в Лондоне. Вступайте-ка лучше в наш клуб, Крейвен. Разрешите мне предложить вашу кандидатуру.

Крейвен. Что? Вступить в клуб, членом которого состоит мерзавец, поручившийся за то, что моя дочь лишена женственности? Не будь я калекой, я расправился бы с ним!

Чартерис. О, не говорите так. Ведь это сделал я.

Крейвен *(с упреком)*. Вы? Ей-богу, Чартерис, это в высшей степени досадно. Как вы могли пойти на такой шаг?

Чартерис. Джулия сама меня заставила. И это еще не все. Мне пришлось поручиться за то, что Катбертсон не от-

личается мужественностью, хотя он — самый яркий представитель мужского начала в Лондоне.

Крейвен. Джо это не повредило, а на репутацию моей Джулии бросает тень.

Джулия *(оскорбленная)*. Папа!

Чартерис. Только не в Ибсеновском клубе. Как раз наоборот. В конце концов, что мы можем поделать? Вы же знаете, отчего разваливается большинство клубов, открытых для мужчин и женщин. Случится ссора, скандал — cherchez la femme.[1] Словом, виновата всегда женщина. Так вот, когда мы основывали клуб, мы вспомнили об этом, но тут же сообразили, что женщина, из-за которой все разваливается, — обязательно женственная женщина. С неженственными женщинами, которые сами зарабатывают на жизнь и умеют позаботиться о себе, никаких осложнений не бывает. Поэтому мы просто объявили, что не будем принимать женственных женщин; а если даже такую женщину протащат контрабандой, ей придется быть начеку и вести себя не по-женски. Поэтому у нас все идет отлично. *(Встает.)* Приходите утром позавтракать со мной. Заодно посмотрите клуб.

Катбертсон *(вставая)*. Нет, его уже пригласил я. А почему бы и вам не позавтракать с нами?

Чартерис. В котором часу?

Катбертсон. В любое время после двенадцати. *(Крейвену.)* Корк-стрит, девяносто, в конце Берлингтонского пассажа.

Крейвен *(записывая на манжете)*. Как вы сказали? Девяносто? После двенадцати. *(Внезапно опять мрачнеет.)* Кстати, специально для меня ничего не заказывайте. Вина мне нельзя — только аполлинарис. Мяса тоже — разве что иногда кусочек рыбы. Жизнь мне предстоит короткая и к тому же невеселая. *(Вздыхает.)* Э, да что там! *(Взяв себя в руки.)* А теперь нам пора, Джулия.

Джулия встает.

Катбертсон. Господи, да куда же запропастилась Грейс? Пойду взгляну, где она. *(Направляется к двери.)*

Джулия *(останавливая его)*. Пожалуйста, не беспокойте ее, мистер Катбертсон. Она так устала.

Катбертсон. Я позову ее только на минутку — пусть попрощается с вами.

Джулия и Чартерис встревоженно переглядываются.

---

[1] Ищите женщину *(франц.)*.

Катбертсон бросает на них быстрый взгляд: он понимает — что-то произошло.

Чартерис. Кажется, придется играть в открытую.

Катбертсон. То есть?

Чартерис. Дело в том, Катбертсон, что миссис Трэнфилд, женщина в высшей степени чуткая, решила, что мне... что мне, словом, крайне необходимо поговорить с мисс Крейвен наедине. Поэтому она сказала, что очень устала и хочет лечь.

Крейвен *(шокирован)*. Ну и ну!

Катбертсон. Только-то? В таком случае, все в порядке: она никогда не ложится так рано. Через минуту она будет здесь. *(Уходит с уверенным видом.)*

Чартерис в смятении.

Джулия. Вот что вы наделали! *(Бросается к круглому столику, хватает накидку и шляпку.)* Я ухожу. *(Бежит к двери.)*

Крейвен *(в ужасе)*. Ты с ума сошла, Джулия! Нельзя уходить, не попрощавшись с миссис Трэнфилд. Это было бы страшно невежливо.

Джулия. Если хочешь, оставайся, папа, а я не могу. Я подожду в холле. *(Поспешно уходит.)*

Крейвен *(спешит за ней)*. Боже мой, что я ей скажу?

Джулия исчезает.

(Отказывается от погони и поворачивается к Чартерису, ворча.) Знаете, Чартерис, получилось чертовски некрасиво, право, некрасиво. С вашей стороны было крайне неделикатно выдать вот так, перед всеми, ваши отношения с Джулией.

Чартерис. Завтра я вам все объясню. А сейчас нам лучше последовать примеру Джулии и удрать. *(Направляется к двери.)*

Крейвен *(перехватывая его)*. Стойте! Не бросайте меня, а то я окажусь в дурацком положении. Серьезно, Чартерис, я обижусь, если вы сбежите.

Чартерис *(покорно)*. Ладно. Остаюсь. *(Поднимается на табурете до уровня крышки рояля и сидит, болтая ногами и покорно созерцая Крейвена.)*

Крейвен *(расхаживая взад и вперед)*. Меня чрезвычайно беспокоит поведение Джулии, да, чрезвычайно. Она не выносит ни малейшего возражения, бедняжка. Мне при-

дется за нее извиняться. Ее уход просто оскорбление для хозяев. Катбертсон, вероятно, уже обиделся.

Чартерис. О нем не беспокойтесь. В этом доме всем верховодит миссис Трэнфилд.

Крейвен *(с понимающим видом)*. Вот оно что! Я так и думал. Он из тех, кто не умеет справиться с собственной дочерью. *(Вновь становится на каминный коврик, спиной к огню.)* Между прочим, на что, черт возьми, он намекал, когда говорил, что видел на своем веку немало примеров — как это он выразился? — самоотверженности и благородной стойкости в страданиях со стороны как женственных женщин, так и мужественных мужчин и еще всякую всячину в том же духе? Он служит где-нибудь в больнице?

Чартерис. В больнице? Что за чушь! Он театральный критик. Вы же слышали, как я назвал его самым ярким представителем мужского начала в Лондоне.

Крейвен. Скажите на милость! Право, никогда бы не подумал. Иметь возможность ходить в театр бесплатно — да это же просто замечательно! Надо будет попросить его иногда доставать мне билеты. Но все-таки смешно выражаться таким языком, как он. Ручаюсь головой, он принимает всерьез все, что видит на сцене.

Чартерис. Разумеется, принимает. Потому он и хороший критик. Кроме того, если уж вы воспринимаете людей всерьез вне сцены, то почему вам не принимать их всерьез и на ней? Там они, по крайней мере, связаны какими-то приличиями. *(Соскакивает с табурета и подходит к окну.)*

Возвращается Катбертсон.

Катбертсон *(Крейвену, несколько растерянно)*. Грейс в самом деле легла спать. Я должен извиниться перед вами и мисс... *(Оборачивается к месту, где сидела Джулия, и умолкает, увидев, что там никого нет.)*

Крейвен *(смущенно)*. Это я, Джо, должен извиниться за Джулию. Она...

Чартерис *(перебивая)*. Она сказала, что если мы сейчас же не уйдем, вы обязательно заставите миссис Трэнфилд встать и попрощаться с нами из вежливости. Поэтому она взяла и ушла.

Катбертсон. Право, это очень любезно с ее стороны. Мне просто стыдно...

Крейвен. Полно, Джо, полно! Она ждет меня внизу. *(Уходя.)* Спокойной ночи. Спокойной ночи, Чартерис.

Чартерис. Спокойной ночи.

Катбертсон *(провожая Крейвена)*. Спокойной ночи. Пожелайте от меня спокойной ночи мисс Крейвен и поблагодарите ее. И не забудьте — завтра, в любое время после двенадцати.

Они уходят. Чартерис с долгим вздохом направляется к камину. Он совершенно обессилел.

Крейвен *(за сценой)*. Хорошо.

Катбертсон *(за сценой)*. Осторожней на лестнице — она довольно крутая. Доброй ночи.

Хлопает входная дверь. Катбертсон возвращается, но не входит в комнату, а останавливается на пороге и, заложив руку за жилет, сурово смотрит на Чартериса.

Чартерис. В чем дело?

Катбертсон *(строго)*. Что здесь произошло, Чартерис? Я требую ответа. Грейс еще не спит, я видел ее и говорил с нею. Что случилось? В чем дело?

Чартерис. Обратитесь к своему театральному опыту, Катбертсон, — в мужчине, конечно.

Катбертсон *(подходит и смотрит ему в глаза)*. Не валяйте со мной дурака, Чартерис. Я слишком стар для таких забав. Я серьезно спрашиваю, в чем дело?

Чартерис. А я серьезно отвечаю — во мне. Джулия хочет выйти за меня, а я хочу жениться на Грейс. Я пришел сегодня к вам, чтобы поухаживать за Грейс. Врывается Джулия. Бурная сцена. Грейс удаляется. Появляетесь вы с Крейвеном. Уловки, извинения. Крейвен и Джулия уходят. Остаемся мы с вами. Вот и все. С решением повремените до утра. Спокойной ночи. *(Уходит.)*

Катбертсон *(глядя ему вслед)*. Ну, знаете...

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Следующий день. Около полудня. Библиотека Ибсеновского клуба — длинная комната со стеклянными дверями посередине каждой из боковых стен. Одна из дверей выходит в коридор, ведущий в столовую; другая — на парадную лестницу. В глубине библиотеки, посередине задней стены, камин, украшенный названиями пьес Ибсена, бюст которого красуется на его выступе. Справа и слева от камина полукруглые ниши с узкими диванами. Над диванами полки с книгами. Перед камином длинный диванчик. Рядом с ним зеленый стол, заваленный журналами. Слева от Ибсена, взирающего на комнату, дверь в столовую, а за ней, почти в центре стены, вращающаяся книжная полка, около нее кресло. Справа от Ибсена между дверью на лестницу и нишей стоит переносная библиотечная лесенка. Дальше, за дверью, кресло; несколько в стороне от него, ближе к середине комнаты, — другое, поменьше. На видных местах развешаны таблицы с надписью: «Соблюдайте тишину». Катбертсон сидит в кресле у вращающейся полки и читает «Дейли грэфик». Доктор Пэремор сидит на диване в нише, справа от Ибсена, и читает «Бритиш медикал джорнел». Для человека его профессии он довольно молод — ему всего сорок. Залысины на лбу и темные, выгнутые дугой, почти сросшиеся брови придают ему сугубо зловещий вид. Он носит сюртук и старается держаться как модный врач, умеющий найти подход к больному. Человек он отнюдь не счастливый и отнюдь не искренний, но несчастен он бессознательно, неискренен не намеренно и к тому же непоколебимо убежден в своем умственном превосходстве над окружающими.

Посередине диванчика перед камином сидит Сильвия Крейвен с томом Ибсена в руках. Из центра комнаты виден только ее затылок. Сильвия — восемнадцатилетняя девушка, маленькая и элегантная. На ней спортивный костюм — широкая куртка с поясом и бриджи; на ногах тонкие чулки и ботинки. Шерстяную юбку она сняла и перекинула через спинку диванчика.

Справа за дверью слышится голос мальчика-рассыльного, который приближается, монотонно выкрикивая имя доктора Пэремора.

Мальчик *(за сценой)*. Доктор Пэремор, доктор Пэремор, доктор Пэремор. *(Входит, держа в руках поднос с визитной карточкой)*. Доктор Пэр...

Пэремор *(выпрямляясь, отрывисто)*. Сюда, мальчик.

Рассыльный подает ему поднос.

(Берет карточку и читает ее.) Хорошо. Сейчас спущусь к нему.

Рассыльный уходит.

(Встает, выходит из ниши и бросает журнал на стол.) Доброе утро, мистер Катбертсон. *(Останавливается, чтобы вытянуть манжеты и отряхнуть сюртук.)* Надеюсь, миссис Трэнфилд здорова?

Сильвия *(негодующе поворачивая голову)*. Тише!

Пэремор удивленно оглядывается. Катбертсон резко встает и смотрит через полку — его интересует, кто это ведет себя так невежливо.

Пэремор *(натянуто, к Сильвии)*. Прошу прощения, мисс Крейвен, я не имел намерения помешать вам.

Сильвия *(не без волнения, но напористо)*. Можете разговаривать сколько угодно, но проявите же сначала элементарное уважение к другим и поинтересуйтесь, не мешают ли им ваши разговоры. Я просто требую, чтобы с моим присутствием считались, хоть я и женщина. Вот и все. Пожалуйста, продолжайте. Вы мне нисколько не мешаете. *(Поворачивается к камину и опять погружается в Ибсена.)*

Катбертсон *(с подчеркнутым достоинством)*. Сударыня, ни одному джентльмену не пришло бы в голову возражать против того, что мы обменялись несколькими словами.

Сильвия не обращает на него внимания.

(Раздраженно продолжает.) Я ведь собирался только сказать доктору Пэремору, что не буду возражать, если он пригласит своего гостя сюда. Какая наглость! *(Швыряет газету на стул.)*

Пэремор. Премного благодарен, но это всего лишь мастер, который изготовляет для меня инструменты.

Катбертсон. Вы на пути к какому-нибудь новому открытию в медицине, доктор?

Пэремор Ну, коль скоро вас это интересует, — да, и, воз-

можно, к очень важному. Я открыл нечто такое, что до сих пор ускользало от внимания ученых – крохотный проток в печени морской свинки. Мисс Крейвен извинит меня, если я скажу, что это может пролить свет на недуг ее отца. Прежде всего, конечно, надо выяснить, каковы функции этого протока.

Катбертсон *(благоговейно – он чувствует, что находится перед лицом Науки)*. В самом деле? А как вы это выясните?

Пэремор. Очень просто. Перережу проток и посмотрю, что станет со свинкой.

Сильвия в ужасе встает.

Чтобы добраться до него, мне потребуется специальный ланцет. Человек, который ожидает меня внизу, принес мне на пробу несколько ручек. Затем он приладит к ним лезвия и отошлет в лабораторию. Боюсь, однако, что приносить сюда такие орудия не совсем удобно.

Сильвия. Если вы сделаете подобный опыт, доктор Пэремор, я обращусь с жалобой в правление. Большинство членов нашего клуба противники вивисекции. Как вам не стыдно! *(Хватает юбку и, на ходу надевая ее, выскакивает из библиотеки на лестницу.)*

Пэремор *(терпеливо и презрительно)*. Вот с чем нам, людям науки, приходится сегодня мириться, мистер Катбертсон! Вечно одно и то же – невежество, предрассудки, сентиментальность. Самочувствие морской свинки важнее здоровья и жизни всего человечества.

Катбертсон *(горячо)*. Дело не в предрассудках и невежестве, Пэремор. Это чистой воды ибсенизм – вот что это такое. Все утро мне хотелось сесть к камину и расположиться поудобнее, но я просто не знал, как быть с этой девушкой. Подойти и плюхнуться на стул рядом с ней, я, конечно, не мог – она бог весть что подумала бы о моих намерениях. Вот еще одно из приятных последствий того, что женщин стали принимать в клубы. Когда они заходят сюда, им всем хочется сидеть у огня и поклоняться этому бюсту. А меня иногда просто подмывает схватить кочергу и смазать ему по носу... Ух!

Пэремор. Сознаюсь, что предпочитаю старшую мисс Крейвен ее сестре.

Катбертсон *(глаза его загораются)*. О, Джулия! Великолепное, изумительное создание, женщина до мозга костей! Уж в ней-то нет никакого ибсенизма.

Пэремор. Целиком согласен с вами, мистер Катбертсон. Э... э... между прочим, как вы думаете, мисс Крейвен в самом деле привязана к Чартерису?

Катбертсон. Что? К этому молодчику? Ну уж нет! Он бегает за ней, но для нее это не мужчина. Такие женжины, как она, любят мужчин сильных, мужественных, широкогрудых, с громким басом.

Пэремор *(боязливо)*. Гм... Вы имеете в виду человека спортивного типа?

Катбертсон. Нет, нет! Скажем, человека науки, вроде вас. Но вы понимаете, что я имею в виду, — он должен быть мужчиной. *(Гулко стучит себе в грудь.)*

Пэремор. Разумеется. Но ведь и Чартерис — мужчина.

Катбертсон. Полно! Вы просто не понимаете, что я хочу сказать.

Рассыльный с подносом возвращается.

Мальчик *(монотонно, как прежде, выкрикивая)*. Мистер Катбертсон, мистер Катбертсон, мистер Кат...

Катбертсон. Я здесь, мальчик. *(Берет с подноса карточку.)* Проводи джентльмена сюда.

Мальчик уходит.

Это Крейвен. Он пришел позавтракать со мной и Чартерисом. Как только покончите со своим мастером, присоединяйтесь к нам, если вы, конечно, свободны. Когда появится Джулия, пригласим и ее.

Пэремор *(вспыхнув от радости)*. Буду счастлив. Благодарю.

Выходя на лестницу, сталкивается в дверях с Крейвеном.

Доброе утро, полковник Крейвен.

Крейвен *(в дверях)*. Доброе утро. Рад вас видеть. Мне нужен Катбертсон.

Пэремор *(с улыбкой)*. Вот он. *(Уходит.)*

Катбертсон *(шумно здоровается с Крейвеном)*. Счастлив видеть вас. Ну как, пройдем в курительную или посидим здесь и поболтаем, пока придет Чартерис? Если вы любите общество, идемте туда — там всегда полно дам. Здесь же до трех обычно пусто, и нам будет очень удобно.

Крейвен Не люблю, когда женщины курят. Лучше устроимся здесь. *(Садится в кресло, стоящее на той стороне, где лестница.)*

Катбертсон *(усаживаясь на стул, слева от него)*. Вы правы. В этом клубе нет ни одного уголка, где можно спокойно посидеть с трубкой: обязательно явится кто-нибудь из женщин и начнет свертывать папиросу. Отвратительная привычка! Курящая женщина — это противоестественно!

Крейвен *(со вздохом)*. Ах, Джо, теперь уже не те времена, как в ту пору, когда мы с вами ухаживали за Молли Эбден. Все переменилось. А ведь я тогда достойно принял свое поражение, не правда ли, старина?

Катбертсон *(искренне)*. Да, Дэн. Это воспоминание частенько помогало и мне вести себя достойно, клянусь честью, помогало.

Крейвен. Да. Вы всегда верили в семейный очаг, Джо, в настоящую жену-англичанку и здоровую счастливую семейную жизнь. Молли оправдала ваши надежды?

Катбертсон *(стараясь быть справедливым к Молли)*. В общем, да. Могло быть и хуже. Видите ли, я терпеть не мог ее родственников: мужчины все как на подбор были грубияны и хамы. Сама она не ладила с моей матерью и к тому же ненавидела город, а у меня такая работа, что я не могу жить в деревне. Но мы, как и все, терпели друг друга, пока наконец не разошлись.

Крейвен *(в полном изумлении)*. Разошлись? *(Не в силах удержаться от смеха.)* Так вот чем кончился семейный очаг, Джо, а?

Катбертсон *(горячо)*. Это не моя вина, Дэн. *(Сентиментально.)* Когда-нибудь мир еще узнает, как я любил эту женщину. Но она не умела ценить настоящее чувство в мужчине. Знаете, она часто говорила, что ей следовало выйти не за меня, а за вас.

Крейвен *(отрезвленный таким предположением)*. Боже мой! Боже мой! Нет, пожалуй, все сложилось к лучшему. О моей женитьбе вы, я полагаю, слышали?

Катбертсон. О да. Мы все слышали о ней.

Крейвен. Ну, Джо, раз это всем известно, признаюсь откровенно: я женился из-за денег.

Катбертсон *(ободрительно)*. А почему бы и нет, Дэн, почему бы и нет? Без денег, знаете ли, не обойтись.

Крейвен *(с искренним чувством)*. Я потом очень привязался к жене, Джо. Пока она не умерла, у меня был дом. Теперь все изменилось. Джулия постоянно торчит здесь. Сильвия — тоже, хотя она девушка совсем другого склада.

Катбертсон *(сочувственно)*. Знаю. С Грейс то же самое: она всегда здесь.

Крейвен. А теперь они хотят, чтобы и я проводил тут все свое время. Они каждый день уговаривают меня стать членом этого клуба – надеются, что тогда я перестану ворчать на них. Вот об этом-то я и хочу посоветоваться с вами. Как вы думаете, стоит мне вступить?

Катбертсон. Ну, если это совместимо с вашими убеждениями...

Крейвен *(раздраженно перебивая его)*. В принципе я вообще против подобных учреждений, но что толку? Клуб существует, невзирая на мои принципы, и я мог бы извлечь пользу из того хорошего, что в нем, вероятно, все-таки есть.

Катбертсон *(утешая его)*. Вот именно. Это единственно разумный взгляд на вещи. В сущности, здешний клуб дает гораздо больше удобств, чем кажется на первый взгляд. Когда вам хочется побыть дома одному, он избавляет вас от домочадцев; когда же вам хочется побыть с близкими, вы можете здесь пообедать с ними.

Крейвен *(не слишком восхищенный)*. Правильно.

Катбертсон. Наконец, если вам не хочется, можете с ними не обедать.

Крейвен *(убежденный)*. Правильно, безусловно правильно. А здесь не слишком много флиртуют?

Катбертсон. Нет, флиртом это не назовешь. Конечно, дух в клубе царит довольно вульгарный, потому что женщины курят и сами зарабатывают на жизнь; но жаловаться все-таки особенно не приходится. Во всяком случае, тут удобно.

Входит Чартерис и оглядывается, разыскивая их.

Крейвен *(вставая)*. А знаете, у меня большое желание вступить в клуб. Хочется посмотреть, что же это такое.

Чартерис *(становясь между ними)*. Обязательно вступайте. Надеюсь, я пришел не слишком рано и не помешал вашему разговору?

Крейвен. Отнюдь. *(Сердечно пожимает ему руку.)*

Чартерис. Вот и хорошо. Я пришел раньше, чем собирался. Мне нужно немедленно поговорить с Катбертсоном.

Крейвен. Конфиденциально?

Чартерис. Не очень. *(Катбертсону.)* О том, о чем мы уже говорили вчера вечером.

Катбертсон. Нет, Чартерис, это разговор конфиденци-

альный. Во всяком случае, должен быть конфиденциальным.

Крейвен *(вежливо отступая к столу)*. Я покамест пробегу «Таймс»...

Чартерис *(останавливая его)*. О, здесь нет секрета. В клубе все догадываются об этом. *(Катбертсону.)* Разве Грейс никогда не говорила вам, что хочет выйти за меня замуж?

Катбертсон *(негодующе)*. Она говорила, что вы хотите жениться на ней.

Чартерис. Понятно. Но ведь для вас главное не то, чего хочу я, а то, чего хочет Грейс.

Крейвен *(слегка шокированный)*. Простите, Чартерис, но это дело сугубо личное. Оставляю вас вдвоем. *(Вновь направляется к столу.)*

Чартерис. Минутку, Крейвен, это касается и вас. Джулия тоже хочет выйти за меня замуж.

Крейвен *(возмущенно и протестующе)*. Ну, знаете, это уж слишком!

Чартерис. Уверяю вас, это правда. Вам не показалось странным, что когда мы вчера вечером сидели с ней у Катбертсона, с нами не было миссис Трэнфилд?

Крейвен. Да, показалось. Но вы все объяснили. И, скажу откровенно, Чартерис: объяснение ваше, да еще при Джулии, было на редкость бестактным.

Чартерис. Неважно. Это была хорошая, здоровая, полнокровная ложь.

Крейвен и Катбертсон. Ложь!

Чартерис. Неужели вы не догадались?

Крейвен. Конечно, нет. А вы, Джо?

Катбертсон. Тогда – нет.

Крейвен. Более того, я не верю вам и сейчас. Простите, что мне приходится говорить вам это, но вы забыли, что Джулия присутствовала при разговоре и ни слова не возразила.

Чартерис. Ей и не надо было возражать.

Крейвен. Вы хотите сказать, что моя дочь обманула меня?

Чартерис. Ее вынудила к этому деликатность по отношению ко мне, Крейвен.

Крейвен *(очень серьезным тоном)*. Послушайте, вы хорошо отдаете себе отчет в том, что стоите между двумя отцами?

Катбертсон. Совершенно верно, Дэн, совершенно верно. Со своей стороны, я задаю такой же вопрос.

Чартерис. Я, правда, еще не совсем пришел в себя после столь долгого пребывания между двумя дочерьми, но, кажется, начинаю понимать ситуацию.

Катбертсон отшатывается с восклицанием, выражающим отвращение.

Крейвен. В таком случае, сожалею о вашем поведении, Чартерис. Вот и все, что я могу сказать. *(Мрачно отворачивается, затем, внезапно вспылив, набрасывается на Чартериса.)* Как вы смеете заявлять мне, что моя дочь хочет выйти за вас замуж! Кто вы такой, скажите на милость, чтобы она задалась такой честолюбивой целью?

Чартерис. Совершенно верно: худший выбор сделать было трудно. Но она ничего не желает слушать. Я сам говорил с ней по-отечески и, уверяю вас, дорогой мой Крейвен, сказал все, что могли бы сказать ей вы. Но это бесполезно – она не отступается от меня. А коль скоро она не желает слушать меня, то разве она послушает вас?

Крейвен *(в замешательстве, раздраженно)*. Катбертсон, вы когда-нибудь слышали что-либо подобное!

Катбертсон. Никогда! Никогда!

Чартерис. А, черт побери! Послушайте, перестаньте вы вести себя, как театральные старики отцы. Тут дело серьезное. Видите эти письма? *(Вынимает письмо и открытку.)* Вот это *(показывает открытку)* от Грейс. Между прочим, Катбертсон, попросите ее не писать на открытках: они голубые и поэтому слишком заметны. Джулия без труда вытаскивает обрывки из моей корзины для бумаг и склеивает их. Итак, слушайте: «Дорогой Ленард, я ни за что на свете не соглашусь пережить еще одну такую сцену, как вчерашняя. Тебе лучше вернуться к Джулии и забыть меня. Искренне твоя Грейс Трэнфилд».

Катбертсон. Одобряю каждое слово этого письма.

Чартерис *(поворачивается к Крейвену, готовясь прочесть письмо)*. Теперь от Джулии.

Полковник отворачивается, чтобы Чартерис не видел его лица, и в предчувствии удара опирается на спинку кресла.

«Мой дорогой мальчик, ни за что на свете я не поверю, что эта гнусная женщина может вытеснить меня из твоего сердца. Посылаю тебе несколько писем, которые ты написал мне, когда мы впервые встретились, и прошу

тебя перечитать их. Они напомнят тебе, что ты чувствовал, когда писал их. Не мог же ты совершенно измениться и стать равнодушен ко мне! Кто бы ни поразил на минуту твое воображение, сердце твое по-прежнему принадлежит мне...» И так далее. Вы знаете, как пишутся такие послания. «Всегда и неизменно любящая тебя Джулия».

Полковник опускается в кресло и закрывает лицо руками.

По-вашему, это несерьезно? Вот такие записочки я получаю от нее по три раза на дню. *(К Катбертсону.)* И Грейс, черт побери, тоже не шутит. *(Вытаскивает послание Грейс.)* Голубая открытка, как обычно! На этот раз я не доверюсь корзине для бумаг. *(Идет к камину и бросает письмо в огонь.)*

Катбертсон *(скрестив руки на груди, смотрит в упор на возвращающегося Чартериса)*. Смею спросить, мистер Чартерис, это что, современный юмор?

Чартерис *(все еще чересчур поглощенный собственными делами, чтобы думать, какое впечатление он производит на других)*. А, вздор! По-вашему, очутиться в таком положении – это шутка? Голова у вас забита современным юмором, современной женщиной и прочими современными ахинеями, все это так перепуталось с вашими старомодными представлениями, что вы совсем лишились здравого смысла.

Катбертсон *(сурово)*. Видите вы этого джентльмена, который поседел, с честью служа отечеству, и последние дни которого вы отравили?

Чартерис *(удивленно взглянув на Крейвена и поняв, как он огорчен, с искренним сочувствием)*. Мне очень жаль. Послушайте, Крейвен, не принимайте все это так близко к сердцу.

Крейвен качает головой.

Уверяю вас, это пустяки: со мной такое случается чуть ли не каждый день.

Катбертсон. Извинить вас может только одно – вы не вполне ответственны за свои поступки. Как все передовые люди, вы страдаете неврастенией.

Чартерис *(испуганно)*. Боже! Что это значит?

Катбертсон. Объяснения излишни. Вы не хуже меня знаете, что я имею в виду. А сейчас я иду заказывать завтрак. Я закажу его на три персоны, но третье место не для

вас, а для Пэремора — я его пригласил. *(Выходит через дверь, ведущую в столовую.)*

Чартерис *(кладя руку на плечо Крейвену)*. Послушайте, Крейвен, дайте мне совет. Вы, наверно, тоже бывали в таких переплетах.

Крейвен. Чартерис, ни одна женщина не напишет подобного письма мужчине, если он не ухаживал за ней всерьез.

Чартерис *(мрачно)*. Как мало вы знаете свет, полковник! Теперь женщина совсем не то, что раньше.

Крейвен. Могу вам дать лишь очень старомодный совет, мой мальчик: прежде чем связываться с новой женщиной, отделайтесь от старой. Жаль, что вы рассказали мне обо всем. Могли бы и подождать моей смерти: она не за горами. *(Голова его вновь опускается.)*

Со стороны лестницы входят Джулия и Пэремор. Джулия видит Чартериса и останавливается; лицо ее мрачнеет, грудь вздымается. Пэремор, заметив, что полковнику, по-видимому, стало плохо, устремляется к нему, как заправский врач к постели больного.

Чартерис *(увидев Джулию)*. О господи! *(Отступает под прикрытие вращающейся полки.)*

Пэремор *(беря полковника за руку и считая пульс, сочувственно)*. Разрешите.

Крейвен *(поднимая голову)*. А? *(Вырывает руку и сердито встает.)* Нет, Пэремор, это не печень, это мои личные дела.

Джулия начинает охоту за Чартерисом, тем более волнующую для них обоих, что и охотница, и ее добыча в равной мере должны скрывать от остальных истинную причину своих маневров. Вначале Чартерис направляется к двери на лестницу. Джулия немедленно отступает к ней, преграждая ему путь. Он возвращается обратно в обход книжной полки, толчком сообщает ей вращение и бросается к двери напротив. Джулия преследует его через всю библиотеку. Ему уже почти удается улизнуть, но возвращение Катбертсона отрезает ему дорогу. Обернувшись назад, он видит настигшую его Джулию. Ему остается одно — свернуть в нишу слева от бюста Ибсена.

Катбертсон. Доброе утро, мисс Крейвен. *(Рукопожатие.)* Не позавтракаете ли с нами? Пэремор тоже будет.

Джулия. Благодарю, с большим удовольствием. *(Направляется к нише, всем своим видом показывая, что делает это случайно.)*

Чартерис, чуть было не попав в ловушку, пробирается к противоположной нише, мимо каминной решетки, с грохотом роняя на ходу каминные щипцы.

Крейвен *(подходя к вертящейся книжной полке и останавливая ее)*. Какого черта вы там делаете, Чартерис?

Чартерис. Ничего. Экая проклятая комната — в ней просто не повернуться!

Джулия *(зло)*. В самом деле. *(Собирается встать на страже у выхода на лестницу, но Катбертсон предлагает ей руку, намереваясь вести ее к завтраку.)*

Катбертсон. Разрешите проводить вас?

Джулия. Не надо. Вы же знаете, устав клуба запрещает быть галантным с женщинами. Кто ближе к двери, тот и выходит первым.

Катбертсон. Как вам угодно. Идемте, джентльмены. Позавтракаем на ибсеновский манер, не делая различия между полами. *(Поворачивается и выходит.)*

За ним следует Пэремор с самым любезным смехом, на какой только способен врач у постели больного. Последним выходит Крейвен.

Крейвен *(в дверях, серьезным тоном)*. Идем, Джулия.

Джулия *(с покровительственной нежностью)*. Сейчас, милый папа. Не жди меня — я на минутку задержусь.

Полковник колеблется.

Не беспокойся, папа.

Крейвен *(с еще большей серьезностью)*. Только недолго, дорогая. *(Уходит.)*

Чартерис. Ну, я пошел. *(Устремляется к двери.)*

Джулия *(бросаясь к нему и хватая его за руку)*. Разве ты не с нами?

Чартерис. Нет. Пусти, Джулия. *(Пытается вырваться, она не отпускает его.)* Если ты не отпустишь меня, я позову на помощь.

Джулия *(с упреком)*. Ленард!

Он вырывается.

Ох, дорогой, почему ты так груб со мною? Ты получил мое письмо?

Чартерис. Я его сжег...

Джулия, пораженная в самое сердце, отворачивается и закрывает лицо руками.

...вместе с ее письмом.

Джулия *(мгновенно оборачиваясь)*. С ее письмом? Она написала тебе?

Чартерис. Да, она порывает со мною из-за тебя.

Джулия *(сверкая глазами)*. А!

Чартерис. Ты довольна, дрянь? Теперь ты потеряла последние остатки моего уважения. *(Поворачивается, чтобы уйти.)*

В этот момент входит Сильвия. Джулия отворачивается и делает вид, что читает газету, которую взяла со стола.

Сильвия *(бесцеремонно)*. Хелло, Чартерис, как поживаете? *(Фамильярно берет его под руку и прохаживается с ним по комнате.)* Вы не видели сегодня Грейс Трэнфилд?

Джулия роняет газету и делает шаг по направлению к ним, чтобы не пропустить ни слова из их разговора.

Обычно вы знаете, где ее можно найти.

Чартерис. Больше так не будет, Сильвия. Она поссорилась со мной.

Сильвия. Опять Сильвия? Сколько раз вам повторять, что в клубе я не Сильвия.

Чартерис. Забыл, Крейвен. Прошу прощения, старина. *(Хлопает ее по плечу.)*

Сильвия. Вот так-то лучше. Вы чуточку перехватили, но все же так лучше.

Джулия. Не дури, Сильвия.

Сильвия. Прошу не забывать, Джулия, что здесь мы не сестры, а члены клуба. Я не позволю себе домашних вольностей с тобою, не позволяй их себе и ты. *(Подходит к дивану и садится на прежнее место.)*

Чартерис. Правильно, Крейвен. Долой тиранию старшей сестры!

Джулия. Даже ради того, чтобы уязвить меня, Ленард, вам не следует поощрять ребенка, который ставит себя в смешное положение.

Чартерис *(присаживаясь на край стола)*. Ваш завтрак остынет, Джулия.

Взбешенная Джулия собирается резко возразить ему, но сдерживается, увидев в дверях столовой Катбертсона.

Катбертсон. Что с вами, мисс Крейвен? Ваш отец уже беспокоится. Мы ждем вас.

Джулия. Благодарю. Мне только что напомнили об этом. *(Сердито проходит мимо Катбертсона.)*

Сильвия оборачивается.

Катбертсон *(сначала посмотрев вслед Джулии, затем на Чартериса)*. Опять неврастения. *(Уходит за Джулией.)*

Сильвия *(встав коленями на диван и перегнувшись через спинку)*. В чем дело, Чартерис? Джулия объяснилась вам в любви?

Чартерис *(через плечо)*. Нет. Ревнует к Грейс.

Сильвия. Так вам и надо. Вы дьявольски опасный сердцеед.

Чартерис *(невозмутимо)*. Вы полагаете, что разговор в таком тоне с человеком, который годится вам чуть ли не в отцы, соответствует уставу клуба?

Сильвия *(понимающе)*. Знаю я вас, милейший.

Чартерис. В таком случае вы знаете и то, что я не оказываю особого внимания ни одной женщине.

Сильвия *(задумчиво)*. Знаете, Ленард, я в самом деле верю вам. По-моему, вы не отдаете предпочтения никому из женщин.

Чартерис. Вы хотите сказать, что все они мне безразличны?

Сильвия. Это еще хуже. Нет, я просто хочу сказать, что вы видите в них не только женщин: вы разговариваете с ними точно так же, как со мной или с любым другим знакомым. В этом и заключается секрет вашего успеха. Вы представить себе не можете, как женщинам надоедает, когда к ним относятся с уважением, подобающим их полу.

Чартерис. Ах, если бы Джулия была такой же мудрой, как вы, Крейвен! *(Со вздохом слезает со стола и в раздумье усаживается на лесенке.)*

Сильвия. Она не умеет принимать некоторые вещи легко, верно, старина? Но не бойтесь разбить ей сердце: она всегда справляется со своими маленькими трагедиями. Мы убедились в этом дома, когда на нас обрушилось наше безмерное горе.

Чартерис. Что еще за горе?

Сильвия. Я хочу сказать, когда мы узнали, что бедный папа страдает болезнью Пэремора.

Чартерис. Болезнью Пэремора? А чем болен Пэремор?

Сильвия. Да нет, он не болен этой болезнью — он ее открыл.

Чартерис. История с печенью?

Сильвия. Да. Она-то и принесла ему известность. Папа иногда чувствовал себя плохо, но мы объясняли это отчасти его службой в Индии, отчасти тем, что он слишком много ест и пьет. Папа в те времена был прожорлив, как волк. Врачи долго не понимали, что с ним пока, наконец, Пэремор не нашел у него в печени каких-то страшных маленьких микробов. На каждый квадратный дюйм печени их приходится сорок миллионов. Пэремор первый открыл их и теперь считает, что каждому надо делать от них прививку, как от оспы. Но бедному папá делать прививку уже поздно. Чтобы продлить ему жизнь хотя бы на два года, его посадили на строгую диету, и это все, чем можно было ему помочь. Бедный старик! Ему запретили спиртное и не дают мяса.

Чартерис. Ваш отец кажется мне на редкость здоровым человеком.

Сильвия. Да, глядя на него, можно подумать, что ему теперь куда лучше. Но микробы делают свое дело — медленно, но верно. Еще год — и конец. Бедный старый папа! Нехорошо, что я говорю о нем в такой позе. Надо сесть как полагается. *(Слезает с дивана и садится на стул у книжной полки.)* Мне хочется, чтобы папа жил долго-долго, хотя бы назло Пэремору. Пусть пособьет с него спесь. По-моему, Пэремор влюблен в Джулию.

Чартерис *(возбужденно вскакивает)*. Влюблен в Джулию? Луч надежды на горизонте! Вы серьезно?

Сильвия. Еще бы! Как вы думаете, с чего это он болтается сегодня в клубе в шикарном новом костюме и галстуке, хотя ему сейчас самое время заниматься своими пациентами? Этот завтрак с Джулией добьет его. Он попросит у папы ее руки еще до того, как они вернутся сюда. Ставлю три против одного, что он это сделает. Спорю на что хотите.

Чартерис. На перчатки?

Сильвия. Нет, на папиросы.

Чартерис. Идет! Но она-то как к этому относится? Поощряет его хоть немного?

Сильвия. Как всегда в таких случаях — ровно столько, чтобы он не достался другой.

Чартерис. Понятно. Я так и думал. А теперь слушайте меня: я буду рассуждать как философ. Джулия ревнует всех — всех и каждого. Если она увидит, что вы флиртуете

с Пэремором, он немедленно вырастет в ее глазах. Не подыграете ли вы мне чуточку, Крейвен, а?

Сильвия *(встает)*. Вы ужасны, Ленард. Стыдитесь! Однако, чтобы услужить другу-ибсенисту, я готова на все. Постараюсь вам помочь. Но было бы куда лучше, если бы вы уговорили Грейс взять эту роль на себя.

Чартерис. Вы находите? Гм... Возможно, вы и правы.

Рассыльный *(за сценой, как прежде)*. Доктор Пэремор, доктор Пэремор, доктор Пэремор.

Сильвия. Этому мальчику надо бы как следует поставить голос — он позорит наш клуб. *(Уходит в нишу слева от бюста Ибсена.)*

Входит мальчик-рассыльный с «Бритиш медикал джорнел».

Чартерис. Доктор Пэремор в столовой.

Рассыльный. Благодарю вас, сэр.

Собирается пройти в столовую, но на него набрасывается Сильвия.

Сильвия. Эй, куда вы уносите журнал? Ему же место здесь, в библиотеке.

Рассыльный. Доктор Пэремор распорядился приносить ему журнал сразу же, как только он приходит.

Сильвия. Какая наглость! Чартерис, не стоит ли положить этому конец хотя бы просто из принципа?

Чартерис. Конечно, нет. Принципы — самый нестоящий повод для шума.

Сильвия. Чушь! Ибсен!

Чартерис *(рассыльному)*. Иди, мой мальчик. Доктор Пэремор просто сгорает от нетерпения.

Рассыльный *(серьезно)*. В самом деле, сэр? *(Убегает.)*

Чартерис. Этот мальчик сделает в нашей стране карьеру. Он лишен чувства юмора.

Входит Грейс. На ней очень удобный костюм, придающий его обладательнице деловой вид. Она сшила его по своему вкусу, руководствуясь лишь собственными соображениями и не считаясь с требованиями моды, хотя, бесспорно, с расчетом на элегантность Она входит быстрым шагом, как все занятые женщины

Сильвия *(подбегая к ней)*. Наконец-то вы пришли, Трэнфилд, милая. Я жду вас уже целый час. Я умираю с голоду

Грейс. Сейчас, сейчас, дорогая. *(Чартерису* ' Вы получили мое письмо?

Чартерис. Да, и очень просил бы вас больше не писать мне на этих проклятых голубых открытках.

Сильвия. Я, пожалуй, спущусь и займу нам столик?

Чартерис *(опережая Грейс)*. Идите, старина.

Сильвия. Только вы не долго. *(Уходит в столовую.)*

Грейс. Ну?

Чартерис. Боюсь смотреть тебе в глаза после вчерашнего. Ты даже представить себе не можешь, до чего ужасная была сцена. Тебе, наверно, даже вид мой теперь противен?

Грейс. О нет.

Чартерис. И напрасно. Фу! Это было гнусно, отвратительно, оскорбительно. Достойный конец всем моим планам! А я-то мечтал сделать тебя счастливой, сделать тебя исключением из всех женщин, которые клянутся, что я сделал их несчастными!

Грейс *(спокойно усаживаясь)*. Я вовсе не чувствую себя несчастной. Мне очень жаль, что все так получилось, но сердце мое вовсе не разбито.

Чартерис. Да, у тебя сердце истинного человека: ты не визжишь и не плачешь из-за каждого пустяка. Вот почему ты для меня единственная женщина на свете.

Грейс *(качая головой)*. Теперь уже поздно. Слишком поздно.

Чартерис. Поздно? Что ты хочешь сказать?

Грейс. Только то, что сказала, Ленард.

Чартерис. Снова обманут! Изменчивость женщин, любимых мною, равна только адскому постоянству женщин, влюбленных в меня. Ну, что ж, я понимаю, в чем тут дело, Грейс. Ты не в силах забыть эту отвратительную вчерашнюю сцену. Подумать только, она заявила, что я целовал ее всего два дня назад!

Грейс *(встает, горячо)*. Но это же правда!

Чартерис. Правда? Нет, это отъявленная ложь!

Грейс. Ах, я так рада! Это единственное, что по-настоящему причинило мне боль.

Чартерис. Именно потому она и сказала это. Но как замечательно, что тебе это небезразлично. Любимая моя! *(Берет ее руки и прижимает к своей груди.)*

Грейс. Помни: между нами все кончено.

Чартерис. Ах, да, да! Сердце мое в твоих руках. Разбей же его. Выброси мое счастье за окно.

Грейс. Ах, Ленард, неужели твое счастье в самом деле зависит от меня?

Чартерис *(нежно)*. Целиком и полностью.

Лицо Грейс озаряется радостью.

(При виде этого в нем что-то внезапно меняется. Он отшатывается, выпускает ее руки и вскрикивает.) Нет, нет, зачем мне лгать тебе? *(Скрещивает руки на груди и твердо добавляет.)* Мое счастье зависит только от меня самого. Я могу обойтись без тебя.

Грейс *(овладев собой)*. И обойдешься. Благодарю за правду. А теперь я сама тебе ее скажу.

Чартерис *(в ужасе опуская руки)*. Нет, прошу тебя, не надо. Не говори. Как философ, я должен говорить людям правду; но они не должны говорить правду мне. Я не люблю истину: она причиняет боль.

Грейс *(спокойно)*. Я хотела только сказать, что люблю тебя.

Чартерис. Ну, это не философская истина. Такую истину ты можешь повторять мне, сколько тебе захочется. *(Обнимает ее.)*

Грейс. Да, Ленард, но я передовая женщина.

Он останавливается и удрученно смотрит на нее.

Я — то, что мой отец называет современной женщиной.

Он выпускает ее из объятий и пристально смотрит на нее.

Я полностью согласна со всеми твоими идеями.

Чартерис *(шокированный)*. Хорошенькое заявление в устах порядочной женщины! Постыдилась бы хоть самой себя!

Грейс. И в отличие от тебя, я принимаю эти идеи всерьез. Я никогда не выйду за человека, которого люблю слишком сильно. Это дало бы ему страшное преимущество передо мной: я была бы целиком в его власти. Вот что такое современная женщина. Разве она неправа, мистер философ?

Чартерис. Философ и мужчина жестоко борются во мне, Грейс. Но философ говорит, что ты права.

Грейс. Я и сама это знаю. Поэтому мы должны расстаться.

Чартерис. Ничего подобного. Ты должна выйти замуж за другого, а я буду приходить и ухаживать за тобой.

Сильвия возвращается.

Сильвия. Ох, да идемте же наконец! Я умираю с голоду.

Чартерис. Я тоже. Если позволите, я позавтракаю с вами.

Сильвия. Я так и думала. Суп я заказала на троих.

Грейс уходит.

(Продолжает, обращаясь к Чартерису.) С нашего столика вы сможете наблюдать за Пэремором. Он делает вид, что читает «Бритиш медикал джорнел», но на самом деле готовится к решительному шагу. Он весь позеленел от волнения. *(Уходит.)*

Чартерис. Желаю ему успеха. *(Следует за ней.)*

В течение десяти минут библиотека пуста. Затем из столовой входит грустная и раздраженная Джулия. Ее сопровождает Крейвен. С измученным видом она проходит по комнате и бросается в кресло.

Крейвен *(нетерпеливо)*. В чем дело? С ума сегодня все посходили, что ли? Почему ты вдруг вскакиваешь из-за стола и убегаешь? Почему Пэремор уткнулся в свой журнал и не отвечает, когда к нему обращаются?

Джулия нетерпеливо ежится.

Полно, полно, *(нежно)* неужели моя любимица не скажет своему папе, *(раздраженно)* что за чертовщина со всеми происходит? Возьми себя в руки, Джулия,— того и гляди вернется Катбертсон. Он только расплатится по счету и сейчас будет здесь.

Джулия. Я не могла этого вынести. Смотреть, как они сидят и завтракают вместе, смеются, болтают, издеваются надо мной! Я готова была закричать, готова была схватить нож и убить ее... я...

Появляется Катбертсон со счетом в руке. Подходя к Крейвену и Джулии, он засовывает его в жилетный карман. Говорить он начинает прямо с порога.

Катбертсон. Боюсь, Дэн, что позавтракали вы очень скверно. Просто жалко было смотреть, как вы ковыряете вилкой бобы и пьете содовую. Удивляюсь, как вы еще живы!

Джулия. Уверяю вас, мистер Катбертсон, он всегда ест очень мало. И терпеть не может, когда к нему пристают с разговорами об этом.

Крейвен. Где Пэремор?

Катбертсон. Читает свой журнал. Я спросил его, не собирается ли он перейти сюда, но он даже не услышал меня. Поразительно, как он увлечен всем, что связано с наукой. Умный человек! Чудовищно умный человек!

Крейвен *(обиженно)*. Конечно, все это очень хорошо, Джо, но за столом так себя не ведут. Иногда следует закры-

вать свою лавочку. Видит бог, мне страшно хочется позабыть о его науке, с тех пор как она произнесла мне приговор. *(Садится с меланхолическим видом.)*

Катбертсон *(сочувственно)*. Не надо думать об этом, Крейвен: быть может, он и ошибся. *(Глубоко вздыхает и садится.)* Но он, безусловно, очень умный человек. Слова не скажет, не подумав.

Молча сидят, предаваясь самым мрачным мыслям. Внезапно появляется бледный и крайне расстроенный Пэремор, сжимая в руках «Бритиш медикал джорнел». Встревоженные Катбертсон и Крейвен встают. Пэремор пытается заговорить, но голос у него прерывается, он хватается рукой за горло и шатается. Катбертсон быстро подставляет ему свой стул, и доктор опускается на него, в то время как остальные окружают его. Крейвен стоит слева, Катбертсон справа, Джулия позади Крейвена.

Крейвен. Что с вами, Пэремор?

Джулия. Вы заболели?

Катбертсон. Надеюсь, никаких плохих новостей?

Пэремор *(в отчаянии)*. Худшая из новостей! Ужасная новость! Роковая новость! Моя болезнь...

Крейвен *(поспешно)*. Вы имеете в виду мою болезнь?

Пэремор *(яростно)*. Я имею в виду свою болезнь, пэреморову болезнь, болезнь, которую я открыл, труд всей моей жизни! Смотрите. *(С ужасом и отвращением указывает на журнал.)* Если это правда, значит, все было ошибкой – такой болезни нет.

Катбертсон и Джулия смотрят друг на друга, не решаясь поверить доброй вести.

Крейвен *(с негодованием и протестом)*. И вы называете это плохой новостью! Ну, знаете, Пэремор...

Пэремор *(прерывая его, хрипло)*. Вы, естественно, думаете только о себе. Не виню вас: все больные – эгоисты. Испытывать то, что я испытываю сейчас, может только человек науки. *(Содрогается от чувства нестерпимой несправедливости.)* Во всем виноваты нелепые, сентиментальные законы нашей страны. Я не имел возможности поставить достаточное количество опытов – у меня было всего три собаки и одна обезьяна. И это в то время, когда в Европе у меня полным-полно соперников, людей моей профессии, которые горят желанием доказать, что я неправ! Во Франции – вот где свобода! Это просве-

щенная, республиканская страна. Один француз, решив опровергнуть мою теорию, ставит опыты на двухстах обезьянах. Другой жертвует тридцать шесть фунтов, то есть триста собак по три франка, чтобы опровергнуть результаты опытов на обезьянах. Третий доказывает, что они оба неправы, с помощью одного-единственного эксперимента: он охлаждает печень верблюда до шестидесяти градусов ниже нуля. И, наконец, появляется этот проклятый итальянец, мой погубитель. Он получает государственную субсидию на приобретение животных, хотя и без того имеет в своем распоряжении самую большую клинику в Италии. *(С решимостью отчаяния.)* Но я не дам какому-то итальянцу побить меня. Я сам поеду в Италию. Я снова открою свою болезнь. Я знаю, что она существует, я это чувствую и докажу, даже если мне придется экспериментировать над каждым животным, у которого только есть печень. *(Скрестив руки на груди, с трудом переводит дух.)*

Крейвен *(с нарастающей обидой)*. Должен ли я понимать вас так, Пэремор, что вы взяли на себя смелость вынести мне смертный приговор, да, именно, смертный приговор, на основании опыта над тремя собаками и одной паршивой обезьяной?

Пэремор *(с предельным презрением к узколичной точке зрения Крейвена на дело)*. Да. Экспериментировать над другими животными мне не разрешили.

Крейвен. Так вот, Пэремор, меня это просто оскорбляет. Я не хочу быть несправедливым к вам, но признаюсь, я взбешен. Понимаете ли вы, черт вас побери, что вы натворили? Вы на целый год лишили меня мяса и спиртного, сделали всеобщим посмешищем, жалким вегетарианцем и водопийцей.

Пэремор *(вставая)*. Ну что ж, можете теперь наверстывать упущенное. *(С горечью указывая Крейвену на журнал.)* Вот! Прочтите сами, если хотите. Верблюда кормили говядиной, растворенной в алкоголе, и он прибавил в весе. Ешьте и пейте, сколько влезет. *(Все еще пошатываясь, проходит мимо Катбертсона к вращающейся книжной полке и останавливается спиной к остальным, опираясь на полку головой и рукой.)*

Крейвен *(ворчливо)*. Вам-то легко говорить, Пэремор. А что я скажу обществам покровительства животным и вегетарианским обществам, избравшим меня своим вице-президентом?

Катбертсон *(прыская со смеху)*. А вы, кажется, возвели диету в добродетель, Дэн?

Крейвен *(вспыхивая)*. Да, я возвел в добродетель необходимость, Джо. И пусть попробуют порицать меня за это.

Джулия *(успокоительно)*. Не надо волноваться, папа! Вернемся лучше в столовую и закажем тебе сочный бифштекс.

Крейвен *(с трепетом)*. Ух ты! *(Жалобно.)* Нет, я утратил свои былые мужские вкусы. Моя натура уже испорчена — я слишком долго жил на кашке. *(К Пэремору.)* Вот к чему приводит эта ваша вивисекция. Вы экспериментируете на лошадях, а в результате переводите меня на положение травоядных и пичкаете овсом.

Пэремор *(отрывисто и не меняя позы)*. Если они принесли вам пользу, тем лучше для вас.

Крейвен *(сварливо)*. Все это так и тем не менее крайне досадно. Вы плохо представляете себе, что такое внушить человеку, будто жить ему осталось всего лишь год. Повторяю, вы в самом деле не представляете себе, Пэремор, что это такое. Я составил завещание, в котором не было решительно никакой необходимости; я помирился с целым рядом людей, которых в обычных обстоятельствах не выношу. Я позволил моим дочерям, девчонкам, обойти меня в таких вопросах, в каких никогда бы не отступил, будь у меня впереди целая жизнь. Наконец, я предавался серьезным размышлениям, читал и слишком часто ходил в церковь. А теперь оказывается, что я попусту тратил время. Черт возьми, это просто возмутительно! Лучше бы я умер, как подобает мужчине, раз уж решил умирать.

Пэремор *(как прежде)*. Возможно, вы и умрете, если это может доставить вам удовлетворение. У вас плохое сердце.

Крейвен *(обиженно)*. Извините за откровенность, Пэремор, но я больше не доверяю вам как врачу.

Глаза Пэремора вспыхивают, он выпрямляется и слушает.

Я заплатил вам изрядный гонорар за то, что вы приговорили меня к смерти, и не могу сказать, что затраты мои окупились.

Пэремор *(оборачиваясь и с достоинством глядя на Крейвена)*. На такие слова не отвечают, полковник Крейвен. Гонорар я вам возвращу.

Крейвен. Дело не в деньгах. Я просто полагал, что вам следует осознать создавшееся положение.

Пэремор сухо отворачивается.

(В порыве раскаяния бросается к нему, восклицая.) Знаете, я поступил очень нехорошо, позволив себе такой намек. *(Протягивает Пэремору руку.)*

Пэремор *(пристыженный, принимает ее)*. Вовсе нет. Вы совершенно правы, полковник Крейвен. Я поставил неверный диагноз и обязан отвечать за последствия.

Крейвен *(удерживая его руку)*. Нет, не говорите так. Ваша ошибка вполне естественна: при моей печени любой диагноз окажется неверным.

Долгое рукопожатие, которое является тяжким испытанием для нервов Пэремора. Затем Пэремор удаляется в нишу слева от бюста Ибсена, бросается на диван с подавленным рыданием и склоняется над журналом, упершись локтями в колени и опустив голову на руки.

Катбертсон *(вместе с Джулией, которая с ликующим видом стоит на другом конце комнаты)*. Ну, довольно об этом. Поздравляю, Крейвен. Надеюсь, вам суждена еще долгая жизнь.

Крейвен протягивает ему руку.

Нет, Дэн, сначала пожмите руку дочери. *(Ласково берет Джулию за руку и подводит ее к Крейвену.)*

Она в порыве чувств бросается в объятия отца.

Джулия. Мой дорогой, старый папа!

Крейвен. Значит, Джулия рада, что ее старому папе отпущено еще несколько лет жизни?

Джулия *(чуть не плача)*. Ах, ужасно рада, ужасно!

Катбертсон довольно громко всхлипывает. Полковник тронут. Из столовой выходит Сильвия и, увидев их троих, останавливается в дверях библиотеки. Пэремора, находящегося в нише, она не замечает.

Сильвия. Хелло!

Крейвен. Расскажи ей новость, Джулия. В моих устах это будет смешно. *(Подходит к плачущему Катбертсону и успокоительно похлопывает его по плечу.)*

Джулия. Подумай только, Сильвия, папа, оказывается, вовсе не болен. Все это просто-напросто ошибка доктора Пэремора. Боже мой! *(Ловит левую руку Крейвена, наклоняется и целует ее, так как правая его рука все еще покоится на плече Катбертсона.)*

Сильвия *(презрительно)*. Я так и знала. Конечно, все это

было оттого, что отец слишком много ел. Я всегда говорила, что Пэремор — осел.

Все ошеломлены. Катбертсон, Крейвен и Джулия сконфуженно отворачиваются друг от друга.

Пэремор *(беззлобно)*. Ничего, мисс Крейвен. Теперь то же самое говорит вся Европа. Не смущайтесь.

Сильвия *(несколько растерянно)*. Прошу прощения, мистер Пэремор. Вы должны понять чувства дочери.

Крейвен *(обиженно)*. Новость, как видно, не слишком заинтересовала тебя, Сильвия.

Сильвия. Можешь держать пари, папа, что я не расчувствуюсь даже по такому поводу. *(Подходит к Крейвену.)* Кроме того, я всегда знала, что вся эта история с болезнью — чушь. *(Ласково прижимается к нему.)* Дорогой мой, бедный, старый папа! С какой это стати дни твои должны быть сочтены строже, чем у любого из нас?

Смягчившись, он треплет ее по щеке. Сильвия нетерпеливо отворачивается.

Пойдем-ка в курительную и посмотрим, на что ты еще способен после того, как целый год был трезвенником.

Крейвен *(шутливо)*. Ах ты, скверная девчонка! *(Дергает ее за ухо.)* Пойдемте, Джо! Вам не помешает выпить для настроения: вы столько наволновались.

Катбертсон. Я не стыжусь этого, Дэн. Волнение пошло мне на пользу. *(Подходит к столу и грозит кулаком бюсту.)* Тебе оно тоже не повредило бы, будь у тебя глаза и уши и умей ты чувствовать!

Крейвен. Кому это не повредило бы?

Сильвия. Старому доброму Хенрику, разумеется.

Крейвен *(озадаченный)*. Какому Хенрику?

Катбертсон *(нетерпеливо)*. Ибсену, друг мой, Ибсену.

В сопровождении Сильвии, которая оборачивается и на ходу посылает бюсту воздушный поцелуй, выходит через дверь, ведущую на лестницу. Ошеломленный Крейвен смотрит им вслед, затем переводит взгляд на бюст. Решив, что ему все равно ничего не понять, он покачивает головой и следует за ушедшими, но, дойдя до двери, останавливается и возвращается обратно.

Крейвен *(осторожно)*. Послушайте, Пэремор...

Пэремор *(с трудом поднимаясь)*. Что?

Крейвен. Вы что-то сказали о моем сердце. Это серьезно?

Пэремор. Пустяки, пустяки. Легкий шум, возможно, неко-

торая недостаточность митрального клапана, но если будете соблюдать осторожность, на ваш век хватит. Не курите слишком много.

Крейвен. Что? Опять ограничения? Ну, знаете, Пэремор...

Пэремор *(поднимаясь, расстроенно)*. Простите, я не могу сосредоточиться. Я... я...

Джулия. Не беспокой его сейчас, папа.

Крейвен. Ладно, ладно, не буду. *(Подходит к Пэремору, который взволнованно расхаживает взад и вперед по комнате.)* Полно, Пэремор! Поверьте, я не эгоист и очень вам сочувствую. Конечно, для вас это большое разочарование. Но вы должны вести себя как мужчина. И кроме того, все это лишь доказывает, что в современной науке много разной мерзости, верно? Между нами говоря, наука – вещь ужасно жестокая. Согласитесь, что мучить и потрошить верблюдов и обезьян – форменная гнусность. Рано или поздно это притупляет в человеке все лучшие чувства.

Пэремор *(оборачиваясь к нему)*. А сколько верблюдов, лошадей и даже людей распотрошили во время Суданской кампании, за которую вы получили свой крест ордена Виктории, полковник Крейвен?

Крейвен *(вспыхивая)*. Честный бой – это совсем другое дело, Пэремор.

Пэремор. Да, честный: винтовки Мартини и пулеметы против голых туземцев с копьями.

Крейвен *(горячо)*. Я наравне с другими ставил на карту голову, доктор Пэремор. Я рисковал жизнью, не забывайте этого.

Пэремор *(столь же горячо)*. Я тоже рисковал ею, как все врачи, и притом чаще, чем любой солдат.

Крейвен *(великодушно)*. Верно. Об этом я не подумал. Прошу прощения, Пэремор. Никогда больше не скажу худого слова о вашей профессии. Но, надеюсь, вы разрешите мне прибегнуть к доброму старомодному способу и полечить мою печень хорошей встряской – псовой охотой в деревне?

Пэремор *(с горькой иронией)*. А когда свора собак потрошит лису – это, по-вашему, не жестокость?

Джулия *(становясь между ними, примирительно)*. Ах, пожалуйста, довольно споров. Иди в курительную, папа. Катбертсон, наверно, уже ломает себе голову, куда это ты запропастился.

Крейвен. Ладно, ладно, иду. Но, честное слово, вы се-

годня непоследовательны, Пэремор. Утверждать, что такой великолепный спорт...

Джулия. Тише, тише... *(Подталкивает его к двери.)*

Крейвен. Ладно, ладно, ухожу. *(Добродушно уходит, выпроваживаемый Джулией.)*

Джулия *(оборачиваясь в дверях с самым пленительным видом)*. Не поддавайтесь разочарованию, мистер Пэремор. Будьте повеселее. Вы же так хорошо относились к нам и так помогли папе.

Пэремор *(в восторге бросается к ней)*. И это говорите мне вы, мисс Крейвен! Как великодушно с вашей стороны!

Джулия. Я не выношу, когда кто-нибудь несчастен. Ненавижу несчастье. *(Выбегает, бросая ему на ходу взгляд, подобный парфянской стреле.)*

Пэремор замирает от восхищения и глядит ей вслед сквозь стеклянную дверь. Пока он стоит, поглощенный мыслью о Джулии, из столовой входит Чартерис *и трогает его за руку.*

Пэремор *(вздрагивая)*. А! В чем дело?

Чартерис *(многозначительно)*. Очаровательная женщина, правда, Пэремор? *(С почтительным изумлением глядя на него.)* Как это вы умудрились пленить ее?

Пэремор. Я? Вы в самом деле считаете, что... *(Смотрит на Чартериса, затем спохватывается и холодно добавляет.)* Простите, но я не склонен шутить на эту тему. *(Отходит на другой конец библиотеки, садится в кресло и принимается за журнал, всем своим видом показывая, что не намерен продолжать разговор.)*

Чартерис *(оставив намек без внимания, невозмутимо берет стул и подсаживается к Пэремору)*. Почему вы не женитесь, Пэремор? Знаете, это просто скандал, когда человек вашей профессии остается холостяком.

Пэремор *(отрывисто, делая вид, что читает)*. А это уж дело мое, а не ваше.

Чартерис. Ошибаетесь. Это, прежде всего, вопрос социальный. Вы ведь женитесь, не правда ли?

Пэремор. Насколько мне известно, нет.

Чартерис *(встревоженный)*. Нет? Быть не может! Почему?

Пэремор *(сердито встает и стучит пальцем по табличке с надписью «Соблюдайте тишину»)*. Разрешите обратить ваше внимание на эту надпись. *(Переходит к креслу у вращающейся полки и бросается в него с откровенно враждебным видом.)*

Чартерис *(следует за ним, не обращая внимания на отповедь,— он слишком заинтересован)*. Пэремор, я просто не могу вам передать, как вы меня встревожили. Вы все время бьете мимо цели. У меня есть все основания полагать, что ваше предложение будет с радостью принято.

Пэремор *(сердито)*. Да, вы следили за мной, потому что вам самому нравится мисс Крейвен. Ну, так знайте: теперь вам никто не помешает. Вам, вероятно, будет приятно услышать, что я человек конченый.

Чартерис. Вы? Конченый? Почему? Проигрались на скачках?

Пэремор *(презрительно)*. На скачках? Разумеется, нет.

Чартерис. Прошу вас, Пэремор, возьмите у меня взаймы все, чем я располагаю, если только это может вас выручить.

Пэремор *(привстав от изумления)*. Чартерис! Я... *(Подозрительно.)* Вы шутите?

Чартерис. Господи, ну почему вы вечно подозреваете, что я шучу? Да я никогда в жизни не был серьезнее, чем сейчас.

Пэремор *(пристыженный великодушием Чартериса)*. В таком случае, прошу прощения. Я думал, это известие вас порадует.

Чартерис *(протестуя против такой подозрительности в отношении его добрых чувств)*. Мой дорогой!..

Пэремор. Вижу, что был неправ. Искренне раскаиваюсь в этом.

Обмениваются рукопожатием.

А теперь я скажу вам всю правду. Я предпочитаю, чтобы вы узнали ее от меня, а не от клубных сплетников. Мое открытие насчет болезни печени... гм... гм... *(Не может выдавить из себя нужные слова.)*

Чартерис *(приходя ему на помощь)*. Подтвердилось? *(Грустно.)* Понимаю. Бедный полковник обречен.

Пэремор. Нет, напротив, оно... гм... поставлено под сомнение. Полковник считает теперь себя совершенно здоровым, и мои добрые отношения с Крейвенами вконец испорчены.

Чартерис. Кто ему рассказал?

Пэремор. Я сам, разумеется, как только прочел об этом в журнале. *(Показывает Чартерису журнал и кладет его на полку.)*

Чартерис. Друг мой, да ведь вы оказались вестником радости! Вы хоть поздравили его?

Пэремор *(шокированный)*. Поздравил? Поздравить человека с самым тяжким ударом, какой патология получала за последние три столетия?

Чартерис. Да нет, нет же! Вы должны были поздравить полковника с тем, что жизнь его спасена. Поздравить Джулию с тем, что отец ее избавлен от смерти. Поклясться, что ваше открытие и репутация для вас ничто в сравнении с той радостью, какую вы испытываете, возвращая счастье семейству, с которым связаны все ваши заветные надежды. Черт побери, друг мой, вы никогда не женитесь, пока не научитесь поворачивать события так, чтобы угодить женщине.

Пэремор *(серьезно)*. Простите меня, но чувство собственного достоинства мне дороже, чем даже мисс Крейвен. Я не могу спекулировать научными проблемами в целях личной выгоды. *(Холодно отворачивается и подходит к столу.)*

Чартерис. Нет, это выше моего понимания! Совесть сектанта — это уже достаточно скверно, но совесть ученого — это уже черт знает что! *(Подходит к Пэремору, фамильярно обнимает его и ведет обратно, не переставая говорить.)* Знаете, Пэремор, в этом смысле я начисто лишен совести. Я ненавижу ее так же, как любые другие путы идеализма. Но я не лишен обычной человечности и здравого смысла. *(Усаживает Пэремора в кресло и садится напротив него.)* Скажите, что такое подлинно научная теория? Это верная теория, а?

Пэремор. Несомненно.

Чартерис. Например, ваша теория относительно печени Крейвена. Так ведь?

Пэремор. Я по-прежнему верю, что моя теория верна, хотя она временно и отвергнута.

Чартерис. У вас есть и другая теория — о том, что не худо бы жениться на Джулии?

Пэремор. В известном смысле есть.

Чартерис. Эта теория, вероятно, тоже будет опровергнута раньше, чем вы станете старше на год.

Пэремор. Вы, как всегда, циничны, Чартерис.

Чартерис. Не обращайте на это внимания. Так вот, с вашей стороны чертовски некрасиво надеяться на то, что ваша теория насчет печени верна: это равносильно надежде на то, что Крейвен умрет в муках.

Пэремор. Вечно вы со своими парадоксами, Чартерис!

Чартерис. Зато надеяться, что ваша теория относительно Джулии верна, очень похвально и человечно: это равносильно надежде на то, что она будет счастлива в браке с вами.

Пэремор. Надеюсь на это всей душой... *(Поправляется.)* Я хотел сказать, всем своим духовным существом.

Чартерис. Итак, поскольку обе теории в равной мере научны, почему бы вам, как человеку гуманному, не направить свои силы на подтверждение теории приятной, а не ужасной?

Пэремор. Но как это сделать?

Чартерис. Сейчас объясню. Вы думаете, что я сам неравнодушен к Джулии. Так оно и есть, но поскольку я неравнодушен ко всем женщинам вообще, я не в счет. Кроме того, если вы поставите научный эксперимент и спросите ее, любит она меня или нет, она ответит вам, что ненавидит и презирает меня. Следовательно, я вам не конкурент. Тем не менее я, как и вы, надеюсь всей душой... Как это вы назвали свою душу?

Пэремор *(нетерпеливо)*. Продолжайте, продолжайте. Договорите то, что начали.

Чартерис *(внезапно обнаружив полное безразличие к предмету разговора, поднимается с небрежным видом)*. Не знаю, что вам еще сказать. На вашем месте я пригласил бы Крейвенов на чашку чая по случаю избавления полковника от ожидавшей его ужасной участи. Кстати, вы уже прочли журнал? Мне хочется взглянуть, как там громят вашу теорию.

Пэремор *(тоже поднимаясь, с содроганием)*. Если вам угодно, пожалуйста. Ничего не имею против. *(Берет журнал с полки.)* Я признаю, что опыт итальянцев, по всей видимости, опрокидывает мою теорию. Но прошу помнить, что опыты над животными — доказательство, вообще говоря, очень сомнительное, крайне сомнительное. *(Протягивает Чартерису журнал.)*

Чартерис *(берет его)*. Неважно: я не собираюсь их ставить. *(Удаляется в нишу справа от бюста Ибсена, прихватив по дороге библиотечную лесенку и поставив ее так, чтобы можно было положить на нее ноги, после чего устраивается на диване, спиной к углу камина, и погружается в чтение.)*

Пэремор направляется к двери в столовую, но на пороге встречает входящую Грейс.

Грейс. Здравствуйте, доктор Пэремор. Очень рада вас видеть.

Обмениваются рукопожатием.

Пэремор. Благодарю. Надеюсь, вы здоровы?

Грейс. Спасибо, вполне. А вот у вас вид переутомленный. Пора нам подумать и о вас, доктор.

Пэремор. Вы слишком добры.

Грейс. Нет, это вы слишком добры к своим пациентам. Вы приносите себя в жертву. Отдохните немного. Идемте поболтаем. Вы расскажете мне о последних научных открытиях и посоветуете, что прочесть: я хочу быть в курсе событий. Но, возможно, вы заняты?

Пэремор. Что вы, что вы! Я просто в восторге.

Они проходят в нишу слева от бюста Ибсена, усаживаются там и начинают шептаться.

Чартерис. Как они все любят докторов! Им-то они рассказывают все.

Входит Джулия. Она не видит его.

(Снимает ноги с лесенки и садится.) Ого!

Джулия бродит по комнате, явно ища кого-то. Чартерис на цыпочках следует за нею.

Чартерис *(тихо)*. Вы меня ищете, Джулия?

Джулия *(сильно вздрогнув)*. Ах, как вы напугали меня!

Чартерис. Тс-с! Я вам сейчас кое-что покажу. Смотрите! *(Указывает ей на парочку в нише.)*

Джулия *(ревниво)*. Опять эта женщина!

Чартерис. Моя дама отбивает вашего кавалера.

Джулия. Что вы имеете в виду? Как вы смеете намекать...

Чартерис. Тс-с! Тс-с! Не мешайте им.

Пэремор встает, берет книгу и усаживается на скамеечку у ног Грейс.

Джулия. Почему они шепчутся?

Чартерис. Потому что не хотят, чтобы их разговор слышали посторонние.

Пэремор показывает Грейс картинку в книге. Оба от души смеются.

Джулия. Что он ей показывает?

Чартерис. Вероятно, печень в разрезе.

Джулия с возгласом, выражающим отвращение, направляется к нише.

(Ловит ее за рукав.) Стойте! Осторожнее, Джулия.

Она вырывается, оттолкнув его так, что он падает в кресло. Затем подходит к нише и останавливается у камина, в упор глядя на Грейс и Пэремора.

Джулия *(с трудом сдерживая ярость)*. Вы, кажется, нашли очень интересную книгу, доктор Пэремор?

Они удивленно смотрят на нее.

Можно взглянуть? *(Мгновенно наклоняется, вырывает книгу у Пэремора, отходит к столу и быстро раскрывает ее.)*

Доктор и Грейс в изумлении встают.

«Добрые слова». *(Швыряет книгу на стол и устремляется обратно, на ходу презрительно бросив Чартерису.)* Вы дурак!

Тем временем Пэремор и Грейс выходят из ниши. Пэремор растерян, у Грейс, напротив, вид весьма решительный.

Чартерис *(не без труда выбравшись из кресла, тихо Джулии)*. Идиотка! Теперь она добьется, чтобы тебя исключили из клуба.

Джулия *(перепугавшись)*. Нет, нет... Неужели ей это удастся?

Пэремор. Что случилось, мисс Крейвен?

Чартерис *(поспешно)*. Ничего... Это моя вина... Просто глупая шутка. Прошу прощения у вас и у миссис Трэнфилд.

Грейс *(твердо)*. Вы здесь решительно ни при чем, мистер Чартерис. Доктор Пэремор, вы меня чрезвычайно обяжете, если пришлете сюда Сильвию Крейвен.

Пэремор *(колеблясь)*. Но...

Грейс. А сейчас оставьте нас, пожалуйста.

Пэремор *(сдаваясь)*. Как прикажете. *(Кланяется и уходит в дверь, ведущую на лестницу.)*

Грейс. Вы тоже уходите, Чартерис.

Джулия. Надеюсь, вы не оставите меня здесь и не дадите этой женщине оскорблять меня, мистер Чартерис? *(Берет его под руку, собираясь уйти вместе с ним.)*

Грейс. В случае ссоры между двумя женщинами устав клуба запрещает улаживать ее в присутствии мужчин, особенно в присутствии того, из-за кого они ссорятся. Полагаю, что вы не станете нарушать этот параграф, мисс Крейвен.

Джулия сердито отпускает руку Чартериса.

(Поворачивается к Чартерису и добавляет.) Ну, что же вы стоите? Убирайтесь.

Чартерис. Сейчас, сейчас. *(С позором уходит в ту же дверь, что Пэремор.)*

Грейс *(к Джулии, спокойно и властно)*. Ну, что вы имеете мне сказать?

Джулия *(внезапно и трагически бросаясь к ногам Грейс)*. Не отнимайте его у меня. О, не будьте такой жестокой! Верните мне его. Вы сами не знаете, что делаете... Вы не знаете нашего прошлого, не знаете, как я люблю Ленарда. Вы не знаете...

Грейс. Встаньте и не валяйте дурака. Вдруг кто-нибудь войдет и увидит вас в этой нелепой позе?

Джулия. Я уже не понимаю, что делаю. Мне теперь все безразлично — я так несчастна! Ах, неужели вы не выслушаете меня?

Грейс. Уж не думаете ли вы, что я мужчина и на меня можно воздействовать такого рода выходками?

Джулия *(поднимаясь и мрачно глядя на нее)*. Значит, вы решили отнять его у меня?

Грейс. А вы надеялись, что я помогу вам удержать его после таких вот художеств?

Джулия *(несколько смягчив свои театральные приемы — теперь она уже не трагична, а разумна и непринужденно благожелательна)*. Я знаю, я нехорошо поступила вчера. Простите меня. Я очень сожалею о случившемся, но я потеряла голову.

Грейс. Вы ее вовсе не теряли. Вы до мелочей рассчитали, как далеко вам можно зайти. Когда с нами Чартерис и вам есть кому закатывать сцены, тогда я не в счет. Когда же мы с вами остаемся одни, вы прибегаете к единственному своему способу получить желаемое — плачете, как ребенок, пока вам этого не дадут.

Джулия *(с нескрываемой ненавистью)*. Это он научил вас так разговаривать!

Грейс. Нет, вы — я же видела вас вчера вечером и вижу сейчас. Как мне противно, что я женщина! Я на вашем примере вижу, какие мы жалкие, инфантильные существа. Эти двое мужчин разом поставили бы вас на место и выкинули бы из клуба, если бы вы были мужчиной и посмели так вести себя в их присутствии. Но вы всего-навсего женщина, и они снисходительны, вежливы, любезны. О, будь у вас хоть капля уважения к себе, вы бы сквозь землю со стыда провалились от их снисходитель-

ности. Теперь я понимаю, почему Чартерис не ставит женщин ни в грош.

Джулия. Как вы смеете так говорить?

Грейс. Смею! Я люблю его. И я отказалась выйти за него.

Джулия *(недоверчиво, но загораясь надеждой)*. Отказались?

Грейс. Да, потому что не хочу принадлежать мужчине, который учился обращаться с женщинами у вас и вам подобных. Я обойдусь без его любви, но я не могу обойтись без его уважения. А в том, что я не получу от него и любви, и уважения вместе, виноваты вы. Берите же себе его любовь и будьте счастливы! Бегите к нему, умоляйте сжалиться над вами и взять вас обратно.

Джулия. Ну и лгунья же вы! Он любил меня задолго до того, как увидел вас, как стал думать о вас, жалкая вы тварь! Уж не воображаете ли вы, что мне надо на коленях молить мужчин о любви? Может быть, вам при вашей внешности и приходилось так делать; мне — нет. Десятки мужчин готовы душу продать за один мой взгляд. Мне стоит только пальцем шевельнуть.

Грейс. Шевельните и посмотрим, подействует ли это на него.

Джулия. Как мне хочется убить вас! Не знаю, что меня удерживает.

Грейс. А я знаю: вы всегда стараетесь отделаться подешевле за чужой счет. Нашла чем хвастаться! Десятки мужчин, видите ли, будут любить ее, стоит ей их поманить!

Джулия *(мрачно)*. Наверно, в самом деле лучше быть такой, как вы: душа холодная, язык змеиный. Но у меня, слава богу, есть сердце; вот почему вы можете сделать мне больно, а я вам нет. И еще вы трусливы. Вы отдаете мне его без борьбы.

Грейс. Конечно. Бороться следует не мне, а вам. Желаю успеха. *(Презрительно отворачивается и направляется к двери в столовую.)*

В эту минуту с противоположной стороны входит Сильвия в сопровождении Катбертсона и Крейвена. Мужчины подходят к Джулии, Сильвия подбегает к Грейс.

Сильвия. Вот и я. Меня прислал сюда верный Пэремор. Он дал мне понять, что хорошо бы прихватить с собой старших членов семейства — вот и они. Из-за чего скандал?

Грейс *(невозмутимо)*. Ни из-за чего, дорогая. Никакого скандала нет.

Джулия. *(истерически взвизгивает, пошатываясь и протягивая руку к Крейвену).* Папа!

Крейвен *(обнимая ее).* Ненаглядная моя! Что случилось?

Джулия *(сквозь слезы).* Она хочет исключить меня из клуба и опозорить всех нас. Неужели это ей удастся, папа?

Крейвен. Ну, знаешь, устав вашего клуба настолько необычен, что тут ничего не предскажешь. *(К Грейс.)* Могу я узнать, сударыня, есть у вас какие-либо жалобы на поведение моей дочери?

Грейс. Да, сэр. Я буду жаловаться в правление.

Сильвия. Я знала, что рано или поздно ты перегнешь палку, Джулия.

Крейвен. Вы знаете эту даму, Джо?

Катбертсон. Это моя дочь, миссис Трэнфилд, Дэн. Грейс, мой старый друг полковник Крейвен.

Грейс и Крейвен сдержанно кланяются.

Крейвен. Могу я узнать, миссис Трэнфилд, на что собственно вы жалуетесь?

Грейс. Только на то, что мисс Крейвен по природе своей женственная женщина и, как таковая, не может быть членом клуба.

Джулия. Неправда. Вовсе я не женственна. Когда я вступала в клуб, за меня поручились так же, как и за вас.

Грейс. Если не ошибаюсь, за вас, по вашей собственной просьбе, поручился мистер Чартерис. Я призову его в свидетели, и он подтвердит, что совсем недавно, вот здесь, в присутствии его и доктора Пэремора вы вели себя типично по-женски.

Крейвен. Скажите, Катбертсон, они шутят или все это мне снится?

Катбертсон *(мрачно).* Это не сон, Дэн. Это явь.

Сильвия *(хватает Крейвена за левую руку и нежно прижимается к ней).* Милый мой старый Рип ван Винкль!

Крейвен. Ну что ж, миссис Трэнфилд, надеюсь, что вам удастся обосновать свою жалобу и Джулия скоро в последний раз увидит это мерзкое учреждение. Вот все, что я могу сказать.

Появляется Чартерис.

Чартерис *(в дверях).* Можно войти?

Сильвия. Да, вы нужны здесь как свидетель.

Чартерис входит.

Тяжелый случай женственности.

Грейс *(вполголоса Чартерису, многозначительно)*. Вам понятно?

Джулия, ревниво наблюдающая за ними, оставляет отца и подходит поближе к Чартерису.

(Громко добавляет.) Я рассчитываю на вашу поддержку в правлении.

Джулия. Если в вас есть хоть капля мужества, вы встанете на мою сторону.

Чартерис. Но тогда исключат и меня, как мужественного мужчину. Кроме того, я сам член правления и не могу выступать одновременно как судья и как свидетель. Обратитесь лучше к Пэремору: он видел все от начала до конца.

Грейс. Где доктор Пэремор?

Чартерис. Только что ушел домой.

Джулия *(с внезапной решимостью)*. Доктор Пэремор живет на Сэвил-роу. Какой номер дома?

Чартерис. Семьдесят девять.

Джулия, к всеобщему удивлению, быстро уходит через дверь, ведущую на лестницу. Чартерис спешит за ней к двери, которая захлопывается перед его носом. Он смотрит вслед Джулии через стекло.

Сильвия *(подбегая к Грейс)*. Грейс, поезжайте за нею. Нельзя допускать, чтобы она заранее поговорила с Пэремором. Она сочинит ему душераздирающую историю о том, как дурно вы с ней обошлись, и окончательно обведет его вокруг пальца.

Крейвен *(громовым голосом)*. Сильвия! Разве порядочная девушка отзывается так о родной сестре?

Грейс пожимает руку Сильвии, чтобы успокоить ее, берет со стола журнал и хладнокровно садится. Сильвия становится за стулом Грейс, облокотившись на его спинку, и следит за разговором, который завязывается между тремя мужчинами.

Уверяю вас, миссис Трэнфилд, доктор Пэремор только что пригласил нас всех к себе на чашку чая. И если моя дочь поехала к нему, то сделала это лишь для того, чтобы покончить с весьма прискорбной сценой, которая здесь происходила. Мы все тоже едем туда. Идем, Сильвия. *(Направляется к двери.)*

Катбертсон следует за ним.

Чартерис *(с досадой)*. Погодите! *(Становится между Крейвеном и Катбертсоном.)* Что за спешка? Надо же дать человеку время.

Крейвен. Время? На что?

Чартерис *(от возбуждения мелет вздор)*. Ну, чуточку передохнуть... Сами понимаете, он человек занятой. За весь день ни минуты для себя

Крейвен. Но ведь Джулия все равно с ним.

Чартерис. Неважно, она все-таки один человек, а не целая компания. Кроме того, ей тоже нужно время, чтобы изложить ему свое дело. Как член правления, я считаю, что это только справедливо. Будьте благоразумны, Крейвен, дайте ему хоть полчаса.

Катбертсон *(строго)*. Что вы имеете в виду, Чартерис?

Чартерис. Уверяю вас, ничего. Просто забочусь о бедном Пэреморе.

Катбертсон. Нет, у вас какие-то свои соображения. Крейвен, я считаю, что ехать надо сейчас же. *(Берется за ручку двери.)*

Чартерис *(уговаривая)*. Нет, нет. *(Успокоительно кладет руку на плечо Крейвену и добавляет.)* Такая спешка сразу же после завтрака вредна для вашей печени, Крейвен.

Катбертсон. С печенью у него уже все в порядке. Пошли, Крейвен. *(Распахивает дверь.)*

Чартерис *(хватая Катбертсона за рукав)*. Вы с ума сошли, Катбертсон. Пэремор собирается сделать Джулии предложение. Мы должны дать ему время: он не управится с этим за три минуты, как вы или я. *(Поворачиваясь к Крейвену.)* Неужели вам непонятно? Это выведет меня из затруднения, о котором мы с вами и Катбертсоном говорили сегодня утром. Помните?

Крейвен. Разве такие вещи выкладывают вот так, перед всеми, Чартерис? Неужели, черт вас побери, вы лишены элементарной порядочности?

Катбертсон *(сурово)*. Начисто.

Чартерис *(поворачиваясь к Катбертсону)*. Полно, Катбертсон, не злитесь. Помогите мне. Мое будущее, будущее Джулии, будущее миссис Трэнфилд, Крейвена, словом, всех нас зависит от того, станет ли Джулия невестой Пэремора к тому моменту, когда мы явимся на Сэвилроу. Он обязательно сделает ей предложение, если только вы дадите ему время. Вы ведь очень добрый и здравомыслящий человек, Катбертсон, и чертовски умный, не-

смотря на весь вздор, которого вы нахватались в театре. Ну, замолвите же за меня словечко.

Крейвен. Я охотно предоставляю право решать Катбертсону и заранее знаю его решение.

Катбертсон тщательно закрывает дверь и возвращается в комнату с серьезным и задумчивым видом.

Катбертсон. Я буду говорить как человек светский, иными словами, не беря на себя никакой моральной ответственности.

Крейвен. Именно так, Джо. Именно.

Катбертсон. Поэтому, ни в коей мере не разделяя взгляды Чартериса, я все-таки полагаю, что мы можем немного подождать. Скажем, минут десять. *(Садится.)*

Чартерис *(в восторге)*. Ах, Катбертсон, вам нет равных, когда нужно найти выход из трудного положения! *(Садится на спинку диванчика.)*

Крейвен *(глубоко разочарованный)*. Ну, Джо, если уж вы так решили, я должен сдержать слово и подчиниться. Думаю, что нам лучше всего сесть и устроиться поудобнее. *(Нехотя садится.)*

Молчание, чрезвычайно неприятное для всех мужчин.

Грейс *(отрываясь от журнала)*. Успокойтесь, Ленард.

Чартерис *(съезжая со спинки диванчика)*. Не могу — слишком волнуюсь. Джулия так взвинтила мне нервы, что я не отвечаю за себя, пока не узнаю ее решения. Миссис Трэнфилд может порассказать вам, что мне пришлось пережить за последние дни. Видите ли, Джулия, безусловно, весьма решительная женщина.

Крейвен *(вскакивая)*. Ну, знаете, клянусь честью и совестью, это уж слишком! Я немедленно еду. Идем, Сильвия. Надеюсь, Катбертсон, что вы наглядно продемонстрируете свое отношение к делу и немедленно отправитесь с нами к Пэремору. *(Шагает к двери.)*

Чартерис *(в отчаянии)*. Крейвен, вы ставите на карту счастье своей дочери. Прошу вас, подождите хотя бы еще пять минут.

Крейвен. Ни пяти секунд, сэр. Как вам не стыдно, Чартерис! *(Уходит.)*

Катбертсон *(Чартерису, по дороге к двери)*. Растяпа! *(Следует за Крейвеном.)*

Сильвия. Поделом вам, тупица! *(Следует за Катбертсоном.)*

Чартерис. Ох уж эти мне упрямые старики! *(К Грейс.)* Остается одно – ехать с ними и по возможности задержать полковника. Боюсь, что мне придется покинуть тебя.

Грейс *(вставая)*. Ничего подобного Пэремор меня тоже пригласил.

Чартерис *(в ужасе)*. И ты поедешь?

Грейс. Безусловно. Неужели я дам этой женщине повод думать, что я боюсь встречи с ней?

Чартерис с протяжным стоном опускается в кресло.

Идем и не дури. Если ты будешь медлить и дальше, мы не догоним полковника.

Чартерис. И зачем только я, горемыка, родился на свет? *(Встает с унылым видом.)* Ну что ж, раз надо, так надо. *(Предлагает ей руку.)*

Она опирается на нее.

Кстати, что произошло здесь, когда я ушел?

Грейс. Я прочла ей такую лекцию о правилах поведения, которой она не забудет до конца дней своих.

Чартерис *(одобрительно)*. Хорошо сделала, дорогая. *(Обнимает ее за талию.)* Один поцелуй, чтобы утешить меня!

Грейс *(снисходительно подставляя щеку)*. Глупый мальчик.

Он целует ее.

А теперь идем.

Уходят.

Гостиная Пэремора на Сэвил-роу. Если глядеть на комнату со стороны окон, на противоположной стороне, в левом углу, видна дверь. Вторая дверь, легкая, бесшумная, завешенная зеленой портьерой, находится справа и ведет в кабинет Пэремора. Слева камин. В ближайшем к нему углу, перпендикулярно стене, стоит кушетка. В другом углу — кресло. Стена справа, вплоть до двери за зеленой портьерой, занята книжными шкафами, над ними в рамке висит репродукция рембрандтовского «Урока анатомии». На переднем плане, правее, чайный стол. Пэремор сидит у стола в кресле на роликах с круглой спинкой и разливает чай. Напротив него, спиной к огню,— Джулия. Он в приподнятом настроении, она очень подавлена.

Пэремор *(подавая ей чашку чая, которую только что налил)*. Пожалуйста! Умение заваривать чай — одна из немногих моих сильных сторон. Пирожного?

Джулия. Нет, благодарю. Не люблю сладкого. *(Ставит чашку на стол, даже не пригубив.)*

Пэремор. Вам не нравится чай?

Джулия. Нет, чай очень хороший.

Пэремор. Боюсь, что не умею развлекать гостей. Моя беда — чрезмерный профессионализм. Я блистаю только тогда, когда принимаю больных. Мне иногда хочется, чтобы вы чем-нибудь серьезно заболели: вот уж тогда я доказал бы, что искренне симпатизирую вам и кое-что знаю. А так я могу лишь восхищаться вами и радоваться, что вы навестили меня.

Джулия *(с горечью)*. И баловать меня, и говорить мне приятные вещи! Удивляюсь, как это вы еще не предложили мне блюдечко молока!

Пэремор *(изумленно)*. С какой стати?

Джулия. С такой, что вы относитесь ко мне так, словно я ангорская кошка.

Пэремор *(с пылким упреком)*. Мисс Крей...

Джулия *(прерывая его)*. А, что там! Я привыкла к такому отношению. Это, кажется, единственный вид привязанности, который я способна внушать. *(Иронически.)* Вы даже не представляете себе, как мне это лестно!

Пэремор. Дорогая мисс Крейвен, что за цинизм! Вы? Да ведь прохожие на улице — и те влюбляются в вас с первого взгляда. В клубе я по лицам мужчин определяю были вы только что в комнате или нет.

Джулия *(содрогаясь)*. Ах, мне противно смотреть на их лица! Знаете, с того дня, как я появилась на свет, ни один человек не любил меня по-настоящему!

Пэремор. Неправда, мисс Крейвен. Но даже если это правда по отношению к вашему отцу и Чартерису, который безумно влюблен в вас, несмотря на ваше отвращение к нему, это неправда применительно ко мне

Джулия *(вздрогнув)*. Кто вам сказал это о Чартерисе?

Пэремор. Он сам.

Джулия *(с глубокой убежденностью и горечью)*. Он влюблен в одного-единственного человека на свете — в самого себя. Он эгоист до мозга костей. Он не пожертвует и часом жизни... *(Слезы душат ее, она порывисто встает, возвышая голос.)* Вы все, все одинаковы. Даже мой отец видит во мне только игрушку. *(Отходит к камину и становится спиной к Пэремору, чтобы он не видел ее лица.)*

Пэремор *(смиренно следуя за нею)*. Я этого не заслужил от вас, право, не заслужил.

Джулия *(с упреком)*. Зачем же вы тогда сплетничаете обо мне с Чартерисом за моей спиной?

Пэремор. Мы не сказали о вас ничего дурного. Да я и не потерплю, чтобы о вас злословили в моем присутствии. Мы просто говорили на тему, наиболее близкую нашим сердцам.

Джулия. Его сердце! О, боже мой, его сердце! *(Садится на кушетку и закрывает лицо руками.)*

Пэремор *(удрученно)*. Боюсь, что, несмотря на все, вы любите его, мисс Крейвен.

Джулия *(мгновенно поднимая голову)*. Это он вам сказал? Он лжет. Кто бы вам ни говорил, что я любила его, не верьте. Это ложь.

Пэремор *(бросаясь к ней)*. Значит, он не помеха на моем пути, мисс Крейвен?

Джулия *(потеряв интерес к разговору и мрачно уставившись в огонь)*. Что вы имеете в виду?

Пэремор *(пылко)*. Вам пора бы уже понять, что́ я имею в виду. Опровергните слухи о вашей привязанности к Чартерису не словами — их теперь уже недостаточно, а делом. Станьте моей женой. *(Серьезно.)* Поверьте, меня влечет к вам не только ваша красота.

Джулия, заинтересованная, бросает на него быстрый взгляд.

Я знаю и других красивых женщин. Меня влекут ваше сердце, ваша искренность, ваша неподдельная непосредственность...

Джулия встает и смотрит на него, затаив дыхание и упиваясь новой надеждой.

...все безмерное богатство вашей натуры, которая еще не раскрылась в полной мере, потому что окружающие никогда не понимали вас.

Джулия *(пристально глядя на него и невольно становясь насмешливой и скептической)*. И вы действительно усмотрели во мне все это?

Пэремор. Я это почувствовал. Я очень одинок в жизни, и вы нужны мне, Джулия. Вот почему я угадал, что вы тоже одиноки.

Джулия *(с театральным пафосом)*. В этом вы правы. Я в самом деле очень одинока.

Пэремор *(робко приближаясь к ней)*. С вами я был бы не одинок. А вы... со мной?

Джулия. С вами? *(Быстро отступает, находя себе прибежище за чайным столом.)* Нет, нет. Я не могу себя заставить... *(Теряется, обрывает фразу и растерянно смотрит на него.)* Ах, я не знаю, как быть. Боюсь, что вы ждете от меня слишком многого. *(Садится.)*

Пэремор. Я верю в вас больше, чем вы сами. Ваша натура богаче, чем вы думаете.

Джулия *(с сомнением)*. Неужели вы всерьез верите, что я не та легкомысленная, ревнивая, дьявольски вздорная женщина, какой все считают меня?

Пэремор. Я готов отдать в ваши руки счастье всей своей жизни. Разве это не доказывает, как высоко я вас ценю?

Джулия. Вы правы. Я верю, что вы действительно любите меня.

Он порывисто приближается к ней.

(Ее охватывает непреодолимое отвращение. Она вскакивает, заносит руку, словно собираясь ударить его, и кричит.) Нет, нет, нет! Я не могу! Это немыслимо! *(Направляется к двери.)*

Пэремор *(тоскливо глядя ей вслед)*. Значит, Чартерис?

Джулия *(останавливаясь и оборачиваясь)*. Вы думаете, я из-за него? *(Возвращается.)* Слушайте. Если я отвечу «да»,

обещаете вы не притрагиваться ко мне, пока... пока я не привыкну к мысли о наших новых отношениях?

Пэремор. Обещаю твердо и нерушимо. Я ни в коем случае не стану торопить вас.

Джулия. Тогда... тогда... Да, я согласна.

Пэремор. О, как невероятно я счастлив!

Джулия. Ни слова больше. Забудем об этом. *(Садится на прежнее место за столом.)* Я еще не пила чаю.

Он спешит на свое место.

(Когда он проходит мимо нее, она левой рукой касается его руки и говорит.) Будьте добры со мной, Перси, мне это так нужно.

Пэремор *(в упоении)*. Вы назвали меня Перси? Ура!

Входят Чартерис и Крейвен.

(Сияя, устремляется им навстречу.) Счастлив видеть вас у себя, полковник Крейвен. И вас также, Чартерис. Садитесь.

Полковник садится на край кушетки.

Где же остальные?

Чартерис. Сильвия утащила Катбертсона в Берлингтонский пассаж за карамелью. Ему нравится, когда она ест карамель – он считает это проявлением женственности. Кроме того, он сам любит карамель. Они скоро будут здесь. *(Подходит к шкафу и делает вид, что рассматривает репродукцию Рембрандта, чтобы по возможности быть для Джулии вне пределов досягаемости.)*

Крейвен. Да, скоро. Кстати, Чартерис пытался доказать мне, что кратчайший путь от Корк-стрит до Сэвил-роу – это Кондит-стрит. Слыхали вы когда-нибудь такую ерунду? Затем он стал уверять, что мое пальто обтрепалось, и пытался затащить меня к Пулу, чтобы заказать новое. Пэремор, разве у меня потрепанное пальто?

Пэремор. Не нахожу.

Крейвен. Ну, конечно, нет. Затем он завел спор о египетской войне. Мы были бы здесь еще четверть часа тому назад, если бы не его фокусы.

Чартерис *(все еще созерцая Рембрандта)*. Я сделал все возможное, чтобы он не помешал вам, Пэремор.

Пэремор *(с признательностью)*. Вы пришли как раз вовремя. Полковник Крейвен, я должен кое-что сообщить вам по секрету.

Крейвен *(встревоженно вскакивая)*. По секрету, Пэремор? Только уж тогда, пожалуйста, действительно по секрету.

Пэремор *(удивленно)*. Разумеется. Я как раз хотел предложить вам пройти в кабинет: там сейчас никого. Прошу прощения, мисс Крейвен, Чартерис займет вас до моего возвращения. *(Идет к двери за зеленой портьерой.)*

Чартерис *(в испуге)*. Послушайте, а не подождать ли вам, пока придут остальные?

Пэремор *(ликующе)*. Теперь уже незачем откладывать, дорогой мой друг. *(С чувством пожимает Чартерису руку.)* Идемте, полковник.

Крейвен. К вашим услугам, Пэремор, к вашим услугам.

Крейвен и Пэремор проходят в кабинет. Джулия поворачивает голову и с вызовом смотрит на Чартериса. Нервы изменяют ему, и на мгновение он совершенно теряется. Внезапно она встает. Он вздрагивает и спешит занять позицию между столом и книжным шкафом. Она переходит на ту же сторону стола, он немедленно ретируется на противоположную, старательно избегая Джулии.

Чартерис *(нервно)*. Не надо, Джулия. Не злоупотребляйте своим преимуществом: я ведь здесь в ваших руках. Будьте добры, хоть раз избавьте меня от сцены.

Джулия *(презрительно)*. Вы боитесь, что я трону вас?

Чартерис. Нет, конечно, нет.

Она проходит вперед по своей стороне стола. Он отступает по своей. Она презрительно смотрит на него, быстро отходит к кушетке и величественно опускается на нее. Чартерис с глубоким вздохом облегчения плюхается на стул Пэремора.

Джулия. Идите сюда. Я должна вам кое-что сказать.

Чартерис. В самом деле? *(Пододвигает к ней свой стул на несколько дюймов.)*

Джулия. Кому я говорю – идите сюда? Я не собираюсь кричать через всю комнату. Вы боитесь меня?

Чартерис. Ужасно. *(Медленно и недоверчиво пододвигает стул к краю кушетки.)*

Джулия *(нарочито оскорбительным тоном)*. Сказала вам эта женщина, что отдала мне вас без малейшей попытки отстоять завоеванное?

Чартерис *(убедительно, шепотом)*. Докажите, что вы тоже способны на самопожертвование. Откажитесь и вы от меня.

Джулия. Самопожертвование! Итак, вы полагаете, что мне до смерти хочется выйти за вас?

Чартерис. Боюсь, Джулия, что у вас были серьезные намерения.

Джулия. Хам!

Чартерис *(со вздохом)*. Сознаюсь, что я либо нечто большее, чем джентльмен, либо не джентльмен вовсе. Вы первая вселили в меня сомнение на этот счет — и сделали доброе дело.

Джулия. Вот как? Ничего я в вас не вселяла. Раз не умеете вести себя как джентльмен, возвращайтесь к женщине, которая отказалась от вас, если только такую трусливую тварь с холодной кровью можно назвать женщиной. *(Величественно встает.)*

Он стремительно отодвигает стул обратно к столу.

Теперь я вижу вас насквозь, Ленард Чартерис, вижу всю вашу фальшь, мелкую злобу, жестокость и тщеславие. Место, которого вы домогались, занято теперь человеком более достойным, чем вы.

Чартерис *(вскакивает и подбегает к ней, задыхаясь от волнения)*. Что вы имеете в виду? Выкладывайте живей! Вы приня...

Джулия. Я невеста доктора Пэремора.

Чартерис *(в восторге)*. Джулия! Родная! *(Пытается обнять ее.)*

Джулия *(отступает, он ловит и задерживает ее руки)*. Как вы смеете? Вы с ума сошли! Вы хотите, чтобы я позвала доктора Пэремора?

Чартерис. Зовите кого угодно, дорогая, хоть весь Лондон. Теперь мне больше не надо быть грубым, не надо обороняться, не надо бояться вас. Как я ждал этого дня! Теперь вы сами убедились: я не хочу, чтобы вы вышли за меня замуж или любили меня — пусть все достается Пэремору. Я хочу одного — любоваться моей прекрасной Джулией *(целует ей руку)* и бескорыстно радоваться *(целует другую)* ее счастью.

Она вырывает руки и замахивается. Сейчас она ударит его, как накануне вечером у Катбертсона.

Вы напрасно угрожаете мне — я больше не боюсь этих ручек, самых прелестных в мире ручек.

Джулия. И у вас хватает совести говорить это, после того как вы столько оскорбляли и мучили меня?

Чартерис. Неважно, дорогая! Вы никогда не понимали

меня и никогда не поймете. Наконец-то наш друг вивисектор поставил удачный опыт.

Джулия *(искренне)*. Сами вы вивисектор! Вы куда более жестокий мучитель и палач, чем он.

Чартерис. Пусть так. Зато эксперименты мои куда более поучительны и для меня, и для моих жертв. В этом и заключается мое нравственное превосходство.

Джулия *(снова садится на кушетку, горько и насмешливо)*. Ну, надо мной вам больше не экспериментировать. Если вам требуется жертва, отправляйтесь к Грейс. Она орешек покрепче меня.

Чартерис *подсаживаясь к ней, с упреком)*. Вы-таки вынудили меня сделать ей предложение — только этим путем я мог развязаться с вами. А вдруг она приняла бы его? В какое я попал бы положение?

Джулия. В такое же, вероятно, в каком нахожусь сейчас я, приняв предложение Пэремора.

Чартерис. Но я сделал бы Грейс несчастной.

Джулия презрительно смеется.

Впрочем, если поразмыслить, вы тоже сделаете Пэремора несчастным. И тем не менее, откажи вы ему, он пришел бы в отчаяние. Бедняга!

Джулия *(вновь на мгновение вспыхивая)*. Он лучше вас.

Чартерис *(смиренно)*. Согласен, моя дорогая.

Джулия *(сердито)*. Не смейте называть меня «моя дорогая». И почему это я сделаю его несчастным? Что, я недостаточно хороша для него?

Чартерис *(с сомнением)*. Ну, это зависит от того, что вы понимаете под словами «достаточно хороша».

Джулия *(серьезно)*. Вы могли бы сделать меня хорошей — вам стоило только захотеть. Вы пользовались безграничной властью надо мной. Я была в ваших руках, как ребенок, и вы это знали.

Чартерис *(с комической покорностью)*. Да, моя дорогая. Это значит, что когда вы начинали ревновать меня и на вас находили приступы ярости, я неизменно мог рассчитывать, что все кончится благополучно, если у меня хватит терпения выждать и, не переставая, осыпать вас ласками. Когда на вас накатывало и вы поносили предмет вашей ревности всеми бранными словами, какие только приходили вам в голову, когда вы целыми часами оскорбляли меня сколько душе угодно, я знал, что наступит реакция и ваше бешенство превратится, наконец,

в кротость и нежность, которые вселяли в вас убеждение в том, что вы — ангел доброты и символ всепрощения. Ох, знаю я такую доброту! В этих случаях вам, вероятно, казалось, что я даю вам повод раскрыть преисполняющую вас нежность; а вот я полагал, что вы лишь пользуетесь моей привязанностью к вам и притом гораздо беззастенчивее, чем имеете на то право.

Джулия. Значит, по-вашему, во мне нет ничего хорошего. Я низкая, недостойная женщина, не правда ли?

Чартерис. Если судить вас так, как вы судите других, — да. С общепринятой точки зрения в вашу защиту сказать нечего, Джулия. Вот почему мне приходится искать другую точку зрения, чтобы не потерять уважения к себе, — я ведь помню, как я любил вас. О, я многому научился от вас — от вас, которая ничему не научилась от меня! Я сводил вас с ума, а вы дали мне мудрость; я разбил ваше сердце, а вы принесли мне радость; я заставил вас проклинать вашу женственность, а вы разбудили во мне мужчину. Да будет во веки веков благословенно имя моей Джулии! *(С искренним чувством берет руку Джулии и хочет снова поцеловать ее.)*

Джулия *(с отвращением вырывая руку)*. Да перестаньте вы молоть этот отвратительный издевательский вздор!

Чартерис *(со смехом взывая к небесам)*. И она называет это отвратительным издевательским вздором! Полно, полно, я никогда больше не стану так разговаривать с вами, дорогая. Хочу сказать только одно — вы прелестная женщина, и все мы обожаем вас.

Джулия. Не говорите про меня «прелестная женщина». Я ненавижу это выражение. Оно звучит так, словно я просто животное.

Чартерис. Гм! Красивое животное — замечательная штука. Не надо пренебрегать животными, Джулия.

Джулия. Вот ваше истинное мнение обо мне.

Чартерис. Ну, Джулия, не думали же вы, что я буду восторгаться вами за ваши нравственные достоинства!

Она оборачивается и в упор смотрит на него. Он опасливо поднимается и пятится назад. Она встает и медленно, решительно наступает на него.

Джулия *(неторопливо)*. Я видела, как безумно вы были увлечены этой испорченной тварью, лишенной всяких нравственных достоинств.

Чартерис *(отступая)*. Не подходите ко мне, Джулия!

Вспомните о ваших новых обязательствах перед Пэремором.

Джулия *(настигнув его в середине комнаты)*. О Пэреморе не беспокойтесь — это уж мое дело. *(Хватает его за лацканы сюртука и в упор смотрит на него.)* Ах, если бы люди, с которыми вы так умно рассуждаете, знали вас так, как знаю я! Иногда я сама не понимаю, как я могла любить вас.

Чартерис *(просияв)*. Только иногда?

Джулия. Обманщик! Хвастун! Жалкий лицемер!

Он в восхищении.

Ох! *(В припадке гнева и влюбленности трясет его, рыча, как тигрица над детенышем.)*

Пэремор и Крейвен, выходящие в этот момент из кабинета, останавливаются, как пораженные громом, при виде этого зрелища.

Крейвен *(крайне шокированный, кричит)*. Джулия!

Джулия отпускает Чартериса, но не отступает, всем своим видом выражая презрение, пока Крейвен приближается к ней слева, а Пэремор справа.

Пэремор. Что случилось?

Чартерис. Ровно ничего. Вы к этому скоро привыкнете, Пэремор.

Крейвен. Право, Джулия, ты ведешь себя очень странно. Это некрасиво по отношению к Пэремору.

Джулия *(холодно)*. Если доктору Пэремору не нравится, он может взять свое предложение обратно. *(Пэремору.)* Пожалуйста, не стесняйтесь.

Пэремор *(глядя на нее с тревогой и сомнением)*. Вы хотите, чтобы я отказался от вас?

Чартерис *(встревоженный)*. Вздор! Только не горячитесь. Я досадил мисс Крейвен, я обидел ее. Успокойтесь, черт побери, или вы все испортите.

Крейвен. Тут какая-то дьявольская неразбериха. Я не верю вам, Чартерис, — вы не могли обидеть Джулию. Что вы досадили ей — в этом я не сомневаюсь: вы кого угодно выведете из себя, клянусь, кого угодно; но обидеть женщину... Что вы имеете в виду?

Пэремор *(сугубо серьезно)*. Мисс Крейвен, со всей деликатностью и искренностью прошу вас быть откровенной со мной. В каких вы отношениях с Чартерисом?

Джулия *(с загадочным видом)*. Спросите у него. *(Отходит к камину и стоит, повернувшись к ним спиной.)*

Чартерис. Разумеется, я все скажу. Я люблю мисс Крейвен, я всегда любил ее и докучал ей своими ухаживаниями с первых дней нашего знакомства. Но все напрасно: она испытывает ко мне лишь презрение. Минуту назад вид счастливого соперника так уязвил меня, что я позволил себе осыпать ее низкими и нелепыми упреками. А она... В общем, как вы видели, она устроила мне небольшую встряску.

Пэремор *(рыцарственно)*. Я никогда не забуду, что вы помогли мне завоевать ее, Чартерис.

Джулия мгновенно оборачивается, лицо ее искажено гневом.

Чартерис. Тс-с... Ради бога, не надо об этом.

Крейвен. Все это выглядит совсем иначе, чем то, что вы еще утром рассказывали мне и Катбертсону. Простите меня, ваша новая версия куда более правдоподобна. Ну, сознайтесь: вы дурачили нас, не так ли?

Чартерис *(с загадочным видом)*. Спросите у Джулии.

Пэремор и Крейвен поворачиваются к Джулии. Чартерис стоит, устремив взор в пространство.

Джулия. Все это правда. Он любил меня, докучал мне, и я презираю его.

Крейвен. Не растравляй его рану, Джулия. Это нехорошо. Когда мужчина терпит неудачу в любви, он не владеет собой. *(Чартерису.)* Послушайте, Чартерис. Когда я был молод, мы с Катбертсоном влюбились в одну и ту же женщину. Она предпочла Катбертсона. Не стану отрицать — я был совершенно убит. Но я помнил о своем долге и выполнил его. Я отступился от нее и пожелал Катбертсону счастья. Сегодня утром, встретившись со мной после долгих лет разлуки, он сказал мне, что с тех пор всегда любил и уважал меня. И я верю ему и чувствую глубокое удовлетворение. *(Выразительно.)* Так вот, Чартерис, вы и Пэремор сейчас в том же положении, в каком оказались мы с Катбертсоном в один июльский вечер тридцать пять лет тому назад. Как вы намерены поступить?

Джулия *(возмущенно)*. Скажите на милость! Как он намерен поступить! Ну, знаешь, папа, это уж слишком! Когда миссис Катбертсон выбрала не тебя, ты, вероятно, поступил очень благородно, возведя в добродетель свой

отказ от нее, точно так же, как ты возвел в добродетель отказ от спиртного, после того как Перси запретил тебе пить. Но он не станет добродетельным за мой счет. Я отказала ему и, если он недоволен, пусть... пусть...

Чартерис. Примирится с этим. Так и будет. Можете положиться на меня, Крейвен: я примирюсь с этим. *(Отходит с беззаботным видом и, засунув руки в карманы, прислоняется к книжному шкафу.)*

Крейвен *(уязвленный)*. Ты непочтительна со мной, Джулия. Я, конечно, не собираюсь жаловаться, но слова твои были просто неприличны.

Джулия *(разражаясь слезами, падает в кресло)*. Есть ли на свете хоть один человек, который сочувствовал бы мне... не считал бы меня вконец испорченной?

Крейвен и Пэремор в крайней растерянности бросаются к ней.

Крейвен *(сокрушенно)*. Дитя мое, у меня и в мыслях не было...

Джулия. Неужели я должна терпеть, чтобы двое мужчин торговались из-за меня... чтобы я переходила из рук в руки, как рабыня на невольничьем рынке, и не могла даже слова сказать в свою защиту?

Крейвен. Но, родная моя...

Джулия. Ах, оставьте вы все меня! Оставьте! Я... *(Дает волю слезам.)*

Пэремор *(с упреком Крейвену)*. Вы жестоко ранили ее, полковник Крейвен, жестоко...

Крейвен. Но я же не нарочно. Я ничего такого не сказал. Разве я был резок, Чартерис?

Чартерис. Вы забываете о том, что все дочери теперь бунтовщицы, Крейвен. И вы, несомненно, не позволили бы себе говорить в таком тоне со взрослой женщиной, не будь она вашей дочерью.

Крейвен. По-вашему, я должен обращаться с дочерью так же, как с любой посторонней девушкой?

Пэремор. Мне кажется, безусловно, полковник Крейвен.

Крейвен. Провалиться мне, если я соглашусь на это! Еще не хватало!

Пэремор. Если вы берете такой тон, я умолкаю. *(С видом оскорбленного достоинства пересекает комнату и становится спиной к книжному шкафу, рядом с Чартерисом.)*

Джулия *(рыдая)*. Папа!

Крейвен *(встревоженно склоняясь над ней)*. Что, моя радость?

Джулия *(глядя на него сквозь слезы и целуя ему руку)*. Не обращай на них внимания. Ты ведь не хотел меня обидеть, да, папа?

Крейвен. Нет, нет, золотко мое. Ну, ну, не плачь.

Пэремор *(Чартерису, восторженно любуясь Джулией)*. Как она прекрасна!

Чартерис *(воздевая руки к небу)*. Помоги вам бог, Пэремор! *(Отходит от шкафа и садится на край кушетки, подальше от камина.)*

Входит Сильвия.

Сильвия *(глядя на Джулию)*. Опять в слезах! До чего же ты женственна!

Крейвен. Не приставай к сестре, Сильвия. Ты знаешь, она не выносит этого.

Сильвия. Я желаю ей только добра, отец. Люди не обязаны знать, что она привыкла быть баловнем семьи.

Джулия. Сейчас ты получишь пощечину, Сильвия.

Крейвен. Ну, ну, девочки мои, довольно. Утри слезы, Джулия, — сейчас здесь будет миссис Трэнфилд. Она едет сюда вместе с Джо.

Джулия *(вставая)*. Опять эта женщина!

Сильвия. Опять скандал! Как тебе не стыдно, Джулия.

Крейвен. Помолчи, Сильвия. *(Повелительно к Джулии.)* Смотри у меня, Джулия!

Чартерис. Ого! Кажется, начинают бунтовать папаши.

Крейвен. Прекратите, Чартерис. *(К Джулии, безапелляционно.)* Воспитанность мужчины или женщины проверяется на том, как они ведут себя во время ссоры. Когда все идет гладко, любой ведет себя хорошо. Сегодня в этом противоестественном клубе ты заявила, что ты не женственна. Дело твое — мне это безразлично. Но сейчас сюда придет миссис Трэнфилд, и при ней ты будешь вести себя если уж не как леди, то, по крайней мере, как порядочный человек. В противном случае, при всей моей любви к тебе, я сумею поставить тебя на место, как поставил бы своего сына.

Пэремор *(протестующе)*. Полковник Крейвен...

Крейвен *(обрывая его)*. Не валяйте дурака, Пэремор.

Джулия *(сквозь слезы, извиняющимся тоном)*. Я уверена, папа...

Крейвен. Перестань распускать нюни. Я говорю с тобой не как отец, а как старший по чину.

Сильвия. Милый, старый крест ордена Виктории!

Крейвен круто поворачивается к ней, она прячется за Чартериса и садится позади него на кушетку, так что они сидят плечом к плечу, а лицами в разные стороны. Входит Катбертсон вместе с Грейс, которая остается у двери, в то время как отец ее присоединяется к остальным.

Крейвен. А, вот и ты, Джо. Ну, Пэремор, объявите-ка им новость.

Пэремор. Миссис Трэнфилд, Катбертсон, разрешите мне представить вам мою будущую жену.

Катбертсон *(подходя и пожимая руку Пэремору)*. Поздравляю от всего сердца. Надеюсь, мисс Крейвен, вы примете поздравления Грейс, равно как и мои.

Крейвен. Примет, Джо. *(Тоном приказа.)* Джулия!

Джулия медленно встает.

Катбертсон. Грейс! *(Подводит ее к Джулии справа, затем становится у камина спиной к огню, наблюдая за ними.)*

Полковник стоит на страже с другой стороны.

Грейс *(тихо Джулии)*. Итак, вы доказали ему, что обойдетесь и без него. Теперь я беру обратно свои слова. Пожмем друг другу руки?

Джулия делает над собой усилие и, отвернувшись, протягивает ей руку.

И мужчины, наши владыки и повелители, еще считают это счастливым концом, Джулия!

Обе молчат, не разнимая рук.

Сильвия *(откидываясь назад над кушеткой, тихо Чартерису)*. Она вправду дала вам отставку?

Чартерис утвердительно кивает.

(С сомнением смотрит на него и добавляет.) Я все-таки думаю, что отставку ей дали вы.

Катбертсон. Пэремор, не позволяйте больше Чартерису подтрунивать над вами. Он сам попал в такой же переплет: они с Грейс обручились.

Джулия *(выпустив руку Грейс и задыхаясь от горя, но сдерживаясь)*. Опять!

Чартерис *(вскакивая)*. Не горячитесь. Все расстроилось.

Сильвия *(встает, с возмущением)*. Что? Грейс вы тоже

дали отставку? Какое бесстыдство! *(Кипя от злости, отходит в другой конец комнаты.)*

Чартерис *(следует за ней и успокаивающе кладет ей руку на плечо)*. Она сама не хочет меня, старина, если только *(поворачиваясь к остальным)* миссис Трэнфилд не переменила своего решения еще раз.

Грейс. Нет, не переменила. Надеюсь, мы с вами останемся друзьями, но ничто не заставит меня выйти за вас замуж. *(Совершенно невозмутимо берет стоящий у камина стул и садится.)*

Джулия. Ах! *(Садится со вздохом облегчения.)*

Сильвия *(утешая Чартериса)*. Бедный старина Ленард!

Чартерис. Вот проклятие, тяготеющее над сердцеедом! Теперь я обречен оставаться им на всю жизнь. Ни уюта, ни домашнего очага, ни детишек, никаких радостей во вкусе Катбертсона! Никто не хочет выходить за меня, разве что вы, Сильвия, а?

Сильвия. Я тоже не хочу, Чартерис.

Чартерис *(ко всем)*. Видите!

Крейвен *(становясь между Чартерисом и Сильвией)*. Такими вещами не шутят, Чартерис. Клянусь душой и жизнью, не шутят!

Катбертсон *(на каминном коврике)*. Превращать самые священные понятия в шутку – вот единственное применение, которое он им находит. И это называется современным взглядом на жизнь. Слава богу, Дэн, что у нас на нее старомодный взгляд!

Чартерис. Не впадайте в символизм, Катбертсон.

Катбертсон *(обиженно)*. Символизм! Это все равно что обвинение в ибсенизме. Что вы хотите сказать?

Чартерис. Не прибегайте к старомодным символам. Не убеждайте себя, что вы представитель старых порядков. Старых порядков никогда не существовало.

Крейвен. Вот тут я категорически не согласен с вами и стою на стороне Джо. В молодости я никогда не позволил бы себе вести себя так, как вы, подобно тому, как не позволил бы себе плутовать, играя в карты. Я человек старых взглядов.

Чартерис. Нет, вы просто стареете, Крейвен, и, как все старики, хотите возвести старость в добродетель.

Крейвен. Полно, Чартерис! Надеюсь, вы не обиделись? *(Примирительно.)* Мне, вероятно, не следовало упоминать о картах и плутовстве. Беру свои слова обратно. *(Протягивает ему руку.)*

Чартерис *(пожимая руку Крейвена)*. Какие тут могут быть обиды, дорогой Крейвен! Я и не думал сердиться. Но *(тихо Крейвену и предварительно посмотрев, слушают ли остальные)* посудите сами, — видеть, как счастлив твой соперник!..

Крейвен *(громко, решительно)*. Чартерис, ведите себя как мужчина. Вам ясно, в чем ваш долг. *(Катбертсону.)* Прав я, Джо?

Катбертсон *(твердо)*. Безусловно, Дэн.

Крейвен *(Чартерису)*. Сейчас же идите и поздравьте Джулию. И сделайте это как джентльмен — с улыбкой.

Чартерис. Будет исполнено, полковник. Ни один мускул не выдаст борьбы, происходящей в моей душе.

Крейвен. Джулия, Чартерис еще не поздравил тебя. Сейчас он это сделает.

Джулия встает, устремив на Чартериса взгляд, чреватый опасностями.

Сильвия *(быстро шепчет Чартерису в тот момент, когда он собирается сделать первый шаг)*. Осторожней! Она ударит вас. Я ее знаю.

Чартерис останавливается, оценивая ситуацию, испытующе глядит на Джулию. Мгновение они в упор смотрят друг на друга. Грейс тихо встает и становится рядом с Джулией.

Чартерис *(через плечо шепчет Сильвии)*. Все-таки рискну. *(С решительным видом подходит к Джулии.)* Джулия? *(Протягивает ей руку.)*

Джулия *(обессилев, принуждает себя пожать ее)*. Вы правы. Я никчемная женщина.

Чартерис *(с торжествующим и веселым протестом)*. Ну, почему же!

Джулия. Потому что у меня не хватает мужества убить вас.

Грейс *(обнимая и поддерживая Джулию, когда та в полуобморочном состоянии отшатывается от Чартериса)*. Ах, не стоит! Не делайте из сердцееда героя.

Чартерис, нисколько не растроганный, с улыбкой качает головой — сцена лишь забавляет его. Остальные смотрят на Джулию с участием и даже с некоторым благоговением, впервые осознав, что находятся перед лицом глубокой скорби.

ПРОФЕССИЯ МИССИС УОРРЕН

Пьеса в четырех действиях

1893—1894

MRS WARREN'S PROFESSION

«Профессия миссис Уоррен» была написана в 1894 году с целью привлечь внимание к той истине, что корни проституции кроются не в безнравственности женщин и не в распущенности мужчин, а просто в бесстыдной эксплуатации женщин, чей труд ценится и оплачивается настолько низко, что беднейшие из них вынуждены заниматься проституцией, чтобы не умереть с голоду. И в самом деле, оставаясь безупречно добродетельными или же вступая в брак не по расчету, все привлекательные, но неимущие женщины обрекают себя на нищету. Если в больших социальных масштабах мы вместо так называемой добродетели получаем так называемый порок, то это только потому, что за порок мы платим дороже. Ни одна нормальная женщина не сделается профессиональной проституткой, если сможет обеспечить себя, оставаясь порядочной, и ни одна не выйдет замуж ради денег, если сможет позволить себе выйти замуж по любви.

Я хотел также предать широкой огласке тот факт, что проституция существует не только как мелкое предпринимательство, процветающее в жилищах одиноких женщин, где любая из них, будучи сама его хозяйкой, сама же и обслуживает каждого клиента, но и как огромное, международного масштаба, коммерческое предприятие, приносящее, как всякая другая коммерция, прибыли капиталистам и выгодное большим городам и даже церкви, поскольку в их казну поступает доход от расположенных на их землях домов, которые арендуются для этой цели.

Я не мог сделать ничего более пагубного для будущего моей только что начавшейся карьеры. Лорд-канцлер, которому парламентским актом дана превышающая монаршью деспотическая власть над нашими театрами, незамедлительно заклеймил мою пьесу как «безнравственную и со всех точек зрения неподходящую для театра». Постановка ее была запрещена, а я сам с огромным для меня ущербом был опорочен как автор беспринципный и низкий. Правда, я пережил эту клевету и, по-видимому, хуже из-за нее не стал. Правда и то, что театр, находящийся под властью цензуры, после войны настолько мало считался с этой властью, что запрещение такой сравнительно невинной пьесы, как моя, оказалось смешным и его отменили. Признаю также, что из-за постоянной радикальной критики

мною наших самых почтенных общественных учреждений я все время пребывал словно в кипящем котле, и то, что лорд-канцлер подлил в него еще кувшин кипятку, не настолько усугубило мое положение, чтобы вызвать соболезнования моих сограждан, особенно еще и потому, что эта пьеса очень укрепила мою репутацию в среде серьезных читателей. К тому же, что бы ни делал лорд-канцлер, но в 1894 году обычным коммерческим театрам нечего было бы сказать мне. Тем не менее нанесенный мне ущерб, теперь совершенно недоказуемый, был для меня весьма реальным и значительным, но еще значительнее он был для общества, ибо когда вопрос о торговле белыми рабынями, как теперь стали называть профессию миссис Уоррен, обсуждался в законодательном порядке, единственное, что сделал парламент, это постановил, что мужчины-сутенеры, живущие на счет проституток, будут подвергаться телесным наказаниям. А миссис Уоррен оставил полной хозяйкой положения в ее профессии, подлинная сущность которой оказалась замаскированной еще лучше, чем прежде. И ведь именно по вине цензуры наши законодатели и журналисты не располагали всеми необходимыми сведениями.

В 1902 году «Театральное общество», а по сути дела клуб, устраивающий приватные спектакли для своих членов и потому не подлежащий юрисдикции лорда-канцлера, решил поставить мою пьесу. Ни один из публичных театров не осмелился навлечь на себя недовольство лорда-канцлера (во власти которого — закрыть театр, нарушивший его распоряжения), предоставив свою сцену этому спектаклю. Но другой клуб, у которого была небольшая сцена и которому, пожалуй, было не чуждо стремление к приятно-скандальной славе, распахнул свои двери для одного утреннего и одного вечернего представления. Некоторое понятие о последовавшей за этим шумихе можно получить из напечатанной ниже полемической статьи, предпосланной в качестве предисловия к специальному изданию моей пьесы и озаглавленной

АПОЛОГИЯ АВТОРА

Наконец-то, после проволочек, длившихся всего восемь лет, «Профессия миссис Уоррен» была поставлена, и я еще раз пережил вместе с Ибсеном огромное удовольствие, видя, что почти все лондонские критики, за исключением только самых крепкоголовых, перепугались, как это редко случается с людьми их профессии.

И если автор хоть раз испытал наслаждение от того, что вверг прессу в бурю истерических протестов, моральной паники, нечаянных неистовых покаяний, ужасных приступов угрызений совести, и она утратила способность отличить поставленные на сцене произведения искусства от реальной жизни зрителей,— то его вряд ли удовлетворят шаблонные комплименты, которыми газеты оделяют каждый удачный фарс или мелодраму. Покажите-ка мне такого критика, который ринулся бы с представления моей пьесы, крича в бешенстве, что сэра Джорджа Крофтса нужно вышвырнуть к черту! Какой был бы триумф для актера, если бы он смог видавшего виды лондонского журналиста низвести до уровня простого матроса из Уоппинг-геллери, осыпающего проклятиями Яго и предупреждающего Отелло, чтобы он не верил злодею! Но еще прекраснее подобного простодушия бывает то ощущение внезапного толчка, от которого, как от землетрясения, содрогаются основы морали и до смерти перепуганные критики бросаются на улицы, вопя, что рушатся столпы общества и само государство в опасности. Даже те, кто десять лет назад защищали Ибсена, теперь увещевают меня совсем так, как старшее поколение в те прекрасные годы увещевало их. Мистер Грейн, этот стойкий иконоборец, первым продвинувший на сцену мои пьесы наравне с «Привидениями» и «Дикой уткой», восклицает теперь, что я разбил его идеалы. Его идеалы, действительно! А что сказал бы доктор Реллинг? Сам Уильям Арчер отрекается от меня, потому что, говорит он, «невозможно коснуться грязи, не запачкавшись в ней». Теперь ясно, что моя пьеса была нужнее, чем я сам считал; я все еще думал, что знаю, как мало знают другие.

Не воображайте, однако, что ужас, охвативший критиков, в какой-либо степени был отголоском ужаса, испытанного большинством публики. Любой в мгновение ока может расстроить театральных критиков, заменив раздающиеся на сцене романтические пошлости теми моральными пошлостями, которые провозглашаются с церковной кафедры, с трибуны оратора, в библиотеках.

Сыграйте «Профессию миссис Уоррен» для публики, состоящей из религиозно настроенных членов Союза христианских социалистов и из женщин, работающих в женских клубах, в клубах трезвости, в Армии спасения — никакого морального шока не последует. Каждый из них и так знает, что пока бедность накладывает на добродетель печать уродства, пока карманные деньги богатых холостяков придают пороку привлекательность,— рукопашная борьба с проституцией, которую все эти общества и клубы каждодневно ведут с помощью уговоров, мо-

литв, приютов и жалкой милостыни, не принесет никаких результатов. Было время, когда они еще могли уверять, что если «фабрика свинцовых белил, которыми отравилась Энн-Джейн», возможно, и страшнее, чем дом миссис Уоррен, то ад еще более страшен. Теперь они больше не верят в ад, и женщины, среди которых они работают, знают, что они не верят, и осмеяли бы их, если бы они верили.

Эти спасители настолько глубоко поняли значение таких вещей, как самозащита миссис Уоррен и ее приговор обществу, что те из них, которые знакомы со мной, упрекают меня не в том, что я написал эту пьесу, а в том, что я растрачиваю свою энергию на «приятные пьесы» для забавы легкомысленных людей вместо того, чтобы создавать такие превосходные сценические проповеди в помощь их деятельности.

«Профессия миссис Уоррен» — это единственная из моих пьес, которую я, не сомневаясь в результатах, могу представить цензуре. Однако цензорами не должны быть ни наши второстепенные театральные критики, ни наивные судейские чиновники, вроде цензоров лорда-канцлера. Ни в коем случае не должны быть цензорами и те люди, которые сознательно наживаются на профессии миссис Уоррен или лично пользуются ею, либо же придерживаются широко распространенного взгляда (который, однако, вслух не выражают), что эта профессия — спасительный клапан для сохранения домашнего очага; и уж ни в коем случае не те, что охвачены сентиментальной жалостью к «нашей падшей сестре» и взывают к нам: «Окажите усопшей внимание, подымите ее поскорей! Это хрупкое было создание — прикасайтесь бережно к ней».

Не собираюсь я считаться и с мнением врачей, которые в принудительном порядке осматривают и регистрируют миссис Уоррен, предоставляя ее клиентам, в особенности ее военным клиентам, свободу безнаказанно разрушать здоровье и этой женщины, и еще многих других. Но я буду вполне удовлетворен, если моя пьеса попадет на суд, скажем, объединенной Комиссии Армии спасения и Центрального общества охраны порядка. И чем более суровыми моралистами окажутся члены этой Комиссии, тем лучше.

Кое-кого из шокированных мною журналистов, мыслящих весьма незрело, все сказанное приведет в некоторое замешательство и заставит сделать вывод, будто я утверждаю, что Армия спасения и Центральное общество охраны порядка поддерживают мою скандальную безнравственность. Журналисты воображают, что люди, которые терпят мою пьесу, стерпят все. Они глубоко заблуждаются. Зрители, которых я описал,

возмутились бы многими из наших модных пьес. Они бы покинули театр в убеждении, что Брат из Плимута, по-прежнему считающий театр одним из преддверий ада, вероятно, является самым надежным советчиком по данному предмету, в котором, впрочем, он мало что смыслит. Если я не прихожу к такому же выводу, то не потому, что принадлежу к людям, считающим искусство свободным от нравственного долга, и отрицаю, что сочинение или постановка пьесы — это поступок, подлежащий моральной оценке, к которому надо относиться точно так же, как к воровству или убийству, если его последствия так же пагубны. Я убежден, что изящные искусства — это самое тонкое, самое заразительное и самое действенное — за исключением примеров личного поведения — орудие моральной пропаганды. Но и это исключение я отбрасываю в пользу искусства театра, потому что театр, показывая примеры личного поведения, делает их убедительными и понятными массам людей, не умеющих ни наблюдать, ни думать и не видящих в реальной жизни никакого смысла.

Я уже много раз отмечал, что влияние театра в Англии возрастает столь стремительно, что человеческое поведение, религия, закон, наука, политика, мораль становятся все более театральными, хотя сам театр остается непроницаемым для здравого смысла, для религии и науки, для политики и морали. Вот почему я сражаюсь с театром не при помощи памфлетов, проповедей и трактатов, а при помощи пьес. И способ этот кажется мне таким действенным, что вскоре мне несомненно удастся убедить лондонцев прихватывать с собой, идя в театр, свои мозги и совесть, а не оставлять их, как это делается сейчас, дома, рядом с молитвенником. И если в результате постановки «Профессии миссис Уоррен» количество лиц, занимающихся этой профессией и эксплуатирующих ее, увеличится, то я менее всех других буду протестовать против того, чтобы эти спектакли рассматривались как преступления, подлежащие судебному преследованию.

Теперь посмотрим, как же театр может способствовать вербовке людей в эту профессию. Легче ничего и быть не может. Предоставим театральному цензору лорда-канцлера установить неписаное, но всем отлично понятное и поддерживаемое прессой правило, что лиц, занимающихся профессией миссис Уоррен, будут терпеть на сцене только в том случае, если они красивы, роскошно одеты, живут в хороших квартирах и хорошо питаются. Кроме того, в конце пьесы они должны либо умереть от туберкулеза на глазах у растроганных до слез зрителей, либо же, удалясь в соседнюю комнату, кончить жизнь самоубий-

ством. В крайнем случае этих «павших» должны бросать их покровители, а преданные влюбленные, которые, несмотря ни на что, все еще питают к ним любовь, возвращать на путь добродетели.

Разумеется, бедняжки с галерки поверят в красоту, в богатые платья и роскошную жизнь и легко сообразят, что ни туберкулез, ни самоубийство, ни выселение с квартиры совершенно необязательны: все это — просто благопристойная форма, которой цензор спасает свой престиж.

Даже если бы эти официально разрешенные катастрофы были хоть сколько-нибудь убедительны, все равно английские девушки в большинстве случаев по-прежнему оставались бы такими же нищими и неустроенными. Они очень хорошо сознают, что тяготы доступного для них честного труда неминуемо приведут их в конце концов к чахотке, преждевременной смерти, семейным неурядицам, одиночеству, и поэтому все-таки предпочитают путь наслаждений тернистой стезе добродетели, ибо и то и другое — порок в худшем случае, а добродетель в лучшем — приведет к одному и тому же — к бедности и истощению.

Конечно, учительница начальной школы скажет, что так рассуждают только девушки особого типа. Увы! изучение вопроса показывает, что к этому особому типу принадлежат просто самые хорошенькие и изящные девушки, то есть именно те, кто имеет возможность поступать так, как рассуждают.

Прочтите первый отчет Комиссии по обследованию жилищ рабочего класса (Синяя книга, С 4402, 1889); прочтите доклад об отечественной промышленности (отечество — священное слово!), изданный Женским индустриальным советом («Женщина в отечественной промышленности Лондона», 1897, 1 s) и спросите себя — если бы и у вас была такая судьба, как описанные в этих документах женские судьбы, — не захотелось бы вам тоже стать увешанной драгоценностями авантюристкой? А если вы настолько глубоко разбираетесь в жизни, что способны ответить «нет», то сколько неграмотных и умирающих с голоду девушек поверят в вашу искренность? С их точки зрения показываемая на сцене жизнь куртизанки — просто рай по сравнению с их жизнью. И тем не менее цензор лорда-канцлера, будучи королевским чиновником, говорит драматургу от имени короля: «Так и только так будете вы показывать в театре «Профессию миссис Уоррен» или же — умирайте с голоду. Посмотрите на Шоу, который сказал об этом неприглядную правду и которого мы, милостию божьей, поэтому отвергаем и данной нам властью принуждаем к молчанию».

Но, к счастью, Шоу нельзя принудить молчать. «Крик проститутки в час ночной» громче голоса всех королей. Я не завишу от театра, и голод не заставит меня сделать из моей пьесы рекламу, расхваливающую привлекательные стороны профессии миссис Уоррен.

Здесь я должен оградить себя от опасности быть неправильно понятым. Авторы не виновны в том, что огромное количество трагедий о распутницах, от «Антония и Клеопатры» до «Айрис», превращаются в западни для бедных девушек и что поэтому против них протестуют те многие серьезные мужчины и женщины, которые «Профессию миссис Уоррен» считают великолепной проповедью. Пинеро никак не решится отрицать, что миллионы женщин, лучших, чем его Айрис, завидуют ей. Если бы он в своей пьесе отразил жизнь фальшиво, придумав для своей героини всякие неправдоподобные препятствия, он поступил бы так же беспринципно, как любой сочинитель трактатов. Если общество предпочитает обеспечивать своих Айрис лучше, чем тружениц,— ему нечего ждать, чтобы честные драматурги фабриковали для спасения его репутации фальшивые документы. Зло состоит в намеренном сокрытии другой стороны дела — в том, что миссис Уоррен не дают возможности показать публике, как трудно и мерзко толкаться на панели среди мрачных, грубых пьяниц, поджидая покупателя. Все это, заявляет цензор, ужасающе гнусно. Совершенно верно: а он как думал? Ему бы хотелось, чтобы мы изображали все это как нечто прекрасное и радостное? Боюсь, что на этот вопрос он грубо ответит «да», ибо, по-видимому, из головы англичанина немыслимо выбить представление, будто порок восхитителен, а воздержание от него вредно. Во всяком случае, пока порок продолжают изображать перед публикой в соблазнительном виде, да еще приправляют картину кучей сантиментов и сочувствием,— наш цензор все охотно разрешает. Малейшую же попытку осветить порок полицейским фонарем или показать его с точки зрения Армии спасения он немедленно пресекает не только как отвратительную, но, видите ли, и бесполезную. Надеюсь, всем ясно, что такое положение вещей нетерпимо, что тема профессии миссис Уоррен либо должна быть совершенно запрещена, либо же, показывая ее, следует обнажать ее отвратительные стороны так же свободно, как теперь выставляют напоказ ее соблазны. И тут множество людей проголосует за безусловное запрещение и безоговорочное изгнание с подмостков и миссис Уоррен, и Гретхен, и всех остальных,— короче, за полное очищение сцены от пьес, в которых показывается половая любовь. Те, кому кажется, что это невоз-

можно, должно быть, не осведомлены о количестве и значительности тем, фактически изгнанных со сцены.

Во многих пьесах — среди них «Лир», «Гамлет», «Макбет», «Кориолан», «Юлий Цезарь» — нет никаких проблем пола: за развитием их действия могут следить дети, которые не поняли бы ни одной сцены «Профессии миссис Уоррен» или «Айрис». Ни одна из наших пьес не стремится вызвать сострадания зрителей, изображая родовые муки, как это постоянно делается в китайских пьесах. У каждой нации есть свой особый набор табу в дополнение к тому, что есть у всего человечества. И хотя каждое из этих табу ограничивает диапазон драматурга, из этого не следует, что драма не может существовать. Если бы цензору вздумалось запретить пьесы с женскими ролями, он только сделал бы в отношении нашего театра то, что наши племенные обычаи уже сделали в отношении церковной кафедры и адвокатуры. Я сам написал довольно занятную пьесу с одной-единственной женской ролью, притом весьма добропорядочной, и могу с такой же легкостью написать пьесу без единой женской роли. Я могу даже пойти столь далеко, что пообещаю цензору свою поддержку, если он введет такое ограничение на какую-то часть года, скажем — на время великого поста, чтобы на этот мертвый сезон преградить доступ на сцену адюльтеру — самому скучному из всех драматических сюжетов. Это заставит наших авторов и режиссеров понять то, что великие драматурги понимают стихийно,— а именно: что люди, жертвующие всем ради любви, на сцене так же безнадежно негероичны, как сумасшедшие и наркоманы. Герои, живущие в веках,— это Гектор и Гамлет, а не Парис и Антоний.

Но хотя я не сомневаюсь, что вполне возможно сделать драму, в которой любви действительно не будет места, как сейчас нет места холере, все равно нет ни малейшей надежды на то, что цензор решится на рекомендуемый мною выход из трудного положения. Если же он рискнет — подымется бунт, который его сметет, несмотря на мое личное старание поддержать его. Абсолютное табу невозможно с политической точки зрения. Абсолютная терпимость для цензора в равной мере невозможна: ведь если ему нечего будет запрещать, его должность придется упразднить. Поэтому ему в настоящее время приходится идти на компромисс, то есть на частичное запрещение, соблюдая, насколько это возможно, почтительную осторожность в отношении отдельных лиц и общественного мнения.

Многие читатели скажут, что это действительно весьма разумное, чисто английское разрешение проблемы. Я бы не оспаривал этого, если бы драматурги в течение всей своей жизни были

такими, какими их считает английское общественное мнение — то есть безнравственным, распущенным племенем людей, которых должностные лица вынуждены обуздывать даже и не слишком продуманными мерами. Но я не могу допустить, чтобы к группе людей, которая представлена Эсхилом, Софоклом, Аристофаном, Еврипидом, Шекспиром, Гете, Ибсеном и Толстым, не говоря уже о наших современных драматургах, в кабинете цензора относились бы так же, как относятся к карманникам на Бау-стрит.

Далее, совершенно неверно, будто бы цензура запрещает беспринципных авторов так же, как запрещает Ибсена и Толстого, как безусловно запретила бы Шекспира, если бы не дурацкое правило, что пьеса, разрешенная однажды, разрешена навечно. (Отчего и получилось, что Уичерли разрешен, а Шелли запрещен.)

Я предлагаю цензору назвать те крайности в изображении секса, которые нельзя было бы представить в театре с его или его предшественника разрешения и которые какой-нибудь режиссер, будучи в здравом уме, рискнул бы на свою ответственность показать на лондонской сцене. Фактически, на практике, компромисс действует в пользу непристойных пьес и направлен против пьес серьезных.

Чтобы доказать это, я прибегу к радикальной мере и перескажу сюжеты двух пьес, которые за последние десять лет я сам видел в Лондоне в театрах Вест-Энда. Одна из них была разрешена к постановке в царствование королевы Виктории, другая — ее наследника. Оба сюжета соответствуют строжайшим правилам того времени, когда «Дама с камелиями» еще была запрещенной пьесой и когда «Вторую миссис Тэнкерей» разрешили бы лишь при условии, чтобы героиня старательно разъяснила публике, что, встретив капитана Ардейла, она согрешила с ним «только в мыслях».

Пьеса номер один. Некоего принца родители заставляют жениться на дочери соседнего короля; он же влюблен в другую девушку. Сцена представляет один из залов королевского дворца. Ночь. Днем состоялась свадьба, и перед зрителем — закрытая дверь в спальню молодых. За ней принцесса ожидает своего жениха. На сцене фрейлина. Входит жених; его единственное желание — избегнуть ненавистного супружества, и ему приходит на ум средство добиться этого: он покусится на честь фрейлины и тогда с позором будет выгнан из дворца разгневанным тестем. К его ужасу, фрейлина и не думает поднимать тревогу, когда он приступает к выполнению этого плана: она польщена, восхищена, уступчива. Насильник превращается в насилуе-

мого. Он сердито швыряет ее на пол, она покорно остается там. Он убегает. Входит отец, отпускает фрейлину и остается подслушивать через замочную скважину у брачных покоев дочери, бормоча всякие шуточки и с дрожью заявляя, что звук поцелуя, который, как ему кажется, слышен из-за дверей, снова делает его молодым.

История вторая. Немецкий офицер оказывается в одной гостинице с француженкой, которая нанесла оскорбление его национальной спеси. Он решает унизить ее, свершив над ней насилие, и говорит ей об этом. Она усовещивает его, умоляет, бросается к дверям, обнаруживает, что они заперты; зовет на помощь. Никто не откликается. С пронзительными криками кидается она из стороны в сторону и после ужасной сцены, ослабев, лишается чувств. Так как показывать на сцене больше (кроме реального насилия) нечего, то офицер раскаивается и уходит. Она приходит в себя, убежденная, что он выполнил свою угрозу, и в течение всего остального действия пьесы тщетно клянется отомстить ему, пока под влиянием воображаемого преступления не влюбляется в него. В конце концов она соглашается выйти за него замуж — и занавес опускается над их счастьем.

Эта пьеса была разрешена цензором лорда-канцлера, ибо считалось, что в главной ее идее нет ничего безнравственного или непристойного. Однако не надо думать, что цензор — чудовище и что он стремится развратить театр. В сущности, обе рассказанные мною пьесы с официальной точки зрения вполне благопристойны. Изображенные в них проявления пола хоть и доходят до того крайнего пункта, за которым действует уже не цензор, а полиция, в то же время не предполагают адюльтера и не содержат намеков ни на профессию миссис Уоррен, ни на тот факт, что дети из любой среды, в которой существует многомужье, как дети из среды миссис Уоррен в моей пьесе, неизбежно столкнутся, когда вырастут, с неразрешимой проблемой, что они, возможно, единокровные братья и сестры. Словом, целиком построенные на грубом юморе и физической привлекательности секса, эти пьесы удовлетворяют всем сложившимся требованиям цензуры. В то же время пьесы, из которых изгнаны подобные соблазны и юмор и взамен серьезно поставлены и рассматриваются связанные с сексом социальные проблемы, неизбежно нарушают официальные требования и потому запрещаются. Если бы вновь вступило в силу старое правило, запрещающее показывать на сцене незаконные половые связи, и сама тема была бы абсолютно изгнана, то единственным результатом было бы то, что «Антоний и Клеопатра», «Отел-

ло» (из-за эпизода с Бианкой), «Троил и Крессида», «Генрих IV», «Мера за меру», «Тимон Афинский», «Дама с камелиями», «Распутник», «Вторая миссис Тэнкерей», «Знаменитая миссис Эбсмит», «Веселый лорд Кэ», «Защита миссис Дэйн» и «Айрис» были бы сметены со сцены и подверглись бы такому же запрету, как «Власть тьмы» Толстого и «Профессия миссис Уоррен», и в области, касающейся проблем секса, театром монопольно владели бы такие пьесы, как обе описанные мною. Более того — сама омерзительность худшей из разрешенных пьес защищает цензуру от действенных разоблачений и критики. Не так давно один видный американский журнал попросил меня написать статью о роли цензуры в английском театре. Я ответил, что такая статья включит в себя материал, не слишком приятный для опубликования в журнале для домашнего чтения. Редактор настаивал, но я не соглашался писать до тех пор, пока он не заявил, что готов все это понять, и пообещал опубликовать статью, ничего в ней не меняя (свое обещание он подкрепил, специально оговорив точное количество слов в статье). Каков же оказался результат? Редактор, дойдя до моего пересказа двух вышеупомянутых пьес, послал к черту свое обещание и, вместо того чтобы вернуть мне рукопись, напечатал статью, исключив из нее эти иллюстрирующие ее содержание примеры и не оставив в ней ничего, кроме возражений против цензуры из политических принципов. Поступая так, он дал холостой залп из моих бортовых орудий, потому что ни цензор и никто из англичан, кроме, возможно, ветеранов старой выродившейся гвардии бентамистов, ни капли не интересуется политическими принципами.

Рядовому британцу кажется, что каждый второй из его сограждан непременно станет самым порочным образом злоупотреблять своей свободой, если не будет находиться под той или иной глупейшей опекой. Поэтому цензура, если говорить о ее принципах, является наиболее популярным учреждением в Англии, и к драматургу, который ее критикует, относятся, как к негодяю, ратующему за безнаказанность. В результате ничто не может по-настоящему потрясти доверия публики к департаменту лорда-канцлера, кроме правдивого и неприкрашенного рассказа о тех безнравственных литературных произведениях, которые легко проскальзывают сквозь сети цензуры и визируются ею с разрешения королевского двора. Однако такие вещи невозможно беспрепятственно предать огласке, ибо издатели не вправе без предупреждения касаться вопросов, не являющихся ***virginibus puerisque****, и, значит, цензору весьма просто избежать всякого рода разоблачений. За исключением некоторых за-*

мечаний, которые мне удалось сделать в моих критических статьях, опубликованных в «World» и в «The Saturday Review», когда впервые были поставлены описанные мною пьесы, да нескольких неграмотных протестов со стороны церковников против гораздо лучших пьес, которых они, по их собственному признанию, и не читали и не видели, в прессе не было высказано ничего, что могло бы поколебать легковесное мнение, будто театр был бы значительно хуже, чем он по общему признанию есть, если бы не бдительность цензора. По правде сказать, ни один режиссер не станет ставить пьесу на свой страх и риск, если за две гинеи он может теперь получить для их постановки королевское разрешение.

Спешу добавить — я убежден, что все эти пороки присущи вообще всякой цензуре и вовсе не являются следствием той формы, какую цензура приняла в Лондоне. Невозможно сомневаться в чудовищной нелепости того, что рядового чиновника назначают следить за тем, как бы вожди европейской литературы не развратили нравы нации или как бы сэр Генри Ирвинг не осмелился воплотить на сцене Самсона или Давида, хотя любой другой художник может без всяких помех намалевать эти библейские фигуры на вывеске или вырезать на могильном камне. Если распустить Английский медицинский совет, Королевскую медицинскую коллегию, Королевскую академию искусств, Общество юристов и Совет Оксфордского университета и передать их функции цензору — вся Европа, вероятно, в один голос заявила бы, что Англия сошла с ума. И все-таки, хотя ни медицина, ни живопись, ни юриспруденция, ни церковь не обладают той могучей силой формировать характер нации, какой обладает театр, — ни одна пьеса не сможет появиться на сцене, если из-за широты своего содержания не сумеет сперва проскочить сквозь мозги цензора.

Не думайте, пожалуйста, что я сомневаюсь в честности цензора! Я совершенно уверен, что меня он искренно считает негодяем, а мою пьесу страшно неприличной: ведь она, подобно «Власти тьмы» Толстого, как это и входило в намерения авторов обеих пьес, рисует очень красочную и очень тягостную картину зла. Я ни на минуту не сомневаюсь, что пересказанная мною и разрешенная к постановке пьеса об изнасиловании в рукописи не могла произвести на цензора особого впечатления и он, сразу удовлетворившись тем, что злонамеренный герой был немецким, а не английским офицером, пропустил пьесу, не вникнув в ее моральные тенденции. А если б он и вздумал их изучить, — легко предположить, что он такой же компетентный моралист, как я — великий математик. Но, право же, совершенно

неважно, моралист он или не моралист. Не вздумайте вообразить, что плохое в цензуре зависит от недостатков того джентльмена, которому в какое-то время случилось выступать в качестве цензора. Замените его завтра кем-нибудь из Академии литературы или Академии драматургии — и через новый фильтр опять не будут проходить оригинальные, делающие эпоху произведения, а пройдут произведения банальные, вульгарные и старомодные. Конклав, составляющий индекс произведений, запрещенных Римской католической церковью, представляет собой самый древний в Европе, самый священный, ученый, знаменитый и авторитетный институт цензуры. Что же, он более просвещен, либерален и терпим, чем сравнительно малоквалифицированные чиновники лорда-канцлера? Наоборот, в своей деятельности он дошел до такого абсурда, что католический университет превратился в свою противоположность.

Всякая цензура существует лишь для того, чтобы никто не смог бросить вызов общепринятым взглядам и существующим институтам. Между тем прогресс начинается с бунта против общепринятых взглядов, а совершается тогда, когда существующие институты заменяются новыми. Следовательно, первым условием прогресса является уничтожение цензуры. Таковы, вкратце, мои претензии к цензуре.

Спрашивается — значит, деятелям театра надо разрешить ставить все, что они хотят, не считаясь с общественными интересами? Нет, такой альтернативы нет. Владельцы наших мюзик-холлов не подвергаются никакой цензуре; они ставят развлекательные программы на свою ответственность и не смогут прикрыться сертификатами ценою в две гинеи, если будут плохо руководить своими театрами. Они отлично знают, что, утрать они свою репутацию, Совет графства в конце года просто откажется возобновить им лицензию. Ничто в истории народного искусства не достойно большего удивления, чем то улучшение мюзик-холлов, которое в течение нескольких лет было достигнуто благодаря этому простому порядку. Предоставьте театрам подобные условия — и в них немедленно произойдут такие же перемены: исчезнут откровенно мерзкие пьесы, где неразборчивые в средствах писаки привлекают толпы зрителей, демонстрируя стайки девиц, которым нечего показывать, кроме своих прелестей. Ведь перестали же распевать непристойные песни, которыми пытались рассеивать скуку, царившую в мюзик-холле лет пятнадцать назад,— о ней нынешнее молодое поколение не имеет никакого представления!

С другой стороны, в театрах появятся пьесы, в которых половой вопрос будет фигурировать как предмет размышлений, а не

как сильное возбуждающее средство. У джентльменов, мыслящих в той же плоскости, что и чиновники лорда-канцлера, будет масса поводов обращаться в Совет с протестами против этих пьес. Однако в результате цензор займет подобающее ему место, Ибсен и Толстой — место, подобающее им, и никакого вреда от этого не воспоследует.

Этот разговор о цензуре напоминает мне, что я должен извиниться пред теми, кто пошел на недавнее представление «Профессии миссис Уоррен» в надежде найти в нем то, что я только что назвал «сильным возбуждающим средством». Но это не моя вина, а цензора. После приведенных мною примеров его снисходительности легковерные люди, естественно, вообразили, что пьеса, прошедшая через рогатки цензуры, на самом деле чрезвычайно волнует. Поэтому один из критиков совершенно недвусмысленно выразил свое разочарование в следующих откровенных словах: «Такую пустую болтовню по этому поводу никак не стоит принимать за то, что в подобных случаях делают или говорят люди с горячей кровью». Так я и оказался между молотом — цензором, считающим меня распутником, и наковальней — известным критиком, решившим, что я ханжа. Я возбудил всеобщее негодование: критики всех возрастов и рангов, зрелые отцы семейств, пламенные юные энтузиасты — все в равной степени возмущены мной. Они ругают меня, кричат, что мне чужды страсть, чувство, мужественность. Подводя итог, некоторые из них заявляют, что у меня нет драматургического таланта: печальное признание того, что теперь под властью цензуры выдается на сцене за драматургический талант! Могу ли я, спрашивается, удержаться от смеха при виде многочисленных почтенных джентльменов, огорченных, что какой-то драматург заманил их в театр, обещав взволновать их очень специальным и необыкновенным образом, а вместо этого, залучив в театр невероятное количество зрителей, продолжает игнорировать их чувства и упрямо старается просветить их головы? Но я снова заявляю, что заманивал их не я. Пьеса была напечатана четыре года назад, и я не жалел усилий, разъясняя, что сочиняю пьесы, чтобы пробуждать не чувственные грезы, а умственные интересы, не романтические рапсодии, а обыкновенную человечность. Вот поэтому-то в отсутствии драматургических способностей меня не упрекают те критики, которые испытывают духовную жажду и у которых есть гражданственность. Они скорее склонны, и, пожалуй, не без оснований, возражать против допущенной мною кое-где излишней театральности и карикатурности выдающих, что автор, хотя и старый театрал, драматург пока еще неопытный. А сладо-

страстников позвольте уверить, что их всегда разочарует любой драматург, будь то я или кто другой. У драмы очень мало возможностей воздействовать на чувства; если это и бывает, то только благодаря личному обаянию исполнителей. Драма чувств вырвана из рук драматурга: ею завладел музыкант и по сравнению с его искусством всякое искусство слова кажется холодным и вялым. Трагедия «Ромео и Джульетта» с самой прелестной Джульеттой скучна, риторична, тягуча по сравнению с вагнеровским «Тристаном», даже если, как часто бывает в Германии, Изольду поет могучая матрона, перевалившая за сорок лет.

Но, чтобы убедить в этом публику, не нужен и Вагнер. Чувственность и сентиментальность таких опер, как «Фауст» Гуно и «Кармен» Бизе, завоевали рядового театрального зрителя, и, право же, если есть теперь будущее у какой-либо немузыкальной драмы, то только у драмы идей.

Попытка создать какой-либо вид оперы без музыки (а именно к этой бессмыслице тянулись в недавнем прошлом наши модные театры, даже и не понимая этого) гораздо безнадежнее, чем мое решение признать проблему самым подходящим материалом для драмы.

Я прекрасно понимаю, что это решение вовлечет меня в длительный конфликт с критиками и с теми немногими зрителями, которые ходят в театр так же часто, как критики. Но я слишком хорошо подготовлен к битве, чтобы она могла меня обескуражить или же чтобы я проявил злорадство по отношению к тем, кто ее проиграет. Стремясь подобно опере воздействовать на чувства, модная драма стала такой сентиментальной и бесцветной, а интеллект зрителей так атрофировался от бездействия, что введение проблемы, с ее железной логикой и беспощадной правдой фактов, на первых порах неизбежно произведет впечатление ужасающего холода и бесчеловечного рационализма. Но оно скоро рассеется. Когда интеллектуальная мускулатура и моральное чутье критиков разовьются в борьбе с современными проблемными пьесами, тогда самые умные из них прекратят свои раздраженные разглагольствования, а сентиментальные — свою унылую и никчемную воркотню. Тогда будет доказано, что только в проблемной пьесе содержится настоящая драма, ибо драма — это не бездумное фотографирование жизни — это образное представление конфликта между волей человека и его окружением, то есть проблемы. Бессодержательность драмы, которая изображается в псевдооперных пьесах, обуславливается тем, что в них разжиженная сентиментальностью животная страсть показывается в кон-

фликте не с жизненными обстоятельствами, а с рядом условностей и предрассудков. Одна их половина вообще не существует за пределами сцены, другую же легко сгладить уступчивостью, либо же с ней совершенно безболезненно может не посчитаться любой здравомыслящий человек. Признать обязательность этих условностей невозможно; следовательно, невозможно поверить и в тот сценический пафос, с каким нас пытаются убедить, что они неотвратимы, как судьба. Не верим мы и в реальность персонажей, погруженных в атмосферу этого пафоса. Ничему в этих пьесах мы не верим; мы только притворяемся, что верим. В конце концов привычка к притворству настолько укореняется в нас, что критика театра незаметно совсем перестает быть критикой и все более превращается в модную театральную хронику, посвященную единственной оставшейся на сцене реальности — то есть личности самих актеров. На этой стадии развития театра драматург, пытающийся воскресить подлинную драму, выглядит неприятным педантом, которому вздумалось открыть серьезный диспут на модном журфиксе. Потом, когда он изгонит из театра чаепития, и людей, явившихся в него, словно в гостиную, заставит понять, что незваные гости здесь они, а не драматурги, ему бросят в лицо обвинение в том, что его пьесы игнорируют человеческое чувство. Но это иллюзия, возникшая из-за того, что в пьесе изображено то самое противодействие человеческому чувству со стороны реальной жизни, которое и составляет существо драмы. С появлением deus ex machina[1] *это противодействие прекращается и занавес непременно должен опуститься, ибо драма заканчивается в ту минуту, как прекращается противодействие. И все-таки введение в структуру драмы противодействия теперь настолько серьезно принимается за бессердечие, что один из наших почтенных критиков, характеризуя впечатление, которое произвела на него «Профессия миссис Уоррен», заявил: «Различие между духом Толстого и духом Шоу — это различие между духом Христа и духом Эвклида». Эта острота не утратит своего блеска, если имя Толстого поставить вместо моего, а имя Д'Аннунцио вместо имени Толстого. В то же время я с искренним удовольствием принимаю этот огромный комплимент моим мыслительным способностям. Я обещаю польстившему мне критику, что, когда он достаточно освоится с присутствием проблемы на сцене и она перестанет его озадачивать, он сможет заняться не только знакомым*

[1] Букв. «бог из машины» *(лат.)*; развязка вследствие вмешательства непредвиденного обстоятельства.

ему фактором человечности, но и незнакомым фактором реального окружения. Вот тогда он поймет и почувствует, что «Профессия миссис Уоррен» не простая теорема, а драма столкнувшихся в конфликте инстинктов и темпераментов и, больше того,— драма с жестокой социальной проблемой, которую не одолеешь одним только чувством.

Я иду дальше этого и заявляю: наиболее поверхностные из критиков потому обвиняют меня в цинизме и бесчеловечности, что их поражает неожиданность поведения моих героев, которые действуют как живые человеческие существа, вместо того чтобы подчиняться принятой на сцене романтической логике. Все аксиомы и постулаты этой скучной сценической антропометрии так рабски затверженны ее поклонниками, что им никак не удается сочинить к своим пьесам толковые последние акты, ибо заключения, которые они выводят из посылок, всегда подчинены условностям. И оттого, что я послал к черту эту логику, меня и обвиняют — не в том, что я пренебрегаю ею, а в том — и это самое главное,— что я игнорирую человеческие чувства. Люди, чье воображение воспитано театром, уверяют меня, что ни одна дочь не станет вести себя с матерью так, как Вивн Уоррен, то есть, другими словами,— ни одна театральная героиня из популярной чувствительной пьесы. Это утверждение звучит так же, как аксиома, что в две прямые линии нельзя заключить пространство плоскости. Они не замечают, насколько у них искажено восприятие — даже когда их тычут носом в его абсурдность, что я неоднократно делаю в этой самой пьесе. Прейд, сентиментальный художник (я дурак, что сделал его архитектором, а не театральным критиком), пародирует их, пытаясь в течение всей пьесы доказать, что чувства всех остальных персонажей определяются семейными связями и «условно безусловным» социальным кодексом. До критиков этот сарказм не дошел: впитавшие в себя все ту же логику, они принимают Прейда за единственного в пьесе чувствующего человека.

Чем полнее освобождается драматург от иллюзорного представления, будто мужчина и женщина прежде всего существа разумные, чем упорнее он утверждает, что внешний мир, этот грозный драматический противник мужчин и женщин, беспощадно равнодушен к людским желаниям и чувствам, тем вернее он услышит упреки за пренебрежение к тем самым индивидуальным различиям, раскрытию которых отдано все его творчество. Далекий от того, чтобы не видеть в своеобразных чертах характера, в страстях, воле, порывах и причудах факторов, определяющих человеческое поведение, я настолько обна-

женно показываю все это на сцене, что люди старшего поколения, привыкшие созерцать мир под вуалью искусственных логических представлений о долге и даже от самих себя скрывать собственные побуждения, считают обрисованную мною жизнь такой же ненатуральной, как и возникшую в воображении Карлейля картину заседания совершенно нагих членов парламента.

Теперь о тех критиках, которые, пережив духовное потрясение от «Профессии миссис Уоррен», почли за благо осудить ее под тем благовидным предлогом, что в театр ходят и мужчины и женщины, а ведь в присутствии женщин подобные проблемы не должны ни обсуждаться, ни даже упоминаться. Не могу возражать против такого проявления рыцарственности, но просто утверждаю, что «Профессия миссис Уоррен» — пьеса для женщин; она была написана для женщин; была поставлена главным образом на основании решения женщин о том, что ее нужно ставить и играть. И женщины приняли ее премьеру восторженно, хотя ни одну из них ничто не заставляло поддерживать эту пьесу, кроме убеждения в своевременности и наглядности заключенного в ней урока. А вот мужчины, увидя на спектакле дам, удивились. Они принялись доказывать, что журналы, которые они представляют, не сочтут себя вправе развращать читателей описанием подобной пьесы,— и тогда их редакторы отдали место, освободившееся благодаря этой щепетильности, чрезвычайно длинному сообщению о на редкость гнусном уголовном преступлении.

Грейн, мой старый режиссер Независимого театра, не ограничивается упреками в том, что я разбил его идеалы,— он еще жалуется, что миссис Уоррен недостаточно порочна, и называет нескольких сочинителей, которые вырядили бы ее черную душу в трагедийные ужасы. Не сомневайтесь, что они так и поступили бы. Но этого-то я как раз и не хотел. А именно этого и хочет наша ханжеская публика: чтобы всю вину за профессию миссис Уоррен взвалили бы на саму миссис Уоррен. Но главная цель моей пьесы — возложить эту вину на британскую публику. Пусть Грейн вспомнит, что точно такое же непонимание возникло, когда он ставил мою первую пьесу — «Дома вдовца». Когда добродетельный молодой джентльмен стал гневно обличать владельца трущоб, тот весьма убедительно доказал ему, что трущобы созданы не отдельными гарпагонами, но равнодушием добродетельных молодых джентльменов к проблемам города, в котором сами они живут в фешенебельных кварталах и на деньги, заработанные трудом других людей. Представление, что проституция существует вследствие порочно-

сти миссис Уоррен, так же глупо, как представление — кстати сказать, преобладающее в обществах трезвости, — что пьянство существует вследствие порочности трактирщика. Миссис Уоррен ни чуточку не хуже своей достойной всяческого уважения дочери, которая не желает относиться к матери снисходительно. Равнодушие миссис Уоррен к общественным последствиям своего способа добывать деньги и то, что она натолкнулась на него, идя по линии наименьшего сопротивления, слишком обычно в английском обществе, чтобы об этом стоило говорить. Ее жизнеспособность, бережливость, искренность, мудрая забота о дочери, организаторский талант, благодаря которому она и ее сестра из рыбной лавки близ Монетного двора поднялись до учреждений, которыми она хвалится, — все это высокие английские общественные добродетели. Она защищается с такой потрясающей силой, что сент-джеймская газета заявила: «Тенденция этой пьесы целиком порочна», ибо «она содержит одну из самых смелых и великолепных речей, какие когда-либо произносились в защиту аморальной жизни неимущих женщин». Но, к счастью, сент-джеймская газета говорит это в спешке. Защитительная речь миссис Уоррен не только смела и великолепна, но и обоснованна и неопровержима. Но это отнюдь не защита того порока, который она эксплуатирует. Если кто-либо говорит, что единственное, что наше общество предлагает бедным женщинам, это нищета, голод, переутомление, болезни, жалкое прозябание в грязи и зловонии, то это вовсе не значит, что он защищает безнравственную жизнь. И хотя вполне естественно и правильно, что миссис Уоррен выбирает то, что с ее точки зрения наименее безнравственно, однако со стороны общества подло ставить ее перед самой необходимостью этого выбора. Потому что выбирать ей предлагается не между нравственным и безнравственным, а между двумя видами безнравственного. Человек, который не способен понять, что недоедание, переутомление, грязь, болезни такие же антисоциальные явления, как проституция, что они — пороки и преступления нации, а не просто ее несчастье, такой человек, мягко говоря, — безнадежно антиобщественный человек.

Убеждение, будто миссис Уоррен непременно должна быть злодейкой, говорит только о той неистовой жестокости, которую малейший намек на половой вопрос пробуждает в невежественных умах; она-то и заставляет наших законодателей считать естественным наказание глупых непристойных выходок с такой свирепостью, какая не проявляется, например, по отношению к разорительным финансовым спекуляциям. Назови я свою пьесу «Профессия мистера Уоррена» и сделай я мистера

Уоррена букмекером, — никто не стал бы требовать, чтобы я изобразил его негодяем. Но ведь азартные игры — это порок, а букмекерство — профессия, в защиту которой решительно ничего нельзя сказать. Моральное и экономическое зло выкачивания из людей денег, не зарабатывая их (а в этом и состоит цель азартных игр), не только огромно, но и непоправимо. По вопросу об азартных играх не может быть двух мнений и не существует никаких объективных обстоятельств, которые заставляют нас терпеть их, — разве только запрещение их поведет к еще более опасным порокам. Среди ответственных лиц — судей и военачальников — никто не утверждает, что азартные игры — необходимость. Нет древних рукописей, которые оставили бы нам свидетельства об азартных играх, превращенных в искусство талантом их знатоков. Никто не оспаривает, что они пагубно действуют не только на нравы, но и на официальные учреждения, и это во многих отношениях чудовищно и страшно; никто не пытается доказывать, что они удовлетворяют здоровые инстинкты.

В спорах о проституции еще ссылаются на некие туманные обстоятельства, которыми можно ее оправдать; у азартных игр таких обстоятельств нет. Следовательно, если миссис Уоррен надо представлять злодейкой, то мистера Уоррена — исчадием ада. Однако считает ли кто из людей, знакомых со спортивным миром, что букмекеры хуже своих ближних? Да нет, напротив, они должны быть гораздо лучше, ибо в этом мире почти каждый, чье социальное положение не исключает возможности такого занятия, сам, если б сумел, стал бы букмекером. Ведь для того чтобы ворочать большими деньгами, точно все рассчитывать и мгновенно уплачивать проигрыши, необходим сильный характер, а это настолько редкое качество, что и преуспевающие букмекеры тоже теперь очень редки. Может показаться, что уж гражданский-то дух не входит в число добродетелей букмекера. Исходя из личного опыта, я могу засвидетельствовать, что немалое количество прекрасных общественных мероприятий осуществлялось на деньги, пожертвованные букмекерами. Конечно, и на пути букмекера могут встретиться пропасти — например бегство от долгов. Грейн намекает, что и в профессии миссис Уоррен такое тоже возможно. Но ведь подобные пропасти есть в любой профессии; только не надо думать, что каждый представитель этих профессий обязательно опускается на самое их дно. Я состою в общественной комиссии, рьяно преследующей миссис Уоррен. И я могу уверить Грейна, что к ней часто относятся снисходительно, потому что она ведет свое дело «респектабельно» и не опускается до его

отвратительных проявлений. Иерархия в степенях бесчестия так же многоступенчата и так же строго соблюдается, как и иерархия титулов: представление моралиста, что есть глубины, на которых перестают существовать нравственные категории, так же ложно, как и представление богача, что в среде бедняков отсутствуют снобизм и честолюбие. Нет! Изобрази я миссис Уоррен дьяволом во плоти, люди, упрекающие меня теперь за то, что я приукрасил ее, вероятно, первыми высмеяли бы меня за то, что я изобразил ее исходя из умозрительных построений, а не на основе тщательного изучения жизни.

Один из критиков так порабощен подобной логикой, что считает нарисованный мною образ преподобного Сэмюэля Гарднера выпадом против религии. Согласно этой теории прапорщик Яго — выпад против армии, сэр Джон Фальстаф — против рыцарства, а король Клавдий — против королевской власти. И тут вопль в защиту естественности и человеческих чувств, который испустили очень многие критики, увидевшие на сцене реальную жизнь, снова оказался воплем в защиту самой поверхностной, механистической логики.

Закон драмы потребовал, чтоб я представил пастора «ископаемым», как назвала его миссис Уоррен, ибо я хотел подчеркнуть разительный контраст между этим человеком, сын которого, несмотря на свою одаренность и обаяние, совершенно бесполезен для общества, и женщиной позорной профессии, матерью образованной, передовой, трудолюбивой дочери. Критики, не уловившие этого противопоставления, безусловно не раз наблюдали, что многие люди стали священнослужителями не потому, что их влекло к этому истинное призвание, а просто потому, что в кругах, от которых зависит продвижение по общественной лестнице, церковь считается прибежищем для сыновей-неудачников. Не раз наблюдали эти критики и то, что сыновья священнослужителей очень часто открыто восстают против той узды, в которой их с детства держат согласно требованиям отцовской профессии. Должны критики также знать, если не из опыта, то из истории, что многие женщины, такие же неразборчивые в средствах, как миссис Уоррен, в области политики и коммерции зарекомендовали себя великолепными дельцами и организаторами. Но наблюдательность и осведомленность покидают журналистов, как только они приходят в театр. Усевшись в кресла, они решают, что для священнослужителя естественно быть «святым», для солдата — героем, для юриста — бесчувственным, для моряка — простым и великодушным; для докторов естественно творить чудеса

с помощью пузырьков, а уж для миссис Уоррен — быть похожей на животное и дьяволицу. Но все это не только противно природе, но и недраматично. Профессия того или иного человека только тогда составляет драму его жизни, когда она ему не по нутру. В случае с миссис Уоррен этот конфликт трагичен, а в случае с пастором Гарднером комичен (или мы такие еще дикари, что смеемся над ним). В обоих случаях конфликт противоречит логике и в обоих верен жизни. Повторяю — те критики, которые обвиняют меня в том, что природу я приношу в жертву логике, просто-напросто испорчены своей профессцей и потому логику принимают за природу, а природу считают нелепицей.

Что же касается расположенных ко мне критиков, то многие из них недостаточно опытны в социальных вопросах и моральных спорах и потому им не понять, что какую-то степень ответственности за существование профессии миссис Уоррен, весьма вероятно, несут и подобные им уважаемые джентльмены, которые, возможно, немедленно обратились бы к помощи полиции, если бы миссис Уоррен вдруг осмелилась покуситься на них лично. Они с искренним возмущением спрашивают меня, какой толк в таких тягостных разоблачениях. С тем же успехом они могут спросить, какую пользу принес лорд Шефтсбери, посвятивший всю жизнь разоблачению пороков (до сих пор еще, кстати сказать, не уничтоженных), по сравнению с которыми самое худшее из того, что в пьесе выведено наружу или на что только намекается, — сущие пустяки. Называя эти пороки, вы приносите пользу тем, что внушаете людям чувство неловкости и тревоги, и, в конце концов, они перестают сваливать вину за существование зла на «человеческую природу» и начинают поддерживать меры, направленные на искоренение этих пороков. Что может быть глупее того номера «Эхо», в котором напечатана заметка о постановке моей пьесы? «Эхо» издается джентльменом, который, посвятив себя той же деятельности, что и Шефтсбери, во всех колонках своей газеты, кроме одной, разоблачает социальные пороки и ратует за их искоренение; и вот, в свободной от этого материала колонке, один работающий в газете добросердечный критик заявляет, что спектакль заставил его «недоумевать — служению какой полезной цели он предназначен?» Равновесие, вероятно, будет восстановлено более фешенебельными газетами, где вперемежку с вест-эндскими разглагольствованиями о политике и социологии часто печатаются толковые статьи об искусстве.

Невредно, однако, сравнить газетную шумиху, вызванную в 1902 году «Профессией миссис Уоррен», с той шумихой, кото-

рая десятью годами раньше была вызвана «Домами вдовца». Если в 1892 году все показанные в драме факты пресса яростно опровергала, а над ее персонажами глумилась как над чудищами порочности, то в 1902 году все факты приняты, персонажи узнаны и в то же время подразумевается, что именно поэтому ни один джентльмен не позволит себе заговорить о них открыто. Только один из литераторов осмелился на этот раз намекнуть, что упоминаемая миссис Уоррен бедность с тех пор несколько поуменьшилась и поэтому теперь нет необходимости выволакивать ее под огни рампы. Я поздравляю его с этой великолепной ложью, которую, впрочем, никто не поддержал, кроме одной театральной газеты, наивно пролепетавшей, что десять гиней в год с харчами и жильем — это невероятно низкое жалованье для буфетчицы. Она даже идет дальше и цитирует Чарльза Бута, утверждавшего, что жены многих рабочих вполне довольствуются восемнадцатью шиллингами в неделю. Но я могу привести примеры почище этого. Я знал жену одного оксфордского сельскохозяйственного рабочего, которая казалась вполне довольной, живя на восемь шиллингов в неделю. Однако это ничуть не мешает мне сознавать, что сельское хозяйство в Англии разорено. Если бедность ничего не значит, коль скоро с ней смиряются, тогда ничего не значит и преступление, коль скоро преступника не мучает совесть. Но дело-то в том, что как раз в этом случае бедность значит ужасно много. Есть люди, которые чувствуют себя свободнее, когда они грязные, чем когда они чистые. Из-за этого ведь не следует возводить неряшество в ранг национального достоинства.

В 1905 году Арнольд Дейли поставил «Профессию миссис Уоррен» в Нью-Йорке. Газеты этого города немедленно завопили о «непотребстве» таких личностей, как миссис Уоррен, — о них-де и упоминать нельзя в присутствии приличных людей. Это было возмутительным отречением от человечности и общественной совести, и лишь немногие нью-йоркские критики устояли духовно и морально. Но они не могли остановить разразившуюся эпидемию подлых издевательств, грубых намеков, непристойного неистовства слов и мыслей. Критики перестали сдерживаться, поверив, будто они — защитники добродетели, а не ее разрушители. Заражая друг друга истерией, они словно обезумели и в конце концов вынудили полицию арестовать Дейли и актеров его труппы, причем судья громогласно объявил, сколь омерзительно ему читать по долгу службы эту отвратительную и неприличную пьесу. Разумеется, эти извержения вскоре иссякли. Судья, естественно, рассердился, поняв, что то, что ему пришлось прочесть, весьма нравственная пьеса, да еще

вошедшая в книгу, которая уже восемь лет находится в обращении, не встречая ничьего осуждения и никакого протеста со стороны лондонской и нью-йоркской прессы. Он выбранил журналистов за непонимание морального значения пьесы и по согласию с Верховным судом передал туда дело, и Верховный суд объявил, что пьеса не безнравственна, освободил Дейли и пресек попытки применять закон для того, чтобы объявлять женщину «непотребной»; то есть закрыть глаза на то, что снижение заработка женщин в промышленности влечет за собой снижение цены на женщин в другой области. Надеюсь, «Профессия миссис Уоррен» будет идти всюду и в любой сезон до тех пор, пока миссис Уоррен не разбудит общественную совесть и не пристыдит газеты, которые поддерживают нынешний уровень оплаты труда с целью сохранить высокие цены на все американские товары за исключением цен на американских мужчин и женщин. К несчастью, Дейли уже пришлось испытать судьбу всех тех, кто привлекал внимание общества к доходам эксплуататоров или к похождениям сладострастников. Вместе со мной он был подвергнут моральному линчеванию. Истекли месяцы, прежде чем он был оправдан постановлением суда. И даже после того, поскольку это оправдание вызвало в памяти публики яростные выступления газетчиков (а к этому времени они уже опомнились и устыдились своего бесчинства), торжество Дейли получило довольно мрачную и нежелательную огласку. В эти дни, едва он въезжал в какой-нибудь американский город, даже в тот, который раньше награждал его аплодисментами, видя в нем, постановщике «Кандиды», защитника домашнего очага,— как в глаза ему бросались газетные статьи, обсуждавшие вопрос — могут ли матери пускать своих дочерей на такие пьесы, как «Поживем — увидим», которые сочинил бесстыдный автор «Профессии миссис Уоррен», а сыграло чудовище, поставившее эту ужасную пьесу.

Тяжело было переносить последствия всего этого еще и потому, что, хотя всем хорошо известно, что подрыв моральной репутации означает в театральном деле финансовую катастрофу, журналисты, по чьей вине все это произошло, продолжали платить дань пороку, считая его очень популярным и прибыльным и намекая, что Дейли и я, как эксплуататоры порока, теперь, по всей видимости, нажили огромные состояния из-за поднятой вокруг нас газетной шумихи,— то есть тем самым они попросту поощряли этот порок. Незнание действительности не может быть глубже.

Эта безобразная травля глубоко возмутила меня. У меня в душе тоже есть чувствительное место: я ненавижу слово «непо-

требный». Примените его к моим произведениям — я позволю себе усмехнуться, ибо общество, в целом, усмехнется вместе со мной. Но применить его к женщине, у которой такая же душа, что и у вас, а тело не менее священно, чем ваше! Посмотреть после этого в лицо женщинам вашего круга — и не выйти вон, не повеситься! Такие грехи не прощают.

Вскоре после этих событий видная нью-йоркская газета — из тех, которые громче других требовали запрещения «Профессии миссис Уоррен», была крупно оштрафована за то, что часть своих доходов получала за объявления о домах миссис Уоррен. Многие удивляются, почему это театральные развлечения, откровенно воздействующие на зрителей как сильное возбуждающее средство, повсюду встречаются с терпимостью, а пьесы, несущие с собою совершенно противоположные влияния, жестоко осуждаются и газетами, и отдельными личностями, во всех других случаях постыдно равнодушными к общественным нравам. А объясняется это очень просто. Доходы миссис Уоррен делятся не только между нею и сэром Джорджем Крофтсом, но и между владельцами зданий, где эти дома помещаются, газет, дающих о них объявления, ресторанов, угождающих их посетителям,— короче, между людьми всех профессий,— их постоянными клиентами, не говоря уже о чиновниках и всяких общественных представителях, которых заставляют молчать уговорами, подкупом, шантажом. Прибавьте сюда предпринимателей, наживающихся на дешевом женском труде, и держателей акций, чьи дивиденды тоже зависят от него (таких господ вы найдете всюду, даже за судейским столом и на высоких церковных и государственных постах),— и перед вами окажется многочисленный и могущественный класс, у которого есть сильные материальные основания для того, чтобы покровительствовать профессии миссис Уоррен, и соответственно не менее сильные моральные основания для того, чтобы скрывать и от собственной совести, и от общества истинные источники своих доходов. Таковы люди, заявляющие, что не бедность, а испорченность толкает женщин на улицу. Как будто порочные состоятельные женщины выходят когда-нибудь на улицу! Таковы люди — и приверженные и равнодушные к эротическим пьесам,— которые подымают возмущенные крики, требуя запретить представления «Профессии миссис Уоррен», и тащат актрис в полицейские суды, где их осыпают угрозами и оскорблениями за то, что они выполняют свои обязательства перед театром. Прошу заметить, что постановление нью-йоркского суда в пользу пьесы не покончило со всем этим делом. В Канзасе например муниципалитет сообразив что суд ограничил его право на за-

прещение спектакля, извлек какой-то местный закон против непристойности. Он вызвал в полицейский суд актрису, исполняющую роль миссис Уоррен, и предложил ей и ее коллегам выехать из города либо подвергнуться суду на основе этого местного закона.

Между тем нисколько не исключено, что члены муниципального совета, внезапно проявившие такую заботу о театральных нравах, сами были партнерами миссис Уоррен, нанимателями, нищенски оплачивающими женский труд, хозяевами ресторанов, владельцами газет и таким образом прямо или косвенно участвовали в прибылях, приносимых ее профессией. Впрочем, возможно, что они были просто глупцами, воображающими, что неприлично не зло, а упоминание о нем. Я сам, однако, был членом муниципального совета и среди муниципальных советников не встречал подобных неопытных простаков. Во всяком случае, я предлагаю не верить деятелям канзасского муниципалитета на слово и вместо этого советую широкой публике, которая в конце концов все и решает, бдительно следить за джентльменами, которые на все в театре смотрят сквозь пальцы, за исключением постановки «Профессии миссис Уоррен», и которые единым духом объявляют: а) эта пьеса настолько гнусна, что ее не потерпят в цивилизованном обществе и б) что если ее постановку не запретят, в театр ринется весь город, чтобы ее посмотреть. Возможно, эти джентльмены просто глупы и слишком возбуждены. Но я должен предупредить публику: не менее возможно и то, что все они просто совершенно хладнокровные мошенники. При всех обстоятельствах запрещение моей пьесы означает покровительство тому злу, которое она разоблачает. Именно поэтому я не вижу оснований, чтобы счесть инициаторов этого запрещения бескорыстными моралистами, не вижу оснований, чтобы автора, режиссеров и актеров, чье существование зависит от их личной репутации, а не от ренты, объявлений и дивидендов, признать людьми, стоящими ниже этих инициаторов в том, что касается нравственности или сознания своей ответственности перед обществом.

В «Профессии миссис Уоррен», надо признать, злодеем является не кто-либо из отдельных индивидов, а общество. Это не значит, что все люди, которых возмущает пьеса, стоят на стороне общества. Тщательно установить, кто они на самом деле, не представляется возможным.

Пиккардс-коттедж,
январь, 1902.

P. S. (1930). Прочитав все напечатанное выше спустя двадцать восемь лет, когда запрещение «Профессии миссис Уоррен» было

уже давно отменено и позабыто, я должен был бы выбросить за ненадобностью эту статью, если бы не недавний случай. Но перед тем как рассказать о нем, я напомню, что с изобретением кинематографа возник новый тип цензуры, созданный на этот раз не парламентским актом, а продюсерами фильмов, которые стремились обеспечить себя свидетельствами о собственности, оказавшимися весьма полезными и театральным антрепренерам. Эта частная цензура превратилась в общественную силу, признанную местными властями, и без ее разрешения фильмы нельзя демонстрировать в местах публичных увеселений.

Одной даме, посвятившей себя благотворительным делам и не раз спасавшей обездоленных бедняков, которых в Лондоне каждую ночь можно найти на набережной Темзы, пришлось столкнуться с рабочими, приехавшими из сельской местности в столицу, наивно полагая, что здесь каждый может найти работу, и с молодыми женщинами, тоже из провинции, привлеченными в Лондон различными невинными предложениями, которые на самом деле оборачивались ловушками, расставленными для них агентами торговли белыми рабынями. Дама правильно решила, что кинематограф — это наилучший способ предостеречь от ошибочных шагов мужчин и сообщить женщинам адреса организаций, оказывающих покровительство бездомным молодым путешественницам. Она добилась, что для этой цели был сделан фильм. Цензор немедленно запретил ту часть фильма, где женщинам сообщались соответствующие адреса и показывались опасности, которым они подвергались. Дама обратилась ко мне с просьбой поддержать ее протест.

Убедившись на одном частном просмотре фильма в том, что он совершенно невинен, я в письме просил цензора, чтобы он сам посмотрел его и отменил то, что мне казалось ошибкой его мало в чем разбирающихся чиновников. Но он не только подтвердил их вето, но не опроверг и данного им во все газеты объяснения, что дама продемонстрировала в фильме соблазнительность порока и что он этого не потерпит. А единственный соблазн заключался в роскошной машине, в которой похитили героиню фильма, да в модных костюмах двух весьма отталкивающих с виду агентов, затащивших ее в эту машину. Во всем остальном опыт героини был настолько тяжел, что мог удовлетворить самого строгого моралиста.

И тогда я обошел несколько кинематографов с целью посмотреть, что же разрешается цензором. Два из разрешенных им фильма были столь откровенно порнографичны, что их вряд ли рискнули бы показать, если бы цензор не засвидетельствовал их

безгрешность. В одном из них так бесстыдно демонстрировались приманки публичного дома, по-видимому французского, что задолго до его конца я поднялся и с чувством отвращения бежал, хотя я, словно хирург в анатомичке к трупам, стал нечувствителен к вульгарным непристойностям, которые показывают в театре.

По-видимому, остается только прийти к единственному логическому выводу, что торговцы белыми рабынями полностью контролируют наши кинематографы и с такой же легкостью могут захлопнуть их перед обществами спасения, с какой и предоставить для рекламирования своей профессии. Сказанное не относится к самому цензору. Я только подсказываю и ему и публике заключение, к какому я пришел двадцать восемь лет назад, когда понял, что все неизбежные дурные последствия подобного извращенного контроля достигаются цензорами бескорыстно и из лучших побуждений.

Летний день в Суррее. Садик перед коттеджем на восточном склоне холма к югу от Хэслмира. Налево и несколько выше сам коттедж под соломенной кровлей, с крыльцом и большим решетчатым окном слева от крыльца. Сад обнесен сплошным забором, направо калитка. За забором — луг, поднимающийся по косогору до самого горизонта. На крыльце, рядом со скамейкой, сложены садовые стулья. Под окном прислонен к стене дамский велосипед. Направо от крыльца между двумя столбиками висит гамак. Большой полотняный зонт, воткнутый в землю, защищает от солнца молодую девушку, лежащую в гамаке, головой к коттеджу и ногами к калитке. Она читает, делая пометки. Перед гамаком, так, чтобы можно было достать рукой, стоит простой кухонный стул с грудой увесистых книг и солидным запасом бумаги. За коттеджем показывается джентльмен, идущий по лугу. Он уже немолод, похож на художника, одет не по моде, но очень тщательно, чисто выбрит, с живым, впечатлительным лицом, держится вежливо и просто. Шелковые черные волосы с сильной проседью. Брови седые, усы черные. Он, по-видимому, не вполне уверен, туда ли идет; подойдя к забору, заглядывает в сад и видит молодую девушку.

Джентльмен *(снимая шляпу)*. Простите. Не можете ли вы сказать мне, где здесь Хайндхед-Вью, дом миссис Элисон?

Молодая девушка *(отрываясь от книги)*. Это и есть дом миссис Элисон. *(Опять углубляется в чтение.)*

Джентльмен. Ах, вот как! Быть может... позвольте узнать, не вы ли мисс Виви Уоррен?

Молодая девушка *(резким тоном, приподнявшись на локте, чтоб разглядеть его как следует)*. Да, я.

Джентльмен *(робко и миролюбиво)*. Я, кажется, помешал вам. Моя фамилия Прейд.

Виви с размаху швыряет книги на стул и соскакивает с гамака.

О, пожалуйста, не беспокойтесь из-за меня.

Виви *(идет к калитке и распахивает ее перед гостем)*. Входите, мистер Прейд.

Прейд входит.

Рада вас видеть. *(Решительно и приветливо пожимает ему руку.)*

Это очень привлекательный образец здравомыслящей, дельной, образованной молодой англичанки средних классов. Ей двадцать два года. Живая, решительная, уверена в себе, хладнокровна. Платье простое, удобное для работы и в то же время изящное. На поясе среди брелоков висит на цепочке вечное перо и разрезальный нож.

Прейд. Вы очень любезны, мисс Уоррен.

Виви с шумом захлопывает калитку. Прейд идет в глубину сада, пошевеливая пальцами, слегка онемевшими от ее пожатия.

Ваша матушка уже приехала?

Виви *(быстро, настораживаясь)*. А она должна приехать?

Прейд *(в изумлении)*. Разве вы нас не ждали?

Виви. Нет.

Прейд. Боже мой, надеюсь, что я не ошибся днем. Я на это способен, знаете ли. Ваша матушка условилась со мной, что она приедет из Лондона, а я приеду из Хоршэма, для того чтобы познакомиться с вами.

Виви *(отнюдь не радостно)*. Вот как? Гм! Моя матушка любит делать мне сюрпризы; должно быть, проверяет, как я веду себя без нее. Что ж, как-нибудь я ей тоже устрою сюрприз: впредь пускай ставит меня в известность, если речь идет обо мне. Она не приехала.

Прейд *(в смущении)*. Мне, право, очень жаль.

Виви *(сменив гнев на милость)*. Ведь это же не ваша вина, мистер Прейд! Я очень рада, что вы приехали, поверьте мне. Из всех знакомых моей матери вы единственный, кого я просила привезти ко мне.

Прейд *(успокоенный и обрадованный)*. Вот это действительно мило с вашей стороны, мисс Уоррен!

Виви. Хотите войти в дом? Или лучше посидим и поговорим здесь, на воздухе?

Прейд. На воздухе будет гораздо приятнее, как вы думаете?

Виви. Ну, так я пойду принесу вам стул. *(Идет к крыльцу за садовым стулом.)*

Прейд *(следует за ней)*. Ради бога! Позвольте мне. *(Завладевает стулом.)*

Виви *(выпуская стул из рук)*. Берегите пальцы; они довольно-таки каверзные, эти стулья. *(Идет к стулу, на котором лежат книги, сбрасывает их в гамак и одним движением руки переставляет стул вперед.)*

Прейд *(кое-как справившись с раскладным стулом)*. Позвольте мне взять этот жесткий стул. Я люблю жесткие стулья.

Виви. Я тоже люблю. Садитесь, мистер Прейд. *(Приглашение звучит добродушно-повелительно — очевидно, его старание угодить кажется ей просто слабостью характера.)*

Прейд медлит.

Прейд. А не лучше ли нам пойти на станцию встречать вашу матушку?

Виви *(равнодушно)*. Зачем? Дорогу она знает.

Прейд *(огорченно)*. Да, да, надо полагать. *(Садится.)*

Виви. А знаете ли, вы именно такой, как я думала. Надеюсь, мы с вами подружимся.

Прейд *(снова просияв)*. Благодарю вас, милая мисс Уоррен, благодарю вас. Боже мой! Как я рад, что ваша матушка не испортила вас!

Виви. Чем это?

Прейд. Ну, вас могли вырастить очень чопорной. Знаете, милая мисс Уоррен, я прирожденный анархист. Ненавижу всякий авторитет. Это портит отношения между родителями и детьми, даже между матерью и дочерью. Я всегда опасался, что ваша матушка злоупотребит своим авторитетом и воспитает вас в самых строгих приличиях. Как хорошо, что она этого не сделала.

Виви. А разве я вела себя неприлично?

Прейд. О нет, боже мой, нет! То есть это не то, что принято считать неприличным, вы же понимаете.

Виви кивает и садится.

(Прейд воодушевленно продолжает.) Но как вы это прелестно сказали, что хотите дружить со мной. Вы, современные девушки, замечательный народ, просто замечательный.

Виви. Да? *(Смотрит на него с сомнением, начиная разочаровываться в его уме и характере.)*

Прейд. Когда я был в вашем возрасте, юноши и девушки боялись друг друга; не было товарищеских отношений, ничего настоящего, одна галантность, взятая напрокат из романов, да и то фальшивая и вульгарная до последней

степени. Девическая скромность! Рыцарская галантность! Вечно говорили «нет», когда хотелось сказать «да», — сущий ад для чувствительных и робких натур!

Виви. Да, могу себе представить. Должно быть, много времени тратилось попусту, особенно у женщин.

Прейд. Да, тратилась попусту жизнь, время, все решительно. Но теперь все идет к лучшему. Знаете, после ваших блестящих успехов в Кембридже я был в таком волнении от предстоящего знакомства с вами, — в мое время это была неслыханная вещь. Как это хорошо, что вы заняли третье место на экзамене по математике. Именно третье. Первое место всегда занимает какой-нибудь рассеянный, чахлый юнец, который заучился чуть ли не до смерти.

Виви. Это себе дороже стоит. В другой раз я бы не взялась держать экзамен за такие деньги.

Прейд *(в ужасе)*. За какие деньги?

Виви. Я выдержала экзамен за пятьдесят фунтов.

Прейд. За пятьдесят фунтов?

Виви. Да, за пятьдесят фунтов. Вы, может быть, не знаете, как это было? Миссис Лейтем, моя преподавательница в Ньюнеме, сказала маме, что я могу отличиться на экзамене по математике, если возьмусь за дело всерьез. А тогда газеты наперебой кричали о Филиппе Саммерс, которая отвоевала первое место по математике — да вы, верно, помните, — вот мама и вбила себе в голову, что я должна сделать то же самое. Я сказала ей напрямик, что не стоит тратить время на зубрежку, раз я не собираюсь идти в учительницы, но что за пятьдесят фунтов попробую занять четвертое или пятое место. На этом мы с ней и порешили, хотя без воркотни не обошлось. Я сделала больше, чем обещала, но в другой раз за такие деньги не возьмусь. За двести фунтов — еще куда ни шло.

Прейд *(значительно остыв)*. Боже правый! Какой практический взгляд на вещи!

Виви. А вы разве думали, что я непрактичная?

Прейд. Нет, нет, что вы. Но ведь практический человек должен принять в соображение, что эта высокая честь не только стоит труда, но и духовно обогащает человека!

Виви. Обогащает! Дорогой мистер Прейд, да знаете ли вы, что такое экзамен по математике? Надо зубрить, зубрить и зубрить, по шести, по восьми часов в день математику, и только математику. Предполагается, что я что-то смыслю в точных науках; но я не знаю ровно ничего, кроме того, что относится к математике. Я умею делать рас-

четы для инженеров, электриков, страховых обществ и так далее; но я почти ничего не смыслю ни в технике, ни в электричестве, ни в страховании. Я даже арифметики не знаю как следует. Во всем остальном, кроме математики, тенниса, еды, спанья, езды на велосипеде и ходьбы пешком, я круглая невежда, не лучше других девушек, которые не сдавали математики.

Прейд *(в возмущении)*. Какая дикая, гнусная, подлая система! Я так и знал! Я всегда чувствовал, что она должна губить в женщине все прекрасное...

Виви. Ну, против этого я ничуть не возражаю. Мне это только на пользу, уверяю вас.

Прейд. Ну! Каким это образом?

Виви. Я хочу снять контору в Сити и заняться страховыми расчетами и делами по передаче имущества. Это будет для меня предлогом изучить юриспруденцию и между делом приглядеться к бирже. Я приехала сюда, чтобы на свободе позаниматься правом, а не отдыхать, как воображает моя мамаша. Терпеть не могу отдыхать.

Прейд. Вас послушать — волосы становятся дыбом! Неужели в вашей жизни совсем нет места ни романтике, ни красоте?

Виви. Мне до них никакого дела нет, уверяю вас.

Прейд. Не может быть.

Виви. Нет, почему же. Я люблю работать, люблю получать деньги за свою работу. Когда устану, люблю удобное кресло, хорошую сигару, стаканчик виски и детективный роман с занимательной интригой.

Прейд *(вскакивает вне себя от возмущения)*. Не верю! Я художник, и я не могу этому поверить, отказываюсь верить. Вы, я вижу, еще не знаете, какой чудесный мир открывает перед нами искусство.

Виви. Да нет, знаю. Весной я прожила полтора месяца в Лондоне у Онории Фрейзер. Мама думала, что мы вдвоем бегаем по театрам и музеям, а на самом деле я целыми днями работала у Онории на Чансери-лейн, делала для нее расчеты, помогала ей, насколько это возможно для новичка. По вечерам мы курили и разговаривали и даже не думали никуда выходить, разве только на прогулку. Я замечательно провела время, просто как никогда. Оправдала все свои расходы, да еще познакомилась с делом, не платя за обучение.

Прейд. Но, боже правый, при чем же тут искусство, мисс Уоррен?

Виви. Постойте! Я не так начала. Я приехала в город по приглашению одного артистического семейства на Фицджонз-авеню; с одной из дочерей я училась в Ньюнеме. Они водили меня в Национальную галерею...

Прейд *(одобрительно)*. Ага! *(Успокоившись, садится на место.)*

Виви *(продолжает)*. ...в оперу...

Прейд *(еще более довольный)*. Отлично!

Виви. ...и на концерт; там оркестр целый вечер играл Бетховена, Вагнера и тому подобное. Во второй раз я ни за какие коврижки не пошла бы. Из вежливости я терпела три дня, а потом сказала напрямик, что больше не в состоянии выдержать, и уехала на Чансери-лейн. Теперь вы видите, какая перед вами замечательная современная девица. Как вы думаете, полажу я с матерью?

Прейд *(растерявшись)*. Ну, я надеюсь, э... э...

Виви. Нет, мне не так уж важно, на что вы надеетесь, а вот что вы думаете, это я хотела бы знать.

Прейд. Откровенно говоря, боюсь, что ваша матушка будет разочарована. Не то чтобы у вас были какие-нибудь недостатки, я вовсе не то хочу сказать... Но вы так не похожи на ее идеал.

Виви. На... что?

Прейд. На ее идеал.

Виви. То есть на тот идеал, каким она меня вообразила?

Прейд. Да.

Виви. Какой же у нее идеал?

Прейд. Вы, наверное, заметили, мисс Уоррен, что люди, недовольные собственным воспитанием, обычно думают, что жизнь станет лучше, если воспитывать молодежь по-другому. А жизнь вашей матушки была... э-э... как вы, вероятно, знаете...

Виви. Ничего я не знаю. С самого детства я живу в Англии, в школе, или в колледже, или у людей, которым платят за то, чтобы они обо мне заботились. Я всю свою жизнь провела среди чужих; моя мать жила то в Брюсселе, то в Вене и ни разу не позволила мне приехать к ней. Я вижу ее только тогда, когда она приезжает на несколько дней в Англию. Я не жалуюсь. Ко мне относились хорошо, все это было очень приятно, и денег было всегда много, а с ними легче живется. Но не воображайте, будто я что-нибудь знаю о моей матери. Я знаю гораздо меньше вашего.

Прейд *(чувствуя себя очень неловко)*. В таком случае..

(Умолкает, совершенно растерявшись, затем делает отчаянную попытку перейти на веселый тон.) К чему, однако, мы все это говорим! Разумеется, вы отлично поладите с вашей матушкой. *(Встает и любуется видом.)* У вас тут очаровательно!

Виви *(непреклонно)*. Вы сильно уклонились от темы, мистер Прейд. Почему же нам нельзя говорить о моей матери?

Прейд. Подумайте сами, мисс Виви. Ведь так естественно, что я считаю неудобным говорить о моей старой приятельнице с ее дочерью. У вас будет много случаев побеседовать об этом с ней самой, когда она приедет.

Виви. Нет, она тоже не захочет. *(Вставая.)* Что ж, вам виднее. Только вот что, мистер Прейд. Нам не обойтись без генерального сражения, когда мать узнает о моем плане основаться на Чансери-лейн.

Прейд *(сокрушенно)*. Боюсь, что не обойтись.

Виви. Я это сражение выиграю, потому что мне ничего не нужно, разве только на дорогу до Лондона, а там я начну зарабатывать на жизнь, помогая Онории. Кроме того, у меня нет никаких тайн, а у матери, кажется, есть. Я и это пущу в ход, если понадобится.

Прейд *(глубоко возмущенный)*. Нет, нет, ради бога! Этого никак нельзя.

Виви. Тогда скажите, почему нельзя.

Прейд. Право, ну как же это можно. Я обращаюсь к вашим лучшим чувствам.

Виви улыбается его сентиментальности.

Кроме того, вы, может быть, слишком много берете на себя. С вашей матушкой шутки плохи, если она рассердится.

Виви. Вы меня не запугаете, мистер Прейд. На Чансери-лейн я имела случай изучить двух-трех дам, очень похожих на мою матушку; они приходили за советом к Онории. Можете держать пари, я непременно выиграю. Но если я, по неведению, задену больнее, чем рассчитывала, не забудьте, что вы сами отказались просветить меня. А теперь переменим тему. *(Берет стул и переставляет его обратно к гамаку, так же как и раньше, одним взмахом руки.)*

Прейд *(в отчаянии идет напролом)*. Одно слово, мисс Уоррен. Пожалуй, лучше сказать вам. Это очень нелегко, но...

К калитке подходят миссис Уоррен и сэр Джордж Крофтс. Миссис Уоррен — женщина лет

сорока пяти, видная собой, одета очень крикливо — в яркой шляпке и пестрой, в обтяжку кофточке с модными рукавами. Порядком избалованная и властная; пожалуй, слишком вульгарная, но в общем весьма представительная и добродушная старая мошенница. Крофтс — высокий, плотный мужчина лет пятидесяти; одет модно. Голос гнусавый, гораздо тоньше, чем можно ожидать, судя по его мощной фигуре. Гладко выбрит, бульдожьи челюсти, большие плоские уши, толстая шея — замечательное сочетание самых низкопробных разновидностей дельца, спортсмена и светского человека.

Виви. Вот они. *(Встречает их у калитки.)* Здравствуй, мама. Мистер Прейд уже полчаса тебя дожидается.

Миссис Уоррен. Ну, если вам пришлось ждать, Предди, вы сами виноваты: я думала, у вас хватит догадки сообразить, что я поеду с поездом в три десять. Виви, надень шляпу, деточка, ты загоришь. Ах, я забыла познакомить вас. Сэр Джордж Крофтс; моя маленькая Виви.

Крофтс подходит к Виви с самым галантным видом, на какой способен. Она кланяется, не подавая ему руки.

Крофтс. Могу ли я пожать руку молодой особе, с которой я очень давно знаком понаслышке, как с дочерью одной из самых моих старинных приятельниц?

Виви *(недружелюбно меряя его взглядом)*. Если хотите. *(Берет галантно протянутую ей руку и жмет с такой силой, что у Крофтса глаза лезут на лоб; потом отворачивается и говорит матери.)* Хотите войти в дом или принести вам еще пару стульев? *(Идет к крыльцу за стульями.)*

Миссис Уоррен. Ну, Джордж, что вы о ней думаете?

Крофтс *(жалобно)*. Хватка у нее крепкая. Вы с ней за руку здоровались, Прейд?

Прейд. Ничего, это скоро пройдет.

Крофтс. Надеюсь.

Виви несет еще два стула.

(Спешит ей помочь.) Разрешите мне.

Миссис Уоррен *(покровительственно)*. Пускай сэр Джордж тебе поможет, милочка.

Виви *(сует ему оба стула)*. Вот вам. *(Вытирает руки и обращается к миссис Уоррен.)* Будете пить чай?

Миссис Уоррен *(садится на стул Прейда и обмахивается веером)*. Просто умираю, до того хочется пить.

Виви. Сейчас я все устрою. *(Входит в коттедж.)*

Тем временем сэр Джордж раскладывает один из стульев и ставит его возле миссис Уоррен, слева. Второй стул он бросает на траву, садится и сосет набалдашник. Вид у него удрученный и довольно глупый. Прейд, все еще чувствуя себя очень неловко, топчется справа от них.

Миссис Уоррен *(Прейду, глядя на Крофтса)*. Поглядите-ка на него, Предди, просто сердце радуется, верно? Он приставал ко мне целых три года, всю жизнь мне отравил, чтобы я ему показала мою девочку; а теперь, когда его познакомили, он и нос на квинту. *(С живостью.)* Ну же! Сядьте прямо, Джордж, и выньте палку изо рта.

Крофтс неохотно подчиняется.

Прейд. Вот что я хочу сказать, если мне будет дозволено: нам пора уже бросить эту привычку считать ее маленькой девочкой. Она выдержала экзамен с отличием; да и, насколько я убедился, она, пожалуй, взрослее нас с вами.

Миссис Уоррен *(весело смеется)*. Послушайте-ка его, Джордж! Взрослее нас с вами! Ну, я вижу, Виви успела вам внушить, какая она важная особа.

Прейд. Молодежь очень ценит, когда к ней относятся с уважением.

Миссис Уоррен. Да, но из молодежи следует выбивать эту дурь и еще кое-что в придачу. Не вмешивайтесь, Предди. Я не хуже вашего знаю, как мне обращаться с моей дочерью.

Прейд, грустно качая головой, уходит в глубь сада, заложив руки за спину.

(Притворно смеется, однако глядит ему вслед с заметной тревогой. Крофтсу, шепотом.) Что с ним такое? Чего это он расстроился?

Крофтс *(угрюмо)*. Вы боитесь Прейда?

Миссис Уоррен. Что? Я? Боюсь нашего милейшего Предди? Да его ни одна муха не боится.

Крофтс. А вот вы его боитесь.

Миссис Уоррен *(сердито)*. Я попрошу вас не соваться куда не следует и не срывать зло на мне, когда вы не в духе. Вас-то уж я ни в коем случае не боюсь. Если вы не желаете быть любезным, отправляйтесь лучше домой. *(Встает и, повернувшись к нему спиной, оказывается лицом к лицу с Прейдом.)* Ну, Предди, я же знаю, что всему

виной ваше доброе сердце. Вы боитесь, что я с ней буду резка.

Прейд. Милая Китти, вам кажется, что я обиделся. Напрасно вы так думаете, право напрасно. Ведь вы знаете, я подчас замечаю много такого, что ускользает от вас; и хотя вы никогда не слушаете моих советов, все же сознаетесь иногда, что следовало бы послушать.

Миссис Уоррен. Так что же вы заметили теперь?

Прейд. Только то, что Виви взрослая женщина. Пожалуйста, Китти, отнеситесь к ней со всем возможным уважением.

Миссис Уоррен *(искренне изумлена)*. С уважением! Относиться с уважением к моей собственной дочери? Еще чего не угодно ли?

Виви *(показывается в дверях коттеджа и зовет миссис Уоррен)*. Мама, не хотите ли до чая пройти в мою комнату?

Миссис Уоррен. Да, милая. *(Снисходительно улыбается Прейду и, проходя мимо него к крыльцу, треплет его по щеке.)* Не сердитесь, Предди. *(Входит в дом вслед за Виви.)*

Крофтс *(торопливо)*. Послушайте, Прейд!

Прейд. Да?

Крофтс. Я хочу задать вам довольно щекотливый вопрос.

Прейд. Пожалуйста. *(Берет стул миссис Уоррен и подсаживается вплотную к Крофтсу.)*

Крофтс. Правильно: они могут услышать нас из окна. Послушайте, Китти никогда не говорила вам, кто отец этой девушки?

Прейд. Никогда.

Крофтс. У вас нет подозрений, кто бы это мог быть?

Прейд. Ни малейших.

Крофтс *(не веря ни единому слову)*. Я, разумеется, понимаю, вы, быть может, считаете своей обязанностью молчать, если она вам даже что-нибудь и сказала. Но такое неопределенное положение очень неудобно, когда мы будем видеться с мисс Уоррен каждый день. Почем мы знаем, как нам следует к ней относиться?

Прейд. Не все ли это равно? Будем относиться к ней так, как она того заслуживает. Какое нам дело, кто был ее отец?

Крофтс *(подозрительно)*. Так, значит, вы знаете, кто он был?

Прейд *(с прорывающимся раздражением)*. Я же только что сказал, что не знаю. Разве вы не слышали?

Крофтс. Послушайте, Прейд... Ну, прошу вас, сделайте мне такое одолжение. Если вы знаете...

Протестующее движение со стороны Прейда.

Я только говорю, если вы знаете, вы могли бы хоть успокоить меня на ее счет. Дело в том, что меня влечет к ней.

Прейд *(сурово)*. Что вы этим хотите сказать?

Крофтс. О, не пугайтесь: это вполне невинное чувство. Вот это-то меня и удивляет. Потому что, насколько мне известно, я и сам мог бы быть ее отцом.

Прейд. Вы? Не может быть!

Крофтс *(ловит его на слове)*. Вы наверное знаете, что это не я?

Прейд. Я ничего на этот счет не знаю, во всяком случае не больше вашего. В самом деле, Крофтс... да нет, это просто немыслимо. Ни малейшего сходства.

Крофтс. Ну, что до этого, так между ней и ее матерью тоже ни малейшего сходства, сколько я вижу. А может быть, вы ее отец, а?

Прейд *(возмущенно поднимаясь)*. Ну, знаете, Крофтс!

Крофтс. Почему же вы обижаетесь, Прейд! Ведь мы с вами люди светские.

Прейд *(сделав над собой усилие, говорит мягко и серьезно)*. Выслушайте меня, дорогой Крофтс. *(Снова садится.)* Я не имею никакого отношения к этой стороне жизни миссис Уоррен и никогда не имел. Она не говорила со мной на эту тему, а я, разумеется, ее не расспрашивал. Ваше чутье подскажет вам, что красивая женщина нуждается в таких друзьях, которые... ну, скажем, дружили бы с ней на иных основаниях. Красота стала бы для нее проклятием, если б всегда действовала без промаха. А вы, вероятно, с Китти в более коротких отношениях: вы бы лучше сами ее спросили.

Крофтс. Я ее спрашивал, и не раз. Но она твердо решила ни с кем не делить свою дочь, и если бы это было можно, говорила бы, что у нее совсем нет отца. *(Вставая.)* Меня это очень беспокоит, Прейд.

Прейд *(тоже вставая)*. Ну что ж, во всяком случае по возрасту вы ей годитесь в отцы, а потому давайте решим относиться к мисс Виви по-отечески, как к молоденькой девушке, которую оба мы обязаны беречь и защищать. Ну, что вы на это скажете?

Крофтс *(ворчливо)*. Я не старше вас, если уж на то пошло.

Прейд. Нет, мой милый, вы старше; вы родились стариком. А я родился мальчишкой; я никогда в жизни не был уверен в себе, как полагается взрослому человеку. *(Складывает стул и несет на крыльцо.)*

Миссис Уоррен *(зовет из коттеджа)*. Предди! Джордж! Чай пи-и-ть!

Крофтс *(торопливо)*. Она нас зовет. *(Быстро входит в дом.)*

Прейд озабоченно качает головой и не спеша идет вслед за ним, но тут его окликает молодой человек, который только что появился на лугу и направляется к калитке. Это очень милый молодой человек лет двадцати, красивый, изящно одетый и совершенно ни к чему не пригодный, с приятным голосом и добродушно-фамильярными манерами; в руках у него охотничье ружье.

Молодой человек. Эй, Прейд!

Прейд. Боже мой, Фрэнк Гарднер?

Фрэнк входит в сад и дружески здоровается с Прейдом.

Что вы здесь делаете?

Фрэнк. Я в гостях у папы.

Прейд. У папы римского?

Фрэнк. Да, он здешний пастор. Этой осенью я живу у своих, экономии ради. В июле я дошел до точки. Папе римскому пришлось заплатить за меня долги. Поэтому он сидит теперь на мели, и я вместе с ним. А вас как сюда занесло? У вас тут есть знакомые?

Прейд. Да, я приехал в гости к мисс Уоррен.

Фрэнк *(с восторгом.)* Как? Да разве вы знаете Виви? Это такая прелесть! Я учу ее стрелять – видите? *(Показывает ружье.)* Очень рад, что она с вами знакома; вы как раз подходящее для нее знакомство. *(Улыбается, и его приятный голос становится певучим, когда он восклицает.)* Нет, как это здорово, что вы здесь, Предди!

Прейд. Я старый знакомый ее матушки. Миссис Уоррен пригласила меня сюда, чтобы познакомить с дочерью.

Фрэнк. Ее матушка? Да разве она здесь?

Прейд. Да, в доме, пьет чай.

Миссис Уоррен *(зовет из глубины дома)*. Предд-и-и! Пирог остынет!

Прейд *(отзывается)*. Да, миссис Уоррен. Сию минуту. Я встретил знакомого.

Миссис Уоррен. Кого?

Прейд *(громче)*. Знакомого.

Миссис Уоррен. Ведите его сюда.

Прейд. Хорошо. *(Фрэнку.)* Ну как? Принимаете приглашение?

Фрэнк *(с сомнением, но заранее радуясь)*. Это и есть мамаша Виви?

Прейд. Да.

Фрэнк. Ну и ну! Вот так потеха! Как, по-вашему, я ей понравлюсь?

Прейд. Не сомневаюсь, что вы и здесь, как везде, добьетесь успеха. Войдите и попробуйте. *(Идет к двери.)*

Фрэнк. Постойте. *(Серьезно.)* Я хочу вам доверить тайну.

Прейд. Не надо. Опять какая-нибудь новая глупость, вроде той кельнерши в Редхилле.

Фрэнк. Ну нет, это куда серьезнее. Скажите, вы только сегодня познакомились с Виви?

Прейд. Да.

Фрэнк *(восторженно)*. Ну, так вы понятия не имеете, что это за девушка! Какой характер! Какой здравый смысл! А какая умница! Нет, Прейд, это такая умница, скажу я вам! И к тому же... надо ли вам говорить... влюблена в меня.

Крофтс *(высовывается из окна)*. Послушайте, Прейд, где вы там застряли? Идите сюда. *(Скрывается.)*

Фрэнк. Ну и тип! На собачьей выставке ему наверняка дали бы приз. Кто это такой?

Прейд. Сэр Джордж Крофтс, старый знакомый миссис Уоррен. Идемте скорее в дом.

По дороге к дому их останавливает оклик из-за калитки. Они оборачиваются: через забор на них смотрит пожилой пастор.

Пастор *(зовет)*. Фрэнк!

Фрэнк. Да! *(Прейду.)* Папа римский. *(Пастору.)* Да, да, родитель, сейчас иду, хорошо. *(Прейду.)* Послушайте, Прейд, ступайте-ка вы пить чай. Я скоро приду.

Прейд. Очень хорошо. *(Входит в дом.)*

Пастор стоит, облокотившись на калитку. Достопочтенному Сэмюэлю Гарднеру, пастору англиканской церкви, за пятьдесят. Внешне это претенциозный, шумливый, надоедливый человек. По существу — отмирающее социальное явление: сын-неудачник, пристроенный отцом к духовному сословию. Он тщетно пытается утвердить свой авторитет главы семейства и пастыря церкви и не способен внушить к себе уважение ни в той, ни в другой роли.

Пастор. Ну, сэр? С кем вы тут водите знакомство, позвольте вас спросить?

Фрэнк. Ничего, родитель, все в порядке, идите сюда.

Пастор. Нет, сэр, не войду, пока не узнаю, чей это сад.

Фрэнк. Ничего, ничего. Это сад мисс Уоррен.

Пастор. Она, кажется, ни разу не заглянула в церковь, как приехала.

Фрэнк. Ну конечно; она передовая женщина и в науках ушла дальше вас, отличилась по математике; зачем же она пойдет слушать вашу проповедь?

Пастор. Что за неуважение, сэр?

Фрэнк. Не беда, нас никто не слышит. Входите. *(Открывает калитку и бесцеремонно втаскивает отца в сад.)* Я хочу вас с ней познакомить. Родитель, вы помните, что вы мне советовали в июле?

Пастор *(строго.)* Да, помню. Я советовал вам преодолеть свою лень и ветреность, избрать себе достойную профессию и работать, для того чтобы не сидеть на моей шее, а жить своим трудом.

Фрэнк. Нет, это вы придумали после. А тогда вы сказали, что так как у меня нет ни ума, ни денег, то мне всего лучше будет воспользоваться моей красотой и жениться на какой-нибудь особе, у которой имеется и то и другое. Ну, так вот. Мисс Уоррен умна — этого вы не можете отрицать.

Пастор. Одного ума тут мало.

Фрэнк. Разумеется, мало; есть и деньги.

Пастор *(сурово прерывает его)*. Я думал не о деньгах, сэр. Я имел в виду нечто не столь низменное — например, общественное положение.

Фрэнк. Я за ним не гонюсь.

Пастор. А я гонюсь, сэр.

Фрэнк. Вас никто и не просит на ней жениться. Во всяком случае, она заняла в Кембридже одно из первых мест, и денег у нее, кажется, сколько угодно.

Пастор *(снисходит до попытки сострить)*. Очень сомневаюсь, чтобы у нее было столько денег, сколько вам требуется.

Фрэнк. Ну что вы, я вовсе уж не такой расточитель. Живу я очень скромно — не пью, почти не держу пари и не жуирую напропалую, как вы жуировали в мои годы.

Пастор *(грозно, но без достаточной уверенности)*. Молчать, сэр!

Фрэнк. Когда я свалял дурака из-за той кельнерши в Редхил-

ле, вы же сами мне говорили, что предлагали одной даме пятьдесят фунтов за ваши письма к ней...

Пастор *(в ужасе)*. Ш-ш-ш, Фрэнк, ради бога! *(Боязливо оглядывается по сторонам. Уверившись, что никто не подслушивает, опять собирается с духом и начинает грозно, но более пониженным тоном.)* Ты поступаешь не по-джентльменски. Ты пользуешься тем, что я доверил тебе для твоего же блага, чтобы спасти тебя от ошибки, в которой ты каялся бы всю жизнь. Не повторяй ошибок твоего отца и не оправдывай ими своих собственных.

Фрэнк. Вы слышали анекдот насчет писем герцога Веллингтона?

Пастор. Нет, не слышал и слышать не желаю.

Фрэнк. Железный герцог не выбросил на ветер пятьдесят фунтов, старик был не из таковских. Он просто-напросто написал: «Дорогая Дженни! Печатай, черт с тобой. Твой любящий Веллингтон». Вот бы и вам так.

Пастор *(жалобно)*. Фрэнк, мой мальчик, написав эти письма, я оказался во власти этой женщины. А рассказав тебе о них, я, к сожалению, очутился до некоторой степени в твоей власти. Она не взяла денег, и я никогда не забуду ее слов: «Знание – сила, и я его не продам». С тех пор прошло больше двадцати лет, а она так и не воспользовалась своей властью и не доставила мне ни минуты беспокойства. Ты со мной поступаешь хуже, чем она, Фрэнк.

Фрэнк. Ну еще бы! Ведь вы ее не допекали каждый день проповедями, как допекаете меня.

Пастор *(уязвленный чуть ли не до слез)*. Прощайте, сэр. Вы неисправимы. *(Идет к калитке.)*

Фрэнк *(нисколько не растроганный)*. Скажите там, что я не вернусь домой к чаю, сделайте мне такое одолжение, родитель! *(Идет к дому.)*

Навстречу ему выходит Виви, за ней Прейд.

Виви *(Фрэнку)*. Это ваш отец, Фрэнк? Я очень хочу с ним познакомиться.

Фрэнк. Разумеется. *(Кричит вслед отцу.)* Родитель! Постойте!

Достопочтенный Сэмюэль у калитки оборачивается, растерянно хватаясь за шляпу. Прейд подходит с другой стороны сада и заранее сияет, предвидя обмен любезностями.

Позвольте познакомить вас: мой отец – мисс Уоррен.

Вивн *(подходит к пастору и пожимает ему руку)*. Очень рада видеть вас, мистер Гарднер. *(Зовет, обращаясь в сторону коттеджа.)* Мама, подите сюда, вы нам нужны.

Миссис Уоррен появляется на пороге и, узнав пастора, на мгновение застывает от неожиданности.

Вивн *(продолжает)*. Позвольте вас познакомить...

Миссис Уоррен *(налетая на достопочтенного Сэмюэля)*. Да ведь это Сэм Гарднер! Скажите пожалуйста, пастором стал! Вот так так! Не узнаете нас, Сэм! Это Джордж Крофтс, собственной персоной, только вдвое толще прежнего. А меня вы помните?

Пастор *(весь побагровев)*. Я, право... э-э...

Миссис Уоррен. Ну, конечно помните. У меня до сих пор хранится пачка ваших писем, я недавно на них наткнулась.

Пастор *(готовый провалиться сквозь землю)*. Мисс Вавасур, кажется?

Миссис Уоррен *(быстро останавливает его громким шепотом)*. Ш-ш! Что вы! Миссис Уоррен... разве вы не видите, что здесь моя дочь?

В коттедже, после захода солнца. Если смотреть изнутри дома на восток, а не снаружи на запад, то решетчатое окно с задернутыми занавесками приходится посредине передней стены коттеджа, а входная дверь — слева. В боковой стене слева дверь, ведущая в кухню. В глубине, у той же стены, буфет, на нем спички и свеча; рядом, прислоненное к полке, стоит ружье Фрэнка. Посредине комнаты стол с зажженной лампой. Книги и бумаги Виви лежат на другом столе, у стены, справа от окна. Камин, с правой стороны широкая скамья; огня в камине нет. Два стула стоят справа и слева от стола. Дверь коттеджа открывается; видно, что на дворе звездная ночь. Входит миссис Уоррен, закутанная в шаль Виви, за ней идет Фрэнк. Она устала, ей надоело гулять, и она с облегчением вздыхает; откалывает шляпу, снимает ее, втыкает булавку в тулью и кладет шляпу на стол. Фрэнк швыряет кепи на подоконник.

Миссис Уоррен. О господи! Не знаю, право, что на даче хуже — гулять или сидеть дома сложа руки? Я бы с удовольствием выпила виски с содовой, если б оно водилось в здешних местах.

Фрэнк. Может быть, у Виви найдется?

Миссис Уоррен. Какие глупости! На что может понадобиться виски такой молоденькой девушке? Ну да ладно, не беда. Удивляюсь, как она может здесь жить! Эх, вот бы сейчас очутиться в Вене!

Фрэнк. Поедемте со мной в Вену. *(Помогает миссис Уоррен снять шаль и при этом галантно обнимает ее за плечи.)*

Миссис Уоррен. Да ну вас! Я вижу, яблоко от яблони недалеко падает.

Фрэнк. А что? Я напоминаю вам родителя? *(Вешает шаль на спинку стула и садится.)*

Миссис Уоррен. Не ваше дело. Что вы в этом смыслите? Вы же еще мальчишка. *(Отходит к камину, подальше от соблазна.)*

Фрэнк. Так едем со мной в Вену, а? Вот было бы весело.

Миссис Уоррен. Нет, спасибо. В Вене вам не место, сперва подрастите немножко. *(Кивком головы подчеркивает*

этот совет. Фрэнк делает жалобную гримасу, но глаза его смеются. Миссис Уоррен смотрит на него, потом встает и подходит ближе.) Послушайте-ка вы, мальчик! *(Берет его лицо в свои руки и повертывает к себе.)* Я вас наизусть знаю, потому что вы вылитый отец; знаю лучше, чем вы сами себя знаете. Так вот, выкиньте меня из головы, оставьте эти глупости. Слышите?

Фрэнк *(нежным голосом, стараясь пленить ее)*. Ничего не могу с собой поделать, миссис Уоррен: это у нас фамильное.

Миссис Уоррен делает вид, что хочет надрать ему уши, с минуту смотрит на красивое, улыбающееся лицо Фрэнка, борясь с искушением, наконец целует его и сейчас же отворачивается, сердясь на самое себя.

Миссис Уоррен. Ну вот! Не надо было этого делать. Какая же я дрянь. Ничего, мой милый, не придавайте значения: это материнский поцелуй. Подите поухаживайте за Виви.

Фрэнк. Я и так ухаживаю.

Миссис Уоррен *(резко оборачиваясь к нему, с тревогой в голосе)*. Что-о?

Фрэнк. Мы с Виви большие приятели.

Миссис Уоррен. В каком это смысле? Вот что я вам скажу: я не желаю, чтобы всякий беспутный мальчишка заигрывал с моей дочерью. Слышите? Не желаю.

Фрэнк *(нисколько не смущаясь)*. Дорогая миссис Уоррен, не тревожьтесь. У меня честные намерения, в высшей степени честные; а ваша дочка отлично может сама за себя постоять. Она куда меньше нуждается в присмотре, чем ее мамаша. Она, знаете ли, не такая красивая.

Миссис Уоррен *(растерявшись от такой наглости)*. Ну и нахал, просто клейма негде поставить! Не знаю, откуда это у вас,— только уж не от папаши. Так помните: я вас предупредила.

Крофтс и достопочтенный Сэмюэль входят из сада, беседуя.

Ну, куда вы оба пропали? А где Предди и Виви?

Крофтс *(кладя шляпу на скамью, а трость ставя к камину)*. Они поднялись на гору. А мы ходили в деревню. Мне захотелось выпить. *(Садится на скамью и кладет ноги на сиденье.)*

Миссис Уоррен. Как же это она ушла, не сказавши мне? *(Фрэнку.)* Подайте отцу стул, Фрэнк. Что за манеры?

Фрэнк вскакивает и с изящным поклоном уступает отцу свой стул; берет другой стул, у стены, ставит его к столу и садится между отцом — справа и миссис Уоррен — слева.

Джордж, а где же вы будете ночевать? Здесь вам оставаться нельзя. И куда денется Предди?

Крофтс. Меня берет к себе Гарднер.

Миссис Уоррен. Ну конечно, о себе вы позаботились. А как же Предди?

Крофтс. Не знаю. По-моему, он может переночевать в гостинице.

Миссис Уоррен. У вас не найдется для него места, Сэм?

Пастор. Э-э... видите ли, в качестве здешнего пастора я не могу поступать так, как мне лично нравится. Э-э... какое общественное положение занимает мистер Прейд?

Миссис Уоррен. Успокойтесь, он архитектор. Вы сущее ископаемое, Сэм!

Фрэнк. Да, можете быть спокойны, родитель. Он строил это поместье в Уэлсе для герцога... как его, Кернарвонский замок, что ли... Да вы, верно, знаете. *(Подмигивает миссис Уоррен и как ни в чем не бывало переводит взгляд на отца.)*

Пастор. Ах, в таком случае мы, разумеется, будем очень рады! Я полагаю, он лично знаком с герцогом?

Фрэнк. Ну еще бы, как нельзя лучше! Мы его упрячем в бывшую комнату Джорджины.

Миссис Уоррен. Ну, значит, это улажено. Хоть бы они поскорей приходили; надо ужинать. Что за прогулки, когда ночь на дворе.

Крофтс *(ворчливо)*. А вам какая беда?

Миссис Уоррен. Беда или не беда, мне это не нравится.

Фрэнк. Лучше не дожидаться их, миссис Уоррен. Прейда теперь силком не загонишь. Ведь он понятия не имел, что значит бродить в летнюю ночь среди вереска с моей Виви.

Крофтс *(от изумления спускает ноги и садится как следует)*. Послушайте! Нельзя ли полегче?

Пастор *(в испуге забывает о профессиональных манерах и говорит с искренним чувством и силой)*. Фрэнк, раз и навсегда, об этом не может быть и речи. Миссис Уоррен тебе скажет, что об этом нечего и думать.

Крофтс. Разумеется, нечего.

Фрэнк *(с чарующим спокойствием)*. Это верно, миссис Уоррен?

Миссис Уоррен *(в раздумье)*. Право, Сэм, я не знаю. Если девочка хочет выйти замуж, что толку ее удерживать.

Пастор *(пораженный)*. Но выйти за него! Вашей дочери за моего сына! Подумайте сами: это невозможно.

Крофтс. Разумеется, невозможно. Выкиньте это из головы, Китти.

Миссис Уоррен *(сердито)*. Почему это! Разве моя дочь недостаточно хороша для его сына?

Пастор. Но, право же, дорогая миссис Уоррен, вы сами знаете причину...

Миссис Уоррен *(с вызовом)*. Не знаю я никаких причин. А если вы знаете, расскажите Фрэнку, или Виви, или вашим прихожанам, коли хотите.

Пастор *(беспомощно откидываясь на спинку стула)*. Вы прекрасно знаете, что я никому не могу сказать. Но мой сын поверит мне, если я ему скажу, что такие причины есть.

Фрэнк. Совершенно верно, папочка, он вам поверит. Но когда же ваши доводы влияли на поведение вашего сына?

Крофтс. Вы не можете на ней жениться, вот и все. *(Встает, подходит к камину и становится к Фрэнку спиной, решительно, нахмурившись.)*

Миссис Уоррен *(резко набрасывается на Крофтса)*. Вам-то до этого какое дело, скажите, пожалуйста?

Фрэнк *(в самом нежном лирическом тоне)*. Именно это я и сам собирался спросить, только по-своему, более деликатно.

Крофтс *(к миссис Уоррен)*. Я полагаю, вы не захотите выдать девушку за человека моложе ее самой, без профессии и без гроша в кармане. Спросите Сэма, если вы мне не верите. *(Пастору.)* Много ли вы собираетесь дать вашему сыну?

Пастор. Ничего больше не дам. Он уже получил свою долю и в июле истратил последнее.

Лицо миссис Уоррен вытягивается.

Крофтс *(наблюдает за ней)*. Ну что? Я же вам говорил. *(Опять садится на скамью и кладет ноги на сиденье, по-видимому считая вопрос решенным.)*

Фрэнк *(жалобно)*. Все это так меркантильно. Неужели вы думаете, что мисс Уоррен выйдет замуж ради денег? Если мы любим друг друга...

Миссис Уоррен. Благодарю вас. Ваша любовь недорого стоит, мой милый. Если у вас нет средств содержать жену, то это решает дело: Виви вам не достанется.

Фрэнк *(посмеиваясь)*. А вы что скажете, родитель?

Пастор. Я согласен с миссис Уоррен.

Фрэнк. А наш милейший Крофтс уже выразил свое мнение.

Крофтс *(сердито поворачивается, опираясь на локоть)*. Вот что: мне надоели ваши дерзости.

Фрэнк *(колко)*. Очень жаль, что приходится вас осадить, Крофтс, но вы сейчас позволили себе говорить со мной по-отечески. Мне и одного отца за глаза довольно, благодарю вас.

Крофтс *(презрительно)*. Пф! *(Опять отворачивается.)*

Фрэнк *(вставая)*. Миссис Уоррен, я не могу отказаться от моей Виви даже ради вас.

Миссис Уоррен *(ворчит)*. Негодный мальчишка!

Фрэнк *(продолжает)*. И так как у вас, насколько я понимаю, другие виды, то я сию минуту объяснюсь с Виви.

Остальные смотрят на него во все глаза.

(Начинает декламировать.)

Судьбы страшится только тот,
Кто слишком осторожен;
А тот, кто смел, на все идет
И все отдаст – иль все возьмет.

Во время декламации дверь отворяется: входят Прейд и Виви. Фрэнк умолкает. Прейд кладет шляпу на буфет. Манеры всего общества мгновенно изменяются к лучшему. Крофтс снимает ноги со скамьи и садится как следует, уступая Прейду место рядом с собою. Миссис Уоррен тоже подтягивается и отводит душу в воркотне.

Миссис Уоррен. Где ты была, Виви?

Виви *(снимает шляпу и небрежно бросает ее на стол)*. На холме.

Миссис Уоррен. Как же ты ушла, не сказавшись мне? Почем я знаю, куда ты девалась? А тут еще ночь на дворе!

Виви *(подходит к двери в кухню и отворяет ее, не обращая внимания на мать)*. Как насчет ужина?

Все, кроме миссис Уоррен, встают.

Боюсь, что нам здесь будет тесновато.

Миссис Уоррен. Ты слышишь, что я говорю, Виви?

Вивн *(спокойно)*. Да, слышу. *(Возвращаясь к вопросу об ужине.)* Сколько нас тут? *(Считает.)* Один, два, три, четыре, пять, шесть. Ну что ж, двоим придется подождать, пока остальные кончат: у миссис Элисон всего четыре прибора.

Прейд. О, не беспокойтесь обо мне, я...

Вивн. Вы долго гуляли и проголодались, мистер Прейд; вы сейчас же сядете ужинать. Сама я могу подождать. Кто-нибудь один составит мне компанию. Фрэнк, вы хотите есть?

Фрэнк. Совсем не хочу... окончательно потерял аппетит, по правде говоря.

Миссис Уоррен. Вы тоже не голодны, Джордж. Вы можете подождать.

Крофтс. Да, как бы не так, я после чая еще ничего не ел. Может быть, Сэм подождет?

Фрэнк. Вы хотите уморить голодом моего бедного папу?

Пастор *(недовольно)*. Позвольте мне говорить самому за себя, сэр. Я с удовольствием подожду.

Вивн *(решительно)*. Это совсем не нужно. Ждать придется только двоим. *(Распахивает дверь в кухню.)* Мистер Гарднер, дайте руку маме.

Достопочтенный Сэмюэль ведет миссис Уоррен в кухню, за ними следуют Прейд и Крофтс. Все, кроме Прейда, явно недовольны таким порядком действий, но не знают, как ему воспротивиться. Вивн стоит в дверях и смотрит на них.

Вы можете протиснуться в тот уголок, мистер Прейд? Это довольно трудно. Осторожней, не запачкайтесь об стенку – вот так. Ну как, теперь всем удобно?

Прейд *(из кухни)*. Вполне, благодарю вас.

Миссис Уоррен *(из столовой)*. Не закрывай двери, милая.

Вивн хочет возразить, но Фрэнк останавливает ее жестом, крадется на цыпочках к входной двери и бесшумно распахивает ее настежь.

Господи, какой сквозняк! Лучше закрой дверь, душенька.

Вивн хлопает дверью и, с неудовольствием заметив, что шляпа и шаль ее матери валяются на стуле, аккуратно складывает их на подоконник. Фрэнк бесшумно закрывает входную дверь.

Фрэнк *(торжествующе)*. Ага! Насилу отделались. Ну, Виввумс, как вам понравился мой родитель?

Виви *(задумчиво и серьезно)*. Я с ним и двух слов не сказала. По-моему, он пороху не выдумает.

Фрэнк. Нет, знаете ли, старик вовсе не так глуп, как кажется. Понимаете, он стал священником не по своей охоте и, стараясь выдержать эту роль, строит дурака и пересаливает при этом. Нет, родитель вовсе не так плох, бедняга. Вы не думайте, я его даже люблю. Намерения у него самые благие. Как по-вашему, вы с ним поладите?

Виви *(довольно сухо)*. Не думаю, чтобы в будущем мне пришлось иметь с ним дело, да и со всем кружком маминых старых друзей, исключая, пожалуй, Прейда. *(Садится на скамью.)* А как вам понравилась моя мать?

Фрэнк. По чистой совести?

Виви. По чистой совести.

Фрэнк. Что ж, она занятная. Только и штучка же, доложу я вам. А Крофтс!.. О боже ты мой, Крофтс! *(Усаживается рядом с Виви.)*

Виви. Ну и компания, Фрэнк!

Фрэнк. Ну и народец!

Виви *(со всей силой презрения)*. Если бы я думала, что буду такая же, что из меня выйдет пустельга, без единой мысли в голове, у которой только и забот, как бы убить время от завтрака до обеда и от обеда до ужина, пустельга без выдержки, без характера, я бы ни минуты не колебалась: вскрыла бы себе вены, и дело с концом.

Фрэнк. Нет, нет, не надо. К чему им себя утруждать, если они могут прожить и без забот? Хотел бы я, чтобы и мне так повезло. А вот что они не в форме, это мне не нравится. Опустились, ужасно опустились, это никуда не годится.

Виви. А вы думаете, что в старости будете лучше Крофтса, если не возьметесь за дело?

Фрэнк. Конечно, какое же может быть сравнение! К чему Виввумс читать нотации: ее мальчик неисправим. *(Нежно берет лицо Виви в свои руки.)*

Виви *(резко отводя его руки)*. Отстаньте. Виввумс сегодня не в настроении нежничать со своим мальчиком. *(Встает и переходит на другую сторону комнаты.)*

Фрэнк *(следуя за ней по пятам)*. Какая недобрая!

Виви *(топает на него)*. Перестаньте шутить. Я говорю серьезно.

Фрэнк. Хорошо. Подойдем к этому научно. Мисс Уоррен,

известно ли вам, что все передовые мыслители единогласно утверждают, будто бы значительная часть недугов современной цивилизации объясняется любовным голодом среди молодежи? Так вот я...

Виви *(резко прерывает его)*. Вы становитесь невыносимы. *(Отворяет дверь в кухню.)* Найдется у вас место для Фрэнка? Он жалуется на голод.

Миссис Уоррен *(из кухни)*. Конечно, найдется. *(Гремит ножами и стаканами, передвигая приборы.)* Вот, рядом со мной есть место. Идите сюда, мистер Фрэнк.

Фрэнк. Виввумс здорово достанется за это от ее мальчика. *(Уходит в кухню.)*

Миссис Уоррен *(из кухни)*. И ты тоже, Виви, иди сюда, деточка. Ты, верно, проголодалась.

Входит миссис Уоррен, за ней Крофтс, который с подчеркнутым уважением держит дверь открытой перед Виви. Она выходит, не глядя на него; Крофтс закрывает за ней дверь.

Как, Джордж, неужели вы поужинали? Вы же ничего не ели. Что это с вами случилось?

Крофтс. Мне хотелось только пить. *(Засовывает руки в карманы и начинает расхаживать по комнате, встревоженный и недовольный.)*

Миссис Уоррен. Уж на что я люблю поесть, но тут особенно не разойдешься: холодная говядина, сыр да салат. *(Вздыхает, словно не совсем сыта, и лениво усаживается на скамью у камина.)*

Крофтс. К чему вы поощряете этого щенка?

Миссис Уоррен *(сразу насторожившись)*. Послушайте, Джордж, что вам далась эта девочка? Я ведь заметила, как вы на нее смотрите. Не забывайте, что я вас знаю, мне понятно, что значат эти ваши взгляды.

Крофтс. Подумаешь беда, уж и посмотреть на нее нельзя?

Миссис Уоррен. Я бы вас выставила за дверь и спровадила обратно в Лондон, если бы заметила, что у вас на уме глупости. Мне один мизинец моей дочери дороже, чем вы со всеми вашими потрохами.

Крофтс отвечает ей насмешливой улыбкой. Миссис Уоррен, покраснев оттого, что не произвела впечатления в роли любящей матери, сбавляет тон.

Успокойтесь, у этого щенка не больше вашего шансов на успех.

Крофтс. Уж нельзя человеку проявить интерес к девушке!

Миссис Уоррен. Только не такому человеку, как вы.

Крофтс. Сколько ей лет?

Миссис Уоррен. Не ваше дело.

Крофтс. Почему вы из этого делаете тайну?

Миссис Уоррен. Потому что я так хочу.

Крофтс. Что ж, мне еще нет пятидесяти, мое состояние не уменьшилось...

Миссис Уоррен *(прерывает его)*. Ну еще бы! Вы хоть и кутила, а скаред...

Крофтс *(продолжает)* ...а баронеты не каждый день подвертываются под руку. Никто другой с моим положением в обществе не станет терпеть такую тещу, как вы. Почему бы ей не выйти за меня?

Миссис Уоррен. За вас?

Крофтс. Мы отлично зажили бы втроем. Я умру раньше, она останется эффектной вдовой с круглым капитальцем. Почему же нет? Это пришло мне в голову, пока я гулял тут с этим болваном.

Миссис Уоррен *(в возмущении)*. Да, да, только такое и приходит вам в голову!

Крофтс останавливается на полдороге, и оба они смотрят друг на друга: она — прямо в глаза, с презрительной миной, за которой таится страх, он — искоса, с плотоядным блеском в глазах, с циничной усмешкой искусителя.

Крофтс *(начинает беспокоиться и настаивать, видя, что миссис Уоррен не проявляет никакого сочувствия)*. Послушайте, Китти, вы рассудительная женщина, вам незачем прикидываться ханжой. Я ни о чем не спрашиваю, и вам не нужно отвечать. Я завещаю ей все мое состояние; а если вам лично понадобится чек в день свадьбы, можете сами назначить сумму... в пределах благоразумия.

Миссис Уоррен. И вы тем же кончили, Джордж, чем кончают все старые развалины!

Крофтс *(свирепо)*. Черт бы вас побрал!

Прежде чем миссис Уоррен успевает ему ответить, дверь из другой комнаты открывается; слышны приближающиеся голоса. Крофтс, не в силах овладеть собой, выбегает из коттеджа. Входит пастор.

Пастор *(оглядываясь по сторонам)*. А где же сэр Джордж?

Миссис Уоррен. Пошел выкурить трубку.

Пастор берет шляпу со стола и подсаживается к миссис Уоррен. Тем временем входит Виви, за ней Фрэнк, который бросается на первый попавшийся стул с видом крайнего утомления.

(Оглядывается на Виви и говорит, подчеркивая материнскую заботливость более обычного.) Ну, душенька, хорошо поужинала?

Виви. Вы же знаете, что такое ужины миссис Элисон. *(Обращается к Фрэнку, очень ласково.)* Бедняжечка Фрэнк! Неужели всю говядину съели? Неужели ему так-таки ничего и не досталось, кроме хлеба с сыром да имбирного пива? *(Серьезным тоном, словно решив, что шуток на сегодня довольно.)* Масло просто ужасное. Нужно будет заказать в лавке.

Фрэнк. Да, закажите, ради бога!

Виви подходит к письменному столу и делает пометку, чтобы не забыть заказать масло. Из кухни входит Прейд, пряча в карман платок, которым он пользовался вместо салфетки.

Пастор. Фрэнк, мой мальчик, нам пора домой. Твоя мать еще не знает, что у нас будут гости.

Прейд. Боюсь, что мы вас стесним.

Фрэнк. Нисколько, Прейд. Моя мать будет в восторге. Это истинно утонченная, художественная натура, и круглый год она не видит никого, кроме родителя; можете себе представить, каково ей здесь живется! Скучища смертная! *(Достопочтенному Сэмюэлю.)* Вы ведь не художественная натура, верно? Так вот, берите Прейда и ведите его домой; а я останусь здесь и побеседую с миссис Уоррен. Крофтса вы найдете в саду. Он составит отличную компанию нашему бульдогу.

Прейд *(берет с буфета шляпу и подходит к Фрэнку)*. Идемте с нами, Фрэнк. Миссис Уоррен давно не видела мисс Виви, а мы им не дали побыть ни минуты вместе.

Фрэнк *(расчувствовавшись, смотрит на Прейда с сентиментальным восхищением)*. Ну разумеется, я совсем забыл. Благодарю, что напомнили. Джентльмен с головы до пят, Предди! Всегда вы были моим идеалом, на всю жизнь! *(Поднимается с места, но на минуту останавливается между отцом и Прейдом и кладет руку на плечо Прейда.)* Ах, если б вы были моим отцом вместо этого

недостойного старика! *(Кладет другую руку на плечо отцу.)*

Пастор *(кипятится)*. Молчать, сэр, молчать! Не кощунствуйте.

Миссис Уоррен *(смеется от души)*. Вам надо держать его построже, Сэм. Доброй ночи. Вот передайте Джорджу его шляпу и палку с приветом от меня.

Пастор *(берет и то и другое)*. Спокойной ночи. *(Прощается. Проходя мимо Вивн, прощается с ней и пожимает ей руку, потом грозно командует Фрэнку.)* Домой, сэр, сию минуту домой! *(Уходит.)*

Миссис Уоррен. До свидания, Предди.

Прейд. До свидания, Китти. *(Дружески жмут друг другу руки и вместе выходят.)*

Миссис Уоррен провожает его до калитки.

Фрэнк. А поцеловаться?

Вивн. Нет. Я вас ненавижу. *(Берет книги и бумагу с письменного стола и садится с ними к другому столу, поближе к камину.)*

Фрэнк *(с гримасой)*. Жаль. *(Идет за ружьем и кепи.)*

Тем временем миссис Уоррен возвращается.

(Берет ее за руку.) Спокойной ночи, дорогая миссис Уоррен. *(Целует ей руку.)*

Миссис Уоррен выдергивает руку, поджав губы, и, как видно, очень не прочь надрать ему уши. Фрэнк лукаво смеется и выбегает, хлопнув дверью.

Миссис Уоррен *(покорившись мысли, что придется проскучать вечер без мужчин)*. Ну, видела ли ты когда-нибудь такого болтуна? Вот озорник! *(Садится за стол.)* Я думаю, милочка, ты напрасно его поощряешь. По-моему, он самый настоящий шалопай.

Вивн *(встает, чтобы взять еще несколько книг)*. Да, боюсь, что бедняжка Фрэнк действительно шалопай. Надо будет от него отделаться; но мне его жалко, хоть он этого и не стоит, бедный мальчик. Этот Крофтс, тоже, по-моему, не слишком приятная фигура, правда? *(Резким движением бросает книги на стол.)*

Миссис Уоррен *(уязвленная равнодушным тоном Вивн)*. Что ты знаешь о мужчинах, чтобы так о них разговаривать? Сэр Джордж – мой друг, ты теперь часто будешь его видеть, и тебе придется примириться с этим.

Вивн *(спокойно)*. Почему? *(Садится и раскрывает книгу.)*

Вы думаете, мы так уж часто будем бывать вместе? Я хочу сказать: мы с вами?

Миссис Уоррен *(смотрит на нее в изумлении)*. Конечно, до тех пор пока ты не выйдешь замуж. Ты ведь больше не вернешься в колледж.

Виви. Вы думаете, что мой образ жизни подойдет вам? Я в этом сомневаюсь.

Миссис Уоррен. Твой образ жизни! Что ты этим хочешь сказать?

Виви *(разрезая книгу ножом, висящим у нее на поясе)* Мама, вам никогда не приходило в голову, что у меня тоже есть свой образ жизни, как у других людей?

Миссис Уоррен. Что за вздор ты болтаешь? Тебе, должно быть, хочется показать свою независимость, раз ты стала такой важной особой у себя в школе. Не дури, милая.

Виви *(снисходительно)*. Больше вам нечего сказать по этому поводу, мама?

Миссис Уоррен *(растерянно, потом сердито)*. Что ты ко мне пристала? *(В бешенстве.)* Придержи язык!

Виви продолжает работать, не теряя времени.

Туда же, со своим образом жизни, скажите пожалуйста! Еще чего! *(Опять смотрит на Виви. Та не отвечает.)* Образ жизни у тебя будет такой, какой мне вздумается, вот и все.

Опять пауза.

То-то, я вижу, ты напустила на себя важность, с тех пор как выдержала этот самый экзамен... как он там у вас называется? Если ты думаешь, что я это буду терпеть, то ошибаешься; и чем скорей ты это поймешь, тем лучше. *(Бормочет.)* Больше мне нечего сказать по этому поводу. Ну-ну! *(Опять сердито повышает голос.)* Да вы знаете ли, с кем разговариваете, мисс?

Виви *(смотрит на нее через стол, не поднимая головы от книги)*. Нет, не знаю. Кто вы и что вы?

Миссис Уоррен *(встает, задыхаясь)*. Ах ты дрянь!

Виви. Моя репутация, мое общественное положение и профессия, которую я себе выбрала, всем известны. А мне о вас ничего не известно. Какой образ жизни вы приглашаете меня разделить с вами и сэром Джорджем Крофтсом, скажите, пожалуйста?

Миссис Уоррен. Смотри! Как бы я не сделала что-нибудь такое, о чем потом пожалею, да и ты тоже.

Виви *(спокойно и решительно отодвигая книги в сторону)*. Что ж, оставим этот разговор, пока вы не будете в состоянии вести его. *(Рассматривает мать критически.)* Вам нужно побольше ходить пешком и играть в теннис. Вы возмутительно опустились и не в форме; сегодня вы не могли сделать двадцати шагов в гору без одышки, а руки у вас сплошной жир. Смотрите, какие у меня руки. *(Показывает руки.)*

Миссис Уоррен *(беспомощно взглянув на нее, начинает хныкать)*. Виви...

Виви *(вскакивает с места)*. Пожалуйста, не начинайте плакать. Все, что угодно, только не это. Я совершенно не выношу слез. Я уйду из комнаты, если вы заплачете.

Миссис Уоррен *(жалобно)*. Моя дорогая, как можешь ты быть так резка со мной? Разве я не имею права на тебя как твоя мать?

Виви. А это верно, что вы моя мать?

Миссис Уоррен *(в ужасе)*. Верно ли, что я твоя мать? О Виви!

Виви. Тогда где же наши родные? Где мой отец, где друзья нашей семьи? Вы предъявляете права матери: право называть меня деточкой и глупышкой; говорить со мной в таком тоне, как ни одна преподавательница в колледже не смела со мной говорить; диктовать мне правила поведения и навязывать мне в знакомые скота, лондонского кутилу самого последнего разбора, — это всякому сразу видно. Я еще не оспариваю этих прав, я хочу сперва узнать, имеется ли для них реальное основание?

Миссис Уоррен *(в отчаянии бросается на колени)*. О нет, нет! Не надо, не надо! Я твоя мать! Я клянусь тебе! Не может быть, чтобы ты пошла против меня — ты, мое собственное дитя; не выродок же ты. Ты ведь веришь мне? Скажи, что ты мне веришь.

Виви. Кто мой отец?

Миссис Уоррен. Ты сама не знаешь, о чем ты спрашиваешь. Этого я не могу сказать.

Виви *(решительно)*. Нет, можете, если захотите. Я имею право знать, и вам очень хорошо известно, что я имею это право. Можете не говорить мне, если вам угодно, но в таком случае завтра утром мы с вами расстанемся навсегда.

Миссис Уоррен. Я не могу этого слышать, это ужасно! Ты не захочешь... ты не бросишь меня.

Виви *(непреклонно)*. Брошу, и не колеблясь ни минуты, если

вы не перестанете этим шутить. *(Вздрогнув от отвращения.)* Как могу я быть уверена, что в моих жилах не течет отравленная кровь этого прожигателя жизни?

Миссис Уоррен. Нет, нет! Клянусь, что это не он и не кто-нибудь другой из тех, кого ты знаешь. По крайней мере хоть в этом я уверена.

Вивн сурово взглядывает на мать, когда до нее доходит смысл этих слов.

Вивн *(с расстановкой)*. По крайней мере в этом вы уверены... Ага! Вы хотите сказать, что это — все, в чем вы уверены. *(Задумчиво.)* Понимаю.

Миссис Уоррен закрывает лицо руками.

Будет, мама, вы же ничего такого не чувствуете.

Миссис Уоррен опускает руки и жалостно взглядывает на Вивн.

(Достает часы из кармана и говорит.) Ну, на сегодня довольно. В котором часу подавать завтрак? В половине девятого не слишком рано для вас?

Миссис Уоррен *(вне себя)*. Боже мой, что ты за женщина?

Вивн *(хладнокровно)*. Женщина, каких очень много на свете, я надеюсь. Иначе не понимаю, как бы на этом свете делалось дело. Ну же! *(Берет мать за руки и решительно поднимает ее.)* Возьмите себя в руки. Вот так.

Миссис Уоррен *(ворчливо)*. Как ты груба со мной, Вивн.

Вивн. Пустяки. Не пора ли спать? Уже одиннадцатый час.

Миссис Уоррен *(с ожесточением)*. Что толку ложиться? Неужели ты думаешь, что я засну теперь?

Вивн. Почему же нет? Я засну.

Миссис Уоррен. Ты! У тебя нет сердца. *(Вдруг разражается бурной тирадой на естественном для нее языке женщины из простонародья,— махнув рукой на материнский авторитет и на светские условности и обретя новую силу в сознании собственной правоты.)* Нет, не могу я больше терпеть. Где же после этого справедливость? Какое ты имеешь право задирать нос передо мной? Ты передо мной хвастаешься, чем ты стала! Передо мной! А кто, как не я, тебе в этом помог? А мне кто помогал? Стыдно тебе! Ты дурная дочь, ханжа и гордячка!

Вивн *(садится, пожимая плечами, но без прежней уверенности; ее слова, которые за минуту до этого казались ей*

самой такими благоразумными и убедительными, звучат сухо и лицемерно по сравнению с той силой, которая слышится в тоне миссис Уоррен). Не думайте, ради бога, что я ставлю себя выше вас. Вы нападали на меня, пользуясь материнским авторитетом; я защищалась, пользуясь превосходством порядочной женщины. Скажу прямо, я не намерена терпеть ваши выходки; но если вы прекратите их, вам не придется терпеть от меня. У вас могут быть свои убеждения, свой образ жизни — это ваше право; я вам мешать не буду.

Миссис Уоррен. Мои убеждения, мой образ жизни! Вы послушайте ее только! Что же, по-твоему, я воспитывалась так же, как ты, могла привередничать и выбирать себе образ жизни? По-твоему, я потому на это пошла, что мне нравилась такая жизнь, или я думала, что так и следует, и не захотела бы поступить в колледж и стать образованной, если б у меня была возможность!

Виви. Какой-нибудь выбор есть у каждого. Не всякая девушка может стать королевой Англии или начальницей Ньюнемского колледжа, но даже самая бедная может стать либо тряпичницей, либо цветочницей, смотря по вкусу. Люди всегда сваливают вину на силу обстоятельств. Я не верю в силу обстоятельств. В этом мире добивается успеха только тот, кто ищет нужных ему условий и, если не находит, создает их сам.

Миссис Уоррен. На словах все легко, очень легко, а вот не хочешь ли, я тебе расскажу, какие были у меня условия?

Виви. Да, расскажите. Может быть, вы сядете?

Миссис Уоррен. Сяду, сяду, не беспокойся. *(С ожесточенной энергией выдвигает стул вперед и садится.)*

Виви смотрит на нее с невольным уважением.

Знаешь, кто была твоя бабушка?

Виви. Нет.

Миссис Уоррен. Нет, не знаешь! Так я тебе скажу. Она называла себя вдовой, торговала жареной рыбой в лавчонке близ Монетного двора и жила на это с четырьмя дочерьми. Две из них были родные сестры — это мы с Лиз; и обе мы были красивые и статные. Должно быть, наш отец был человек сытый и гладкий. Мать врала, будто бы он был из благородных, — ну, не знаю. А другие две — наши сводные сестры — были щуплые, некрасивые, сущие заморыши, зато честные и работящие. Мы

с Лиз забили бы их до смерти, если б не мать, — та нас тоже била смертным боем, чтобы мы их не трогали. Ведь они были честные. Ну и чего же они добились своей честностью? Я тебе скажу. Одна работала на фабрике свинцовых белил по двенадцать часов в день, за девять шиллингов в неделю, пока не умерла от свинцового отравления. Она думала, что у нее только руки отнимутся, но она умерла. Другую нам всегда ставили в пример, потому что она вышла замуж за рабочего с продовольственного склада и содержала его комнату и трех ребят в чистоте и опрятности на восемнадцать шиллингов в неделю... пока муж не запил. Стоило ради этого быть честной, как ты думаешь?

Виви *(с сосредоточенным вниманием)*. Вы с сестрой так думали тогда?

Миссис Уоррен. Лиз думала по-своему, у нее характер сильней. Мы с ней учились в церковной школе — а все для того, чтобы быть похожими на леди и хвастаться перед другими девчонками, которые нигде не учились и ничего не знали. Потом Лиз в один прекрасный вечер ушла из дому да так и не вернулась. Учительница думала, что и я скоро пущусь по той же дорожке; недаром священник все твердил мне, что Лиззи плохо кончит — бросится с Ватерлооского моста. Идиот несчастный, много он смыслил! Ну, а меня фабрика белил пугала больше, чем река; да и ты бы испугалась на моем месте. Священник устроил меня судомойкой в ресторан общества трезвости — за спиртным можно было посылать. Потом я стала кельнершей; потом перешла в бар на Ватерлооском вокзале — четырнадцать часов в сутки подавать и мыть рюмки за четыре шиллинга в неделю, на своих харчах. Это считалось большим повышением. И вот в одну мерзкую, холодную ночь, когда я так устала, что едва держалась на ногах, заходит в бар за полпинтой виски — кто бы ты думала? — Лиззи! В длинной меховой ротонде, нарядная и беззаботная, с целой кучей золотых в кошельке.

Виви *(угрюмо)*. Моя тетушка Лиззи?

Миссис Уоррен. Да, и такую тетушку никому не стыдно иметь! Она живет сейчас в Уинчестере, рядом с собором; она там одна из первых дам в городе. Вывозит молоденьких девушек на балы, вот как! Станет она топиться, как бы не так! Ты вся в нее: она всегда была деловая женщина — всегда копила деньги, умела казаться настоя-

щей дамой, никогда не теряла головы и не упускала случая. Когда она увидела, какая из меня выросла красавица, она тут же сказала мне через стойку: «Что ты здесь делаешь, дурочка? Убиваешь здоровье и красоту для того, чтобы другие наживались?» Лиз тогда копила деньги, чтобы открыть собственное заведение в Брюсселе, и решила, что вдвоем мы накопим скорее. Она дала мне взаймы и научила, как взяться за дело; и я тоже начала мало-помалу откладывать деньги — сперва отдала ей долг, а потом вошла в дело компаньоном. Чего ради мне было отказываться? Дом в Брюсселе был самый первоклассный и уж куда более подходящее место для женщины, чем та фабрика, где отравилась Энн-Джейн. Ни с одной из наших девушек не обращались так, как со мной, когда я работала судомойкой в этом ресторане общества трезвости, или в вокзальном баре, или дома. Потвоему, лучше бы я извелась на черной работе и к сорока годам стала старухой?

Виви *(теперь взволнованная рассказом)*. Нет, но почему вы выбрали такую профессию? Копить деньги и добиваться успеха можно и во всяком деле.

Миссис Уоррен. Да, копить деньги! А откуда женщине взять эти самые деньги в другом деле? Попробуй-ка отложи что-нибудь из четырех шиллингов в неделю; да еще и одеться надо на эти же деньги. Ничего не выйдет. Другое дело, если ты некрасива и много не заработаешь; или если у тебя есть способности к музыке, или к сцене, или к газетной работе. А мы с Лиз ничего этого не умели; только и всего, что были хорошенькие и могли нравиться мужчинам. Так неужели нам с Лиз было оставаться в дурах, чтоб другие, нанимая нас в кельнерши, продавщицы, кассирши, торговали нашей красотой, когда мы сами могли торговать ею и получать на руки не какие-то гроши, а всю прибыль сполна? Как же, держи карман!

Виви. Вы, разумеется, были совершенно правы — с практической точки зрения.

Миссис Уоррен. Да и со всякой другой тоже. Чему учат порядочных девушек, как не тому, чтобы ловить женихов и, выйдя за богатого, жить на его денежки? Как будто брак что-нибудь меняет. Просто с души воротит от такого лицемерия! Нам с Лиз приходилось работать, экономить и рассчитывать, как всем другим людям, — иначе мы были бы такие же нищие, как любая распустеха и пьяница, которая воображает, что ей всегда будет вез-

ти. *(С большой силой.)* Презираю таких женщин! Они просто тряпки. А что я ненавижу в женщинах, так это бесхарактерность.

Виви. Но, мама, скажите откровенно: ведь всякой женщине с характером, как вы это называете, должно быть просто противно зарабатывать деньги таким способом?

Миссис Уоррен. Ну да, конечно. Никому не нравится работать и зарабатывать деньги, да ведь приходится. Иной раз пожалеешь бедную девушку: она и устала и не в духе, а тут нужно угождать мужчине, до которого ей дела нет,— какому-нибудь полупьяному дураку, который воображает, что очень любезен, а сам дразнит, пристает и надоедает женщине так, что никаким деньгам не обрадуешься. Ну, тут уж приходится мириться с неприятностями и терпеть всякое, как терпят сиделки в больнице. Ради собственного удовольствия ни одна женщина не пойдет на эту работу; а послушать наших ханжей, так это сплошные розы!

Виви. А все-таки вы считаете, что стоит этим заниматься? Дело выгодное?

Миссис Уоррен. Бедной девушке, разумеется, стоит, если она не поддается соблазну, если она красива, строгих правил и с умом. Это гораздо лучше всех других дорог, какие открыты для женщин. Я, конечно, всегда считала, что это неправильно. Как это несправедливо, Виви, что для женщины нет лучшей дороги. Что бы ни говорили, а я стою на своем: это несправедливо. Но справедливо или нет, а дело от этого не меняется, и простым девушкам приходится с этим мириться. А вот образованной девушке, разумеется, не стоит. Если бы ты за это взялась, то была бы дура, а я была бы дура, если бы взялась за что-нибудь другое.

Виви *(все сильнее и сильнее волнуясь)*. Мама, предположим, мы с вами были бы бедны, как вы в те горькие дни,— вы уверены, что не посоветовали бы мне лучше выйти за рабочего, поступить в бар или даже на фабрику?

Миссис Уоррен *(с негодованием)*. Конечно, нет. Хорошая же я, по-твоему, мать! Да ты и сама перестала бы уважать себя, если б голодала и работала, как каторжник! А чего стоит женщина, да и вся наша жизнь, без уважения к себе? Почему я ни в ком не нуждаюсь и в состоянии дать моей дочери первоклассное образование, а другие женщины, у которых были возможности не хуже моих, очутились на улице? Потому что я никогда не те-

ряла выдержки и уважения к себе. Почему Лиз все уважают в Уинчестере? Да все потому же. А где бы мы были, если б слушали бредни священника? Мыли бы полы за полтора шиллинга в день, и в будущем рассчитывать нам было бы не на что, кроме дома призрения и больничной койки. Пусть тебя не сбивают с толку те, кто не знает жизни, моя деточка. Единственный способ для женщины прилично обеспечить себя — это завести себе мужчину, которому по средствам содержать любовницу. Если она одного с ним круга, пускай выходит за него замуж; если она ниже — ей нечего на это рассчитывать, да и не стоит: это ей не принесет счастья. Спроси любую даму высшего круга, и она тебе скажет то же, только я тебе говорю прямо, а та начнет разводить турусы на колесах. Вот и вся разница.

Виви *(смотря на нее, как очарованная)*. Милая мама, вы удивительная женщина, другой такой нет. И вы в самом деле ни капельки не сомневаетесь... и... и не стыдитесь?

Миссис Уоррен. Нет, милая. Ведь это только так принято стыдиться, этого от женщины ждут. Женщине часто приходится кривить душой, хотя она и не чувствует ничего такого. Лиз, бывало, сердилась на меня за то, что я все выкладываю начистоту. Она говорила, что нечего об этом трубить, каждая женщина сама поймет, как себя держать, на это есть глаза. Ну да ведь Лиз настоящая леди! У нее это от природы, а я всегда была немножко простовата. Когда ты мне присылала свои карточки, я так бывала рада, что ты растешь похожей на Лиз; у тебя то же благородство и решительность в манерах. Ну, а я терпеть не могу говорить одно, когда все знают, что я думаю другое. Что толку лицемерить? Если женщину заставляют вести такую жизнь, незачем притворяться, что она какая-то иная. Нет, по правде сказать, я никогда ни капельки не стыдилась. По-моему, я имею право гордиться, что мы все так прилично устроили, и никто про нас слова худого не скажет; и нашим девушкам всегда хорошо жилось. Некоторые из них очень хорошо устроились, одна даже вышла замуж за посланника. Но теперь я, конечно, об этом ни гугу; что о нас подумают? *(Зевает.)* О господи! Я все-таки спать захотела в конце концов. *(Лениво потягивается, чувствуя себя умиротворенной после бурной вспышки и готовая спокойно отойти ко сну.)*

Виви. Зато я теперь, должно быть, не усну. *(Идет к буфету и зажигает свечу, потом гасит лампу; в комнате становится гораздо темнее.)* Надо впустить свежего воздуха, прежде чем запереть окна. *(Распахивает дверь, на дворе ярко светит луна.)* Какая ночь! Посмотрите! *(Отдергивает занавеску на окне.)*

Все залито сиянием восходящей луны.

Миссис Уоррен *(окидывает пейзаж небрежным взглядом)*. Да, милая, только смотри не схвати простуду от ночного воздуха.

Виви *(презрительно)*. Пустяки.

Миссис Уоррен *(обиженно)*. Ну да, все, что я говорю, по-твоему пустяки.

Виви *(оборачивается к ней)*. Нет, что вы, мама, вовсе нет. Вы меня окончательно победили сегодня, а я думала, что выйдет по-другому. Мы подружимся теперь, хорошо?

Миссис Уоррен *(с некоторым унынием качает головой)*. То-то и есть, что вышло по-другому. Ну что ж, ничего не поделаешь. Мне всегда приходилось уступать Лиз, а теперь, видно, придется уступать тебе.

Виви. Ну, ничего. Подите ко мне. Спокойной ночи, моя милая старенькая мама. *(Обнимает мать.)*

Миссис Уоррен *(нежно)*. Я хорошо тебя воспитала; правда, милая?

Виви. Правда.

Миссис Уоррен. И ты за это будешь ласкова со старухой матерью, правда?

Виви. Буду, мама.

Миссис Уоррен *(елейным тоном)*. Дай я тебя благословлю, моя родная, милая деточка, материнским благословением. *(Нежно обнимает дочь и возводит глаза к потолку, словно испрашивает благословения свыше.)*

Утро следующего дня в пасторском саду; с безоблачного неба сияет солнце. В садовой стене, как раз посредине, деревянная калитка, такая широкая, что проедет карета. Рядом с калиткой колокольчик, соединенный с висящей снаружи ручкой. Аллея для экипажей проходит посредине сада, сворачивает налево и заканчивается перед крыльцом круглой, усыпанной гравием площадкой. За калиткой видна пыльная дорога, идущая параллельно стене, за дорогой узкая полоска травы и неогороженная сосновая роща. На лужайке, между домом и аллеей, подстриженный тис, под ним садовая скамейка. С противоположной стороны сада идет буксовая изгородь; на газоне солнечные часы, и рядом с ними железный стул. Узкая тропинка позади солнечных часов ведет к изгороди.

Фрэнк сидит на стуле возле солнечных часов, положив на них утренние газеты, и читает. Пастор выходит из дома. Его знобит, глаза у него красные. Он неуверенно смотрит на Фрэнка.

Фрэнк *(вынув из кармана часы)*. Половина двенадцатого. Нечего сказать, подходящее время для пастора являться к завтраку!

Пастор. Не издевайся, Фрэнк, не издевайся. Я немного... э-э... *(Вздрагивает.)*

Фрэнк. Раскис?

Пастор *(с негодованием, протестуя против этого выражения)*. Нет, сэр: нездоров сегодня с утра. Где твоя мать?

Фрэнк. Не бойтесь, ее здесь нет. Забрала с собой Бесси и уехала в город с поездом одиннадцать тринадцать. Просила передать вам несколько поручений. Чувствуете ли вы себя в силах выслушать меня сейчас или подождать, пока вы позавтракаете?

Пастор. Я уже завтракал. Удивляюсь, как могла твоя мать уехать в город, когда у нас гости. Они сочтут это странным.

Фрэнк. Возможно, она это предвидела. Во всяком случае,

если Крофтс останется у нас гостить и вы с ним намерены каждую ночь просиживать до четырех часов, вспоминая события вашей бурной молодости, то ее прямой долг, как хорошей хозяйки, поехать в город и заказать бочонок виски и сотни три сифонов содовой.

Пастор. Я не заметил, чтобы сэр Джордж пил чрез меру.

Фрэнк. Вы были не в состоянии это заметить, родитель.

Пастор. Ты хочешь сказать, что я...

Фрэнк *(спокойно)*. Я в жизни не видел менее трезвого пастора. Анекдоты, которые вы рассказывали о вашем прошлом, были просто ужасны; и я не думаю, чтобы Прейд остался ночевать под вашим кровом, если б они с матерью не пришлись так по душе друг другу.

Пастор. Глупости, сэр Джордж Крофтс — мой гость. Должен же я о чем-нибудь с ним разговаривать, а у него только одна тема для разговора... Где сейчас мистер Прейд?

Фрэнк. Повез маму и Бесси на станцию.

Пастор. А Крофтс встал?

Фрэнк. О, давным-давно. Он ни в одном глазу! Видно, что у него было больше практики, чем у вас, — а всего вернее, и сейчас не бросил. Ушел куда-то покурить.

Фрэнк опять берется за газету. Пастор в унынии поворачивает к калитке, потом нерешительно возвращается.

Пастор. Э-э... Фрэнк.

Фрэнк. Да?

Пастор. Как, по-твоему, эти Уоррены ждут, что мы их пригласим к себе после вчерашнего?

Фрэнк. Они уже приглашены.

Пастор *(в ужасе)*. Что?!

Фрэнк. Крофтс сообщил за завтраком, что вы просили его пригласить к нам миссис Уоррен и Виви и передать им, чтобы они располагались здесь как дома. Именно после этого сообщения мама вспомнила, что ей нужно поехать в город с поездом одиннадцать тринадцать.

Пастор *(в отчаянии)*. Никогда я их не приглашал! У меня этого и в мыслях не было.

Фрэнк *(сочувственно)*. Где же вам знать, родитель, что вы вчера думали и чего не думали?

Прейд *(входит в калитку)*. Доброе утро.

Пастор. Доброе утро. Я должен извиниться перед вами, что не вышел к завтраку. У меня... э-э...

Фрэнк. Пасторский катар горла, Прейд. К счастью, не хронический.

Прейд *(меняя тему)*. Должен сказать, что ваш дом стоит на замечательно красивом месте. Нет, в самом деле место чудесное.

Пастор. Да, действительно... Фрэнк сходит с вами погулять, если хотите. А меня уж вы, пожалуйста, извините: я должен воспользоваться случаем и написать проповедь, пока миссис Гарднер нет дома. Развлекайтесь без меня. Вы позволите?

Прейд. Ну разумеется, разумеется. Пожалуйста, не церемоньтесь со мной.

Пастор. Благодарю вас. Ну, я... э-э... э-э... *(Бормоча, поворачивает к крыльцу и скрывается за дверью.)*

Прейд. Странное, должно быть, занятие — писать проповеди каждую неделю.

Фрэнк. Ну еще бы не странное! Если б он их писал, а то он их покупает готовые. Просто пошел пить соду.

Прейд. Мой дорогой мальчик, мне хотелось бы, чтобы вы были почтительнее с вашим отцом. Вы можете быть очень милы, когда захотите.

Фрэнк. Мой дорогой Предди, вы забываете, что мне приходится жить с родителем. Когда люди живут вместе — все равно отец ли это с сыном, муж с женой или брат с сестрой,— они уже не могут притворяться вежливыми, что так легко во время десятиминутного визита. А у родителя, при всех его высоких домашних достоинствах, бесхарактерность овечья, а чванство и злопамятность ослиные.

Прейд. Что вы, что вы, дорогой мой Фрэнк! Ведь он вам отец.

Фрэнк. Ну что ж, я и воздаю ему должное. *(Встает и швыряет газету на скамью.)* Нет, вы подумайте, поручил Крофтсу пригласить к нам миссис Уоррен. Надо полагать, спьяну. Вы знаете, Предди, мама и слышать не хочет о миссис Уоррен. Виви лучше не приходить к нам, пока ее мамаша не уедет.

Прейд. Но ведь ваша матушка ничего не знает о миссис Уоррен? *(Поднимает с земли газету и садится читать.)*

Фрэнк. Понятия не имею. Должно быть, знает, если уехала в город. Не то чтобы мать имела что-нибудь против нее в общепринятом смысле: она оставалась верным другом многим женщинам, которые попадали в беду. Но все это были порядочные женщины. Вот в чем существенная

разница. У миссис Уоррен, без сомнения, есть свои достоинства, но она уж слишком вульгарна, мать с ней просто не захочет разговаривать. Так вот... Это что такое?

Его восклицание вызвано вторичным появлением пастора: он выбегает из дома в испуге, весь запыхавшись.

Пастор. Фрэнк, миссис Уоррен с дочерью идут сюда вместе с Крофтсом, я видел их из окон кабинета. Что мне говорить, где твоя мать?

Фрэнк. Наденьте шляпу и ступайте им навстречу, скажите, что вы им страшно рады, что Фрэнк в саду, а мама с Бесси вызваны к больной родственнице и очень сожалеют, что не могли остаться дома; выразите надежду, что миссис Уоррен хорошо провела ночь и... и... одним словом, говорите все, что в голову взбредет, кроме правды, а в остальном положитесь на волю божию.

Пастор. Но как же мы от них отделаемся потом?

Фрэнк. Теперь уж некогда об этом думать. Одну минуту! *(Убегает в дом.)*

Пастор. Он такой несдержанный. Я просто не знаю, что с ним делать, мистер Прейд.

Фрэнк *(возвращается с черной фетровой шляпой и нахлобучивает ее отцу на голову)*. Ну, идите скорей. Мы с Прейдом останемся здесь как ни в чем не бывало.

Пастор растерянно, но покорно спешит к калитке. Прейд встает с земли и отряхивается.

Надо как-нибудь спровадить старуху обратно в город. Ну, по совести, милый Предди, неужели вам приятно видеть их вместе — Виви с мамашей?

Прейд. Почему же?

Фрэнк *(с гримасой отвращения)*. Неужели вас от этого зрелища не коробит? Эта старая карга, способная на любую гнусность, — и Виви! Бр-р!

Прейд. Тише, пожалуйста. Они идут.

Пастор с Крофтсом показываются на дороге, за ними, нежно обнявшись, идут миссис Уоррен и Виви.

Фрэнк. Смотрите-ка, что она делает — ни больше ни меньше как обняла старуху за талию. И рука правая — зна-

чит, это ее затея. Она становится сентиментальна, ей-богу! Бр-р! Неужели вас это не коробит?

Пастор открывает калитку; миссис Уоррен и Виви проходят мимо него и останавливаются посредине сада, разглядывая дом. Фрэнк в притворном восторге бросается к миссис Уоррен.

Как я рад вас видеть, миссис Уоррен! Как вам к лицу этот тихий, старомодный пасторский сад!

Миссис Уоррен. Ну, ну, нечего! Вы слышали, Джордж? Он говорит, что мне к лицу этот тихий, старомодный пасторский сад!

Пастор *(все еще держит калитку открытой для Крофтса, который угрюмо и неохотно проходит в сад)*. Вам все к лицу, миссис Уоррен.

Фрэнк. Браво, родитель! Ну, а теперь вот что: давайте повеселимся вовсю до завтрака. Сначала осмотрим церковь. Без этого нельзя. Церковь, знаете ли, замечательная, тринадцатого века; родитель к ней питает слабость, потому что собрал деньги на реставрацию и перестроил ее до основания шесть лет назад. Прейд нам растолкует, что в ней хорошего.

Прейд *(поднимаясь)*. С удовольствием, если после реставрации там осталось что-нибудь хорошее.

Пастор *(гостеприимно улыбаясь)*. Я буду очень рад, если сэр Джордж и миссис Уоррен в самом деле захотят посмотреть ее.

Миссис Уоррен. Ну, так идем посмотрим, и дело в сторону.

Крофтс *(опять поворачивает к калитке)*. Я не возражаю.

Пастор. Нет, не сюда. Мы пройдем полем, если позволите. *(Ведет их по узенькой тропинке мимо буксовой изгороди.)*

Крофтс. Что ж, пожалуйста. *(Идет рядом с пастором.)*

Прейд и миссис Уоррен следуют за ними. Виви не двигается с места и смотрит им вслед, выражение ее лица в эту минуту становится особенно решительным.

Фрэнк. А вы разве не идете?

Виви. Нет. Я хочу вас предупредить, Фрэнк. Вы позволили себе издеваться над моей матерью, вот только что, когда говорили насчет пасторского сада. Так вот, чтобы этого больше не было. Прошу вас обращаться с моей

матерью так же почтительно, как вы обращаетесь со своей.

Фрэнк. Моя милая Вив, она этого не оценит. Она непохожа на мою мать; не годится с той и другой обращаться одинаково. Но что такое с вами случилось? Вчера вечером у нас с вами было полное единомыслие насчет вашей матери и ее компании, а сегодня утром вы позируете в роли любящей дочери и ходите обнявшись с вашей мамашей.

Вивн *(вспыхнув)*. Позирую!

Фрэнк. Да, я так это понял. Первый раз в жизни вижу, что вы перестаете быть собой и становитесь посредственностью.

Вивн *(сдерживаясь)*. Да, Фрэнк, произошла перемена, и я не думаю, что она была к худшему. Вчера я вела себя как педантка.

Фрэнк. А сегодня?

Вивн *(дрогнула, но смотрит на него в упор)*. Сегодня я знаю мою мать лучше, чем вы.

Фрэнк. Боже вас сохрани!

Вивн. Что вы хотите этим сказать?

Фрэнк. Вив, у безнравственных людей существует нечто вроде общего языка, о котором вы и понятия не имеете,— вы слишком цельная натура. Вот это и роднит вашу мать со мной, вот поэтому я знаю ее лучше, чем вы,— так, как вам никогда не узнать.

Вивн. Ошибаетесь. Вы ничего о ней не знаете. Если б вы знали, с какими обстоятельствами ей пришлось бороться...

Фрэнк *(ловко заканчивая фразу)*. ...то я понял бы, отчего она стала такая, правда? А не все ли это равно? Какие бы там ни были обстоятельства, а с вашей матерью вы не уживетесь, Вив.

Вивн *(очень сердито)*. Почему же?

Фрэнк. Потому что она дрянная старуха, Вив. Если вы при мне еще раз обнимете ее за талию, я тут же застрелюсь в знак протеста.

Вивн. Значит, я должна выбирать между вами и моей матерью?

Фрэнк *(любезно)*. Ну, зачем же ставить миссис Уоррен в такое невыгодное положение. Нет, Вив, ваш влюбленный мальчик никогда вас не оставит. Но тем больше он тревожится за вас и боится, как бы вы не наделали ошибок. Что уж тут, Вив, ваша мать невозможна. Она, может

быть, и добрая старуха, но непорядочная, в высшей степени непорядочная.

Виви *(горячо)*. Фрэнк! *(Он не сдается. Она уходит от него и садится на скамью под тисовым деревом, стараясь успокоиться и взять себя в руки, потом говорит.)* Значит, все должны ее оставить, потому что она, как вы выражаетесь, непорядочная? Значит, она не имеет права жить?

Фрэнк. Не бойтесь, Вив, она не останется в одиночестве. *(Подсаживается к Виви на скамью.)*

Виви. Но я должна ее оставить, так, по-вашему?

Фрэнк *(ребячливо, нежным подкупающим голосом, стараясь заговорить ее)*. Не надо к ней переезжать. Все равно не получится семейная группа: маменька с дочкой. Только расстроит нашу семейную группу.

Виви *(впадая в его тон)*. Какую семейную группу?

Фрэнк. Дети в лесу: Виви и маленький Фрэнк. *(Обнимает Виви за талию и прижимается к ней, словно сонный ребенок.)* Уйдем в темный лес и зароемся в листья.

Виви *(укачивает его, как ребенка)*. И уснем крепким сном под зеленою сенью.

Фрэнк. С милой умницей девочкой глупенький мальчик.

Виви. Милый маленький мальчик с дурнушкой девчонкой.

Фрэнк. В мире и тишине, подальше от безмозглого папаши и сомнительной...

Виви *(заглушает последние два слова, прижав голову Фрэнка к груди)*. Ш-ш-ш! Девочке хочется совсем забыть о своей матери.

Они молчат некоторое время, укачивая друг друга. Потом Виви пробуждается, словно от толчка.

Какие же мы идиоты! Ну, сядьте как следует. Боже мой! Ваши волосы... *(Приглаживает их.)* Неужели все взрослые люди играют вот так, по-ребячьи, когда на них никто не смотрит? В детстве я никогда этого не делала.

Фрэнк. И я тоже. Вы моя первая подруга. *(Хочет поцеловать ее руку, но сначала оглядывается и совершенно неожиданно видит Крофтса, выходящего из-за буксовой изгороди.)* О, черт бы его взял!

Виви. Кого, милый?

Фрэнк *(шепотом)*. Ш-ш! Тут эта скотина Крофтс! *(Отсаживается подальше как ни в чем не бывало.)*

Крофтс. Могу я сказать вам несколько слов, мисс Виви?

Виви. Разумеется.

Крофтс *(Фрэнку)*. Извините меня, Гарднер. Вас ждут в церкви, если вы ничего не имеете против.

Фрэнк *(вставая)*. Все, что вам угодно, Крофтс,— только не церковь. Если вам что-нибудь понадобится, Виви, позвоните в колокольчик у калитки. *(С безукоризненной учтивостью направляется к дому)*.

Крофтс *(смотрит ему вслед, хитро прищурившись, и говорит Виви тоном близкого друга, пользующегося особыми правами)*. Приятный молодой человек, мисс Виви. Жаль, что у него нет денег, верно?

Виви. Вы так думаете?

Крофтс. Ну какое у него будущее? Ни профессии, ни состояния. Куда он годится?

Виви. Я знаю его слабые стороны, сэр Джордж.

Крофтс *(слегка растерявшись оттого, что его так верно поняли)*. О, не в том дело. А просто, пока мы живем на земле, от этого не уйти: деньги есть деньги.

Виви не отвечает.

Хорошая погода, верно?

Виви *(с плохо скрытым презрением к такой неудачной попытке завязать разговор)*. Очень.

Крофтс *(грубовато и добродушно, делая вид, что ему нравится ее смелость)*. Ну, я не о том хотел говорить. *(Садится рядом с ней.)* Послушайте, мисс Виви. Я очень хорошо понимаю, что я не компания для молодых девиц.

Виви. Вот как, сэр Джордж?

Крофтс. И сказать вам по правде, я к этому не стремлюсь. Но у меня слово с делом не расходится, и если я что-нибудь чувствую, так не на шутку, а уж если я что-нибудь дорого ценю, так плачу за это наличными. Вот я какой человек.

Виви. Это, конечно, делает вам честь.

Крофтс. О, я вовсе не собираюсь хвастаться. У меня есть свои недостатки, само собой разумеется, и я это понимаю лучше всякого другого, я знаю, что я не совершенство,— это одно из преимуществ зрелого возраста. А я уже немолод и помню об этом. Но правила жизни у меня простые, и, мне думается, хорошие. В отношениях с мужчиной — честь, в отношениях с женщиной — верность; не быть ханжой и не разводить бобов насчет религии, а твердо верить, что все в общем идет к лучшему.

Виви *(с язвительной иронией)*. Верить в силу, которая находится вне нас, и стремиться к добру, да?

Крофтс *(приняв это всерьез)*. Вот именно, вне нас. Вы-то понимаете, что я хочу сказать. Ну, а теперь перейдем к делу. Вы, может быть, думаете, что я промотал свои деньги зря? Ничего подобного: я теперь богаче, чем в тот день, когда получил наследство. Жизненный опыт помог мне: я вложил свой капитал в такое дело, которое другие упустили из виду; в чем другом я, может быть, и отстал, зато уж в денежном отношении – будьте покойны, не подкачаю.

Виви. Вы очень любезны, что сообщаете мне все это.

Крофтс. Ну, полно, мисс Виви. Будто бы вы не понимаете, к чему я клоню. Я хочу обзавестись леди Крофтс. Вам, верно, кажется, что я действую уж слишком напрямик?

Виви. Вовсе нет, я очень вам обязана, что вы высказались определенно и по-деловому. Я вполне могу оценить ваше предложение: деньги, общественное положение, титул леди Крофтс и так далее. Но я все-таки должна отказаться, с вашего разрешения. Лучше не надо. Нет и нет. *(Встает и подходит к солнечным часам, чтобы избавиться от соседства с Крофтсом.)*

Крофтс *(ничуть не обескуражен; пользуясь освободившимся на скамье местом, располагается поудобнее, словно при ухаживании два-три предварительных отказа в порядке вещей)*. Я не тороплюсь. Это только чтобы вы знали, на случай, если молодой Гарднер вздумает вас поймать. Вопрос остается открытым.

Виви *(резко)*. Мой отказ окончательный. Я не передумаю.

На Крофтса ее отказ не производит никакого впечатления. Он ухмыляется; поставив локти на колени, наклонится вперед, тычет палкой в какую-то несчастную букашку и хитрым взглядом смотрит на Виви. Она отворачивается в раздражении.

Крофтс. Я гораздо старше вас, на двадцать пять лет – это четверть столетия. Я не собираюсь жить вечно и позабочусь о том, чтобы вы были обеспечены после моей смерти.

Виви. Меня и это не соблазняет, сэр Джордж. Не лучше ли вам примириться с моим ответом? Нет ни малейшей надежды, чтобы я его изменила.

Крофтс *(встает, сшибает палкой маргаритку и начинает прохаживаться взад и вперед)*. Что ж, не беда. Я бы мог сообщить вам кое-что, и вы мигом передумали бы. Но не хочу; я предпочитаю честно добиваться вашего расположения. Я был верным другом вашей матери, спросите ее сами. Если б не мои советы и помощь, она бы никогда не нажила тех денег, которые пошли на ваше образование, не говоря уж о деньгах, которыми я ссудил ее. Немного сыщется людей, которые поддержали бы ее, как я. Я вложил в это дело не меньше сорока тысяч фунтов.

Виви *(смотрит на него в изумлении)*. Вы хотите сказать, что вы были компаньоном моей матери?

Крофтс. Да. Теперь подумайте сами, от скольких объяснений и хлопот мы избавились бы, если бы все это осталось, так сказать, в кругу семьи. Спросите вашу матушку, захочет ли она рассказать обо всех своих делах постороннему человеку?

Виви. Не вижу, в чем тут затруднение. Насколько я понимаю, дело ликвидировано и капитал положен в банк.

Крофтс *(остолбенев от изумления)*. Ликвидировано! Ликвидировать дело, которое дает тридцать пять процентов прибыли в самый плохой год! С какой же стати? Кто это вам сказал?

Виви *(меняясь в лице)*. Вы хотите сказать, что оно все еще.. *(Резко обрывает фразу и хватается за солнечные часы, чтобы не упасть. Потом быстрыми шагами идет к стулу и садится.)* О каком деле вы говорите?

Крофтс. Собственно говоря, это дело не такое, чтобы оно могло считаться... ну, первоклассным, что ли, в моем кругу... в нашем кругу, если вы со временем передумаете насчет моего предложения. Не то чтобы тут была какая-нибудь тайна — не думайте, нет. Вы, разумеется, и сами понимаете: раз в нем принимает участие ваша мать, то в этом деле нет решительно ничего сомнительного, нечестного. Я ее знаю много лет и могу сказать, что она скорее руку себе отрубит, чем возьмется за что-нибудь подозрительное. Да я вам расскажу, если хотите. Не знаю, случалось ли вам замечать, путешествуя за границей, как трудно найти действительно удобный пансион...

Виви *(с отвращением, глядя в сторону)*. Да, продолжайте, пожалуйста.

Крофтс. Ну вот, в этом-то и вся суть. А ваша матушка — прекрасный организатор. У нас два пансиона в Брюсселе,

один в Остенде, один в Вене и два в Будапеште. Разумеется, кроме нас, участвуют и другие, но в наших руках большая часть капитала, а ваша матушка незаменима как директор предприятия. Вы, я думаю, обратили внимание, что она почти все время в разъездах. Но об этом, понимаете ли, лучше не говорить в обществе. Скажи только слово «пансион», и пойдут слухи, что ты содержишь кабак. Вы же не захотите, чтобы о вашей матери ходили такие слухи, правда? Вот почему мы и молчим на этот счет. Кстати, вы ведь никому не скажете? Уж если оно хранилось в секрете столько времени, пускай и дальше так будет.

Виви. И это-то дело вы приглашаете меня вести вместе с вами?

Крофтс. О нет. Мои дела жены не касаются. Вы будете в них участвовать не больше, чем всегда участвовали.

Виви. Я участвовала? Что вы хотите сказать?

Крофтс. Только то, что вы жили на эти деньги. Этими деньгами заплачено за ваше образование и за платье, которое на вас надето. Не брезгуйте людьми дела, мисс Виви: без них где были бы ваши колледжи, ваши Ньюнемы и Гертоны?

Виви *(встав, почти вне себя от гнева)*. Берегитесь! Я знаю, какое это дело.

Крофтс *(едва удерживаясь от брани)*. Кто вам сказал?

Виви. Ваш компаньон — моя мать.

Крофтс *(задыхаясь от ярости)*. Старая...

Виви. Так, так.

Слово застревает у Крофтса на языке, он стоит, задыхаясь от злобы и бешено бранясь про себя; однако, понимая, что ему следует держаться сочувственного тона, находит выход в благородном негодовании.

Крофтс. Какое неуважение к вам! Я бы вам никогда этого не сказал.

Виви. Вы, верно, сказали бы мне после свадьбы; это было бы надежное средство держать меня в руках.

Крофтс *(совершенно искренне)*. Вот уж не собирался. Честное слово джентльмена!

Виви *(смотрит на него во все глаза; однако, сознавая комизм его протеста, она успокаивается и, собравшись с силами, отвечает презрительно и сдержанно)*. Это неважно. Я думаю, вы понимаете, что наше знакомство должно прекратиться сегодня же, как только мы уедем отсюда.

Крофтс. Почему? Потому что я помогал вашей матери?

Виви. Моя мать была бедная женщина, и ей не оставалось другого выбора, вот почему она на это пошла. А вы были богач и джентльмен и пошли на это ради тридцати пяти процентов прибыли. По-моему, вы самый обыкновенный негодяй. Вот что я о вас думаю.

Крофтс *(таращит на нее глаза; он нисколько не обижен и чувствует себя гораздо легче оттого, что дело пошло начистоту, без прежних церемоний).* Ха-ха-ха! Так, так, барышня, валяйте! Мне это не повредит, а вам доставит удовольствие. Почему бы, черт возьми, мне не вложить моих денег в это дело? Я получаю проценты с капитала, как и другие; надеюсь, вы не думаете, что я сам пачкаю руки этой работой? Что вы! Не станете же вы отказываться от знакомства с герцогом Белгрэвиа, кузеном моей матери, из-за того, что часть его доходов достается ему не вполне безгрешным путем? Я думаю, вы не перестанете кланяться архиепископу Кентерберийскому из-за того, что в его доме сдаются квартиры мытарям и грешникам? Вы помните стипендию Крофтса в Ньюнеме? Так вот, она была основана моим братом, членом парламента. Он получает двадцать два процента прибыли с фабрики, где работают шестьсот девушек, и ни одна из них не зарабатывает столько, чтобы можно было на это прожить. Как же, вы думаете, они сводят концы с концами? Спросите вашу матушку! И что же, по-вашему, я должен отказаться от тридцати пяти процентов прибыли, когда все прочие загребают сколько могут, как полагается умным людям? Как же, нашли дурака! Если вы будете выбирать своих знакомых по признаку высокой нравственности, вам лучше уехать из Англии или совсем отказаться от общества.

Виви *(чувствуя угрызения совести).* Вы можете еще сказать, что я сама никогда не спрашивала, откуда берутся деньги, которые я трачу. Думаю, что я нисколько не лучше вас.

Крофтс *(совершенно успокоившись).* Ну разумеется! И очень хорошо! Ведь вреда от этого нет, в конце концов. *(Игриво поддразнивает ее.)* Так, значит, вы уж не считаете меня таким негодяем, передумали теперь, а?

Виви. Я делила с вами прибыль, а сейчас поставила себя на одну доску с вами, высказав, что я о вас думаю.

Крофтс *(серьезно и дружески).* Ну так что же из этого? Вы увидите, что я не так уж плох: я не гонюсь за всякими

там умственными тонкостями, зато умею чувствовать по-человечески; к тому же мы, Крофтсы, не терпим вульгарности, это уж у нас в крови, и, я думаю, в этом мы с вами сойдемся. Поверьте мне, мисс Виви, на свете не так уж плохо жить, как каркают все эти пророки. Пока вы не идете против общества в открытую, оно не станет задавать вам щекотливые вопросы; зато с выскочками, которые лезут на рожон, разделываются в два счета. Всего лучше сохраняется в тайне то, о чем все догадываются. В том обществе, в которое я вас введу, ни одна дама, ни один джентльмен не забудутся настолько, чтобы судачить о моих делах или о делах вашей матери. Никто другой не создаст вам такого прочного положения в обществе.

Виви *(с любопытством наблюдает за ним)*. Вам, верно, кажется, что вы со мной отлично столковались?

Крофтс. Я льщу себя надеждой, что теперь вы обо мне лучшего мнения, чем были сначала.

Виви *(спокойно)*. Теперь я нахожу, что о вас вообще не стоит думать. Когда я думаю о том обществе, которое вас терпит, и о законах, которые вас защищают, когда я думаю, как беспомощны были бы девять девушек из десяти в руках у моей матери — продажной женщины и у вас — ее сутенера-капиталиста...

Крофтс *(побагровев)*. Ах, мерзкая!

Виви. Это лишнее. Я и без того чувствую себя мерзко. *(Поднимает щеколду калитки, намереваясь открыть ее и выйти.)*

Крофтс бежит за Виви и кладет руку на верхнюю перекладину, не давая ей открыть калитку.

Крофтс *(задыхаясь от ярости)*. Вы думаете, что я это так и стерплю от вас, чертенок вы этакий?

Виви *(невозмутимо)*. Успокойтесь. Сейчас кто-нибудь выйдет на звонок. *(Не отступая ни на шаг, ударяет по звонку тыльной стороной руки.)*

Звонок резко дребезжит, и Крофтс невольно отскакивает назад. Почти в то же мгновение на крыльце появляется Фрэнк с ружьем.

Фрэнк *(любезно и радостно)*. Дать вам ружье, Вив, или мне самому распорядиться?

Виви. Фрэнк, вы слышали?

Фрэнк *(сбегая по ступенькам в сад)*. Только звонок, уверяю вас; я боялся, как бы вам не пришлось дожидаться. По-моему, я проявил тонкое понимание вашего характера, Крофтс.

Крофтс. Мне ничего не стоит отнять у вас это ружье и обломать его об вашу голову.

Фрэнк *(осторожно подкрадывается к нему)*. Ради бога, не надо. Я так неосторожен в обращении с оружием. Непременно выйдет несчастный случай, и на следствии мне сделают выговор за небрежность.

Виви. Уберите ружье, Фрэнк, это ни к чему.

Фрэнк. Совершенно верно, Вив. Лучше поймать его в капкан — это как-то больше по-спортсменски.

Уязвленный Крофтс делает угрожающий жест.

Крофтс, у меня тут пятнадцать патронов, а на таком расстоянии я стреляю без промаха, тем более в мишень ваших размеров.

Крофтс. Не бойтесь, пожалуйста. Я вас не трону.

Фрэнк. Очень великодушно с вашей стороны при данных обстоятельствах! Благодарю вас!

Крофтс. Я уйду, но сначала я кое-что сообщу вам. Вам это небезынтересно, ведь вы так привязаны друг к другу. Мистер Фрэнк, позвольте вас представить вашей сводной сестре, дочери достопочтенного Сэмюэля Гарднера. Мисс Виви: ваш сводный брат. Всего лучшего. *(Выходит через калитку на дорогу.)*

Фрэнк *(после минутного оцепенения берется за винтовку)*. Вы засвидетельствуете, Вив, что это был несчастный случай. *(Прицеливается в удаляющуюся фигуру Крофтса.)*

Виви *(хватается за дуло и направляет его себе в грудь)*. Теперь стреляйте. Можно.

Фрэнк *(выпускает из рук винтовку)*. Стойте! Осторожнее.

Виви разжимает руку. Винтовка падает на траву.

Ох, и задали же вы страху своему мальчику. А если б она выстрелила? Уф! *(Как подкошенный падает на скамью.)*

Виви. А если б и выстрелила: от острой физической боли мне стало бы легче.

Фрэнк *(ласково)*. Не принимайте этого всерьез, милая Виви. Подумайте, даже если этот субъект под дулом винтовки первый раз в жизни сказал правду, то мы теперь только стали настоящими детьми в лесу. *(Протягивает к ней руки.)* Пойдем и зароемся в листья.

Виви *(с криком отшатывается)*. Нет, нет, не надо. Это отвратительно.

Фрэнк. Почему? Что случилось?

Виви. Прощайте. *(Идет к калитке.)*

Фрэнк *(вскакивая)*. Нет! Стойте, Виви! Виви!

Она оборачивается.

Куда вы идете? Где вас искать?

Виви. У Онории Фрейзер, Чансери-лейн, шестьдесят семь, там я и останусь навсегда. *(Быстро уходит в направлении, противоположном тому, в котором пошел Крофтс.)*

Фрэнк. Послушайте, постойте! О черт! *(Бежит за ней.)*

Квартира Онории Фрейзер на Чансери-лейн. Контора в верхнем этаже Нью-Стоун Билдингс; зеркальное окно, облезлые стены, электрическое освещение и патентованная печь. В окно видны трубы Линколис-Ина и вечернее небо за ними. Посреди комнаты большой письменный стол, заваленный грудами книг и бумаг; на нем коробка сигар, пепельницы и настольная электрическая лампа. С правой и с левой стороны стола — стулья. Конторка клерка, запертая и прибранная, стоит у стены, ближе к двери, ведущей во внутренние комнаты, возле нее — высокий табурет. В противоположной стене дверь, ведущая в общий коридор. Верхняя панель двери из матового стекла, снаружи на ней черная надпись: «Фрейзер и Уоррен». Угол между этой дверью и окном отгорожен суконной ширмой. Фрэнк, в светлом модном костюме, с тросточкой, перчатками и белой шляпой в руках, ходит взад и вперед по комнате. Кто-то старается отпереть дверь ключом.

Фрэнк. Входите. Не заперто.

Входит Виви, в шляпе и жакетке; она останавливается, глядя на Фрэнка в изумлении.

Виви *(строго)*. Что вы здесь делаете?

Фрэнк. Жду вас. Я здесь уже сколько времени. Кто же так занимается делом? *(Кладет шляпу и трость на стол, одним прыжком взбирается на табурет клерка и смотрит на Виви, настроенный, по всем признакам, особенно задорно и легкомысленно.)*

Виви. Я уходила ровно на двадцать минут выпить чашку чаю. *(Снимает шляпу и жакет и вешает их за ширмой.)* Как вы сюда вошли?

Фрэнк. Ваш «персонал» был еще на месте, когда я явился. Он пошел играть в крикет на Примроз-хилл. Напрасно вы нанимаете мальчика, вам бы надо выдвигать женщин.

Виви. Зачем вы пришли?

Фрэнк *(соскочив с табурета, подходит к ней)*. Вив, поедем тоже куда-нибудь развлекаться, как ваш персонал. Что вы думаете насчет Ричмонда, мюзик-холла и веселого ужина?

Виви. Это мне не по средствам. Я должна проработать еще часов шесть, прежде чем лягу.

Фрэнк. Не по средствам, нам с вами? Эге! Смотрите-ка! *(Достает из кармана горсть золотых и бренчит ими.)* Золото, Вив, золото!

Виви. Откуда оно у вас?

Фрэнк. Выиграл, Вив, выиграл! В покер.

Виви. Фу! Это хуже воровства! Нет, не поеду. *(Садится к рабочему столу, спиной к стеклянной двери, и начинает перелистывать бумагу.)*

Фрэнк *(жалобно)*. Но, моя милая Виви, у меня к вам такой серьезный разговор!

Виви. Очень хорошо. Садитесь на стул Онории и разговаривайте. Я люблю поболтать минут десять после чая.

Фрэнк ворчит.

Нечего стонать, я неумолима.

Фрэнк садится против нее, нахохлившись.

Передайте, пожалуйста, ящик с сигарами.

Фрэнк *(толкает ящик через стол)*. Отвратительная женская привычка. Порядочные мужчины больше не курят сигар.

Виви. Да, им не нравится запах в конторе; нам пришлось перейти на папиросы. *(Открывает ящик, берет папиросу и закуривает. Предлагает Фрэнку. Он отказывается, делая кислое лицо. Она откидывается на спинку стула, курит.)* Ну, начинайте.

Фрэнк. Я хочу знать, чего вы добились.

Виви. Все было устроено в двадцать минут, как только я приехала. Оказалось, что у Онории в этом году очень много работы; она как раз собиралась предложить мне стать ее компаньоном, когда я вошла и объявила, что у меня за душой нет ни фартинга. Вот я и водворилась здесь, а Онорию отправила отдохнуть недели на две. Что было в Хэслмире после моего отъезда?

Фрэнк. Ничего решительно. Я сказал, что вы уехали в город по важному делу.

Виви. Ну?

Фрэнк. Ну, они промолчали, оттого, что растерялись, или Крофтс подготовил вашу мать. Во всяком случае, она ничего не сказала, и Крофтс ничего не сказал, а Предди только хлопал глазами. После чая они ушли, и с тех пор я их не видел.

Вив и *(мирно кивает, следя за струйкой дыма)*. Ну и отлично.

Фрэнк *(неодобрительно оглядывая комнату)*. Вы что же, так и будете сидеть в этой отвратительной дыре?

Виви *(энергично разгоняет дым и выпрямляется)*. Да. За эти два дня ко мне вернулись все силы и самообладание. Я никогда в жизни не поеду больше отдыхать.

Фрэнк *(с кислой миной)*. Н-да! Вид у вас счастливый и неприступный.

Виви *(мрачно)*. Тем лучше для меня.

Фрэнк *(вставая)*. Послушайте, Вив, нам надо объясниться. Мы расстались с вами по недоразумению. *(Садится на стол рядом с ней.)*

Виви *(тушит окурок)*. Ну что ж, объясните, в чем дело.

Фрэнк. Вы помните, что сказал Крофтс?

Виви. Помню.

Фрэнк. Это разоблачение должно было совершенно изменить наши чувства друг к другу. Оно поставило нас в отношения брата и сестры.

Виви. Да.

Фрэнк. А у вас когда-нибудь был брат?

Виви. Нет.

Фрэнк. Ну так вы и понятия не имеете, что значит быть братом и сестрой. У меня сестер целая куча. Братские чувства мне знакомы как нельзя лучше; и уверяю вас — то, что я чувствую к вам, нисколько на них не похоже. У девочек своя дорога, у меня своя, и мы ничуть не огорчимся, если никогда больше не увидим друг друга. Вот это братские чувства. А без вас я и дня не проживу. Какие же это братские чувства? Это как раз то, что я чувствовал за час до разоблачений Крофтса. Короче говоря, милая Вивн, это юная мечта любви.

Виви *(язвительно)*. То есть именно то чувство, Фрэнк, которое привело вашего отца к ногам моей матери. Так, что ли?

Фрэнк *(в возмущении в одну секунду скатывается со стола)*. Я решительно не согласен, чтобы мои чувства сравнивали с теми, какие способен питать достопочтенный Сэмюэль; и совершенно не согласен сравнивать вас с вашей матерью. *(Опять взбирается на свой нашест.)* Кроме того, я этой истории не верю. Я пристал к отцу и получил от него ответ, равносильный отрицанию.

Виви. Что же он сказал?

Фрэнк Сказал, что тут должно быть, какая-то ошибка

Виви. Вы ему верите?

Фрэнк. Я скорее готов поверить на слово ему, чем Крофтсу.

Вивви. Разве это что-нибудь меняет — то есть в ваших глазах, для вашей совести? Ведь на деле это ничего не меняет.

Фрэнк *(качая головой)*. Для меня решительно ничего.

Вивви. И для меня тоже.

Фрэнк *(смотрит на нее в изумлении)*. Но это просто поразительно! А я-то думал, что наши отношения совершенно изменились в ваших глазах — для вашей совести, как вы выразились, — в ту же минуту, после слов этой скотины Крофтса.

Вивви. Нет, не в том дело. Я ему не поверила. А хотела бы поверить.

Фрэнк. Как так?

Вивви. По-моему, отношения брата и сестры для нам самые подходящие.

Фрэнк. Вы в самом деле так думаете?

Вивви. Да, только такими отношениями я и дорожу, даже если б между нами возможны были какие-нибудь другие. Я так думаю.

Фрэнк *(поднимает брови с видом человека, которого вдруг озарило, и говорит в приливе рыцарских чувств)*. Милая Вивви, почему же вы раньше этого не сказали? Мне очень жаль, что я надоедал вам. Разумеется, я понимаю.

Вивви *(удивленно)*. Что понимаете?

Фрэнк. О, я вовсе не дурак в обычном смысле слова — я только в библейском: проделываю все то, что мудрец объявил суетой на основании собственного весьма обширного опыта. Вижу, что я уже не милый мальчик, Виввумс. Не бойтесь, я больше не стану звать вас Виввумс, разве только если вам надоест ваш новый друг, кто бы он ни был.

Вивви. Мой новый друг?

Фрэнк *(убежденно)*. Непременно должен быть новый. Всегда так. Других причин просто не бывает.

Вивви. Ваше счастье, что вы так думаете.

Кто-то стучится в дверь.

Фрэнк. Провалиться бы вашему гостю, кто бы он ни был!

Вивви. Это Прейд. Он уезжает в Италию и хочет проститься. Я просила его зайти сегодня. Подите откройте ему.

Фрэнк. Мы можем возобновить наш разговор после его отъезда в Италию. Я его пересижу. *(Идет к двери и откры-*

вает ее.) Здравствуйте, Предди. Очень рад вас видеть. Войдите.

Входит Прейд в приподнятом настроении, одетый по-дорожному.

Прейд. Как поживаете, мисс Уоррен?

Виви дружески жмет Прейду руку, хотя ее коробит некоторая сентиментальность его настроения.

Я уезжаю через час с Холборнского вокзала. Как бы мне хотелось уговорить вас поехать в Италию.

Виви. Зачем?

Прейд. Как зачем? Затем, чтобы проникнуться красотой и романтикой, разумеется.

Виви, вздрогнув, придвигает свой стул к столу, словно ищет утешения и поддержки в работе, которая ее ждет. Прейд садится напротив. Фрэнк ставит стул рядом с Виви, лениво и небрежно садится и разговаривает с ней, глядя через плечо.

Фрэнк. Бесполезно, Предди. Виви — прозаическая особа. Она равнодушна к моей романтике и нечувствительна к моей красоте.

Виви. Мистер Прейд, раз и навсегда: для меня в жизни нет ни красоты, ни романтики. Жизнь есть жизнь, и я беру ее такой, как она есть.

Прейд *(восторженно)*. Вы этого не скажете, когда побываете в Вероне и в Венеции. Вы будете плакать от восторга, что живете в таком прекрасном мире.

Фрэнк. Весьма красноречиво, Предди. Продолжайте в том же духе.

Прейд. Уверяю вас, я действительно плакал — и, надеюсь, опять заплачу, в пятьдесят-то лет! А в вашем возрасте, мисс Уоррен, незачем даже и ездить так далеко. Вы буквально воспарите духом, уже завидев Остенде. Вас очарует веселье, живость, бодрящая атмосфера Брюсселя.

Виви *(вскакивает, не в силах скрыть отвращение)*. Ох!..

Прейд *(встает)*. Что такое?

Фрэнк *(тоже встает)*. Виви!

Виви *(Прейду, с горьким упреком)*. Неужели в разговоре со мной вы не могли найти другого примера вашей красоты и романтики, кроме Брюсселя?

Прейд *(не понимая)*. Конечно, это совсем не то, что Верона. Я вовсе не хочу внушить вам мысль...

Виви *(с горечью)*. Вероятно, красота и романтика и там и здесь одна и та же.

Прейд *(совершенно отрезвившись, встревоженно)*. Милая мисс Уоррен, я... *(Вопросительно смотрит на Фрэнка.)* Что-нибудь случилось?

Фрэнк. Ваши восторги кажутся Виви легкомысленными, Прейд. Она теперь трагически смотрит на вещи.

Виви *(резко)*. Помолчите, Фрэнк! Что за глупости!

Фрэнк *(садится)*. Как вам нравятся такие манеры, Прейд?

Прейд *(озабоченно и почтительно)*. Увести его, мисс Уоррен? Я чувствую, что мы вам мешаем работать.

Виви. Сидите, пожалуйста; я еще не собираюсь работать.

Прейд садится.

Вы оба думаете, что у меня истерика. Ничего подобного. Но, с вашего разрешения, я попросила бы вас оставить в покое две темы. Одна *(обращается к Фрэнку)* — это мечта о любви, в какой бы форме она ни выражалась; а другая *(обращается к Прейду)* — красота и романтика жизни, особенно если примером ей служат Остенде и брюссельские веселости. Сами вы вольны питать какие угодно иллюзии на этот счет; у меня их больше нет. Если мы трое останемся друзьями, то ко мне вы должны относиться как к деловой женщине, неизменно одинокой *(Фрэнку)* и неизменно чуждой романтике *(Прейду)*.

Фрэнк. Я тоже останусь неизменно одиноким, пока вы не перемените мнения. Предди, бросьте эту тему. Ваше красноречие пригодится на что-нибудь другое.

Прейд *(неуверенно)*. Боюсь, что я не умею говорить ни о чем другом. Евангелие Искусства — единственное, которое я могу проповедовать. Я знаю, мисс Уоррен поклоняется евангелию Успеха; но и об этом нам нельзя разговаривать, чтобы не задевать вас, Фрэнк, — ведь вы же решили, что вам не нужен успех.

Фрэнк. Не бойтесь меня задеть. Дайте мне какой-нибудь хороший совет, пожалуйста; это мне будет очень полезно. Попытайтесь еще раз сделать из меня человека, Вив. Ну, что там требуется: энергия, бережливость, дальновидность, уважение к себе, характер. Вы ненавидите бесхарактерных людей, Вив, не так ли?

Виви *(морщась)*. Довольно, довольно! К чему это отвратительное лицемерие? Мистер Прейд, если в мире только и есть, что эти два евангелия, то всем нам лучше покончить с собой; оба они насквозь прогнили.

Фрэнк *(смотрит на нее критически)*. В вас сегодня чувствуется поэтическая жилка, Вив, которой до сих пор не хватало.

Прейд *(протестуя)*. Мой милый Фрэнк, надо же немножко сочувствовать.

Виви *(не щадя себя)*. Нет, это мне полезно. Это мне не позволит впасть в сентиментальность.

Фрэнк *(шутливо)*. К которой вас влечет неудержимо?

Виви *(почти истерически)*. Да, да, так мне и надо! Не щадите меня. На минуту я расчувствовалась, и еще как расчувствовалась — при лунном свете! А теперь...

Фрэнк *(с живостью)*. Вив, послушайте! Осторожней. Не выдавайте себя.

Виви. Так ведь для мистера Прейда это не новость — о моей матери. *(Прейду.)* Лучше бы вы все рассказали мне в то утро, мистер Прейд. Вы уж очень старомодны, в конце концов, с этой вашей деликатностью.

Прейд. Нет, это вы немножко старомодны с вашими предрассудками, мисс Уоррен. Я должен сказать вам, как художник, что, по моему убеждению, самые интимные человеческие отношения стоят за пределами закона и несравненно выше его. Хотя мне известно, что ваша матушка незамужем, я ничуть не меньше ее уважаю. Напротив, я уважаю ее больше.

Фрэнк *(легкомысленно)*. Слушайте, слушайте!

Виви *(широко открыв глаза)*. И это все, что вам известно?

Прейд. Разумеется, это все.

Виви. Значит, оба вы ничего не знаете. Все ваши догадки — сама невинность по сравнению с правдой.

Прейд *(встает, волнуясь и негодуя и только усилием воли удерживая себя в границах учтивости)*. Надеюсь, что нет. *(Повышая голос.)* Надеюсь, что нет, мисс Уоррен.

Фрэнк *(свистит)*. Фью-ю!

Виви. Вы только затрудняете мое признание, мистер Прейд.

Прейд *(несмотря на свои рыцарские чувства, сдается)*. Если есть нечто худшее — я хочу сказать: нечто другое, — вы уверены, что вы вправе нам это сказать, мисс Уоррен?

Виви. Я уверена, что если б у меня хватило смелости, я до самой моей смерти только и делала бы, что рассказывала это всем и каждому, клеймила бы и жгла их, чтобы они понесли свою долю позора и стыда, как несу я. Больше всего на свете я презираю жалкую условность, которая берет под защиту эти порядки, запрещая женщине говорить о них. И все-таки я не в силах сказать вам.

Позорные слова, определяющие, что такое моя мать, звучат в моих ушах, просятся на язык, но я не могу произнести их, я сгораю от стыда. *(Закрывает лицо руками.)*

Мужчины в изумлении смотрят друг на друга, потом опять на Виви. Она поднимает голову с отчаянной решимостью и берет лист бумаги и перо.

Вот что, я составлю вам проспект.

Фрэнк. Она с ума сошла! Слышите, Вив, вы сумасшедшая. Ну, возьмите себя в руки.

Виви. Вот увидите. *(Пишет.)* «Основной капитал, не менее сорока тысяч фунтов, принадлежит главному акционеру сэру Джорджу Крофтсу, баронету. Отделения в Брюсселе, Остенде, Вене и Будапеште. Директор — миссис Уоррен». Да, не забыть бы ее основную профессию. Вот! *(Пишет и подвигает к ним листок.)* Нет, нет, не читайте, не надо! *(Берет бумагу и разрывает ее в клочки, потом, охватив голову руками, прячет лицо, припав к столу.)*

Фрэнк, который внимательно следил из-за ее плеча за тем, что она пишет, делает большие глаза, достает карточку из кармана и, нацарапав на ней два слова, молча передает Прейду, который в изумлении читает и поспешно прячет в карман.

Фрэнк *(нежно шепчет)*. Вив, милая, это ничего. Я прочел то, что вы написали, и Предди тоже. Мы все понимаем. И мы остаемся, как и до сих пор, вашими преданными друзьями.

Прейд. Да, мисс Уоррен. Я должен сказать, что вы самая замечательная, самая храбрая женщина, какую я встречал.

Этот сентиментальный комплимент оживляет Виви. Она отвергает его, нетерпеливо мотнув головой, и заставляет себя встать, опираясь на стол.

Фрэнк. Не двигайтесь, Виви, если вам трудно. Не принуждайте себя.

Виви. Благодарю вас. В одном вы всегда можете на меня положиться: я не заплачу и не упаду в обморок. *(Делает несколько шагов к двери в другую комнату и останавливается рядом с Прейдом.)* Мне понадобится гораздо больше храбрости для того, чтобы сказать моей матери, что наши дороги разошлись. Извините, я пойду на минуту в другую комнату, приведу себя в порядок

Прейд. Может быть, нам уйти?

Вивн. Нет, нет, я сейчас вернусь. Только на минуту. *(Уходит.)*

Прейд *(открывает ей дверь)*. Какое поразительное открытие! Я совершенно разочаровался в Крофтсе, совершенно!

Фрэнк. А я нисколько. По-моему, теперь вполне ясно, что это за фигура. Но какой удар для меня, Предди. Я уже не могу на ней жениться.

Прейд *(сурово)*. Фрэнк!

Они смотрят друг на друга: Фрэнк невозмутимо, Прейд с глубоким возмущением.

Позвольте мне сказать вам, Гарднер, что если вы бросите ее теперь, вы сделаете большую подлость.

Фрэнк. Добрый мой Предди! Какое рыцарство! Но вы ошибаетесь: загвоздка не в моральной стороне дела, а в денежной. Теперь я до старухиных денег и пальцем не смогу дотронуться.

Прейд. А вы на них рассчитывали, когда собирались жениться?

Фрэнк. А на что же еще? У меня нет своих денег и ни малейшей способности наживать их. Если б я теперь женился на Вив, ей пришлось бы содержать меня, и я обошелся бы ей куда дороже, чем стою.

Прейд. Но такой умный, способный юноша, как вы, может и сам что-нибудь заработать.

Фрэнк. Ну да, кое-что может. *(Вынимает деньги.)* Вот это я заработал вчера — в полтора часа. Но это была чистая спекуляция. Нет, милый Предди, даже если Бесси с Джорджиной выйдут за миллионеров и родитель умрет, не оставив им ни гроша, у меня будет всего-навсего четыре сотни в год. А вы знаете, старик у меня недогадливый, он проживет до семидесяти, и я еще лет двадцать просижу на голодном пайке. Нет, поскольку зависит от меня, я не допущу, чтобы Вив терпела нужду. Я благородно ретируюсь и уступаю поле действия нашей золотой молодежи. Так что это решено. Ей я этим докучать не буду, оставлю ей записочку, когда уйдем. Она поймет.

Прейд *(жмет ему руку)*. Вы честный человек, Фрэнк! Я от всего сердца прошу у вас прощенья. Но разве так необходимо больше с ней не видеться?

Фрэнк. Больше не видеться? Черта с два! Что это вам взбрело в голову? Я буду заходить к ней как можно ча-

ще, буду ее братом. Вы, романтики, делаете самые нелепые выводы из самых простых вещей.

Стук в дверь.

Кто бы это мог быть? Не откроете ли вы дверь? Если это клиент, то будет гораздо приличнее, если выйдете вы, а не я.

Прейд. Да, пожалуй. *(Идет к двери и открывает.)*

Фрэнк садится на стул Виви и пишет записку.

Дорогая Китти, входите, входите же.

Миссис Уоррен входит и боязливо оглядывается по сторонам, ища Виви. Она сделала все возможное, чтобы выглядеть почтенной матроной. Яркую шляпу заменил темный ток, пестрая блузка скрыта под дорогой мантильей черного шелка. Вид у нее жалкий, встревоженный, ей не по себе — по-видимому, от страха.

Миссис Уоррен *(Фрэнку)*. Как! Вы здесь?

Фрэнк *(оборачиваясь, но не вставая)*. Здесь, и в восторге от того, что вас вижу. Вы словно дыхание весны.

Миссис Уоррен. О, подите вы с вашими глупостями! *(Понизив голос.)* Где Виви?

Фрэнк выразительно кивает на дверь второй комнаты.

(Вдруг садится, чуть ли не со слезами.) Предди, она не захочет меня видеть, как вы думаете?

Прейд. Почему же не захочет, милая Китти? Не огорчайтесь.

Миссис Уоррен. Где уж вам понять, почему! Невинный младенец... Мистер Фрэнк, она вам ничего не говорила?

Фрэнк *(складывая записку)*. Она вас непременно увидит, если *(очень выразительно)* вы ее дождетесь.

Миссис Уоррен *(испуганно)*. А почему бы мне ее не дождаться?

Фрэнк насмешливо смотрит на нее, осторожно кладет записку на чернильницу, чтобы Виви не могла ее не заметить, когда ей понадобится обмакнуть перо, потом встает, подходит к миссис Уоррен и посвящает ей все свое внимание.

Фрэнк. Дорогая миссис Уоррен, предположим, вы были бы воробышком, маленьким, хорошеньким воробышком, прыгали бы по мостовой и вдруг увидели бы, что на вас надвигается паровой каток. Стали бы вы его дожидаться?

Миссис Уоррен. Отстаньте вы от меня с вашими воробьями. Зачем она сбежала из Хэслмира?

Фрэнк. Боюсь, что она вам скажет, если вы ее дождетесь.

Миссис Уоррен. Вы хотите, чтоб я ушла?

Фрэнк. Нет, я, как всегда, хочу, чтобы вы остались. Но я советую вам уйти.

Миссис Уоррен. Как! И никогда ее больше не видеть?

Фрэнк. Вот именно.

Миссис Уоррен *(опять плачет)*. Предди, не позволяйте ему меня тиранить. *(Торопливо вытирает глаза.)* Она рассердится, если увидит, что я плакала.

Фрэнк *(к его легкомысленной нежности примешивается нотка истинного сочувствия)*. Вы знаете, Предди — сама доброта, миссис Уоррен. Предди! Как вы скажете? Уходить или оставаться?

Прейд *(миссис Уоррен)*. Мне было бы очень жаль причинить вам напрасные страдания, но, мне кажется, вам лучше не дожидаться. Дело в том...

За дверью слышны шаги Виви.

Фрэнк. Ш-ш! Слишком поздно. Она идет.

Миссис Уоррен. Не говорите ей, что я плакала.

Входит Виви, останавливается и серьезно смотрит на миссис Уоррен, которая приветствует ее истерически-радостно.

Деточка! Наконец-то ты явилась.

Виви. Я рада, что вы пришли, мне нужно с вами поговорить. Вы, кажется, сказали, что уходите, Фрэнк?

Фрэнк. Да, ухожу. Пойдемте со мной, миссис Уоррен. Не хотите ли проехаться в Ричмонд, а вечером пойти в театр? В Ричмонде вполне безопасно. Там нет паровых катков.

Виви. Глупости, Фрэнк. Моя мать останется здесь.

Миссис Уоррен *(в страхе)*. Не знаю, может быть, мне лучше уйти? Мы мешаем тебе работать...

Виви *(спокойно и решительно)*. Мистер Прейд, уведите, пожалуйста, Фрэнка. Садитесь, мама.

Миссис Уоррен беспомощно садится.

Прейд. Идем, Фрэнк. До свиданья, мисс Виви.

Виви *(пожимая ему руку)*. До свиданья. Желаю вам счастливого пути.

Прейд. Благодарю вас, благодарю.

Фрэнк *(миссис Уоррен)*. До свиданья, а все-таки лучше бы вы послушались моего совета. *(Пожимает ей руку. Легкомысленным тоном, Виви.)* До скорого, Вив.

Виви. До свиданья.

Фрэнк уходит с улыбкой, не пожав ей руки.

Прейд *(с грустью)*. До свиданья, Китти.

Миссис Уоррен *(плаксиво)*. До свиданья!

Прейд уходит. Виви, спокойная, очень серьезная, садится на место Онории и ждет, чтобы мать заговорила. Миссис Уоррен, боясь молчания, начинает, не теряя времени.

Виви, почему же ты уехала, не сказав мне ни слова? Как ты могла? И что ты сделала с бедным Джорджем? Я хотела взять его с собой, да он отвертелся. Видно было, что он тебя до смерти боится. Вообрази, он и меня не пускал. Как будто *(вздрагивает)* я тебя боюсь, милая.

Виви становится еще мрачнее.

Но я, разумеется, ему сказала, что мы уже все решили и уладили и что мы с тобой в самых лучших отношениях. *(Не выдерживает.)* Виви, что это значит? *(Достает из конверта листок, подходит к столу и протягивает его Виви.)* Я получила это из банка сегодня утром.

Виви. Это мои деньги за месяц. Мне их прислали на днях, как всегда. Я просто отослала их обратно и попросила перевести на ваш счет, а квитанцию послать вам. Теперь я сама буду себя содержать.

Миссис Уоррен *(боится понять)*. Может быть, этого мало? Почему же ты не сказала мне? *(С хитрым блеском в глазах.)* Я могу давать вдвое больше, я и так собиралась. Только скажи, сколько тебе нужно.

Виви. Вы прекрасно знаете, что дело совсем не в этом. Я пойду своей дорогой, у меня будет свое дело и свои друзья. А у вас своя дорога. *(Встает.)* Прощайте.

Миссис Уоррен *(в ужасе)*. Прощайте?

Виви. Да, прощайте. Ну к чему мы будем устраивать ненужную сцену? Вы же прекрасно понимаете: сэр Джордж Крофтс все мне рассказал.

Миссис Уоррен *(сердито)*. Старый... *(Вовремя спохватывается и бледнеет оттого, что слово едва не вырвалось у нее.)*

Виви. Так, так.

Миссис Уоррен. Язык бы ему отрезать! Но я думала, что с этим уже кончено: ведь ты сказала, что тебе все равно.

Виви *(твердо)*. Простите, мне не все равно.

Миссис Уоррен. Но я же тебе объяснила.

Виви. Вы объяснили только, что вас привело к вашей профессии. Но ничего не сказали о том, что вы ее до сих пор не бросили. *(Садится.)*

Миссис Уоррен, прикусив язык, в отчаянии смотрит на Виви, которая ждет, втайне надеясь, что битва кончена. Но на лице миссис Уоррен опять появляется хитрое выражение, и, наклонившись через стол, она говорит лукаво и настойчиво, почти шепотом.

Миссис Уоррен. Виви, знаешь ли ты, как я богата?

Виви. Не сомневаюсь, что вы очень богаты.

Миссис Уоррен. Но ты плохо понимаешь, что это значит, ты слишком молода. Это значит новое платье каждый день; это значит балы и театры каждый вечер; это значит первые джентльмены Европы у твоих ног; это значит красивый дом и множество прислуги; это значит самые тонкие кушанья и напитки; это значит все, что тебе нравится, все, чего душа пожелает, все, что только вздумаешь. А здесь ты что такое? Не лучше прислуги! Мучаешься и корпишь над работой с утра до ночи ради хлеба и двух дешевых платьев в год. Подумай-ка хорошенько. *(Вкрадчиво.)* Ты возмущаешься, я знаю. Я понимаю твои чувства, они делают тебе честь; но, поверь мне, никто тебя не осудит, можешь положиться на мое слово. А я знаю молодых девушек, знаю, что ты переменишь свое мнение, когда подумаешь как следует.

Виви. Так вот как это делается? Вы, должно быть, много раз говорили все это другим женщинам, оттого у вас и получается так гладко.

Миссис Уоррен *(страстно)*. Разве я тебя прошу о чем-нибудь дурном?

Виви презрительно отворачивается.

(В отчаянии продолжает.) Виви, послушай меня. Ты не понимаешь; тебя нарочно учили не тому, что нужно; ты не знаешь по-настоящему, что такое жизнь.

Виви *(в недоумении)*. Как не тому учили? Что вы хотите сказать?

Миссис Уоррен. Я хочу сказать, что ты напрасно упускаешь свое счастье. Ты думаешь, что люди — то, чем

они кажутся, и что все так и есть, как тебя учили думать в школе,— хорошо и правильно? Так нет же, все это только притворство, чтобы держать в руках трусливых, смирных, обыкновенных людишек. Хочешь узнать это в сорок лет, как другие женщины, когда будет уже поздно, или вовремя, от родной матери, которая тебя любит и может поклясться, что все это правда, святая правда? *(Настойчиво.)* Виви, умные люди, настоящие люди, те, кто всем правит,— знают это. Они поступают по-моему и думают по-моему. Я многих таких знаю. Я знаю их, я познакомлю тебя с ними, они станут твоими друзьями. У меня ничего дурного на уме нет; вот этого ты не понимаешь, тебе внушили самые дикие понятия обо мне. Что знают эти твои учителя о жизни и о таких людях, как я? Когда они меня видели, когда говорили со мной, когда хоть слышали от кого-нибудь обо мне? Дурачье! Да разве они сделали бы что-нибудь для тебя, если б я им не платила? Разве я тебе не говорила, что хочу, чтобы ты была порядочной? Разве я не воспитала тебя так, чтобы ты была порядочной? И разве ты можешь оставаться порядочной без моих денег, без моего влияния, без друзей Лиззи? Ведь ты сама себя режешь и мне разбиваешь сердце, когда отворачиваешься от меня.

Виви. Я узнаю жизненную философию Крофтса, мама. Все это я слышала от него у Гарднеров.

Миссис Уоррен. Ты думаешь, я хочу навязать тебе этого старого шута? Нет, Виви, клянусь тебе, что нет!

Виви. Не беда, если б и хотели; вам бы это не удалось.

Миссис Уоррен содрогается, глубоко оскорбленная равнодушием Виви к ее материнским заботам.

(Виви, не понимая этого и не желая понимать, продолжает спокойно.) Мама, вы плохо меня знаете. Я возражаю против Крофтса не больше, чем против всякого другого грубияна его круга. Сказать вам по правде, я даже отдаю ему должное за то, что у него хватило характера пользоваться жизнью по-своему и наживать деньги, вместо того чтобы охотиться на фазанов и лисиц, обедать в гостях, одеваться у лучших портных и вообще бездельничать, как это принято в его обществе. И я прекрасно знаю: будь я в тех же обстоятельствах, что и моя тетушка Лиз, я бы поступила точно так же. Не думаю, чтоб у меня было больше предрассудков, чем у вас; думаю даже, что меньше. Кроме

того, я не так сентиментальна. Я прекрасно знаю, что вся светская мораль – сплошное притворство, что если б я взяла ваши деньги и всю остальную жизнь тратила бы их, как принято в обществе, меня никто не упрекнул бы за это, и я стала бы такой же пустой и никчемной, как самая последняя светская дурочка. Но я не хочу быть пустой. Мне было бы неинтересно кататься в парке, рекламируя свою портниху и своего каретного мастера, или скучать в опере, демонстрируя целую выставку брильянтов.

Миссис Уоррен *(растерянно)*. Но...

Виви. Погодите минуту, я еще не кончила. Скажите мне, почему вы не бросаете этого дела теперь, когда вы от него уже не зависите? Вот вы говорите, ваша сестра бросила. Почему же вы не бросаете?

Миссис Уоррен. Ну, для Лиз это очень легко, она любит хорошее общество, у нее вид настоящей дамы. А ты вообрази меня в Уинчестере! Грачи на деревьях – и те заклевали бы меня, а скорее всего я бы просто умерла от скуки. Мне нужна работа, нужно движение, иначе я с ума сойду от тоски. А что же еще я могу делать? Эта жизнь мне подходит, и ни для какой другой я не гожусь. Если я перестану этим заниматься, найдутся другие, так что вреда я не приношу. И потом – это выгодно, а я люблю наживать деньги. Нет, нечего и толковать, бросить дело я не могу – ни для кого. Да и зачем тебе о нем знать? Я никогда не заикнусь об этом. Крофтса я к тебе не подпущу. Я не буду часто тебе надоедать: ты же видишь, мне постоянно приходится разъезжать с места на место. А когда я умру, ты совсем от меня избавишься.

Виви. Нет, я дочь своей матери. Я такая же, как вы: мне нужна работа, нужно зарабатывать больше, чем я трачу. Но у меня другая работа и другая дорога. Мы должны расстаться. И для нас изменится очень немногое: вместо того чтобы встретиться, может быть, несколько раз за двадцать лет, мы не встретимся никогда, вот и все.

Миссис Уоррен *(глухим от слез голосом)*. Виви, я хотела бывать с тобой чаще, правда хотела.

Виви. Не стоит, мама. Меня не переделаешь дешевыми слезами и просьбами, так же как и вас, я думаю.

Миссис Уоррен *(вне себя)*. По-твоему, материнские слезы дешевы?!

Виви. Они вам ничего не стоят; а меня вы просите отдать за них душевный мир и спокойствие всей моей жизни. На что я вам нужна, даже если б вы добились своего? Что

между нами общего и какое счастье мы можем дать друг другу?

Миссис Уоррен *(забывшись, переходит на просторечие)*. Я тебе мать, ты мне дочь! Мне нужна моя дочь. Я имею на тебя права. Кто будет обо мне заботиться, когда я состарюсь? Многие девушки привязывались ко мне, как к родной матери, и плакали, расставаясь со мной, а я никого не пожалела, потому что ждала тебя. Я осталась одинокой ради тебя. Ты не имеешь права идти против меня и забывать дочерний долг.

Вивн *(настраиваясь враждебно; в голосе матери ей слышится эхо трущоб)*. Дочерний долг? Я так и думала, что мы до этого дойдем. Раз навсегда, мама: вам нужна дочь, Фрэнку нужна жена, — а мне не нужно матери и не нужно мужа. Я не пощадила ни себя, ни Фрэнка, когда выпроводила его. Вы думаете, я пощажу вас?

Миссис Уоррен *(с силой)*. О, я знаю таких, как ты, — у тебя нет жалости ни к себе, ни к другим. Я знаю. Мой опыт хоть в этом мне помог: я умею распознать ханжу, лицемерную, сухую, бессердечную женщину. Что ж, оставайся одна, мне тебя не надо! Только послушай. Знаешь, что я с тобой сделала бы, если бы ты родилась снова? Да, сделала бы, свидетель бог!

Вивн. Задушили бы меня, верно?

Миссис Уоррен. Нет, я воспитала бы тебя так, чтоб ты была мне настоящей дочерью, а не такой, какая ты теперь, — с твоей гордостью, предрассудками и образованием, которое ты у меня украла. Да, украла! Ну, отопрись, если посмеешь! Скажи, что́ это, как не воровство, а? Я воспитала бы тебя у себя дома, да.

Вивн *(спокойно)*. В одном из ваших домов.

Миссис Уоррен *(взвизгивает)*. Послушайте ее! Посмотрите, как она плюет на седые волосы своей матери! Дай тебе бог дожить до того, чтобы твоя дочь растоптала тебя так же, как ты растоптала меня. И ты доживешь до этого, доживешь! Не бывать счастливой той женщине, которую прокляла мать!

Вивн. Перестаньте беситься, мама. Это только раздражает. Будет вам. Я, пожалуй, единственная из молодых женщин, попавших вам в руки, которой вы сделали добро. Не жалейте об этом.

Миссис Уоррен. Да! Прости меня господи, это правда! И только ты одна пошла против меня. Ведь это же несправедливо, так несправедливо, так несправедливо!

Я всегда хотела быть хорошей женщиной. Я пробовала честно работать — и мной помыкали, как тряпкой, пока я не прокляла тот день, когда впервые услышала о честной работе. Я была хорошей матерью; я вырастила дочь хорошей женщиной — и за это она чурается меня, как прокаженной. О, если б можно было начать жизнь сначала! Сказала бы я словечко этому лицемеру священнику из нашей школы! С этих пор — пусть простит меня бог перед смертью! — я буду делать только зло и ничего, кроме зла. И наживаться на нем.

Виви. Да. Уж лучше выбрать свою дорогу и идти по ней до конца. Если бы я была на вашем месте, я, может быть, делала бы то же, что и вы; только не стала бы жить одной жизнью, а верить в другую. Ведь в душе вы раба условностей. Потому-то я с вами и прощаюсь. Права я или нет?

Миссис Уоррен *(не понимая)*. В чем? В том, что отказываешься от моих денег?

Виви. Нет, в том, что отказываюсь от вас. Я была бы дура, если бы этого не сделала. Верно?

Миссис Уоррен *(мрачно)*. Ну, уж если на то пошло, пожалуй, ты и права. Только, господи помилуй, что же это будет, если все начнут поступать как должно! А теперь мне лучше уйти, раз во мне здесь не нуждаются. *(Поворачивается к двери.)*

Виви *(любезно)*. Вы не хотите пожать мне руку?

Миссис Уоррен *(в ярости смотрит на дочь, обуреваемая желанием ударить ее)*. Нет, спасибо. Прощай!

Виви *(сухо)*. Прощайте.

Миссис Уоррен уходит, хлопнув дверью.

(С лица Виви сходит напряженное выражение, оно проясняется. Виви вздыхает с огромным облегчением, не то плача, не то смеясь; решительно подходит к столу, отставляет в сторону лампу, придвигает к себе груду бумаг; хочет окунуть перо в чернильницу и видит записку Фрэнка. Она небрежно развертывает ее и пробегает, мимоходом улыбаясь оригинальному обороту речи.) Прощай и ты, Фрэнк. *(Рвет записку и, не задумываясь ни на минуту, бросает клочки в корзину. Потом решительно берется за работу и с головой уходит в вычисления.)*

Пьесы приятные

ОРУЖИЕ И ЧЕЛОВЕК

КАНДИДА

ИЗБРАННИК СУДЬБЫ

ПОЖИВЕМ — УВИДИМ

Plays Pleasant

ПРЕДИСЛОВИЕ К «ПЬЕСАМ ПРИЯТНЫМ»

Читатели полемической статьи, которой начинается мой предшествующий сборник, вспомнят, что я взялся за сочинение пьес в ту пору, когда бесконечные разговоры о новой драме, вызвавшей к жизни новый театр (Независимый), грозили привести к печальному открытию, что новая драма, по крайней мере в Англии, существует только в воображении революционеров от театра. Я поспешно вмешался в дело и, вместо того чтобы дать ему погибнуть, доказал, что оно вполне жизнеспособно. Человека создает привычка. Нельзя написать три пьесы и на этом остановиться. К тому же новое движение не умерло. В 1894 году мисс Хорниман, которая по семейным обстоятельствам не могла сама открыто выступить в качестве преобразователя театра, пригласила Флоренс Фарр, уже поставившую к тому времени ибсеновский «Росмерсхольм», возглавить на один сезон лондонский театр «Авеню».

Для этого начинания подходящими новыми драматургами оказались я, открытый Независимым театром по моей собственной подсказке, доктор Джон Тодхантер, которого открыли еще раньше, чем меня (его пьеса «Черный кот» уже была одной из больших удач Независимого театра), и У. Б. Йитс — подлинное открытие. Тодхантер написал для «Авеню» «Комедию вздохов», Йитс — «Обетованную землю», а я, не имевший в запасе ничего, кроме «Неприятных пьес», быстро завершил первый вариант одной приятной пьесы и назвал ее «Оружие и человек», взяв для этого заглавия первую строку драйденовского «Вергилия». Пьеса имела успех, аплодисменты на премьере были в высшей степени многообещающими. Она шла с 21 апреля по 7 июля. Чтобы посмотреть ее, зрители заплатили 1777 фунтов 5 шиллингов и 6 пенсов, в среднем 23 фунта 2 шиллинга и 5 пенсов за спектакль (включая девять утренников). Издатель, выручивший за книгу 1700 фунтов, получил бы немалую прибыль; искушенные руководители вест-эндских театров на эту цифру будут взирать с угрюмой усмешкой.

Осенью 1894 года я провел несколько недель во Флоренции, где изучал религиозное искусство Средневековья и его упадок, вызванный эпохой Возрождения. После более раннего визита в Италию, совершенного с той же целью, я поспешил обратно в Бирмингем, чтобы сложить с себя обязанности музыкального обозревателя на проходившем там фестивале.

По случаю фестиваля в Бирмингеме была выставлена замечательная коллекция наших британских прерафаэлитов. Я осмотрел их, затем направился в бирмингемские церкви поглядеть на витражи Уильяма Морриса и Берн-Джонса. В целом Бирмингем оказался более многообещающим, чем итальянские города, потому что искусство, которое он показал, создавалось живыми людьми, современная же Италия, насколько я могу судить, имеет столь же мало отношения к Джотто, как Порт-Саид к Птолемею. Я не слишком высоко ценю склонность заниматься искусством у людей, не способных создавать то, на оценку чего они претендуют. Когда в свое следующее посещение Италии я занялся драматургией, пришел час и для появления современной прерафаэлитской драмы. Религия вновь ожила для многих людей, даже священнослужителей, причем с такой силой, что сама англиканская церковь не смогла устоять против нее. Тут и моя деятельность социалиста вступила на надежную, испытанную почву. Для меня члены союза св. Матфея были не более «служителями Высокой церкви», а доктор Клиффорд не более выдающимся богословом нонконформизма, чем я для них безбожником. На свете есть только одна религия, хотя и существует она в тысячах разновидностей. По сути, все мы говорили одно и то же. И хотя кое-кто из нас прочищал себе горло, чтобы выразить это в революционных лирических песнях и республиканских гимнах, все мы не прочь были петь и под музыку Сюлливена «Вперед, солдаты христианства» или Гайдна «Боже, храни короля».

Но единство, как бы хорошо оно ни было для политической агитации, губительно для драмы, ибо в основе каждой драмы должен быть конфликт. Оканчиваться она может примирением или катастрофой, либо же в ней, как в самой жизни, может вовсе не быть конца. Но конфликт должен быть обязательно. Где нет конфликта, там нет и драмы. Разумеется, очень просто сделать стержнем драмы прозаический конфликт между христианским социализмом и его обычными противниками. Например, в «Домах вдовца» священник, который так и не появляется на сцене, по сути дела, и есть настоящий противник владельца трущоб. Но лежащий на поверхности конфликт абсолютного добра с абсолютным злом годен лишь для дешевой драмы с героем и злодеем, где абсолютизирована одна определенная точка зрения, и к тем, кто с ней не согласен, драматург относится, как к врагам, которых надо либо почтительно прославлять, либо с презрением порочить. Такой дешевкой я не занимаюсь. Даже в своих пропагандистских «Неприятных пьесах» я предоставил каждому персонажу право думать по-своему и

надеюсь, относился, насколько это для меня возможно, с одинаковым сочувствием и к сэру Джорджу Крофтсу, и к любому из более симпатичных и добросердечных героев настоящего сборника.

Чтобы четко отделить сущность чистой драмы от современного или средневекового прерафаэлитства, в ней следует предельно обнажить ее внутреннюю борьбу с первыми, робкими и неуверенными попытками определить сущность ее бунта против себя самой, по мере того как она поднимается на более высокую ступень. Обратиться к разуму, чтобы толково и просто объяснить ему значение подобного бунта, можно только тогда, когда работа будет полностью завершена, то есть когда это развитие получит признание и станет вчерашним днем. Задолго до того, как будет достигнуто такое понимание, взоры людей начинают обращаться к далекому свету нового века. Сначала этот свет различим только для глаза гения, и гений должен сфокусировать его в зеркале своего искусства и затем бросить в глаза обыкновенного человека. Более того, у самого художника нет иного способа уловить этот луч: только одна слепая интуиция ведет его к созданию шедевров, до тех пор пока их вершины не озарятся отблеском еще не вставшего солнца. Убедите художника рассказать о себе попросту, и вы узнаете, что он «пишет, как ангел, и говорит, как жалкий попугай», и первым готов наклеить на себя этот ярлычок. Джон Раскин довольно понятно растолковал, что содержится в картинах Карпаччо и Беллини. А теперь пусть он объяснит, если может, что будет, когда опустится в ущелье солнце, осветившее горные вершины на полотнах его любимца Тинторетто и антипатичного ему Рембрандта или в произведениях Моцарта, Бетховена и Вагнера, Блейка и Шелли. Пусть Ибсен объяснит, если сможет, почему строительство церквей и уютных домов не является конечным назначением Человека и почему Человек, уступая трепетным надеждам неудовлетворенного молодого поколения, должен подняться к вершинам, хотя этот подъем вызывает у него немыслимое головокружение и страх, хотя те, кто доберутся до этих вершин первыми, неминуемо сорвутся вниз и расшибутся насмерть. Ибсен не в состоянии этого объяснить — он только может в волшебном зеркале своего искусства показать все это как видение. А вы, вы сможете уловить его замысел и сами все додумать в меру своих способностей.

В этом и заключается роль драмы: она выше обмана и погони за развлечениями и потому дает драматургу право быть чем-то большим, чем ловкий лжец или сводник.

Вот так и у меня появилось более высокое, хоть и смутное понимание непоследовательной, вредной, подчас смешной оторванности от жизни, и я показал эту оторванность от жизни как драматический антагонизм идеалистического христианского социализма — ясного, смелого, надежного, разумного, доброжелательного и удобного своей недальновидностью.

Я воплотил все это в «Кандиде». В Абердине, как я слышал, очень понравилась изображенная в ней сцена опьянения. Я постарался так построить пьесу, чтобы ее постановка обходилась недорого. Не рассчитывая на очень широкий круг зрителей, я попытался уговорить нескольких наших просвещенных режиссеров рискнуть дать в качестве опыта несколько дневных спектаклей. Пьеса им очень понравилась. Я даже думаю, что если б кто-либо из них был достаточно молод для роли поэта, мое предложение возымело бы успех, несмотря на кое-какие препятствия. Более того, если бы поэт был хромым или, на худой конец, слепым и это, потребовав самого незначительного грима, еще больше взывало бы к состраданию зрителей, то пьесу наверняка можно было бы пристроить. Ричард Мэнсфилд, который поставил мои пьесы и поразительно быстро сделал меня в Америке знаменитостью, пошел так далеко, что начал уже репетировать «Кандиду», но должен был признать, что ему оказались не по силам физические трудности роли. Роль действительно была ему не по силам. И «Кандида» увидела свет рампы только тогда, когда мой старый друг Независимый театр, совершавший по провинции гастрольную поездку с «Кукольным домом», к великому удивлению зрителей, включил в свой репертуар и мою пьесу.

В 1895 году я в дни праздности набросал небольшой этюд, назвав его «Избранник судьбы», — просто бравурный пустячок, предназначенный для испытания виртуозности исполнителей двух главных ролей.

В 1896 году я в свободное время занялся сочинением еще двух пьес. Из них только первая печатается в этой книге: «Поживем — увидим» — это попытка выполнить многочисленные заказы на комедию, в которой я должен был смягчить «блеск» пьесы «Оружие и человек» (сильно, кстати сказать, преувеличенный критиками) в соответствии с требованиями антрепренеров, ищущих изысканные комедии для вест-эндских театров. Сделать это мне было нетрудно, так как я всегда писал пьесы в форме тех веселых комедий, которые ставятся во всех театрах. Ничуть не склонный презирать вкус большинства зрителей к веселью, к модным платьям, легкой музыке, даже к сценам, изображающим, как едят и пьют богато разодетые люди, которым прислуживает лакей, по возможности комичный,

я страшно хотел доказать, что в драме все эти вещи вполне можно очеловечить, так же как с их же помощью драму, попавшую в дурные руки, можно легко лишить человеческого содержания. Но, как это случается, было легче написать такую пьесу, чем убедить ее заказчиков, что они получают как раз то, что им нужно. В одной из глав «Истории Хэймаркетского театра», написанной Сирилом Модом, рассказано, как проходили репетиции этой пьесы и почему я отобрал ее у этого театра. Так я дошел до того, что решил — это описано в предисловии к «Неприятным пьесам» — сам воспользоваться своими литературными достижениями и по-своему показывать публике мои пьесы.

Следует заметить, что я отважился на это вовсе не вследствие враждебного отношения ко мне наших режиссеров. Я не думаю, что исполнительский талант современного актера-режиссера может естественно соединиться с исключительной критической проницательностью. Как правило, к тому времени, когда режиссер накапливает достаточный опыт, чтобы стать таким же безупречным судьей пьес, как делец с Бонд-стрит — ценителем картин, все его выводы опрокидываются из-за медленного, но неуклонного изменения вкусов зрителей и из-за усугубления его собственного консерватизма. Но его потребность в новых пьесах так велика, а немногие уже признанные авторы так мало способны поспевать за ростом этих потребностей, что режиссер скорее преувеличит, чем недооценит достоинства открытых им новых пьес, написанных новыми авторами. Оригинальные произведения гениального драматурга, вроде Ибсена, ставят его в тупик, так же как и многих профессиональных критиков. Но на проторенной дорожке драматургии невозможно найти хорошие и еще не ставившиеся пьесы, которые отвечали бы целям режиссеров. В то же время ни для кого не секрет, как много средств тратится на постановку очень плохих пьес, написанных новичками.

Так вот, всякому, кто в состоянии хоть смутно представить себе, что при постановке каждой пьесы возникают сложности, тревоги, риск больших убытков, необходимость затраты денег и умственной энергии, может показаться просто чудом та легкость, с какой известные и неизвестные драматурги добиваются, чтобы их пьесы шли в театре.

И конечно, авторам нечего рассчитывать, что режиссеры станут вкладывать много тысяч фунтов в постановки тех пьес, которые, как бы прекрасны (или наоборот) они ни были, явно не привлекут рядовую театральную публику. При современном коммерческом подходе сочинение пьес и их сценическое воплоще-

ние — это такое же предприятие, как и все прочее, и оно требует поддержки большого количества рядовых потребителей. Если авторы и постановщики изучают интересы этих потребителей, их ждет успех. А если нет — они прогорают.

Случается, что патриотически настроенный режиссер или автор с обостренным чувством ответственности художника идет на то, чтобы, невзирая на возможные убытки, не только по мере сил поддерживать самый высокий стандарт качества, но и неуклонно повышать этот стандарт, поднимая общий культурный уровень зрителя и принося тем самым обществу максимум пользы, а себе — минимум прибыли. Беспринципный же режиссер или автор обычно просто заботятся о максимуме прибыли с минимумом риска. Таковы два противоположных полюса нашей театральной системы, представленные на практике первоклассной режиссурой, с одной стороны, и синдикатами, ставящими порнографические фарсы, с другой. А между этими двумя полюсами остается еще довольно пространства: во всяком случае, каждый способный драматург, приносящий в театр пьесу, которая нужна зрителям и которую они способны понять, или даже пьесу, в которой им одновременно придется проглотить и нечто такое, что им не нужно и чего они не в состоянии понять (ибо в таких вещах публика бывает трогательно робкой), каждый такой драматург может добиться успеха, преодолев не больше трудностей, чем выпадает на долю представителей любой родственной профессии.

Однако финансовые возможности нашего общественного благосостояния слишком ничтожны. Значение театра как общественного учреждения возрастает. Плохие театры так же вредны, как плохие школы или плохие церкви; вся современная цивилизация способствует тому, что количество людей, для которых театр — это и школа и церковь, непрерывно увеличивается. Общественная и частная жизнь с каждым днем становится все более показной: в наше время кайзер, диктатор, президент или премьер-министр без блестящего актерского таланта просто ничего не стоят. Все газеты сейчас бьют на театральный эффект, а судебные протоколы убеждают, что сцена оказывает на поведение людей необычайно сильное влияние, причем отнюдь не в худшую сторону, правда, при условии, что люди эти не воспитывались театром романтическим, то есть ненатуральным, дешевым и вульгарным.

Дело в том, что драматические коллизии пробуждают в людях первые стремления к духовной деятельности. Невозможно провести грань между драмой и историей или религией, между сценической игрой и личным поведением человека. Отличается

все это друг от друга так же, как шедевры поэтов-драматургов от средних постановок наших театральных сезонов. Когда этот раздел науки будет описан всерьез, общегосударственное значение театров так же не будет вызывать сомнений, как общегосударственное значение армии, флота, церкви и школ.

Со своей стороны я не сомневаюсь, что коммерческие барьеры должны быть преодолены и что театральное руководство неустанным приобщением публики к величайшим произведениям драматического искусства добьется для театров сносной и стабильной обеспеченности и самого высокого общественного признания. Вряд ли среди наших режиссеров возникнут разногласия по этому поводу: лучшие из них столь страстно жаждут достичь такого признания, по возможности не разоряясь при этом, что все они могут указать на те «почетные» убытки, которые понесли, «целясь поверх голов зрителей». Не приходится сомневаться, что как только успех нескольких популярных спектаклей позволит им, они снова пойдут на риск ради поддержания своей репутации подлинных художников. Но даже если бы они могли воспитывать народ на свои личные средства, вправе ли мы требовать этого от них? Против обирания общества с помощью разных частных пожертвований теперь выдвигают гораздо более серьезные возражения, чем это было при проведении закона о бедных в 1834 году.

Если нам нужен театр, который станет для драмы тем, чем являются для живописи и литературы Национальная галерея и Британский музей, то мы сможем получить его, обеспечивая его тем же путем. В то же время ведь есть много возможностей для развития местных театров. Группы любителей могут образовывать постоянные общества, которые были бы способны продержаться, пока не станут профессиональными труппами уже существующих репертуарных театров. В больших городах вполне осуществимо создание действенных комитетов из наиболее влиятельных лиц (но по возможности без участия актеров, критиков и драматургов), которые могли бы установить контакт с каким-либо ведущим местным режиссером и предложить ему под определенное обеспечение поставить по их рекомендации несколько дневных спектаклей сверх его обычного репертуара. Если комитет будет пользоваться достаточно большим влиянием, его предложение будет принято. В этом случае первый спектакль послужит для режиссера и его труппы началом работы над классическим репертуаром, который станет расширяться с каждым последующим спектаклем. Формирование нового репертуара пойдет бок о бок с от-

крытием и привлечением на эти спектакли постоянной публики, и мало-помалу режиссеру станет выгодно увеличить на свой риск и страх их количество. Возможно, для него окажется выгодным взять еще один театр с постоянным собственным репертуаром. Если какая-либо из его классических постановок будет иметь успех, он перенесет ее в свой основной театр и извлечет из нее немалый доход. За такую деятельность режиссер получит дворянское звание, а такой театр станет необходимой для общества ячейкой, в которую будут вкладываться муниципальные и национальные средства. Это предложение я делаю совершенно бескорыстно; я ведь не академическая персона, и меня такой комитет не привлечет в качестве еще нигде не ставившегося классика. Пьесы же, подобные моим, все-таки очень ненадежны, как ненадежны основы существования Независимого театра. А подобный комитет, могу напомнить его критикам, действовал в Лондоне в течение двух столетий, поддерживая итальянскую оперу.

Возвращаясь к современному положению вещей, я заверяю, что у меня нет поводов жаловаться на наши театры. Отдавая себе полный отчет в своих действиях, я сам создавал трудности для постановки моих пьес тем, что игнорировал театральную публику, и даже больше — я просто воевал с ней. С актером я был более деликатен. Я применял всяческие хитрости, чтобы он наилучшим образом проявил в моих пьесах свое мастерство. Но я не стеснялся нагружать его интеллект, потому что хотел, чтобы сценический эффект зависел не только от нюансов его исполнения, выходящего далеко за пределы средней актерской техники, созданной рутиной современного английского театра,— я хотел еще, чтобы этот эффект зависел от глубокого понимания душевного настроя современного зрителя (против чего многие до сих пор возражают с циничным упорством), а также от добродушно-насмешливого или презрительного отношения к этическим банальностям, которые большинство людей принимают за нечто высокогероическое и освященное веками.

Извращенное влияние романтики неизбежно сказывается на актере сильнее, чем на большинстве из нас, и их сильней, чем зрителей партера, озадачивает мое отношение к романтике как к великой ереси, которую надо изгнать из жизни и литературы, ибо она питает современный пессимизм и губит современное чувство собственного достоинства. Актеру, который, согласно понятиям о чести, хочет быть безупречным джентльменом, очень трудно симпатизировать автору, считающему, что претензии на аристократизм — это бесчестная глупость, а га-

лантность и рыцарственность — средство обманывать женщин и выставлять мужчин в смешном виде.

Это непонимание осложняется тем, что у актеров, демонстрирующих эмоции, сценические штампы стали второй натурой, а они часто слишком старомодны для изображения современной жизни. Порой сценический штамп не только старомоден, но в принципе и фальшив. Возьмем, например, самое простое — смех и слезы: этот прием используется чрезвычайно щедро, но не так, как это нередко наблюдается в реальной жизни, — мы теперь иной раз плачем, пытаясь перенести счастье, но смеемся и веселимся при разорении, катастрофе, смятении чувств. Я ни во что ставлю смех публики на представлении комедии: любой шут способен рассмешить зрителей. Я хочу видеть, сколько из них, смеющихся или серьезных, по-настоящему взволнованы. Но, чтобы получить такой результат, актеру мало одного глубокого понимания моих замыслов: нужна художественность и красота исполнения, а они достигаются усердной и долгой практикой и умственным напряжением, хотя, возможно, мои пьесы кажутся недостаточно серьезными, чтобы его вызывать.

Помимо тех трудностей, которые возникают вследствие своеобразия моих пьес, мне больше не на что жаловаться. Я не сталкивался ни с неприязнью, ни с недоступностью тех весьма немногих режиссеров, с которыми я обсуждал свое творчество. Обычно я обнаруживал, что актер-режиссер слишком оптимистичен и по свойственной художнику привычке недооценивает силу обстоятельств и преувеличивает способность талантливых людей преодолевать их. Я же выработал в себе привычку политика считать, что у человека, даже и очень талантливого, нет другого выхода, как наилучшим образом использовать обстоятельства. Я склонен подозревать, что если режиссеров, больше других имеющих со мной дело, спросить, какова самая большая трудность при постановке моих пьес, они без колебания хором ответили бы: «Автор». И я признаюсь, что с точки зрения деловой я хочу, чтобы мои пьесы ставились, но, повинуясь инстинкту, я борюсь против неизбежного неправильного их истолкования и прибегаю ко всяким уловкам, чтобы скрыть свое раздражение и от себя самого и от режиссера.

Но, разумеется, главная трудность в том, что серьезная драма недоступна пониманию массе разных по социальному положению зрителей, которые за свои шиллинги и полгинеи хотят, словно на рынке, купить наслаждение изящными искусствами. И я вынужден открыто поставить себя над ними. Я знаю, что многие режиссеры целиком зависят от зрителей и что нет ре-

жиссера, который бы совершенно от них не зависел. Я не могу писать для них то, что они хотят, как не может Иоахим отложить в сторону свою скрипку и развлекать веселящуюся на пирушках компанию исполнением маршевой музыки на немецкой гармонике. Зрителям надо держаться подальше от моих пьес, вот и все.

Однако у меня нет причин относиться пренебрежительно к тем уважаемым критикам, которые жалуются, что хотя мой талант и довольно забавен, но ему чужды возвышенные чувства и серьезные цели. Под поверхностным блеском, в котором критики не отказывают моим пьесам, они не обнаруживают ни связной мысли, ни симпатии к людям. Употребляя выражения разной силы, они обвиняют меня в бесчеловечном, странном шутовстве, в приверженности к изнанке жизни, в парадоксальности, цинизме и эксцентричности, сводящейся, как полагают некоторые, к пошлой теории, рассматривающей добро как зло и зло как добро, значительное как тривиальное и тривиальное как значительное, серьезное как то, над чем смеются, то же, что вызывает смех, как серьезное, и т. д. и т. п. Что касается самой этой теории, то если какой-нибудь джентльмен в простоте душевной вообразит, что на ее основе можно создать даже хорошую комическую оперу, я с удовольствием посоветую ему попробовать свои силы на этом поприще: посмотрим тогда, получится ли у него хоть что-либо, напоминающее мои пьесы.

Я, если захочу, смогу легко объяснить все это, но ведь люди, не понимающие моих пьес, не поймут и моих объяснений. Самые существенные претензии ко мне часто оказываются не более как признаком принципиальных, коренных расхождений между романтической этикой критиков и естественной моралью моих пьес. Например, я глубоко убежден, что швейцарский офицер в пьесе «Оружие и человек», которого так много критиковали,— вовсе не условный театральный воин. Он страдает от голода и недосыпания, нервы у него на пределе после трехдневных боев, закончившихся ужасами разгрома и преследований. Он на опыте понял, что на поле боя для подкрепления сил важнее иметь несколько плиток шоколада, чем револьверные патроны. Когда многие из моих критиков назвали эти факты фантастическими, неправдоподобными, циничными и неестественными, мне нечего было спорить с ними и взывать к их здравому смыслу. Все, что мне оставалось делать, это, как говорится, вправить им мозги с помощью полдюжины первых оказавшихся под рукой военных специалистов, начиная с теперешнего главнокомандующего. Но когда оказалось, что сам факт существования

подобных неромантичных (но тем не менее драматических) ситуаций ставит для них под сомнение существование храбрости, патриотизма, веры, надежды и милосердия,— я понял, что причина наших разногласий коренится просто в различном подходе к реальной действительности.

Покойный Мой Томас, один из убежденных либеральных критиков, который, наперекор хору несогласных, доброжелательно принял мою первую пьесу, после постановки «Оружия и человека» заявил, что я нанес ужасный удар делу свободы на Балканском полуострове, упомянув, что в 1885 году далеко не каждый болгарин считал для себя обязательным ежедневно мыть руки. Несомненно, Томас вскоре узнал о прогремевшей на всю Европу ссоре между Стамболовым и одной известной болгарской придворной дамой, которую возмутил вид его грязных ногтей. А потом пришло сообщение о зверском убийстве Стамболова, и мы читали описание комнаты, приготовленной вдовой для приема посетителей; вдова задрапировала ее черным и украсила фотографиями изуродованного тела своего мужа. Это великолепно подтвердило, насколько верно я обрисовал показную сторону первых попыток подражать обычаям западной цивилизации,— попыток, которые делаются едва сбросившими рабство энергичными народами. Но это не повлияло на истинный предмет спора между мной и моим критиком. Этот спор касался вопроса о том, сможет ли политический и религиозный идеализм, который вдохновил Гладстона на освобождение Балканских княжеств от турецкого ига и превратил жалкие порабощенные провинции в доблестные и многообещающие маленькие государства, выдержать общее наступление на идеализм вообще, скрыто и явно содержащееся в пьесе «Оружие и человек» и в натуралистической драме современной школы. Я, например, надеюсь, что не выдержит. Ибо идеализм — а это только деликатный термин для обозначения романтизма в политике и морали — мне не менее отвратителен, чем романтизм в этике или религии. Несмотря на одну-две либеральные революции, я больше не могу удовлетворяться вымышленными нравами и вымышленной добропорядочностью, освящающими вымышленную славу разбоя, голода, болезней, преступлений, пьянства, войн, жестокости, жадности и всех прочих прелестей цивилизации, которые притягивают людей в театр, где они глупо притворяются, будто все это и есть прогресс, наука, нравственность, религия, патриотизм, могущество империи, величие нации и тому подобное, как это расписывают газеты.

Но я вижу в мире и много хорошего, и оно быстро развивается, если только ему не мешают идеалисты. И если они оставят

это хорошее в покое и научатся уважать реальность, что неминуемо приведет к привычке уважать самих себя, а порой и меня,— мы все будем понимать друг друга гораздо лучше и быстрее. Во всяком случае, я не считаю, что взамен романтических условностей появятся анархия и моральный разброд. И я не собираюсь притворяться, будто так думаю для того только, чтобы угодить людям, убежденным, что мир существует лишь благодаря силе единодушного, усердного, красноречивого и громогласного лганья. С моей точки зрения, трагедия и комедия жизни обусловлены ужасными, а иногда и нелепыми последствиями наших настойчивых попыток строить все установления на идеалах, подсказанных воображению нашими неудовлетворенными страстями, а не на подлинно научной естественной истории. И, намекнув таким образом, во что я целюсь, я опускаю занавес и удаляюсь.

ОРУЖИЕ И ЧЕЛОВЕК

Романтическая комедия в трех действиях

1894

ARMS AND THE MAN

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Ночь. Небольшой болгарский городок, недалеко от Драгоманского перевала. Конец ноября 1885 года. Девичья спальня. За открытым окном и маленьким балконом видны снежные вершины Балкан, изумительно белые и красивые в лунном свете. Кажется, что они совсем рядом, хотя на самом деле до них несколько миль. Обставлена комната совсем не так, как принято в Западной Европе. Это смесь болгарской роскоши с венской дешевкой. Над изголовьем кровати, стоящей у перегородки, которая разделяет комнату на две части, деревянный расписной киот — лазурь с золотом — с изображением Христа, вырезанным из слоновой кости, и висящей перед ним лампадкой в ажурном металлическом подлампаднике на трех цепочках. В другой части комнаты, напротив окна, главный предмет меблировки — турецкая оттоманка. Покрывало, полог кровати, оконные занавески, маленький коврик и все вообще драпировки выдержаны в роскошном восточном стиле. На стенах дешевые западные обои. У ближайшей к оттоманке и окну стены — умывальник: крашеная металлическая подставка и эмалированный таз, под которым стоит ведро; сбоку висит одно-единственное полотенце. Между кроватью и окном туалет — простой сосновый стол, покрытый пестрой скатертью; на нем — дорогое туалетное зеркало. Неподалеку от кровати дверь, между кроватью и дверью комод. Комод тоже покрыт скатертью с пестрой национальной вышивкой. На комоде стопка романов в бумажных переплетах, коробка шоколадных конфет и в рамке большая фотография на редкость красивого офицера. Даже на снимке у него гордая осанка и магнетический взгляд. Комната освещена двумя свечами: одна стоит на комоде, другая — на туалете; рядом со свечой коробка спичек.

Окно, которое служит балконной дверью, широко распахнуто; деревянные ставни, открывающиеся наружу, — тоже. На балконе, упиваясь романтической красотой ночи и своей собственной молодостью и прелестью, дополняющими великолепное зрелище, стоит д е в у ш к а. Она смотрит на снежные Балканы. На ней длинная ночная рубашка, почти совсем скрытая под меховой накидкой, которая,

по самой скромной оценке, втрое дороже всей мебели в спальне.

Грезы девушки прерывает ее мать, Катерина Петкова, женщина за сорок, властная и энергичная. У нее великолепные черные волосы и глаза, и она могла бы быть замечательным образцом жены крестьянина-горца, но предпочитает казаться венской дамой и посему при любых обстоятельствах расхаживает в модном платье.

Катерина *(поспешно входя — ее распирает от хороших новостей)*. Райна! *(Она произносит «Ра-айна», акцентируя и растягивая первый слог.)* Райна! *(Подходит к постели, рассчитывая найти там дочь.)* Где же все-таки...

Райна заглядывает в комнату.

Боже мой, девочка! Ты все еще на балконе, хотя тебе давно пора быть в постели. Уже ночь, холодно, ты простудишься насмерть. Лука сказала мне, что ты спишь.

Райна *(входя)*. Я отослала ее. Мне хочется побыть одной: звезды такие красивые!.. Что случилось?

Катерина. Важные новости! Произошло сражение.

Райна *(широко раскрывая глаза)*. Ах! *(Нетерпеливо подходит к Катерине.)*

Катерина. Победа! Большое сражение под Сливницей! И выиграл его Сергей!

Райна *(с криком восхищения)*. Ах!

Горячо обнимаются.

Ах, мама! *(Затем с внезапным беспокойством.)* А отец не ранен?

Катерина. Конечно нет. Ведь он-то и прислал это известие. Сергей — герой дня, кумир всего полка.

Райна. Рассказывай, рассказывай скорее! Как это было? *(Восторженно.)* Ах, мама, мама! *(Усаживает мать на оттоманку.)*

Вне себя от радости они целуются.

Катерина *(все более упоенно)*. Ты даже не представляешь себе, как это было великолепно! Подумать только — атака в конном строю! Он не посчитался с нашими русскими командирами, и без приказа, под свою личную ответственность, сам повел людей в атаку и первым прорвался через вражеские батареи. Вообрази только, Райна: наши славные смельчаки болгары, сверкая саблями и глазами,

обрушиваются, словно лавина, и рассеивают жалких сербов и их австрийских щеголей-офицеров, как мякину по ветру. А ты! Из-за тебя Сергей целый год ждал помолвки! Если у тебя в жилах течет хоть капля болгарской крови, ты должна поклоняться ему, когда он вернется.

Райна. Что для него мое жалкое поклонение, когда его увенчала славой целая армия героев! Но все равно, я так счастлива, так горда! *(Встает и возбужденно расхаживает по комнате.)* Это доказывает, что мы все-таки были правы.

Катерина *(негодующе)*. Были правы? Что ты имеешь в виду?

Райна. Наши представления о том, что совершит Сергей, наш патриотизм, наши героические идеалы. Я иногда сомневалась — а вдруг все это только мечты? Ах, какие же мы, девушки, маловерки! Когда я пристегивала Сергею саблю, у него был такой благородный вид! Было бы изменой, видя его, думать о разочаровании, унижении, неудаче. И все же, все же... *(Быстро.)* Обещай мне, что никогда не скажешь ему.

Катерина. Не требуй обещаний, пока я не узнаю, что обещаю.

Райна. Видишь ли, в ту минуту, когда он держал меня в объятиях и смотрел мне в глаза, мне пришла в голову такая мысль: а вдруг наши героические идеи родились у нас потому, что мы зачитываемся Байроном и Пушкиным, потому, что в этом сезоне мы восхищались оперой в Бухаресте. Подлинная жизнь редко бывает такой — в сущности, никогда не бывает, насколько я ее знаю. *(С раскаянием.)* Подумай только, мама, я сомневалась в нем: я спрашивала себя, не окажется ли все его геройство и военное искусство пустой выдумкой, когда он пойдет в настоящий бой. В душе я боялась, не будет ли он выглядеть жалким рядом с опытными русскими офицерами.

Катерина. Жалким? Стыдись! У сербов служат австрийские офицеры, и они не менее опытны, чем русские; и все-таки мы побеждали их в бою.

Райна *(смеясь и снова усаживаясь рядом с матерью)*. Да, я всего-навсего прозаическая трусиха. Ах, подумать только, что все это правда, что Сергей действительно так блестящ и благороден, как кажется, что мир и на самом деле великолепен для женщин, умеющих видеть его великолепие, и для мужчин, умеющих вносить в него роман-

тику. Какое счастье! Какое несказанное счастье! Все желания исполнились! Ах!

Их прерывает приход Луки, красивой, гордой девушки. На ней живописный наряд болгарской крестьянки с двойным передником. Она держится вызывающе, даже в ее манере прислуживать Райне есть что-то оскорбительное. Катерины она боится, но и с ней заходит так далеко, как только смеет.

Лука. С вашего позволения, сударыня, нужно закрыть все окна и запереть ставни. Говорят, на улицах вот-вот начнут стрелять.

Райна и Катерина в тревоге встают.

Сербов гонят через перевал, и говорят, они могут прорваться в город. Наша конница преследует их, а теперь, когда они бегут, народ с ними расправится, уж вы не сомневайтесь. *(Выходит на балкон и закрывает ставни, затем возвращается в комнату.)*

Катерина *(деловито, в ней проснулась хозяйка дома)*. Пойду взгляну, все ли заперто внизу.

Райна. Жаль, что народ так жесток. Убивать несчастных беглецов — много ли в этом чести?

Катерина. Жесток? Да ведь эти беглецы глазом не моргнув убили бы тебя... или сделали бы что-нибудь еще похуже.

Райна *(Луке)*. Не закрывай ставни наглухо — я сама прикрою их, если услышу какой-нибудь шум.

Катерина *(обернувшись у самой двери, повелительно)*. Нет, дорогая, ставни надо закрыть: ты, того гляди, уснешь и оставишь их открытыми. Запри их, Лука.

Лука. Хорошо, сударыня. *(Запирает.)*

Райна. Не беспокойся за меня. Как только я услышу первый выстрел, я погашу свечи, заберусь в постель и с головой закутаюсь в одеяло.

Катерина. Очень разумно, милочка. Спокойной ночи.

Райна. Спокойной ночи. *(Райну на мгновение охватывает прежний восторг.)* Пожелай мне радости.

Они целуются.

Это самая счастливая ночь в моей жизни. Лишь бы только беглецов не было!..

Катерина. Ложись спать, дорогая, и не думай о них. *(Уходит.)*

Лука *(вполголоса Райне)*. Если захотите открыть ставни,

толкните вот так. *(Толкает, ставни открываются; она опять захлопывает их.)* Одна ставня закрывается на нижний крючок, но крючок оторвался.

Райна *(с достоинством и упреком)*. Спасибо, Лука, но мы должны поступать так, как нам велят.

Лука делает гримасу.

Спокойной ночи.

Лука *(небрежно)*. Спокойной ночи. *(С высокомерным видом уходит.)*

Оставшись одна, Райна снимает меховую накидку и бросает на оттоманку. Затем с чувством, не поддающимся описанию, совершает обряд поклонения портрету. Она не целует его, не прижимает к груди, словом, не проявляет никаких признаков нежности, а просто берет и поднимает его, словно жрица.

Райна *(глядя на портрет)*. Я никогда больше не буду недостойна тебя, герой души моей, никогда, никогда, никогда. *(Благоговейно ставит портрет на место. Затем выбирает из стопки книг недочитанный роман, с мечтательным видом перелистывает его, находит нужную страницу, перегибает на ней книгу и со счастливым вздохом ложится в постель, готовясь почитать на сон грядущий. Но прежде чем отдаться чтению, она еще раз поднимает глаза, мысленно благословляет жизнь и шепчет.)* Мой герой!

Отдаленный выстрел нарушает ночную тишину. Райна вздрагивает, прислушивается; гремят еще два выстрела, уже гораздо ближе. Девушка в испуге соскакивает с постели и торопливо задувает свечу на комоде. Затем, заткнув пальцами уши, бежит к туалету, гасит там свет и возвращается обратно в постель в полной темноте: видно лишь, как мерцает лампадка перед образом да сквозь щели над ставнями сияют звезды. Пальба возобновляется: где-то совсем близко идет сильная перестрелка. Не успевает она смолкнуть, как ставни, открытые снаружи, распахиваются, и перед Райной на мгновение вспыхивает залитый звездным светом снежно-белый четырехугольник, на котором вырисовывается черный силуэт мужской фигуры. Ставни тут же закрываются, комната вновь погружается во мрак. Но теперь тишину нарушает чье-то тяжелое дыхание. Затем слышится чирканье спички, и в середине комнаты вспыхивает огонек.

Райна *(съежившись в кровати)*. Кто там?

Спичка мгновенно гаснет.

Кто там? Кто?

Мужской голос *(из темноты, приглушенный, но угрожающий)*. Тс-с!.. Не кричите, или я пристрелю вас. Ведите себя разумно, и с вами ничего не случится.

Слышно, как Райна спрыгивает с постели и направляется к дверям.

Берегитесь! Не пытайтесь бежать.

Райна. Но кто же...

Тот же голос *(предостерегающе)*. Помните: если вы повысите голос, мой револьвер выстрелит. *(Повелительно.)* Зажгите свет — я должен вас видеть. Слышите?

Еще мгновение, пока Райна отступает к туалету, царят темнота и молчание. Затем она зажигает свечу, и загадка разъясняется. Незнакомец — человек лет тридцати пяти. Он в плачевном состоянии: весь в грязи, крови и снегу; ремень и портупея еле держат жалкие остатки синего мундира офицера сербской артиллерии. Тусклый свет свечи и покрывающая пришельца грязь позволяют различить лишь, что это человек среднего роста, заурядной наружности, с крепкой шеей и широкими плечами. Круглая, упрямая голова, короткие курчавые каштановые волосы, ясные, живые глаза, хорошо очерченные брови и рот; безнадежно прозаический нос упрямого ребенка; отличная выправка, энергичные движения и полное хладнокровие, несмотря на отчаянное положение. Он даже расценивает его не без чувства юмора, хотя и не проявляет ни малейшего желания играть с судьбой или упустить возможный шанс на спасение. Он мгновенно взвешивает все, что угадал, бросив первый взгляд на Райну, — ее возраст, общественное положение, характер, степень ее испуга, и продолжает уже более вежливо, но столь же твердо.

Простите, что потревожил, но, как видите, на мне сербская форма. Если я буду пойман, меня убьют. *(Угрожающе.)* Вам понятно?

Райна. Да.

Мужчина. А я не склонен дать себя убить, если смогу этого избежать. *(Еще более грозно.)* Вам понятно? *(С треском запирает дверь на ключ.)*

Райна *(презрительно)*. Думаю, что нет. *(Гордо выпрямляется, смотрит ему в лицо и подчеркнуто язвительно бросает.)* Некоторые солдаты, я знаю, боятся смерти.

Мужчина *(с мрачным добродушием)*. Все, милая барышня, боятся, все. Поверьте мне, все. Наш долг жить как можно дольше. Так вот, если вы поднимете шум...

Райна *(прерывая его)*. То вы меня пристрелите. А откуда вы знаете, что я боюсь смерти?

Мужчина *(лукаво)*. А-а!.. Но, предположим, я не пристрелю вас, и что же получится? Банда кавалеристов ворвется в вашу хорошенькую комнатку и зарежет меня здесь, как свинью: я ведь буду драться, как дьявол, и не дам вытащить себя на улицу, на потеху всей их орде. Я-то знаю, что они собой представляют. Вы готовы принять подобную компанию в таком полураздетом виде?

Райна внезапно осознает, что она в ночной рубашке, инстинктивно отступает и плотнее закутывается в нее.

(Наблюдает за ней и безжалостно добавляет.) Костюм не слишком приличный, а?

Она поворачивается к оттоманке.

(Мгновенно вскидывает револьвер.) Стой!

Райна останавливается.

Вы куда?

Райна *(терпеливо, но с достоинством)*. Всего лишь за накидкой.

Мужчина *(поспешно бросаясь к оттоманке и хватая накидку)*. Неплохая мысль! Нет, накидку возьму я, а уж вы постарайтесь, чтобы никто не вошел и не увидел вас в одной рубашке. Это оружие получше револьвера. *(Бросает револьвер на кушетку.)*

Райна *(возмущенная)*. Такое оружие не для порядочного человека.

Мужчина. Оно вполне годится человеку, для которого вы — единственный шанс на спасение.

Они смотрят друг на друга. Райна все еще не в силах поверить, что даже сербский офицер может быть таким циником и эгоистом, лишенным каких бы то ни было рыцарских чувств. На улице начинается ожесточенная стрельба.

(Холод неминуемой смерти приглушает голос мужчины, когда он добавляет.) Вы слышите? Если вы позовете

сюда этих негодяев, вам придется принять их в полуодетом виде.

С улицы доносится шум. Преследователи барабанят в дверь. Раздаются крики: «Отворите! Отворите! Эй вы там, проснитесь!» В ответ слышится сердитый голос слуги: «Сюда нельзя. Это дом майора Петкова». Шум на улице усиливается, на дверь сыплется новый град ударов. Слуга снимает цепочку, она со звоном падает. Слышен тяжелый топот и громкий рев победителей, но его заглушает негодующий голос Катерины, которая кричит офицеру: «Что это значит, сударь? Вам известно, где вы находитесь?» Шум разом стихает.

Лука *(стучится к Райне)*. Барышня, барышня! Встаньте поскорее да откройте, а то они дверь высадят.

Незнакомец откидывает голову с видом человека, понимающего, что для него все кончено, и сразу меняет тон, который ему пришлось взять, чтобы припугнуть Райну.

Мужчина *(искренне и беззлобно)*. Бесполезно, милая барышня. Мне конец. *(Бросает ей накидку.)* Скорее! Заверните – они идут!

Райна *(со вздохом облегчения закутывается)*. Ах, спасибо!

Мужчина *(сквозь зубы)*. Пожалуйста.

Райна *(с тревогой)*. Что вы хотите делать?

Мужчина *(мрачно)*. Не беспокойтесь. Отойдите в сторонку и не смотрите. Все кончится быстро, но зрелище это не из приятных. *(Обнажает саблю и выжидательно поворачивается к двери.)*

Райна *(порывисто)*. Я помогу вам! Я спасу вас!

Мужчина. Ничего не выйдет.

Райна. Выйдет. Я вас спрячу. *(Тащит его к окну.)* Сюда, за занавеси.

Мужчина *(подчиняясь ей)*. Если только вы не потеряете голову, у нас пятьдесят из ста шансов на успех.

Райна *(задергивая занавеси)*. Тс-с! *(Идет к оттоманке.)*

Мужчина *(на мгновение высунув голову)*. Запомните...

Райна *(подбегая к нему)*. Что?

Мужчина. Что девять солдат из десяти – дураки от природы.

Райна. А!.. *(Сердито задергивает занавеси.)*

Мужчина *(выглядывая с другой стороны)*. Если меня найдут, обещаю вам драку, дьявольски жестокую драку

Райна топает ногой. Мужчина поспешно прячется. Она снимает накидку и бросает ее в ногах постели. Затем

с видом человека, которого потревожили среди сладкого сна, открывает дверь. Возбужденно вбегает Л у к а.

Л у к а. Люди видели, что к вам на балкон по водосточной трубе лез какой-то мерзкий серб. Солдаты хотят обыскать дом — они такие пьяные и разъяренные, совсем озверели. *(Идет на противоположный конец комнаты, чтоб быть подальше от двери.)* Хозяйка велит вам сейчас же одеться и... *(Видит револьвер, лежащий на оттоманке, и, окаменев, умолкает.)*

Р а й н а *(словно досадуя, зачем ее побеспокоили)*. Здесь им искать нечего. Почему их впустили?

К а т е р и н а *(торопливо входит)*. Райна, дорогая, ты жива? Видела ты кого-нибудь? Слышала что-нибудь?

Р а й н а. Я слышала стрельбу. Надеюсь, солдаты не посмеют войти сюда?

К а т е р и н а. Слава богу, я встретила русского офицера: он знает Сергея. *(Через дверь обращается к кому-то за сценой.)* Можете войти, сударь. Моя дочь примет вас.

Входит молодой русский о ф и ц е р в болгарской форме. В руке у него сабля.

О ф и ц е р *(мягко, по-кошачьи вежливо и в то же время по-военному твердо)*. Добрый вечер, сударыня. Мне очень неприятно врываться к вам, но у вас на балконе прячется беглец. Не угодно ли вам с матушкой удалиться, а мы поищем его?

Р а й н а *(нетерпеливо)*. Глупости, сударь! Можете убедиться сами, что на балконе никого нет. *(Распахивает ставни и, указывая на залитый луной балкон, становится спиной к занавесям, за которыми спрятан незнакомец.)*

Под окном раздается несколько выстрелов, пуля разбивает стекло как раз напротив Райны. Райна зажмуривает глаза, раскрывает рот, но не сходит с места. Катерина визжит, офицер с криком «Осторожней!» выскакивает на балкон.

О ф и ц е р *(с балкона орет на улицу)*. Прекратите стрельбу, болваны! Прекратите стрельбу, черт вас побери! *(С минуту смотрит вниз, затем оборачивается к Райне, опять стараясь быть вежливым.)* Не мог ли кто-нибудь войти к вам незамеченным? Вы спали?

Р а й н а. Нет, я еще не ложилась.

О ф и ц е р *(возвращаясь в комнату, нетерпеливо)*. У ваших соседей в голове одно — бегущие сербы. Вот они и чудятся

им повсюду. *(Вежливо.)* Тысячу извинений, милостивая государыня. Спокойной ночи. *(Кланяется по-военному.)*

Райна холодно отвечает. Затем офицер кланяется Катерине, которая идет провожать его. Райна закрывает ставни, оборачивается и видит Луку, с любопытством наблюдающую за этой сценой.

Райна. Не отходи от матери, Лука, пока в доме солдаты.

Лука бросает взгляд на Райну, на оттоманку и занавеси, с понимающим видом поджимает губы, ухмыляется и выходит. Разозленная такой откровенной наглостью, Райна провожает ее, с шумом захлопывает и запирает за ней дверь. Мужчина мгновенно выходит из-за занавеси, деловито вкладывает саблю в ножны и закрывает ставни; затем, отбросив всякую мысль об опасности, с любезным видом подходит к Райне.

Мужчина. Чуть-чуть не погиб, но чуть-чуть не считается. Милая барышня, я по гроб ваш должник. Ради вас я с удовольствием служил бы не в сербской, а в болгарской армии. Я ведь не серб.

Райна *(надменно)*. Вижу. Вы один из тех австрийцев, которые командуют сербской армией вместо сербов и натравливают их на нас, чтобы лишить наш народ свободы и независимости. Мы ненавидим вас!

Мужчина. Австриец? Что вы! Не надо ненавидеть меня, милая барышня. Я швейцарец и воюю потому, что я солдат по профессии. А служу Сербии лишь по той причине, что мне из Швейцарии до нее ближе, чем до Болгарии. Будьте же великодушны: вы и без того разбили нас.

Райна. Разве я не была великодушна?

Мужчина. Вы были героически благородны! Но я еще не спасен. Конечно, ярость болгар скоро поуляжется, но они до самого утра будут время от времени бросаться в погоню за беглецами. Я должен попытать счастья, выбрать минуту затишья и скрыться. *(Шутливо.)* Вы не возражаете, если я пережду здесь немного?

Райна *(самым любезным светским тоном)*. Нет, нисколько. Присядьте.

Мужчина. Благодарю. *(Садится в ногах кровати.)*

Райна с нарочито светским видом идет к оттоманке и садится, но, к несчастью, прямо на револьвер. Она с криком вскакивает. Мужчина — комок нервов, как испуганный конь, шарахается на другой конец комнаты.

Мужчина *(раздраженно)*. Не пугайте меня. В чем дело?

Райна. Ваш револьвер! Он все время смотрел офицеру прямо в лицо. Однако нам с вами везет!

Мужчина *(раздосадованный тем, что испуг был напрасным)*. И это все?

Райна *(глядя на него довольно надменно: он все ниже падает в ее глазах, и она соответственно чувствует себя с ним все более непринужденно.)* Простите, что напугала. *(Берет револьвер и подает ему.)* Пожалуйста, возьмите его – вам же надо защищаться от меня.

Мужчина *(устало усмехнувшись в ответ на ее сарказм, берет револьвер)*. Бесполезно, милая барышня: он не заряжен. *(С пренебрежительной гримасой сует его в кобуру.)*

Райна. Так зарядите.

Мужчина. У меня нет патронов. Да и какая от них польза в бою? Я всегда ношу вместо них шоколад, но вот уже несколько часов, как доел последнюю плитку.

Райна *(оскорбленная в своих самых высоких представлениях о мужественности)*. Шоколад! Вы набиваете им карманы, как школьник, даже в походе?

Мужчина *(усмехаясь)*. Конечно. Привычка, достойная презрения, не правда ли? *(Вспомнив, что он голоден.)* Хорошо бы сейчас достать шоколада, хоть кусочек.

Райна. Разрешите вам предложить. *(Презрительно проплывает к комоду и возвращается с коробкой конфет.)* К сожалению, я почти все съела. *(Протягивает ему коробку.)*

Мужчина *(жадно)*. Вы ангел! *(Пожирает конфеты.)* Сливочные! Божественно! *(Заглядывает в коробку – не завалялась ли там еще хоть одна конфета, но ничего не обнаруживает. Ему остается лишь поскрести коробку пальцами и обсосать их. Проделав все это, он патетически-добродушно принимает неизбежное и с признательностью говорит.)* Да благословит вас бог, милая барышня! Вы всегда можете узнать старого солдата по тому, что у него в кобуре и подсумках. Молодежь таскает там револьверы и патроны, ветераны – еду. Спасибо. *(Протягивает ей коробку.)*

Она презрительно вырывает ее и швыряет в угол.

(Снова шарахается в сторону, словно она собиралась его ударить.) Ух ты! Да не будьте вы такой порывистой, барышня! Это выглядит так, словно вы хотите расквитаться со мной за то, что я напугал вас.

Райна *(надменно)*. Напугали меня! Да будет вам известно,

милостивый государь: сердце у меня не трусливей вашего, хотя я всего лишь женщина.

Мужчина. Ясное дело, не трусливей – вы же не были три дня под огнем, как я. Два дня я могу выдержать, не показывая виду. Три дня не может выдержать никто. Сейчас я пуглив, как мышь. *(Садится на оттоманку и хватается руками за голову.)* Вам хочется посмотреть, как я плачу?

Райна *(с тревогой)*. Нет.

Мужчина. Если захочется, вы только прикрикните на меня, словно я маленький мальчик, а вы моя няня. Будь я сейчас в лагере, наши обязательно разыграли бы меня.

Райна *(чуточку растроганная)*. Простите. Я не буду кричать на вас.

Тронутый нотками сочувствия в ее голосе, он поднимает голову и признательно смотрит на нее.

(Она тотчас же отступает и упорно продолжает.) Извините меня, но наши солдаты не такие. *(Отходит от оттоманки.)*

Мужчина. Нет, такие же. Солдаты бывают только двух сортов: старые и молодые. Я служу четырнадцать лет, а большинство ваших ребят до нынешнего дня не нюхали пороху. В самом деле, почему вы побили нас? Исключительно благодаря полному невежеству в военном деле. Ничего более. *(Возмущенно.)* Никогда не видел худшего дилетантства!

Райна *(иронически)*. Значит, побить вас – это дилетантство?

Мужчина. Ну подумайте сами, разве не дилетантство бросить кавалерийский полк на пулеметы, твердо зная, что, как только они откроют огонь, ни одна лошадь, ни один человек не подойдут к ним живыми ближе, чем на пятьдесят ярдов? Я глазам своим не поверил, когда это увидел.

Райна *(нетерпеливо оборачиваясь к нему: она вновь охвачена восторгом и мечтами о славе)*. Вы видели эту великолепную кавалерийскую атаку? Расскажите подробней! Опишите ее.

Мужчина. Вы никогда не видели кавалерийской атаки?

Райна. Где мне было ее видеть?

Мужчина. Да, вероятно, негде. Что ж, это забавное зрелище – все равно что бросить горсть гороху в оконное стекло. Впереди скачет один, затем вслед за ним еще двое-трое, а потом уже все остальные – кучей.

Райна *(ее глаза расширяются, она в экстазе стискивает и поднимает руки)*. Да, сначала один!.. Храбрец из храбрецов!

Мужчина *(прозаически)*. Гм! Вы бы посмотрели, как этот несчастный натягивает поводья.

Райна. Зачем ему натягивать поводья?

Мужчина *(нетерпеливо отвечая на столь глупый вопрос)*. Да затем, что лошадь понесла. Вы полагаете, этому парню хочется обогнать всех и умереть первым? Затем появляются остальные. Молодых можно узнать по диким ухваткам и по тому, как они рубят с плеча. Те, что постарше, скачут, сбившись в кучу под прикрытием первого. Они знают, что играют лишь роль снаряда — его выпустили, вот он и летит. Ранений при такой атаке мало — больше все переломы ног из-за того, что лошади налетают одна на другую.

Райна. Ой!.. Но я не верю, что первый — трус. Я верю, что он герой!

Мужчина *(добродушно)*. Вы сказали бы именно так, если бы видели того, кто был первым в сегодняшней атаке.

Райна *(затаив дыхание, прощая ему все)*. Ах, я это знаю! Расскажите... расскажите мне о нем.

Мужчина. Он был точь-в-точь как оперный тенор — красивый парень, глаза сверкают, усы нафабрены, на устах боевой клич. И летел он на нас, как Дон Кихот на ветряные мельницы. Мы чуть не лопнули со смеху, глядя на него.

Райна. И вы дерзнули смеяться?

Мужчина. Конечно. Но тут подбегает сержант, белый как полотно, и объявляет, что нам по ошибке подвезли патроны другого калибра и что раньше чем через десять минут нам огня не открыть. Тут уж нам стало не до смеха. Никогда в жизни я не чувствовал себя так скверно, хотя не раз бывал в основательных переделках. У меня не было даже револьверных патронов — ничего, кроме шоколада. Штыков у нас — и тех не было, словом, ничего. Нас, разумеется, расколошматили. Дон Кихот раздулся от важности, как тамбурмажор, считая, что совершил бог знает какое великое дело, хотя, по-настоящему, его надо было закатать под военный суд. Он самый безумный из всех дураков, которые когда-либо оказывались на поле боя. Он со своим полком попросту совершил самоубийство, только револьвер дал осечку — вот и все.

Райна *(глубоко уязвленная, но сохраняя неколебимую вер-*

ность своим идеалам). В самом деле. А узнали бы вы его при встрече?

Мужчина. Разве такого забудешь?

Она снова подходит к комоду. Он наблюдает за ней в тайной надежде, что у нее найдется еще какая-нибудь еда. Она берет портрет и протягивает ему.

Райна. Вот фотография этого человека. Он — патриот и герой, и мы с ним помолвлены.

Мужчина *(узнав его, пораженный).* Честное слово, мне очень жаль, что так получилось. *(Смотрит на нее.)* Нечестно было вынуждать меня на такой разговор. *(Переводит глаза на портрет.)* Да, это он. Несомненно он. *(Подавляет смех.)*

Райна *(быстро).* Почему вы смеетесь?

Мужчина *(пристыженный, но все еще борясь со смехом).* Честное слово, я не смеялся. Во всяком случае, не хотел смеяться. Но когда подумаешь, как он шел в атаку на ветряные мельницы, убежденный, что совершает великий подвиг... *(Давится от сдерживаемого смеха.)*

Райна *(гневно).* Отдайте портрет.

Мужчина *(с искренним раскаянием).* Пожалуйста. Вот он. Поверьте, мне очень жаль... *(Отдает ей фотографию.)*

Она демонстративно целует фотографию и смотрит ему прямо в глаза, затем возвращается к комоду и ставит ее на место.

(Он следует за ней, извиняясь.) Видите ли, я, возможно, и не прав. Конечно не прав. Вероятно, он случайно пронюхал об истории с патронами и знал, что дело верное.

Райна. Иными словами, был притворщиком и трусом? Что же вы не сказали этого раньше? Не осмелились?

Мужчина *(с комическим жестом отчаяния).* Бесполезно спорить, дорогая барышня: я не могу заставить вас взглянуть на дело с профессиональной точки зрения. *(Поворачивается с намерением снова сесть на оттоманку.)*

Вдалеке опять слышна стрельба.

Райна *(заметив, что он прислушивается к выстрелам, мрачно).* Тем лучше для вас.

Мужчина *(поворачиваясь).* Почему?

Райна. Вы мой враг и вы у меня в руках. Что бы я сделала, если бы была профессиональным солдатом?

Мужчина. Верно, милая барышня. Вы всегда правы. Я помню, как добры вы были ко мне. До последнего вздоха я не забуду эти три шоколадки. Поступили вы не по-солдатски. Зато по-ангельски.

Райна *(холодно)*. Благодарю вас. А теперь я поступлю по-солдатски. Вам не подобает оставаться здесь после всего, что вы наговорили о моем будущем муже. Я выйду на балкон и взгляну, можете ли вы спуститься на улицу, не подвергая себя опасности. *(Поворачивается к окну.)*

Мужчина *(меняясь в лице)*. Вниз по водосточной трубе! Стойте! Подождите! Я не могу! У меня храбрости не хватит. От одной мысли об этом у меня уже кружится голова. Сюда я забрался довольно легко – у меня за плечами стояла смерть. Но повторить это сейчас, хладнокровно... *(Опускается на оттоманку.)* Бесполезно. Сдаюсь – я побежден. Зовите на помощь. *(В изнеможении опускает голову на руки.)*

Райна *(обезоруженная жалостью)*. Полно, полно, не отчаивайтесь. *(Почти по-матерински наклоняется над ним, он качает головой.)* Я вижу, вы очень скверный солдат. Не солдат, а шоколадный солдатик! Ну, не унывайте. Вы же знаете: чтобы спуститься вниз, нужно меньше мужества, чем для того, чтобы сдаться в плен.

Мужчина *(сонно, убаюканный ее голосом)*. Нет, плен означает лишь смерть, а смерть – это сон. Ох, только бы уснуть, уснуть, спокойно уснуть! Спускаться вниз по трубе, опять что-то делать, напрягаться, думать! Лучше десять раз умереть.

Райна *(живо представив себе, до какой степени он устал, говорит мягко и удивленно)*. Вам так хочется спать?

Мужчина. Я не спал больше двух часов кряду с тех пор, как служу в сербской армии. А последние двое суток совсем не смыкал глаз.

Райна *(окончательно теряя голову)*. Но что же мне с вами делать?

Мужчина *(тронутый ее отчаянием, с трудом поднимается)*. Вы правы, я должен что-то предпринять. *(Встряхивается, берет себя в руки и говорит с новой энергией и мужеством.)* Видите ли, хочет человек спать или нет, голоден он или нет, устал он или нет, он всегда может что-то сделать, если знает, что сделать это необходимо. Итак, надо спуститься по водосточной трубе *(бьет себя в грудь)*, слышишь, шоколадный солдатик? *(Поворачивается к окну.)*

Райна *(тревожно)*. А если вы свалитесь?

Мужчина. Усну на камнях, как на перине. Прощайте.

Решительно направляется к окну и уже берется за ставню, когда внизу, на улице, начинается оглушительная стрельба.

Райна *(бросаясь к нему)*. Стойте! *(Бесцеремонно хватает его и оттаскивает.)* Вас же убьют!

Мужчина *(хладнокровно, но прислушиваясь)*. Не беспокойтесь: такого рода возможность входит в круг моих повседневных обязанностей. Я должен рискнуть. *(Решительно.)* А теперь делайте то, что я скажу. Погасите свечи, чтобы на улице не увидели света, когда я открою ставни. И ни в коем случае не подходите к окну. Если меня увидят, по мне, конечно, будут стрелять.

Райна *(не отпуская его)*. Вас обязательно увидят — все залито лунным светом. Я спасу вас... Ну, почему вы такой равнодушный? Вы же хотите, чтобы я спасла вас, верно?

Мужчина. Я, честное слово, не хочу причинять вам беспокойство.

Она нетерпеливо трясет его.

Я совсем не равнодушен, милая барышня, уверяю вас. Но что можно сделать?

Райна. Отойдите от окна, прошу вас! (*Тащит его на середину комнаты.)*

Как только она отпускает его, он снова непроизвольно поворачивается в сторону окна.

(Она хватает его и тянет назад.) Ну, пожалуйста!

Он замирает, как кролик под гипнозом.

(Она отпускает его и покровительственным тоном обращается к нему.) Теперь слушайте. Вы должны довериться нашему гостеприимству. Вы еще не знаете, в чьем доме вы находитесь. Я — Петкова.

Мужчина. Ну и что?

Райна *(с некоторым возмущением)*. Я хочу сказать, что принадлежу к семье Петковых, самой известной и богатой в нашей стране.

Мужчина. Ах да, конечно. Простите. Петковы... Как же, как же, знаю. Ужасно глупо быть таким забывчивым.

Райна. Не лгите: до этой минуты вы никогда и не слышали про нас. Зачем вы унижаетесь до притворства?

Мужчина. Простите. Я слишком устал, чтобы думать. Вы переменили тему, и я потерял нить разговора. Не браните меня.

Райна. Я совсем забыла: вы того и гляди расплачетесь.

Он кивает с совершенно серьезным видом.

(Она обиженно надувает губы, затем снова берет покровительственный тон.) Должна вам сообщить, что мой отец занимает в нашей армии самое высокое положение, какого только может достичь болгарин. Он *(с гордостью)* — майор.

Мужчина *(делает вид, что поражен)*. Майор! Боже ты мой! Подумать только!

Райна. Вы доказали полное свое невежество, решив, что на балкон нашего дома, единственного частного двухэтажного дома в городе, надо карабкаться по водосточной трубе. У нас есть внутренняя лестница.

Мужчина. Лестница? Потрясающе! Вы действительно утопаете в роскоши, милая барышня!

Райна. Вам известно, что такое библиотека?

Мужчина. Библиотека? Комната, полная книг.

Райна. Да. Так вот, у нас есть библиотека, единственная в Болгарии.

Мужчина. Настоящая библиотека! В самом деле? С удовольствием взглянул бы на нее.

Райна *(подчеркнуто)*. Я рассказываю вам это для того, чтобы вы знали: вы находитесь среди цивилизованных людей, а не в доме темных крестьян, которым довольно увидеть на человеке сербскую форму, чтобы убить его. Мы каждый год ездим в Бухарест на оперный сезон, а я даже провела целый месяц в Вене.

Мужчина. Я это заметил, милая барышня. Я сразу понял, что вы поездили по свету.

Райна. Видели вы оперу «Эрнани»?

Мужчина. Это где показывают дьявола в красном бархате и хор солдат?

Райна *(презрительно)*. Нет!

Мужчина *(подавляя тяжелый вздох усталости)*. Значит, не видел.

Райна. Я думала, вы помните великолепную сцену, где Эрнани, спасаясь от преследователей так же, как сегодня вы, находит убежище в замке своего злейшего врага, старого кастильского вельможи. Вельможа отказывается выдать беглеца: особа гостя для него священна.

Мужчина *(стряхнув с себя сонливость, быстро)*. Ваш народ придерживается таких же взглядов?

Райна *(с достоинством)*. Таких, как вы выражаетесь, взглядов придерживаемся мы с матерью. И если бы вместо того, чтобы угрожать мне револьвером, вы просто положились на наше гостеприимство, вы были бы в такой же безопасности, как в доме своего отца.

Мужчина. Вы уверены?

Райна *(с отвращением отворачиваясь от него)*. Нет, вам бесполезно что-нибудь втолковывать.

Мужчина. Не сердитесь. Вы же понимаете, любая ошибка может оказаться для меня роковой. Мой отец очень гостеприимный человек: он содержит шесть гостиниц. Но в подобном случае я не поручился бы даже за него. Как же вы ручаетесь за своего отца?

Райна. Его сейчас нет дома — он в Сливнице, сражается за родину. Я отвечаю за вашу безопасность, и вот вам подтверждение — моя рука. Вам этого достаточно? *(Протягивает ему руку.)*

Мужчина *(с сомнением глядя на свои руки)*. Вам лучше не прикасаться к моей руке, милая барышня. Мне сначала нужно помыться.

Райна *(растроганно)*. Это очень любезно с вашей стороны. Вижу, что вы человек светский.

Мужчина *(недоумевая)*. Почему?

Райна. Не думайте, что я удивлена такой щепетильностью. Все высокопоставленные болгары, люди нашего круга, моют руки почти каждый день. Но я ценю вашу деликатность. Можете пожать мне руку. *(Снова протягивает ее.)*

Мужчина *(целует ей руку, заложив свои за спину)*. Благодарю, милая барышня. Наконец-то я в безопасности. А теперь не лучше ли выложить вашей матери новость? Мне не хочется, чтобы вы держали мое пребывание здесь в тайне дольше, чем это необходимо.

Райна. Я схожу к ней, если вы обещаете, что не двинетесь с места, пока я не вернусь.

Мужчина. Разумеется обещаю. *(Садится на оттоманку.)*

Райна подходит к постели и закутывается в меховую накидку. Глаза мужчины закрываются. Она подходит к двери и, обернувшись, чтобы взглянуть на него в последний раз, видит, что он засыпает.

Райна *(в дверях)*. Надеюсь, вы не собираетесь тут спать?

Он что-то невнятно бормочет.

(Бросается к нему и тормошит его.) Проснитесь, слышите, проснитесь! Вы засыпаете!

Мужчина. А? Засып... Нет, нет, что вы! Я просто задумался. Все в порядке – я свеж и бодр.

Райна *(сурово)*. Попрошу вас встать и стоять до моего возвращения.

Он нехотя встает.

До моего возвращения, слышите?

Мужчина *(пошатываясь)*. Конечно, конечно... Можете на меня положиться.

Райна с сомнением смотрит на него. Он слабо улыбается. Она осторожно выходит, но в дверях снова оборачивается, так что он едва успевает подавить зевок. Она уходит.

Мужчина *(сонно)*. Спать, спать, спа... *(Речь переходит в бормотание. Он вновь просыпается, вздрогнув так, что чуть не падает с ног.)* Где я? Вот что хотелось бы мне знать – где я? Спать нельзя. А почему? Потому что кругом опасность – помни об этом. *(Напрягаясь.)* Опасность, опасность, опас... *(Снова засыпает, снова вздрагивает и просыпается.)* Где опасность? Надо выяснить. *(Бредет по комнате, высматривая, не таится ли где-нибудь опасность.)* Что я ищу? Сон... опасность... ничего не понимаю. *(Спотыкается о кровать.)* Ах да, теперь понятно. Теперь все в порядке. Я должен лечь в постель, но не засыпать... Главное, не засыпать – кругом опасность. И не ложиться, только сесть. *(Садится на кровать. Лицо его принимает блаженное выражение.)* Ах! *(Со счастливым вздохом откидывается назад и вытягивается во весь рост. Последним усилием закидывает на кровать ноги в сапогах и мгновенно погружается в сон.)*

Входит Катерина в сопровождении Райны.

Райна *(глядя на оттоманку)*. Исчез! Я оставила его здесь.

Катерина. Здесь? Значит, он спустился вниз по...

Райна *(заметив его)*. Ах! *(Указывает на него.)*

Катерина *(шокированная)*. Ну, знаешь!.. *(Устремляется к кровати.)*

Райна следует за ней и становится с противоположной стороны.

Он крепко спит! Скотина!

Райна *(с беспокойством)*. Тс-с!

Катерина *(трясет его)*. Милостивый государь! *(Трясет сильнее.)* Милостивый государь! *(Трясет изо всех сил. Угрожающим тоном.)* Милостивый государь!

Райна *(хватая ее за руку)*. Не надо, мама. Бедняжка совсем измучился. Пусть спит.

Катерина *(оставив его, в изумлении оборачивается к Райне)*. Бедняжка? Райна! *(Сурово смотрит на дочь.)*

Мужчина спит глубоким сном.

Шестое марта 1886 года. Сад перед домом майора Петкова. Погожее весеннее утро, сад выглядит свежим и красивым. За оградой виднеются верхушки двух минаретов, из чего явствует, что городок расположен в ложбине. В нескольких милях, замыкая пейзаж, вздымаются Балканы. Если, стоя в саду, повернуться к ним лицом, то слева видна часть дома и выходящее в сад крыльцо с несколькими ступеньками. Справа к саду примыкает конный двор с воротами. Вдоль ограды и дома ягодные кусты, на них сушится выстиранное белье. Вокруг дома дорожка, которая поворачивает за угол, огибает две ступеньки и исчезает из виду. Посередине сада два венских стула и столик, накрытый для завтрака: турецкий кофейник, чашки, булочки и пр. Но из чашек уже пили, булочки почти все съедены. Справа у стены деревянная садовая скамейка.

Лука с папиросой в зубах стоит между столом и домом, сердито повернувшись спиной к слуге, который читает ей нотацию. Это человек средних лет, хладнокровный, с умом не слишком глубоким, но ясным и острым; он благодушен, ибо доволен своим местом, и в то же время невозмутим, ибо умеет рассчитывать каждый свой шаг и свободен от иллюзий. На нем белый болгарский костюм: куртка с вышитой каймой, пояс, широкие шаровары, вышитые гамаши. Голова его обрита до макушки, поэтому лоб кажется большим и чем-то напоминает лоб японца. Зовут его Никола.

Никола. Предупреждаю тебя, Лука, уймись. Нельзя себя так вести. Я знаю хозяйку. Она – особа важная, ей и в голову не придет, что кто-нибудь из слуг осмелится выказать непочтение к ней. Но уж коли она увидит, что ты перечишь ей, тебя мигом выставят.

Лука. Да, перечу. И буду перечить. Плевала я на нее!

Никола. Если ты рассоришься с господами, я никогда не смогу на тебе жениться. Это все равно что рассориться со мной.

Лука. Выходит, ты на ее стороне, да?

Никола *(степенно)*. Я всегда буду зависеть от расположения этой семьи. Когда я уволюсь отсюда и открою в Софии лавку, заказы Петковых дадут мне половину моих доходов. Стоит им плохо отозваться обо мне – и я разорен.

Лука. Ты трус. Я посмотрю, как они посмеют хоть слово против меня сказать!

Никола *(с сожалением)*. Я надеялся, что у тебя больше здравого смысла, Лука. Но ты еще молода, очень молода!

Лука. Да, молода. Именно за это ты меня и любишь, так ведь? Но не бойся: хоть я и молодая, да знаю кое-какие семейные секреты Петковых, и они не захотят, чтобы я их разболтала. Пусть только попробуют со мной поссориться!

Никола *(с видом сострадательного превосходства)*. А знаешь, что с тобой будет, если хозяева услышат такие разговоры?

Лука. Что?

Никола. Тебя выгонят за вранье. И кто после этого поверит в твои россказни? Где ты найдешь другое место? Кто из здешних слуг осмелится перемолвиться с тобой хоть словом? Сколько времени твой отец останется у них арендатором?

Она нетерпеливо отбрасывает окурок и растаптывает его.

Эх, дитя, ты еще не знаешь, как легко богачи справляются с нищими, вроде нас с тобой, когда мы пробуем сцепиться с ними. *(Подходит совсем близко к ней и понижает голос.)* Вот, посмотри на меня. Я у них уже десять лет служу. Думаешь, я их секретов не знаю? Я про хозяйку такое знаю, что она тысячу левов отдаст, только бы хозяин ни о чем не проведал. Я и о хозяине знаю такие вещи, что, сболтни я только, хозяйка самое меньшее полгода о нем и слышать не захочет. Я знаю про такие штучки Райны, что не бывать ее свадьбе с Сергеем, если...

Лука *(быстро оборачиваясь)*. Откуда ты знаешь? Я тебе ничего не говорила.

Никола *(хитро прищурившись)*. Так вот он, твой маленький секрет? Я догадывался, что это какие-нибудь пустяки. Говорю тебе, послушайся моего совета и будь попочтительней. Дай хозяйке почувствовать, что знаешь ты там чего или не знаешь, а она все равно может положиться

на твое умение держать язык за зубами и верность ее семье. Они любят это. Только так от них и можно всего добиться.

Лука *(с глубоким презрением)*. Холопская у тебя душа, Никола!

Никола *(снисходительно)*. Верно. Без этого на службе успеха не добьешься.

С конного двора доносится громкий стук — колотят рукояткой хлыста по деревянным воротам.

Мужской голос за сценой. Эй! Эй вы там! Никола!

Лука. Хозяин с войны вернулся!

Никола *(поспешно)*. Помяни мое слово, Лука, война кончилась. Беги скорей и неси свежий кофе. *(Бежит на конный двор.)*

Лука *(собрав кофейник и чашки на поднос, направляется к дому)*. Никогда тебе из меня холопки не сделать!

С конного двора выходит майор Петков в сопровождении Николы. Это жизнерадостный, вспыльчивый, неотесанный человек лет пятидесяти, по природе не честолюбивый и равнодушный ко всему, что не связано с его доходами и положением в местном обществе, но сейчас чрезвычайно довольный высоким званием, присвоенным ему в связи с войной как одному из самых видных лиц в городе. Вспышка патриотизма, которую пробудило во всех болгарах нападение сербов, погнала его на войну, но он явно рад возвращению домой.

Петков *(указывая стеком на стол)*. Завтракали здесь, да?

Никола. Да, сударь. Хозяйка и барышня Райна только-только кончили.

Петков *(садясь к столу и беря булочку)*. Иди и скажи, что я приехал. И вели подать мне свежего кофе.

Никола. Сейчас подадут, сударь. *(Направляется к дому.)*

Лука со свежим кофе, чистой чашкой и бутылкой коньяка на подносе идет ему навстречу.

Хозяйке сказала?

Лука. Да, она идет.

Никола входит в дом. Лука ставит кофе на стол.

Петков. Ну как, сербы тебя с собой не увели, а?

Лука. Нет, сударь.

Петков. Вот и хорошо. Коньяк принесла?

Лука *(ставя бутылку на стол)*. Вот он, сударь.

Петков. Отлично. *(Наливает коньяк в кофе.)*

Из дому выходит Катерина. Час еще ранний, поэтому одета она небрежно. На ней болгарский передник поверх когда-то роскошного, но сейчас уже сильно поношенного капота. Густые черные волосы повязаны пестрой косынкой. На босых ногах турецкие шлепанцы без задников. Несмотря на все это, выглядит она поразительно красиво и величаво. Лука уходит в дом.

Катерина. Павел, милый, какая неожиданность! *(Останавливается за стулом, перегибается через спинку и целует мужа.)* Тебе подали свежего кофе?

Петков. Да, Лука мне все принесла. Война кончилась. Позавчера в Бухаресте подписан мирный договор, а вчера отдан приказ о демобилизации нашей армии.

Катерина *(выпрямляется, сверкая глазами)*. Война кончена? Павел, неужели вы позволили австрийцам принудить вас к заключению мира?

Петков *(покорно)*. Со мной не советовались, дорогая. Что я мог сделать?

Она садится и отворачивается от него.

Но, конечно, мы проследили, чтобы условия были почетные. Болгария согласна на мир...

Катерина *(оскорбленная)*. Мир!

Петков *(успокаивая ее)*. ...но не на дружеские отношения. Правда, хотели внести и этот пункт, но я настоял, чтобы его вычеркнули. Что еще я мог сделать?

Катерина. Вы могли аннексировать Сербию и провозгласить князя Александра императором Балканским. Вот что сделала бы я.

Петков. Нисколько не сомневаюсь, дорогая. Но сначала мне пришлось бы покорить всю Австрийскую империю. А это слишком надолго разлучило бы нас. Я страшно по тебе соскучился.

Катерина *(смягчаясь)*. А-а! *(Нежно протягивает руку через стол и пожимает руку мужа.)*

Петков. А как тебе тут жилось, дорогая?

Катерина. Горло, как обычно, побаливало, а так – все по-прежнему.

Петков *(убежденно)*. Это все оттого, что ты каждый день моешь шею. Я это тебе уже не раз говорил.

Катерина. Что за вздор, Павел!

Петков *(поглощенный кофе и папиросой)*. Не надо чересчур увлекаться новомодными обычаями. Постоянное мытье вредно для здоровья. Оно противоестественно. В Пловдиве был один англичанин, так он каждое утро с головы до ног мылся холодной водой. Отвратительно! Все это пошло от англичан. У них такой климат, что они очень быстро пачкаются. Вот им и приходится постоянно мыться. А ты посмотри на моего отца! Он за всю жизнь ни разу не мылся, а дожил до девяноста восьми лет и был самым здоровым человеком в Болгарии. Я не против как следует помыться, скажем, раз в неделю, если это так нужно при моем положении. Но мыться каждый день — это уже смешно.

Катерина. Ты все еще варвар в душе, Павел. Надеюсь, ты прилично вел себя в присутствии русских офицеров.

Петков. Да я прямо из кожи лез. Я постарался сообщить им, что у нас есть библиотека.

Катерина. Хорошо. Но ты, конечно, не сказал им, что в библиотеку у нас проведен электрический звонок. Я поставила там звонок.

Петков. Электрический звонок? Это еще что за штука?

Катерина. Ты нажимаешь кнопку, на кухне что-то звякает, и появляется Никола.

Петков. А почему просто не позвать его?

Катерина. Цивилизованные люди никогда не зовут своих слуг. Меня научили этому, пока тебя не было.

Петков. Ну ладно, я тоже кое-чему научился и сейчас тебе все расскажу. Цивилизованные люди не вывешивают белье на просушку там, где его могут увидеть посторонние. Так что убери-ка ты куда-нибудь все это. *(Указывает на кусты.)*

Катерина. Какие глупости, Павел! Я не верю, что по-настоящему утонченные люди замечают такие вещи.

Сергей *(стучится в ворота конного двора)*. Открой, Никола!

Петков. Это Сергей! *(Кричит.)* Эй, Никола!

Катерина. Не кричи, Павел, это просто неприлично.

Петков. Чепуха! *(Кричит еще громче.)* Никола!

Никола *(появляясь в дверях дома)*. Что, сударь?

Петков. Ты что, оглох? Не слышишь, что стучит майор Саранов? Проведи его сюда. *(Он произносит эту фамилию с ударением на втором слоге — Сарáнов.)*

Никола. Слушаю, сударь. *(Идет на конный двор.)*

Петков. Поговори с ним, дорогая, пока Райна не избавит нас от него. Он меня прямо-таки извел — все жалуется,

почему его не повышают в чине. Ишь ты, меня обскакать хочет!

Катерина. Его обязательно должны произвести в следующий чин, когда он женится на Райне. Кроме того, нашей стране нужен хоть один собственный генерал.

Петков. Да, чтоб было кому бросать на смерть уже не полки, а целые бригады. Но не будем спорить, дорогая: у него все равно нет ни малейших шансов на повышение, пока мы не будем уверены, что мир заключен прочно.

Никола *(у ворот, докладывает)*. Майор Сергей Саранов! *(Уходит в дом и тотчас же возвращается с третьим стулом, который ставит к столу. Затем удаляется.)*

Входит майор Сергей Саранов, оригинал фотографии в комнате Райны, высокий, романтического вида красавец, отважный, пылкий, наделенный неуемным воображением неукротимого вождя горцев. Однако облик у него типичный для цивилизованного человека. Его вопросительно заломленные брови, выступающие вперед надбровные дуги, ревниво-наблюдательный взгляд, нос, тонкий, смело очерченный и выразительный, несмотря на устрашающую горбинку и широкие ноздри, и, наконец, энергичный подбородок показались бы вполне уместными в любом парижском салоне. Все это говорит о том, что Саранов, умный и впечатлительный варвар, обладает острым критическим чутьем, которое было пробуждено в нем проникновением на Балканы западной цивилизации. Нечто подобное произошло и в Англии, когда туда впервые просочились идеи девятнадцатого века: там появился байронизм. Стремясь жить согласно своим идеалам и постоянно раздумывая, почему это не удается не только другим, но и ему самому; проникшись в результате таких раздумий циничным презрением к человечеству и излишней уверенностью в абсолютной правоте своих воззрений и ничтожестве мира, не приемлющего их; став нетерпимым и насмешливым под влиянием мелких разочарований, которые приносит его впечатлительной и наблюдательной натуре каждый час, проведенный им среди людей, — он приобрел полутрагический, полуиронический вид, таинственную угрюмость, наводящую на мысль о каком-то странном и страшном событии, которое случилось с ним в прошлом и породило в нем неумолчные угрызения совести; короче говоря, в нем есть все то, чем Чайльд Гарольд чаровал бабушек его английских современ-

ников. Ясно, что он, и только он, идеальный герой Райны. Катерина относится к нему не менее восторженно, чем ее дочь, и гораздо более откровенна в проявлении своего восторга. Когда он появляется в воротах конного двора, она экспансивно встает ему навстречу. Петков — это совершенно очевидно — куда менее расположен носиться со своим гостем.

Петков. Вы уже здесь, Сергей! Рад вас видеть.

Катерина. Дорогой Сергей! *(Протягивает ему обе руки.)*

Сергей *(подчеркнуто галантно целует их)*. Дорогая матушка, если позволите называть вас так.

Петков *(сухо)*. Теща, Сергей, теща! Садитесь. Хотите кофе?

Сергей. Спасибо, нет. *(Отходит от стола и, раздосадованный явной радостью, с которой Петков встретил его отказ от кофе, прислоняется к перилам крыльца, всем своим видом выражая чувство собственного достоинства.)*

Катерина. Выглядите вы отлично, просто великолепно. Эта кампания пошла вам на пользу. У нас здесь все с ума по вас сходят. Ваша блистательная конная атака привела нас всех в дикий восторг.

Сергей *(мрачно и саркастически)*. Сударыня, эта атака стала колыбелью и могилой моей военной карьеры.

Катерина. Как так?

Сергей. Я выиграл сражение наперекор всем правилам, в соответствии с которыми его проигрывали русские генералы. Это нарушило их планы и ранило их самолюбие. Два их полковника со своими частями были отброшены назад в полном согласии с военной наукой, а два генерал-майора были убиты со строгим соблюдением военного этикета. Эти два полковника уже генерал-майоры, а я все еще только майор.

Катерина. Вы им не останетесь, Сергей. Женщины на вашей стороне, и они позаботятся о том, чтобы вам воздали по справедливости.

Сергей. Слишком поздно. Я ждал только заключения мира, чтобы подать в отставку.

Петков *(роняя от изумления чашку)*. В отставку!

Катерина. О, вы должны взять рапорт назад.

Сергей *(с решительным видом скрестив руки и чеканя слова)*. Я никогда не меняю своих решений!

Петков *(с досадой)*. Ну кто мог предполагать, что вы такое выкинете!

Сергей *(пылко)*. Каждый, кто знает меня. Но довольно обо мне и моих делах. Как Райна и где она?

Райна *(неожиданно выходя из-за угла дома и останавливаясь на верхних ступеньках дорожки)*. Райна здесь.

Все поворачиваются к ней. Она очаровательна. На ней платье из тонкой расшитой золотом ткани цвета небеленого полотна на бледно-зеленом чехле. На голове изящная фригийская шапочка с золотыми блестками. Сергей с возгласом восхищения порывисто бросается ей навстречу. Она с царственным видом протягивает руку, он рыцарски опускается на колено и целует ее.

Петков *(преисполненный отцовской гордости, тихо Катерине)*. Хороша, верно? И всегда умеет появиться в нужный момент.

Катерина *(нетерпеливо)*. Еще бы! Она всегда подслушивает. Отвратительная привычка.

Сергей со всем блеском галантности ведет Райну к столу. У стола она оборачивается и кивает ему головой; он кланяется, и они расходятся: он возвращается на прежнее место, она становится за стулом отца.

Райна *(наклоняясь и целуя отца)*. Добро пожаловать домой, дорогой папа!

Петков *(трепля ее по щеке)*. Здравствуй, любимица моя! *(Целует дочь.)*

Она направляется к стулу, поставленному Никодлой для Сергея, и садится.

Катерина. Значит, вы больше не военный, Сергей?

Сергей. Да, я больше не военный. Военное искусство, сударыня, это искусство малодушных, которые беспощадно нападают, когда сильны, и держатся на безопасном расстоянии, когда слабы. В этом заключается секрет всех выигранных сражений. Захватите противника в невыгодный для него момент и никогда, ни в коем случае не деритесь с ним при равных условиях.

Петков. Нам не дали довести дело до генерального сражения. Однако я полагаю, что военная служба такое же дело, как и всякое другое.

Сергей. Вот именно. Ну, а я не стремлюсь блистать в качестве делового человека. Поэтому я последовал совету этого коммивояжера в мундире — я имею в виду капитана, который ведал обменом пленными в Пироте, — и подал в отставку.

Петков. Как? Того швейцарца? Знаете, Сергей, я часто вспоминаю об этом обмене. Швейцарец-таки надул нас на лошадях.

Сергей. Разумеется, надул. Его отец был содержателем гостиницы и извозчичьего двора. Своими первыми успехами он обязан тому, что знал толк в барышничестве. *(С насмешливым восхищением.)* Вот это солдат, солдат до мозга костей! Эх, лучше бы и мне закупать лошадей для своего полка, а не водить его очертя голову в атаку! Я бы теперь уже был фельдмаршалом.

Катерина. Швейцарец? А как он попал в сербскую армию?

Петков. Добровольцем, разумеется,— надо же ему совершенствоваться в своей профессии. *(С усмешкой.)* Ведь мы не сумели бы даже завязать бой, не покажи нам иностранцы, как это делается. Ни мы, ни сербы понятия о войне не имели. Ей-богу, без них и войны-то не было бы.

Райна. И много у сербов швейцарских офицеров?

Петков. Нет, офицеры у них — сплошь австрийцы, как у нас русские. Это единственный швейцарец, какого я встретил. В жизни больше швейцарцу не поверю. Он одурачил нас: за полсотни годных к строевой солдат всучил нам двести замороженных кляч. Они даже на мясо не годились.

Сергей. Мы с вами, майор, оказались сущими младенцами в руках этого образцового солдата. Ну, просто невинными младенцами.

Райна. А как он выглядит?

Катерина. Райна, что за глупый вопрос!

Сергей. Как коммивояжер в мундире. Буржуа с головы до ног!

Петков *(ухмыляясь)*. Сергей, расскажите Катерине ту забавную историю, какую нам рассказал о нем его приятель. О том, как он спасся после Сливницы, помните? Его еще укрыли какие-то женщины.

Сергей *(с горькой иронией)*. Ах да! Это настоящий роман! Он служил в той самой пулеметной батарее, которую я так непрофессионально атаковал. Будучи солдатом до мозга костей, он бежал, как и все остальные, а наша кавалерия гналась за ними по пятам. Спасаясь от преследования, он влез по водосточной трубе прямо в спальню какой-то болгарской барышни. Убедительное красноречие этого коммивояжера очаровало девицу. Она очень скромно развлекала его час-другой, а затем, опасаясь, как бы не пострадала ее девичья репутация, позвала

мать. Старуха также пленилась им, и утром беглеца отправили в путь, предварительно переодев в старый сюртук хозяина дома, который был в это время на войне.

Райна *(подчеркнуто величаво поднимаясь)*. Лагерная жизнь приучила вас к грубости, Сергей. Я никогда не думала, что вы способны рассказать подобную историю в моем присутствии. *(Холодно отворачивается.)*

Катерина *(тоже встает)*. Она права, Сергей. Если даже такие женщины существуют, вы все равно могли бы избавить нас от разговора о них.

Петков. Полно вам! Вздор! Что особенного он сказал?

Сергей *(пристыженный)*. Нет, Петков, я был не прав. *(Райне, с искренним смирением.)* Прошу прощения. Я вел себя отвратительно. Простите меня, Райна.

Она сдержанно кланяется.

И вы также, сударыня.

Катерина снисходительно кланяется и садится.

(Он торжественно продолжает, обращаясь к Райне.) То, что за последние месяцы мне довелось узнать об изнанке жизни, сделало меня циником. Но я не имел права приносить свой цинизм сюда, тем более что здесь присутствуете вы, Райна. Я... *(Поворачивается к остальным, по-видимому, собираясь произнести длинную речь.)*

Петков *(прерывая его)*. Чушь и вздор, Сергей! Слишком много шума по пустякам. Дочь солдата обязана не сморгнув выслушивать мужские разговоры. *(Встает.)* Идем. Пора и за дело браться. Нам нужно сообразить, как перебросить три полка обратно в Пловдив: на софийской дороге они не достанут фуража. *(Направляется к дому.)* Идем.

Сергей собирается последовать за ним, но Катерина встает и вмешивается в разговор.

Катерина. Павел, ты мог бы оставить Сергея в покое хоть на несколько минут. Райна не успела с ним даже словом перемолвиться. Может быть, я в силах помочь тебе уладить дело с этими полками?

Сергей *(протестующе)*. Что вы, сударыня! Вы...

Катерина *(прерывая его, шутливо)*. Оставайтесь здесь, милый Сергей: время терпит. Нам с Павлом тоже надо поговорить.

Сергей тотчас кланяется и отступает в сторону.

А теперь, дорогой *(берет Петкова под руку)*, пойдем взглянуть на электрический звонок.

Петков. С удовольствием, с удовольствием.

Нежно прижавшись друг к другу, уходят в дом. Сергей, оставшись вдвоем с Райной, тревожно поглядывает на нее: он боится, что она все еще обижена. Она улыбается и протягивает ему руки.

Сергей *(устремляясь к ней)*. Меня простили?

Райна *(положив ему руки на плечи, с восхищением и обожанием смотрит на него)*. Мой герой! Мой царь!

Сергей. Моя царица! *(Целует ее в лоб.)*

Райна. Как я завидовала тебе, Сергей! Ты видел мир, был на поле боя, доказал, что достоин любой женщины в мире, а я сидела дома, бездельничала, мечтала и ничего не сделала, чтобы стать достойной настоящего мужчины.

Сергей. Любимая, все мои подвиги — твои. Это ты вдохновляла меня. Я дрался на войне, как рыцарь на турнире, постоянно ощущая на себе взгляд своей дамы.

Райна. Мысль о тебе ни на минуту не покидала меня. *(Торжественно.)* По-моему, Сергей, мы с тобой обрели высшую любовь. Когда я думаю о тебе, я чувствую, что не способна на недостойный поступок, на неблагородную мысль.

Сергей. Моя владычица! Святая моя! *(Благоговейно обнимает ее.)*

Райна *(отвечая ему тем же)*. Мой повелитель! Мой...

Сергей. Тс-с! Это я должен поклоняться тебе. Ты не знаешь, что даже самый лучший мужчина недостоин чистой девичьей любви!

Райна. Я верю тебе. Я люблю тебя. Ты никогда не разочаруешь меня, Сергей.

Из дома доносится пение Луки. Они отшатываются друг от друга.

Не могу притворяться и говорить при ней равнодушным тоном. Сердце мое слишком переполнено.

Из дома выходит Лука с подносом, подходит к столу и начинает убирать посуду, повернувшись спиной к Сергею и Райне.

Я возьму шляпку, и мы пойдем погуляем до завтрака. Хочешь?

Сергей. Только поскорее. Пять минут без тебя покажутся мне пятью часами.

Райна взбегает на крыльцо, оборачивается и обменивается с ним взглядом, обеими руками посылая ему воздушный поцелуй. С минутой он взволнованно смотрит ей вслед, затем медленно оборачивается. Лицо его сияет возвышенным восторгом. При этом движении поле зрения Сергея расширяется, и в него попадает краешек двойного передника Луки, что немедленно приковывает к себе его внимание. Он украдкой поглядывает на Луку и принимается задорно покручивать ус, подбоченясь левой рукой. Наконец, с кавалерийским шиком прищелкнув каблуками, он пробирается на другую сторону стола и, встав напротив Луки, вопрошает.

Сергей. Лука, ты знаешь, что такое высшая любовь?

Лука *(удивленно)*. Нет, сударь.

Сергей. Весьма утомительная штука, если заниматься ею длительное время. После нее всегда хочется какой-то перемены.

Лука *(с невинным видом)*. Не угодно ли кофе, сударь? *(Протягивает руку за кофейником.)*

Сергей *(завладевая ее рукой)*. Спасибо, Лука.

Лука *(притворно вырываясь)*. Ах, сударь, вы же знаете, я совсем не для того руку протянула. Вот уж не ожидала от вас!

Сергей *(отходит от стола и тянет ее за собой)*. Я сам от себя не ожидал, Лука. Что сказал бы Сергей, герой сражения под Сливницей, если бы увидел меня сейчас? Что сказал бы Сергей, апостол высшей любви, если бы увидел меня сейчас? Что сказали бы полдюжины статных, красивых Сергеев, которые то возникают, то исчезают во мне, если бы застали нас здесь? *(Отпуская ее руку и ловко обвивая ее талию.)* Как по-твоему, красив я, Лука?

Лука. Пустите, сударь. Ведь мне же откажут от места. *(Вырывается, он упорно держит ее.)* Отпустите вы меня или нет?

Сергей *(глядя ей прямо в глаза)*. Нет.

Лука. Тогда отойдем подальше, чтобы нас не увидели. Голова-то у вас на плечах есть?

Сергей. Вот это разумно. *(Отводит ее к воротам конного двора, где их не видно из дома.)*

Лука *(укоризненно)*. Нас могли заметить из окон. Барышня Райна уж конечно шпионит за вами.

Сергей *(уязвленный, отпускает ее)*. Полегче, Лука! Пусть я недостойный человек — я ведь изменяю высшей любви, но ты не унижай ее.

Лука *(с притворной скромностью)*. Конечно, сударь, ни в коем случае. А теперь пустите — мне работать надо.

Сергей *(вновь обнимая ее)*. Ах, прелестная маленькая плутовка! Стала бы ты подсматривать за мной из окон, Лука, если бы любила меня?

Лука. Нет, мне было бы слишком хлопотно следить за вами — вы же сами говорите, сударь, что в вас разом сидит полдюжины разных мужчин.

Сергей *(очарованный)*. Всем взяла: и умна, и мила. *(Пытается поцеловать ее.)*

Лука *(увертывается)*. Не нужны мне ваши поцелуи. Все вы, господа, одинаковы. Вы нежничаете со мной за спиной барышни Райны, а она занимается тем же за вашей.

Сергей *(делая шаг назад)*. Лука!

Лука. Сразу видно, что́ у вас за любовь.

Сергей *(отбрасывая фамильярность и переходя на леденяще вежливый тон)*. Если вам угодно продолжать нашу беседу, Лука, извольте запомнить, что порядочный человек не обсуждает поведение своей невесты с ее горничной.

Лука. До чего же трудно понять, что́ порядочный человек считает порядочным, а что́ — нет. Вы сами пытались поцеловать меня, вот я и подумала, что не так уж вы на этот счет щепетильны.

Сергей *(отворачивается от нее и возвращается в сад, на ходу стуча себя по лбу)*. Дьявол! Дьявол!

Лука. Ха-ха-ха! Мне кажется, сударь, один из шестерых Сергеев, сидящих в вас, очень похож на меня, хотя я всего-навсего горничная барышни Райны. *(Возвращается к столу, не обращая больше внимания на Сергея.)*

Сергей *(сам с собой)*. Кто же из шести — настоящий я? Вот вопрос, который меня мучит. Один из них герой, другой шут, третий обманщик, четвертый, вероятно, отчасти подлец. *(Умолкает, украдкой бросает взор на Луку и с глубокой горечью добавляет.)* И по меньшей мере один из них — трус и ревнивец, как все трусы. *(Подходит к столу.)* Лука!

Лука. Да?

Сергей. Кто мой соперник?

Лука. У меня вы этого ни лаской, ни деньгами не выпытаете.

Сергей. Почему?

Лука. А вам не все равно – почему? Кроме того, вы разболтаете, что это я вам все сказала, и мне откажут от места.

Сергей *(клятвенно поднимая правую руку)*. Нет, не разболтаю, клянусь честью *(останавливается, рука его бессильно падает, и он саркастически добавляет)*... честью человека, способного вести себя так, как вел я себя последние пять минут. Кто он?

Лука. Не знаю. Я его не видела. Я только слышала через дверь его голос у нее в спальне.

Сергей. Проклятье! Да как ты смеешь!..

Лука *(отступая)*. Что вы! Я не хотела сказать ничего худого. Вы не имеете права ловить меня на слове. Хозяйка все знает. Но говорю вам, если этот человек когда-нибудь вернется, барышня Райна выйдет за него, хочет он того или нет. Вы с ней только притворяетесь друг перед другом, а я знаю, как это бывает по-настоящему. Большая разница!

Сергей вздрагивает, словно она ударила его ножом. Затем с каменным лицом мрачно подходит к ней и обеими руками стискивает ей руку выше локтя.

Сергей. Теперь слушай меня.

Лука *(морщась от боли)*. Полегче – мне больно.

Сергей. Неважно. Рассказав мне, как ты подслушивала, ты запятнала мою честь, сделала меня своим сообщником. И предала свою госпожу.

Лука *(корчась)*. Пожалуйста...

Сергей. Это доказывает, что ты обыкновенная маленькая дрянь с лакейской душонкой. *(Выпускает ее с таким видом, словно прикоснулся к чему-то нечистому, и отворачивается, отряхивая руки. Затем идет к скамье у стены и садится, отвернув голову и погрузившись в мрачные размышления.)*

Лука *(сердито хнычет, закатывая рукав и ощупывая поврежденную руку)*. Языком вы умеете причинять боль не хуже, чем руками. Но теперь мне все равно. Я поняла, что, какая я ни на есть дрянь, вы ничем не лучше. А что до нее, так она лгунья и все ее важничанье – один обман. Я стою полдюжины таких, как она. *(Собравшись с силами, превозмогает боль, вскидывает голову и опять начинает составлять посуду на поднос.)*

Он нерешительно поглядывает на нее. Убрав посуду, Лука складывает скатерть, чтобы унести все вместе. В ту минуту, когда она нагибается за подносом, он встает.

Сергей. Лука!

Она останавливается и вызывающе смотрит на него.

Порядочный человек ни при каких обстоятельствах не причиняет женщине боли. *(С глубоким смирением обнажает голову.)* Прошу прощения.

Лука. Такие извинения годятся для дамы. Какой в них толк горничной?

Сергей *(жестоко оскорбленный в своих рыцарских чувствах, с горьким смехом отказывается от них и презрительно бросает)*. Понимаю. Ты хочешь, чтобы я заплатил тебе за причиненную боль? *(Надевает фуражку и вынимает из кармана деньги.)*

Лука *(глаза ее невольно наполняются слезами)*. Нет. Я хочу, чтобы вы исцелили ее.

Сергей *(отрезвленный ее тоном)*. Но как?

Она закатывает левый рукав, сжимает больное место правой рукой и смотрит на синяк. Затем поднимает голову и смотрит Сергею прямо в глаза. Наконец, надменно подставляет ему руку для поцелуя. Он удивленно смотрит ей в лицо, потом на руку, опять в лицо, колеблется, затем, вздрогнув от напряжения, восклицает: «Никогда!» — и отходит от нее как можно дальше. Рука ее падает. Она молча с неподдельным достоинством поднимает поднос и направляется к дому, откуда выходит Райна в шляпе и жакете, последнем крике венской моды прошлого, 1885 года. Лука с надменным видом уступает ей дорогу, затем входит в дом.

Райна. Я готова. В чем дело? *(Весело.)* Флиртуем с Лукой?

Сергей *(поспешно)*. Нет, нет. Как ты могла подумать?

Райна *(сконфуженно)*. Прости, дорогой, я просто пошутила. Сегодня я так счастлива.

Он быстро подходит к ней и с покаянным видом целует ей руку. Из дома выходит Катерина и с крыльца окликает их.

Катерина *(спускаясь)*. Мне очень не хочется мешать вам, дети, но Павел совсем расстроился из-за этих трех полков. Он не знает, как перебросить их в Пловдив, и отвергает все мои предложения. Ступайте помогите ему, Сергей. Он в библиотеке.

Райна *(разочарованно)*. Но мы уже собрались погулять.

Сергей. Я сейчас. Подождите меня пять минут. *(Взбегает вверх по крыльцу.)*

Райна *(провожая его до крыльца и глядя на него снизу вверх, с робким кокетством)*. Я обойду дом и буду ждать под окнами библиотеки. Вы уж постарайтесь обратить на меня внимание отца. Если вы хоть на мгновение задержитесь там дольше пяти минут, я приду и сама вытащу вас, невзирая ни на какие полки́.

Сергей *(со смехом)*. Вот и хорошо! *(Входит в дом.)*

Райна следит за ним, пока он не скрывается из виду. Затем с явным облегчением принимается в мрачном раздумье расхаживать взад и вперед по саду.

Катерина. Подумать только! Они встретили этого швейцарца и узнали всю историю! Твой отец первым делом спросил, где его старый сюртук, в котором мы тогда выпроводили беглеца. Нечего сказать, в хорошенький переплет я угодила из-за тебя!

Райна *(сосредоточенно рассматривая песок под ногами)*. Свинья!

Катерина. Свинья? Какая свинья?

Райна. Спасся, а потом все разболтал! Ох, попадись он мне только в руки! Я бы так напичкала его шоколадными конфетами, что он бы уж никогда больше слова не вымолвил.

Катерина. Перестань молоть вздор. Скажи мне правду, Райна. Сколько времени он пробыл у тебя в спальне до того, как ты пришла ко мне?

Райна *(круто поворачиваясь и принимаясь шагать в обратном направлении)*. Вот уж не помню.

Катерина. Ты не могла это забыть. Он в самом деле вскарабкался на балкон после ухода солдат или уже находился в комнате, пока офицер производил обыск?

Райна. Нет... Да, по-моему, он уже был в комнате.

Катерина. По-твоему! Ах, Райна, Райна! Перестанешь ли ты когда-нибудь лгать? Ведь если Сергей узнает, между вами все кончено.

Райна *(холодно и дерзко)*. Да, я знаю, Сергей твой любимчик. Иногда мне даже хочется, чтобы ты могла выйти за него вместо меня. Ты бы ему как раз подошла. Ты бы баловала его, портила его, нянчилась с ним, сколько душе угодно.

Катерина *(в полном смысле слова широко раскрывая глаза)*. Ну, знаешь!..

Райна *(капризно и обращаясь скорее к самой себе)*. Меня всегда так и подмывает сделать при нем или сказать ему

что-нибудь ужасное: уязвить его благопристойность, ошеломить его так, чтобы он себя узнавать перестал. *(К Катерине, упрямо.)* Мне все равно, узнает он о шоколадном солдатике или нет. Мне даже хочется, чтобы он узнал. *(Снова поворачивается и дерзко направляется по дорожке, огибающей дом.)*

Катерина. Что же мне, скажи на милость, ответить твоему отцу?

Райна *(с верхней ступеньки дорожки, через плечо)*. Ах, бедный папа! Как будто он может что-нибудь сделать! *(Поворачивает за угол дома и исчезает из виду.)*

Катерина *(глядит ей вслед, у нее явно чешутся руки)*. Эх, будь ты помоложе лет на десять!..

Из дома выходит Лука, держа поднос в опущенной руке.

Что тебе?

Лука. Там пришел какой-то господин, сударыня. Сербский офицер.

Катерина *(вскакивая)*. Серб! Да как он осмелился... *(Спохватившись, с горечью.)* Ах, я совсем забыла — мы же заключили мир. Теперь они, пожалуй, начнут каждый день являться с поздравлениями. Почему же, раз это офицер, ты не докладываешь хозяину? Он в библиотеке с майором Сарановым. Почему ты бежишь ко мне?

Лука. Но он спрашивает вас, сударыня. И, по-моему, он не знает, как вас зовут. Он спросил просто хозяйку. И дал мне для вас вот эту записочку. *(Вынимает из-за пазухи визитную карточку, кладет ее на поднос и протягивает Катерине.)*

Катерина *(читает)*. Капитан Блюнчли! Фамилия немецкая.

Лука. Думаю, сударыня, скорее швейцарская.

Катерина *(подскакивая так, что Лука отшатывается)*. Швейцарская! А как он выглядит?

Лука *(робко)*. При нем большой саквояж, сударыня.

Катерина. Боже мой! Он пришел вернуть сюртук. Отошли его... Скажи, нас нет дома... Попроси его оставить свой адрес — я напишу ему... Нет, постой, так не годится. Погоди! *(Бросается на стул и лихорадочно думает.)*

Лука ждет.

Хозяин и майор Саранов заняты в библиотеке, да?

Лука. Да, сударыня.

Катерина *(решительно)*. Немедленно проведи этого господина сюда. *(Повелительно.)* Да будь с ним повежливее. Не мешкай. Дай сюда! *(Нетерпеливо отбирает у нее поднос.)* Оставь это здесь и живо за ним.

Лука. Слушаю, сударыня. *(Уходит.)*

Катерина. Лука!

Лука. Да, сударыня?

Катерина. Дверь в библиотеку закрыта?

Лука. Кажется, да, сударыня.

Катерина. Если нет, закрой ее по дороге.

Лука. Слушаю, сударыня. *(Уходит.)*

Катерина. Стой!

Лука останавливается.

Проведи его сюда вон той дорогой *(указывает на конный двор)*. Скажи Николе, чтобы принес вслед за ним его саквояж. Не забудь.

Лука *(удивленно)*. Саквояж?

Катерина. Да, и как можно скорее. *(Неистово.)* Ну, живо!

Лука бежит в дом.

(Срывает с себя фартук и бросает его за куст. Затем берет поднос и пользуется им как зеркалом, в результате чего ее головной платок следует за фартуком. Поправив прическу и одернув платье, она принимает, наконец, презентабельный вид.) Боже мой, ну можно ли быть таким идиотом! Выбрал же время!

Лука появляется в дверях дома и объявляет: «Капитан Блюнчли». Затем сторонится, пропуская гостя, и уходит в дом. Капитан Блюнчли, герой полночного приключения в спальне Райны, вымыт, тщательно причесан, одет в щегольской мундир и совершенно спокоен, но нет никакого сомнения, что это тот же самый человек. Как только Лука поворачивается к ним спиной, Катерина бросается к нему с повелительным, настойчивым, умоляющим призывом.

Капитан Блюнчли, я очень рада вас видеть, но вы должны немедленно уйти.

Он поднимает брови.

Мой муж вместе с моим будущим зятем только что вернулись и еще ничего не знают. Если они узнают, последствия будут самые ужасные. Вы иностранец, вам не понять нашей национальной вражды. Мы по-прежнему не-

навидим сербов. Мир привел только к тому, что мой муж чувствует себя теперь львом, у которого отняли добычу. Если он все узнает, он никогда не простит меня, а жизнь дочери окажется в опасности. Не угодно ли вам, как рыцарю и порядочному человеку, сейчас же удалиться, пока он не застал вас здесь?

Блюнчли *(разочарованно, но философски)*. Сию минуту, сударыня. Я приехал лишь поблагодарить вас и возвратить сюртук, который вы одолжили мне. Если вы позволите мне перед уходом вынуть его из саквояжа и вручить вашему слуге, то у меня нет надобности задерживать вас дольше. *(Поворачивается с намерением войти в дом.)*

Катерина *(удерживая его за рукав)*. Нет, вам нельзя идти обратно через дом. *(Ведет его к воротам конного двора.)* Вот более короткий путь. Весьма признательна. Рада была оказать вам услугу. До свиданья.

Блюнчли. А мой саквояж?

Катерина. Я пришлю вам его. Оставьте мне ваш адрес.

Блюнчли. Верно. Разрешите. *(Вынимает визитную карточку и надписывает адрес.)*

Катерина с трудом сдерживает нетерпение. В то мгновение, когда он протягивает ей карточку, Петков, подгоняемый приступом гостеприимства, с непокрытой головой выбегает в сад. Сергей следует за ним.

Петков *(поспешно сбегая по ступенькам)*. Дорогой капитан Блюнчли...

Катерина. О боже! *(Опускается на скамью возле стены.)*

Петков *(слишком занятый, чтобы обратить на это внимание, сердечно пожимает руку Блюнчли)*. Глупые слуги решили, что я здесь, а я был в... как ее?.. библиотеке. *(Он не может упомянуть библиотеку, не показав при этом, как гордится ею.)* Я увидел вас из окна. Меня удивило, отчего это вы не зашли ко мне. Со мной Саранов. Помните его, а?

Сергей *(шутливо кланяется, затем протягивает руку, стараясь казаться как можно более обаятельным)*. Добро пожаловать, наш друг неприятель!

Петков. К счастью, неприятелей больше нет. *(Слегка встревоженно.)* Надеюсь, вы зашли как друг, а не по поводу лошадей или пленных, а?

Катерина. Конечно, как друг, Павел. Я как раз предлагала капитану Блюнчли остаться и позавтракать с нами, но он заявил, что должен немедленно уйти.

Сергей *(саркастически)*. Это исключено, Блюнчли. Вы нам нужны. Нам предстоит перебросить в Пловдив три кавалерийских полка, а мы даже не представляем себе, как это сделать.

Блюнчли *(разом становится внимательным и деловитым)*. В Пловдив? Я полагаю, вся трудность в фураже?

Петков *(с жаром)*. Именно в нем. *(Сергею.)* Он сразу все понял.

Блюнчли. Я, кажется, могу подсказать вам, как справиться с этим делом.

Сергей. Неоценимый человек! Идемте же. *(Возвышаясь над Блюнчли, кладет ему руку на плечо и ведет его к дому.)*

Петков следует за ними. Едва Блюнчли заносит ногу на первую ступеньку крыльца, как из дома выходит Райна.

Райна. Ах! Шоколадный солдатик!

Блюнчли круто останавливается. Сергей в изумлении переводит взгляд с Райны на Петкова, который отвечает ему столь же изумленным взглядом и потом смотрит на жену.

Катерина *(не теряя присутствия духа)*. Райна, дорогая, разве ты не видишь, что у нас гость? Капитан Блюнчли, один из наших новых сербских друзей.

Райна кланяется. Блюнчли отвечает тем же.

Райна. Ах, как глупо получилось! *(Спускается вниз и становится между Блюнчли и Петковым.)* Сегодня я сделала замечательные украшения для мороженого, а этот дурень Никола взял да поставил на них груду тарелок и все испортил. *(К Блюнчли, с чарующей улыбкой.)* Надеюсь, капитан Блюнчли, вы не приняли «шоколадного солдатика» на свой счет?

Блюнчли *(смеясь)*. Уверяю вас, принял. *(Бросив на нее лукавый взгляд.)* Ваше объяснение сняло камень с моей души.

Петков *(к Райне, подозрительно)*. А с каких это пор, скажи на милость, ты пристрастилась к стряпне?

Катерина. С тех пор как ты уехал. Это ее новая причуда.

Петков *(раздраженно)*. Выходит, Никола начал пить? Раньше он всегда был внимателен. А теперь он сначала приводит Блюнчли сюда, хотя очень хорошо знает, что я в... как ее?.. библиотеке, затем идет на кухню и портит шоколадного солдатика Райны. Он, должно быть...

На лестнице появляется Никола *с саквояжем в руках. Он спускается, почтительно ставит саквояж перед*

Блюнчли и ждет дальнейших распоряжений. Всеобщее изумление. Не отдавая себе отчета в том, какую сенсацию он произвел, Никола сохраняет невозмутимо самодовольный вид.

(Обретя наконец дар речи, Петков набрасывается на него.) Ты что, с ума сошел, Никола?

Никола *(ошеломленный)*. Что, сударь?

Петков. Зачем ты это принес?

Никола. Так хозяйка велела, сударь. Лука сказала мне, что...

Катерина *(прерывая его)*. Я велела? С какой мне стати велеть тащить сюда багаж капитана Блюнчли? Где твоя голова, Никола?

Никола *(оправившись от минутной растерянности, поднимает саквояж и обращается к Блюнчли с безукоризненной почтительностью прирожденного слуги)*. Прошу прощения, сударь. *(Катерине.)* Виноват, сударыня, не взыщите за ошибку. *(Кланяется и направляется с саквояжем в дом.)*

Петков *(сердито кричит ему вдогонку)*. Ступай да поставь заодно и саквояж на мороженое барышни Райны.

Это чересчур много даже для Николы. Он едва не роняет саквояж на ноги хозяину.

Пошел вон, растяпа безрукий!

Никола *(подняв саквояж, ретируется в дом)*. Слушаю, сударь.

Катерина. Полно, Павел, не сердись по пустякам.

Петков *(ворчливо)*. Мерзавец! Совсем от рук отбился, пока меня не было. Я его, негодяя, проучу! В эту же субботу выгоню. Пора уже в доме порядок навести.

Жена и дочь хлопочут вокруг него, уговаривают, и постепенно он успокаивается.

Катерина, Райна *(вместе)*. Ну-ну-ну! Не надо, не надо! Будет. Он не нарочно. Не сердись, ведь ты же сегодня первый день дома. Я сделаю другие украшения. Все будет хорошо. Полно, полно!

Петков *(сдаваясь)*. Ладно... А вы, Блюнчли, перестаньте молоть вздор — никуда я вас не отпущу. Ведь вы же еще не собираетесь обратно в Швейцарию. Значит, до отъезда погостите у нас.

Райна. Прошу вас, капитан Блюнчли!..

Петков *(Катерине)*. Послушай, Катерина, это он тебя боится. Попроси-ка его понастойчивей, он и останется.

Катерина. Разумеется, я буду страшно рада, если капитан Блюнчли *(просительно)* в самом деле решит остаться. Он знает, как мне этого хочется.

Блюнчли *(по-военному сухо)*. К вашим услугам, сударыня.

Сергей *(приветливо)*. Значит, все улажено.

Петков *(сердечно)*. Конечно!

Райна. Вы сами видите, вам придется остаться.

Блюнчли *(улыбаясь)*. Что ж, придется так придется.

Катерина делает жест отчаяния.

В библиотеке после завтрака. Библиотека едва ли заслуживает столь громкого названия. В ней всего лишь одна полка, заставленная истрепанными, залитыми кофе, захватанными романами в бумажных переплетах. По стенам развешено еще несколько полочек, на них несколько книг, полученных в подарок. Остальная часть стен занята военными и охотничьими трофеями. Словом, это скорее довольно уютная гостиная. Сквозь три больших окна видна панорама гор, которые выглядят сейчас особенно живописно — их заливает неяркое послеполуденное солнце. В углу, за правым окном, высится четырехугольная печь, настоящая башня из цветного кафеля, которая вздымается чуть ли не до потолка и внушает уверенность, что в этой комнате всегда тепло. Турецкая оттоманка, такая же, как в спальне Райны, стоит, как и там, против окна. В оконных нишах расставлены мягкие диванчики, заваленные вышитыми подушками. Один предмет, однако, находится в безнадежном контрасте с остальной меблировкой. Это маленький облезлый кухонный столик, используемый в качестве письменного стола. На нем старая жестянка с перьями, рюмка для яиц, наполненная чернилами, и неопрятный, вконец испачканный клочок промокательной бумаги.

За этим столом, стоящим у левого окна, усердно работает Блюнчли. Разложив перед собой карты, он строчит приказы. Сбоку стола сидит Сергей. Предполагается, что он тоже трудится, хотя на самом деле он лишь грызет перо и смотрит, как быстро, уверенно, деловито работает Блюнчли. Он преисполнен завистливого раздражения, ибо сознает свою собственную неподготовленность, и вместе с тем почтительного изумления, ибо деловые способности Блюнчли кажутся ему чуть ли не чудом и лишь прозаический их характер не позволяет ему открыто признаться в этом. Майор удобно устроился на оттоманке: в руках у него газета, под рукой кальян. Катерина сидит у печи, спиной к нам, и вышивает. Райна полулежит на диванчике у правого окна, мечтательно взирая на горный пейзаж: на коленях у нее роман, но она забыла о нем.

Дверь на той же стороне, что и печь, подальше от окна. Кнопка электрического звонка на противоположной стороне, позади Блюнчли.

Петков *(отрывая глаза от газеты и проверяя, как подвигается дело у тех, кто сидит за столом)*. Вы уверены, Блюнчли, что я ничем не могу быть полезен?

Блюнчли *(не поднимая головы и не переставая писать)*. Благодарю вас, совершенно уверен. Мы с Сарановым справимся сами.

Сергей *(угрюмо)*. Вот именно, мы справимся. Он решает, что следует делать, пишет приказы, а я их подмахиваю. Разделение труда, майор.

Блюнчли передает ему бумагу.

Еще один? Благодарю. *(Кладет бумагу прямо перед собой, устанавливает стул строго параллельно столу и подписывает документ, подперев щеку левой рукой, высунув язык и шевеля им в такт движению правой руки.)* Эта рука больше привыкла к сабле, чем к перу.

Петков. Вы очень любезны, Блюнчли, право, очень: вы взяли на себя всю работу. Так вы совершенно уверены, что я ничем не могу быть полезен?

Катерина *(тихо и предостерегающе)*. Ты можешь не мешать им, Павел?

Петков *(вздрагивая и оглядываясь)*. Что? Да, да, совершенно верно, милая, совершенно верно. *(Снова берется за газету, но сразу же бросает ее.)* Ах, Катерина, ты не воевала и не можешь себе представить, как нам приятно посидеть вот так после сытного завтрака, ничего не делая и наслаждаясь покоем. Для полного счастья мне недостает только одного.

Катерина. Чего же?

Петков. Моего старого сюртука. В этом я не чувствую себя по-домашнему. Мне все кажется, будто я на параде.

Катерина. Как ты мне надоел со своим сюртуком, милый Павел! Где ты его оставил? В голубом шкафу? Он там, наверно, и висит.

Петков. Дорогая моя Катерина, повторяю тебе: я уже смотрел там. Своим глазам не верить мне, что ли?

Катерина спокойно встает и нажимает кнопку электрического звонка у печи.

Ну зачем ты хвастаешься своим звонком?

Она величественно смотрит на него, молча садится на прежнее место и вновь принимается за вышивание.

Дорогая моя, если ты полагаешь, что женское упрямство может превратить в сюртук два старых халата Райны, твою накидку и мой плащ, то ты заблуждаешься. В голубом шкафу сейчас кроме них ничего не висит.

Входит Никола.

Катерина *(на которую реплика Петкова не произвела никакого впечатления)*. Никола, достань из голубого шкафа старый сюртук хозяина и принеси его сюда. Знаешь, тот, со шнурами, который он обычно носит дома.

Никола. Слушаю, сударыня.

Петков. Катерина!

Катерина. Что, Павел?

Петков. Ставлю любую драгоценность, какую тебе захочется выписать из Софии, против недельных денег на хозяйство, что сюртука там нет.

Катерина. По рукам, Павел!

Петков *(разом входя в азарт)*. Идет. По крайней мере, развлечемся. Кто еще хочет побиться об заклад? Блюнчли, ставлю шесть против одного.

Блюнчли *(невозмутимо)*. Я не склонен грабить вас, майор. Сударыня несомненно права. *(Не поднимая головы, передает Сергею очередную пачку документов.)*

Сергей *(тоже возбужденный)*. Браво, Швейцария! Майор, ставлю своего лучшего строевого коня против арабской кобылы для Райны, что Никола принесет сюртук из голубого шкафа.

Петков *(жадно)*. Вашего лучшего...

Катерина *(поспешно перебивая его)*. Не глупи, Павел. Арабская кобыла вскочит тебе в пятьдесят тысяч левов.

Райна *(внезапно очнувшись и меняя свою живописную позу)*. Право, не понимаю, мама, почему ты жалеешь деньги на арабскую кобылу для меня, если сама согласна принять от отца любую драгоценность.

Никола возвращается с сюртуком и подает его Петкову, который не верит своим глазам.

Катерина. Где ты взял сюртук, Никола?

Никола. В голубом шкафу, сударыня.

Петков. Будь я прок...

Катерина *(останавливая его)*. Павел!

Петков. Я готов был поклясться, что его там нет. Видно, годы свое берут – у меня уже начались галлюцинации. *(Николе.)* Помоги-ка мне переодеться. Простите, Блюнчли. *(Надевает сюртук.)*

Никола помогает ему.

Помните, Сергей, я не принял вашего пари. Дарите Райне арабскую кобылу сами, раз уж вы обнадежили ее. Верно, Райна? *(Смотрит на нее.)*

Она опять погрузилась в созерцание пейзажа.

(В приливе отцовской любви и гордости он указывает на нее остальным и говорит.) Как всегда, мечтает.

Сергей. Можете быть спокойны, уж она-то в накладе не останется.

Петков. Тем лучше для нее. Мне, вероятно, так дешево не отделаться. *(Переодевание закончено.)*

Никола уходит, унося сброшенную Петковым одежду.

Вот теперь я наконец чувствую себя дома. *(Садится и со вздохом облегчения берется за газету.)*

Блюнчли *(подавая бумагу Сергею)*. Вот последний приказ.

Петков *(подскочив)*. Что! Уже кончили?

Блюнчли. Да, кончили.

Петков *(с детской завистью)*. А нет ли у вас чего-нибудь такого, что мог бы подписать я?

Блюнчли. Это ни к чему. Довольно и его подписи.

Петков *(набирая в грудь воздуха и ударяя по ней кулаком)*. Ну, что ж, я полагаю, мы чертовски крепко поработали. Чем еще могу быть полезен?

Блюнчли. Идите-ка вдвоем и лично вручите приказы нарочным.

Сергей встает.

Отправьте их немедленно и предупредите, что на документах указан срок доставки. Скажите им, пусть не вздумают по дороге останавливаться, пить и болтать: с них спустят шкуру даже за пятиминутное опоздание.

Сергей *(в негодовании выпрямляется)*. Хорошо, я скажу. *(Идет к двери.)* И если хоть у одного из них хватит мужества плюнуть мне в лицо за такое оскорбление, то я заплачу ему жалованье и назначу пенсию, когда с него сдерут погоны. *(Уходит.)*

Блюнчли *(тихо, Петкову)*. Проследите, майор, чтобы он сделал им надлежащее внушение.

Петков *(услужливо)*. Разумеется, Блюнчли, разумеется. Я прослежу. *(Деловито направляется к двери, но, заколебавшись, останавливается на пороге.)* Между прочим, Катерина, ты тоже могла бы пойти со мной. Они боятся тебя куда больше, чем меня.

Катерина *(складывая вышивку)*. Пожалуй, так оно будет лучше. А то ты еще наболтаешь им невесть что. *(Выходит.)*

Петков придерживает дверь, затем следует за Катериной.

Блюнчли. Ну и армия! Пушки делают из вишневого дерева, а наводить дисциплину посылают офицерских жен. *(Начинает складывать и помечать бумаги.)*

Райна встает с дивана и подходит к нему, заложив руки за спину и сердито поглядывая на него.

Райна. Вы выглядите куда лучше, чем при нашей первой встрече.

Он удивленно поднимает голову.

Что вы с собой сделали?

Блюнчли. Вымылся, причесался, хорошо выспался и позавтракал. Вот и все.

Райна. Вы благополучно добрались до своих в то утро?

Блюнчли. Благодарю вас, вполне благополучно.

Райна. Вам не попало за то, что вы сбежали, когда Сергей пошел в атаку?

Блюнчли *(усмехаясь)*. Напротив, все были мне очень рады: они ведь и сами поступили бы точно так же.

Райна *(подходит к столу, опирается на него и наклоняется к Блюнчли)*. Им, наверно, очень понравилась ваша история — обо мне и моей спальне.

Блюнчли. Превосходная история. Но я рассказал ее только одному человеку, моему близкому другу.

Райна. На скромность которого могли безусловно положиться?

Блюнчли. Да, безусловно.

Райна. Гм! Однако он пересказал ее моему отцу и Сергею в тот день, когда вы обменивали пленных. *(Поворачивается и с безразличным видом отходит на другой конец комнаты.)*

Блюнчли *(очень задетый, но все-таки недоверчиво)*. Быть не может! Я, вероятно, не так вас понял.

Райна *(повернувшись, с внезапной серьезностью)*. Именно так. Но наши не знают, что вы скрывались у нас в доме. Если бы Сергей это знал, он бы вызвал вас на дуэль и убил.

Блюнчли. Боже мой! В таком случае не говорите ему.

Райна. Будьте же, наконец, серьезны, капитан Блюнчли. Вы понимаете, каково мне обманывать его? Я хочу быть с Сергеем совершенно честной — никакой низости, никакой мелочности, никакого обмана. Мои отношения с ним — подлинно прекрасная и благородная часть моей жизни. Надеюсь, это вы в состоянии уразуметь?

Блюнчли *(скептически)*. То есть вам нежелательно, чтобы он узнал, что история с мороженым была... э... э... ну, в общем, вам понятно.

Райна *(содрогаясь)*. Не говорите об этом так легкомысленно. Да, я знаю: я солгала. Но я сделала это ради спасения вашей жизни. Он убил бы вас. Это был второй случай в жизни, когда я сказала неправду.

Блюнчли торопливо встает, с сомнением и даже несколько сурово глядя на нее.

А первый случай вы помните?

Блюнчли. Я? Нет. Разве это было при мне?

Райна. Да. Я же сказала офицеру, который обыскивал комнату, что вас в ней нет.

Блюнчли. Верно. Мне следовало бы это помнить.

Райна *(осмелев)*. Ах, вполне естественно, что вы первый забыли об этом. Вам это ничего не стоило. А мне это стоило лжи, да, лжи! *(Садится на оттоманку и, обхватив руками колени, смотрит в пространство.)*

Растроганный Блюнчли подходит к оттоманке и садится рядом с Райной, желая подбодрить и утешить ее.

Блюнчли. Не расстраивайтесь, милая барышня. Помните, я — солдат. Ну, а какие две вещи приходится солдату делать так часто, что он даже не думает о них? Во-первых, слушать, как люди врут...

Райна вздрагивает.

Во-вторых, спасать свою жизнь самыми разными способами, с помощью самых разных людей.

Райна *(встает, возмущенно протестуя)*. И таким образом он превращается в существо, не способное ни на искренность, ни на чувство благодарности.

Блюнчли *(делая гримасу)*. А вы любите, когда вам благодарны? Я — нет. Жалость сродни любви, а вот благодарность — сродни чему-то совсем другому.

Райна. Благодарность! *(Набрасывается на него.)* Человек, не умеющий быть благодарным, вообще не способен на благородное чувство. Благодарность не чужда даже животным. О, теперь я отлично понимаю, какого вы мнения обо мне! Вы не удивились, услыхав, как я лгу: вы сочли, что я занимаюсь этим ежедневно, ежечасно. Вот как мужчины думают о женщинах. *(С мелодраматическим видом расхаживает по комнате.)*

Блюнчли *(недоверчиво)*. Во всем есть свой резон. Вот вы уверяете, что солгали всего два раза в жизни. Не маловато ли, милая барышня? Я сам довольно прямой человек, но и за одно утро лгу больше двух раз.

Райна *(окидывая его надменным взглядом)*. Разве вам непонятно, сударь, что вы меня оскорбляете?

Блюнчли. Ничего не могу поделать. Когда вы становитесь в благородную позу и говорите звенящим голосом, я любуюсь вами, но не нахожу возможным поверить хотя бы одному вашему слову.

Райна *(величественно)*. Капитан Блюнчли!

Блюнчли *(невозмутимо)*. Что?

Райна *(приближается к нему, словно не веря своим ушам)*. Вы в самом деле убеждены в том, что сейчас сказали? Вы понимаете, что́ вы сказали?

Блюнчли. Понимаю.

Райна *(задыхаясь)*. Я!.. Я! *(Указывает на себя, словно не веря своим ушам и как бы желая сказать: «Я, Райна Петкова, лгу?»)*

Он не сморгнув выдерживает ее взгляд.

(Внезапно она усаживается рядом с ним, разом сменив героический тон на простой дружеский.) Как вы разгадали меня?

Блюнчли *(не задумываясь)*. Интуиция, милая барышня. Интуиция и знание жизни.

Райна *(с удивлением)*. Знаете, вы первый, кто не воспринял меня всерьез.

Блюнчли. Вы хотите сказать, что я первый, кто воспринял вас совершенно серьезно?

Райна. Да, кажется, я имела в виду именно это. *(Чувствуя себя совершенно непринужденно.)* Как странно, когда

с тобою разговаривают вот так! Знаете, я всегда держалась таким образом.

Блюнчли. То есть?

Райна. Ну, благородная осанка, звенящий голос.

Оба смеются.

Еще ребенком я пробовала это на моей няне. Она верила. Я проделываю это с моими родителями. Они верят. Я проделываю это с Сергеем. Он тоже верит.

Блюнчли. Он и сам немножко такой, правда?

Райна *(пораженная)*. Вы так думаете?

Блюнчли. Вам виднее: вы знаете его лучше, чем я.

Райна. Интересно... Интересно, в самом ли деле он такой? Если бы только я была уверена... *(Печально.)* Впрочем, какое это имеет значение? Теперь, когда вы знаете, какая я, вы, наверно, презираете меня?

Блюнчли *(вставая, горячо)*. Нет, милая барышня, тысячу раз нет! Ведь это часть вашей юности, часть вашего очарования. Я, как и все остальные, как ваша няня, ваши родители, Сергей, остаюсь пламенным вашим поклонником.

Райна *(довольная)*. Правда?

Блюнчли *(на немецкий манер ударив себя рукой в грудь)*. Hand aufs Herz! По чести и совести!

Райна *(в полном упоении)*. Но что вы подумали обо мне, получив в подарок мою фотографию?

Блюнчли *(удивленно)*. Вашу фотографию? Вы мне ее не дарили.

Райна *(быстро)*. Вы хотите сказать, что не получили ее?

Блюнчли. Нет. *(С новым интересом подсаживается к ней и говорит с некоторым сожалением.)* Когда вы ее послали?

Райна *(негодующе)*. Я вам ее не посылала. *(Отворачивается и застенчиво добавляет.)* Я положила ее в карман сюртука.

Блюнчли *(поджав губы и выкатив глаза)*. О-о!.. Я не нашел ее. Она, должно быть, там и лежит.

Райна *(вскакивая)*. Там и лежит! Да ведь мой отец наткнется на нее, как только сунет руку в карман! Как вы могли сделать такую глупость?

Блюнчли *(тоже вставая)*. Не беда – это ведь только фотография. Откуда ему знать, кому она предназначалась? Скажете ему, что он сам сунул ее туда.

Райна *(нетерпеливо)*. Очень умно придумано... Очень! *(Сердито.)* Что же мне теперь делать?

Блюнчли. Понятно. Вы что-то надписали на ней. Вот это уже опрометчиво.

Райна *(чуть не плача)*. Ох! Я пошла ради вас на такой риск, а вам это безразлично. Вы только смеетесь надо мной. Ох!.. Вы уверены, что ее никто не держал в руках?

Блюнчли. Полной уверенности у меня, конечно, нет. Видите ли, я не мог все время возить с собой сюртук: в действующей армии не полагается иметь багаж.

Райна. Что же вы сделали с сюртуком?

Блюнчли. Добравшись до Пирота, я решил пристроить его куда-нибудь на хранение. Первое, что пришло мне на ум, была багажная камера на вокзале, но в условиях современной войны такие места грабят в первую очередь. Поэтому я заложил его.

Райна. Заложили?

Блюнчли. Знаю, что звучит не слишком изящно, зато место самое надежное. Выкупил я сюртук позавчера, но один бог знает, очистил ростовщик карманы или нет!

Райна *(в бешенстве бросает ему в лицо)*. У вас низкий торгашеский ум. У вас вечно в голове такое, до чего никогда не додумался бы порядочный человек.

Блюнчли *(флегматично)*. Таков уж национальный характер швейцарцев, милая барышня. *(Возвращается к столу.)*

Райна. Зачем только я встретилась с вами! *(В ярости отбегает от него и садится у окна.)*

Входит Лука с пачкой писем и телеграмм на подносе. Она идет к столу, как обычно, смело и непринужденно. Левый рукав ее закатан до самого плеча и приколот брошкой; на обнаженной руке широкий позолоченный браслет, прикрывающий синяк.

Лука *(к Блюнчли)*. Это вам. *(Бесцеремонно высыпает содержимое подноса на стол.)* Посыльный ждет. *(Она не склонна соблюдать вежливость по отношению к врагу, хоть ей и приходится доставлять ему корреспонденцию.)*

Блюнчли *(к Райне)*. Извините. Последняя почта дошла до меня три недели назад. Это уже накопилось с тех пор. Четыре телеграммы недельной давности. *(Вскрывает одну.)* Ого! Грустные вести!

Райна *(встает и с некоторым раскаянием приближается к нему)*. Грустные?

Блюнчли. Умер мой отец. *(Смотрит на телеграмму, под-*

жав губы и размышляя о неожиданном изменении всех своих планов.)

Райна. Какое несчастье!

Блюнчли. Да. Через час я должен выехать на родину. Он оставил кучу гостиниц, которые нельзя бросить без присмотра. *(Берет толстое письмо в длинном синем конверте.)* Вот подробное письмо от нашего поверенного. *(Вскрывает конверт и пробегает письмо.)* Боже мой! Семьдесят! Двести! *(С возрастающим унынием.)* Четыреста! Четыре тысячи! Девять тысяч шестьсот! Что, черт побери, я буду с ними делать?

Райна *(робко)*. Девять тысяч гостиниц!

Блюнчли. Гостиниц? Чепуха. Если бы вы только знали.. Ох, это уж слишком смешно! Простите, я должен отдать своему денщику распоряжения в связи с отъездом. *(Торопливо выходит из комнаты, держа письмо в руке.)*

Лука *(инстинктивно чувствуя, что может больно задеть Райну пренебрежительным отношением к Блюнчли)*. Не очень-то чувствительное сердце у этого швейцарца. О своем бедном отце он даже словом не пожалел.

Райна *(с горечью)*. Пожалел! Откуда возьмется жалость у человека, который много лет только и делал, что убивал людей? Что ему люди? Да и не только ему, но и любому солдату. *(Направляется к двери, с трудом сдерживая слезы.)*

Лука. Майор Саранов тоже воевал, а все же у него есть сердце.

Райна с порога высокомерно смотрит на нее и выходит.

Ага! Так я и знала: не выжать тебе чувств из твоего солдата!

Собирается последовать за Райной, но сталкивается с Николой, который вносит охапку дров.

Никола *(с влюбленной улыбкой)*. Я все утро старался хоть минутку побыть с тобой, девочка. *(Замечает ее руку, и выражение лица у него разом меняется.)* Ты закатала рукав? Это еще что за мода?

Лука *(гордо)*. Моя собственная.

Никола. Вот оно что! Если хозяйка увидит тебя в таком виде, она тебе покажет. *(Бросает дрова на пол и удобно усаживается на оттоманку.)*

Лука. Это еще не значит, что и ты должен делать то же самое.

Никола. Полно, не будем ссориться. У меня для тебя хорошие новости.

Она садится рядом с ним.

(Он вытаскивает кредитку. Лука, жадно поблескивая глазами, хочет ее схватить. Никола быстро перекладывает бумажку в левую руку, чтобы Лука не могла до нее дотянуться.) Видала? Двадцать левов! Ее мне дал Сергей — почваниться захотелось. У дурака деньги долго не держатся. А вот еще десять левов. Мне их дал швейцарец за то, что я поддержал хозяйку и Райну, когда они врали насчет него. Вот уж этот не дурак, нет. Послушала бы ты, как старушка Катерина внизу рассыпалась передо мной — просила не обращать внимания на грубость майора. А все потому, что она знает, какой я верный слуга, хоть и выставила меня перед всеми дурнем и вруном! Двадцать левов мы отложим, а десять можешь потратить на себя, если будешь разговаривать со мной так, чтобы я вспомнил, что я тоже человек. Иногда я устаю быть только слугой.

Лука. Понятно! Ты продаешь себя за двадцать левов, а меня хочешь купить за десять. *(С презрением встает.)* Убери свои гроши! Ты родился лакеем, а я нет. Даже когда ты откроешь свою лавочку, ты все равно будешь прислуживать всем, как теперь прислуживаешь одному. *(Мрачно идет к столу и с царственным видом усаживается на стул Сергея.)*

Никола *(собирая поленья и направляясь к печи)*. Подожди — сама увидишь. Вечера будут принадлежать нам. Уж у себя-то в доме я буду хозяином, обещаю тебе. *(Бросает дрова у печи и опускается на колени.)*

Лука. У меня в доме ты хозяином никогда не будешь.

Никола *(все еще стоя на коленях, поворачивается с униженным видом, обескураженный ее неумолимым презрением)*. Ты слишком высоко метишь, Лука. Помни: если тебе улыбнется счастье, то лишь потому, что я сделал из тебя женщину.

Лука. Ты?

Никола *(с трудом поднимается и подходит к ней)*. Да, я. Кто обучил тебя не носить на голове несколько фунтов фальшивых черных волос, не подкрашивать губы и не румянить щеки, как это делают все девушки в Болгарии? Я. Кто научил тебя подстригать ногти, мыть руки и дер-

жать себя опрятно, словно важная русская дама? Я. Слышишь?

Она вызывающе вскидывает голову.

(Он отворачивается и холодно добавляет.) Я часто вот о чем думал: не стой на твоей дороге Райна и будь ты малость поумнее, а Сергей чуть поглупее, ты могла бы стать одной из моих лучших покупательниц, а не быть моей женой и транжирить мои деньги.

Лука. По-моему, тебе больше хочется быть мне слугой, чем мужем. Так ты от меня больше получишь. О, я тебя насквозь вижу!

Никола *(для большей убедительности подходя к ней поближе)*. Насквозь или не насквозь – неважно, а вот совета моего все-таки послушайся. Если хочешь стать настоящей дамой, веди себя не так, как сейчас со мной, разве что когда мы одни. Ты слишком дерзка и нахальна, а нахальство это вроде фамильярности и показывает, как ты ко мне привязана. И отучись важничать и разговаривать со мной свысока. Ты, как все деревенские девушки, думаешь, что очень благородно обращаться со слугой так, как я обращаюсь с каким-нибудь дворовым мальчишкой. А это, не забывай, показывает только твое невежество. И старайся не лезть на рожон при хозяевах. Веди себя так, словно не приказаний ждешь, а по своей воле действуешь. Умение держаться, как дама, все равно что умение держаться, как прислуга: надо всегда знать свое место. Вот и весь секрет. А уж насчет меня не сомневайся: кто-кто, а я буду знать свое место, если ты в люди выбьешься. Поразмысли-ка об этом, моя девочка, а я тебе помогу. Один слуга всегда другому поможет.

Лука *(нетерпеливо встает)*. Нет, я буду вести себя по-своему. От твоей холодной мудрости у меня вся смелость пропадает. Топи-ка лучше печь, это ты умеешь.

Прежде чем Никола успевает возразить, в комнату входит Сергей и, увидев Луку, на мгновение останавливается, а затем подходит к печи.

Сергей *(к Николе)*. Надеюсь, я не помешал тебе?

Никола *(мягким тоном пожилого человека)*. Нет, сударь, покорнейше благодарю, нет. Я тут выговаривал этой глупой девчонке, зачем она, как улучит минутку, обязательно в библиотеку бежит на книжки поглядеть. Плохо, видно, ее воспитали, сударь, оттого и замашки у нее не

по званию. *(К Луке.)* Прибери-ка лучше стол для господина майора, Лука. *(Степенно уходит.)*

Лука, не глядя на Сергея, начинает перекладывать бумаги на столе. Он медленно подходит к ней и задумчиво рассматривает ее засученный рукав.

Сергей. Дай-ка взглянуть, не осталось ли следа? *(Отодвигает браслет и видит синяк, оставленный его пальцами.)*

Она стоит неподвижно, словно очарованная; не глядя на него, но настороже.

Ух ты! Больно?

Лука. Да.

Сергей. Полечить?

Лука *(гордо, по-прежнему не глядя на него, поспешно отодвигается)*. Нет. Теперь уже не вылечишь.

Сергей *(властно)*. Ты уверена? *(Делает движение, словно намереваясь обнять ее.)*

Лука. Не шутите со мной, пожалуйста. Офицеру с горничной шутить не положено.

Сергей *(безжалостно нажимая пальцем на синяк)*. Это была не шутка, Лука.

Лука *(вздрагивает и впервые поднимает на него глаза)*. Жалеете?

Сергей *(скрестив руки на груди, подчеркнуто выразительно)*. Я никогда не жалею.

Лука *(задумчиво)*. Хотелось бы мне поверить, что мужчины так непохожи на женщин. Интересно, вы в самом деле храбрый человек?

Сергей *(искренне и без всякой позы)*. Да, храбрый. При первом выстреле сердце и у меня затрепетало, как у женщины, но во время атаки я понял, что я храбр. Это, пожалуй, единственное, что во мне есть настоящего.

Лука. А скажите, атака доказала вам, что сыновья бедняков, вроде моего отца, трусливей, чем богачи, вроде вас?

Сергей *(с горечью)*. Нисколько. Все наши дрались, и ругались, и вопили, как герои. Увы, приходить в исступление, убивать – дешевая храбрость. У меня есть английский бульдог. У него этой храбрости не меньше, чем у нас. И все-таки он позволяет моему конюху бить себя. Вот точь-в-точь такие и все наши солдаты. Нет, Лука, бедняки умеют резать глотки, но они боятся своих офицеров, терпеливо сносят оскорбления и побои; когда наказывают их товарищей, они стоят и глазеют, как дети, а ес-

ли прикажут, то и сами помогают наказывать их. Офицеры же... *(С коротким, горьким смешком.)* Ну, вот я офицер. *(Пылко.)* Ах, покажи мне человека, который бы, не боясь смерти, восстал против всякой силы земной или небесной, идущей вразрез с его собственной волей и совестью! Только такой человек подлинно храбр.

Лука. Говорить легко. Мне кажется, мужчины никогда не взрослеют: они все рассуждают, как школьники. Не знаете вы, что такое настоящая смелость.

Сергей *(иронически)*. В самом деле! Ну что ж, охотно послушаю. *(Величественно усаживается на оттоманку.)*

Лука. Взгляните на меня. Позволено ли мне поступать по своей воле? Я обязана прибирать вашу комнату, подметать, вытирать пыль, выносить и подавать. Может ли это унизить меня, если вы не унижены тем, что это делается для вас? Но *(сдержанно, но страстно)* будь я русской императрицей, будь я выше всех на свете, тогда... впрочем, по-вашему, тогда я и вовсе не могла бы проявить мужество, — тогда вы увидели бы, вы увидели бы!..

Сергей. И что бы вы сделали, ваше императорское величество?

Лука. То, на что не отважится ни одна королева в Европе, — вышла бы замуж за человека, которого люблю. Если бы я любила вас и вы были бы настолько же ниже меня, насколько я теперь ниже вас, я осмелилась бы стать равной тому, кто стоит ниже меня. А вы осмелились бы сделать то же самое, если бы любили меня? Нет. Если бы вы почувствовали, что в вас зарождается любовь ко мне, вы не дали бы ей окрепнуть. Вы не посмели бы, вы женились бы на дочери богатого человека, вы побоялись бы, что скажут люди.

Сергей *(вскакивая)*. Лжешь! Это не так, клянусь небом, не так! Полюби я тебя и будь я даже самим царем, я посадил бы тебя на трон рядом с собой. Но ты знаешь, что я люблю другую женщину, женщину, которая так же выше тебя, как небо выше земли. Ты просто ревнуешь к ней.

Лука. У меня нет причин для ревности. Она никогда не выйдет за вас. Человек, о котором я вам говорила, вернулся. Она выйдет за швейцарца.

Сергей *(отшатываясь)*. За швейцарца?

Лука. Он стоит десяти таких, как вы. Тогда вы придете ко мне, но я откажу вам. Вы недостаточно хороши для меня. *(Направляется к двери.)*

Сергей *(одним прыжком догоняет ее и бесцеремонно обнимает)*. Я убью швейцарца, а потом сделаю с тобой, что захочу.

Лука *(не сопротивляясь, но по-прежнему непоколебимо)*. А может быть, швейцарец убьет вас. Он взял над вами верх в любви, возьмет и в бою.

Сергей *(раздираемый сомнениями)*. Ты думаешь, я поверю, что она, она, чьи самые недостойные побуждения чище самых твоих возвышенных помыслов, способна развлекаться за моей спиной с другим?

Лука. Вы думаете, она поверила бы швейцарцу, если бы он сказал ей, что вы держите меня в своих объятиях?

Сергей *(в отчаянии выпуская ее из объятий)*. Проклятье! О, проклятье! Насмешка, вечная насмешка! Все мои поступки насмехаются над моими помыслами. *(Яростно бьет себя в грудь.)* Трус, лгун, дурак! Что делать? Убить себя, как подобает мужчине, или продолжать жить и смеяться над собой?

Она снова направляется к двери.

Лука!

Она останавливается на пороге.

Помни, ты принадлежишь мне.

Лука *(оборачиваясь)*. Что это означает? Это оскорбление?

Сергей *(повелительно)*. Это означает, что ты любишь меня, что я держал тебя в объятиях и, может быть, вновь буду держать. Оскорбление это или нет — я не знаю и не желаю знать. Понимай, как хочешь. Но *(страстно)* я не трус и не шутник. Если уж я полюблю тебя, то посмею жениться на тебе вопреки всей Болгарии. Если эти руки еще раз коснутся тебя, они коснутся моей невесты.

Лука. Посмотрим, решитесь ли вы сдержать слово. Но помните: я не намерена долго ждать.

Сергей *(снова скрестив руки и неподвижно стоя посередине комнаты)*. Да, посмотрим. А пока ты будешь ждать моего решения.

Входит Блюнчли, погруженный в бумаги, которые он все еще держит в руках. Оставив дверь открытой для Луки, он подходит к столу. Она выходит, он провожает ее взглядом. Сергей, все в той же решительной позе, наблюдает за ним. Лука уходит, не затворив за собой дверь.

Блюнчли *(садясь за стол и кладя на него бумаги, рассеянно)*. Удивительно красивая девушка.

Сергей *(торжественно, не двигаясь с места)*. Капитан Блюнчли!

Блюнчли. Да?

Сергей. Вы обманули меня. Вы мой соперник. А я не терплю соперников. В шесть часов я буду на плацу, что у Клиссурской дороги, один, верхом. Оружие – сабля. Вы поняли меня?

Блюнчли *(удивленно, но сохраняя полную непринужденность)*. Благодарю вас, но это предложение кавалериста. А я служу в артиллерии и право выбора оружия за мной. Если уж я приду, то возьму с собой пулемет. И на этот раз недоразумения с патронами тоже не будет.

Сергей *(вспыхнув, но с убийственной холодностью)*. Берегитесь, сударь. У нас в Болгарии такими вещами не шутят.

Блюнчли *(горячо)*. Вздор! Не припутывайте сюда свою Болгарию. Вы просто не знаете, что такое бой. Но пусть будет по-вашему. Сабля так сабля. Я приду.

Сергей *(вне себя от радости, что его противник оказался не трусом)*. Хорошо сказано, швейцарец! Одолжить вам моего лучшего коня?

Блюнчли. Нет. К чертям вашего коня! А за предложение спасибо, приятель.

Райна входит и слышит следующую фразу.

Драться будем пешими. Конный бой слишком опасен, а я не склонен убивать вас, если это возможно.

Райна *(встревоженная, бросается к ним)*. Я слышала, что сказал капитан Блюнчли, Сергей. Вы собираетесь драться? Почему?

Сергей молча отворачивается и подходит к печи, где и остается стоять, наблюдая за Райной.

(Она обращается к Блюнчли.) Из-за чего?

Блюнчли. Не знаю, он не сказал. Лучше не вмешивайтесь, милая барышня. Ничего с нами не случится. Я частенько давал уроки фехтования. Ранить меня он не сумеет, а ранить его я не хочу. Это избавит нас от объяснений. Утром я уеду на родину, и вы больше никогда не увидите меня и не услышите обо мне. С ним же вы помиритесь и будете счастливы.

Райна *(отворачивается, глубоко уязвленная, и чуть не со слезами в голосе)*. А я и не говорила, что мне снова захочется вас видеть.

Сергей *(делая шаг вперед)*. Ага! Это признание.

Райна *(надменно)*. Что вы имеете в виду?

Сергей. Вы любите этого человека.

Райна *(шокированная)*. Сергей!

Сергей. За моей спиной вы позволяете ему ухаживать за вами, а за его спиной считаете меня своим женихом. Вам были известны наши отношения, Блюнчли, и вы обманули меня. Я вызываю вас к барьеру именно за это, а не за те знаки благосклонности, которыми дарили вас и которых был лишен я.

Блюнчли *(в негодовании вскакивает)*. Вздор! Чушь! Меня никогда не дарили никакими знаками благосклонности. Барышня даже не знает, женат я или холост.

Райна *(забывшись)*. Ах! *(Падает на оттоманку.)* Вы женаты?

Сергей. Вы сами видите, в каком она отчаянии, капитан Блюнчли. Отрицать бесполезно. Она осчастливила вас, приняв у себя в спальне поздно ночью...

Блюнчли *(вспылив, прерывает его)*. Да, болван! Она принимала меня с дулом у виска. Ваши кавалеристы висели у меня на пятках. Стоило ей пикнуть, и я размозжил бы ей голову.

Сергей *(ошеломленный)*. Блюнчли!.. Райна, это правда?

Райна *(гневно и величественно встает)*. Да как вы смеете! Как вы смеете!

Блюнчли. Извиняйтесь, приятель, извиняйтесь. *(Садится за стол на прежнее место.)*

Сергей *(скрестив руки, с прежней рассчитанной напыщенностью)*. Я никогда не извиняюсь.

Райна *(страстно)*. Все это дело рук вашего друга, капитан Блюнчли. Это он распространяет обо мне мерзкие сплетни. *(Взволнованно ходит по комнате.)*

Блюнчли. Нет. Он мертв – сгорел заживо.

Райна *(останавливается, потрясенная)*. Сгорел заживо!

Блюнчли. Он был ранен в бедро на дровяном дворе. Выползти не смог. Ваши снаряды подожгли древесину, и он сгорел заживо, а с ним еще полдюжины несчастных, находившихся в таком же положении.

Райна. Как ужасно!

Сергей. И как смешно! О война, война! Мечта патриотов и героев! Она – обман, Блюнчли, такое же пустое притворство, как любовь.

Райна *(возмущенная)*. Как любовь? И вы говорите это при мне!

Блюнчли. Довольно, Саранов. Все уже ясно.

Сергей. Повторяю — пустое притворство. Разве вы вернулись бы сюда, если бы между вами ничего не было, кроме револьвера и угроз? Райна ошибается: я узнал обо всем не от вашего сгоревшего друга.

Райна. Кто же тогда? *(Внезапно угадав истину.)* А, Лука! Моя горничная, моя служанка. Вы провели с ней все утро после... после... Ох! Какому же божеству я поклонялась!

Сергей встречает ее взгляд саркастической усмешкой: он наслаждается ее разочарованием.

(Все больше распаляясь, она подходит ближе к нему и говорит негромко, но еще более выразительно.) Известно ли вам, что, поднимаясь наверх, я выглянула из окна, чтобы еще раз взглянуть на своего героя, и заметила нечто такое, чего в ту минуту не поняла. Зато теперь я понимаю: вы ухаживали за ней.

Сергей *(зло)*. Разглядели-таки?

Райна. Слишком хорошо. *(Отворачивается и в полном изнеможении опускается на диван под средним окном.)*

Сергей *(цинично)*. Райна, роман наш кончился. Жизнь — это фарс.

Блюнчли *(к Райне, добродушно)*. Вот видите, он наконец обрел себя.

Сергей. Блюнчли, я позволил вам обозвать меня болваном. С таким же успехом можете обозвать меня трусом. Я отказываюсь драться с вами и знаете почему?

Блюнчли. Не знаю, но это не имеет значения. Я не спрашивал, почему вы предлагали сделку; не спрошу и почему вы от нее отказываетесь. Я профессиональный солдат. Я дерусь, когда надо драться, и очень рад, когда драться не надо. А вы — всего-навсего любитель: вам кажется, что бой это развлечение.

Сергей *(садится за стол так, что они оказываются лицом к лицу)*. Профессионал вы или нет, а выслушать мои резоны вам придется. Я отказываюсь драться потому, что для дуэли нужны двое мужчин, настоящих мужчин, у которых есть сердце, кровь, честь. С вами я не могу драться, как не могу любить уродливую женщину. В вас нет обаяния, вы не человек, а машина.

Блюнчли *(примирительно)*. Совершенно верно, совершенно верно. К сожалению, я всегда был таким.

Сергей. Гм-м!

Блюнчли. Но какие же еще препятствия стоят перед вами

на пути к счастью теперь, когда вам стало ясно, что жизнь не фарс, а нечто вполне разумное и серьезное?

Райна *(вставая)*. Вы слишком много заботитесь о моем и его счастье. Вы забыли его новую любовь — Луку. Теперь он должен драться не с вами, а со своим подлинным соперником — с Николой.

Сергей. Соперник! *(Одним прыжком перелетает полкомнаты)*.

Райна. Разве вы не знаете, что они помолвлены?

Сергей. Никола! Новая пропасть под ногами! Никола!

Райна *(саркастически)*. Страшное самопожертвование, не правда ли? Такая красота, такой ум, такое целомудрие, и все это достанется какому-то немолодому слуге. Право, Сергей, вы не можете остаться безучастным и допустить это! Это недостойно ваших рыцарских чувств!

Сергей *(теряя самообладание)*. Змея! Ехидна! *(В бешенстве мечется по комнате.)*

Блюнчли. Успокойтесь, Саранов, не усугубляйте свое поражение.

Райна *(все более и более гневно)*. Вы понимаете, что он сделал, капитан Блюнчли? Он приставил эту девку шпионить за мной, а в награду посулил ей свою любовь.

Сергей. Ложь! Чудовищная ложь!

Райна. Чудовищная? *(Окидывал его взглядом.)* Это она сказала вам о том, что капитан Блюнчли был в моей спальне? Вы отрицаете?

Сергей. Нет, но...

Райна *(перебивая)*. Вы отрицаете, что нежничали с ней в ту минуту, когда она вам это сказала?

Сергей. Нет, но уверяю вас...

Райна *(презрительно обрывая его)*. Объяснения излишни. Этого вполне достаточно. *(Отворачивается и величественно шествует обратно к окну.)*

Блюнчли *(спокойно Сергею, который падает на оттоманку и сжимает руками голову — унижение совершенно раздавило его.)* Ведь я же предупреждал вас, Саранов: не усугубляйте свое поражение.

Сергей. Тигрица!

Райна *(возбужденно бросаясь к Блюнчли)*. Вы слышите, капитан Блюнчли, как называет меня этот человек?

Блюнчли. Что ему еще остается, милая барышня? Ведь и он должен как-то защищаться. Довольно! *(Внушительно.)* Перестаньте ссориться. Какой в этом толк?

Райна, тяжело переводя дыхание, опускается на оттоманку, делает над собой тщетное усилие, пытаясь рассердиться на Блюнчли, но невольно уступает сильному в ней чувству юмора и, с трудом сдерживая смех, как ребенок, прижимается к плечу Сергея, который корчится, словно от боли.

Сергей. Помолвлена с Николой! Ха-ха-ха! Да, Блюнчли, вы правы. Надо хладнокровно принимать весь этот гигантский всемирный обман.

Райна *(к Блюнчли, интуитивно угадывая его мысли)*. Ручаюсь, что вы видите в нас лишь двух взрослых детей. Правда?

Сергей *(злобно ухмыляясь)*. Видит! Видит! Цивилизованный швейцарец нянчится с болгарскими варварами. Верно?

Блюнчли *(краснея)*. Вовсе нет, уверяю вас. Мне только очень хочется утихомирить вас. Ну, ну, полно горячиться. Давайте потолкуем по-дружески. А где же вторая юная девица?

Райна. Вероятно подслушивает за дверью.

Сергей *(вздрогнув, словно пораженный пулей, говорит со сдержанным, но глубоким возмущением)*. Сейчас я докажу, что, по крайней мере, это — клевета. *(С достоинством подходит к двери, распахивает ее, выглядывает наружу, и у него вырывается вопль ярости. Он выскакивает в коридор и тут же возвращается, втаскивая за собой Луку, которую неистово швыряет к столу с возгласом.)* Судите ее, Блюнчли, судите, хладнокровный и беспристрастный человек. Судите ее за соглядатайство!

Лука невозмутимо хранит гордое молчание.

Блюнчли *(качая головой)*. Мне ли судить ее? Я сам однажды подслушивал у палатки, когда затевался бунт. Все зависит от побудительных причин. В тот раз на карте стояла моя жизнь.

Лука. А сегодня — моя любовь. И я не стыжусь того, что сделала.

Райна *(презрительно)*. Любовь! Ты хочешь сказать — любопытство.

Лука *(глядя ей прямо в глаза и возвращая презрение с процентами)*. Моя любовь сильнее того, что вы можете испытывать даже к вашему шоколадному солдатику.

Сергей *(с внезапным подозрением, Луке)*. Что это значит?

Лука *(яростно)*. Это значит...

Сергей *(прерывая ее, пренебрежительно)*. А-а, вспомнил — мороженое. Придумай-ка что-нибудь поумнее, милая.

Входит майор Петков без сюртука.

Петков. Прошу извинить за домашний вид, господа. Райна, мой сюртук кто-то надевал, клянусь, надевал. И парень был пошире меня в плечах: у сюртука на спине все швы лопнули. Сейчас мать чинит его. Хоть бы уж она поторопилась! Я того и гляди простужусь. *(Внимательно приглядывается к собравшимся)*. Что-нибудь случилось?

Райна. Нет. *(Невозмутимо садится возле печи.)*

Сергей. Нет, ничего. *(Подсаживается к столу, как прежде, сбоку от него.)*

Блюнчли *(уже сидя)*. Ничего, ничего.

Петков *(занимает прежнее место на оттоманке)*. Вот и хорошо. *(Замечает Луку.)* Что-нибудь случилось, Лука?

Лука. Нет, сударь.

Петков *(благодушно)*. Вот и отлично. *(Чихает.)* Будь умницей, принеси от хозяйки мой сюртук.

Входит Никола с сюртуком. Лука делает вид, что ей нужно прибрать комнату.

Райна *(увидев сюртук в руках Николы, быстро встает)*. Вот и сюртук, папа. Дай-ка его мне, Никола, и подложи дров в печь. *(Берет сюртук и подает майору; тот встает, чтобы надеть его.)*

Никола хлопочет у печи.

Петков *(добродушно поддразнивая Райну)*. Ага, ты решила поухаживать за бедным стариком отцом по случаю его возвращения с войны.

Райна *(с торжественным упреком)*. Как тебе не стыдно так говорить, папа!

Петков. Полно, полно, я ведь шучу, маленькая. Иди поцелуй меня.

Она целует его.

Ну, а теперь дай мне сюртук.

Райна. Нет, я помогу тебе. Повернись-ка.

Петков поворачивается к ней спиной и старается попасть в рукава.

(Она ловко вынимает из кармана фотографию и бросает на стол Блюнчли, тот прикрывает ее листом бумаги под

носом у Сергея, который изумленно взирает на это, терзаясь обострившимися до предела подозрениями. Затем Райна помогает Петкову облачиться в сюртук.) Ну, вот и все, дорогой! Тебе удобно?

Петков. Вполне, милая. Спасибо. *(Садится.)*

Райна возвращается на свое место у печи.

Да, между прочим, я нашел в сюртуке кое-что забавное. Что бы это могло означать? *(Сует руку в ограбленный карман.)* А? Ого! *(Шарит в другом кармане.)* Ей-богу, я готов поклясться... *(Недоумевая, лезет в верхний карман.)* Куда она могла... *(Его осеняет. Он встает, восклицая.)* Твоя мать взяла ее!

Райна *(сильно покраснев)*. Что взяла?

Петков. Твою фотографию с надписью: «Моему шоколадному солдатику на память от Райны». Знаешь, тут кроется что-то более интересное, чем кажется на первый взгляд, и я разберусь, в чем дело. *(Кричит.)* Никола!

Никола *(роняет полено и оборачивается)*. Да, сударь?

Петков. Ты испортил сегодня утром стряпню барышни Райны?

Никола. Вы же сами слышали, как барышня Райна говорила, что испортил.

Петков. Я это помню, дурак. Но правда ли это?

Никола. Уверен, что барышня Райна просто не может сказать неправду.

Петков. Ты уверен? А вот я — нет. *(Обращаясь к остальным)*. Ну, довольно! Думаете, я ничего не понимаю? *(Подходит к Сергею и хлопает его по плечу.)* Сергей, шоколадный солдатик — это вы, да?

Сергей *(вздрагивая)*. Я? Шоколадный солдатик? Конечно, нет!

Петков. Нет? *(Смотрит на них.)*

Все серьезны, как и подобает моменту.

Уж не хотите ли вы сказать, что Райна раздает свои фотографии на память посторонним мужчинам?

Сергей *(загадочно)*. Мир не так уж безобиден, как мы полагали, Петков.

Блюнчли. Все в порядке, майор. Шоколадный солдатик — я.

Петков и Сергей одинаково удивлены.

Барышня спасла мне жизнь, угостив меня шоколадными конфетами в ту минуту, когда я умирал от голода. Забу-

ду ли я их вкус! Мой покойный друг Штольц рассказывал вам в Пироте про беглеца. Этим беглецом был я.

Петков. Вы! *(Задыхаясь.)* Помните, Сергей, как возмутились сегодня утром эти две женщины, когда мы упомянули об этой истории?

Сергей цинично улыбается.

(Сурово взирает на Райну.) Хороша девица, нечего сказать!

Райна *(с горечью)*. Майор Саранов переменил свои планы. А я, надписывая фотографию, не знала, что капитан Блюнчли женат.

Блюнчли *(энергично протестуя)*. Я не женат.

Райна *(с глубоким упреком)*. Нет, вы сказали, что женаты.

Блюнчли. Я этого не говорил. Решительно не говорил. Я никогда в жизни не был женат.

Петков *(доведенный до белого каления)*. Райна, будь любезна сообщить мне, если это не слишком нескромно с моей стороны, с кем же из этих господ ты помолвлена.

Райна. Ни с кем. *(Указывает на Луку, которая гордо смотрит на них.)* Предметом домогательств майора Саранова является сейчас вот эта особа.

Петков. Лука? В своем ли вы уме, Сергей? Да ведь эта девушка помолвлена с Николой.

Никола *(выступая вперед)*. Прошу прощения, сударь. Тут произошла ошибка. Лука со мной не помолвлена.

Петков. Как не помолвлена, негодяй! Да ведь в день вашей помолвки ты получил от меня двадцать пять левов, а она вот этот позолоченный браслет от барышни Райны.

Никола *(холодно и елейно)*. Мы и вправду объявили, что мы жених и невеста, сударь. Но сделали мы это только для того, чтобы у Луки был защитник. Душа у нее такая, что место простой горничной для нее слишком низко. А я был ей всего-навсего верным слугой. Я, как вам известно, собираюсь со временем открыть лавку в Софии и рассчитываю, что она станет моей покупательницей и отрекомендует меня другим дамам, если выйдет замуж за богатого человека. *(Уходит с впечатляющей скромностью.)*

Все глядят ему вслед.

Петков *(нарушая молчание)*. Будь я... Гм!

Сергей. Это либо наивысший героизм, либо гнуснейшая низость. Как вы думаете, Блюнчли?

Блюнчли. Героизм это или низость – неважно. Никола – самый способный человек из всех, кого я встречал в Болгарии. Если он к тому же знает по-французски и по-немецки, я сделаю его управляющим гостиницей.

Лука *(внезапно набрасываясь на Сергея)*. Здесь все оскорбляют меня. Они взяли пример с вас. Вы обязаны извиниться передо мной.

Сергей, как часы с репетицией, на пружину которых нажали, немедленно скрещивает руки на груди.

Блюнчли *(прежде чем Сергей успевает ответить)*. Бесполезно. Он никогда не извиняется.

Лука. Перед вами, его ровней и врагом, – нет. Но мне, его бедной служанке, он не откажет в извинении.

Сергей *(одобрительно)*. Ты права. *(Преклоняет колено с самым величественным видом, на какой только способен.)* Прости меня.

Лука. Я прощаю вас. *(Застенчиво протягивает ему руку, которую он целует.)* Вы коснулись меня, и отныне я ваша невеста.

Сергей *(вскакивая)*. Ах, я совсем забыл!

Лука *(холодно)*. Если хотите, можете взять слово назад.

Сергей. Взять слово назад? Никогда! Ты принадлежишь мне. *(Обнимает ее.)*

Входит Катерина и застает Луку в объятиях Сергея; остальные в замешательстве и изумлении смотрят на них.

Катерина. Что это значит?

Сергей выпускает Луку из объятий.

Петков. Только то, дорогая, что Сергей, по-видимому, решил жениться не на Райне, а на Луке.

Катерина готова взорваться и наброситься на него.

(Он останавливает ее раздраженным восклицанием.) Не бранись: я здесь ни при чем. *(Отступает к печи.)*

Катерина. Жениться на Луке! Сергей, вы связаны с нами словом!

Сергей *(скрестив руки)*. Я не связан ничем.

Блюнчли *(весьма довольный таким проявлением здравого смысла)*. Руку, Саранов! Поздравляю. Оказывается, и в ваших героических замашках есть своя практическая сторона. *(К Луке.)* Милая барышня, как истый республиканец, приношу вам свои наилучшие пожелания. *(Целует ей руку, к великому возмущению Райны)*.

Катерина. Лука! Что за сплетни ты тут развела?

Лука. Я не причинила Райне никакого вреда.

Катерина *(надменно.)* Райне?

Райна в равной мере возмущена подобной вольностью.

Лука. Я имею право звать ее Райной: зовет же она меня Лукой. Я сказала майору Саранову, что она никогда не выйдет за него, если господин швейцарец вернется.

Блюнчли *(удивленный)*. Вот те на!

Лука *(поворачиваясь к Райне)*. Я думала, что вы любите его больше, чем Сергея. Права я или нет — это уж вам виднее.

Блюнчли. Что за чепуха! Уверяю вас, дорогой майор и любезная сударыня, ваша юная дочь спасла мне жизнь — только и всего. Она нисколько мной не интересуется. Боже мой, да вы поглядите на нее и на меня. Она — богата, молода, красива, голова у нее полна сказочными принцами, благородными рыцарями, кавалерийскими атаками и еще бог знает чем! А я — заурядный швейцарский солдат, который провел пятнадцать лет в казармах и походах и уже не помнит, что значит жить по-человечески. Я — бродяга, лишившийся всех шансов на успех в жизни из-за неизлечимо романтической натуры, человек...

Сергей *(подскочив, словно от укола, с недоверчивым изумлением прерывает Блюнчли)*. Простите, Блюнчли, из-за чего вы лишились всех шансов на успех в жизни?

Блюнчли *(быстро)*. Из-за неизлечимо романтической натуры. Еще мальчиком я дважды убегал из дому. Я пошел в армию, хотя мог войти в отцовские предприятия. Я вскарабкался на балкон этого дома, хотя человек здравомыслящий просто нырнул бы в ближайший подвал. Я тайком вернулся сюда, чтобы еще раз взглянуть на барышню, хотя любой другой человек моих лет просто отослал бы ей сюртук...

Петков. Мой сюртук!

Блюнчли. Да, я имею в виду именно этот сюртук. Любой человек просто отослал бы его обратно и преспокойно отправился восвояси. Неужели вы думаете, что я человек того типа, какой нравится девушкам? Подумайте, наконец, о возрасте! Мне тридцать четыре, а барышне, по-моему, немногим больше семнадцати.

Эта оценка явно производит сенсацию: все переглядываются.

(Он в простоте душевной продолжает.) Приключение, которое было для меня вопросом жизни и смерти, для нее оказалось школьной забавой – шоколадные конфеты и игра в прятки. Вот вам доказательство! *(Берет со стола фотографию).* Разве,– спрашиваю я вас,– разве женщина, всерьез воспринявшая все, что случилось, послала бы мне свою карточку с надписью «Моему шоколадному солдатику на память от Райны?» *(С торжеством показывает фотографию, словно это все решает и исключает всякие возражения.)*

Петков. Ее-то я и искал. Что за черт! Как она попала к вам? *(Идет к столу, смотрит на фотографию и садится на оттоманку.)*

Блюнчли *(к Райне, удовлетворенно).* Надеюсь, я все поставил на свое место, милая барышня?

Райна *(идет к столу, чтобы оказаться лицом к лицу с Блюнчли).* Я вполне согласна с вашей оценкой собственной персоны. Вы романтичный идиот.

Блюнчли невыразимо изумлен.

Надеюсь, в следующий раз вы сумеете понять разницу между семнадцатилетней школьницей и двадцатитрехлетней женщиной.

Блюнчли *(ошеломленно).* Вам двадцать три!

Она с презрением вырывает у него из рук фотографию, рвет на куски, бросает ему в лицо и стремительно возвращается на свое место.

Сергей *(с мрачным злорадством – он доволен поражением соперника).* Блюнчли, я утратил последнее, во что верил. Ваша практичность – такой же обман, как и все остальное. У вас еще меньше здравого смысла, чем у меня.

Блюнчли *(подавленный).* Двадцать три! Двадцать три! *(Раздумывает.)* Гм! *(Мгновенно приняв решение, подходит к хозяину дома.)* В таком случае, майор Петков, я по всей форме прошу у вас руки вашей дочери, поскольку майор Саранов взял свое слово назад.

Райна. Как вы смеете!

Блюнчли. Если вам в самом деле двадцать три года, то я принимаю всерьез то, что вы говорили мне сегодня.

Катерина *(с надменной учтивостью).* Я сомневаюсь, сударь, что вы полностью отдаете себе отчет в том, какое положение в обществе занимает моя дочь и майор Саранов, на чье место вы претендуете. Петковы и Саранo-

вы – самые известные, богатые и влиятельные семьи во всей стране. Мы играем в ней почти историческую роль, так как исчисляем свою родословную уже почти двадцатью годами.

Петков. Ну, вот уж это не имеет значения, Катерина. *(К Блюнчли.)* Мы были бы счастливы принять ваше предложение, Блюнчли, если бы вопрос сводился только к вашему общественному положению. Но Райна, черт побери, привыкла жить со всеми удобствами. Сергей одних лошадей держит двадцать штук.

Блюнчли. Но на что ей сдались двадцать лошадей? Да ведь это же целый цирк!

Катерина *(сурово)*. Моя дочь, сударь, привыкла к первоклассной конюшне.

Райна. Перестань, мама! Ты выставляешь меня на посмешище.

Блюнчли. Ну что ж, если вопрос упирается в состояние, извольте. *(Стремительно бросается к столу и хватает письмо в синем конверте.)* Сколько вы упомянули лошадей?

Сергей. Двадцать, благородный швейцарец.

Блюнчли. У меня их двести.

Все поражены.

Сколько экипажей?

Сергей. Три.

Блюнчли. У меня семьдесят. Из них двадцать четыре двенадцатиместных, не считая двух мест на козлах рядом с кучером и кондуктором. Сколько у вас скатертей?

Сергей. Черт побери, откуда мне знать?

Блюнчли. Четыре тысячи наберется?

Сергей. Нет.

Блюнчли. А у меня наберется. У меня девять тысяч шестьсот простыней и одеял плюс две тысячи четыреста стеганых на гагачьем пуху. У меня десять тысяч ножей и вилок и такое же количество десертных ложечек. У меня триста слуг. У меня шесть роскошных гостиниц, два конных двора, сад-ресторан и жилой дом. У меня четыре боевых отличия, офицерский чин и положение в обществе. Я с детства владею тремя языками. Покажите мне хоть одного болгарина, который может предложить столько же.

Петков *(с детским благоговением)*. Вы император Швейцарии?

Блюнчли. Я обладатель самого высокого звания в Швейцарии. Я — свободный гражданин.

Катерина. В таком случае, капитан Блюнчли, поскольку моя дочь остановила свой выбор на вас...

Райна *(взбунтовавшись)*. Ничего подобного!

Катерина *(не обращая на нее внимания)*... я не стану препятствовать ее счастью.

Петков хочет заговорить.

Майор Петков разделяет мои чувства.

Петков. О, я страшно рад! Двести лошадей! Ого!

Сергей. А что скажет барышня?

Райна *(притворно дуясь)*. Барышня скажет, что он может оставить при себе свои скатерти и омнибусы. Я не желаю, чтобы меня продавали тому, кто больше даст. *(Поворачивается к ним спиной)*

Блюнчли. Не принимаю такого ответа. Я просил вас о помощи, когда был нищим беглецом и подыхал с голоду. Вы не оттолкнули меня. Вы разрешили мне поцеловать вашу руку, уступили мне свою постель, впустили меня под свой кров...

Райна *(прерывая его)*. Я сделала это не ради швейцарского императора.

Блюнчли. Вот я и говорю. *(Быстро берет ее за плечи и поворачивает к себе лицом)*. А теперь скажите, ради кого вы это сделали.

Райна *(подчиняясь, с застенчивой улыбкой)*. Ради моего шоколадного солдатика.

Блюнчли *(ребячески-восторженно смеясь)*. Этого довольно. Благодарю. *(Смотрит на часы и внезапно вновь становится деловитым.)* Время двигаться, майор. Вы так удачно справились с переброской этих полков, что на вас несомненно возложат и отправку пехоты из Тимокской дивизии. Отправляйте их домой через Лом-Паланку. Саранов, не празднуйте свадьбу до моего возвращения. Я буду здесь через две недели, во вторник, ровно в пять вечера. До свиданья, милые дамы. *(Кланяется по-военному и уходит)*.

Сергей. Ну и человек! Что за человек!

КАНДИДА

Мистерия

1894—1895

CANDIDA

Ясное октябрьское утро в северо-восточной части Лондона; это обширный район вдали от кварталов Мейфера и Сент-Джемса; в его трущобах нет той скученности, духоты и зловония. Он невозмутим в своем мещански-непритязательном существовании: широкие улицы, многотысячное население, обилие уродливых железных писсуаров, бесчисленные клубы радикалов, трамвайные пути, по которым непрерывным потоком несутся желтые вагоны. Главные улицы благоденствуют среди палисадников, поросших травою, не истоптанных человеческой ногой за пределами дорожки, ведущей от ворот к подъезду; глаз отупело мирится с унылым однообразием неприглядных кирпичных домов, черных чугунных решеток, каменных тротуаров, шиферных крыш, с благопристойностью дурно одетых и непристойностью бедно одетых людей, которые здесь ко всему пригляделись и по большей части бескорыстно занимаются чужими делами. Некоторая энергия и предприимчивость проявляются лишь в кокнейской страсти к наживе и в оживленной торговле. Даже полисмены и часовни не нарушают здешнего однообразия — их видишь не так уж редко. Солнце весело сияет, никакого тумана. И хотя все пропитано дымом, отчего лица и руки, штукатурка и кирпич и все кругом кажется грязным и несвежим, он висит не такой густой пеленой, чтобы беспокоить лондонского обывателя.

В этой пустыне неприглядности есть свой оазис. В дальнем конце Хэкни-Роуд раскинулся парк в двести семнадцать акров, обнесенный не решеткой, а деревянным забором; там много зелени, деревьев, озеро для любителей купания, цветочные клумбы, делающие честь прославленному кокнейскому искусству возделывания газона, и песчаная площадка — куча песку, когда-то привезенного с пляжа для забавы детей, но быстро покинутая ими, после того как она превратилась в естественный приют паразитов, в обиталище всякой мелкой твари, которой изобилуют Кингсленд, Хэкни и Хокстон. Павильон для оркестра, лишенная всякого убранства трибуна для религиозных, антирелигиозных и политических ораторов, крикетное поле, спортивная площадка и старинная каменная беседка — таковы его аттракционы. Там, где перед

глазами у вас зеленые холмы и купы деревьев, — это приятное место; там, где голая земля подходит к серому забору, кирпичу, штукатурке, к высоко расклеенным рекламам, тесному строю труб и завесе дыма, — ландшафт унылый и мрачен.

Самый красивый вид на Виктория-парк открывается из окна дома, принадлежащего церкви святого Доминика; оттуда не видно ни одного кирпича. Приходский священник занимает половину дома с отдельным входом и палисадником. Посетители входят через высокое крытое крыльцо, поставщики провизии и свои домашние — через дверь под крыльцом, ведущую в полуподвальное помещение, в котором находятся столовая и кухня. Наверху, вровень с входной дверью, расположена гостиная с большим зеркальным окном в парк. Это единственная комната, куда преграждён доступ детям и семейным трапезам, здесь трудится приходский священник, достопочтенный Джемс Мэвор Морелл. Он сидит на жестком, вертящемся стуле с круглой спинкой, в конце длинного стола, который стоит так, что, повернув голову налево, можно наслаждаться видом парка. Вплотную к другому концу стола придвинут маленький столик, на нем пишущая машинка. За машинкой, спиной к окну, сидит машинистка. Большой стол завален брошюрами, журналами, письмами, заставлен картотечными ящиками, тут же календарь-блокнот, почтовые весы и прочее. Перед столом, посредине, прямо напротив священника, стул для посетителей. Рядом, так, что можно достать рукой, этажерка, и на ней фотография в рамке. Стена позади уставлена книжными полками, и зоркому, опытному глазу нетрудно догадаться о склонности священника к казуистике и богословию — по теологическим очеркам Мориса и полному собранию стихов Браунинга, а по выделяющемуся своим желтым корешком «Прогрессу и бедности», по «Фабианским опытам», «Мечте Джона Болла», «Капиталу» Маркса и десятку других литературных вех социализма — о его прогрессивных убеждениях. Напротив, в другом конце комнаты, около стола с машинкой, дверь. Подальше, против камина, книжный шкаф и рядом кушетка. В камине горит веселый огонь; и этот уголок у камелька с удобным креслом и черным обливным, расписанным цветами горшком для угля с одной стороны и маленьким детским стульчиком — с другой выглядит очень уютно. В деревянной полированной раме камина вырезаны изящные полочки с то-

ненькими полосками зеркала, пропущенными в панели; на полке неизменный свадебный подарок — будильник в кожаном футляре, а на стене над камином — большая репродукция с главной фигуры Тициановa «Успения». В общем, это комната хорошей хозяйки, над которой, в пределах письменного стола, одержал верх беспорядочный мужчина; но повсюду вне этих пределов женщина безусловно сохраняет полный авторитет. Декоративные качества обстановки изобличают стиль «гостиного гарнитура», изготовляемого предприимчивой мебельной фирмой из предместья; но в комнате нет ничего ни бесполезного, ни претенциозного; ист-эндскому священнику не по карману всякие нарядные безделушки.

Преподобный Джемс Мэвор Морелл — христианский социалист, священник английской церкви и активный член гильдии святого Матфея и христианского социалистического союза. Человек лет сорока, крепкий, здоровый, приятной внешности, бодрый, жизнерадостный, пользующийся всеобщей любовью, он подкупает своей неистощимой энергией, мягкими, располагающими манерами, сильным, проникновенным голосом в сочетании с отчетливой дикцией опытного оратора и богатой экспрессией, которой он пользуется с великолепным мастерством. Это первоклассный священник, который может сказать что угодно кому угодно, который умеет поучать людей, не восстанавливая их против себя, умеет держать их в повиновении, не унижая их, и в случае надобности позволяет себе вмешиваться в их дела, не проявляя при этом никакой навязчивости. Заложенный в нем запас энтузиазма и доброжелательных чувств не иссякает ни на миг. Тем не менее он хорошо ест и спит, что позволяет ему с честью одерживать победу в повседневной борьбе между затратой сил и их восстановлением. Вместе с тем это большой ребенок, которому прощают и некоторое тщеславие, и бессознательное довольство собой. У него здоровый цвет лица, хороший лоб, как бы обрубленные брови, светлые живые глаза, решительный рот, очерченный без особой тонкости, внушительный нос с подвижными, раздувающимися ноздрями драматического оратора, лишенный, как и все его черты, какого-либо изящества.

Машинистка мисс Прозерпина Гарнетт — маленькая подвижная женщина лет тридцати, из мещанской семьи, опрятно, но простенько одетая — в широкой шерстяной юбке и блузке. Довольно бойка и резка на язык;

не слишком любезна в обращении, но, по существу, чуткий и преданный человек. Она деловито стучит на машинке, в то время как Морелл распечатывает последнее письмо из утренней почты. Он пробегает его и издает комический вздох отчаяния.

Прозерпина. Еще лекция?

Морелл. Хокстонское общество свободомыслящих граждан просит меня выступить у них в воскресенье утром. *(Он выразительно подчеркивает слово «воскресенье», как явную нелепость.)* А что они собой представляют?

Прозерпина. Анархисты-коммунисты, кажется.

Морелл. Вот именно, что анархисты... Не знают, что священник не может выступать на митинге в воскресенье. Скажите им, пусть придут в церковь, если хотят меня послушать: им это будет полезно. Скажите, что я могу быть у них в понедельник или в четверг. Календарь у вас?

Прозерпина *(беря календарь)*. Да.

Морелл. Есть у меня какая-нибудь лекция в следующий понедельник?

Прозерпина *(заглядывает в календарь)*. Клуб радикалов в Хэмлет-Тауэр.

Морелл. Так. Ну а в четверг?

Прозерпина. Английская Лига по мелиорации земель.

Морелл. А дальше?

Прозерпина. Гильдия святого Матфея — в понедельник. Независимая рабочая партия, гринвичский филиал, — в четверг. В понедельник — социал-демократическая федерация в Майл-Энде. Четверг — первый урок с конфирмантами. *(Нетерпеливо.)* Ах, я лучше напишу им, что вы не можете. Подумаешь, какая-то кучка безграмотных, дерзких уличных разносчиков, у которых нет ни гроша!

Морелл *(посмеиваясь)*. Да, но, видите ли, это мои близкие родственники, мисс Гарнетт.

Прозерпина *(изумленно уставившись на него)*. Ваши родственники?

Морелл. Да, у нас один и тот же отец — на небесах.

Прозерпина *(с облегчением)*. А, только-то!

Морелл *(с огорчением, доставляющим некоторое удовольствие человеку, который умеет так бесподобно выразить его голосом)*. Ах, вы не верите. Вот так-то и все — только говорят, а никто не верит, никто. *(Оживленно, снова переходя к делу)*. Да, да! Ну что же, мисс Прозерпина?

Неужели вы не можете найти свободного дня для разносчиков? А как насчет двадцать пятого? Третьего дня это число было свободно.

Прозерпина *(перелистывая календарь)*. Занято — Фабианское общество.

Морелл. Вот привязалось это Фабианское общество! А двадцать восьмого тоже не выйдет?

Прозерпина. Обед в Сити. Вы приглашены на обед в Клуб предпринимателей.

Морелл. Ну вот и отлично: вместо этого я отправлюсь в Хокстонское общество свободомыслящих граждан.

Прозерпина молча записывает, и в каждой черточке ее лица сквозит неуловимое презрение к хокстонским анархистам. Морелл срывает бандероль с оттиска «Церковного реформатора», присланного по почте, и пробегает передовицу мистера Стюарта Хэдлема и извещения гильдии святого Матфея. Действие оживляется появлением помощника Морелла, достопочтенного Александра Милла, юного джентльмена, которого Морелл откопал в ближайшей университетской общине, куда этот молодой человек явился из Оксфорда, чтобы облагодетельствовать лондонский Ист-Энд своим университетским образованием. Это самодовольно-добродушный, увлекающийся юнец, в котором нет ничего определенно невыносимого, за исключением его привычки говорить почти не разжимая губ, что якобы способствует более изысканному произношению гласных и к чему пока и сводятся все его попытки насадить оксфордскую утонченность в противодействие хэкнийской вульгарности. Морелл, которого он завоевал своей истинно собачьей преданностью, бросает на него снисходительный взгляд поверх «Церковного реформатора».

Морелл. Ну, Лекси? Как всегда, с опозданием?

Лекси. Боюсь, что да. Как бы я хотел научиться вставать пораньше.

Морелл *(в восторге от избытка собственной энергии)*. Ха-ха-ха! *(Лукаво.)* Бодрствуйте и молитесь, Лекси, бодрствуйте и молитесь!

Лекси. Я знаю. *(Стараясь быть остроумным.)* Но как же я могу бодрствовать и молиться, когда я сплю? Не правда ли, мисс Просси? *(Идет к камину.)*

Прозерпина *(резко)*. Мисс Гарнетт, сделайте одолжение!

Лекси. Прошу прощения! Мисс Гарнетт.

Прозерпина. Вам придется сегодня поработать за двоих.

Лекси *(стоя у камина)*. Почему?

Прозерпина. Неважно, почему. Вам полезно будет хоть раз в жизни взять пример с меня: заработать свой обед, прежде чем съесть его. Довольно лентяйничать. Вам следовало быть на обходе еще полчаса тому назад.

Лекси *(в недоумении)*. Она это серьезно говорит, Морелл?

Морелл *(в самом веселом настроении, глаза так и сияют)*. Да. Сегодня лентяйничаю я.

Лекси. Вы! Да разве вы умеете?

Морелл *(поднимаясь со стула)*. Ха-ха-ха! А то нет? Сегодня весь день мой... или по крайней мере полдня. Сейчас приезжает моя жена; она должна быть здесь в одиннадцать сорок пять.

Лекси *(удивленно)*. Она уже возвращается? С детьми? Я думал, они пробудут там до конца месяца.

Морелл. Так оно и есть: она приезжает только на два дня — захватить теплые вещи для Джимми и посмотреть, как мы тут живем без нее.

Лекси *(с беспокойством в голосе)*. Но, дорогой Морелл, если Джимми и Флэффи действительно болели скарлатиной, разве вы считаете разумным...

Морелл. Скарлатина? Ерунда, просто краснуха. Я сам занес ее сюда из школы с Пикрофт-стрит. Священник — это все равно что доктор, дитя мое. Он не должен бояться заразы, как солдат не боится пули. *(Похлопывает Лекси по плечу.)* Подцепите краснуху, Лекси, если сумеете: моя жена будет ухаживать за вами. То-то будет счастье для вас! А?

Лекси *(смущенно улыбаясь)*. Вас очень трудно понять, вы так говорите о миссис Морелл...

Морелл *(с чувством)*. Ах, дитя мое, женитесь на хорошей женщине, тогда вы поймете. Это предвкушение того высшего блаженства, что ждет нас в царствии божием, которое мы пытаемся создать на земле. Это излечит вас от лентяйства. Честный человек понимает, что он должен платить небу за каждый счастливый час доброй мерой сурового, бескорыстного труда, который состоит в служении ближним. Мы не имеем права пользоваться счастьем, если мы не насаждаем его, как не имеем права пользоваться богатством, не заработав его. Найдите себе такую жену, как моя Кандида, и вы всегда будете в долгу! *(Он ласково похлопывает Лекси по спине и идет к двери.)*

Лекси. Ах, подождите минутку, я забыл.

Морелл останавливается и оборачивается, уже приоткрыв дверь.

К вам собирался зайти ваш тесть.

Морелл, сразу меняясь в лице, снова закрывает дверь.

Морелл *(удивленно и недовольно)*. Мистер Берджесс?

Лекси. Да. Я встретил его в парке, он с кем-то оживленно беседовал. Он просил меня передать вам, что зайдет.

Морелл *(несколько недоверчиво)*. Но ведь он не был у нас целых три года. Да вы не ошиблись, Лекси? Вы не шутите, а?

Лекси *(серьезно)*. Нет, не шучу, сэр.

Морелл *(задумчиво)*. Гм! Пора ему взглянуть на Кандиду, пока она еще не успела измениться так, что он ее и не узнает. *(Выходит из комнаты с видом человека, который подчиняется неизбежному.)*

Лекси смотрит ему вслед с восторженно-глупым обожанием. Мисс Гарнетт, подавляя невольное желание хорошенько встряхнуть Лекси, дает выход своим чувствам в свирепой трескотне на машинке.

Лекси. Что за чудесный человек! Какая отзывчивая, любящая душа! *(Садится на стул Морелла у стола и, расположившись поудобнее, вынимает папиросу.)*

Прозерпина *(нетерпеливо, выдергивая из машинки письмо, которое только что дописала, и затем складывая его)*. Ах, можно любить свою жену, но не носиться с ней так, что смотреть тошно!

Лекси *(шокированный)*. Мисс Просси!

Прозерпина *(деловито достает конверт, вкладывает в него письмо)*. Тут Кандида, там Кандида, везде Кандида! *(Лижет края конверта, чтобы заклеить его.)* Да это кого угодно может вывести из терпенья *(постукивает по конверту кулаком)*, когда при тебе бессмысленнейшим образом превозносят до небес самую заурядную женщину только из-за того, что у нее красивые волосы и приличная фигура.

Лекси *(с укором, внушительно)*. По-моему, она поразительно красива, мисс Гарнетт. *(Берет фотографию, разглядывает ее и добавляет с еще большей убежденностью.)* Поразительно красива. Какие чудесные глаза!

Прозерпина. У нее глаза ничуть не лучше, чем у меня. Вот!

Лекси ставит фотографию на место и сурово глядит на мисс Гарнетт.

А ведь сознайтесь, что вы считаете меня некрасивой и заурядной.

Лекси *(величественно поднимаясь)*. Упаси боже, чтобы я позволил себе думать так хотя бы о самом ничтожном творении рук господних! *(С чопорным видом отходит от нее и идет через комнату к книжному шкафу.)*

Прозерпина *(иронически)*. Благодарю вас. Очень любезно и утешительно!

Лекси *(огорченный ее испорченностью)*. Я не подозревал, что вы имеете что-то против миссис Морелл.

Прозерпина *(с негодованием)*. Я ничего не имею против нее. Она очень милая, очень добрая, я очень люблю ее, и я лучше любого мужчины умею ценить ее хорошие качества.

Лекси грустно качает головой. Мисс Гарнетт вскакивает и подбегает к нему крайне раздраженная.

Вы мне не верите? Вы думаете, я ревную? Скажите, какое у вас глубокое знание человеческого сердца, мистер Лекси Милл! Как вы хорошо знаете женские слабости, не правда ли? Должно быть, так приятно быть мужчиной и обладать тонким, проницательным умом, вместо нашей глупой чувствительности, и знать, что если мы не разделяем ваших любовных иллюзий, так это только потому, что все мы ревнуем вас друг к дружке. *(Круто поворачивается и, передернув плечами, подходит к камину погреть руки.)*

Лекси. Ах, мисс Просси, если б только вы, женщины, умели так же пользоваться силой мужчины, как вы пользуетесь его слабостями, тогда не было бы никакого женского вопроса.

Прозерпина *(через плечо, нагнувшись и держа руки над огнем)*. Где вы это слышали? Вероятно, от Морелла? Ведь не сами же вы это придумали, куда вам!

Лекси. Совершенно верно. Я не стыжусь признаться, что я усвоил это от него, так же как я усвоил от него много других духовных истин. Он говорил об этом на ежегодном собрании Женской либеральной федерации. Разрешите прибавить только, что если женщины этого не

оценили, то я, мужчина, оценил. *(Снова повертывается к шкафу, полагая, что уж теперь-то он ее осадил.)*

Прозерпина *(поправляя прическу перед узкой полоской зеркала в каминной раме)*. Ну, знаете, когда вы говорите со мной, излагайте, пожалуйста, ваши собственные мысли, какие они ни на есть, а не его. Вы не представляете себе, какой у вас жалкий вид, когда вы пытаетесь подражать ему.

Лекси *(уязвленный)*. Я стараюсь следовать его примеру, а не подражать ему.

Прозерпина *(возвращаясь к своему рабочему столику, снова накидывается на Лекси)*. Нет, подражаете, подражаете! Почему вы носите зонтик под мышкой, а не в руке, как все люди? Почему вы ходите, выставив вперед подбородок, быстрым шагом и с таким деловым видом? Это вы-то! Когда вы не способны подняться с постели раньше половины десятого. Почему во время проповеди вы говорите «познание», когда в разговоре вы всегда произносите «пазнанье»? Что, вы думаете, я не понимаю? *(Усаживается за машинку.)* Ну хватит! Принимайтесь-ка за работу; достаточно мы с вами сегодня потеряли времени. Вот вам расписание на сегодня. *(Протягивает ему листок.)*

Лекси *(глубоко оскорбленный)*. Благодарю вас. *(Берет листок и, остановившись у стола, спиной к ней, читает расписание.)*

Прозерпина принимается переписывать на машинке стенограмму, не обращая на Лекси внимания. Входит без доклада мистер Бердж е с с. Это человек лет шестидесяти, очерствевший и огрубевший из-за вечной расчетливости, неизбежной в мелкой торговле, но постепенно, благодаря сытой жизни и коммерческим успехам, раздобревший и размякший до ленивого самодовольства. Тупой, невежественный человек, для которого самое главное в жизни собственное брюхо; грубый и высокомерный с людьми, чей труд ценится дешево, заискивающий перед богатством и титулом — и при этом вполне искренний, без всякой злобы и зависти к тем и другим. Природа не наделила его никакими талантами, и для него не нашлось в мире никакой высокооплачиваемой работы, кроме мошеннической эксплуатации чужого труда,— это наложило на него отпечаток животной тупости и хамства. Но он этого не подозревает и от души верит, что его коммерче-

ские успехи являются неизбежным, благодетельным для общества торжеством усердия, способностей, проницательности и опыта делового человека, который в частной жизни покладист, привязчив и снисходителен к чужим порокам. Он маленького роста, толстый, с плоским квадратным лицом и приплюснутым носом; редкая с проседью борода цвета мочалы; маленькие водянистые глазки смотрят с жалостно-прочувствованным выражением и говорит он также прочувствованно, благодаря усвоенной им привычке напыщенно растягивать слова.

Берджесс *(останавливаясь в дверях и оглядываясь по сторонам)*. Мне сказали, что мистер Морелл здесь.

Прозерпина *(поднимаясь)*. Он наверху. Сейчас я вам его позову.

Берджесс *(видимо, разочарованный)*. Вы, по-моему, не та молодая леди, которая раньше писала у него на машинке.

Прозерпина. Нет.

Берджесс *(себе под нос, направляясь к камину)*. Нет, та была помоложе.

Мисс Гарнетт удивленно смотрит на него, затем выходит, сильно хлопнув дверью.

В обход собираетесь, мистер Милл?

Лекси *(складывая расписание и пряча его в карман)*. Да. Мне пора идти.

Берджесс *(величественно)*. Я не задерживаю вас, мистер Милл. Мне нужно поговорить с мистером Мореллом с глазу на глаз.

Лекси *(обиженно)*. Я не намерен мешать вам, можете не сомневаться, мистер Берджесс. До свиданья.

Берджесс *(покровительственно)*. До свиданья.

Лекси идет к двери; в это время входит Морелл.

Морелл *(Лекси)*. На работу?

Лекси. Да, сэр.

Морелл *(ласково похлопывая его по плечу)*. Возьмите мой шелковый шарф и закутайте шею. Сегодня холодный ветер. Ну, ступайте.

Лекси, просияв, вполне вознагражденный за грубость Берджесса, уходит.

Берджесс. Балуете, как всегда, своих помощников, Джемс. Здравствуйте. Когда я плачу человеку жалованье и он на-

ходится в зависимости от меня, я держу себя с ним так, что он знает свое место.

Морелл *(очень сухо)*. Я всегда держусь со своими помощниками так, что они прекрасно знают свое место, место моих соратников и товарищей. Если бы вы могли заставить своих клерков и рабочих работать так, как я заставляю своих помощников, вы бы давно разбогатели. Пожалуйста, садитесь в ваше кресло. *(Властным жестом указывает ему на кресло у камина, затем отодвигает от стола свободный стул и усаживается в несколько подчеркнутом отдалении от своего гостя.)*

Берджесс *(не двигаясь)*. Все такой же, как прежде, Джемс.

Морелл. Когда вы были у нас последний раз, — как будто года три тому назад, — мне помнится, вы выразились примерно так же, только несколько более откровенно. Вот в точности ваши слова: «Все такой же болван, как прежде, Джемс!»

Берджесс *(успокоительно)*. Ну что ж, может быть, я так и сказал, но *(с заискивающим благодушием)* я не хотел сказать ничего обидного. Священнику, знаете, полагается быть чуточку блаженным; это только подходит к его ремеслу. Я пришел сюда не затем, чтобы поднимать старые ссоры, а затем, чтобы покончить и забыть все, что между нами было. *(Внезапно принимая в высшей степени торжественный вид и направляясь к Моррелу.)* Джемс, три года тому назад вы сыграли со мной скверную штуку. Вы провалили мой контракт; а когда я — ну, понятно, в огорчении — сказал вам несколько крепких слов, вы восстановили против меня мою дочь. Так вот, я поступаю по-христиански. *(Протягивает ему руку.)* Я прощаю вас, Джемс.

Морелл *(вскакивая)*. Черт знает что за бесстыдство!

Берджесс *(пятится от него, обиженный чуть не до слез)*. Прилично ли так выражаться священнику, Джемс? Да еще такому взыскательному священнику, как вы!

Морелл *(гневно)*. Нет, сэр, священнику неприлично так выражаться, я не так выразился. Я должен был сказать: да провалитесь вы в преисподнюю с вашим дьявольским бесстыдством! Вот как сказал бы вам святой Павел и любой честный священнослужитель. Вы думаете, я забыл этот ваш подряд на поставку одежды для работного дома?

Берджесс *(объятый гражданскими чувствами)*. Я действовал в интересах налогоплательщиков, Джемс. Это был

самый дешевый подряд, уж этого вы не можете отрицать.

Морелл. Да, самый дешевый, потому что вы платили рабочим такие гроши, что с вами не мог конкурировать ни один предприниматель. Женщины, которые шили эту одежду, получали у вас нищенскую плату, хуже чем нищенскую! Вы обрекали их на такую нужду, что им не оставалось ничего другого, как идти на улицу, чтобы не умереть с голоду. *(Все больше и больше раздражаясь.)* Эти женщины были мои прихожанки. Я пристыдил попечителей так, что они отказались принять ваш подряд, я пристыдил налогоплательщиков — как они могли допустить это. Я пристыдил всех, кроме вас! *(Вне себя от негодования.)* Как вы осмеливаетесь, сэр, являться сюда и говорить, что вы прощаете меня, и произносить имя вашей дочери, и...

Берджесс. Успокойтесь, успокойтесь, Джемс, успокойтесь! Не надо так волноваться из-за пустяков. Я признал, что я был не прав...

Морелл *(с возмущением)*. Признали? Я что-то не слышал.

Берджесс. Разумеется, признал. Я и сейчас готов признать. Ну, слушайте, я прошу у вас прощения за то письмо, которое написал вам. Теперь вы довольны?

Морелл *(хрустя пальцами)*. Это ровно ничего не значит А плату вы повысили?

Берджесс *(торжествующе)*. Да.

Морелл *(застыв на месте)*. Что?

Берджесс *(умильно)*. Я стал примерным хозяином. Я больше не держу на работе женщин: я их всех рассчитал; всю работу делают у меня машины. Нет ни одного рабочего, который получал бы меньше шести пенсов в час, а квалифицированные мастера получают по ставке профсоюза. *(С гордостью.)* Что вы мне на это скажете?

Морелл *(потрясенный)*. Не может быть! Ну что ж, об одном раскаявшемся грешнике больше радости на небесах... *(Направляясь к Берджессу в порыве сердечного раскаяния.)* Дорогой Берджесс, от всего сердца прошу вас простить меня за то, что я дурно думал о вас. *(Хватая его за руку.)* А теперь скажите, разве вы не чувствуете себя лучше от этой перемены? Ну признайтесь: вы чувствуете себя счастливее? И вид у вас более счастливый.

Берджесс *(угрюмо)*. Что ж, может статься. Надо полагать, что так оно и есть, раз уж вы заметили это. Во всяком случае, контракт мой в муниципальном совете приняли.

(Злобно.) Они не желали иметь со мной дела, пока я не поднял ставки. Черт бы их побрал, этих олухов, суются не в свое дело!

Морелл *(совершенно отчаявшись, отпускает его руку).* Ах вот почему вы повысили оплату! *(Мрачно садится на свое место.)*

Берджесс *(строго, наставительно и постепенно повышая тон).* А чего еще ради я стал бы это делать? К чему это ведет, кроме пьянства и зазнайства среди рабочих? *(Он с чрезвычайно внушительным видом усаживается в кресло.)* Все это очень хорошо для вас, Джемс. Вы благодаря этому попадаете в газеты, вас превозносят, вы становитесь знаменитостью, но вам никогда в голову не приходит, сколько вреда вы приносите, отнимая деньги у людей, которые могли бы употребить их с пользой, и перекладывая их в карман рабочих, которые не знают, что с ними делать.

Морелл *(тяжело вздохнув, говорит с холодной учтивостью).* Что вас привело сегодня ко мне? Не стану притворяться, скажу прямо: не думаю, чтобы в вас вдруг заговорили родственные чувства.

Берджесс *(упрямо).* Вот именно, только родственные чувства, и ничего больше.

Морелл *(с усталым спокойствием).* Не верю.

Берджесс *(поднимаясь, с угрожающим видом).* Прошу вас, не говорите так со мной, Джемс Мэвор Морелл.

Морелл *(равнодушно).* Я буду так говорить до тех пор, пока вы не убедитесь сами, что это правда. Я не верю ни одному вашему слову!

Берджесс *(захлебываясь от оскорбления).* А, вот как! Ну, ежели вы намерены продолжать ссору, я думаю, мне лучше уйти. *(Нерешительно делает шаг к двери.)*

Морелл не двигается.

(Берджесс медлит.) Я не ожидал, что вы окажетесь таким непримиримым, Джемс.

Морелл по-прежнему безмолвствует.

(Берджесс делает еще несколько нерешительных шагов к двери, затем возвращается, хныча.) Жили же мы с вами раньше в ладу, хоть и расходились во взглядах. Почему же вы вдруг стали ко мне так относиться? Даю вам честное слово, я пришел сюда из чисто дружеских чувств, мне надоело жить в ссоре с мужем родной дочери. Пол-

но, Джемс, будьте же христианином. Ну, дайте мне руку. *(С чувством кладет руку на плечо Морелла.)*

Морелл *(задумчиво, поднимая на него взгляд)*. Послушайте, Берджесс. Хотите вы быть у нас таким желанным гостем, каким вы были до того, как у вас сорвался этот контракт?

Берджесс. Хочу, Джемс. Честное слово, хочу.

Морелл. Тогда почему же вы не ведете себя так же, как раньше?

Берджесс *(осторожно снимая руку с плеча Морелла)*. Что вы хотите сказать?

Морелл. Я вам сейчас объясню. Вы тогда считали меня желторотым болваном.

Берджесс *(заискивающе)*. Да нет, Джемс, я...

Морелл *(обрывая его)*. Нет, считали. А я считал вас старым мошенником.

Берджесс *(бурно протестуя против такого грубого самообвинения Морелла)*. Нет, что вы, Джемс! Неправда, вы клевещете на себя.

Морелл. Да, я считал вас старым мошенником. Однако это не мешало нам поддерживать добрые отношения. Бог создал вас тем, что я называю мошенником, и бог же создал меня тем, что вы называете болваном.

Это умозаключение колеблет основы моральных принципов и понятий Берджесса. Он весь как-то оседает и, беспомощно уставившись на Морелла, испуганно вытягивает перед собой руку, как будто для того, чтобы не потерять равновесие, точно пол ускользает у него из-под ног.

(Морелл продолжает тем же спокойным, убежденным тоном.) А мне не подобает роптать на созданье рук его, ибо как в том, так и в другом случае это его воля. Если вы пришли сюда честно, как истинный, убежденный, уважающий себя мошенник, который защищает свое мошенничество и гордится им,— милости просим. Но *(голос Морелла становится грозным, он встает и внушительно стучит кулаком по спинке стула)* я не потерплю, чтобы вы являлись сюда морочить мне голову рассказами о том, что вы стали примерным хозяином и добродетельным человеком, тогда как вы просто ханжа, вывернувший шкуру наизнанку ради того, чтобы добиться выгодного контракта в муниципальном совете. *(Трясет энергично головой в подкрепление своих слов, затем подходит к камину и, став спиной к огню, с внушительным и не-*

принужденным видом продолжает.) Нет, я хочу, чтобы человек оставался верен себе даже в своих пороках. Так вот, не угодно ли? Или берите шляпу и убирайтесь, или садитесь и извольте дать мне откровенное, достойное истинного мошенника объяснение: почему вам понадобилось мириться со мной?

Берджесс, смятение которого улеглось настолько, что он пытается выразить свои чувства изумленной улыбкой, испытывает явное облегчение от такого конкретного предложения. Он с минуту обдумывает его, затем медленно и с величайшей скромностью садится на стул, с которого только что поднялся Морелл.

Вот так-то. А теперь выкладывайте.

Берджесс *(хихикая)*. Право, вы все-таки большой чудак, Джемс, как хотите! Но *(почти с восторгом)* вас нельзя не любить. Опять-таки, как я уже сказал, нельзя, разумеется, принимать всерьез все, что говорит священник, иначе как же можно было бы жить. Согласитесь сами. *(Настраивается на более глубокомысленный лад и, устремив взгляд на Морелла, продолжает с тупой серьезностью.)* Что ж, я, пожалуй, готов признаться, раз уж вы желаете, чтобы мы были совершенно откровенны друг с другом: я действительно считал вас когда-то чуточку блаженным, но теперь я начинаю думать, что у меня, как говорится, был несколько отсталый взгляд.

Морелл *(торжествующе)*. Ага! Наконец-то вы додумались!

Берджесс *(многозначительно)*. Да, времена меняются так, что даже трудно поверить. Пять лет тому назад ни одному здравомыслящему человеку не пришло бы в голову считаться с вашими идеями. Я, признаться, даже удивлялся, как вас вообще подпускают к кафедре. Да что! Я знаю одного священника, которому лондонский епископ несколько лет не давал ходу, хотя этот бедный малый держался за свою религию ничуть не больше вашего. Но теперь, если бы мне предложили поспорить на тысячу фунтов, что вы когда-нибудь сами станете епископом, я бы воздержался. *(С важностью.)* Вы и ваша братия входите в силу; я теперь вижу это. И уж придется им как-нибудь да ублажить вас, хотя бы только для того, чтобы заткнуть вам рот. Надо признаться, у вас в конце концов было верное чутье, Джемс; для человека такого сорта, как вы, вы взяли правильную линию, такую, которая приносит доход.

Морелл *(не колеблясь, решительно протягивает ему руку)*. Вашу руку, Берджесс. Вот теперь вы разговариваете честно. Не думаю, что меня когда-нибудь сделают епископом; но если сделают, я познакомлю вас с самыми крупными воротилами, каких я только смогу заполучить к себе на званые обеды.

Берджесс *(поднимаясь с глуповатой улыбкой и отвечая на дружеское рукопожатие)*. Вы все шутите, Джемс. Ну, теперь, значит, конец ссоре?

Женский голос. Скажи да, Джемс.

Оба, вздрогнув от неожиданности, оборачиваются и видят только что вошедшую Кандиду, которая смотрит на них с обычным для нее выражением шутливой материнской снисходительности. Это тридцатитрехлетняя женщина, статная, с прекрасной фигурой, может быть, чуть-чуть склонной к полноте, но сейчас как раз в меру, во всем обаянии молодости и материнства. По ее манере держать себя чувствуется, что эта женщина умеет расположить к себе людей и заставить их подчиняться и что она пользуется этим, нисколько не задумываясь. В этом отношении она мало отличается от любой хорошенькой женщины, которая достаточно умно пускает в ход свою привлекательность для мелких эгоистических целей; но ясный лоб Кандиды, ее смелый взгляд, выразительный рот и подбородок свидетельствуют о широте ума и возвышенности натуры, которые облагораживают эту вкрадчивость в подходе к людям. Мудрый сердцевед, взглянув на нее, тотчас же догадался бы, что тот, кто повесил над ее камином Деву из Тицианова «Успения», сделал это потому, что он уловил между ними некое духовное сходство; но, разумеется, он не заподозрил бы ни на минуту, что такая мысль могла прийти в голову ее супругу или ей самой: трудно предположить, чтобы они хоть сколько-нибудь интересовались Тицианом. Сейчас она в шляпке и пелерине; в одной руке у нее перетянутый ремнями плед, из которого торчит зонтик, в другой — ручной саквояж и пачки иллюстрированных журналов.

Морелл *(потрясенный своей забывчивостью)*. Кандида! Как... *(Смотрит на часы и ужасается, обнаружив, что уже так поздно.)* Милочка моя! *(Бросается к ней, выхватывает у нее из рук плед, не переставая громко упрекать себя.)* Ведь я собирался встретить тебя на станции и не заметил, как прошло время. *(Бросает плед на ку-*

шетку.) Я так заговорился *(поворачивается к ней)*, что совсем забыл... Ах! *(Обнимает ее, снедаемый чувством раскаянья.)*

Берджесс *(несколько сконфуженный и не уверенный в том, как к нему отнесутся)*. Как поживаешь, Канди?

Кандида, все еще в объятиях Морелла, подставляет отцу щеку для поцелуя.

Мы с Джемсом заключили мир, почетный мир. Не правда ли, Джемс?

Морелл *(нетерпеливо)*. А ну вас, с вашим миром! Я из-за вас опоздал встретить Кандиду. *(С сочувственным пылом.)* Бедняжка моя, как же ты справилась с багажом? Как...

Кандида *(останавливая его и высвобождаясь из его объятий)*. Ну, будет, будет, будет! Я не одна. У нас был Юджин, и мы ехали сюда вместе.

Морелл *(приятно удивленный)*. Юджин!

Кандида. Да, он возится с моим багажом, бедный мальчик. Выйди к нему сейчас же, милый, а то он расплатится с извозчиком, а я не хочу этого.

Морелл поспешно выходит. Кандида ставит на пол саквояж, затем снимает пелерину и шляпку и кладет их на кушетку рядом с пледом, разговаривая в то же время с отцом.

Ну, папа, как вы все там поживаете, дома?

Берджесс. Да что там, какая может быть радость дома, с тех пор как ты уехала от нас, Канди. Хоть бы ты когда-нибудь заглянула и поговорила с сестрой. Кто такой этот Юджин, который приехал с тобой?

Кандида. О, Юджин — это одна из находок Джемса. Он наткнулся на него в прошлом году в июне, когда тот спал на набережной. Ты не обратил внимания на нашу новую картину? *(Показывая на Деву.)* Это он подарил нам.

Берджесс *(недоверчиво)*. Чушь! И как это ты можешь рассказывать такие небылицы мне, своему родному отцу, что какой-то бродяга покупает такие картины? *(Строго.)* Не выдумывай, Канди. Это благочестивая картина, и выбирал ее сам Джемс.

Кандида. Вот и не угадал. Юджин вовсе не бродяга.

Берджесс. А кто же он такой? *(Иронически.)* Благородный джентльмен, надо полагать?

Кандида *(кивая с торжеством)*. Да. У него дядя — лорд. Настоящий живой пэр.

Берджесс *(не решаясь поверить столь замечательной новости)*. Быть не может!

Кандида. Да. И у него был чек в кармане на пятьдесят пять фунтов, сроком на неделю, когда Джемс нашел его на набережной. А он думал, что не может получить по нему раньше чем через неделю, и ему было стыдно попросить в долг. Ах, он такой славный мальчик! Мы очень полюбили его.

Берджесс *(делает вид, что ему наплевать на аристократию, а у самого глаза загорелись)*. Гм... Я так думаю, что этот племянник пэра вряд ли бы прельстился вашим Виктория-парком, если бы он не был малость придурковат. *(Снова разглядывая картину.)* Конечно, эта картина не в моем вкусе, Канди, но все же это превосходное, прямо сказать, первоклассное произведение искусства; в этом-то уж я разбираюсь. Ты, конечно, познакомишь меня с ним, Канди? *(С беспокойством смотрит на свои карманные часы.)* Я могу побыть еще минуты две, не больше.

Морелл возвращается с Юджином, на которого Берджесс смотрит влажным от восхищения взором. Это несколько странный, застенчивый молодой человек лет восемнадцати, хрупкий, женственный, со слабым детским голосом; испуганное, напряженное выражение его лица и привычка как-то робко стушевываться изобличают болезненную чувствительность утонченного и островосприимчивого юноши, у которого еще не успел сложиться характер. Он беспомощен и нерешителен, он не знает, куда девать себя, что с собой делать. Он оробел при виде Берджесса, и, если бы у него хватило смелости, он с радостью убежал бы и спрятался. Но та острота, с какой он переживает любое, самое обыкновенное состояние, проистекает от избытка нервной силы, а его глаза, ноздри, рот свидетельствуют о неукротимом, бурном своеволии, которое, судя по его лбу, уже отмеченному чертами страдания, направлено не в дурную сторону. Он так необычен, что кажется почти не от мира сего. Люди прозаического склада склонны усматривать в этой отрешенности нечто пагубное, тогда как поэтические натуры видят в ней нечто божественное. Одет он очень небрежно. На нем поношенная расстегнутая куртка из синей саржи поверх шерстяной теннисной рубашки, шелковый платок вместо галстука, брюки из той же материи, что

и куртка, коричневые парусиновые туфли. Он, по-видимому, валялся в этом костюме на траве, переходил вброд речку и, судя по всему, никогда не прикасался к нему щеткой. Увидев незнакомого человека, он останавливается в дверях, затем пробирается вдоль стены в противоположный конец комнаты.

Морелл *(входя)*. Идемте, идемте. Какие-нибудь четверть часа вы можете уделить нам, во всяком случае. Это мой тесть. Мистер Берджесс – мистер Марчбэнкс.

Марчбэнкс *(нервно жмется к книжному шкафу)*. Очень приятно познакомиться, сэр.

Берджесс *(с величайшим благодушием направляется к нему через всю комнату, в то время как Морелл подходит к Кандиде, которая стоит у камина)*. Счастлив познакомиться с вами, чрезвычайно, мистер Марчбэнкс. *(Вынуждая его к рукопожатию.)* Как вы себя чувствуете? Хороший денек, не правда ли? Надеюсь, вы не позволяете Джемсу засорять вам голову всякими безумными идеями?

Марчбэнкс. Безумными идеями? О, вы имеете в виду социализм. Нет!

Берджесс. Хорошо делаете. *(Снова взглядывая на часы.)* Да, а мне уже пора идти, ничего не поделаешь. Вам со мной не по пути, мистер Марчбэнкс?

Марчбэнкс. В какую сторону вы идете?

Берджесс. На станцию Виктория-парк. Поезд в Сити идет в двенадцать двадцать пять.

Морелл. Глупости. Я надеюсь, Юджин останется с нами завтракать.

Марчбэнкс *(взволнованно отнекиваясь)*. Нет... я... я...

Берджесс. Отлично, отлично, я не настаиваю. Вы, конечно, предпочитаете позавтракать с Канди. Когда-нибудь, я надеюсь, вы пообедаете со мной в Клубе предпринимателей в Нортон Фолгэйт.

Марчбэнкс. Благодарю вас, мистер Берджесс. А где это Нортон Фолгэйт – кажется, где-то в Сэррее?

Берджесс, в невыразимом восторге, давится от смеха.

Кандида *(спешит на выручку)*. Ты опоздаешь на поезд, папа. Тебе нужно идти сию же минуту. Приходи к обеду, и тогда ты расскажешь мистеру Марчбэнксу, где твой клуб.

Берджесс *(хохочет во всю глотку)*. В Сэррее!.. Нет, вы только послушайте! Неплохо, а? В жизни своей не встре-

чал человека, который не знает, где находится Нортон Фолгэйт. *(Смущенный собственной шумной развязностью).* До свиданья, мистер Марчбэнкс. Я знаю, вы слишком хорошо воспитаны и не осудите меня за то, что я посмеялся. *(Снова протягивает ему руку.)*

Марчбэнкс *(нервно, рывком хватая протянутую ему руку).* Нет, ничуть.

Берджесс. Ну, будь здорова, Канди. Я загляну попозже. До свиданья, Джемс.

Морелл. Вам действительно нужно идти?

Берджесс. Да вы не беспокойтесь. *(Несокрушимый в своем благодушии, уходит.)*

Морелл. Я провожу вас. *(Идет вслед за ним.)*

Юджин провожает их испуганным взглядом, затаив дыхание, пока Берджесс не исчезает за дверью.

Кандида *(со смехом).* Ну, Юджин?

Юджин, вздрогнув, оборачивается и стремительно направляется к Кандиде, но, встретив ее смеющийся взгляд, останавливается.

Что вы скажете о моем отце?

Марчбэнкс. Я? Да ведь мы только что познакомились. Кажется, очень симпатичный старый джентльмен.

Кандида *(с мягкой иронией).* И вы пойдете в Клуб предпринимателей обедать с ним, правда?

Марчбэнкс *(растерянно — он принимает это совершенно серьезно).* Да, если это вам доставит удовольствие.

Кандида *(тронутая).* Знаете, Юджин, вы очень милый мальчик, несмотря на все ваши странности. Если бы вы посмеялись над моим отцом, я бы не обиделась, но я еще больше люблю вас за то, что вы были так милы с ним.

Марчбэнкс. А разве нужно было смеяться? Кажется, он сказал что-то смешное; но я так всегда стесняюсь с незнакомыми людьми... И я никогда не понимаю шуток. Мне очень жаль. *(Садится на кушетку, упершись локтями в колени, сжав виски кулаками с видом безнадежного страдания.)*

Кандида *(ласково тормошит его).* Да будет вам! Взрослый вы ребенок! Что с вами, вы сегодня хуже, чем всегда. Почему вы были такой грустный дорóгой, когда мы с вами ехали в кэбе?

Марчбэнкс. Ах, да так... просто я думал, сколько надо заплатить извозчику. Я знаю, что это ужасно глупо, но вы

не представляете себе, какой страх я испытываю перед такими вещами, — я так теряюсь, когда мне приходится иметь дело с незнакомыми людьми. *(Постепенно и успокаивающе.)* Но все обошлось благополучно: он весь просиял и снял шляпу, когда Морелл дал ему два шиллинга. А я собирался дать ему десять.

Кандида добродушно смеется. Входит Морелл с небольшой пачкой писем и газет, полученных с дневной почтой.

Кандида. Ах, Джемс, милый, он собирался дать извозчику десять шиллингов — десять шиллингов за три минуты езды! Нет, ты подумай!

Морелл *(у стола, просматривая письма)*. Не обижайтесь на нее, Марчбэнкс. Инстинкт, который заставляет человека быть щедрым, — это благородный инстинкт, лучше того, который вынуждает его скупиться, и встречается он не так часто.

Марчбэнкс *(снова впадая в уныние)*. Нет — трусость, невежество. Миссис Морелл совершенно права.

Кандида. Разумеется, она права. *(Берет свой саквояж.)* А теперь разрешите мне удалиться и оставить вас с Джемсом. Вы слишком поэтическая натура и вряд ли способны представить себе, в каком состоянии находит женщина свой дом после трехнедельного отсутствия. Передайте-ка мне плед.

Юджин достает с кушетки перетянутый ремнями плед и подает ей. Она берет его в левую руку, держа саквояж в правой.

Теперь перекиньте мне на руку пелерину.

Он повинуется.

Теперь давайте шляпу.

Он подносит ей шляпу, она прихватывает ее той рукой, в которой у нее саквояж.

Теперь откройте мне дверь.

Он бросается вперед и распахивает перед ней дверь.

Благодарю вас. *(Она выходит.)*

Марчбэнкс закрывает дверь.

Морелл *(по-прежнему чем-то занят у стола)*. Вы, конечно, останетесь завтракать, Марчбэнкс?

Марчбэнкс *(испуганно)*. Я не должен. *(Быстро смотрит на Морелла, но тотчас же опускает глаза, избегая его открытого взгляда, и добавляет с явной неискренностью.)* Я хочу сказать: я не могу.

Морелл. Вы хотите сказать, что вам не хочется.

Марчбэнкс *(горячо)*. Нет, я бы очень хотел, правда. Я вам очень признателен. Но... но...

Морелл. Но-но-но-но... Глупости! Если вам хочется остаться, оставайтесь. Не станете же вы уверять меня, что у вас какие-то дела. Если вы стесняетесь, пойдите прогуляйтесь в парке, можете сочинять стихи до половины второго, а потом приходите, и мы хорошенько закусим.

Марчбэнкс. Благодарю вас. Мне бы очень хотелось. Но я не смею, правда. Дело в том, что миссис Морелл сказала мне, что я не должен. Она сказала мне, что она не думает, что вы пригласите меня остаться завтракать, но что мне надо запомнить, что если вы и предложите, так это не значит, что вы на самом деле этого хотите. *(Жалобно.)* Она сказала, что я должен понимать, но я не понимаю. Пожалуйста, не говорите ей, что я вам сказал.

Морелл *(посмеиваясь)*. Только и всего? Но разве мое предложение прогуляться в парке не разрешает затруднения?

Марчбэнкс. Каким образом?

Морелл *(шутливо)*. Ах вы, бестолковая голова! *(Но взятый им развязный тон смущает его самого, так же как и Юджина; он одергивает себя.)* Нет, я не то говорю. *(Поясняет с ласковой серьезностью.)* Милый юноша, в счастливом браке, подобном нашему, возвращение супруги в родной дом есть нечто глубоко священное.

Марчбэнкс бросает на него быстрый взгляд, пока еще только наполовину угадывая, что он хочет сказать.

Старый друг или истинно благородная и сочувственная душа не могут быть помехой в такие минуты, но случайный гость – да.

Пришибленное, испуганное выражение яснее проступает на лице Юджина, когда он наконец понимает.

(Морелл, поглощенный своей мыслью, продолжает, не замечая этого.) Кандида думала, что мне будет нежелательно ваше присутствие, но она ошиблась. Я очень вас люблю, мой мальчик, и мне хочется, чтобы вы сами увидели, какое счастье – такое супружество, как наше.

Марчбэнкс. Счастье? Ваше супружество! Вы так думаете? Вы верите этому?

Морелл *(беспечно)*. Я знаю, мой мальчик. Ларошфуко утверждает, что браки бывают удобные, но счастливых браков не бывает. Вы представить себе не можете, какое это удовлетворение — уличить в обмане бесстыдного лгуна и гнусного циника. Ха-ха-ха! Ну вот, а теперь отправляйтесь в парк сочинять стихи. До половины второго, ровно. Мы никого не ждем.

Марчбэнкс *(вне себя)*. Нет, подождите, вы напрасно... Я вам открою глаза.

Морелл *(в недоумении)*. Как? Откроете что?

Марчбэнкс. Я должен поговорить с вами. Нам с вами необходимо объясниться.

Морелл *(бросая выразительный взгляд на часы)*. Сейчас?

Марчбэнкс *(с жаром)*. Сейчас. Прежде чем вы выйдете из этой комнаты. *(Отступает на несколько шагов и останавливается, как бы готовясь загородить Мореллу дорогу к двери.)*

Морелл *(внушительным тоном, почувствовав, что это действительно что-то серьезное)*. Я не собираюсь уходить отсюда, я думал, вы собираетесь.

Юджин, ошеломленный его решительным тоном, отворачивается, сдерживая гнев. Морелл подходит к нему и ласково, но твердо кладет ему руку на плечо, невзирая на его попытки стряхнуть ее.

Так вот, сядьте спокойно и расскажите, в чем дело. И помните — мы с вами друзья; и нам нечего бояться, что у кого-нибудь из нас не хватит терпения и участия выслушать другого, о чем бы ни шла речь.

Марчбэнкс *(круто повернувшись к нему всем телом)*. Не думайте, я ничуть не забываюсь. Я просто *(в отчаянии закрывает лицо руками)* в ужасе. *(Отнимает руки от лица и, яростно наступая на Морелла, продолжает угрожающе.)* Вы увидите, захочется ли вам сейчас проявить терпение и участие.

Морелл, твердый, как скала, смотрит на него снисходительно.

Не смотрите на меня с таким самодовольством. Вы думаете, вы сильнее меня, но я могу сразить вас, если только у вас есть сердце в груди.

Морелл *(несокрушимо уверенный в себе)*. Разите меня, мой мальчик. Ну, выкладывайте.

Марчбэнкс. Прежде всего...

Морелл. Прежде всего?

Марчбэнкс. Я люблю вашу жену.

Морелл, отпрянув, с минуту глядит на него в полном недоумении и внезапно разражается неудержимым хохотом. Юджин озадачен, но нимало не смущен; он мгновенно преисполняется негодованием и презрением.

Морелл *(садится, чтобы перевести дух.)* Ну, разумеется, дитя мое! Конечно, вы ее любите. Ее все любят и ничего не могут с этим поделать; и я только радуюсь этому. Но *(глядя на него с комическим изумлением)* послушайте, Юджин, неужели вы считаете, что нам с вами нужно объясняться по этому поводу? Ведь вам еще и двадцати нет, а ей уже за тридцать. Не кажется ли вам, что это просто ребяческая блажь?

Марчбэнкс *(в исступлении)*. Вы осмеливаетесь говорить так о ней! Вот как вы понимаете любовь, которую она внушает! Вы ее оскорбляете.

Морелл *(быстро поднимается и говорит совсем другим тоном)*. Ее! Эй, Юджин, будьте осторожней. Я терпелив. Я надеюсь не потерять терпения. Но есть вещи, которых я не могу позволить. Не требуйте от меня снисходительности, какую я проявил бы к ребенку. Будьте мужчиной.

Марчбэнкс *(делает жест, точно отмахиваясь от чего-то)*. Ах, оставим все это ханжеское пустословие. Просто ужас берет, как подумаешь, сколько ей пришлось вынести подобной болтовни за все эти унылые годы, когда вы так эгоистично и слепо приносили ее в жертву своему чванству,— вы, у которого *(наступая на него)*... у которого нет ни одной мысли, ни одного чувства, общего с ней.

Морелл *(философически)*. Она как будто отлично мирится с этим. *(Глядя на него в упор.)* Юджин, дорогой мой, вы спятили, вы просто спятили! Вот вам мое совершенно откровенное, искреннее мнение. *(Отчитывая его, он впадает в привычный наставительный тон и, став на ковер у камина, греет за спиной руки.)*

Марчбэнкс. А вы думаете, я не знаю? Неужели вы считаете, что то, из-за чего люди способны сходить с ума, менее реально или менее истинно, чем все то, к чему они подходят в полном разуме?

В глазах Морелла впервые мелькает сомнение. Он забывает о том, что хотел погреть руки, и стоит, слушая, встревоженный и удрученный.

Это-то и есть самое настоящее; если в жизни есть что-нибудь настоящее, так только это. Вы очень спокойны, и рассудительны, и сдержанны со мной, потому что вы видите, что я схожу с ума по вашей жене; так же вот и этот старик, который только что был здесь: он нисколько не беспокоится насчет вашего социализма, потому что он видит, что вы на нем помешаны.

Замешательство Морелла заметно растет. Юджин пользуется этим, донимая его жестокими вопросами.

Разве это доказывает, что *вы* не правы? Разве ваше самодовольное превосходство доказывает мне, что *я* не прав?

Морелл. Марчбэнкс, какой дьявол вложил эти слова в ваши уста? Легко, ах, как легко поколебать веру человека в самого себя. Воспользоваться этим, сокрушить дух человека — это призвание дьявола. Подумайте о том, что вы делаете. Подумайте.

Марчбэнкс *(безжалостно)*. Я знаю. Я делаю это умышленно. Я сказал, что я могу сразить вас.

Они секунду смотрят друг на друга угрожающе. Затем к Мореллу возвращается чувство собственного достоинства.

Морелл *(с благородной мягкостью)*. Юджин, послушайте. Когда-нибудь, я надеюсь и верю, вы будете таким же счастливым человеком, как я.

Юджин презрительно фыркает, явно давая понять, что он ни во что не ставит его счастье.

(Морелл, глубоко оскорбленный, сдерживает себя, проявляя изумительное терпение, и продолжает спокойно, с великолепным ораторским мастерством.) Вы женитесь, и вы будете стремиться употребить все ваши силы и таланты на то, чтобы сделать каждый уголок на земле таким же счастливым, как ваш собственный дом, вы будете одним из созидателей царства божьего на земле. И — кто знает? — может быть вам предстоит стать строителем, мастером — зодчим там, где я всего-навсего только скромный ремесленник, ибо не думайте, мой мальчик, что я не способен видеть в вас, несмотря на ваш юный возраст, задатки высоких дарований, на которые я никогда не осмеливался притязать. Я хорошо знаю, что именно в поэте божественный дух человека, бог, который обитает в нем, — наиболее богоподобен. И вы должны

содрогаться при мысли об этом – при мысли о том тяжком бремени, о великом даре поэта, который вы, может быть, несете в себе.

Марчбэнкс *(запальчиво, без малейшего раскаяния; мальчишеская откровенность его суждений резко восстает против красноречия Морелла)*. Нисколько я от этого не содрогаюсь. Наоборот, меня приводит в содрогание отсутствие этого в других.

Морелл *(удваивая силу своего красноречия, воодушевляемого искренним чувством и подстегиваемого упрямством Марчбэнкса)*. Тогда помогите зажечь это в них, во *мне*, а не гасите. В будущем, когда вы будете так же счастливы, как я, я пребуду вашим истинным братом в вере. Я помогу вам сохранить веру в то, что бог создал для нас мир, которому только наше собственное безрассудство препятствует стать раем. Я помогу вам сохранить веру в то, что ваш труд, каждая кроха ваших усилий сеет счастье для великой жатвы, которую все мы – даже самые ничтожные из нас – некогда пожнем. И наконец, – и поверьте мне, это не самое малое, – я помогу вам сохранить веру в то, что ваша жена любит вас и счастлива в своем доме. Мы нуждаемся в такой помощи, Марчбэнкс, мы постоянно испытываем в ней великую нужду. Так много вещей способно заставить нас усомниться – достаточно только позволить чему-нибудь поколебать наш душевный мир. Даже у себя дома мы живем словно в лагере, осажденном со всех сторон вражеской ратью сомнений. Неужели вы способны стать предателем и позволить им завладеть мной?

Марчбэнкс *(с отвращением оглядывает комнату)*. И вот так всегда для нее в этом доме. Женщина с большой душой, жаждущая реальности, правды, свободы! А ее пичкают метафорами, проповедями, пошлыми разглагольствованиями, жалкой риторикой. Вы думаете, женская душа может жить этим вашим проповедническим даром?

Морелл *(уязвленный)*. Марчбэнкс, с вами трудно не потерять терпения. Мой талант подобен вашему, поскольку он вообще имеет какую-нибудь цену: это дар находить слова для божественной истины.

Марчбэнкс *(запальчиво)*. Дар пустословия, и ничего больше! А при чем тут истина, какое отношение к ней имеет ваше искусство ловко трепать языком? Не больше, чем игра на шарманке. Я никогда не был в вашей церкви, но мне случалось бывать на ваших политических митингах,

и я видел, как вы вызывали у собрания так называемый энтузиазм: вы просто-напросто приводили их в такое возбужденное состояние, что они вели себя совершенно как пьяные. А их жены смотрели на них и дивились: что за дураки! О, это старая история, о ней говорится еще в Библии. Я думаю, царь Давид в припадках исступления был очень похож на вас. *(Добивая его цитатой).* «Но жена презирала его в сердце своем...»

Морелл *(яростно).* Убирайтесь вон из моего дома! Вы слышите? *(Наступает на него угрожающе.)*

Марчбэнкс *(пятясь к кушетке).* Оставьте меня! Не трогайте меня!

Морелл с силой хватает его за воротник.

(Марчбэнкс съеживается, падает на кушетку и неистово вопит.) Перестаньте, Морелл, если вы ударите меня, я покончу с собой! Я не перенесу этого! *(Почти в истерике.)* Пустите меня! Уберите вашу руку!

Морелл *(медленно, с подчеркнутым презрением).* Вы жалкий, трусливый щенок. *(Отпускает его.)* Убирайтесь, пока вы со страха не закатили истерику.

Марчбэнкс *(на кушетке, задыхаясь, но испытывая облегчение после того, как Морелл убрал руку).* Я не боюсь вас! Это вы боитесь меня.

Морелл *(спокойно, глядя на него сверху вниз).* Похоже на это, не правда ли?

Марчбэнкс *(с яростным упрямством).* Да, похоже.

Морелл презрительно отворачивается и отходит. Юджин вскакивает и идет за ним.

Вы думаете, если я не могу выносить, когда со мной грубо обращаются, если *(со слезами в голосе)* я способен только плакать от бешенства, когда я встречаюсь с насилием, если не могу снять тяжелый чемодан с кэба, как это делаете вы, не могу подраться за вашу жену, как какой-нибудь пьяный матрос,— так это значит, что я вас боюсь? Ошибаетесь! Если я не обладаю тем, что называется британским мужеством, то у меня нет и британской трусости: я не боюсь поповских идей. Я буду бороться с вашими идеями. Я вырву ее из рабства, в котором они ее держат. Я сокрушу их своими собственными идеями. Вы выгоняете меня вон из дома, потому что вы не осмеливаетесь предоставить ей выбор между вашими и

моими идеями. Вы боитесь позволить мне еще раз увидать ее.

Морелл, разозленный, внезапно поворачивается к нему. Юджин в невольном ужасе отскакивает и бросается к двери.

Оставьте меня, я вам говорю. Я ухожу.

Морелл *(с холодным презрением)*. Подождите минутку, я не трону вас, не бойтесь. Когда моя жена вернется, она заинтересуется, почему вы ушли. А когда она узнает, что вы больше не переступите нашего порога, она будет допытываться, почему это так. Так вот, я не хочу огорчать ее рассказом о том, что вы вели себя как подлец.

Марчбэнкс *(возвращаясь, со вновь вспыхнувшей злобой)*. Вы расскажете, вы должны это сделать. Если вы скажете ей что-нибудь другое, кроме того, что было на самом деле,— вы лжец и трус. Скажите ей то, что я сказал: и как вы были мужественны и решительны и трясли меня, как терьер трясет крысу, и как я ежился и испугался, и как вы обозвали меня жалким, трусливым щенком и выгнали вон из дома. Если вы не расскажете ей, я расскажу. Я напишу ей.

Морелл *(сбитый с толку)*. Зачем вам нужно, чтобы она это знала?

Марчбэнкс *(в лирическом экстазе)*. Тогда она поймет меня и узнает, что я понимаю ее. Если вы утаите от нее хоть одно слово из того, что было сказано здесь, если вы не готовы сложить правду к ее ногам, как готов я,— тогда вы будете знать до конца ваших дней, что она по-настоящему принадлежит мне, а не вам. Прощайте. *(Уходит.)*

Морелл *(страшно встревоженный)*. Постойте, я не хочу ей рассказывать.

Марчбэнкс *(оборачиваясь, около двери)*. Правду или ложь, но вы должны будете сказать ей, если я уйду.

Морелл *(мнется)*. Марчбэнкс, иногда бывает простительно...

Марчбэнкс *(резко обрывает его)*. Знаю — простительно солгать. Это будет бесполезно. Прощайте, господин поп!

Когда Марчбэнкс поворачивается, чтобы уйти, дверь открывается и входит Кандида, одетая по-домашнему.

Кандида. Вы уходите, Юджин? *(Приглядываясь к нему внимательнее.)* Ах, боже мой, как это похоже на вас — идти на улицу в таком виде! Ну, ясное дело, поэт. Посмотри-

ка на него, Джемс! *(Берет его за куртку и тащит показать Мореллу.)* Посмотри на его воротник, на его галстук, посмотри на его волосы. Можно подумать, что вас кто-то оттаскал.

Юджин невольно оборачивается и взглядывает на Морелла, но она тянет его назад.

Ну-ка, стойте смирно. *(Она застегивает его воротник, завязывает бантом шейный платок и приглаживает ему волосы.)* Ну вот. Теперь вы выглядите так мило, что, я думаю, вам лучше в конце концов остаться позавтракать, хотя я вам и говорила, что вы не должны оставаться. Завтрак будет готов через полчаса. *(Еще раз поправляет его бант. Он целует ей руку.)* Не дурите.

Марчбэнкс. Мне, конечно, хотелось бы остаться, если только досточтимый джентльмен, ваш супруг, не имеет ничего против.

Кандида. Оставить его, Джемс, если он обещает быть хорошим мальчиком и поможет мне накрыть на стол?

Морелл. О да, конечно. Разумеется, ему лучше остаться. *(Подходит к столу и делает вид, что разбирает какие-то бумаги.)*

Марчбэнкс *(предлагает руку Кандиде)*. Идемте накрывать на стол.

Она берет его под руку. Они вместе идут к двери.

Я счастливейший из смертных!

Морелл. Таким был я — час тому назад.

Тот же день под вечер. Та же комната. Стул для посетителей придвинут к столу. Марчбэнкс один; от нечего делать пытается выяснить, как это пишут на машинке. Услышав чьи-то шаги у двери, он потихоньку, виновато отходит к окну и делает вид, что рассматривает окрестности. Входит мисс Гарнетт с блокнотом, в котором она стенографирует письма Морелла, подходит к машинке и садится расшифровывать. Ей очень некогда, и она не замечает Юджина; но едва она начинает печатать, клавиши застревают.

Прозерпина. Ах, мученье! Вы трогали мою машинку, мистер Марчбэнкс! И вы напрасно делаете вид, будто вы ее не трогали.

Марчбэнкс *(робко)*. Я очень извиняюсь, мисс Гарнетт, я только попробовал писать... *(жалобно)* а она не пишет.

Прозерпина. Ну вот, а теперь клавиши заело.

Марчбэнкс *(горячо)*. Уверяю вас, я ничего не трогал. Я только повернул вот это маленькое колесико. И оно щелкнуло.

Прозерпина. А, теперь понятно. *(Она поправляет каретку и тараторит без передышки.)* Вы, должно быть, думали, что это нечто вроде шарманки: стоит только повернуть ручку, и она сама собой напишет вам чудесное любовное письмо, а?

Марчбэнкс *(серьезно)*. Я думаю, машинку можно заставить писать любовные письма. Они же все пишутся на один лад, не правда ли?

Прозерпина *(готова возмутиться: вести дискуссию такого рода — если только это не делается в шутку — против ее правил)*. Откуда я знаю? Почему вы меня об этом спрашиваете?

Марчбэнкс. Прошу прощения. Мне казалось, что у серьезных людей, у людей, которые делают что-то важное, ведут корреспонденцию и все такое, — что у них непременно должны быть любовные дела, а иначе они бы с ума сошли.

Прозерпина *(вскакивает оскорбленная)*. Мистер Марч-

бэнкс! *(Строго смотрит на него и с величественным видом направляется к книжному шкафу.)*

Марчбэнкс *(смиренно приближаясь к ней)*. Надеюсь, я не обидел вас? Вероятно, мне не следовало касаться ваших любовных дел.

Прозерпина *(выдергивает синюю книжку с полки и круто поворачивается к нему)*. У меня нет никаких любовных дел. Как вы смеете говорить мне подобные вещи? *(Берет книгу под мышку и возвращается к машинке.)*

Марчбэнкс *(с внезапно пробудившимся сочувствием и интересом)*. Ах, вот что? Вы, верно, застенчивы, вроде меня.

Прозерпина. Нисколько я не застенчива. Что вы хотите этим сказать?

Марчбэнкс *(задушевно)*. Нет, конечно это застенчивость: вот поэтому-то на свете так мало взаимной любви. Мы все тоскуем о любви, это первая потребность нашей природы, первая мольба нашего сердца, но мы не смеем высказать наших желаний, мы слишком застенчивы. *(С большим жаром.)* О, мисс Гарнетт, чего бы вы не дали за то, чтобы не испытывать страха, стыда!..

Прозерпина *(шокированная)*. Нет, честное слово!

Марчбэнкс *(возмущенно и нетерпеливо)*. Ах, не говорите вы мне всяких этих глупых слов, они меня не обманут, какой в них смысл? Почему вы боитесь быть со мной такой, какая вы на самом деле? Я совершенно такой же, как вы.

Прозерпина. Как я? Скажите, пожалуйста, кому это вы думаете польстить – мне или себе? Я что-то не могу решить, кому именно. *(Снова направляется к машинке.)*

Марчбэнкс *(останавливает ее с таинственным видом)*. Ш-шш... Я всюду ищу любви – и нахожу несметное количество ее в сердцах людей. Но когда я пытаюсь вымолить ее, эта ужасная застенчивость сковывает меня, и я стою немой... или хуже, чем немой, говорю бессмысленные вещи, глупую ложь. И я вижу, как нежность, о которой я тоскую, расточают собакам, кошкам, птицам, потому что они сами подходят и просят. *(Почти шепотом.)* Ее нужно просить; она подобна призраку – не может заговорить, пока не заговорят с ней. *(Обычным голосом, но с глубокой меланхолией.)* Вся любовь в мире жаждет заговорить, только она не смеет, потому что она стыдится, стыдится! В этом трагедия мира. *(С глубоким вздохом садится на стул для посетителей и закрывает лицо руками.)*

Прозерпина *(изумлена, старается не выдать себя: первое ее правило при встрече с незнакомыми молодыми людьми).* Люди испорченные превозмогают время от времени эту стыдливость, не правда ли?

Марчбэнкс *(вскакивает, чуть ли не в ярости).* Испорченные люди — это те, у которых нет любви. Поэтому у них нет и стыда. Они способны просить любви, потому что они не нуждаются в ней, они способны предлагать ее, потому что им нечего дать. *(Опускается на стул и добавляет грустно.)* Но мы, которые обладаем любовью и жаждем соединить ее с любовью других, мы не смеем вымолвить ни слова. *(Робко.)* Вы согласны с этим, не правда ли?

Прозерпина. Послушайте, если вы не перестанете говорить подобные вещи, я уйду из комнаты, мистер Марчбэнкс. Честное слово, уйду. Это неприлично. *(Усаживается за машинку, открывает синюю книжку и собирается переписывать из нее.)*

Марчбэнкс *(безнадежным тоном).* Все то, о чем стоит говорить, все считается неприличным. *(Поднимается и бродит по комнате с растерянным видом.)* Я не могу понять вас, мисс Гарнетт. О чем же мне разговаривать?

Прозерпина *(поучительно).* Говорите о безразличных вещах, говорите о погоде.

Марчбэнкс. Могли бы вы стоять и разговаривать о безразличных вещах, если бы рядом с вами ребенок горько плакал от голода?

Прозерпина. Полагаю, что нет.

Марчбэнкс. Вот так и я не могу разговаривать о безразличных вещах, когда мое сердце горько плачет от голода.

Прозерпина. Тогда придержите язык.

Марчбэнкс. Да. Вот к этому мы всегда и приходим. Придерживаем язык. А разве от этого перестанет плакать ваше сердце? Ведь оно плачет, разве не правда? Оно должно плакать, если только оно у вас есть.

Прозерпина *(внезапно вскакивает, хватаясь рукой за сердце).* Ах, нет смысла пытаться работать, когда вы ведете такие разговоры. *(Выходит из-за своего маленького столика и садится на кушетку. Чувства ее явно затронуты.)* Вас совершенно не касается, плачет мое сердце или нет, но я все-таки хочу вам сказать...

Марчбэнкс. Вы можете не говорить. Я и так знаю, что оно должно плакать.

Прозерпина. Но помните, если вы когда-нибудь расскажете о том, что я вам сказала, я отрекусь.

Марчбэнкс *(участливо)*. Да, я понимаю. Итак, значит, у вас не хватает смелости признаться ему?

Прозерпина *(подскакивая)*. Ему! Кому это?

Марчбэнкс. Ну, кто бы это ни был — человеку, которого вы любите. Это может быть кто угодно. Может быть, мистер Милл, помощник священника...

Прозерпина *(с презрением)*. Мистер Милл!!! Вот уж поистине достойный предмет, чтобы я стала по нему убиваться! Скорей бы уж я выбрала вас, чем мистера Милла.

Марчбэнкс *(ежится)*. Нет, что вы! Мне очень жаль, но вы не должны думать об этом. Я...

Прозерпина *(с раздражением идет к камину и останавливается, повернувшись к Марчбэнксу спиной)*. О, не пугайтесь! Это не вы. Речь идет не о каком-то определенном человеке.

Марчбэнкс. Я понимаю, вы чувствуете, что могли бы любить кого угодно, кто предложил бы...

Прозерпина *(в бешенстве)*. Кого угодно... кто предложил бы... нет, на это я не способна. За кого вы меня принимаете?

Марчбэнкс *(обескураженный)*. Все не так. Вы не хотите мне по-настоящему ответить, а только повторяете слова, которые говорят все. *(Подходит к кушетке и опускается на нее в полном унынии.)*

Прозерпина *(уязвленная тем, что́ она принимает за презрение аристократа к ее особе)*. О, пожалуйста, если вы жаждете оригинальных разговоров, можете разговаривать сами с собой.

Марчбэнкс. Так поступают все поэты. Они разговаривают вслух сами с собой, а мир подслушивает их. Но так ужасно одиноко, если хоть изредка не слышишь кого-нибудь другого.

Прозерпина. Подождите, вот придет мистер Морелл. Он с вами поговорит.

Марчбэнкса передергивает.

И нечего строить такие презрительные гримасы. Он разговаривает получше вас. *(Запальчиво.)* Он с вами так поговорит, что вы прикусите язычок.

Она сердито идет к своему столику, как вдруг Марчбэнкс, внезапно осененный, вскакивает и останавливает ее.

Марчбэнкс. А, понимаю.

Прозерпина *(покраснев)*. Что вы понимаете?

Марчбэнкс. Вашу тайну. Но скажите, нет, правда, неужели он может внушить женщине настоящую любовь?

Прозерпина *(словно это уже переходит всякие границы)*. Ну, знаете!

Марчбэнкс *(с жаром)*. Нет, ответьте мне! Я хочу это знать. Мне нужно знать. Я не понимаю этого. Я ничего не вижу в нем, кроме слов, благочестивых сентенций и того, что люди называют добродетелью. Это нельзя любить.

Прозерпина *(тоном холодной назидательности)*. Я просто не знаю, о чем вы говорите. Я не понимаю вас.

Марчбэнкс *(с раздражением)*. Нет, понимаете. Вы лжете.

Прозерпина. О-о!

Марчбэнкс. Вы понимаете, и вы знаете. *(Решившись во что бы то ни стало добиться от нее ответа.)* Может женщина по-настоящему любить его?

Прозерпина *(глядя ему прямо в лицо)*. Да.

Он закрывает лицо руками.

Что с вами?

Он отнимает руки, и ей открывается его лицо: трагическая маска. Испуганная, она поспешно отступает в дальний угол, не сводя глаз с его лица, пока он, повернувшись к ней спиной, не направляется к детскому стульчику у камина, где садится в полном отчаянии. Когда она подходит к двери, дверь открывается и входит Берджесс.

(Увидев его, она вскрикивает.) Слава тебе господи, наконец кто-то пришел. *(Садится, успокоившись, за свой столик и вставляет в машинку чистый лист бумаги.)*

Берджесс направляется к Юджину.

Берджесс *(почтительно наклоняясь к титулованному гостю)*. Так вот как, они оставляют вас скучать одного, мистер Марчбэнкс. Я пришел составить вам компанию.

Марчбэнкс смотрит на него в ужасе, чего Берджесс совершенно не замечает.

Джемс принимает какую-то депутацию в столовой, а Канди наверху занимается с девочкой-швеей, которую

она опекает. *(Соболезнующе.)* Вам, должно быть, скучно здесь одному, и поговорить-то не с кем, кроме машинистки. *(Подвигает себе кресло и усаживается.)*

Прозерпина *(совершенно разъяренная)*. Теперь ему, наверно, будет очень весело, раз он сможет наслаждаться вашим изысканным разговором. Можно его поздравить. *(Яростно стучит на машинке.)*

Берджесс *(пораженный ее дерзостью)*. Насколько мне известно, я не к вам обращаюсь, молодая особа.

Прозерпина *(ехидно Марчбэнксу)*. Видели вы когда-нибудь такие прекрасные манеры, мистер Марчбэнкс?

Берджесс *(напыщенно)*. Мистер Марчбэнкс – джентльмен и знает свое место, чего нельзя сказать о некоторых других.

Прозерпина *(колко)*. Во всяком случае, мы с вами не леди и не джентльмены. Уж я бы с вами поговорила начистоту, если бы здесь не было мистера Марчбэнкса. *(Так резко выдергивает письмо из машинки, что бумага рвется.)* Ну вот, теперь я испортила письмо, придется все снова переписывать. Ах, это выше моих сил. Толстый старый болван!

Берджесс *(подымается, задыхаясь от негодования)*. Что-о? Это я – старый болван? Я? Нет, это уж слишком. *(Вне себя от ярости.)* Хорошо, барышня, хорошо. Подождите, вот я поговорю с вашим хозяином, вы у меня увидите, я вас проучу. Не я буду, если не проучу.

Прозерпина *(чувствуя, что перешла границы)*. Я...

Берджесс *(обрывая ее)*. Нет, хватит. Нам с вами больше не о чем говорить. Я вам покажу, кто я.

Прозерпина с вызывающим треском переводит каретку и продолжает писать.

Не обращайте на нее внимания, мистер Марчбэнкс, она недостойна этого. *(Снова величественно усаживается в кресло.)*

Марчбэнкс *(расстроенный, с жалким видом)*. Не лучше ли нам переменить тему разговора? Я... я думаю, мисс Гарнетт не хотела сказать ничего такого...

Прозерпина *(настойчиво и убежденно)*. Не хотела! Как бы не так! Вот именно что хотела.

Берджесс. Стану я унижать себя, обращая на нее внимание.

Раздается два звонка.

Прозерпина *(берет свой блокнот и бумаги)*. Это меня. *(Поспешно уходит.)*

Берджесс *(кричит ей вдогонку)*. Обойдемся и без вас. *(Несколько утешенный сознанием, что за ним осталось последнее слово, однако не совсем отказавшись от мысли придумать что-нибудь покрепче, он некоторое время смотрит ей вслед, затем опускается в кресло рядом с Юджином и говорит конфиденциальным тоном.)* Ну вот, теперь, когда мы с вами остались одни, мистер Марчбэнкс, разрешите мне сказать вам по-дружески то, о чем я не заикался никому. Вы давно знакомы с моим зятем Джемсом?

Марчбэнкс. Не знаю. Я никогда не помню чисел. Вероятно, несколько месяцев.

Берджесс. И вы никогда ничего такого за ним не замечали... странного?

Марчбэнкс. Да нет, кажется.

Берджесс *(внушительно)*. Вот то-то и дело, что нет. Это-то и опасно. Так вот, знаете — он не в своем уме.

Марчбэнкс. Не в своем уме?

Берджесс. Спятил вконец! Вы понаблюдайте за ним. Сами увидите.

Марчбэнкс *(смущенно)*. Но, быть может, это просто кажется, потому что его убеждения...

Берджесс *(тыча его указательным пальцем в колено, чтобы заставить себя слушать)*. Это вот как раз то, что я всегда думал, мистер Марчбэнкс. Я долгое время считал, что это только убеждения, но вы все-таки попомните мои слова: убеждения, знаете, это нечто весьма, весьма серьезное, когда люди начинают из-за них вести себя так, как он. Но я не об этом хотел. *(Оглядывается, желая удостовериться, что они одни, и, наклонившись к Юджину, говорит ему на ухо.)* Как вы думаете, что он сказал мне здесь, вот в этой самой комнате, нынче утром?

Марчбэнкс. Что?

Берджесс. Он мне сказал — и это так же верно, как то, что мы вот здесь с вами сейчас сидим, — он мне сказал: «Я — болван, — вот что он сказал, — а вы, говорит, вы — мошенник». И так это, знаете, спокойно. Это я-то мошенник, подумайте! И тут же пожал мне руку, точно это что-то очень лестное! Так как же после этого можно сказать, что человек в здравом уме?

Морелл *(кричит Прозерпине, открывая дверь)*. Запишите их имена и адреса, мисс Гарнетт.

Прозерпина *(за сценой)*. Да, мистер Морелл.

Морелл входит с бумагами, которые ему принесла депутация.

Берджесс *(Марчбэнксу)*. Вот и он. Вы только последите за ним, и вы увидите. *(Поднимаясь, величественно.)* Я очень сожалею, Джемс, но я должен обратиться к вам с жалобой. Я не хотел делать этого, но чувствую, что обязан. Этого требуют долг и справедливость.

Морелл. А что случилось?

Берджесс. Мистер Марчбэнкс не откажется подтвердить, он был свидетелем. *(Весьма торжественно.)* Эта ваша юная особа забылась настолько, что обозвала меня толстым старым болваном.

Морелл *(с величайшим благодушием)*. Ах, но до чего же это похоже на Просси! Вот прямая душа! Не умеет сдержать себя. Бедняжка Просси! Ха-ха-ха!

Берджесс *(трясясь от ярости)*. И вы думаете, что я могу стерпеть такую штуку от подобной особы?

Морелл. Какая чепуха! Не станете же вы придавать этому значение! Не обращайте внимания. *(Идет к шкафу и прячет бумаги.)*

Берджесс. Я не обращаю внимания. Я выше этого. Но разве это справедливо — вот что я хочу знать. Справедливо это?

Морелл. Ну, это уж вопрос, касающийся церкви, а не мирян. Причинила она вам какое-нибудь зло? Вот о чем вы можете спрашивать. Ясное дело, нет. И не думайте больше об этом. *(Дав таким образом понять, что вопрос исчерпан, направляется к столу и начинает разбирать почту.)*

Берджесс *(тихо Марчбэнксу)*. Ну, что я вам говорил? Совершенно не в своем уме. *(Подходит к столу и с кислой миной проголодавшегося человека спрашивает Морелла.)* Когда обед, Джемс?

Морелл. Да не раньше чем часа через два.

Берджесс *(с жалобной покорностью)*. Дайте мне какую-нибудь хорошую книжку, Джемс, почитать у камина. Будьте добры.

Морелл. Какую же вам дать книжку? Что-нибудь действительно хорошее?

Берджесс *(чуть не с воплем протеста)*. Да нет же, что-нибудь позанятнее, чтобы провести время.

Морелл берет со стола иллюстрированный журнал и подает ему.

(Смиренно принимает.) Спасибо, Джемс. *(Возвращается к своему креслу у камина, усаживается поудобнее и погружается в чтение.)*

Морелл *(пишет за столом)*. Кандида сейчас освободится и придет к вам. Она уже проводила свою ученицу. Наливает лампы.

Марчбэнкс *(вскакивает в ужасе)*. Но ведь она выпачкает себе руки! Я не могу перенести это, Морелл, это позор. Я лучше пойду и налью сам. *(Направляется к двери.)*

Морелл. Не советую.

Марчбэнкс нерешительно останавливается.

А то она, пожалуй, заставит вас вычистить мои ботинки, чтобы избавить меня от этого.

Берджесс *(строго, с неодобрением)*. Разве у вас больше нет прислуги, Джемс?

Морелл. Есть. Но ведь она же не рабыня. А у нас в доме все так ведется, будто у нас по крайней мере трое слуг. Вот каждому и приходится брать что-нибудь на себя. В общем, это совсем неплохо. Мы с Просси можем разговаривать о делах после завтрака, в то время как моем посуду. Мыть посуду не так уж неприятно, если это делать вдвоем.

Марчбэнкс *(удрученно)*. И вы думаете, все женщины такие толстокожие, как мисс Гарнетт?

Берджесс *(с воодушевлением)*. Сущая правда, мистер Марчбэнкс. Что правда, то правда. Вот именно – толстокожая!

Морелл *(спокойно и многозначительно)*. Марчбэнкс!

Марчбэнкс. Да?

Морелл. Сколько слуг у вашего отца?

Марчбэнкс *(недовольно)*. О, я не знаю. *(Возвращается к кушетке, словно стараясь уйти подальше от этого допроса, и садится, снедаемый мыслью о керосине.)*

Морелл *(весьма внушительно)*. Так много, что вы даже и не знаете, сколько? *(Уже тоном выговора.)* И вот, когда нужно сделать что-нибудь этакое *толстокожее*, вы звоните и отдаете приказание, чтобы это сделал кто-нибудь другой, да?

Марчбэнкс. Ах, не мучайте меня! Ведь вы-то даже не даете себе труда позвонить. И вот сейчас прекрасные пальцы вашей жены пачкаются в керосине, а вы расположились здесь со всеми удобствами и проповедуете, проповедуете, проповедуете. Слова, слова, слова!

Берджесс *(горячо приветствуя эту отповедь)*. Вот это, черт возьми, здорово! Нет, вы только послушайте! *(Торжествующе.)* Ага, что? Получили, Джемс?

Входит Кандида в фартуке, держа в руках настольную лампу, которую только остается зажечь. Она ставит ее на стол к Мореллу.

Кандида *(морщится, потирая кончики пальцев)*. Если вы останетесь у нас, Юджин, я думаю поручить вам лампы.

Марчбэнкс. Я останусь при условии, что всю черную работу вы поручите мне.

Кандида. Очень мило. Но, пожалуй, придется сначала посмотреть, как это у вас выходит. *(Поворачиваясь к Мореллу.)* Джемс, ты не очень-то хорошо смотрел за хозяйством.

Морелл. А что же такое я сделал, или — чего я не сделал, дорогая моя?

Кандида *(с искренним огорчением)*. Моей любимой щеточкой чистили грязные кастрюли.

Душераздирающий вопль Марчбэнкса. Берджесс изумленно озирается.

(Подбегает к кушетке.) Что случилось? Вам дурно, Юджин?

Марчбэнкс. Нет, не дурно, но это кошмар! Кошмар! Кошмар! *(Хватается руками за голову.)*

Берджесс *(пораженный)*. Что? Вы страдаете кошмарами, мистер Марчбэнкс? Вам нужно как-нибудь постараться избавиться от этого.

Кандида *(успокаиваясь)*. Глупости, папа. Это просто поэтические кошмары. Не правда ли, Юджин? *(Треплет его по плечу.)*

Берджесс *(сбитый с толку)*. Ах, поэтические... Вон оно что. В таком случае прошу прощения. *(Снова поворачивается к камину, сконфуженный.)*

Кандида. Так в чем же дело, Юджин? Щетка?

Его передергивает.

Ну ладно. Не огорчайтесь. *(Садится подле него.)* Когда-нибудь вы подарите мне хорошенькую новенькую щеточку из слоновой кости с перламутровой отделкой.

Марчбэнкс *(мягко и мелодично, но грустно и мечтательно)*. Нет, не щетку, а лодочку... маленький кораблик, и мы уплывем на нем далеко-далеко от света — туда, где

мраморный пол омывают дожди и сушит солнце, где южный ветер метет чудесные зеленые и пурпурные ковры... Или колесницу, которая унесет нас далеко в небо, где лампы – это звезды, и их не нужно каждый день наливать керосином.

Морелл *(резко)*. И где нечего будет делать – только лентяйничать. Жить в свое удовольствие и ни о чем не думать.

Кандида *(задетая)*. Ах, Джемс, как же ты мог так все испортить!

Марчбэнкс *(воспламеняясь)*. Да, жить в свое удовольствие и не думать ни о чем. Иначе говоря, быть прекрасным, свободным и счастливым. Разве каждый мужчина не желает этого всей душой женщине, которую он любит? Вот мой идеал. А какой же идеал у вас и у всех этих ужасных людей, которые ютятся в безобразных, жмущихся друг к другу домах? Проповеди и щетки! Вам – проповеди, а жене – щетки.

Кандида *(живо)*. Он сам чистит себе башмаки, Юджин. А вот завтра вы их будете чистить, за то что вы так говорите о нем.

Марчбэнкс. Ах, не будем говорить о башмаках. Ваши ножки были бы так прекрасны на зелени гор.

Кандида. Хороши бы они были без башмаков на Хэкни-Роуд.

Берджесс *(шокированный)*. Слушай, Канди, нельзя же так вульгарно. Мистер Марчбэнкс не привык к этому. Ты опять доведешь его до кошмаров – до поэтических, я хочу сказать.

Морелл молчит. Можно подумать, что он занят письмами. В действительности его тревожит и гнетет только что сделанное им печальное открытие: чем увереннее он в своих нравоучительных тирадах, тем легче и решительнее побивает его Юджин. Сознание, что он начинает бояться человека, которого не уважает, наполняет его горечью. Входит миссис Гарнетт с телеграммой.

Прозерпина *(протягивая телеграмму Моррелу)*. Ответ оплачен. Посыльный ждет. *(Направляясь к своей машинке и усаживаясь за стол, говорит Кандиде.)* Мария все приготовила и ждет вас в кухне, миссис Морелл.

Кандида поднимается.

Лук уже принесли.

Марчбэнкс *(содрогаясь)*. Лук?

Кандида. Да, лук. И даже не испанский, а противные маленькие красные луковки. Вы мне поможете покрошить их. Идемте-ка. *(Она хватает его за руку и тащит за собой.)*

Берджесс вскакивает ошеломленный и, застыв от изумления, глядит им вслед.

Берджесс. Канди не годилось бы так обращаться с племянником пэра. Она уж слишком далеко заходит... Слушайте-ка, Джемс, а он что – всегда такой чудной?

Морелл *(отрывисто, обдумывая телеграмму)*. Не знаю.

Берджесс *(прочувствованно)*. Разговаривать-то он большой мастер. У меня всегда была склонность к этой... как ее? – поэзии. Канди в меня пошла, видно. Вечно, бывало, заставляла меня рассказывать ей сказки, когда еще была вот этакой крошкой. *(Показывает рост ребенка, примерно фута два от пола.)*

Морелл *(очень озабоченный)*. Вот как. *(Помахивает телеграммой, чтобы высохли чернила, и уходит.)*

Прозерпина. И вы сами придумывали ей эти сказки, из собственной головы?

Берджесс не удостаивает ее ответом и принимает высокомерно-презрительную позу.

(Спокойно.) Вот никогда бы не подумала, что в вас кроются такие таланты. Между прочим, я хотела предупредить вас, раз уж вы воспылали такой нежной любовью к мистеру Марчбэнксу: он не в своем уме.

Берджесс. Не в своем уме! Как, и он тоже?

Прозерпина. Совсем полоумный. Он меня до того напугал, что и рассказать не могу, как раз перед тем, как вы сюда пришли. Вы не заметили, какие он странные вещи говорит?

Берджесс. Так вот что значат эти его поэтические кошмары! Ах, черт подери, и верно ведь! У меня раза два мелькнула мысль, что он немножко того... *(Идет через всю комнату к двери и говорит, постепенно повышая голос.)* Нечего сказать, попадешь в такой желтый дом, и некому человека предостеречь, кроме *вас*.

Прозерпина *(когда он проходит мимо нее)*. Да, подумайте! Какой ужас, если что-нибудь случится *с вами*.

Берджесс *(высокомерно)*. Оставьте ваши замечания при себе. Скажите вашему хозяину, что я пошел в сад покурить.

Прозерпина *(насмешливо)*. О!

Входит Морелл.

Берджесс *(слащаво)*. Иду прогуляться в садик, покурить, Джемс.

Морелл *(резко)*. А, отлично, отлично.

Берджесс выходит, напуская на себя вид разбитого, дряхлого старика. Морелл, стоя у стола, перебирает бумаги.

(Полушутливо, вскользь Прозерпине.) Ну, мисс Просси, что это вам вдруг вздумалось обругать моего тестя?

Прозерпина *(вспыхивает, становится ярко-пунцовой, поднимает на него полуиспуганный, полуукоризненный взгляд)*. Я... *(Разражается слезами.)*

Морелл *(с нежной шутливостью наклоняется к ней через стол)*. Ну, полно, полно, полно! Будет вам, Просси! Конечно, он старый толстый болван, ведь это же сущая правда!

Громко всхлипывая, она бросается к выходу и исчезает, сильно хлопнув дверью. Морелл грустно качает головой, вздыхает, устало идет к своему столу, садится и принимается за работу. Он кажется постаревшим и измученным.

Входит Кандида. Она покончила со своим хозяйством и сняла фартук. Сразу заметив его удрученный вид, она тихонько усаживается на стул для посетителей и внимательно смотрит на Морелла, не говоря ни слова.

(Морелл взглядывает на нее, не выпуская пера, как бы не намереваясь отрываться от работы.) Ну, что скажешь? Где Юджин?

Кандида. В кухне. Моет руки под краном. Из него выйдет чудесный поваренок, если только он сумеет преодолеть свой страх перед Марией.

Морелл *(коротко)*. Гм... да, разумеется. *(Снова начинает писать.)*

Кандида *(подходит ближе, мягко кладет ему руку на рукав)*. Погоди, милый, дай мне посмотреть на тебя.

Он роняет перо и покоряется.

(Заставляет его подняться, выводит из-за стола и внимательно разглядывает его.) Ну-ка, поверни лицо к свету.

(Ставит его против окна.) Мой мальчик неважно выглядит. Он что, слишком много работал?

Морелл. Не больше, чем всегда.

Кандида. Он такой бледный, седой, морщинистый и старенький. *(Морелл заметно мрачнеет, а она продолжает в нарочито шутливом тоне.)* Вот! *(Тащит его к креслу.)* Довольно тебе писать сегодня. Пусть Просси докончит за тебя, а ты иди поговори со мной.

Морелл. Но...

Кандида *(настойчиво)*. Да, ты должен со мной поговорить. *(Усаживает его и садится сама на коврик у его ног.)* Ну вот. *(Похлопывая его по руке.)* Вот у тебя вид уже много лучше. Для чего это тебе каждый вечер ходить читать лекции и выступать на собраниях? Я совсем не вижу тебя по вечерам. Конечно, то, что ты говоришь, это все очень верно и правильно, но ведь это же все попусту. Они ни чуточки не считаются с тем, что ты говоришь. Они будто бы со всем согласны, но какой толк в том, что они со всем согласны, если они делают не то, что надо, стоит только тебе отвернуться. Взять хотя бы наших прихожан церкви святого Доминика. Почему, ты думаешь, они приходят на твои проповеди каждое воскресенье? Да просто потому, что если в течение шести дней они только и занимаются, что делами да загребанием денег, то на седьмой им хочется забыться и отдохнуть, чтобы потом можно было со свежими силами снова загребать деньги еще пуще прежнего. Ты положительно помогаешь им в этом, вместо того чтобы удерживать.

Морелл *(решительно и серьезно)*. Ты отлично знаешь, Кандида, что им нередко здорово достается от меня. Но если это их хождение в церковь для них только развлечение и отдых, почему же они не ищут какого-нибудь более легкомысленного развлечения, чего-нибудь, что более отвечало бы их прихотям? Хорошо уже и то, что они предпочитают пойти в воскресенье к святому Доминику, а не в какое-нибудь злачное место.

Кандида. О, злачные места по воскресеньям закрыты. А если бы они даже и не были закрыты, они не решаются идти туда — из боязни, что их увидят. Кроме того, Джемс, дорогой, ты так замечательно проповедуешь, что это все равно что пойти на какое-нибудь представление. Почему, ты думаешь, женщины слушают тебя с таким восторгом?

Морелл *(шокированный)*. Кандида!

Кандида. О, я-то знаю! Ты глупый мальчик. Ты думаешь, это все твой социализм или религия? Но если бы это было так, тогда они бы и делали то, что ты им говоришь, вместо того чтобы приходить и только глазеть на тебя. Ах, у всех них та же болезнь, что и у Просси.

Морелл. У Просси? Какая болезнь? Что ты хочешь сказать, Кандида?

Кандида. Ну да, у Просси и у всех других твоих секретарш, какие только у тебя были. Почему Просси снисходит до того, чтобы мыть посуду, чистить картошку и делать то, что должно бы ей казаться унизительным, получая при этом на шесть шиллингов меньше, чем она получала в конторе? Она влюблена в тебя, Джемс, вот в чем дело. Все они влюблены в тебя, а ты влюблен в свои проповеди, потому что ты так замечательно проповедуешь. Ты думаешь, весь этот их энтузиазм из-за царства божьего на земле. И они тоже так думают. Ах ты, мой глупенький!

Морелл. Кандида, какой чудовищный, какой разлагающий душу цинизм! Ты что — шутишь? Или... но может ли это быть? — ты ревнуешь?

Кандида *(в странной задумчивости)*. Да, я иногда чувствую, что немножко ревную.

Морелл *(недоверчиво)*. К Просси?

Кандида *(смеясь)*. Нет, нет, нет! Не то что ревную, а огорчаюсь за кого-то, кого не любят так, как должны были бы любить.

Морелл. За меня?

Кандида. За тебя! Да ведь ты так избалован любовью и обожанием, что я просто боюсь, как бы это тебе не повредило! Нет, я имела в виду Юджина.

Морелл *(ошеломленный)*. Юджина?

Кандида. Мне кажется несправедливым, что вся любовь отдается тебе, а ему — ничего, хотя он нуждается в ней гораздо больше, чем ты.

Морелла невольно передергивает.

Что с тобой? Я чем-нибудь расстроила тебя?

Морелл *(поспешно)*. Нет, нет. *(Глядя на нее тревожно и настойчиво.)* Ты знаешь, что я совершенно уверен в тебе, Кандида.

Кандида. Вот хвастунишка! Ты так уверен в своей привлекательности?

Морелл. Кандида, ты удивляешь меня. Я говорю не о своей

привлекательности, а о твоей добродетели, о твоей чистоте, — вот на что я полагаюсь.

Кандида. Фу, как у тебя язык поворачивается говорить мне такие гадкие, такие неприятные вещи! Ты действительно поп, Джемс, сущий поп!

Морелл *(отворачиваясь от нее, потрясенный)*. Вот то же самое говорит Юджин.

Кандида *(оживляясь, прижимается к нему, положив ему руку на колено)*. О, Юджин всегда прав. Замечательный мальчик! Я очень привязалась к нему за это время в деревне. Ты знаешь, Джемс, хотя он сам еще ничего не подозревает, но он готов влюбиться в меня без памяти.

Морелл *(мрачно)*. Ах, он не подозревает?

Кандида. Ни чуточки. *(Снимает руку с его колена и, усевшись поудобней, сложив руки на коленях, погружается в задумчивость.)* Когда-нибудь он это поймет, когда будет взрослым и опытным — как ты. И он поймет, что я об этом знала. Интересно, что он тогда подумает обо мне?

Морелл. Ничего дурного, Кандида; я надеюсь и верю — ничего дурного.

Кандида *(с сомнением)*. Это будет зависеть...

Морелл *(совершенно сбитый с толку)*. Зависеть! От чего?

Кандида *(глядя на него)*. Это будет зависеть от того, как у него сложится все.

Морелл недоуменно смотрит на нее.

Разве ты не понимаешь? Это будет зависеть от того, как он узнает, что такое любовь. Я имею в виду женщину, которая откроет ему это.

Морелл *(в полном замешательстве)*. Да... нет... я не понимаю, что ты хочешь сказать.

Кандида *(поясняя)*. Если он узнает это от хорошей женщины, тогда все будет хорошо: он простит меня.

Морелл. Простит?

Кандида. Но представь себе, если он узнает это от дурной женщины, как это случается со многими, в особенности с поэтическими натурами, которые воображают, что все женщины ангелы! Что если он откроет цену любви только после того, как уже растратит ее зря и осквернит себя в своем неведении! Простит ли он меня тогда, как ты думаешь?

Морелл. Простит тебя — за что?

Кандида *(разочарованная его непониманием, но все с той же неизменной нежностью)*. Ты не понимаешь?

Он качает головой.

(Снова обращается к нему с сердечной доверчивостью.) Я хочу сказать: простит ли он мне, что я не открыла ему этого сама? Что я толкнула его к дурным женщинам во имя моей добродетели — моей чистоты, как ты называешь это? Ах, Джемс, как плохо ты знаешь меня, если способен говорить, что ты полагаешься на мою чистоту и добродетель. С какой радостью я отдала бы и то и другое бедному Юджину — так же как я отдала бы свою шаль несчастному, продрогшему нищему, — если бы не было чего-то другого, что удерживает меня. Полагайся на то, что я люблю тебя, Джемс, потому что если это исчезнет, то что мне твои проповеди? Пустые фразы, которыми ты изо дня в день обманываешь себя и других. *(Приподнимается, собираясь встать.)*

Морелл. Его слова!

Кандида *(останавливаясь)*. Чьи слова?

Морелл. Юджина.

Кандида *(восхищенно)*. Он всегда прав! Он понимает тебя, понимает меня, он понимает Просси, а ты, Джемс, ты ничего не понимаешь. *(Смеется и целует его в утешение.)*

Морелл отшатывается, словно его ударили, и вскакивает.

Морелл. Как ты можешь? О Кандида! *(В голосе его страдание.)* Лучше бы ты проткнула мое сердце раскаленным железом, чем подарить мне такой поцелуй.

Кандида *(подымается, испуганно)*. Дорогой мой, что случилось?

Морелл *(вне себя, отмахиваясь от нее)*. Не трогай меня.

Кандида *(в изумлении)*. Джемс!

Их прерывает появление Марчбэнкса и Берджесса. Берджесс останавливается у двери, выпучив глаза, в то время как Юджин бросается вперед и становится между ними.

Марчбэнкс. Что случилось?

Морелл *(смертельно бледный, сдерживая себя неимоверным усилием)*. Ничего, кроме того, что или вы были правы сегодня утром, или Кандида сошла с ума.

Берджесс *(громогласно протестуя)*. Как? Что? Канди тоже сошла с ума? Ну, ну! *(Он проходит через всю комнату*

к камину, громко изъявляя свое возмущение, и, остановившись, выколачивает над решеткой пепел из трубки.)

Морелл садится с безнадежным видом, опустив голову на руки и крепко стиснув пальцы, чтобы сдержать дрожь.

Кандида *(Мореллу, смеясь, с облегчением)*. Ах, ты, значит, шокирован — и это все? Какие же вы, однако, рабы условностей, вы, люди с независимыми взглядами!

Берджесс. Слушай, Канди, веди себя прилично. Что подумает о тебе мистер Марчбэнкс?!

Кандида. Вот что получается из нравоучений Джемса, который говорит мне, что надо жить своим умом и никогда не кривить душой из страха — что подумают о тебе другие. Все идет как по маслу, пока я думаю то же, что думает он. Но стоило мне подумать что-то другое, и вот — посмотрите на него! Нет, вы только посмотрите! *(Смеясь, показывает на Морелла. По-видимому, ее это очень забавляет.)*

Юджин взглядывает на Морелла и тотчас же прижимает руку к сердцу, как бы почувствовав сильную боль. Он садится на кушетку с таким видом, словно оказался свидетелем трагедии.

Берджесс *(у камина)*. А верно, Джемс! У вас сегодня далеко не такой внушительный вид, как всегда.

Морелл *(со смехом, похожим на рыдание)*. Полагаю, что нет. Прошу всех извинить меня. Я не подозревал, что стал центром внимания. *(Овладевает собой.)* Ну хорошо, хорошо, хорошо! *(Он идет к своему столу и с решительным и бодрым видом берется за работу.)*

Кандида *(подходит к кушетке и садится рядом с Марчбэнксом; все в том же шутливом настроении)*. Ну, Юджин, почему вы такой грустный? Может быть, это мой лук заставил вас всплакнуть?

Марчбэнкс *(тихо, ей)*. Нет, ваша жестокость. Я ненавижу жестокость. Ужасно видеть, как человек заставляет страдать другого.

Кандида *(поглаживает его по плечу с ироническим видом)*. Бедный мальчик! С ним поступили жестоко! Его заставили резать противные красные луковицы!

Марчбэнкс *(нетерпеливо)*. Перестаньте, перестаньте, я говорю не о себе. Вы заставили его ужасно страдать. Я чувствую его боль в своем сердце. Я знаю, что это не ваша вина, — это должно было случиться. Но не шутите

этим. Во мне все переворачивается, когда я вижу, что вы мучаете его и смеетесь над ним.

Кандида *(в недоумении)*. Я мучаю Джемса? Какой вздор, Юджин, как вы любите преувеличивать! Глупенький! *(Встревоженная, идет к столу.)* Довольно тебе работать, милый, поговори с нами.

Морелл *(ласково, но с горечью)*. Нет, нет. Я не умею разговаривать, я могу только проповедовать.

Кандида *(поглаживая его по плечу)*. Ну иди прочти нам проповедь.

Берджесс *(решительно протестуя)*. Ах нет, Канди, вот еще недоставало!

Входит Лекси Милл с встревоженным и озабоченным видом.

Лекси *(спеша поздороваться с Кандидой)*. Как поживаете, миссис Морелл? Так приятно видеть вас снова дома.

Кандида. Благодарю вас, Лекси. Вы знакомы с Юджином, не правда ли?

Лекси. О да. Как поживаете, Марчбэнкс?

Марчбэнкс. Отлично, благодарю вас.

Лекси *(Моррелу)*. Я только что из гильдии святого Матфея. Они в большом смятении от вашей телеграммы.

Кандида. А что за телеграмма, Джемс?

Лекси *(Кандиде)*. Мистер Морелл должен был выступать у них сегодня вечером. Они сняли большой зал на Мэрстрит и ухлопали массу денег на плакаты. И вдруг получили его телеграмму, что он сегодня не может приехать. Для них это было как гром среди ясного неба.

Кандида *(изумлена, в ней просыпается подозрение, что тут что-то неладно)*. Отказался выступать?

Берджесс. Похоже, что это первый раз в жизни — а, Канди?

Лекси *(Моррелу)*. Они хотели послать вам срочную телеграмму, узнать, не перемените ли вы свое решение. Вы получили ее?

Морелл *(сдерживая нетерпение)*. Да, да, получил.

Лекси. Телеграмма была с оплаченным ответом.

Морелл. Да. Я знаю. Я уже ответил. Я не могу сегодня.

Кандида. Но почему, Джемс?

Морелл *(почти грубо)*. Потому что не хочу. Эти люди забывают, что и я человек. Они думают, что я какая-то говорильная машина, которую каждый вечер можно заводить для их удовольствия. Неужели я не могу провести один вечер дома с женой и друзьями?

Все поражены этой вспышкой, кроме Юджина, который сидит с застывшим лицом.

Кандида. Ах, Джемс, ты не должен придавать значение тому, что я сказала. Ведь если ты не пойдешь, ты завтра будешь мучиться угрызениями совести.

Лекси *(робко и настойчиво)*. Я, конечно, понимаю, что с их стороны просто непозволительно так донимать вас, но они телеграфировали во все концы, чтобы найти другого оратора, и не могли заполучить никого, кроме председателя лиги агностиков.

Морелл *(живо)*. Ну что ж, прекрасный оратор, чего им еще надо?

Лекси. Но ведь он только и кричит, что социализм несовместим с христианством. Он сведет на нет все, чего мы добились. Конечно, вам лучше знать, но... *(Пожимает плечами и идет к камину.)*

Кандида *(ласково)*. О, пойди, пожалуйста, Джемс. Мы все пойдем.

Берджесс *(ворчливо)*. Послушай-ка, Канди! По-моему, давайте лучше посидим по-хорошему дома, у камелька. Ведь он там пробудет часа два, не больше.

Кандида. Тебе будет так же хорошо и на митинге. Мы все усядемся на трибуне, как важные персоны.

Марчбэнкс *(в испуге)*. Пожалуйста, давайте не надо на трибуну – нет, нет, а то все будут смотреть на нас. Я не могу. Я сяду где-нибудь подальше, сзади.

Кандида. Не бойтесь. Они так все будут глазеть на Джемса, что и не заметят вас.

Морелл. Болезнь Просси – а, Кандида?

Кандида *(весело)*. Да.

Берджесс *(заинтересованный)*. Болезнь Просси? О чем это вы, Джемс?

Морелл *(не обращая на него внимания, встает, идет к двери и, приоткрыв ее, кричит повелительным тоном)*. Мисс Гарнетт!

Прозерпина *(за сценой)*. Да, мистер Морелл, иду.

Все молча ждут, кроме Берджесса, который отводит в сторону Лекси.

Берджесс. Послушайте-ка, мистер Милл! Чем это больна Просси? Что с ней случилось?

Лекси *(конфиденциально)*. Да я, право, не знаю. Она очень странно разговаривала со мной сегодня утром. Боюсь, что с ней что-то неладно.

Берджесс *(остолбенев)*. Что? Так это, верно, заразное! Четверо в одном доме!

Прозерпина *(появляясь в дверях)*. Да, мистер Морелл?

Морелл. Дайте телеграмму гильдии святого Матфея, что я приеду.

Прозерпина *(удивленно)*. А разве они не знают, что вы приедете?

Морелл *(повелительно)*. Сделайте, как я вам говорю.

Прозерпина, испуганная, садится за машинку и пишет. Морелл, к которому вернулась вся его энергия и решительность, подходит к Берджессу. Кандида следит за его движениями с возрастающим удивлением и тревогой.

Берджесс, вам не хочется идти?

Берджесс. Ну зачем вы так говорите, Джемс? Просто ведь сегодня не воскресенье, вы же знаете.

Морелл. Очень жаль. А я думал, вам приятно будет познакомиться с председателем гильдии, он член комитета общественных работ при муниципальном совете и пользуется кое-каким влиянием при раздаче подрядов.

Берджесс сразу оживляется.

Так вы придете?

Берджесс *(с жаром)*. Ну ясное дело, приду, Джемс. Еще бы, такое удовольствие вас послушать.

Морелл *(поворачиваясь к Просси)*. Я хочу, чтобы вы кое-что застенографировали, мисс Гарнетт, если вы только не заняты сегодня.

Прозерпина кивает, не решаясь вымолвить ни слова.

Вы пойдете, Лекси, я полагаю?

Лекси. Разумеется.

Кандида. Мы все идем, Джемс.

Морелл. Нет. Тебе незачем идти. И Юджин не пойдет. Ты останешься здесь и займешь его – чтобы отпраздновать твое возвращение домой.

Юджин встает, у него перехватывает горло.

Кандида. Но, Джемс...

Морелл *(властно)*. Я настаиваю. Тебе незачем идти, и ему тоже незачем.

Кандида пытается возразить.

Вы можете не беспокоиться, у меня будет масса народа и без вас. Ваши стулья пригодятся кому-нибудь из необращенных, из тех, кому еще ни разу не приходилось слышать мою проповедь.

Кандида *(встревоженная)*. Юджин, а разве вам не хочется пойти?

Морелл. Я опасаюсь выступать перед Юджином, он так критически относится к проповедям *(глядит на него)*, он знает, что я боюсь его. Он мне сказал это сегодня утром. Так вот, я хочу показать ему, как я его боюсь: я оставляю его на твое попечение, Кандида.

Марчбэнкс *(про себя, с живым чувством)*. Вот это смело! Это великолепно!

Кандида *(в беспокойстве)*. Но... но... что такое случилось, Джемс? *(В смятении.)* Я ничего не понимаю.

Морелл *(нежно обнимает ее и целует в лоб)*. А я думал, дорогая, что это я ничего не понимаю.

Вечер, одиннадцатый час. Шторы опущены. Горят лампы. Машинка накрыта колпаком. Большой стол приведен в порядок. По всему видно, что деловой день кончен. Кандида и Марчбэнкс у камина. Настольная лампа стоит на каминной полке над Марчбэнксом, который сидит на маленьком стульчике и читает вслух. Несколько исписанных листков и два-три томика стихов лежат около него на ковре. Кандида в кресле. В руке у нее блестящая медная кочерга, которую она держит стоймя. Она сидит, откинувшись на спинку кресла, вытянув ноги к огню, и пристально смотрит на кончик кочерги. Мысли ее витают где-то далеко.

Марчбэнкс *(прерывая свою декламацию)*. Каждый поэт, который когда-нибудь жил на земле, пытался выразить эту мысль в сонете. Это неизбежно. Это само собой так выходит. *(Он смотрит на Кандиду, ожидая ответа, и замечает, что она не отрываясь глядит на кочергу.)* Вы не слушаете?

Ответа нет.

Миссис Морелл!

Кандида *(очнувшись)*. А?

Марчбэнкс. Вы не слушаете?

Кандида *(виновато, с преувеличенной учтивостью)*. Да нет, что вы! Это очень мило. Продолжайте, Юджин! Я жажду узнать, что случилось с ангелом.

Марчбэнкс *(роняет листок на пол)*. Простите меня, я вижу, что надоел вам.

Кандида. Да нет, ни чуточки не надоели, уверяю вас. Продолжайте, пожалуйста. Читайте, Юджин.

Марчбэнкс. Я кончил читать стихи об ангеле по крайней мере четверть часа тому назад. После этого я успел прочесть еще несколько стихов.

Кандида *(с раскаянием в голосе)*. Мне очень стыдно, Юджин. Я думаю, это кочерга так загипнотизировала меня. *(Опускает кочергу на пол.)*

Марчбэнкс. Она и меня ужасно смущала.

Кандида. Так почему же вы не сказали мне? Я бы сразу положила ее.

Марчбэнкс. А я боялся вас смутить. Она была словно какое-то оружие. Если бы я был героем из старинного предания, я положил бы между нами мой обнаженный меч. Если б вошел Морелл, он подумал бы, что вы нарочно взяли кочергу, потому что между нами нет обнаженного меча.

Кандида *(удивленно)*. Что? *(Глядя на него с недоумением.)* Я что-то не совсем понимаю. У меня как-то все перепуталось от этих ваших сонетов. Почему между нами должен быть меч?

Марчбэнкс *(уклончиво)*. Да нет, ничего. *(Нагибается за листком.)*

Кандида. Положите его обратно, Юджин. Есть пределы моей любви к поэзии, даже к вашей поэзии. Вы читаете мне уже больше двух часов — с тех пор, как ушел Джемс. Мне хочется поговорить.

Марчбэнкс *(испуганно поднимается)*. Нет, мне нельзя разговаривать. *(Растерянно озирается кругом и внезапно заявляет.)* Я думаю, мне лучше пойти погулять в парке. *(Делает шаг к двери.)*

Кандида. Глупости. Парк уже давно закрыт. Подите и сядьте вот здесь, на коврике у камина, и рассказывайте мне всякий фантастический вздор, как вы это всегда делаете. Развлекайте меня. Ну, хотите?

Марчбэнкс *(в ужасе и экстазе)*. Да!

Кандида. Тогда идите сюда. *(Отодвигает свой стул, чтобы освободить место.)*

Юджин колеблется, потом нерешительно растягивается на ковре, лицом вверх, положив голову ей на колени, и смотрит на нее.

Марчбэнкс. Ах, я чувствовал себя таким несчастным весь вечер оттого, что поступал так, как надо; а теперь я поступаю так, как не надо, — и я счастлив.

Кандида *(нежно и в то же время слегка забавляясь)*. Да? Я уверена, что вы чувствуете себя страшно взрослым, дерзким и искусным обманщиком и очень гордитесь этим.

Марчбэнкс *(быстро поднимая голову и глядя ей в глаза)*. Берегитесь! Если бы вы только знали, насколько я старше вас. *(Становится перед ней на колени, стискивает руки, кладет их ей на колени и говорит с нарастающим жаром, чувствуя, что кровь в нем закипает.)* Можно мне сказать вам одну дерзкую вещь?

Кандида *(без малейшего страха или холодности, с глубоким уважением к его чувству, но с оттенком мудрой материнской шутливости)*. Нет. Но вы можете сказать мне все, что вы по-настоящему, искренне чувствуете. Все что угодно. Я не боюсь, если только это будет ваше истинное «я» и не будет позой – любезной, дерзкой или даже поэтической позой. Я обращаюсь к вашему благородству и правдивости. Ну, а теперь говорите все, что хотите.

Марчбэнкс *(нетерпеливое выражение исчезает с его лица, губы и ноздри перестают дрожать, а глаза загораются пламенным воодушевлением)*. О, теперь уж я ничего не могу сказать. Все слова, которые я знаю, все они – та или другая поза; все, кроме одного.

Кандида. Что же это за слово?

Марчбэнкс *(мягко, погружаясь в музыку этого имени)*. Кандида, Кандида, Кандида, Кандида, Кандида... Я должен теперь называть вас так, потому что вы приказали мне быть честным и правдивым, а у меня ни в мыслях, ни в чувствах нет никакой миссис Морелл, а всегда – Кандида.

Кандида. Конечно. А что вы хотите сказать Кандиде?

Марчбэнкс. Ничего – только повторять ваше имя тысячу раз. Разве вы не чувствуете, что всякий раз – это словно молитва к вам?

Кандида. А вы счастливы тем, что можете молиться?

Марчбэнкс. Да, очень.

Кандида. Ну так, значит, это счастье – ответ на вашу молитву. А вам хочется чего-нибудь еще?

Марчбэнкс. Нет. Я на небе, где нет желаний!

Входит Морелл. Он останавливается на пороге и сразу замечает эту сцену.

Морелл *(спокойно и сдержанно)*. Надеюсь, я не помешал вам?

Кандида от неожиданности вскакивает, но не обнаруживает ни малейшего смущения и тут же смеется над собой. Юджин, который от ее резкого движения растягивается на полу, спокойно садится, обхватив руками колени. Он тоже нисколько не смущен.

Кандида. Ах, Джемс, и напугал же ты меня! Я так увлеклась здесь с Юджином, что не слыхала, как ты отпирал дверь. Ну, как прошел митинг? Ты хорошо говорил?

Морелл. Так хорошо, как никогда в жизни.

Кандида. Вот это замечательно! Какой же был сбор?

Морелл. Забыл спросить.

Кандида *(Юджину)*. Должно быть, это была великолепная речь, иначе он бы не забыл. *(Моррелу.)* А где же остальные?

Морелл. Они ушли задолго до того, как мне удалось выбраться оттуда. Я уж думал, что мне никогда не удастся уйти. Я полагаю, они отправились куда-нибудь ужинать.

Кандида *(деловитым домашним тоном)*. В таком случае Мария может лечь спать. Пойду скажу ей. *(Идет в кухню.)*

Морелл *(глядя сурово на Марчбэнкса)*. Ну?

Марчбэнкс *(сидит на ковре скорчившись, скрестив ноги; он держится с Моррелом совершенно непринужденно и даже лукаво посмеивается)*. Ну?

Морелл. Вы хотите мне что-нибудь сказать?

Марчбэнкс. Да только то, что я разыгрывал дурака здесь, в гостиной, в то время как вы проделывали это публично.

Морелл. Но несколько иным способом, полагаю?

Марчбэнкс *(вскакивая, говорит с жаром)*. Точно, точно, точно таким же! Совершенно так же, как вы, я разыгрывал из себя добродетельного человека. Когда вы тут развели вашу героику насчет того, чтобы оставить меня наедине с Кандидой...

Морелл *(невольно)*. С Кандидой?

Марчбэнкс. Да. Видите, как я далеко зашел! Но не бойтесь. Героика, знаете, вещь заразительная — и я заразился от вас этой немощью. Я поклялся не произносить без вас ни одного слова, которое я не мог бы произнести месяц назад и притом в вашем присутствии.

Морелл. И вы сдержали вашу клятву?

Марчбэнкс *(внезапно вскакивает и усаживается на спинку кресла)*. Да, более или менее,— я изменил ей всего лишь за десять минут до вашего появления. А до этой минуты я, как проклятый, читал стихи — собственные, еще чьи-то,— только чтобы не заговорить. Я стоял перед вратами рая, не пытаясь войти. Вы представить себе не можете, как это было героично и до чего противно. А потом...

Морелл *(с трудом сдерживая нетерпение)*. Потом?

Марчбэнкс *(спокойно съезжая со спинки кресла на сиденье)*. Потом ей уж стало невтерпеж слушать стихи.

Морелл. И вы в конце концов приблизились к вратам рая?

Марчбэнкс. Да.

Морелл. Как? *(Исступленно.)* Да отвечайте же! Неужели у вас нет сострадания ко мне?

Марчбэнкс *(мягко и мелодично)*. И тут она превратилась в ангела, и вспыхнул огненный меч, и он сверкал повсюду, — и я не мог войти, потому что я увидел, что эти врата были в действительности вратами ада.

Морелл *(торжествующе)*. Она оттолкнула вас!

Марчбэнкс *(вскакивая с гневным презрением)*. Да нет! Какой же вы болван! Если бы она это сделала, разве я мог бы чувствовать себя в раю? Оттолкнула! Вы думаете, это спасло бы нас — такое добродетельное возмущение?! Вы просто недостойны существовать в одном мире с ней! *(Презрительно повернувшись, уходит в другой конец комнаты.)*

Морелл *(наблюдает за ним, не двигаясь с места)*. Вы думаете, вам придает достоинства то, что вы меня оскорбляете, Юджин?

Марчбэнкс. На чем и оканчивается ваше тысяча первое поучение, Морелл! В конце концов, ваши проповеди меня мало восхищают. Я думаю, что и сам мог бы это делать, и получше. Человек, с которым я хотел бы помериться, это тот, за кого Кандида вышла замуж.

Морелл. Человек... за кого?.. Вы имеете в виду меня?

Марчбэнкс. Я имею в виду не достопочтенного Джемса Мэвора Морелла, резонера и пустослова. Я имею в виду настоящего человека, которого достопочтенный Джемс прячет где-то под своей черной рясой. Человека, которого полюбила Кандида. Не могла же такая женщина, как Кандида, полюбить вас только за то, что вы застегиваете свой ворот сзади, а не спереди.

Морелл *(смело и решительно)*. Когда Кандида отдала мне свою руку, я был тем же резонером и пустословом, что и сейчас. И я носил вот эту черную рясу и застегивал свой ворот сзади, а не спереди. Вы думаете, я больше заслужил бы ее любовь, если бы не был искренним в своей профессии?

Марчбэнкс *(на кушетке, обняв руками колени)*. О, она простила вам это так же, как она прощает мне, что я трус и рохля, и то, что вы называете — жалкий, трусливый щенок, и прочее. *(Мечтательно.)* У такой женщины, как она, божественный дар ясновидения. Она любит наши души, а не наши безумства, прихоти или иллюзии, не наши воротники, и одежду, и прочее тряпье и лохмотья, которыми мы прикрыты. *(Задумывается на мгновенье, за-*

тем обращается к Мореллу и спрашивает в упор.) Что мне хотелось бы знать, так это — как вам удалось переступить через огненный меч, который остановил меня?

Морелл. Может быть, все объясняется тем, что меня не прервали через десять минут?

Марчбэнкс *(возмущенно)*. Что?

Морелл. Человек может подняться на самые высокие вершины, но долго пребывать там он не может.

Марчбэнкс *(вскакивая)*. Неправда. Он может пребывать там вечно, и только там! А в те минуты, когда он не там, он не может ощущать ни покоя, ни тихого величия жизни. Где же, по-вашему, должен я быть, как не на вершине?

Морелл. В кухне, крошить лук, наливать лампы.

Марчбэнкс. Или с кафедры заниматься чисткой дешевых глиняных душ?

Морелл. Да, и там тоже. Именно там я заслужил свою золотую минуту и право в такую минуту добиваться ее любви. Я не брал этих минут в долг и не пользовался ими, чтобы воровать чужое счастье.

Марчбэнкс *(с отвращением поворачивается и идет к камину)*. Не сомневаюсь, что эта сделка была проведена вами с такой же честностью, с какой вы покупаете фунт сыру. *(Останавливается, не доходя до ковра, и, стоя спиной к Мореллу, говорит в задумчивости, словно самому себе.)* А я мог только молить ее, как нищий.

Морелл *(вздрагивая)*. Продрогший нищий, который просит у нее шаль.

Марчбэнкс *(обернувшись, удивленно)*. Вы очень любезны, что вспоминаете мои стихи. Да, если хотите: продрогший нищий, который просит у нее шаль.

Морелл *(возбужденно)*. И она отказала вам. Хотите, я вам скажу, почему она отказала? Я могу вам это сказать. И с ее собственных слов. Она отказала вам, потому что...

Марчбэнкс. Она не отказывала.

Морелл. Нет?

Марчбэнкс. Она предлагала мне все, о чем бы я ни попросил. Свою шаль, свои крылья, звездный венец на ее голове, лилии в ее руках, лунный серп под ее ногами.

Морелл *(хватая его)*. Да ну, говорите напрямик. Моя жена — это в конце концов моя жена. Хватит с меня ваших поэтических фокусов. Я знаю одно — если я потерял ее любовь, а вы приобрели ее, то никакой закон не может удержать ее.

Марчбэнкс *(посмеиваясь, без всякого страха и не сопротивляясь).* Хватайте меня прямо за шиворот, Морелл, — она поправит мой воротник, как она это сделала сегодня утром. *(В тихом экстазе.)* Я почувствую, как ее руки коснутся меня.

Морелл. Вы, гадкий чертенок, как вы решаетесь говорить мне такие вещи? Или *(с внезапным подозрением)* было что-то, от чего вы расхрабрились?

Марчбэнкс. Я вас больше не боюсь. Я не любил вас раньше, поэтому меня всего передергивало от вашего прикосновения. Но сегодня, когда она мучила вас, я понял, что вы любите ее. С этой минуты я стал вашим другом. Можете задушить меня, если хотите.

Морелл *(отпуская его).* Юджин, если это не самая бессердечная ложь, если в вас есть хоть искра человеческого чувства, скажите мне, что здесь произошло, пока меня не было дома?

Марчбэнкс. Что произошло? Ну вот — пылающий меч...

Морелл в нетерпении топает ногой.

Ну хорошо, я буду говорить самой деревянной прозой. Я люблю ее так упоительно, что не мыслил никакого другого блаженства, кроме того, которое давала мне эта любовь. И прежде чем я успел спуститься с этих необъятных высот, появились вы.

Морелл *(мучаясь).* Значит, еще ничего не решено? Все те же мучительные сомнения?

Марчбэнкс. Мучительные? Я счастливейший из людей. Я не желаю ничего, кроме ее счастья. *(В порыве чувства.)* Ах, Морелл, давайте оба откажемся от нее. Зачем заставлять ее выбирать между жалким, неврастеническим заморышем вроде меня и чугунно-болванным попом вроде вас? Давайте отправимся в паломничество — вы на восток, я на запад — в поисках достойного возлюбленного для нее. Какого-нибудь прекрасного пурпурнокрылого архангела!

Морелл. Какого-нибудь проходимца. Если она до того потеряла голову, что может покинуть меня ради вас, кто же защитит ее? Кто поможет ей? Кто будет работать для нее? Кто будет отцом ее детям? *(Растерянно садится на кушетку и, опершись локтями о колени, подпирает голову кулаками.)*

Марчбэнкс *(хрустя пальцами в неистовстве).* Она не задает таких идиотских вопросов. Она сама хочет защи-

щать кого-то, кому-то помогать, работать для этого человека, и чтобы он дал ей детей, которых она могла бы защищать, помогать им и работать для них. Взрослого человека, который стал ребенком. Ах вы тупица, тупица, трижды тупица! Я — этот человек, Морелл! Я — этот человек. *(Приплясывает в возбуждении, выкрикивая.)* Вы не понимаете, что такое женщина. Позовите ее, Морелл, позовите ее, и пусть она выберет между...

Дверь открывается, и входит Кандида. Он застывает на месте, словно остолбенев.

Кандида *(в изумлении на пороге)*. Силы небесные! Юджин, что с вами?

Марчбэнкс *(дурашливо)*. Мы тут с Джемсом состязались по части проповедей. И я разбил его в пух и прах.

Кандида быстро оглядывается на Морелла; видя, что он расстроен, она бросается к нему в явном огорчении.

Кандида. Вы его обидели? Чтобы этого больше не было, Юджин! Слышите! *(Кладет руку на плечо Моррелу, в своем огорчении даже утрачивая чувство супружеского такта.)* Я не хочу, чтобы моего мальчика обижали. Я буду защищать его.

Морелл *(поднимается торжествующе)*. Защищать!

Кандида *(не глядя на него, Юджину)*. Что вы тут ему наговорили?

Марчбэнкс *(испуганно)*. Ничего... Я...

Кандида. Юджин! Ничего?

Марчбэнкс *(жалобно)*. Я хотел сказать. Простите... Я больше не буду. Правда, не буду. Я не буду к нему приставать.

Морелл *(в негодовании, с угрожающим видом порывается к Юджину)*. Вы не будете ко мне приставать? Ах вы, молокосос!..

Кандида *(останавливая его)*. Шш! Не надо. Я сама поговорю с ним.

Марчбэнкс. О, вы не сердитесь на меня? Скажите!..

Кандида *(строго)*. Да, сержусь, очень сержусь. И даже намерена выгнать вас вон отсюда.

Морелл *(пораженный резкостью Кандиды и отнюдь не соблазняясь перспективой быть спасенным ею от другого мужчины)*. Успокойся, Кандида, успокойся. Я и сам могу постоять за себя.

Кандида *(гладит его по плечу)*. Ну да, милый, конечно ты можешь. Но я не хочу, чтобы тебя расстраивали и огорчали.

Марчбэнкс *(чуть не плача направляется к двери)*. Я уйду.

Кандида. Вам совершенно незачем уходить. Я не могу позволить вам уйти в такой поздний час. *(Сердито.)* Постыдитесь, вам должно быть стыдно.

Марчбэнкс *(в отчаянии)*. Что же я сделал?

Кандида. Я знаю, что́ вы сделали; и знаю так хорошо, как если бы я все время была здесь. Это недостойно! Вы настоящий ребенок. Вы не способны держать язык за зубами.

Марчбэнкс. Я готов скорей десять раз умереть, чем огорчить вас хоть на одно мгновение.

Кандида *(с крайним презрением к этой ребячливости)*. Много мне толку от того, что вы за меня будете умирать!

Морелл. Кандида, милая, подобные пререкания становятся просто неприличными. Это вопрос, который решают между собой мужчины. Я и должен его решать.

Кандида. Это, по-твоему, мужчина? *(Юджину.)* Скверный мальчишка!

Марчбэнкс *(обретая от этой головомойки какую-то своенравную и трогательную храбрость)*. Если меня распекают, как мальчишку, значит, я могу оправдываться, как мальчишка. Он начал первый! А он старше меня.

Кандида *(несколько теряя свою самоуверенность, едва только у нее возникает подозрение, что Морелл уронил свое достоинство)*. Этого не может быть. *(Моррелу.)* Джемс, ведь не ты начал, правда?

Морелл *(презрительно)*. Нет!

Марчбэнкс *(возмущенно)*. Ого!

Морелл *(Юджину)*. Вы начали это сегодня утром!

Кандида, тотчас же связывая эти слова с теми таинственными намеками, которые Морелл ей делал еще днем, взглядывает на Юджина с подозрением.

(Продолжает с пафосом оскорбленного превосходства.) Но в другом вы правы. Из нас двоих я старше и, надеюсь, сильнее, Кандида. Так что тебе уж лучше предоставить это дело мне.

Кандида *(снова стараясь успокоить его)*. Да, милый. Но... *(озабоченно)* я не понимаю, что ты говоришь о сегодняшнем утре?

Морелл *(мягко останавливая ее)*. Тебе и нечего понимать, дорогая.

Кандида. Послушай, Джемс, я...

Раздается звонок.

Вот досада! Это они! *(Идет открывать дверь.)*

Марчбэнкс *(подбегая к Морелду)*. Ах, Морелл, как все ужасно! Она сердится на нас! Она ненавидит меня! Что мне делать?

Морелл *(с преувеличенным отчаянием хватается за голову)*. Юджин, у меня голова идет кругом! Я, кажется, сейчас начну хохотать! *(Бегает взад и вперед по комнате.)*

Марчбэнкс *(беспокойно бегает за ним)*. Нет, нет, она подумает, что я довел вас до истерики. Пожалуйста, не хохочите.

Раздаются, приближаясь, громкие голоса, смех. Лекси Милл, с блестящими глазами, в явно приподнятом настроении, входит одновременно с Берджессом. У Берджесса самодовольный вид, физиономия его лоснится, но он вполне владеет собой. Мисс Гарнетт, в самой своей нарядной шляпке и жакетке, входит за ними следом, и хотя глаза ее сверкают ярче, чем обычно, ей, по-видимому, как-то не по себе. Она становится спиной к своему столику и, опершись на него одной рукой, другой проводит по лбу, как бы чувствуя усталость и головокружение. Марчбэнкс, снова одолеваемый застенчивостью, отходит в угол около окна, где стоят книги Морелла.

Лекси *(возбужденно)*. Морелл, я должен поздравить вас! *(Трясет ему руку.)* Какая замечательная, вдохновенная, прекрасная речь! Вы превзошли самого себя.

Берджесс. Верно, Джемс! Я не проронил ни одного слова. Ни разу даже не зевнул. Не правда ли, мисс Гарнетт?

Прозерпина *(досадливо)*. Ах, было мне время смотреть на вас. Я только старалась поспеть со стенограммой. *(Вынимает блокнот, смотрит на свои записи и при виде их готова расплакаться.)*

Морелл. Что, Просси, я чересчур быстро говорил?

Прозерпина. Чересчур! Вы знаете, я не могу записывать больше девяноста слов в минуту. *(Дает выход своим чувствам, сердито швыряя блокнот на машинку: ее работа на завтра.)*

Морелл *(успокаивающе)*. Ну ничего, ничего, ничего. Не огорчайтесь. Вы ужинали? Все?

Лекси. Мистер Берджесс был до того любезен, что угостил нас роскошным ужином в «Бельгреве».

Берджесс *(великодушно)*. Ну стоит ли говорить об этом, мистер Милл! Я очень рад, что вам понравилось мое скромное угощение.

Прозерпина. Мы пили шампанское! Я никогда его не пробовала. У меня совсем закружилась голова.

Морелл *(удивленно)*. Ужин с шампанским! Вот это замечательно. Что же, это мое красноречие привело к такому сумасбродству?

Лекси *(риторически)*. Ваше красноречие и доброе сердце мистера Берджесса. *(Снова воодушевляясь.)* А какой замечательный человек этот председатель! Он ужинал вместе с нами.

Морелл *(многозначительно, глядя на Берджесса)*. А-а-а! Председатель! Теперь я понимаю.

Берджесс сдержанно покашливает, чтобы скрыть свое торжество по поводу одержанной им дипломатической победы. Лекси, скрестив руки, с вдохновенным видом прислоняется к изголовью кушетки, чтобы удержать равновесие. Входит Кандида с подносом в руках, на котором стаканы, лимоны и кувшин с горячей водой.

Кандида. Кто хочет лимонаду? Вы знаете наши правила — полнейшее воздержание. *(Ставит поднос на стол и берет выжималку для лимона, вопросительно оглядывая присутствующих.)*

Морелл. Напрасно ты хлопочешь, дорогая. Они все пили шампанское. Прозерпина нарушила свой обет.

Кандида. Неужели это правда, вы пили шампанское?

Прозерпина *(строптиво)*. Да, пила. Я давала зарок не пить только пиво, а это — шампанское. Терпеть не могу пива. У вас есть срочные письма, мистер Морелл?

Морелл. Нет, сегодня ничего не нужно.

Прозерпина. Очень хорошо. Тогда — покойной ночи всем.

Лекси *(галантно)*. Может быть, проводить вас, мисс Гарнетт?

Прозерпина. Нет, благодарю вас. Сегодня я ни с кем не решусь пойти. Лучше бы я не пила этой отравы. *(Неуверенно нацеливается на дверь и ныряет в нее с опасностью для жизни.)*

Берджесс *(в негодовании)*. Отрава! Подумайте! Эта особа не знает, что такое шампанское. Поммери и Грино — две-

надцать шиллингов шесть пенсов бутылка! Она выпила два бокала почти залпом.

Морелл *(встревоженно)*. Пойдите проводите ее, Лекси.

Лекси *(в смятении)*. Но если она и в самом деле... Вдруг она начнет петь на улице или что-нибудь в этом роде?

Морелл. Вот то-то и есть. Может случиться. Поэтому вам и надо доставить ее домой.

Кандида. Пожалуйста, Лекси! Будьте добрым мальчиком. *(Пожимает ему руку и тихонько подталкивает его к двери.)*

Лекси. По-видимому, таков мой долг. Надеюсь, в этом не будет прямой необходимости. Спокойной ночи, миссис Морелл. *(К остальным.)* До свиданья. *(Уходит.)*

Кандида закрывает за ним дверь.

Берджесс. Его развезло от благочестия после двух глотков. Нет, разучились люди пить! *(Торопливо идет к камину.)* Ну, Джемс, пора закрывать лавочку. Мистер Марчбэнкс, может быть, вы составите мне кампанию, нам по дороге?

Марчбэнкс *(встрепенувшись)*. Да. Я думаю, мне лучше уйти. *(Поспешно идет к двери, но Кандида становится перед дверью, загораживая ему дорогу.)*

Кандида *(спокойно, повелительным тоном)*. Сядьте. Вам еще рано уходить.

Марчбэнкс *(струхнув)*. Нет, я... я и не собирался. *(Возвращается и с несчастным видом садится на кушетку.)*

Кандида. Мистер Марчбэнкс останется у нас ночевать, папа.

Берджесс. Отлично. В таком случае покойной ночи. Всего доброго, Джемс. *(Пожимает руку Мореллу и подходит к Юджину.)* Скажите им, чтобы они дали вам ночник, мистер Марчбэнкс. На случай, если вдруг ночью у вас опять будут эти ваши кошмары... Покойной ночи!

Марчбэнкс. Благодарю вас. Попрошу. Покойной ночи, мистер Берджесс!

Они жмут друг другу руки. Берджесс идет к двери.

Кандида *(окликая Морелла, который идет провожать Берджесса)*. Не ходи, милый. Я подам папе пальто. *(Уходит с Берджессом.)*

Марчбэнкс *(встает и крадучись подходит к Мореллу)*. Морелл! Сейчас будет ужасная сцена, вы не боитесь?

Морелл. Нимало.

Марчбэнкс. Никогда я до сих пор не завидовал вашему мужеству. *(Он умоляюще кладет руку на рукав Морелла.)* Заступитесь за меня.

Морелл *(решительно отстраняя его)*. Каждый за себя, Юджин. Она ведь должна выбрать между нами.

Возвращается Кандида. Юджин снова садится на кушетку, точно провинившийся школьник.

Кандида *(становится между ними и обращается к Юджину)*. Вы раскаиваетесь?

Марчбэнкс *(пылко)*. Да, от всего сердца.

Кандида. Хорошо, тогда вы прощены. Теперь отправляйтесь спать, как послушный мальчик. Я хочу поговорить о вас с Джемсом.

Марчбэнкс *(подымаясь в смятении)*. О, я не могу, Морелл! Я должен быть здесь. Я никуда не уйду. Скажите ей.

Кандида *(подозрение которой переходит в уверенность)*. Сказать мне? А что? *(Он испуганно отводит глаза, она оборачивается и, не произнося ни слова, обращается с таким же вопросом к Морелу.)*

Морелл *(мужественно приготовившись встретить катастрофу)*. Мне нечего сказать ей, кроме... *(здесь голос его становится глубоким и приобретает оттенок рассчитанно проникновенной нежности)* того, что она мое величайшее сокровище на земле – если она действительно моя.

Кандида *(холодно, оскорбленная тем, что он впадает в свой ораторский тон и обращается к ней, точно она аудитория гильдии святого Матфея)*. Если это все, то не сомневаюсь, что Юджин может сказать мне не меньше.

Марчбэнкс *(в унынии)*. Она смеется над нами, Морелл.

Морелл *(готов вспылить)*. Тут нет ничего смешного. Разве ты смеешься над нами, Кандида?

Кандида *(со сдержанным недовольством)*. От Юджина ничего не укроется, Джемс, – я надеюсь, что мне можно посмеяться. Но я боюсь, как бы мне не пришлось рассердиться, и всерьез рассердиться. *(Идет к камину и останавливается, опершись рукой на карниз и поставив ногу на решетку, между тем как Юджин тихонько подходит к Морелу и дергает его за рукав.)*

Марчбэнкс *(шепчет)*. Стойте, Морелл, давайте ничего не будем говорить!

Морелл *(отталкивая Юджина, даже не удостоив его взглядом)*. Надеюсь, это не угроза, Кандида?

Кандида *(выразительно)*. Берегись, Джемс! Юджин, я просила вас уйти. Вы идете?

Морелл *(топая ногой)*. Он не уйдет! Я хочу, чтобы он остался.

Марчбэнкс. Я ухожу. Я сделаю все, что она хочет. *(Поворачивается к двери.)*

Кандида. Стойте!

Юджин повинуется.

Вы разве не слышали? Джемс сказал, чтобы вы остались. Джемс – хозяин здесь. Разве вы этого не знаете?

Марчбэнкс *(вспыхивает свойственным юному поэту бешенством против тирании)*. По какому праву он хозяин?

Кандида *(спокойно)*. Скажи ему, Джемс.

Морелл *(в замешательстве)*. Дорогая моя, я не знаю, по какому праву я здесь хозяин. Я не претендую на такие права.

Кандида *(с бесконечным упреком)*. Ты не знаешь... Ах, Джемс, Джемс! *(Задумчиво, Юджину.)* Ну, а вы понимаете это, Юджин?

Он беспомощно качает головой, не смея взглянуть на нее.

Нет, вы слишком молоды. Ну хорошо, я позволяю вам остаться. Останьтесь и учитесь. *(Отходит от камина и становится между ними.)* Ну, Джемс, так в чем же дело? Расскажи.

Марчбэнкс *(прерывающимся шепотом Морелду)*. Не рассказывайте!

Кандида. Ну, я слушаю.

Морелл *(медленно)*. Я хотел подготовить тебя осторожно, Кандида, чтобы ты не поняла меня превратно.

Кандида. Да, милый. Я не сомневаюсь, что ты этого хотел. Но это неважно. Я пойму так, как надо.

Морелл. Так вот... гм... гм... *(Мнется, силясь начать издалека, и не знает, как приступить к этому объяснению, чтобы оно вышло достаточно убедительным.)*

Кандида. Так как же?

Морелл *(неожиданно для себя выпаливает)*. Юджин заявляет, что ты любишь его.

Марчбэнкс *(в исступлении)*. Нет, нет, нет – никогда! Я не говорил этого, миссис Морелл, это неправда! Я сказал, что *я* люблю вас. Я сказал, что я понимаю вас, а что он не может вас понять. И все это я говорил не после того, что произошло здесь, у камина, – нет, нет, честное слово! Это было утром.

Кандида *(начинает понимать)*. Ах, утром!

Марчбэнкс. Да! *(Смотрит на нее, моля о доверии, и затем просто добавляет.)* Вот почему мой воротник был в таком виде.

Кандида *(до нее не сразу доходит смысл его слов)*. Воротник? *(Поворачивается к Мореллу.)* О Джемс, неужели ты... *(Замолкает.)*

Морелл *(пристыженный)*. Ты знаешь, Кандида, я не всегда могу совладать с собой. А он сказал *(вздрагивая)*, что ты меня презираешь в сердце своем.

Кандида *(быстро, Юджину)*. Вы это сказали?

Марчбэнкс *(перепуганно)*. Нет.

Кандида *(строго)*. Значит, Джемс лжет? Вы это хотите сказать?

Марчбэнкс. Нет! Нет! Я... я... *(Выпаливает в отчаянии.)* Это жена Давида. И это не дома было. Это было, когда она видела, как он пляшет перед народом.

Морелл *(подхватывая реплику с ловкостью искусного спорщика)*. Пляшет перед всем народом, Кандида... и думает, что он трогает их сердца своим искусством, тогда как у них это — только... болезнь Просси! *(Кандида собирается протестовать, он поднимает руку, чтобы заставить ее замолчать.)* Не старайся делать вид, будто ты возмущена, Кандида!

Кандида. Делать вид?

Морелл *(продолжает)*. Юджин абсолютно прав. Как ты мне сказала несколько часов тому назад, он всегда прав! Он не говорит ничего, чего бы уже не говорила ты, — и гораздо лучше его. Он поэт, который видит все. А я бедный поп, который ничего не понимает.

Кандида *(раскаиваясь)*. И ты можешь придавать значение тому, что говорит этот сумасшедший мальчишка, потому что я в шутку говорю что-то похожее?

Морелл. У этого сумасшедшего мальчишки наитие младенца и мудрость змия! Он говорит, что ты принадлежишь ему, а не мне; и — прав он или не прав — я начал бояться, что это может оказаться правдой. Я не хочу мучиться сомнениями или подозрениями, я не хочу жить рядом с тобой и что-то скрывать от тебя. Я не хочу подвергаться унизительным пыткам ревности. Мы сговорились с ним, он и я, что ты выберешь одного из нас. Я жду решенья.

Кандида *(медленно отступая на шаг, слегка раздраженная этой риторикой, несмотря на искреннее чувство, которое слышится за ней)*. Ах, так мне, значит, придется выби-

рать! Вот как! Надо полагать, это уж вопрос совершенно решенный и я обязательно должна принадлежать одному из вас?

Морелл *(твердо)*. Да, безусловно. Ты должна выбрать раз и навсегда.

Марчбэнкс *(взволнованно)*. Морелл, вы не понимаете: она хочет сказать, что она принадлежит самой себе!

Кандида. Да, я хочу сказать это и еще многое другое, мистер Юджин, как вы это сейчас оба узнаете. А теперь, мои лорды и повелители, что же вам угодно предложить за меня? Меня сейчас как будто продают с аукциона. Что ты даешь за меня, Джемс?

Морелл *(укоризненно)*. Канди... *(Силы его иссякли, глаза наполняются слезами, в горле комок, оратор превращается в раненое животное.)* Я не могу говорить...

Кандида *(невольно бросаясь к нему)*. Родной мой!..

Марчбэнкс *(в совершенном неистовстве)*. Стойте! Это нечестно! Вы не должны ей показывать, что вы страдаете, Морелл. Я тоже как на дыбе, но я не плачу!..

Морелл *(собирая все свои силы)*. Да, вы правы. Я прошу не жалости. *(Отстраняет Кандиду.)*

Кандида *(отходит от него, расхоложенная)*. Прошу прощенья, Джемс, я тебя не трогаю. Я жду, что ты дашь за меня.

Морелл *(с гордым смирением)*. Мне нечего предложить тебе, кроме моей силы для твоей защиты, моей честности для твоего спокойствия, моих способностей и труда для твоего существования, моего авторитета и положения для твоего достоинства. Это все, что подобает мужчине предложить женщине.

Кандида *(совершенно невозмутимо)*. А вы, Юджин, что вы можете предложить?

Марчбэнкс. Мою слабость, мое одиночество, мое безутешное сердце.

Кандида *(тронутая)*. Это хорошая цена, Юджин. Теперь я знаю, кого я выберу. *(Умолкает и с интересом переводит взгляд с одного на другого, словно взвешивая их.)*

Морелл, выспренняя самоуверенность которого переходит в невыносимый ужас, когда он слышит, что дает за Кандиду Юджин, уже не в силах скрывать свое отчаяние. Юджин, в страшном напряжении, застыл неподвижный.

Морелл *(задыхаясь, с мольбой, голосом, который рвется из глубины его отчаяния)*. Кандида!

Марчбэнкс *(в сторону, вспыхивая презрением)*. Трус!

Кандида *(многозначительно)*. Я отдам себя слабейшему из вас двоих.

Юджин сразу угадывает, что она хочет сказать, лицо его белеет, как сталь в горниле.

Морелл *(опускает голову, застывая в оцепенении)*. Я принимаю твой приговор, Кандида.

Кандида. Вы меня поняли, Юджин?

Марчбэнкс. О, я чувствую, что обречен! Ему это было бы не по силам.

Морелл *(вскинув голову, говорит, не веря, каким-то деревянным голосом)*. Так ты обо мне говорила, Кандида?

Кандида *(чуть-чуть улыбаясь)*. Давайте сядем и поговорим спокойно, как трое хороших друзей. *(Мореллу.)* Сядь, милый.

Морелл, растерянный, придвигает от камина детский стульчик.

Дайте-ка мне то кресло, Юджин! *(Показывает на кресло.)*

Он молча приносит кресло, преисполненный какого-то холодного мужества, ставит его около Морелла, чуть-чуть позади. Она садится. Он идет к стулу для посетителей и садится на него, все такой же спокойный и непроницаемый. Когда все уселись, она начинает говорить, и ее ровный, трезвый, мягкий голос действует на них успокаивающе.

Вы помните, что вы мне рассказывали о себе, Юджин? Как никто не заботился о вас, с тех пор как умерла ваша старушка няня, как ваши умные, блистающие в свете сестры и преуспевающие братья были любимцами ваших родителей, каким несчастным чувствовали вы себя в Итоне, как ваш отец лишил вас средств, чтобы добиться вашего возвращения в Оксфорд, как вам приходилось жить без утешения, без радости, без всякого прибежища, одиноким, нелюбимым, непонятым, бедный мальчик?

Марчбэнкс *(уверенный в благородстве выпавшего ему жребия)*. У меня были мои книги. У меня была природа. И, наконец, я встретил вас.

Кандида. Ну, не стоит сейчас говорить об этом. Теперь я хочу, чтобы вы посмотрели на этого другого мальчика — на моего мальчика, избалованного с колыбели. Мы

два раза в месяц ездим навещать его родителей. Вам бы не мешало как-нибудь поехать с нами, Юджин, и полюбоваться на фотографии этого героя семьи. Джемс-бэби – самый замечательный из всех бэби! Джемс, получающий свою первую школьную награду в зрелом возрасте восьми лет! Джемс в величии своих одиннадцати лет! Джемс в своей первой сюртучной паре! Джемс во всевозможных славных обстоятельствах своей жизни! Вы знаете, какой он сильный, – я надеюсь, он не наставил вам синяков? – какой он умный, какой удачливый! *(С возрастающей серьезностью.)* Спросите мать Джемса и его трех сестер, чего им стоило избавить Джемса от труда заниматься чем бы то ни было, кроме того, чтобы быть сильным, умным и счастливым! Спросите меня, чего это стоит – быть Джемсу матерью, тремя его сестрами, и женой, и матерью его детей – всем сразу! Спросите Просси и Марию, сколько хлопот в доме, даже когда у нас нет гостей, которые помогают крошить лук. Спросите лавочников, которые не прочь испортить Джемсу настроение и его прекрасные проповеди, кто их выставляет вон? Когда нужно отдать деньги – отдает он, а когда нужно в них отказать – отказываю я. Я создала для него крепость покоя, снисхождения, любви и вечно стою на часах, оберегая его от мелких будничных забот. Я сделала его здесь хозяином, а он даже и не знает этого и минуту тому назад не мог сказать вам, как это случилось. *(С нежной иронией.)* А когда ему пришло в голову, что я могу уйти от него с вами, единственная его мысль была: что станется со мной? И чтобы я осталась, он предложил мне *(наклоняется и ласково гладит Морелла по голове при каждой фразе)* свою силу для моей защиты, свои способности для моего существования, свое положение для моего достоинства, свое... *(Запинаясь.)* Ах, я спутала все твои прекрасные фразы, разрушила их ритм, правда, милый? *(Нежно прижимается щекой к его щеке.)*

Морелл *(потрясенный, опускается на колени около кресла Кандиды и обнимает ее с юношеским порывом)*. Все это правда. Каждое слово. То, что я есть, – это ты сделала из меня трудами рук своих и любовью твоего сердца. Ты – моя жена, моя мать и мои сестры. Ты для меня соединение всех забот любви.

Кандида *(в его объятиях, улыбаясь, Юджину)*. А могу я для вас быть матерью и сестрами, Юджин?

Марчбэнкс *(вскакивая, с яростным жестом отвращения)*. Нет! Никогда! Прочь, прочь отсюда! Ночь, поглоти меня!

Кандида *(быстро поднимается и удерживает его)*. Но куда же вы сейчас пойдете, Юджин?

Марчбэнкс *(чувствуется, что теперь это уже говорит мужчина, а не мальчик)*. Я знаю свой час — и он пробил. Я не могу медлить с тем, что мне суждено свершить.

Морелл *(встревоженный, поднимается с колен)*. Кандида, как бы он чего-нибудь не выкинул!

Кандида *(спокойно, улыбаясь Юджину)*. Бояться нечего! Он научился жить без счастья.

Марчбэнкс. Я больше не хочу счастья. Жизнь благороднее этого. Священник Джемс! Я отдаю вам свое счастье обеими руками, — я люблю вас, потому что вы сумели наполнить сердце женщины, которую я любил. Прощайте! *(Направляется к двери.)*

Кандида. Еще одно, последнее слово.

Он останавливается, не оборачиваясь.

(Подходит к нему.) Сколько вам лет, Юджин?

Марчбэнкс. Я сейчас стар, как мир. Сегодня утром мне было восемнадцать.

Кандида. Восемнадцать! Можете вы сочинить для меня маленький стишок из двух фраз, которые я вам сейчас скажу? И пообещайте мне повторять их про себя всякий раз, когда вы будете вспоминать обо мне.

Марчбэнкс *(не двигаясь)*. Хорошо.

Кандида. Когда мне будет тридцать — ей будет сорок пять. Когда мне будет шестьдесят — ей будет семьдесят пять.

Марчбэнкс *(поворачиваясь к ней)*. Через сто лет нам будет поровну. Но у меня в сердце есть тайна получше этой. А теперь пустите. Ночь заждалась меня.

Кандида. Прощайте. *(Берет его лицо обеими руками и, когда он, угадав ее намерение, преклоняет колена, целует его в лоб; затем он исчезает в темноте. Она поворачивается к Мореллу, протягивая ему руки.)* Ах, Джемс!

Они обнимаются, но они не знают тайны, которую унес с собой поэт.

ИЗБРАННИК СУДЬБЫ

Пустячок

1895

THE MAN OF D

ВЫМЫШЛЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭПИЗОД

12 мая 1796 года. Северная Италия, Тавайцано, на дороге из Лоди в Милан. Послеполуденное солнце безмятежно сияет над равниной Ломбардии. Оно с уважением поглядывает на Альпы и снисходительно — на муравейники не морщится при виде свиней, греющихся на припеке в каждой деревне, не обижается на холодный прием, который ему оказывают в церквах, но с беспощадным презрением шлет свои лучи на скопища вредных насекомых — французскую и австрийскую армии.

Два дня назад, у Лоди, австрийцы пытались помешать французам форсировать реку по узкому мосту; но французы под командованием двадцатисемилетнего генерала по имени Наполеон Бонапарт, не признающего правил военной науки, пошли на штурм моста, поддержанные грандиозной канонадой, к которой молодой генерал сам приложил руку. Пушки — его специальность: он учился артиллерийскому делу еще при старом режиме и в совершенстве превзошел военное искусство отлынивать от выполнения своих обязанностей, обсчитывать казначея на разъездных и прославлять войну грохотом и дымом орудий, как это изображается на всех батальных картинах. Впрочем, он очень наблюдателен и заметил, впервые со времени изобретения пороха, что пушечное ядро, попав в человека, оного человека убивает. Четкое понимание тех возможностей, какие таит в себе это поразительное открытие, сочетается в нем с врожденной склонностью к физической географии и умением рассчитывать сроки и расстояния. Он наделен потрясающей трудоспособностью и трезвым, основанным на опыте, знанием того, как проявляется человеческая природа в общественных делах,— он имел полную возможность проверить это во время французской революции. У него богатое воображение, но никаких иллюзий; есть творческая жилка, но нет ни веры, ни преданности, ни патриотизма, ни прочих общепринятых идеалов. Не то чтобы эти идеалы были ему чужды: напротив, он напичкан ими с детства и теперь, обладая недюжинным драматическим талантом, весьма ловко играет на них, как заправский актер и режиссер. Он отнюдь не избалован жизнью. Бедность, невезение, увертл-

ки, необходимые для того, чтобы при полном безденежье сохранять дворянские замашки, неоднократные провалы на литературном поприще, унизительное положение незадачливого политического приспособленца, выговор и гауптвахта за нерасторопность и недобросовестность, угроза увольнения со службы, столь серьезная, что, если бы, в связи с эмиграцией дворянства, самый паршивый поручик не котировался как генерал, его неминуемо вышвырнули бы из армии,— все эти испытания посбили с него спеси, приучили надеяться только на себя и помогли понять, что таким, как он, жизнь не даст ничего, а все, чего хочешь добиться, нужно брать у нее силой. Нужно сказать, что жизнь в данном случае поступает трусливо и неразумно, потому что Наполеон, безжалостно расстреливая из пушек взбунтовавшуюся чернь, несомненно приносит пользу: в самом деле, даже в наши дни, живя в Англии, порою чувствуешь, как много потеряла эта страна от того, что он не завоевал ее, как в свое время Юлий Цезарь.

Впрочем, в этот майский день 1796 года он делает только первые шаги. Он совсем недавно произведен в генералы,— и производством этим обязан отчасти тому, что использовал свою жену для обольщения Директории (в то время правившей Францией); отчасти — нехватке офицеров, вызванной, как уже было указано, эмиграцией; отчасти — своему умению изучить любую страну со всеми ее дорогами, реками, горами и долинами, как собственную комнату; и в большой степени — своей новомодной вере в действенность артиллерийского огня. С дисциплиной дело в его армии обстоит так, что некоторые современные писатели, увидев нижеследующую историю на сцене и находясь под впечатлением той славы, которой был впоследствии увенчан L'Empereur,[1] *были возмущены и попросту отказались в нее поверить. Однако сейчас Наполеон — еще не L'Empereur: солдаты называют его Le petit caporal,*[2] *и он пока что старается приобрести влияние на них, щеголяя отчаянной смелостью. Он не в таком положении, чтобы навязывать им свою волю испытанным в армии способом — плеткой. Французская революция, которая избежала разгрома исключительно благодаря привычке монархии задерживать выплату денег своим сол-*

---

[1] Император *(франц.)*.

[2] Маленький капрал *(франц.)*.

датам по меньшей мере на четыре года, заменила эту привычку другой: по возможности не платить вообще, кроме как посулами и патриотической лестью, что, разумеется, несовместимо с военными законами прусского образца. Вот почему солдаты, которых Наполеон двинул через Альпы, это солдаты без денег, в лохмотьях, а следовательно — не склонные соблюдать особо строгую дисциплину, да еще под командой генерала-выскочки. Это обстоятельство, которое смутило бы более щепетильного полководца, Наполеону сослужило не худшую службу, чем тысяча пушек. Он сказал солдатам: «Храбрости и патриотизма вам не занимать; но у вас нет денег, нет мундиров, и с едой приходится туго. В Италии всего этого вдоволь, и еще там имеется слава для преданной армии, возглавляемой генералом, который рассматривает грабеж как естественное право солдата. Я — именно такой генерал. En avant, mes enfants!»[1] *Результат полностью оправдал его расчеты. Французская армия хозяйничает в Италии, как саранча на Кипре. Солдаты дерутся с утра до вечера и шагают с вечера до утра, совершая немыслимые переходы, появляясь в самых невероятных местах,— не потому, что каждый из них несет в своем ранце маршальский жезл, а потому, что он надеется завтра унести в нем хотя бы полдюжины серебряных вилок.*

Между прочим, следует иметь в виду, что французская армия не воюет с итальянцами. Она явилась сюда, чтобы избавить их от австрийского ига и ввести у них республиканские порядки; так что если она заодно и грабит их — это просто означает, что она несколько бесцеремонно распоряжается собственностью своих друзей, которые должны за это испытывать к ней великую благодарность и не испытывают ее лишь потому, что неблагодарность итальянской нации вошла в поговорку. Австрийцы, с которыми французы воюют,— вполне добропорядочная регулярная армия, с хорошей дисциплиной, под командованием джентльменов, сведущих в военной науке. Ее главнокомандующий Болье, действуя согласно правилам классического военного искусства и приказам из Вены, терпит поражение за поражением от Наполеона, который действует на свой страх и риск и плюет как на классические образцы, так и на приказы из Парижа. Даже когда австрийцы вы-

---

[1] Вперед, дети мои! *(франц.)*.

игрывают сражение, нужно только переждать, пока очередной параграф не предпишет им вернуться на квартиры, так сказать к вечернему чаю, — и тогда отыграться. Этот маневр был с блестящим успехом продемонстрирован несколько позже, при Маренго. В общем, поскольку неприятель связан по рукам и ногам австрийскими государственными соображениями, академическим руководством и требованиями аристократической структуры венского общества, Наполеону удается быть непобедимым, даже не совершая чудес героизма. Но свет любит чудеса, любит героев и совершенно не способен понять действие таких сил, как рутина в военном деле или традиции венских салонов. Поэтому кто-то уже начал творить легенду о L'Empereur, которая и сто лет спустя помешает романтикам поверить в истинность нижеследующего, до сих пор никому не известного эпизода в Тавариано. Лучшая квартира для постоя во всем Тавариано — небольшая харчевня, первый дом, к которому подходит путник, направляющийся из Милана в Лоди. За домом — виноградник, и из столовой, где хорошо укрываться от летнего зноя, в этот виноградник ведет такая широкая дверь, что комната, в сущности, представляет собой большую веранду. Дети посмелее, взбудораженные стрельбой и тревогами последних дней и вторжением французских войск нынче в шесть часов утра, знают, что в этой комнате поселился главный французский генерал, и буквально разрываются между страстным желанием заглянуть в окна с улицы и смертельным страхом перед часовым — молодым солдатом из дворян, который, за неимением настоящих усов, попросил своего сержанта нарисовать ему усы ваксой. Поскольку его толстый мундир, как и все мундиры того времени, был придуман для смотров, без всякой заботы о здоровье или удобстве солдата, часовой немилосердно потеет на солнцепеке, и его нарисованные усы стекают тонкими струйками по подбородку за воротник; местами вакса засохла в виде жестких лакированных хлопьев, образуя диковинные бухточки и мыски. Это придает ему вид до крайности нелепый в глазах Истории сто лет спустя, но устрашающий для тогдашней североитальянской детворы, которую нисколько не удивило бы, если бы он, развлечения ради, подцепил зазевавшегося ребенка на штык и проглотил живьем. И все же одна скверная девчонка, которая инстинктом уже чувствует, как велика власть женщины над сердцем солдата, решается заглянуть на минутку

в окно; однако поднятая бровь часового и звяканье сабли тотчас обращают ее в бегство. Большую часть того, что ей удалось увидеть, она видела и раньше: виноградник в глубине, и среди лоз старый давильный пресс и повозка; направо дверь на улицу; дальше, по этой же стене, огромный буфет, все ресурсы которого мобилизованы сейчас для обеда; напротив очаг и диван возле него; между очагом и виноградником другая дверь, ведущая во внутренние комнаты, и стол посредине, на котором красуется блюдо с миланским ризотто, сыр, виноград, хлеб, маслины и большая оплетенная бутыль с красным вином.

Хозяина харчевни, Джузеппе Гранди, она знает отлично. Это смуглый, живой маленький трактирщик лет сорока, с круглой головой и черной курчавой шевелюрой, всегда улыбающийся и веселый и всегда начеку. О постояльцах он заботится превосходно, а сегодня он особенно оживлен и доволен: ему повезло — в его доме остановился французский командующий, что оградит его от бесчинства солдат. Он даже надел золотые серьги, которые в ином случае не преминул бы спрятать под давильным прессом вместе со своим скромным запасом столового серебра. Наполеона, который сидит за столом лицом к девочке, она видит впервые. Он усердно трудится — частично над обедом, который научился уничтожать в десять минут, штурмуя все блюда одновременно (привычка эта впоследствии его погубит), частично над военной картой, на которой он время от времени отмечает расположение войск, вынимая изо рта виноградную кожицу и большим пальцем налепляя ее на карту, как облатку. В одежде его нет революционного беспорядка, но локтем он сдвинул вбок почти все тарелки и стаканы, а когда он особенно внимательно склоняется над картой, его длинные волосы попадают в блюдо с ризотто.

Джузеппе. Ваше превосходительство, не желаете ли...

Наполеон *(поглощенный картой, машинально сует себе что-то в рот левой рукой)*. Помолчите. Я занят.

Джузеппе *(невозмутимо добродушно)*. Повинуюсь, ваше превосходительство.

Наполеон. Красных чернил.

Джузеппе. Увы, ваше превосходительство, у меня их нет.

Наполеон *(с корсиканским юмором)*. Убейте что-нибудь и принесите мне крови.

Джузеппе *(ухмыляясь)*. Выбор невелик — только лошадь

вашего превосходительства, часовой, дама наверху и моя жена.

Наполеон. Убейте жену.

Джузеппе. Я бы с радостью, ваше превосходительство, но у меня силы не хватит. Она сама меня убьет.

Наполеон. Сгодится и это.

Джузеппе. Я недостоин такой чести, ваше превосходительство. *(Указывая на бутыль.)* Может, пустить в дело вино?

Наполеон *(поспешно загораживая бутыль и отбросив шутливый тон)*. Вино? Нет, это безрассудная трата. Все вы одинаковы — вам бы только тратить, тратить, тратить... *(Проводит на карте линию соусом, используя вместо пера вилку.)* Убирайте со стола. *(Допивая вино, отодвигает стул, утирается салфеткой, вытянув вперед ноги и откинувшись на спинку стула, но не переставая напряженно о чем-то думать.)*

Джузеппе *(собирая посуду на поднос, приготовленный на буфете)*. Каждому свое, ваше превосходительство. У нас, трактирщиков, сколько угодно дешевого вина — мы его не жалеем. У вас, больших генералов, сколько угодно дешевой крови — вы ее не жалеете. Разве не так, ваше превосходительство?

Наполеон. Кровь ничего не стоит. Вино стоит денег. *(Встает и идет к очагу.)*

Джузеппе. Говорят, вы заботитесь обо всем, кроме человеческих жизней, ваше превосходительство.

Наполеон. Человеческая жизнь, друг мой, это единственное, что само о себе заботится. *(С удобством усаживается на диван.)*

Джузеппе *(восхищенно)*. Ах, ваше превосходительство, какие мы все перед вами дураки! Вот если бы мне узнать, в чем секрет вашего успеха!

Наполеон. Тогда бы вы стали императором Италии, а?

Джузеппе. Слишком хлопотно, ваше превосходительство, — это я предоставляю вам. К тому же, будь я императором, что сталось бы с моей харчевней? Ведь вот вам приятно смотреть на меня, как я здесь хозяйничаю и прислуживаю вам. Ну, и мне будет приятно смотреть на вас, когда вы сделаетесь императором Европы и будете ею управлять для меня. *(Под собственную болтовню он ловко снимает со стола скатерть, не потревожив карты, и, крепко ухватив углы пальцами, а середину зубами, начинает ее складывать.)*

Наполеон. Императором Европы? Почему же только Европы, а?

Джузеппе. В самом деле, почему? Императором всего мира, ваше превосходительство. А что, очень просто. *(Складывает скатерть, каждым взмахом отмечая новую фразу.)* Люди все одинаковые. *(Взмах.)* И страны все одинаковые. *(Взмах.)* И битвы все одинаковые. *(С последним взмахом шлепает скатерть на стол, ловко скатывает ее и добавляет в заключение.)* Можно всех завоевать, лиха беда начало. *(Убирает скатерть в ящик буфета.)*

Наполеон. И за всех править. За всех сражаться. Быть для всех слугой, когда считается, что ты над всеми хозяин. Джузеппе!

Джузеппе *(у буфета)*. Что прикажете, ваше превосходительство?

Наполеон. Я запрещаю вам говорить со мной обо мне.

Джузеппе *(подходя к дивану)*. Прошу прощенья! Ваше превосходительство не похожи на других великих людей: у них этот предмет разговора на первом месте.

Наполеон. Ну так разговаривайте со мной о том предмете, который у них на втором месте.

Джузеппе *(с готовностью)*. Извольте, ваше превосходительство. Ваше превосходительство часом не видели даму из верхней комнаты?

Наполеон *(быстро выпрямляясь)*. Какого она возраста?

Джузеппе. Самого подходящего, ваше превосходительство.

Наполеон. Что вы имеете в виду? Семнадцать лет или тридцать?

Джузеппе. Тридцать, ваше превосходительство.

Наполеон. Хороша собой?

Джузеппе. Не знаю, как на ваш вкус, ваше превосходительство. В таких вещах на другого нельзя полагаться. По мне, ваше превосходительство, дама первый сорт. *(Лукаво.)* Прикажете накрыть для нее к ужину здесь?

Наполеон *(вставая, решительно)*. Нет! Ничего здесь не устраивайте, пока не возвратится офицер, которого я жду. *(Смотрит на часы и принимается шагать взад-вперед между очагом и виноградником.)*

Джузеппе *(убежденно)*. Ваше превосходительство! Поверьте мне, его захватили в плен эти проклятые австрийцы. Будь он на свободе, он бы не посмел заставить вас дожидаться.

Наполеон *(круто поворачивая у выхода в виноградник)*. Джузеппе! Если вы окажетесь правы, я так рассержусь,

что не успокоюсь, пока не повешу вас и всех ваших домочадцев, включая и даму наверху.

Джузеппе. Мы все к услугам вашего превосходительства, кроме дамы, конечно. За нее не ручаюсь. Но полагаю, что ни одна дама не станет вам перечить, генерал!

Наполеон *(хмуро, снова принимаясь шагать)*. Гм! Вас-то никогда не повесят. Какая радость вешать человека, который этому не противится.

Джузеппе *(сочувственно)*. Никакой, ваше превосходительство, верно?

Наполеон опять смотрит на часы, явно начиная беспокоиться.

Да, сразу видно, что вы великий человек, генерал: вы умеете ждать. Будь на вашем месте какой-нибудь капрал либо поручик, он бы уже через три минуты гневался, ругался, грозил, устроил бы скандал на весь дом.

Наполеон. Джузеппе, ваша лесть невыносима. Ступайте разговаривать на улицу. *(Снова подсаживается к столу и, уперев подбородок в кулаки, облокотившись на карту, с беспокойством вглядывается в нее.)*

Джузеппе. Извольте, ваше превосходительство. Не смею вам мешать. *(Берет поднос и направляется к двери.)*

Наполеон. Как только он возвратится, пришлите его ко мне.

Джузеппе. В ту же секунду, ваше превосходительство.

Женский голос *(из недр харчевни)*. Джузеп-пе! *(Голос очень музыкальный, на второй ноте заметно повышается.)*

Наполеон *(вздрагивая)*. Кто это?

Джузеппе. Та самая дама, ваше превосходительство.

Наполеон. Та дама, что наверху?

Джузеппе. Вот-вот, ваше превосходительство. Неизвестная дама.

Наполеон. Неизвестная? Откуда она взялась?

Джузеппе *(пожимая плечами)*. Кто знает? Прибыла сегодня, чуть пораньше вашего превосходительства, в наемной карете. Карета принадлежит хозяину «Золотого орла» в Боргетто. Совсем одна приехала, ваше превосходительство, без слуг. Весь багаж – дорожный мешок и баул. Почтальон говорит, что она оставила у «Золотого орла» лошадь – верховую, и седло армейское.

Наполеон. Женщина с верховой лошадью! Француженка или австриячка?

Джузеппе. Француженка, ваше превосходительство.

Наполеон Лошадь, наверно, ее мужа. Убит при Лоди, бедняга.

Голос дамы *(на этот раз властно понижаясь на второй ноте)*. Джузеппе!

Наполеон *(встает и прислушивается)*. Не похоже на голос женщины, у которой вчера убили мужа.

Джузеппе. Мужей не всегда оплакивают, ваше превосходительство. *(Кричит.)* Иду, сударыня, иду! *(Направляется к внутренней двери.)*

Наполеон *(с силой опускает ему руку на плечо)*. Стойте. Пускай *она* сюда придет.

Голос *(нетерпеливо)*. Джузеппе!!

Джузеппе. Не держите меня, ваше превосходительство! У меня такое правило – сразу бежать, когда постоялец зовет. Обращаюсь к вам как к военному человеку.

Мужской голос *(за дверью на улице кричит)*. Эй кто-нибудь! Хозяин! Где вы там?

Кто-то с силой стучит рукояткой хлыста по скамье в сенцах.

Наполеон *(вмиг опять становясь главнокомандующим и отталкивая Джузеппе)*. Вот он, наконец! *(Указывая на внутреннюю дверь.)* Ступайте занимайтесь своим делом. Дама зовет вас. *(Подходит к очагу и, став спиной к нему, принимает решительный военный вид.)*

Джузеппе *(затаив дыхание, подхватывает свой поднос)*. Так точно, ваше превосходительство! *(Исчезает за внутренней дверью.)*

Мужской голос *(нетерпеливо)*. Вы что там, уснули все?

Дверь справа распахивается под ударом сапога. Врывается запыленный поручик, верзила лет двадцати четырех, с повадками дворянина и соответствующим гонором, который французской революции не удалось поубавить ни на йоту. У него толстые, дурашливые губы, широко открытые доверчивые глаза, упрямый нос и громкий уверенный голос. Это молодой человек, не знающий ни страха, ни почтительности, ни взлетов воображения, ни здравого смысла, абсолютно неспособный проникнуться наполеоновской или какой бы то ни было идеей, до крайности самовлюбленный, без сомнения, набитый дурак, но наделенный бьющей через край энергией, которая и толкает его в самую гущу событий. Сейчас он весь кипит от него-

дования. Поверхностный наблюдатель объяснил бы это медлительностью трактирщика, но более проницательный глаз усмотрел бы здесь нечто большее — какую-то глубокую обиду. При виде Наполеона он приходит в себя достаточно, чтобы вытянуться во фронт и отдать честь; однако в манере его, вопреки ожиданиям последующих эпох, не чувствуется ни малейшего предвидения Маренго и Аустерлица, Ватерлоо и Святой Елены или исторических полотен кисти Делароша и Мейссонье.

Наполеон *(держа в руках часы)*. Ну-с, сударь, явились наконец. В полученном вами приказе значилось, что я прибуду сюда в шесть часов и вам надлежит ждать меня здесь с парижской почтой и депешами. Сейчас без двадцати восемь. Вас выбрали для этого поручения, потому что вы хорошо ездите верхом и потому что у вас лучшая в лагере лошадь. Вы являетесь с опозданием на сто минут, пешком. Где ваша лошадь?

Поручик *(хмуро стягивает с рук перчатки и швыряет на стол вместе с хлыстом и кивером)*. Ха! Где моя лошадь? Я и сам хотел бы это знать, генерал. *(С чувством.)* Вы представить себе не можете, как я любил эту лошадь!

Наполеон *(ядовито)*. В самом деле? *(Внезапное подозрение кольнуло его.)* Где письма и депеши?

Поручик *(с достоинством, — ему приятно сообщить такую замечательную новость)*. Не знаю.

Наполеон *(не веря своим ушам)*. Не знаете?!

Поручик. Понятия не имею, генерал. Теперь меня, очевидно, предадут военному суду. Что же, пусть предают военному суду. Но... *(с мрачной решимостью)* попадись мне только этот херувимчик, я из него душу вытрясу. Врунишка несчастный! Я его...

Наполеон *(идет от очага к столу)*. Какой еще херувимчик? Возьмите себя в руки, сударь, и докладывайте.

Поручик *(упершись кулаками в стол с противоположной стороны)*. Не беспокойтесь, генерал, я доложу все, как было. Военный суд вынужден будет признать, что моей вины тут нет. Кто-то злоупотребил моими лучшими чувствами, и я этого не стыжусь. Но при всем уважении к вам как к моему командиру, генерал, я еще раз скажу, что, попадись мне на глаза это отродье сатаны, я...

Наполеон *(с сердцем)*. Это вы уже говорили.

Поручик *(гордо выпрямляясь)*. И повторяю. Вот подожди-

те, только бы он мне попался, тогда увидите. *(Тяжело дышит, скрестив руки на груди и плотно сжав губы.)*

Наполеон. Я жду, сударь. Жду объяснений.

Поручик *(уверенно)*. Вы перемените тон, генерал, когда узнаете, что со мной случилось.

Наполеон. Ничего с вами не случилось, сударь: вы живы и не ранены. Где вверенные вам бумаги?

Поручик. Ничего со мной не случилось? Ничего? Он клялся мне в вечной дружбе. Это называется ничего? Он говорил, что мои глаза напоминают ему глаза его сестры. Это называется ничего? Он плакал – да, плакал, слушая рассказ о моем прощанье с Анжеликой. Это называется ничего? Он заплатил за обе бутылки вина, хотя сам только ел виноград и хлеб. Может быть, вы скажете, что и это ничего? Он отдал мне свои пистолеты, коня и депеши – очень важные депеши – и позволил мне увезти их. *(Убедившись, что ему удалось ошеломить Наполеона, с торжеством.)* Это, по-вашему, тоже ничего?

Наполеон *(обомлев от изумления)*. Зачем он это сделал?

Поручик *(словно это ясно и без слов)*. В залог того, что он мне доверяет, разумеется.

Наполеон не то чтобы разевает рот, но нервно двигает челюстью.

И я оправдал его доверие, я честно вернул ему все. Но поверите ли? Когда я в свою очередь доверил ему пистолеты, коня и депеши...

Наполеон. Какого черта вы это сделали?

Поручик. Говорю вам: в залог того, что я ему доверяю. А он злоупотребил моим доверием! Предал меня! Не вернулся! Вор! Мошенник! Коварный, бессердечный негодяй! По-вашему, это, наверное, ничего? Но имейте в виду, генерал. *(Для большей убедительности опять упирается кулаками в стол.)* Если вы готовы стерпеть такое оскорбление от австрийцев – пожалуйста, но что касается меня, то попадись мне только...

Наполеон *(повернувшись на каблуке, снова начинает сердито шагать взад и вперед)*. Да, вы уже говорили это не один раз...

Поручик *(взволнованно)*. Не один раз! Да я скажу это пятьдесят раз! Больше того – я это сделаю! Вот увидите, генерал! Уж я докажу, как я ему доверяю, я...

Наполеон. Да, да, не сомневаюсь. Что это был за человек?

Поручик. Ну, знаете, вы бы должны по его поведению понять, что он за человек.

Наполеон. Тьфу ты пропасть! Я спрашиваю, каков он с виду?

Поручик. С виду! Посмотрели бы вы на него, тогда бы знали. Но попадись он мне, от его вида в пять минут ничего не останется! Говорю вам, если только я...

Наполеон *(взбешенный, громко кричит)*. Джузеппе! *(Вне себя, поручику.)* Замолчите, сударь, если вы на это способны.

Поручик *(жалобно)*. Предупреждаю: не пытайтесь свалить вину на меня. Откуда мне было знать, что это за птица? *(Берет стул, стоящий между буфетом и входной дверью, ставит его к столу и садится.)* Если бы вы знали, как я голоден и как устал, вы бы разговаривали со мной по-человечески.

Джузеппе *(входя)*. Что прикажете, ваше превосходительство?

Наполеон *(стараясь сдержать свой гнев)*. Уведите этого... этого офицера. Накормите его. Если нужно – уложите в постель. Когда он очухается, выясните, что с ним случилось, и сообщите мне. *(Поручику.)* Считайте себя арестованным, сударь.

Поручик *(надувшись, упорно)*. Я этого ждал. Только джентльмен может понять джентльмена. *(Швыряет саблю на стол.)*

Джузеппе *(сочувственно)*. На вас напали австрийцы, сударь? Ай-ай-ай!

Поручик *(презрительно)*. Напали! Да я бы его двумя пальцами пополам сломал. И следовало бы! Нет, он злоупотребил моими лучшими чувствами, – вот чего я не могу пережить. Он сказал, что никто еще не вызывал в нем такого расположения, как я. Он обернул мне шею своим платком, потому что меня укусил комар и воротник тер мне кожу. Вот смотрите! *(Вытаскивает платок из-под воротника.)*

Джузеппе берет его и рассматривает.

Джузеппе *(Наполеону)*. Дамский платочек, ваше превосходительство. *(Нюхает его.)* Надушенный!

Наполеон. Что? *(Берет платок и внимательно приглядывается.)* Гм! *(Нюхает.)* Ха! *(Ходит по комнате, глядя на платок, потом прячет его за борт сюртука.)*

Поручик. Как раз по нему платок. Я заметил, что у него

и руки как у женщины, когда он касался моей шеи, подлизывался ко мне, подлый изнеженный щенок! *(Понижая голос до напряженного шепота.)* Но попомните мои слова, генерал: попадись он мне только...

Голос дамы *(за сценой)*. Джузеппе!

Поручик *(остолбенев)*. Что это?

Джузеппе. Ничего, сударь! Это дама сверху меня зовет.

Поручик. Дама?!

Голос дамы. Джузеппе, Джузеппе, где же вы?

Поручик *(кровожадно)*. Дайте мне саблю. *(Хватает саблю и вытаскивает ее из ножен.)*

Джузеппе *(вцепляется ему в правую руку)*. Бог с вами, поручик! Это же дама. Разве не слышите? Голос-то женский.

Поручик. Говорю вам, это его голос. Пустите меня! *(Вырвавшись, кидается к внутренней двери и замирает с саблей наготове, не сводя глаз с двери, как кошка — с мышиной норы.)*

Дверь отворяется, и входит неизвестная дама. Она высокого роста, необыкновенно грациозная, с настороженным, внимательным взглядом. Умный лоб, нервные ноздри, упрямый подбородок — все в ней тонко, изысканно, самобытно. Она очень женственна, но отнюдь не производит впечатления слабости: легкая фигура держится на крепком костяке; руки, ноги, шея и плечи ловкие, складные, вполне соответствующие ее росту, а ростом она повыше Наполеона и трактирщика и даже рядом с поручиком не кажется маленькой. Но благодаря ее изяществу и обаятельности просто не замечаешь, какая она высокая и сильная. Судя по ее одежде, она не поклонница последней моды, введенной при Директории; а возможно — решила в пути донашивать старые платья. Как бы то ни было, на ней нет ни жакета с широченными лацканами, ни греко-французского подобия хитона — словом, ничего такого, чего не могла бы надеть принцесса де Ламбаль. На ней шелковое, затканное цветами платье в талию, с пышной юбкой в стиле Ватто, но лишь с намеком на фижмы, для которых она слишком высока ростом. Глубокий вырез на груди прикрыт палевой косынкой. У нее нежный цвет лица, золотисто-каштановые волосы и серые глаза.

Она входит в комнату уверенно, как женщина, избалованная своей знатностью и красотой. Трактирщик, у кото-

рого от природы превосходные манеры, явно отдает ей должное. Наполеон при ее появлении конфузится. Лицо у него багровеет, движения становятся скованными. Она делает шаг вперед, чтобы с изысканной любезностью засвидетельствовать ему свое почтение, но тут на нее коршуном налетает поручик и хватает за правую руку. Узнав его, она бледнеет. Выражение ее лица говорит яснее слов: какая-то роковая ошибка, совершенно непредвиденная, внезапно нарушила ее покой, ощущение безопасности и победы. В следующее мгновение краска гнева волной поднимается из-под палевой косынки и заливает ей лицо. Чувствуется, что она покраснела вся — с головы до ног. Даже поручик, совершенно лишенный наблюдательности, умеет отличить красный цвет от белого. Истолковав румянец дамы как невольное признание гнусного обманщика, неожиданно встретившего свою жертву, он оглушает ее победоносным, мстительным рыком.

Поручик. Ага, попался, голубчик! Так ты, значит, решил нарядиться женщиной? *(Громовым голосом, отпуская ее руку.)* Снимай юбку!

Джузеппе *(укоризненно)*. Помилуйте, сударь!

Дама *(в страхе, но донельзя возмущенная тем, что он посмел к ней прикоснуться)*. Господа! Я взываю к вам! *(Наполеону.)* Вы, сударь, — офицер, генерал. Вы, конечно, защитите меня?

Поручик. Не слушайте его, генерал. Я сейчас с ним расправлюсь!

Наполеон. С ним? С кем это, сударь? Почему вы так накинулись на эту даму?

Поручик. Даму? Да это мужчина! Тот самый, которому я оказал доверие. *(Замахиваясь саблей.)* Ну, ты...

Дама *(прячется за Наполеона и судорожно прижимает к груди его руку, которой он загородил ее, как бруствером)*. О, благодарю вас, генерал. Не подпускайте его ко мне.

Наполеон. Вздор, сударь. Совершенно ясно, что это дама.

Она быстро выпускает его руку и опять краснеет.

А вы, кстати сказать, находитесь под арестом. Сию же минуту положите саблю!

Поручик. Генерал, поймите, что это австрийский шпион. Сегодня днем, со мной, он выдавал себя за офицера из штаба генерала Массена. А сейчас, с вами, выдает себя за женщину. Мне что же, собственным глазам не верить?

Дама. Генерал, речь, должно быть, идет о моем брате. Он действительно состоит при штабе генерала Массена. И он очень похож на меня.

Поручик *(теряя последние остатки разума)*. То есть вы хотите сказать, что вы не ваш брат, а ваша сестра? Та самая, что так похожа на меня? У которой такие же красивые синие глаза? Ложь! У вас глаза совсем не похожи на мои, они точь-в-точь как ваши.

Наполеон *(с трудом сдерживаясь)*. Поручик! Повинуйтесь моему приказу и выйдите из моей комнаты! Ведь теперь вы наконец убедились, что это был не настоящий мужчина?

Поручик. Еще бы! Настоящий мужчина никогда не злоупотребил бы моим дове...

Наполеон *(взрываясь)*. Довольно, сударь! Слышите? Уйдете вы отсюда или нет? Я вам приказываю уйти!

Дама. Ах, лучше я уйду! Вы позволите?

Наполеон *(сухо)*. Одну минуту, сударыня. При всем уважении к вашему брату, я не понимаю, зачем офицеру из штаба генерала Массена нужны мои письма? Я должен вас кое о чем расспросить.

Джузеппе *(деликатно)*. Пойдемте, поручик. *(Открывает дверь.)*

Поручик. Пошли. Генерал, не повторите моей ошибки: не дайте вашим лучшим чувствам взять над вами верх. *(Даме.)* Сударыня, прошу прощенья. Я подумал, что вы то же лицо, только другого пола, и это, естественно, ввело меня в заблуждение.

Дама *(уже совсем успокоившись)*. Ну, разумеется, вы ни в чем не виноваты. Я так рада, что вы на меня больше не сердитесь, поручик. *(Протягивает ему руку.)*

Поручик *(галантно склоняясь к ее руке)*. Что вы, сударыня, как можно... *(Осекшись, смотрит на ее руку.)* У вас рука вашего брата. И такой же перстень!

Дама *(ласково)*. Мы близнецы.

Поручик. Ну, тогда все понятно. *(Целует ей руку.)* Тысяча извинений! Насчет депеш-то я не очень беспокоился: это касается больше генерала, а не меня. Но он злоупотребил моим доверием, сыграв на моих лучших чувствах. *(Забирает со стола кивер, перчатки и хлыст.)* Вы разрешите мне вас покинуть, генерал? Прошу прощенья, всего хорошего! *(Не переставая говорить, выбирается наконец из комнаты.)*

Джузеппе выходит за ним и закрывает дверь.

Наполеон *(глядя ему вслед, с долго копившейся яростью)*. Болван!

Неизвестная дама сочувственно улыбается. Хмурясь, он делает несколько шагов и останавливается между столом и диваном. Теперь, когда они одни, от неловкости его не осталось и следа.

Дама. Как мне благодарить вас за вашу защиту, генерал!

Наполеон *(внезапно поворачиваясь к ней)*. Мои депеши, живо! *(Протягивает руку.)*

Дама. Генерал! *(Невольно прикладывает руку к косынке, словно что-то пряча.)*

Наполеон. Вы обманом отняли их у этого идиота. Вы переоделись мужчиной. Мне нужны мои депеши. Они у вас на груди – там, где вы держите руку.

Дама *(быстро отнимая руку от груди)*. О, как вы нелюбезно со мной разговариваете! *(Достает из-за косынки платок.)* Вы меня напугали. *(Подносит платок к глазам, словно утирая слезинку.)*

Наполеон. Сразу видно, что вы меня не знаете, сударыня, иначе вы бы не стали утруждать себя и притворяться, что плачете.

Дама *(улыбаясь как бы сквозь слезы)*. О нет, я вас знаю. Вы знаменитый генерал Буонапарте. *(Умышленно подчеркивает итальянское звучание.)*

Наполеон *(сердито произнося на французский лад)*. Бонапарт, сударыня, Бонапарт. А теперь будьте добры – мои бумаги.

Дама. Но уверяю вас...

Он грубо выхватывает у нее платок.

(Негодующе.) Генерал!

Наполеон *(вынимая из-за борта сюртука второй платок)*. Когда вы обокрали моего поручика, вы оставили ему на память свой платок. *(Сравнивает их.)* В точности одинаковые. *(Нюхает.)* И духи те же. *(Бросает платки на стол.)* Я жду. Если потребуется, я не постесняюсь отобрать у вас мои депеши так же, как отобрал платок.

Дама *(с укором)*. Генерал! Вы угрожаете женщине?

Наполеон *(невозмутимо)*. Да.

Дама *(в замешательстве, стараясь выиграть время)*. Но я не понимаю. Я...

Наполеон. Вы прекрасно все понимаете. Вы явились сюда, потому что, по расчету ваших австрийских хозяев, я дол-

жен был находиться в шести лье отсюда. Я всегда оказываюсь там, где мои враги меня не ждут. Вы попали прямо в пасть ко льву. Ну что же, вы храбрая женщина, так будьте же и разумны. Время мне дорого. Мои бумаги! *(Грозно делает шаг вперед.)*

Дама *(давая волю бессильной ребяческой ярости, в слезах бросается на стул, который поручик оставил у стола)*. Это я-то храбрая! Много вы знаете! Я провела весь день в смертельном страхе. У меня сердце болит, столько раз оно сжималось от каждого подозрительного взгляда, каждого угрожающего жеста. Вы думаете, все так же храбры, как вы? Боже мой, но почему вы, храбрые люди, не совершаете храбрых поступков? Почему поручаете их нам — тем, у кого нет ни на грош мужества? Я не храбрая: насилие меня страшит, от опасности я просто заболеваю.

Наполеон *(заинтересован)*. Так почему же вы подвергали себя опасности?

Дама. Потому что другого выхода не было; я никому не могла довериться. И все оказалось напрасно. А все из-за вас,— вы-то не знаете страха, потому что у вас нет сердца, нет жалости, нет... *(Бросается на колени.)* О генерал, отпустите меня, отпустите! И ни о чем не спрашивайте. Клянусь, вы получите свои депеши и письма.

Наполеон *(протягивает руку)*. Разумеется. Я их жду.

Такая категоричность убеждает ее, что никакие просьбы его не тронут. Она растерянно смотрит на него, соображая, как же его перехитрить. Он твердо встречает ее взгляд.

Дама *(поднимаясь наконец с колен, с легким вздохом)*. Сейчас я их вам принесу. Они у меня в комнате. *(Направляется к двери.)*

Наполеон. Я пойду с вами, сударыня.

Дама *(разыгрывая оскорбленную скромность)*. Я не могу допустить, чтобы вы вошли в мою комнату, генерал!

Наполеон. В таком случае вы останетесь здесь, сударыня, а я прикажу обыскать вашу комнату.

Дама *(вынужденная отказаться от своей уловки, злобно)*. Можете не трудиться. Их там нет.

Наполеон. Правильно. Я уже сказал вам, где они. *(Указывает на ее косынку.)*

Дама *(умильно)*. Генерал! Мне хочется оставить у себя толь-

ко одно коротенькое личное письмо. Только одно. Подарите мне его.

Наполеон *(холодно и строго)*. По-вашему, эта просьба разумна, сударыня?

Дама *(ободренная тем, что он не отказал наотрез)*. Нет. Но поэтому-то вы и должны ее исполнить. А ваши требования разве разумны? Тысячи жизней ради ваших побед, вашей славы, вашей судьбы! Я прошу о таком пустяке. Ведь я только слабая женщина, а вы — храбрый мужчина. *(Смотрит на него с нежной мольбой и хочет снова упасть на колени.)*

Наполеон *(грубовато)*. Бросьте, бросьте. *(Недовольно отворачивается. Пройдясь по комнате, останавливается и бросает через плечо.)* Вы говорите глупости, и сами это знаете.

Она покорно опускается на диван.

(Обернувшись, он видит ее отчаяние и чувствует, что одержал полную победу и теперь может немного поиграть со своей жертвой. Подходит и садится рядом с ней. Она, как будто встревоженная, слегка отодвигается от него, но в глазах ее снова заблестел луч надежды. Он начинает говорить, как человек, втайне смакующий хорошую шутку.) Откуда вы знаете, что я храбрый?

Дама *(пораженная)*. Вы? Генерал Буонапарте? *(С итальянским произношением.)*

Наполеон. Да, я, генерал Бонапарт. *(Подчеркивая французское произношение.)*

Дама. О, как вы можете это спрашивать! Когда вы всего два дня назад стояли у моста в Лоди и смерть витала над вами, а вы вели артиллерийскую дуэль через реку. *(Содрогаясь.)* О, вы способны на отчаянно храбрые поступки!

Наполеон. Вы тоже.

Дама. Я?! *(Странная мысль пришла ей в голову.)* А-а... Так, значит, вы — трус?

Наполеон *(с невеселым смехом, похлопывая себя по колену)*. Это единственный вопрос, которого нельзя задавать солдату. Сержант интересуется тем, сколько рекруту лет, какой у него рост, сложение, объем груди, но никогда не спрашивает, храбр он или нет.

Дама *(словно считая, что это вовсе не смешно)*. Вы еще можете смеяться над страхом. Видно, вы не знаете, что это такое.

Наполеон. Скажите мне вот что: предположим, для того чтобы получить это письмо, вам нужно было третьего дня перейти ко мне по мосту в Лоди. Предположим, что другого пути не было, а это был верный путь – если бы, конечно, вас не убило ядром!

Она, вздрогнув, на минуту закрывает глаза руками.

Вам было бы страшно?

Дама. О, еще бы! Так страшно, так ужасно страшно! *(Прижимает руки к сердцу.)* Даже подумать больно.

Наполеон *(неумолимо)*. Но вы бы пошли за этим письмом?

Дама *(подавленная одной мыслью о такой опасности)*. Не спрашивайте. Я бы должна была пойти!

Наполеон. Почему?

Дама. Потому что должна. Потому что у меня не было бы выбора.

Наполеон *(убежденно)*. Потому что необходимость добыть мое письмо заставила бы вас побороть страх. *(Быстро встает и продолжает, как оратор с трибуны.)* Есть одно только чувство, знакомое всем, – страх. Из тысячи свойств, присущих человеку, единственное, которое вы найдете и у последнего мальчишки-барабанщика в моей армии и у меня, – это страх. Страх ведет людей в бой, равнодушие обращает их в бегство. Страх – это движущая сила войны. Страх! Он знаком мне лучше, чем вам, лучше, чем любой женщине. Однажды на моих глазах парижская чернь растерзала полк хороших швейцарских солдат, потому что я побоялся вмешаться: я только смотрел и чувствовал себя жалким трусом. Семь месяцев назад я отомстил за свой позор, расстреливая эту чернь из пушек. Ну так что же? Помешал ли когда-нибудь страх человеку – все равно мужчине или женщине – добиваться того, чего он действительно хочет? Никогда. Пойдемте со мной, я покажу вам двадцать тысяч трусов, которые за стакан коньяку готовы каждый день рисковать жизнью. А вы думаете, в армии нет женщин еще похрабрее, чем мужчины, хотя их жизнь стоит дороже? Вздор! При чем тут страх, при чем тут храбрость! Если бы вам понадобилось перейти ко мне по мосту в Лоди, вы бы не побоялись: едва ступив на мост, забыли бы обо всем на свете, кроме того, что вам необходимо, во что бы то ни стало необходимо перейти на тот берег и добиться своей цели. А теперь предположим, что вы все это

проделали. Вы невредимой выбрались с письмом из-под огня и уже знаете, что, когда ваш час настал, страх не ослабил вас, а только удвоил вашу решимость, что он перестал быть страхом, а превратился в силу, собранность, зоркость, железную волю! Что бы вы тогда ответили на вопрос – трусиха вы или нет?

Дама *(вставая)*. О, вы герой, настоящий герой!

Наполеон. Пустое! Настоящих героев не бывает. *(Прохаживается по комнате, словно отмахиваясь от восторгов своей собеседницы, но вполне довольный собою за то, что их вызвал.)*

Дама. Нет, бывают. Есть разница между вашим геройством и тем, что вы называете моей храбростью. Ведь вы хотели выиграть бой у Лоди для себя, а не для кого-нибудь еще, не так ли?

Наполеон. Разумеется. *(Спохватившись.)* То есть конечно нет. *(Делает благочестивое лицо и говорит так, словно читает проповедь.)* Я всего лишь слуга Французской республики, смиренно следующий по стопам героев классической древности. Я выигрываю битвы не для себя, а для моей родины, для человечества.

Дама *(разочарованно)*. О, значит, героизм у вас все-таки женский. *(Садится. Восторг ее как рукой сняло.)*

Наполеон *(до крайности удивленный)*. Женский?

Дама *(грустно)*. Да, как у меня. *(С глубокой печалью.)* Неужели вы думаете, что, будь эти бумаги нужны мне только для себя, я бы решилась пойти за них в бой? Нет. Будь это все, я бы даже не осмелилась явиться к вам сюда, в гостиницу. Моя храбрость – это тоже всего лишь служение: для личных целей она мне бесполезна. Только любовь, сострадание, инстинктивное стремление спасать и оберегать других людей – вот что толкает меня на поступки, которых я так страшусь.

Наполеон *(презрительно)*. Вздор! *(Устало отворачивается от нее.)*

Дама. Вот теперь вы видите, что я совсем не храбрая. *(Капризно и печально.)* Но какое вы имеете право презирать меня, если вы выигрываете свои битвы ради других? Из любви к родине! Из патриотизма! Вот это я и называю – по-женски; это так похоже на француза!

Наполеон *(в бешенстве)*. Я не француз.

Дама *(невинно)*. Мне послышалось, вы сказали, что выиграли бой у Лоди для вашей родины, генерал Буо... как произносить, по-итальянски или по-французски?

Наполеон. Вы испытываете мое терпение, сударыня. Я родился французским подданным, но не во Франции.

Дама *(делая вид, будто внезапно прониклась интересом к нему)*. По-моему, вы вообще не родились подданным.

Наполеон *(чрезвычайно польщенный)*. А? Что? Вы так думаете?

Дама. Я в этом уверена.

Наполеон. Что ж, может быть, вы и правы. *(Уловив все самодовольство этой реплики, он умолкает, краснеет; потом переходя на торжественный тон, в подражание героям классической древности, говорит нравоучительно.)* Но не следует жить только для себя, дитя мое. Не забывайте, что мы всегда должны думать о других, трудиться для других и управлять ими для их блага. Самопожертвование – основа всякого истинно благородного характера.

Дама *(со вздохом и гораздо более натурально)*. Ах, видно, что вы никогда не пробовали его проявлять, генерал.

Наполеон *(возмущенно, сразу позабыв про Сципиона и Брута)*. Что вы хотите этим сказать, сударыня?

Дама. Разве вы не замечали, что люди всегда склонны переоценивать то, чего у них нет? Бедные воображают, что, дай им только богатство, они сразу станут и счастливы и безгрешны. По той же причине все восхваляют правдивость, чистоту, самоотверженность – просто потому, что не представляют себе, что это такое. Ах, если бы они только знали!

Наполеон *(насмешливо и злобно)*. Если бы только знали! А вы-то знаете?

Дама. Да. Я имела несчастье родиться хорошей. *(Взглядывает на него.)* И поверьте мне, генерал, это действительно несчастье. Я и правдива, и добра, и так далее, – и все это трусость, недостаток характера, неуменье честно, по-настоящему быть самою собой.

Наполеон. Ха? *(Быстро поворачивается к ней: любопытство его задето.)*

Дама *(серьезно, все более воодушевляясь)*. В чем секрет вашего могущества? Только в том, что вы верите в себя. Вы можете сражаться и побеждать для себя и ни для кого более. Вы не боитесь своей судьбы. Вы показываете нам, чем мы все могли бы стать, будь у нас достаточно воли и мужества; и вот почему *(внезапно опускается перед ним на колени)* мы все начинаем преклоняться перед вами. *(Целует ему руки.)*

Наполеон *(смущенный)*. Полно, полно! Встаньте, сударыня, прошу вас!

Дама. Не отвергайте моих скромных похвал. Они принадлежат вам по праву. Вы будете императором Франции...

Наполеон *(поспешно)*. Берегитесь! Государственная измена!

Дама *(не слушая)*. Да, императором Франции, потом Европы, а может — и всего мира. Просто я первая приношу вам присягу на верность. *(Снова целует ему руку.)* Мой император!

Наполеон *(растроганный, поднимая ее)*. Прошу вас! Нет, нет, это безумие! Успокойтесь же, успокойтесь. *(Гладит ее по плечу.)* Ну, вот так, умница.

Дама *(сквозь счастливые слезы)*. Да, я понимаю: это дерзость с моей стороны — говорить вам то, что вы знаете куда лучше меня. Но вы на меня не сердитесь, правда?

Наполеон. Сержусь? Нет, нет, нисколько. Вы очень понятливая, умная и интересная женщина. *(Треплет ее по щеке.)* Будем друзьями?

Дама *(ликующе)*. Друзьями! Вы позволите мне быть вашим другом? О! *(С сияющей улыбкой протягивает ему обе руки.)* Видите, это залог того, что я вам доверяю.

Неосторожное напоминание о поручике все погубило. Наполеон вздрагивает, глаза его сверкают, он издает яростный рев.

Наполеон. Что?!

Дама. Что случилось?

Наполеон. Вы мне доверяете? Чтобы я в свою очередь доверился вам и дал вам ускользнуть с моими депешами, так? Ах, Далила, Далила! Ты испробовала на мне свои чары, и я оказался таким же дураком, как мой осел поручик! *(Грозно.)* Отдайте мои депеши, живо! Сейчас со мной шутки плохи!

Дама *(спасается бегством за диван)*. Генерал...

Наполеон. Живо, слышите? *(Быстро проходит на середину комнаты и отрезает ей путь в виноградник.)*

Дама *(с отчаяния дает волю своему гневу)*. Не смейте говорить со мной таким тоном!

Наполеон. Не сметь?

Дама. Да, не смейте! Кто вы такой, чтобы обращаться со мной так грубо? Сразу виден гнусный, неотесанный корсиканский авантюрист!

Наполеон *(вне себя)*. Чертовка! *(Яростно.)* В последний

раз – отдадите вы мне эти бумаги или прикажете вырвать их у вас силой?

Дама. Вырывайте. Силой.

Он смотрит на нее, как тигр, приготовившийся к прыжку. Она становится в позу мученицы, скрестив руки на груди. Этот жест пробуждает в нем актерский инстинкт. Ярость его утихает, вытесненная желанием показать ей, что и он умеет лицедействовать не хуже. Минуту он держит ее в напряжении, потом лицо его разом проясняется. С вызывающим спокойствием он закладывает руки за спину и раза три оглядывает ее с головы до ног; берет понюшку табаку, тщательно вытирает пальцы, прячет платок в карман. И чем дольше затягивается молчание, тем его геройская поза становится нелепее.

Наполеон *(наконец прерывая молчание)*. Ну?

Дама *(сбита с толку, но все еще держит руки набожно скрещенными на груди)*. Ну, что же вы намерены делать?

Наполеон. Намерен показать, что ваша благородная поза смешна.

Дама. Грубиян! *(Отказавшись от роли мученицы, подходит к дивану и прислоняется к нему, заложив руки за спину и глядя в упор на Наполеона.)*

Наполеон. Вот так-то лучше! Теперь послушайте, что я вам скажу. Вы мне нравитесь. Более того, я ценю ваше уважение.

Дама. Значит, цените то, чего нет.

Наполеон. Придет время – будет. Слушайте внимательно. Предположим, что я бы помнил о почтении, какое подобает вашему полу, вашей красоте, вашему геройству и тому подобное. Предположим, что эта сентиментальная чепуха удержала бы мою руку на пути к бумагам, которые находятся при вас и которые я твердо намерен получить, и что я, будучи почти у цели, струхнул бы и ушел, поджав хвост, или, хуже того, скрыл бы свою слабость под маской великодушия, сделал бы вид, будто пощадил вас, на самом деле не решившись поднять на вас руку! Разве вы не стали бы презирать меня всеми силами своей женской души? И разве женщина поступила бы так глупо? Но знайте, что и Бонапарт, когда нужно, умеет действовать, как женщина. Понятно?

Не говоря ни слова, дама выпрямляется и достает из-за косынки пачку бумаг. На мгновение у нее возникает

сильный соблазн швырнуть ее Наполеону в лицо, но воспитание не позволяет ей облегчить свою душу столь вульгарным способом. Она протягивает ему пачку вежливо, лишь отвернувшись слегка в сторону. Едва он взял бумаги, она быстро идет в другой угол комнаты, садится и закрывает лицо руками.

Наполеон *(склонившись над пачкой, торжествующе)*. Ага! Так, так, так! *(Прежде чем развязать бумаги, бросает взгляд на даму.)* Прошу прощения. *(Видит, что она закрыла лицо.)* Очень я вас разобидел, а? *(Развязывает шнурок, печать на котором уже сломана, и кладет бумаги на стол, готовясь заняться ими.)*

Дама *(спокойно, отнимая руки от лица и показывая, что она не плачет, а просто задумалась)*. Нет. Вы были правы. Но мне жаль вас.

Наполеон *(который уже взял было из пачки верхнюю бумагу, кладет ее обратно)*. Жаль меня? Почему?

Дама. Я буду свидетельницей того, как вы потеряете свою честь.

Наполеон. Гм! Только и всего?*(Берет бумагу.)*

Дама. И свое счастье.

Наполеон. Счастье! Для меня нет ничего скучнее. Разве стал бы я тем, что я есть, если б стремился к счастью? Что-нибудь еще?

Дама. Ничего.

Наполеон. Отлично.

Дама. Кроме того, что вы окажетесь смешны в глазах Франции.

Наполеон *(как ужаленный)*. Что? *(Пальцы, развертывавшие бумагу, невольно замирают.)*

Дама загадочно смотрит на него и молчит.

(Бросает письмо на стол и разражается гневными упреками.) Это еще что значит, а? Опять вы за свои фокусы? Думаете, я не знаю, что содержится в этих бумагах? Сейчас я вам скажу. Во-первых, сведения, касающиеся отступления Больe. Этот остолоп может сделать только одно из двух — либо укрыться в Мантуе, либо нарушить нейтралитет Венеции, захватив Пескьеру. Вы — шпионка этого престарелого остолопа; он обнаружил, что его предали, и послал вас с поручением во что бы то ни стало перехватить эти сведения. Старый дурак, как будто это спасет его от меня! Остальные бумаги — это мои личные письма из Парижа, которые вас не касаются.

Дама *(быстро и деловито)*. Генерал! Давайте поделимся. Возьмите сведения об австрийской армии, которые вам посылают ваши шпионы, а парижские письма отдайте мне. Я готова этим удовлетвориться.

Наполеон *(у которого даже дух захватило от такого бесцеремонного предложения)*. Поделимся... *(Голос изменяет ему.)* Сдается мне, сударыня, что вы уже смотрите на мои письма как на свою собственность, а на меня — как на грабителя, который пытается их у вас отнять.

Дама *(серьезно)*. Нет. Честью вас заверяю, мне не нужны ваши письма; не нужно ни одного слова, написанного вами или вам. В этой пачке есть украденное письмо — письмо, написанное женщиной мужчине, и притом не ее мужу; письмо, которое грозит позором, бесчестием...

Наполеон. Любовное письмо?

Дама *(вкрадчиво, но ехидно)*. Что, кроме любовного письма, может породить столько ненависти?

Наполеон. Почему же его послали мне? Чтобы муж оказался в моей власти, так?

Дама. Нет, нет, вам оно не может понадобиться. Клянусь, что вы ничего не потеряете, отдав его мне. Его послали вам из чистой злобы — только для того, чтобы повредить женщине, которая его написала.

Наполеон. Так почему его послали мне, а не ее мужу?

Дама *(ожидавшая чего угодно, только не этого)*. О!.. *(Поникая на стуле, растерянно.)* Я... я не знаю.

Наполеон. Вот-вот, я так и думал: сочинили романтическую историю, чтобы выманить у меня письмо. Per bacco![1] Вами нельзя не восхищаться. Жаль, что я не умею так ловко врать. Это сильно облегчило бы мне жизнь.

Дама *(ломая руки)*. Ох, а мне как жаль, что я действительно вам не солгала! Тогда бы вы мне поверили. Правда — единственное, чему никто не верит.

Наполеон *(фамильярно, словно разговаривает с маркитанткой)*. Здóрово, здóрово! *(Став спиной к столу, опирается на него руками, подпрыгивает и усаживается, подбоченясь и широко раздвинув колени.)* Я, знаете ли, как истый корсиканец, люблю романтические истории. Но рассказать я при случае сумел бы получше вашего. Если вас еще когда-нибудь спросят, почему письмо, компрометирующее жену, не было послано мужу, ответьте просто: потому что муж не стал бы его читать. Вы что же, святая

---

[1] Черт возьми! *(итал.)*

простота, воображаете, будто мужчине очень интересно в угоду общественному мнению устраивать сцену, драться на дуэли, разорять свой домашний очаг, портить себе карьеру скандалом, когда он может избежать всего этого, решив, что он ничего не знает?

Дама *(запальчиво)*. А если бы в этой пачке было письмо про вашу жену?

Наполеон *(оскорбленный, слезая со стола)*. Вы говорите дерзости, сударыня.

Дама *(смиренно)*. Простите меня. Жена Цезаря выше подозрений.

Наполеон *(с видом превосходства)*. Вы допустили бестактность. Я вас прощаю. Впредь не позволяйте себе вводить в свои вымыслы живых людей.

Дама *(вежливо игнорируя нравоучение, которое, на ее взгляд, только доказывает его невоспитанность)*. Генерал! Там правда есть письмо от женщины. *(Указывая на пачку.)* Отдайте его мне.

Наполеон *(до грубости лаконично)*. Зачем?

Дама. Это моя давнишняя подруга. Мы вместе учились. Она мне написала... она заклинает меня сделать все, чтобы это письмо не попало вам в руки.

Наполеон. Почему его послали мне?

Дама. Потому, что оно компрометирует члена Директории Барраса.

Наполеон *(хмурясь, явно удивленный)*. Барраса! *(Надменно.)* Поосторожней, сударыня! Член Директории Баррас – мой близкий друг.

Дама *(безмятежно кивая головой)*. Да. Вы подружились через вашу жену.

Наполеон. Опять! Ведь я запретил вам говорить о моей жене!

Она не сводит с него любопытного взгляда, точно и не слышала его замечания.

(Все больше раздражаясь, он отбрасывает надменный тон, который ему самому порядком надоел, и спрашивает подозрительно, понизив голос.) Кто эта женщина, в которой вы принимаете такое участие?

Дама. Ах, генерал, могу ли я вам это сказать!

Наполеон *(хмуро, снова принимаясь ходить взад-вперед в сердитом недоумении)*. Ну конечно, покрываете друг дружку. Все вы, женщины, одинаковы.

Дама *(возмущенно)*. Вовсе мы не одинаковы – так же как

и вы, мужчины. Уж поверьте, если б я полюбила другого, я не стала бы притворяться, что по-прежнему люблю мужа, не побоялась бы сказать правду и ему и всему свету. Но эта женщина не такая. Она подчиняет себе мужчин тем, что обманывает их; а им это нравится. *(С пренебрежением отворачивается от него.)*

Наполеон *(не слушая)*. Баррас? Баррас? *(Угрожающе, с потемневшим лицом.)* Берегитесь! Слышите – берегитесь! Не заходите слишком далеко.

Дама *(оглядываясь на него, невинно)*. Что такое?

Наполеон. На что вы намекаете? Кто эта женщина?

Дама *(выдерживает его гневный, испытующий взгляд невозмутимо-равнодушно)*. Глупенькое, тщеславное, сумасбродное создание, жена очень одаренного и честолюбивого мужа, который знает ее наизусть. Знает, что она лгала ему, когда говорила про свой возраст, свои доходы, свое положение в обществе – про все, что может утаить или выдумать глупая женщина; знает, что она не способна быть верной ни идее, ни человеку, – и все-таки не может не любить ее; не может – чисто по-мужски – не использовать для своей карьеры ее знакомство с Баррасом.

Наполеон *(яростным, свистящим шепотом)*. Это ты мстишь мне, дрянь, за то, что пришлось отдать письма.

Дама. Пустое! Да разве вы – такой человек?

Наполеон *(вне себя, стиснув за спиною руки, чтобы не дрожали, отходит к очагу)*. Эта женщина меня с ума сведет. *(Ей.)* Убирайтесь.

Дама *(не двигаясь с места)*. Без письма не уйду.

Наполеон. Убирайтесь, говорю вам. *(Шагает от очага к винограднику, потом обратно к столу.)* Никаких писем вы не получите. Вы мне не нравитесь. Вы отвратительная женщина и дурны как смертный грех. Я не желаю, чтобы меня изводили какие-то неизвестные женщины. Вон отсюда! *(Становится к ней спиной. Она беззвучно смеется, подперев ладонью щеку и глядя на него. Он поворачивается и сердито ее передразнивает.)* Ха, ха, ха! Чему вы смеетесь?

Дама. Я смеюсь над вами, генерал. Мне часто приходилось видеть, как мужчины выходят из себя и капризничают, словно малые дети. Но никогда я еще не видела, чтобы так вел себя истинно великий человек.

Наполеон *(резко, бросая слова ей в лицо)*. Вздор! Лесть! Грубая, наглая лесть!

Дама *(вспыхнув, быстро встает со стула)*. Ах, вы просто невозможны. Оставьте себе свои письма. Прочтите их, узнайте про свой позор, на здоровье. Прощайте. *(Высоко подняв голову, направляется к внутренней двери.)*

Наполеон. Мой поз... Стойте! Вернитесь! Вернитесь, я вам приказываю!

Не обращая внимания на его бешено-повелительные выкрики, она гордо идет к двери.

(Бросается к ней, хватает за руку и тащит обратно.) Что вы имели в виду? Объяснитесь сейчас же, не то...

Она, не дрогнув, вызывающе смотрит на него.

Рррр! Вот упрямая бестия. *(Отшвыривая ее руку.)* Неужели вы не можете ответить на вежливый вопрос?

Дама *(глубоко уязвленная его грубостью)*. Что вы меня спрашиваете? Вот вам ответ.

Наполеон. Где?

Дама *(указывая на письма)*. Здесь. Прочтите — и все узнаете.

Наполеон *(хватает письма, колеблется, подозрительно взглядывает на даму и бросает всю пачку обратно на стол)*. Вы что же, позабыли о том, как только что оберегали честь вашей давнишней подруги?

Дама. Сейчас, мне кажется, ей больше ничего не грозит. Она не вполне понимает своего мужа.

Наполеон. Так прочесть письмо? *(Глядя на даму, снова протягивает руку к пачке.)*

Дама. Теперь уже, вероятно, этого не избежать.

Он тотчас отдергивает руку.

О, не бойтесь. Оно сулит вам много интересного.

Наполеон. Например?

Дама. Например, дуэль с Баррасом, семейную драму, разоренный домашний очаг, громкий скандал, испорченную карьеру. Мало ли что еще.

Наполеон. Гм! *(Смотрит на даму; берет пачку, смотрит на нее, сжав губы и покачивая ее на ладони; опять смотрит на даму; перекладывает пачку в левую руку и, держа ее за спиной, правой чешет в затылке, в то же время делая несколько шагов к выходу в виноградник; на пороге останавливается и задумчиво глядит в чащу кустов. Дама молча, чуть пренебрежительно наблюдает за ним. Но вот он, круто повернувшись, возвращается к столу, полный решимости и силы.)* Я исполню вашу просьбу, су-

дарыня. Ваше мужество и выдержка достойны награды. Вот, возьмите письма, за которые вы так славно боролись; и запомните, что гнусный, неотесанный корсиканский авантюрист столь же великодушен к побежденным после боя, сколь до боя неустрашим перед лицом врага.

Дама *(не двигаясь, пристально смотрит на него)*. Интересно, какую еще каверзу вы придумали?

Он в бешенстве швыряет пачку на пол.

Ага! На этот раз мне, кажется, удалось показать смехотворность чьей-то благородной позы. *(Делает ему иронический реверанс.)*

Наполеон *(снова хватая пачку)*. Сейчас же берите письма и вон отсюда! *(Насильно сует ей пачку.)*

Дама *(убегая от него вокруг стола)*. Нет, ваши письма мне не нужны.

Наполеон. Десять минут назад вы только их и добивались.

Дама *(следя за тем, чтобы стол все время разделял их)*. Десять минут назад вы еще не оскорбили меня сверх всякой меры.

Наполеон. Я... *(с усилием)* я прошу прощенья.

Дама *(небрежно)*. Благодарю.

С вымученной вежливостью он протягивает ей пачку через стол.

(Отступает на шаг.) Но разве вам не хочется узнать, где находятся австрийцы – в Мантуе или в Пескьере?

Наполеон. Я уже говорил вам, сударыня, что умею побеждать своих врагов и без помощи шпионов.

Дама. А письмо? Вам не хочется прочесть его?

Наполеон. Вы сказали, что оно адресовано не мне. Не в моих привычках читать чужие письма. *(Снова протягивает ей пачку.)*

Дама. В таком случае пусть оно остается у вас. Мне нужно было одно – чтобы вы не прочли его. *(Весело)*. Всего хорошего, генерал. *(Как ни в чем не бывало направляется к внутренней двери.)*

Наполеон *(в сердцах швыряет пачку на диван)*. О боже, пошли мне терпенья! *(Решительно идет к двери и загораживает ей дорогу.)* Способны вы почувствовать, когда вам грозит опасность? Или вы из тех женщин, которые любят, чтобы их избивали до полусмерти?

Дама. Благодарю вас, генерал. Не сомневаюсь, что это очень волнующее ощущение, но предпочитаю не испытывать

его. Я просто хочу уйти к себе, и ничего более. Я поступила очень дурно, украв ваши депеши; но теперь они снова у вас, и вы меня простили, потому что *(тонко подражая его ораторской интонации)* вы столь же великодушны к побежденным после боя, сколь до боя неустрашимы перед лицом врага. Вы не хотите со мной проститься? *(С милой улыбкой протягивает ему руку.)*

Наполеон *(гневно отмахивается от нее и, открыв дверь, орет)*. Джузеппе! *(Громче.)* Джузеппе! *(Захлопнув дверь, выходит на середину комнаты.)*

Дама, чтобы не столкнуться с ним, отступает в виноградник.

Джузеппе *(появляясь в дверях)*. Что прикажете, ваше превосходительство?

Наполеон. Где этот болван?

Джузеппе. Он сытно пообедал, как вы и распорядились, ваше превосходительство, а сейчас, чтобы скоротать время, оказал мне честь поиграть со мной в кости.

Наполеон. Пошлите его сюда. Нет, приведите. Сами тоже являйтесь.

Джузеппе, которого ничем не удивишь, тотчас скрывается.

(Поворачивается к даме и говорит сухо.) Попрошу вас остаться здесь еще на несколько минут, сударыня. *(Подходит к дивану.)*

Она идет из виноградника вдоль противоположной стены, останавливается у буфета и, прислонясь к нему, зорко следит за Наполеоном. Взяв пачку с дивана, он не спеша прячет ее во внутренний карман и застегивает сюртук, взглядом давая понять даме, что она скоро узнает, в чем смысл этих приготовлений, и едва ли будет очень довольна. Молчание не нарушается больше до прихода поручика, которого сопровождает Джузеппе. Джузеппе скромно остается стоять у стола, ожидая приказаний. Поручик без кивера, без сабли, без перчаток. После обеда он заметно подобрел и воспрянул духом. Оглядевшись, он проходит на ту сторону комнаты, где стоит дама, и благодушно ждет, чтобы Наполеон заговорил.

Наполеон. Поручик.

Поручик *(подбодряя его)*. Да, генерал?

Наполеон. Мне не удалось получить от этой дамы сколько-нибудь ценные сведения, но нет сомнений, что человек, обманом отнявший у вас доверенные вам бумаги, — ее брат, как она вам и говорила.

Поручик *(торжествуя)*. Вот видите, генерал! Вот видите!

Наполеон. Вы должны найти этого человека. На карту поставлена ваша честь. От сведений, которые содержатся в этих депешах, зависит исход кампании, судьба Франции, Европы, может быть всего человечества.

Поручик *(словно это ему только что пришло в голову)*. Да, выходит, что дело серьезное.

Наполеон *(с силой)*. Настолько серьезное, сударь, что если вы их не найдете, вы будете разжалованы перед полком.

Поручик. Фью! Будьте уверены, полку это не понравится.

Наполеон. Не скрою, мне вас жаль. Я охотно замял бы эту историю. Но мне придется дать отчет, почему я не действовал согласно депешам. Придется доказать всему свету, что я их не получил; и какие последствия это будет иметь для вас — вы сами понимаете. Мне очень жаль, но — видите — я бессилен.

Поручик *(добродушно)*. О, не огорчайтесь, генерал. Право же, вы очень добры. Будь что будет, как-нибудь выкручусь. А австрийцев мы вам разобьем и с депешами и без депеш. Надеюсь, вы не настаиваете, чтобы я мчался неизвестно куда за этим мошенником? Я понятия не имею, где его искать.

Джузеппе *(почтительно)*. Вспомните, поручик: у него осталась ваша лошадь.

Поручик *(изумленный)*. Верно! Я и забыл. *(Решительно.)* Я еду, генерал! Обскачу всю Италию, а разыщу эту лошадь, если только она жива. И депеши не позабуду, не бойтесь. Джузеппе, ну-ка оседлайте одну из ваших почтовых кляч, пока я тут соберу мою саблю, кивер и все прочее. Бегом! Живо! *(Подталкивает его.)*

Джузеппе. Мигом, поручик, мигом. *(Исчезает в винограднике, где на всем уже лежит красноватый отблеск заката.)*

Поручик *(оглядываясь по сторонам, идет к внутренней двери)*. Кстати, генерал, я не давал вам моей сабли? Ах да, вспомнил! *(Ворчливо.)* Всё эти глупые выдумки — сажать людей под арест, — никогда не знаешь, где искать... *(Выбирается из комнаты.)*

Дама *(по-прежнему стоя у буфета)*. Что это все значит, генерал?

Наполеон. Он не найдет вашего брата.
Дама. Конечно. У меня вообще нет брата.
Наполеон. Депеши пропадут без следа.
Дама. Что за глупости! Они у вас в кармане.
Наполеон. Едва ли вы сможете доказать столь нелепое предположение.

Дама вздрагивает.

(Добавляет безапелляционно.) Эти бумаги пропали.
Дама *(тревожно, подходя к столу)*. И карьера этого несчастного молодого человека будет принесена в жертву?
Наполеон. Его карьера! Да он весь не стоит того пороха, который понадобился бы, чтобы его расстрелять. *(Пренебрежительно поводит плечом и, подойдя к очагу, останавливается спиною к даме.)*
Дама *(печально)*. Вы безжалостны. Для вас мужчины и женщины только игрушки, которые вы, если вам это нужно, не побоитесь и сломать.
Наполеон *(оборачиваясь)*. Кто из нас сломал этого паяца? Вы или я? Кто обокрал его? Тогда-то вы не думали о его карьере?
Дама *(пристыженная)*. Ох, об этом я и не подумала. Это очень дурно с моей стороны, но что я могла поделать? Как еще мне было достать эти бумаги? *(Умоляюще.)* Генерал! Спасите его от позора!
Наполеон *(язвительно)*. Сами спасайте, раз вы такая ловкая. Это вы его погубили. *(С яростной убежденностью.)* Ненавижу скверных солдат. *(Твердым шагом выходит в виноградник.)*

Она, умоляюще подняв руку, хочет последовать за ним, но тут возвращается поручик, в кивере, в перчатках и при сабле, готовый в путь. Она перехватывает его по дороге к выходной двери.

Дама. Поручик!
Поручик *(важно)*. Только не задерживайте меня. Сами понимаете, сударыня, воинский долг...
Дама *(жалобно)*. О сударь, что вы сделаете с моим несчастным братом?
Поручик. А вы его очень любите?
Дама. Если с ним что-нибудь случится, я этого не переживу. Вы должны пощадить его.

Поручик мрачно качает головой.

Да, да, должны, он не умрет, это немыслимо. Послушайте меня. Если я вам скажу, где его найти, если пообещаю отдать вам его в руки как пленника, чтобы вы могли привести его к генералу Бонапарту,— поклянетесь ли вы мне честью офицера и дворянина, что не будете драться с ним и вообще не сделаете ему ничего худого?

Поручик. А если он на меня нападет? Ведь он забрал мои пистолеты.

Дама. Не нападет, он отчаянный трус.

Поручик. Ну, не знаю. По-моему, он на все способен.

Дама. Если он на вас нападет или хотя бы станет сопротивляться, я освобождаю вас от вашего обещания.

Поручик. Обещания? Разве я вам уже пообещал? Знаете, вы сами не лучше его: вы тоже сыграли на моих лучших чувствах. А моя лошадь?

Дама. Лошадь и пистолеты вы получите обратно,— это входит в наш уговор.

Поручик. Честное слово?

Дама. Честное слово. *(Протягивает ему руку.)*

Поручик *(берет ее руку и задерживает в своих)*. Ну ладно. Я буду с ним кроток, как овечка. Его сестра — прелестная женщина! *(Пытается поцеловать ее.)*

Дама *(ускользая)*. Ах, поручик! Вы забываете: на карту поставлена ваша карьера... судьба Европы... человечества...

Поручик. Да ну ее, судьбу человечества! *(Подступает к ней.)* Один поцелуй!

Дама *(пятясь вокруг стола)*. Сначала позаботьтесь о своей офицерской чести. Не забудьте — вы еще не захватили моего брата!

Поручик *(пуская в ход всю свою обольстительность)*. Вы мне скажете, где он, а?

Дама. Мне стоит только подать ему знак, и через четверть часа он будет здесь.

Поручик. Стало быть, он недалеко отсюда?

Дама. Нет, совсем близко. Подождите его. Когда мой призыв до него дойдет, он тотчас явится сюда и сдастся вам. Вы понимаете?

Поручик *(напряженно морща лоб)*. Сложновато это, конечно. Ну, да, наверно, все будет в порядке.

Дама. А сейчас, пока вы ждете, я вам советую договориться с генералом.

Поручик. Ой, это что-то уже слишком сложно. О чем договориться?

Дама. Возьмите с него слово, что, если вы изловите моего

брата, это будет означать, что вы стерли позорное пятно со своего имени. На этом условии он пообещает все что угодно.

Поручик. Мысль не плоха. Благодарю вас. Надо, пожалуй, попробовать.

Дама. Попробуйте. А главное – не показывайте ему, какой вы умный.

Поручик. Понятно! А то еще станет завидовать.

Дама. Ничего ему не говорите – скажите только, что решили либо изловить моего брата, либо погибнуть. Он вам не поверит. И тогда вы позовете моего брата...

Поручик *(перебивая ее, в восторге, что постиг всю интригу)*. И вдоволь посмеюсь над генералом! Послушайте, вы на редкость умная женщина! *(Кричит.)* Джузеппе!

Дама. Тс! Ни слова Джузеппе обо мне. *(Прикладывает палец к губам. Он тоже.)*

Они смотрят друг на друга, как заговорщики. Потом она с чарующей улыбкой посылает ему воздушный поцелуй и убегает в комнаты. Он разражается лающим, возбужденным смехом.

Джузеппе *(входит с улицы)*. Лошадь готова, поручик.

Поручик. Я пока не еду. Ступайте найдите генерала и передайте ему, что мне нужно с ним поговорить.

Джузеппе *(качая головой)*. Ничего не выйдет, поручик.

Поручик. Почему?

Джузеппе. В нашем грешном мире генерал может послать за поручиком, но поручику нельзя посылать за генералом.

Поручик. Ах, вы думаете, это ему не понравится? Что ж, может быть, вы и правы: сейчас, когда у нас республика, приходится быть очень щепетильным в этих делах.

Наполеон медленно возвращается из виноградника, застегивая на груди сюртук, бледный, весь во власти мучительных мыслей.

Джузеппе *(не замечая его)*. Вот именно, поручик, вот именно. Сейчас все во Франции стали похожи на трактирщиков – со всеми приходится быть вежливыми.

Наполеон *(кладя ему руку на плечо)*. И от этого вежливость теряет свою цену. Так?

Поручик. А-а, он-то мне и нужен! Послушайте, генерал! А что, если я изловлю вам этого молодчика?

Наполеон *(с угрюмой насмешкой)*. Не изловите, друг мой.

Поручик. Да, вы так думаете? А вот посмотрим. Только если я его поймаю и передам вам в руки, будем мы тогда квиты? Бросите вы тогда эти разговоры насчет разжалованья перед полком? Мне-то, понимаете, все равно, но какому же полку приятно, когда другие полки над ним смеются?

Наполеон *(бледный луч юмора пробивается сквозь мрак его раздумья)*. Что нам делать с этим офицером, Джузеппе? Что он ни скажет — все не так.

Джузеппе *(без запинки)*. Произведите его в генералы, ваше превосходительство,— тогда, что он ни скажет, все будет так.

Поручик *(ржет)*. Ха-ха-ха! *(В восторге бросается на диван, чтобы как следует насладиться этой шуткой.)*

Наполеон *(смеясь, берет Джузеппе за ухо)*. Пропадаете вы зазря в этой харчевне, Джузеппе. *(Садится и ставит Джузеппе перед собой, как учитель школьника.)* Забрать мне вас, что ли, с собой? Сделать из вас человека?

Джузеппе *(энергично трясет головой)*. Нет, нет, нет, нет, нет! Всю жизнь мне предлагали сделать из меня человека. Когда я был мальчишкой, наш добрый священник хотел сделать из меня человека, научив меня грамоте. Потом органист в Меланьяно хотел сделать из меня человека, научив меня читать ноты. Сержант-вербовщик, тот сделал бы из меня человека, будь я повыше ростом. Но всякий раз меня хотели заставить работать; а для этого я, благодарение богу, слишком ленив! И вот я научился стряпать и стал трактирщиком; а теперь у меня есть для работы прислуга, а самому остается только болтать языком,— это дело как раз по мне.

Наполеон *(задумчиво глядя на него)*. И вы довольны?

Джузеппе *(весело и убежденно)*. Вполне, ваше превосходительство.

Наполеон. В вас не сидит ненасытный бес, которого нужно кормить подвигами и победами — пичкать ими день и ночь? Который за десять минут наслаждения заставляет платить потом и кровью, неделями нечеловеческого труда? Одновременно раб и тиран, добрый гений и злой рок, который в одной руке несет вам корону, а в другой весло галерного раба, который показывает вам все царства земли и предлагает стать их владыкой при условии, что вы будете их слугой! Ничего этого вы не знаете?

Джузеппе. Уж и ничего! Поверьте, ваше превосходительство, мой ненасытный бес куда хуже. Он мне не предлагает ни короны, ни царств,— ему подай все задаром: колбасы! яиц! винограду! сыру! поленты![1] вина! Три раза в день, ваше превосходительство; на меньшее он не согласен.

Поручик. Да замолчите вы, Джузеппе! От ваших слов у меня уже опять аппетит разыгрался.

Джузеппе, виновато пожав плечами, умолкает.

Наполеон *(поручику, с язвительной учтивостью)*. Надеюсь, от *моих* слов у вас не разыгралось честолюбие?

Поручик. Нет, нет, я так высоко не мечу. Да мне и без этого неплохо: сейчас в армии на таких людей, как я, большой спрос. Ведь революция — это очень хорошо для штатских, а в армии от нее только вред. Вы, генерал, знаете, что такое солдаты: им вынь да положь офицеров благородного происхождения. Субалтерн обязательно должен быть дворянином, потому что он все время общается с солдатами. Другое дело генерал или даже полковник — тот может быть из каких угодно подонков, лишь бы знал свое дело. Поручик — это значит дворянин. А в остальном война — чистая случайность. Вот, например, кто, по-вашему, выиграл битву при Лоди? Я вам скажу кто: моя лошадь!

Наполеон *(вставая)*. Поосторожнее, сударь. В своей глупости вы рискуете зайти слишком далеко.

Поручик. Ничего подобного. Помните, какая была канонада,— австрийцы палят в вас, чтобы не дать вам перейти реку, вы палите в них, чтобы не дать им поджечь мост... А вы заметили, где я находился в это время?

Наполеон. К сожалению, нет; я, видите ли, был очень занят.

Джузеппе *(восхищенно)*. Говорят, вы соскочили с коня, генерал, и своими руками заряжали пушки.

Поручик. Это была ошибка: офицер не должен опускаться до уровня своих солдат.

Наполеон, сверкнув на него глазами, начинает ходить взад-вперед, как тигр в клетке.

Но дело не в том: вы бы, может, до сих пор палили в австрийцев, если бы мы, кавалеристы, не отыскали брод, не

---

[1] Полента — каша *(итал.)*.

перебрались бы через реку и не обошли старика Болье с фланга. Вы же сами знаете, что не решились отдать приказ о штурме моста, пока не увидели нас на том берегу. Поэтому я и говорю, что битву при Лоди выиграл тот, кто отыскал брод. А кто его отыскал? Я-то ехал впереди, я знаю: отыскала его моя лошадь. *(Уверенно, поднимаясь с дивана.)* Значит, эта лошадь и победила австрийцев.

Наполеон *(в гневе)*. Болван! Я вас расстреляю за пропажу депеш, прикажу вами из пушки выпалить. Больше вас ничем не проймешь! *(Лает на него.)* Слышали? Поняли?

Незаметно входит французский офицер, держа в руке саблю в ножнах.

Поручик *(нимало не смущенный)*. Это если я не поймаю его, генерал. Помните: если...

Наполеон. Если! Осел! Да его и на свете нет.

Офицер *(неожиданно оказывается между ними и говорит голосом неизвестной дамы)*. Поручик, я — ваш пленник! *(Протягивает ему саблю.)*

Мгновение Наполеон смотрит на нее, как громом пораженный; потом, схватив ее за руку, рывком поворачивает к себе и вглядывается в нее свирепо и пристально, потому что уже быстро темнеет и в небе над виноградником, где недавно горело красное зарево, появляются звезды.

Наполеон. Фу! *(С отвращением отшвыривает ее руку и отворачивается, сдвинув брови и заложив руку за борт сюртука.)*

Поручик *(торжественно берет саблю)*. Что, генерал: его и на свете нет, а? *(Даме.)* Да, а где моя лошадь?

Дама. Цела и невредима, поручик; ждет вас в Боргетто.

Наполеон *(накидываясь на них)*. А депеши где?

Дама. Вам в жизни не угадать! Они в самом невероятном месте. Вы не встречали здесь мою сестру?

Поручик. Как же! Очень милая женщина. Удивительно похожа на вас, только, конечно, красивее.

Дама *(таинственно)*. А вы знаете, что она колдунья?

Джузеппе *(в ужасе крестится)*. Ой нет, нет, нет, нет! Такими вещами опасно шутить. Я не могу допустить этого в моем доме, ваше превосходительство.

Поручик. Да, это вы лучше оставьте. Ведь вы мой пленник. Я, конечно, не верю в такую чепуху, но предмет для шуток не подходящий.

Дама. Однако это очень серьезно. Моя сестра околдовала генерала Бонапарта.

Джузеппе и поручик пятятся от Наполеона.

Генерал, расстегните сюртук, и вы найдете депеши у себя в кармане. *(Быстро подносит руку к его груди.)* Да, вот они, прощупываются. А? *(Смотрит ему в лицо полувопросительно, полунасмешливо.)* Разрешите, генерал? *(Берется за пуговицу, чтобы расстегнуть его сюртук, и замирает в ожидании его согласия.)*

Наполеон *(с каменным лицом)*. Если посмеете.

Дама. Благодарю вас. *(Расстегивает пуговицу и достает депеши.)* Вот! *(Показывая их Джузеппе.)* Видите?

Джузеппе *(опрометью бросается к наружной двери)*. Господи помилуй! Они заколдованные!

Дама *(обращаясь к поручику)*. Взгляните, поручик; вы-то их не боитесь.

Поручик *(отступая)*. Не подходите! *(Хватаясь за эфес сабли.)* Не подходите, говорю!

Дама *(Наполеону)*. Это ваши бумаги, генерал, возьмите их.

Джузеппе. Не прикасайтесь к ним, ваше превосходительство! Бог с ними совсем!

Поручик. Осторожно, генерал, осторожно!

Джузеппе. Сожгите их. И колдунью сожгите.

Дама *(Наполеону)*. Сжечь?

Наполеон *(задумчиво)*. Да, сжечь. Джузеппе, принесите огня.

Джузеппе *(дрожа и заикаясь)*. Это мне идти одному? В потемках? Когда в доме колдунья?

Наполеон. Э, да вы, я вижу, смельчак! *(Поручику.)* Будьте добры, пойдите вы, поручик.

Поручик *(проникновенно)*. Ну, знаете ли, генерал! Нет, в самом деле, послушайте, никто не скажет, что я трус,— после Лоди,— но просить меня идти куда-то одному, в темноте, без свечи, после такого неприятного разговора — это уж слишком! Посмотрел бы я, как бы вы сами пошли.

Наполеон *(раздраженно)*. Вы отказываетесь выполнить мой приказ?

Поручик *(твердо)*. Да, отказываюсь. Это неразумный приказ. Но я нашел выход. Если Джузеппе пойдет, я пойду с ним и буду охранять его.

Наполеон *(Джузеппе)*. Ну, этого с вас достаточно? Ступайте оба, живо!

Джузеппе *(смиренно, трясущимися губами)*. С радостью, в-ваше превосходительство... *(Неохотно направляется к внутренней двери.)* Господи, помилуй и сохрани! *(Поручику.)* Прошу вас, поручик.

Поручик. Нет, вы лучше идите вперед, — я дороги не знаю.

Джузеппе. Тут не заблудишься. Да и как можно? *(Умоляюще притрагивается к его рукаву.)* Я только бедный трактирщик, а вы — дворянин.

Поручик. Это, положим, верно. Ну ладно, нечего трусить. Берите меня под руку.

Джузеппе повинуется.

Вот так.

Выходят под руку.

Наступила ночь, все небо в звездах. Дама бросает письма на стол и поудобнее усаживается на диван, наслаждаясь свободой движений, не стесненных юбками.

Дама. Ну вот, генерал, я вас победила.

Наполеон *(расхаживая по комнате)*. Вы позволили себе нескромный, неженственный поступок. Приличен ли такой наряд?

Дама. По-моему, он почти не отличается от вашего.

Наполеон. Бросьте! Я краснею за вас.

Дама *(простодушно)*. Да, военные так легко краснеют. *(Он только рычит и отворачивается. Она лукаво смотрит на него, покачивая письма на ладони.)* А вам не хочется их прочесть, генерал, прежде чем предать огню? Вы, наверно, умираете от любопытства. Взгляните хоть одним глазком. *(Бросает пачку на стол и отворачивается.)* Я не смотрю.

Наполеон. Я не любопытен, сударыня. Но раз вы сами, очевидно, жаждете их прочесть, я вам это разрешаю.

Дама. О, я-то их читала.

Наполеон *(пораженный)*. Что?

Дама. Я прочла их, как только ускакала с ними на лошади этого бедного поручика. Так что — видите — я знаю, что в них написано, а вы — нет.

Наполеон. Ошибаетесь: я их прочел десять минут назад, когда выходил в виноградник.

Дама. О! *(Вскакивая с дивана.)* Ах, генерал, значит я вас все-таки не победила! Я так восхищаюсь вами!

Он смеется и треплет ее по щеке.

На этот раз по-честному, без всякого притворства, я приношу вам дань уважения. *(Целует ему руку.)*

Наполеон *(поспешно отнимая руку)*. Брр! Не надо. Хватит с меня колдовства.

Дама. Я хочу вам что-то сказать. Только вы, пожалуй, не поймете.

Наполеон. А вы этим не смущайтесь.

Дама. Ну так вот: я обожаю мужчин, которые не боятся быть подлецами и эгоистами.

Наполеон *(в негодовании)*. Я не подлец и не эгоист.

Дама. О, вы себя недооцениваете. К тому же не надо понимать меня буквально: я, собственно, не имею в виду подлость и эгоизм.

Наполеон. Очень признателен. А то я уже было понял вас буквально.

Дама. Ну и правильно. Но я хотела сказать, что в вас есть какая-то простота и сила.

Наполеон. Это уже лучше.

Дама. Вы не хотели читать эти письма. Но вам любопытно было узнать, что в них написано. Поэтому вы ушли в сад, прочли их тайком от всех, а потом вернулись и сделали вид, будто не читали. Ничего подлее этого я не могу себе представить; но это в точности соответствовало вашим целям, потому вы и не побоялись и не постыдились так поступить.

Наполеон *(резко)*. И откуда у вас эти пошлые предрассудки? Эта ваша... *(брезгливо)* совесть? Я вас принимал за благородную даму, за аристократку. Уж не было ли у вас деда лавочника?

Дама. Нет, мой дед был англичанин.

Наполеон. Тогда все ясно. Англичане — нация лавочников. Теперь я понимаю, почему вы меня победили.

Дама. О, я вас не победила. И я не англичанка.

Наполеон. Нет, вы англичанка, англичанка до мозга костей. Вот послушайте, я вам сейчас расскажу, что такое англичане.

Дама *(обрадованно)*. Расскажите. *(С оживившимся лицом, словно предвкушая высокое интеллектуальное наслаждение, она усаживается на диване и вся обращается в слух.)*

Уверенный в своей публике, Наполеон тут же внутренне собирается, готовясь произнести монолог. С минуту он молчит, чтобы дать ей сосредоточиться. Заговорив, вначале копирует игру Тальма в «Цинне» Корнеля; но

в темноте это не производит должного эффекта. Тальма скоро уступает место Наполеону, и голос его напряженно звенит в сгустившемся мраке.

Наполеон. На свете существуют три разряда людей: низшие, средние и высшие. Низшие и высшие сходны в одном: у них нет предрассудков, нет моральных устоев. Низшие не возвышаются до морали, высшие до нее не снисходят. Ни тех, ни других я не боюсь, поскольку низшие лишены предрассудков, но невежественны, а потому делают из меня кумира; в то время как высшие лишены предрассудков, но не знают, чего им нужно, а потому уступают моей воле. Вот увидите: вся чернь и все королевские дворы в Европе склонятся передо мной, как дерево под натиском бури. Кто действительно опасен, так это средние люди: у тех есть и знания и цель. Но и у них есть слабое место. Они полны предрассудков: связаны по рукам и по ногам своей моралью и правилами приличия.

Дама. Значит, вы победите англичан: ведь все лавочники — люди среднего разряда.

Наполеон. Нет. Англичане — особая нация. Ни один англичанин не может опуститься настолько низко, чтобы не иметь предрассудков, или подняться настолько высоко, чтобы освободиться от их власти. Но каждый англичанин от рожденья наделен некоей чудодейственной способностью, благодаря которой он и стал владыкой мира. Когда ему что-нибудь нужно, он нипочем не признается себе в этом. Он будет терпеливо ждать, пока в голове у него, неведомо как, не сложится твердое убеждение, что его нравственный, его христианский долг — покорить тех, кто владеет предметом его вожделений. Тогда сопротивляться ему уже невозможно. Подобно аристократу, он делает все что ему вздумается и хватает то, что ему приглянулось; подобно лавочнику, он вкладывает в достижение своей цели упорство и трудолюбие, рожденные крепкими религиозными убеждениями и высоко развитым чувством моральной ответственности. Он всегда найдет подходящую нравственную позицию. Как рьяный поборник свободы и национальной независимости, он захватывает и подчиняет себе полмира и называет это Колонизацией. Когда у него возникает нужда в новом рынке для его подмоченных манчестерских товаров, он посылает миссионера проповедовать туземцам евангелие Мира. Туземцы миссионера убивают. Тогда он поднимает меч

в защиту христианства. Сражается за него. Побеждает. И забирает себе нужный рынок как награду свыше. Чтобы защитить берега своего острова, он сажает на корабль священника, вывешивает на мачте флаг с крестом, плывет на край света и топит, жжет, истребляет всех, кто оспаривает у него господство над морями. Он хвастливо заявляет, что любой раб свободен с той минуты, как нога его ступила на английскую землю; а детей своих бедняков с шести лет гонит на фабрики, где они под угрозой хлыста работают по шестнадцати часов в день. Он устраивает у себя две революции, а потом объявляет войну нашей – во имя закона и порядка. Нет той подлости и того подвига, которых не совершил бы англичанин; но не было случая, чтобы англичанин оказался не прав. Он все делает из принципа: он сражается с вами из патриотического принципа; грабит вас из делового принципа; порабощает вас из имперского принципа; грозит вам из принципа мужественности; он поддерживает своего короля из верноподданнического принципа и отрубает своему королю голову из принципа республиканского. Его неизменный девиз – долг; и он всегда помнит, что нация, допустившая, чтобы ее долг разошелся с ее интересами, обречена на гибель. Он...

Дама. Ради бога, помолчите минутку. Я хочу спросить, из чего же вы все-таки вывели, что я англичанка?

Наполеон *(отбросив ораторский стиль)*. А очень просто. Вам нужны были письма, которые принадлежали мне. Вы посвятили утро тому, чтобы украсть их, – да, украсть, как разбойник с большой дороги. А вечер вы посвятили тому, чтобы всю вину за это свалить на меня же; чтобы представить дело так, будто я хотел украсть ваши письма, будто причиной всему – моя подлость и эгоизм и ваша доброта, преданность, самопожертвование. Это и значит действовать по-английски.

Дама. Вовсе нет! Я-то уверена, что во мне нет ничего английского. Англичане очень глупые люди.

Наполеон. Да, по глупости своей они иногда не понимают, что потерпели поражение. Но я согласен, что ум у вас не английский. Ну хорошо, дед у вас был англичанин, а вот кто была ваша бабка? Француженка?

Дама. О нет! Ирландка.

Наполеон *(живо)*. Ирландка! *(Задумчиво.)* Да, об ирландцах я и забыл. Английская армия под командованием ирландского генерала – это, пожалуй, не хуже, чем фран-

цузская армия под командованием генерала итальянца. *(Помолчав, добавляет шутливо, но хмуро.)* Так или иначе, вы меня победили; а это дурное предзнаменование: на чем сорвался в первый раз, сорвешься и в последний. *(Медленно выходит в освещенный луной виноградник и поднимает голову.)*

Она неслышно следует за ним; потрясенная красотой ночи и осмелев в темноте, решается легонько положить ему руку на плечо.

Дама *(тихо)*. На что вы смотрите?

Наполеон *(указывая)*. На мою звезду.

Дама. Вы в нее верите?

Наполеон. Верю.

Минуту стоят молча; она слегка опирается на его плечо.

Дама. А вы знаете, что говорят англичане? Что звезда мужчины держится на женской подвязке.

Наполеон *(шокированный, стряхивает ее руку и возвращается в комнату)*. Вот лицемеры! Скажи такую вещь француз, какое бы они изобразили благочестивое негодование! *(Подойдя к внутренней двери, отворяет ее и кричит.)* Эй, Джузеппе! Скоро вы там с огнем? *(Взяв возле буфета второй стул, ставит к столу, рядом со своим.)* Нам еще нужно сжечь письма. *(Берет пачку.)*

Входит Джузеппе, бледный и все еще дрожащий; в одной руке у него раздвоенный подсвечник с зажженными свечами, в другой — поднос, и на нем щипцы — снимать нагар.

Джузеппе *(жалобно, ставя свечи на стол)*. Ваше превосходительство, на что это вы сейчас смотрели? Там! *(Указывает через плечо на виноградник, не решаясь оглянуться.)*

Наполеон *(развертывая пачку)*. А вам зачем?

Джузеппе. Да колдунья-то пропала, и след простыл! И никто не видел, как она исчезла.

Дама *(подходя к нему сзади)*. Мы смотрели, как она улетает на луну на вашей метле, Джузеппе. Вы больше никогда ее не увидите.

Джузеппе. Иисус Мария! *(Крестится и убегает.)*

Наполеон *(высыпая письма на стол)*. Ну! *(Садится на стул, который он только что придвинул к столу.)*

Дама. Да. Но не забудьте, письмо у вас в кармане.

Он улыбается, достает письмо из кармана и бросает поверх остальных.

(Она берет его и говорит, глядя ему в глаза.) Насчет жены Цезаря.

Наполеон. Жена Цезаря выше подозрений. Сожгите его.

Дама *(берет щипцы и, захватив ими письмо, держит над огнем свечи)*. Вот не знаю, была бы жена Цезаря выше подозрений, если б увидела нас с вами сейчас!

Наполеон *(поставив локти на стол и подперев ладонями щеки, смотрит на письмо)*. Не знаю!..

Неизвестная дама кладет горящее письмо на поднос, садится рядом с Наполеоном в такой же позе — локти на стол, щеки в ладонях — и тоже смотрит, как оно горит. Дав ему догореть, они одновременно поворачивают голову и глядят друг на друга. Занавес медленно опускается и скрывает их.

ПОЖИВЕМ — УВИДИМ

Приятная
пьеса
в четырех
действиях

1895—1896

YOU NEVER CAN TELL

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Кабинет зубного врача. Чудесное утро, август 1896 года. Приморский курорт в Девоншире. Под кабинет отведена лучшая гостиная в меблированных комнатах. Сам дом расположен на террасе, возвышающейся над морем. Зубоврачебное кресло вместе с газовым баллоном и насосом стоит в сторонке, но и не совсем в углу. Если вы заглянете в комнату через окно, к которому обращено кресло, вы увидите прямо перед собой, посредине стены, камин, слева от камина дверь, над камином докторский диплом в рамке, перед камином кресло, а в правом углу столик и табуретку; на столике тиски, инструменты и ступка с пестиком. В левой стене еще одно окно, большое, с видом на море. Возле этого окна письменный стол со стулом, на столе бювар и книга для записи пациентов, а чуть подальше, вдоль той же стены, диван. Возле самого кресла шкафчик с зубоврачебными инструментами. Вся комната, с ее мебелью, ковром и обоями, напоминает гостиные середины викторианской эпохи,— она обставлена с какой-то чопорной пышностью, и, очевидно, предназначалась только для торжественных случаев.

Сейчас в ней двое: д е в у ш к а и м о л о д о й ч е л о в е к. Девушке — вернее, очаровательной миниатюрной женщине — нет еще и восемнадцати; ее крошечную фигурку облегает изящное яркое платьице. Весь облик этой прелестной малютки никак не вяжется с комнатой, в которой она сейчас находится. Впрочем, она вообще производит впечатление чужестранки: должно быть, солнце более жаркое, чем солнце Англии, придало такую смуглость ее нежной коже. В руках она держит стакан с водой; с ее крепко сжатого ротика и забавно нахмуренных бровей быстро сходит облачко спартанского стоицизма. Зубной врач, молодой человек лет тридцати, смотрит на нее с удовлетворенным видом хирурга, только что закончившего удачную операцию. Он не производит впечатления работяги; за серьезностью начинающего врача в поисках клиентуры чувствуется беспечная веселость еще не остепенившегося молодого человека, охотника до приключений. Ему даже свойственна некоторая солидность, но по тому, как он раздувает ноздри, видно, что это насмешник

и что солидность его напускная. Глаза, ясные, живые, со скептическим прищуром, говорят также и о некоторой опрометчивости характера; у него хороший лоб и вместительный череп, очертания носа и подбородка отмечены несколько нагловатой красотой. В общем же, это симпатичный молодой врач, личность довольно яркая, и человек с наметанным глазом не преминул бы сказать, что он далеко пойдет.

Девушка *(возвращая стакан)*. Спасибо. *(Несмотря на смуглый цвет лица, произношение у нее чистое, без малейшего акцента.)*

Врач *(ставя стакан на полку шкафчика с инструментами)*. Мой первый зуб.

Девушка *(с ужасом)*. Первый? Значит – вы на мне практиковались?

Врач. Всякий врач с кого-нибудь да начинает.

Девушка. Да, но разве можно начинать с платного клиента? На это есть больницы.

Врач *(смеясь)*. Ну, больницу я не считаю. Я хотел сказать, что это первый зуб в моей частной практике. Почему вы отказались от наркоза?

Девушка. Потому что вы сказали, что это будет стоить на пять шиллингов дороже.

Врач *(пораженный)*. Ну зачем вы так говорите? Получается, что ради каких-то пяти шиллингов я причинил вам боль.

Девушка *(со спокойной наглостью)*. Так оно и есть. *(Встает.)* Что же тут такого? Ведь это ваше дело – причинять людям боль.

Ее обращение с ним забавляет его; он исподтишка посмеивается, продолжая чистить и убирать инструменты.

(Отряхнув юбку, она с любопытством озирается и идет к большому окну.) Да у вас великолепный вид на море! Вы много платите за квартиру?

Врач. Да.

Девушка. Но вы занимаете не весь дом, правда?

Врач. Не весь.

Девушка. Я так и думала. *(Наклонив стул, который стоит подле письменного стола, критически осматривает его и вертит вокруг ножки.)* Мебель ваша не последний крик, а?

Врач. Мебель хозяйская.

Девушка. И симпатичный шезлонг тоже хозяйский? *(Показывает на зубоврачебное кресло.)*

Врач. Нет. Я его взял напрокат.

Девушка *(пренебрежительно)*. Я так и думала. *(Озирается в надежде сделать еще какие-нибудь открытия.)* Вы, верно, здесь недавно?

Врач. Шесть недель. Что еще вас интересует?

Девушка *(не понимая намека)*. У вас есть семья?

Врач. Не женат.

Девушка. Это заметно и так. Я имела в виду сестер, мать и так далее.

Врач. Со мной здесь никого нет.

Девушка. Хм! Раз вы здесь шесть недель и мой зуб — ваш первый, значит у вас не слишком-то обширная практика. Да?

Врач. Пока что не особенно. *(Убрав инструменты, закрывает шкафчик.)*

Девушка. Ну что ж, желаю успеха! *(Достает кошелек.)* Пять шиллингов? Так, кажется?

Врач. Пять шиллингов.

Девушка *(извлекая монету)*. Вы за любое лечение берете пять шиллингов?

Врач. Да.

Девушка. Почему?

Врач. У меня такая система. Я — то, что называется «пятишиллинговый дантист».

Девушка. Как хорошо! Держите! *(Зажав монету в поднятой руке.)* Славная новенькая монетка! Ваш первый гонорар! Просверлите в ней дырочку этой вот штукой, которой вы буравите людям зубы, и носите на цепочке от часов.

Врач. Спасибо.

Горничная *(появляясь в дверях)*. Брат молодой дамы, сэр.

В кабинет стремительно входит красивый молодой человек, этакий мужчина в миниатюре. Сразу видно, что они с девушкой близнецы. Он одет в легкий суконный костюм цвета терракоты; его изящного покроя сюртук — на коричневой шелковой подкладке, в руке он держит коричневый цилиндр и темно-бежевые, в тон, перчатки. Нежно-смуглым оттенком кожи и миниатюрным сложением он походит на сестру; вместе с тем он гибок и мускулист, движения его решительны, голос неожидан-

но глубокий, речь отрывиста; его безупречно корректные манеры отмечены своеобразным стилем, которому мог бы позавидовать мужчина и вдвое старше. Самообладание и непоколебимая вежливость — дело чести для него; и несмотря на то что это всего лишь проявление мальчишеской застенчивости, на старших его манера держаться действует ошеломляюще, но была бы совершенно невыносима в менее обаятельном юнце. Быстрый, как молния, он произносит свою реплику, чуть только вошел в дверь.

Молодой человек. Я не опоздал?

Девушка. Опоздал. Все уже кончено.

Молодой человек. Орала?

Девушка. Еще как! Познакомьтесь, мистер Валентайн, — это мой брат Фил. Фил, это мистер Валентайн, наш новый зубной врач.

Валентайн и Фил обмениваются поклонами.

(Не останавливаясь, она выпаливает разом.) Он здесь всего шесть недель, не женат, дом не его, мебель хозяйская, оборудование взято напрокат; он чудесно вытащил зуб, с первого раза, и мы с ним большие друзья.

Филип. Приставала с расспросами?

Девушка *(словно в жизни этого с ней не могло быть)*. Что ты!

Филип. Ну и прекрасно. *(Валентайну.)* Мистер Валентайн, как мило, что вы на нас не сердитесь. Дело в том, что мы в Англии впервые, и наша матушка уверяла нас, будто здешняя публика встретит нас в штыки. Не хотите ли с нами позавтракать?

Валентайн только ахает, ошеломленный бешеным темпом, в котором развивается его новое знакомство; впрочем, он все равно ничего не мог бы сказать, так как близнецы тараторят стремительно и без пауз.

Девушка. Да, да, мистер Валентайн, непременно.

Филип. В половине второго. Морской отель.

Девушка. И тогда мы скажем маме, что нашли добропорядочного англичанина, который согласился с нами позавтракать.

Филип. Ни слова больше, мистер Валентайн. Мы вас ждем.

Валентайн. То есть как это так — ни слова больше? Да я и вообще еще не сказал ни одного слова. Позвольте спросить, с кем я имею удовольствие беседовать? Не

могу же я в самом деле завтракать в Морском отеле с совершенно незнакомыми мне людьми.

Девушка *(беспечно)*. Вздор! Чепуха какая! У самого за шесть недель один пациент! Вам-то не все ли равно?

Филип *(степенно)*. Нет, Долли, основываясь на своем житейском опыте, я вынужден согласиться с мнением мистера Валентайна. Он прав. Разрешите мне представить вам мисс Дороти Клэндон, обычно именуемую Долли.

Валентайн отвешивает Долли поклон. Она в ответ кивает.

Меня зовут Филип Клэндон. Мы с острова Мадейра, но тем не менее вполне порядочные люди.

Валентайн. Клэндон?! Вы случайно не родственники?..

Долли *(с неожиданным отчаянием в голосе)*. Да, родственники.

Валентайн *(удивленно)*. Прошу прощения!

Долли. Родственники, родственники! Все кончено, Фил! О нас уже и в Англии все знают! *(Валентайну.)* Ах, вы и вообразить себе не можете, как тяжело быть родственниками знаменитости, когда никому нет дела до того, что вы представляете собой сами!

Валентайн. Простите, но джентльмен, которого я имел в виду, ничем не знаменит.

Долли и Филип *(уставившись на него)*. Джентльмен?!

Валентайн. Ну да. Я собирался спросить вас, не доводится ли вам отцом мистер Денсмор Клэндон из Ньюбери-Холла?

Долли *(рассеянно)*. Нет.

Филип. Послушай, Долли, почем ты знаешь?

Долли *(воспрянув духом)*. Ах да, я забыла! Конечно, может и доводится.

Валентайн. Как? Вы не знаете?

Филип. Понятия не имеем.

Долли. Блажен, кто знает, кто его...

Филип *(останавливая ее)*. Тсс!

Валентайн нервно вздрагивает,— звук этот при всей своей краткости так пронзителен, точно кому-то вздумалось молнией резать шелк; выработался он в результате многолетней практики в обуздывании Долли.

Дело в том, мистер Валентайн, что мы — дети знаменитой миссис Ланфри Клэндон — писательницы, пользующейся большим почетом... на Мадейре. Ни один поря-

дочный дом не можст обойтись без ее сочинений. Мы приехали в Англию, чтобы немного от них отдохнуть. Называются они «Принципы Двадцатого Века».

Долли. Кулинария Двадцатого Века!

Филип. Кредо Двадцатого Века!

Долли. Одежда Двадцатого Века!

Филип. Нравы Двадцатого Века!

Долли. Дети Двадцатого Века!

Филип. Родители Двадцатого Века!

Долли. Цена полдоллара, в бумажном переплете.

Филип. В коленкоровом, для повседневного домашнего употребления, — два доллара. Необходимо для каждой семьи. Почитайте их, мистер Валентайн, они разовьют ваш ум.

Долли. Да, прочтите их, но только после того, как мы уедем.

Филип. Вот именно. Мы предпочитаем людей с неразвитым умом. Несмотря на усилия матушки, у самих у нас он все еще пребывает в девственном состоянии.

Валентайн *(неопределенно)*. Хм!

Долли *(вопросительно, передразнивая его)*. Хм? Фил, он предпочитает людей с развитым умом.

Филип. В таком случае придется представить ему еще одного члена нашей семьи: женщину Двадцатого Века, сиречь — нашу сестру Глорию!

Долли *(вдохновенно)*. Шедевр природы!

Филип. Дщерь просвещения!

Долли. Гордость Мадейры!

Филип. Чудо красоты!

Долли *(спускаясь с поэтических высот)*. Вздор! У нее цвет лица никуда не годится.

Валентайн *(исступленно)*. Да позвольте сказать слово!

Филип *(учтиво)*. Извините нас. Давайте!

Долли *(мило)*. Ах, простите!

Валентайн *(решив перейти на отеческий тон)*. Молодые люди, я, право, вынужден дать вам один совет...

Долли *(не выдержав)*. Хо, это мне нравится! Вам-то самому сколько лет?

Филип. За тридцать.

Долли. Тридцати не будет.

Филип *(уверенно)*. Будет.

Долли *(настойчиво)*. Двадцать семь.

Филип *(невозмутимо)*. Тридцать три.

Долли. Вздор!

Филип *(Валентайну)*. Мистер Валентайн, разрешите вы наш спор!

Валентайн *(протестуя)*. Ну, знаете... *(Сдаваясь.)* Тридцать один.

Филип *(к Долли)*. Что, угадала?

Долли. А ты?

Филип *(спохватившись)*. Мы опять забыли о приличиях, Долли.

Долли *(сокрушенно)*. Ой, да.

Филип *(виновато)*. Мы вас перебили, мистер Валентайн.

Долли. Вы, кажется, собирались развить наш ум?

Валентайн. Дело в том, что ваша...

Филип *(предупредительно)*. Манеры?

Долли. Наружность?

Валентайн *(чуть не плача)*. Да дайте же мне сказать, наконец!

Долли. Старая история! Мы слишком много говорим.

Филип. Вот именно. Молчим! *(Присаживается на ручку зубоврачебного кресла.)*

Долли. Могила! *(Садится за письменный стол, прикрывая рот кончиками пальцев.)*

Валентайн. Благодарю вас. *(Берет табуретку, стоящую в углу возле столика, ставит ее между близнецами и садится с менторским видом. Они чрезвычайно серьезно слушают его. Обращается сперва к Долли.)* Позвольте мне спросить для начала, бывали ли вы когда-нибудь прежде на английском приморском курорте?

Долли медленно и торжественно качает головой.

(Поворачивается к Филу, который трясет головой энергично и выразительно.) Я так и думал. Ну так вот, мистер Клэндон. За время нашего с вами короткого знакомства вы успели довольно основательно высказаться. И вот из ваших слов я убедился, что вы оба понятия не имеете о том, что такое английский приморский курорт. Дело не в манерах и не во внешнем виде. В этом смысле мы тут пользуемся такой свободой, какая и не снилась обитателям острова Мадейры.

Долли неистово мотает головой.

Нет, это так, уверяю вас. Сестра лорда де Креси, например, ездит на велосипеде в шароварах, а жена нашего священника проповедует реформу одежды и сама ходит в башмаках на толстой подошве.

Долли украдкой бросает взгляд на свою туфельку.

(Перехватывает ее взгляд и с живостью прибавляет.) Нет, нет, совсем не такие.

Долли прячет ножку.

Мы, англичане, не очень-то заботимся о том, как кто одет и какие у кого манеры, потому что одеваться мы не умеем, манеры у нас скверные – это наша национальная черта. Но... разрешите говорить напрямик?

Близнецы кивают.

Благодарю. Дело в том, что есть одно необходимое условие, без которого никто из обитателей приморского курорта не отважится показаться в вашем обществе: условие это – наличие отца. Живого или мертвого, но вы должны иметь отца. Должен ли я понимать так, что вы не заручились этой необходимейшей частью вашего общественного снаряжения?

Они печально кивают.

В таком случае – и если вы к тому же намерены здесь пробыть какое-то время – я, к глубокому своему сожалению, буду вынужден отклонить ваше любезное приглашение к завтраку. *(Встает с видом человека, сказавшего свое последнее слово, и ставит табуретку на место.)*

Филип *(встает, солидно и вежливо)*. Идем, Долли! *(Подает ей руку.)*

Долли. До свиданья.

С достоинством шествуют к дверям.

Валентайн *(в порыве раскаяния)*. Стойте, стойте!

Близнецы останавливаются и поворачиваются, все так же под руку.

Ну вот, теперь я чувствую себя совершенной свиньей.

Долли. Это в вас совесть заговорила, мы тут ни при чем.

Валентайн *(с чувством, уже окончательно забыв о своей докторской манере)*. Совесть! Да она-то и губит меня всю жизнь. Вот послушайте! Дважды в различных уголках Англии пытался я обосноваться в качестве уважающего себя врача по внутренним болезням. Оба раза я действовал по совести и вместо того, чтобы говорить пациентам приятное, резал им правду-матку в глаза. И что же? Оба раза вылетал в трубу. И вот я решил сделаться зубным врачом, «пятишиллинговым дантистом», а с совестью покончить раз и навсегда. Это теперь мой

последний шанс. Оставшиеся двадцать шиллингов я истратил на переезд и обзаведение и еще ни одного шиллинга не заплатил за квартиру. Я ем и пью в кредит. Мой хозяин богат, как крез, и тверд, как камень. А заработал я за шесть недель пять шиллингов. Если я позволю себе хоть на волос отступить от самой строжайшей благопристойности — я погиб. Посудите же сами, могу ли я принять ваше приглашение на завтрак, когда вы даже не знаете, кто ваш отец?

Долли. Ну, уж коли на то пошло, наш дедушка — настоятель Линкольнского собора.

Валентайн *(как потерпевший кораблекрушение моряк, завидевший на горизонте парус)*. Что?! У вас есть дедушка?!

Долли. Но только один.

Валентайн. Милые, дорогие мои, молодые друзья! Что же вы молчали до сих пор? Настоятель Линкольнского собора! Ну, тогда, разумеется, все в порядке. Позвольте мне только переодеться. *(Одним прыжком достигает двери и исчезает.)*

Долли и Фил глядят ему вслед, затем друг на друга. Оставшись без посторонних, они словно скидывают маску: вся их манера держаться резко меняется.

Филип *(выпростав руку из-под локтя Долли, сердито идет к зубоврачебному креслу)*. Этот жалкий, прогоревший зубодрал в виде одолжения разрешает нам угостить себя завтраком, а сам небось уже несколько месяцев ничего путного не ел! *(Пинает ногой кресло, точно это Валентайн.)*

Долли. Отвратительно! Фил, мне это надоело! У них в Англии всякий первым делом осведомляется, есть ли у тебя отец.

Филип. Мне тоже надоело. Пусть мама скажет, кем был наш отец.

Долли. Был или есть. Может, он жив.

Филип. Надеюсь, что нет. Я не пойду в сыновья к живому отцу.

Долли. А вдруг у него куча денег!

Филип. Вряд ли. Исходя из своего житейского опыта, я полагаю, что, будь у него куча денег, ему не удалось бы так легко избавиться от любящей семьи. Будем оптимистами! Считай, что он умер. *(Идет к камину и становится спиной к очагу.)*

Входит горничная.

Горничная. Две дамы, мисс,— к вам. Кажется, это ваша матушка, мисс, и ваша сестра.

Входят миссис Клэндон и Глория. Миссис Клэндон принадлежит к старой гвардии борцов за женское равноправие, для которых трактат Джона Стюарта Милля «О подчиненном положении женщины» служит Библией. Впрочем, не в пример тем из своих товарок, которым агрессивность заменяла вкус, она никогда не впадала в крайности и не уродовала себя ношением жилетов мужского покроя, мужских воротничков и часов на тяжелой цепочке; к тому же она воинствующий позитивист и меньше всего хочет походить на квакершу,— поэтому она одевается по возможности без затей, не преображаясь при этом в мужчину, с одной стороны, но и никоим образом не подчеркивая свою женскую привлекательность — с другой, так что и ветреные мужчины, и модницы женщины вынуждены относиться к ней с уважением. Она обладает отличительными чертами, свойственными передовым женщинам ее эпохи (примерно шестидесятые — восьмидесятые годы): это ревнивое утверждение своей воли и личности и умственные запросы в ущерб сердечным страстям и привязанностям. Говорит и держится с людьми мягко и в высшей степени гуманно; стойко переносит возникающие время от времени у ее детей порывы нежности, хотя в глубине души и тяготится всякими проявлениями чувствительности; человеколюбие в ней несколько заслоняет простую человечность; ее волнуют общественные вопросы и принципы, а не отдельные личности. Вследствие этой рассудочности и крайней сдержанности она обращается с Глорией и Филом так, будто это вовсе не ее родные дети; однако там, где дело касается Долли, от всех этих барьеров не остается и следа; и хоть всякий раз, что она обращается к Долли, ей поневоле приходится упрекать ее в очередном нарушении приличий, она делает это скорее с лаской, чем с укором; не удивительно, что в результате многих лет подобных выговоров из Долли вышла безнадежно избалованная девица.

Глория, которой едва минуло двадцать, представляет собой фигуру, намного более внушительную, чем ее мать. Это — воплощение гордого благородства; юношеская неопытность еще сковывает нетерпеливые порывы горячей, деспотической натуры; к тому же постоянная опасность

подвергнуться насмешкам со стороны младших — народа достаточно бесцеремонного — невольно заставляет ее сдерживаться. В противоположность матери, она — вся страсть; однако именно благодаря этой своей страстности, которая находится в постоянной борьбе с упрямой гордостью и почти болезненной щепетильностью, она кажется холодной, как лед. В некрасивой женщине все это производило бы отталкивающее впечатление,— Глория же в высшей степени привлекательна. Ее даже можно было бы назвать опасной, если бы на ее прекрасном челе не отражалось такое высокоразвитое нравственное чувство. Костюм, состоящий из жакета и юбки коричневато-оранжевого сукна, плотно облегает фигуру и со спины кажется вполне благополучным, но шелковая блузка цвета морской волны одним ударом разбивает это впечатление,— так что в результате она не в меньшей степени, нежели близнецы, отличается от модной курортной толпы.

Миссис Клэндон останавливается неподалеку от двери и окидывает взором присутствующих. Глория, старательно игнорируя близнецов, из боязни спровоцировать их на какую-нибудь выходку, идет к окну и задумчиво глядит на море; мысли ее витают где-то далеко. Вопреки ожиданиям, горничная не уходит, а прикрывает дверь и остается стоять по эту сторону ее.

Миссис Клэндон. Ну что, дети? Долли, как твой зуб?

Долли. Слава богу, прошел. Вырвали. *(Садится на приступку зубоврачебного кресла.)*

Миссис Клэндон садится на стул возле письменного стола.

Филип *(степенно, стоя у камина)*. И к тому же врач — видный специалист, имеющий положение в обществе,— с нами завтракает сегодня.

Миссис Клэндон *(озираясь с опаской на горничную)*. Фил!

Горничная. Извините, мэм. Я жду мистера Валентайна. У меня к нему поручение.

Долли. От кого?

Миссис Клэндон *(ужаснувшись)*. Долли!

Долли прикрывает рот кончиками пальцев.

Горничная. Всего лишь от хозяина, мэм.

Валентайн, в синем костюме, держа в руках соломенную шляпу, входит веселый и запыхавшийся от спешки. Глю-

рия, оторвавшись от окна, разглядывает его с холодным вниманием.

Филип. Мистер Валентайн, познакомьтесь, пожалуйста. Моя мать, миссис Ланфри Клэндон.

Миссис Клэндон склоняет голову. Валентайн кланяется учтиво и ничуть не конфузясь.

Моя сестра Глория.

Глория кланяется сухо, с достоинством и садится на диван. Валентайн влюбляется с первого взгляда; нервно перебирает поля шляпы и нерешительно кланяется.

Миссис Клэндон. Итак, мистер Валентайн, мы сегодня будем иметь удовольствие завтракать в вашем обществе?

Валентайн. Спасибо... э-э... если это вас не затруднит... то бишь, раз вы так любезны... *(К горничной, недовольно.)* Ну, что там такое?

Горничная. Хозяин желает с вами поговорить, сэр, пока вы не ушли.

Валентайн. Ах, ну скажите ему, что у меня здесь четыре пациента.

Все Клэндоны, за исключением Фила, которого ничем не прошибешь, изображают удивление.

Если он может чуть-чуть обождать, я... я спущусь к нему на минутку. *(Решившись довериться ее такту.)* Скажите, что я занят, но очень хочу его видеть.

Горничная *(успокоительно)*. Хорошо, сэр. *(Уходит.)*

Миссис Клэндон *(собираясь встать)*. Мы, кажется, вас задерживаем?

Валентайн. Нет, нет, нисколько! Ваше присутствие может даже сослужить мне службу. Дело в том, что вот уже шесть недель, как я не плачу за квартиру, и до сего дня у меня не было ни одного пациента. А теперь хозяин решит, что мои дела идут на поправку, и мне будет значительно легче с ним разговаривать.

Долли *(с досадой)*. До чего противно, когда люди все о себе выбалтывают с места в карьер! А мы-то тут расписали, будто вы всеми уважаемый медик, занимающий прочное положение в обществе.

Миссис Клэндон *(в ужасе)*. Ах, Долли, Долли! Дорогая моя, разве можно быть такой невежей? *(Валентайну.)* Ради бога, извините моих детей, мистер Валентайн, они у меня настоящие дикари.

Валентайн. Ну что вы! Я уже привык к ним. Я вас попрошу о большой любезности: обождите, пожалуйста, тут пять минут, пока я развяжусь с моим хозяином.

Долли. Смотрите не задерживайтесь! Мы есть хотим!

Миссис Клэндон *(опять с укором)*. Долли, милая!

Валентайн *(к Долли)*. Хорошо. *(К миссис Клэндон.)* Благодарю вас, я недолго. *(Украдкой бросает взгляд на Глорию, направляясь к двери. Она внимательно смотрит на него. Он приходит в замешательство.)* Я... э... э... да... спасибо. *(Кое-как умудряется выбраться из комнаты, но вид при этом имеет довольно жалкий.)*

Филип. Видали? *(Показывая пальцем на Глорию.)* Любовь с первого взгляда. Еще один скальп в твоей коллекции. Номер пятнадцать.

Миссис Клэндон. Потише, Фил, прошу тебя! Ведь он может услышать.

Филип. Он-то? *(Готовясь к бою.)* Теперь вот что, мама! *(Берет табуретку, стоящую возле столика, и величественно усаживается в центре комнаты, точь-в-точь как незадолго до него это проделал Валентайн.)*

Долли, чувствуя, что ее позиция на приступочке кресла не соответствует торжественности предстоящей сцены, поднимается с решительной и важной миной, переходит к окну и становится спиной к письменному столу, опираясь на него руками. Миссис Клэндон глядит на них с удивлением, не понимая, к чему они клонят. Глория настораживается.

(Фил, выпрямившись, кладет кулаки симметрично на колени и приступает к делу.) Мы тут с Долли о многом переговорили за последнее время; и вот, исходя из моего жизненного опыта... мне... нам то есть... кажется, что ты *(подчеркнуто, отчеканивая каждое слово)* не совсем отдаешь себе отчет в том...

Долли *(прыжком садится на письменный стол)*. Что мы уже взрослые!

Миссис Клэндон. Вот как? На что же вы жалуетесь?

Филип. Видишь ли, мы начинаем подумывать, что есть некоторые вопросы, в которых ты могла бы быть с нами немножко откровеннее.

Миссис Клэндон *(в ней проснулся боевой конь; спокойная размеренность манер уступает место сдержанному возбуждению; не теряя чувства собственного достоинства и ни на минуту не изменяя хорошему тону, она выпрям-*

ляется во весь рост, являя собой картину железного упорства и непреклонности; типичный представитель старой гвардии). Погоди, Фил! Помни, что я вам всегда говорила. Существуют две разновидности семейной жизни. Твой житейский опыт покуда охватывает лишь одну из этих разновидностей, Фил. *(Впадая в декламацию.)* Та разновидность семейной жизни, с которой ты знаком, основана на взаимном уважении, на независимости каждого члена семьи и признании его права на самостоятельную *(делая сильное ударение на слове «самостоятельную»)* личную жизнь. И вот, оттого, что вы привыкли пользоваться этим правом, оно вам кажется чем-то само собой разумеющимся, и вы его не цените. Однако *(с беспредельной горечью)* есть и другой род семейной жизни, при которой мужья вскрывают письма своих жен, требуют отчета в каждом истраченном гроше, в каждой прожитой минуте, а жены их, в свою очередь, так же поступают со своими детьми; при семейной жизни этого рода в вашу комнату вторгаются без спроса, с вашим временем не считаются, вы ни минуты не принадлежите себе; такие понятия, как долг, добродетель, домашний очаг, религия, повиновение, любовь,— становятся орудиями отвратительной тирании, а жизнь превращается в унылую цепь пошлостей, сплетенную из наказаний и обмана, принуждения и бунта, из ревности, мнительности, взаимных упреков... Но я не могу даже передать вам, что это такое,— ведь вы, к счастью, и представления об этом не имеете. *(Садится в изнеможении.)*

Долли *(на которую риторика не производит никакого впечатления).* Смотри «Родители Двадцатого Века», глава «О свободе» с начала до конца.

Миссис Клэндон *(ласковым жестом притрагиваясь к ее плечу; все, что исходит от Долли,— даже колкости,— она принимает с радостным умилением).* Ах, Долли, дорогая! Если б ты только знала, как я счастлива, что ты в состоянии шутить над тем, что для меня было отнюдь не шуткой. *(К Филу, уже решительным тоном.)* Фил, я тебя никогда не расспрашиваю о твоих личных делах. Неужели ты намерен допрашивать меня о моих?

Филип. Справедливость требует отметить, что вопрос, который мы хотели тебе задать, столько же касается нас самих, сколько тебя.

Долли. Да и потом не хорошо ведь, когда человек закупорит в себе целую кучу вопросов, а они так и рвутся наружу.

Вот ты, мама, не давала им воли,— зато смотри, с какой страшной силой они теперь полезли из меня.

Миссис Клэндон. Словом, я вижу, что вы от меня не отстанете. Так что же вы хотели спросить?

Долли и Филип *(вместе)*. Кто... *(И осекаются.)*

Филип. Послушай, Долли, кто из нас поведет это дело, ты или я?

Долли. Ты.

Филип. Ну, так заткнись.

Долли буквально следует его совету и зажимает рот рукой.

Вопрос, собственно, совсем несложный. Когда этот зубодрал...

Миссис Клэндон *(укоризненно)*. Фил!

Филип. «Зубной врач» звучит так некрасиво! Словом, этот рыцарь бивней и золота спросил нас, не доводится ли нам отцом мистер Денсмор Клэндон из Ньюбери-Холла. Следуя заветам, изложенным в твоем трактате «О нравах Двадцатого Века», а также твоим неоднократным устным призывам как можно меньше лгать без надобности, мы честно отвечали, что не знаем.

Долли. Ведь так оно и есть!

Филип. Тсс! В результате этот специалист по извлечению корней долго ломался, прежде чем принять наше приглашение к завтраку; а между тем я почти уверен, что за последние полмесяца он, кроме хлеба с маслом да чая, ничего не видел. Мой житейский опыт подсказывает мне, что у нас некогда был отец, и даже больше того — что тебе небезызвестно, кто он.

Миссис Клэндон *(с прежним волнением)*. Фил, довольно! Ни вам, ни мне нет никакого дела до вашего отца. *(Энергично.)* Вот и все.

Близнецы умолкают, но явно недовольны. Их лица вытягиваются, зато Глория, которая внимательно следила за разговором, внезапно вступает в него сама.

Глория *(выходя вперед)*. Мама, мы должны знать правду.

Миссис Клэндон *(вставая и поворачиваясь к ней)*. Глория! «Мы»?! Что означает это «мы»?

Глория *(настойчиво)*. Мы трое. *(Тон ее не оставляет никаких сомнений: она впервые пытается помериться силами с матерью.)*

Близнецы тотчас же переходят на сторону противника.

Миссис Клэндон *(задетая)*. Было время, Глория, когда «мы» в твоих устах значило: мы с тобой.

Филип *(решительно вставая и отодвигая табуретку)*. Мы огорчили тебя. Бросим это. Мы не думали, что это на тебя так подействует. Лично я ничего не хочу знать.

Долли *(соскакивая со стола)*. А уж я-то и подавно. Ах, мамочка, не смотри так! *(Сердито смотрит на Глорию и бросается на шею матери.)*

Миссис Клэндон. Спасибо, милая моя. Спасибо, Фил. *(Мягко высвобождается из объятий Долли и снова садится.)*

Глория *(непреклонно)*. Мы имеем право знать, мама.

Миссис Клэндон *(с негодованием)*. А-а! Так это ты настаиваешь?

Глория. А ты намерена вечно скрывать от нас правду?

Долли. Перестань же, Глория! Это чудовищно!

Глория *(с тихим презрением)*. Не будем малодушны. Ты сама видела, мама, что произошло с этим джентльменом. То же самое случилось и со мной.

Миссис Клэндон, Долли, Филип *(все вместе)*. Что ты хочешь этим сказать? Ой, расскажи! Что же с тобой стряслось?

Глория. Да ничего особенного. *(Отворачивается от них, идет к камину, садится в мягкое кресло чуть ли не спиной к присутствующим. Все напряженно ждут, а она бросает через плечо с деланным равнодушием.)* На пароходе помощник капитана оказал мне честь просить моей руки.

Долли. Нет, моей!

Миссис Клэндон. Помощник капитана? Ты это всерьез, Глория? Что ж ты ему ответила? *(Тут же одергивает себя.)* Извини, я не имею права спрашивать.

Глория. Что я могла ему сказать? Женщина, которая не знает, кто ее отец, не может принять такое предложение.

Миссис Клэндон. Но ведь ты не хотела бы принять его предложение?

Глория *(слегка поворачиваясь, возвышая голос)*. Нет. Ну, а если бы хотела – что тогда?

Филип. Тебе это тоже показалось непреодолимым препятствием, Долли?

Долли. Мне? Нет, я приняла предложение.

Глория, Миссис Клэндон, Филип *(общий крик)*. Приняла? Долли! Вот это да!

Долли *(простодушно)*. У него был такой дурацкий вид!

Миссис Клэндон. Как же ты это так, Долли?

Долли. Да так, ради смеха. Он даже снял мерку с моего пальца для обручального кольца. Ты бы сама поступила точно так же на моем месте.

Миссис Клэндон. Нет, Долли, я бы так не поступила. Кстати сказать, помощник капитана просил также и моей руки; и я ему посоветовала обратиться с этим к женщинам помоложе, которых подобные глупости еще забавляют. Выходит, что он внял моему совету. *(Встает и направляется к камину.)* Как ни грустно мне, Глория, оказаться малодушной в твоих глазах, но все же я не могу ответить на твой вопрос. Вы все слишком еще молоды.

Филип. Довольно решительное отклонение от «Принципов Двадцатого Века».

Долли *(цитирует)*. «Как только ваши дети достигнут возраста, в котором начинают задавать вопросы, отвечайте им правдиво, о чем бы они вас ни спрашивали». Смотри «Материнство Двадцатого Века»...

Филип. Страница первая...

Долли. Глава первая...

Филип. Абзац первый.

Миссис Клэндон. Милые мои, я не говорю, что вы слишком молоды, чтобы знать правду. Я всего лишь хотела сказать, что вы слишком молоды, чтобы сделаться моими наперсниками. Вы все очень смышленые дети; но вы еще очень неопытны, а следовательно, лишены дара сочувствия. На мою долю выпали очень тяжелые переживания, и говорить о них я могу лишь с людьми, которые сами испытали что-нибудь подобное. Надеюсь, что вы так никогда и не подпадете под эту категорию.

Филип. Еще один смертный грех, Долли!

Долли. Мы лишены дара сочувствия.

Глория *(подается всем телом вперед и, закинув голову, проникновенно глядит на мать)*. Мама, я не хотела быть бесчувственной.

Миссис Клэндон *(ласково)*. Разумеется нет, моя милая. Неужели ты думаешь, что я не понимаю?

Глория *(привставая)*. Но все-таки, мама...

Миссис Клэндон *(чуть-чуть отпрянув)*. Все-таки?

Глория *(настойчиво)*. А все-таки это вздор, будто нам нет никакого дела до нашего отца.

Миссис Клэндон *(с внезапной решимостью.)* Ты помнишь своего отца?

Глория *(задумчиво, словно припоминая что-то приятное)*. Не знаю. Кажется, помню.

Миссис Клэндон *(мрачно)*. Ах, только кажется.

Глория. Да.

Миссис Клэндон *(со сдержанной силой)*. Глория, а что если бы я тебя вдруг побила?

Глория невольно отшатывается; Фил и Долли неприятно поражены; все трое с ужасом глядят на мать, которая безжалостно продолжает:

Ударила бы тебя не как-нибудь в порыве гнева, а нарочно, с намерением причинить боль,— плеткой, специально для этой цели купленной? Как ты думаешь, ты могла бы это забыть?

Глория издает негодующее восклицание.

Так вот знай, что, если бы я не вмешалась вовремя, ты бы сохранила именно такое воспоминание о своем отце. Я сделала все, чтобы он не вторгался в твою жизнь, пощади же и ты меня и никогда не упоминай при мне его имени.

Глория, содрогнувшись, закрывает лицо руками. Заслышав шаги за дверью, она снова принимает невозмутимый вид. Миссис Клэндон садится на диван. Входит Валентайн.

Валентайн. Надеюсь, я не очень вас задержал? Этот мой хозяин презанятный старик!

Долли *(с жадностью)*. Ой, расскажите! Он вам дал отсрочку? Надолго?

Миссис Клэндон *(в отчаянии от невоспитанности своей дочери)*. Долли! Долли! Милая Долли! Ну нельзя же так, право!

Долли *(чинно)*. Прошу прощенья! Вы сами все расскажете. Правда, мистер Валентайн?

Валентайн. Он вовсе не о квартирной плате. Он сломал зуб о бразильский орех и хочет, чтобы я занялся его зубом, а потом позавтракал бы с ним.

Долли. Так зовите его сюда и скорей выдерните ему зуб; а мы прихватим и его к завтраку. Скажите девушке, чтобы тащила его сюда. *(Подбегает к звонку и с силой дергает за шнур, затем, спохватившись, поворачивается*

к Валентайну и спрашивает.) Он ведь вполне порядочный человек?

Валентайн. Абсолютно добропорядочен. Не то, что я.

Долли. Честное-пречестное?

Миссис Клэндон слабо ахает; но она уже обессилела в неравной борьбе.

Валентайн. Честное-пречестное.

Долли. Так бегите за ним что есть духу.

Валентайн *(нерешительно глядя на миссис Клэндон)*. Он, верно, будет счастлив, если только... э...

Миссис Клэндон *(поднимаясь и глядя на часы)*. Я с удовольствием позавтракаю в обществе вашего знакомого, если вам удастся его уговорить. Но сейчас мне не придется его повидать — на двенадцать сорок пять у меня назначено свидание со старым другом, которого я не видела с тех пор, как покинула Англию восемнадцать лет тому назад. Вы меня извините?

Валентайн. Разумеется, миссис Клэндон.

Глория. Мне пойти с тобой?

Миссис Клэндон. Нет, милая. Я хочу быть одна. *(Выходит; видно, что ее волнение не совсем еще улеглось.)*

Валентайн открывает перед ней дверь, идет за ней вслед.

Филип *(многозначительно, к Долли)*. Мхм!

Долли *(многозначительно, к Филу)*. Ага!

На звонок входит горничная.

Пусть старый джентльмен поднимется сюда.

Горничная *(недоумевая)*. Простите, мисс?

Долли. Старый джентльмен, у которого болит зуб.

Филип. Хозяин этого дома.

Горничная. Мистер Крэмптон, сэр?

Долли *(через плечо, к горничной)*. Да, да, попросите сюда мистера Крэмпсона.

Горничная *(поправляя ее)*. Мистера Крэмптона, мисс. *(Выходит.)*

Долли *(повторяет, словно заучивая урок)*. Крэмптон, Крэмптон, Крэмптон, Крэмптон. *(Садится с прилежным видом за письменный стол.)* Надо запомнить его фамилию как следует, а то я еще бог знает как его назову.

Глория. Фил, ты можешь поверить во все эти ужасы — да вот в то, что мама только что рассказала нам об отце?

Филип. О, таких людей сколько угодно на свете. Старик Чамико, например, лупил свою жену и дочерей кнутом почем зря.

Долли *(с презрением)*. Так то португалец!

Филип. Видишь ли, Долли, когда человек – свинья, то его португальская разновидность мало чем отличается от английской. Можешь положиться на мой жизненный опыт. *(Вновь занимает позицию возле камина с видом почтенного отца семейства.)*

Глория *(с досадой)*. Вот и кончилась наша игра в отгадывание. Долли, тебе жаль твоего отца? Отца, у которого было видимо-невидимо денег?

Долли. А сама? Как поживает твой отец – одинокий старик с нежным и скорбным сердцем? От него-то, я думаю, и песчинки не осталось!

Филип. Словом, наш папаша – отживший предрассудок.

За дверью слышен голос Валентайна.

Но чу! Он идет.

Глория *(испуганно)*. Кто?

Долли. Крэмптинсон.

Филип. Тсс! Внимание.

Все принимают благонравный вид.

(Вполголоса Глории.) Если я увижу, что его можно посадить с нами за стол, я кивну Долли, она кивнет тебе, и ты тут же пригласишь его.

Возвращается Валентайн с хозяином дома. Мистер Фергюс Крэмптон – человек лет шестидесяти, высокий, с невероятно упрямым ртом, обличающим сварливый нрав и жадность; говорит поучающим тоном. По его облику видно, что он не испытывает недостатка в средствах и обладает известной предприимчивостью; одет хорошо – сразу можно догадаться, что это владелец процветающей фирмы, доставшейся ему по наследству, и что он происходит из старинной, даже аристократической, в своем роде, семьи потомственных коммерсантов. На нем темно-синий сюртук несколько необычного покроя – двубортный, с крупными пуговицами и большими отворотами, – он несколько напоминает морской бушлат и больше ассоциируется с верфями, чем с торговой конторой. Крэмптон по-своему привязан к Валентайну, которого ничуть не смущает его сварливость; в свою очередь, Валентайн держится с ним с дружеской

бесцеремонностью, за что Крэмптон в глубине души ему благодарен.

Валентайн. Познакомьтесь! Мистер Крэмптон — мисс Дороти Клэндон, мистер Филип Клэндон, мисс Клэндон.

Крэмптон нервозно кланяется несколько раз подряд. Все кланяются.

Садитесь, мистер Крэмптон.

Долли *(указывая на зубоврачебное кресло)*. Вот самое удобное кресло, мистер Кэрмп... тон.

Крэмптон. Спасибо, но, может быть, эта дама... *(Делает жест рукой в сторону Глории, которая стоит подле кресла.)*

Глория. Спасибо, мистер Крэмптон, мы уже уходим.

Валентайн *(с добродушной властностью загоняет его в кресло)*. Садитесь, садитесь. Вы устали.

Крэмптон. Ну что ж, поскольку я значительно старше всех присутствующих... *(Заканчивает свою мысль тем, что усаживается, не без труда, в зубоврачебное кресло.)*

Между тем Фил, который критически изучал его, пока он направлялся к креслу, кивает Долли, а Долли — Глории.

Глория. Мистер Крэмптон, мы пригласили мистера Валентайна позавтракать с нами в гостинице, не подозревая, что тем самым лишаем вас его общества. Но если бы вы согласились к нам присоединиться, моя матушка была бы рада видеть и вас у себя за столом.

Крэмптон *(с благодарностью, предварительно окинув ее испытующим взглядом)*. Спасибо. Я с удовольствием приду.

Глория, Долли, Филип *(всеобщее вежливое бормотание)*. Большое спасибо... э... Счастливы... э... Я, право, восхищен... э...

Дальше разговор не клеится. Глория и Долли глядят друг на друга, затем на Валентайна и Фила. Валентайн и Фил в замешательстве отводят глаза, тут же встречаются взглядами друг с другом, конфузятся и снова встречаются глазами с Долли и Глорией. Наконец, они уже не знают, куда девать глаза, и в полной растерянности тупо смотрят перед собой. Крэмптон озирается, предоставляя им начать разговор. Молчание становится невыносимым.

Долли *(вдруг, лишь бы нарушить его)*. Мистер Крэмптон, сколько вам лет?

Глория *(поспешно)*. Извините, нам пора идти, мистер Валентайн. Итак, мы встречаемся в половине второго. *(Направляется к двери.)*

Фил идет за ней, Валентайн отступает по направлению к звонку.

Валентайн. В половине второго. *(Дергает шнур звонка.)* Большое спасибо. *(Следует за Филом и Глорией до двери и сам выходит с ними.)*

Долли *(которая между тем незаметно подкралась к Крэмптону)*. Пусть он даст вам наркоз. Он берет за это лишние пять шиллингов, но вы не пожалеете.

Крэмптон *(улыбаясь)*. Хорошо. *(Взгляд его становится внимательнее.)* Так вы хотите знать, сколько мне лет? Мне пятьдесят семь.

Долли *(убежденно)*. Оно и видно.

Крэмптон *(мрачно)*. Возможно.

Долли. Почему вы так пристально глядите на меня? Что-нибудь не так? *(Проверяет рукой, хорошо ли сидит на ней шляпка.)*

Крэмптон. Вы мне кого-то напоминаете.

Долли. Кого?

Крэмптон. Как ни странно, вы чем-то похожи на мою мать!

Долли *(удивленно)*. Мать? Вы, наверное, хотели сказать — дочь?

Крэмптон *(внезапно потемнев от ярости)*. Нет, уж этого я никак не хотел сказать!

Долли *(сочувственно)*. Что, зуб?

Крэмптон. Нет, нет, ничего. Меня не зуб мучит, мисс Клэндон, а воспоминания...

Долли. А вы их вырвите. «Из памяти печаль с корнями вырви». С наркозом на пять шиллингов дороже.

Крэмптон *(злобно)*. Нет, не печаль. А всего-навсего обиду, которую мне некогда причинили. Я обид не забываю и я не желаю их забывать. *(Лицо его становится жестким и угрюмым.)*

Долли *(окидывая его критическим взглядом)*. А вы, знаете, не особенно симпатичны, когда вспоминаете былые обиды.

Филип *(незаметно входя в комнату и подкрадываясь сзади к Долли)*. Вы уж извините мою сестру, мистер Крэмптон!

Она не нарочно, — просто она не умеет себя вести. Ну-ка, Долли, пошли! *(Уводит ее к двери.)*

Долли *(в высшей степени театральным шепотом)*. Он говорит, что ему всего пятьдесят семь лет, и что я вылитая его мать, и он ненавидит свою дочь, и...

Появление Валентайна прекращает этот поток.

Валентайн. Мисс Клэндон пошла вперед.

Филип. Не забывайте же: в половине второго.

Долли. Да не забудьте оставить мистеру Крэмптону хоть несколько зубов, чтобы ему было чем есть.

Они выходят. Валентайн подходит к шкафчику и открывает его.

Крэмптон. До чего избалованный ребенок, мистер Валентайн! Образец современного воспитания. Когда мне было столько, сколько ей сейчас, мою память не раз освежали хорошей поркой, чтобы я не забывал, как нужно себя вести.

Валентайн *(беря зеркальце и зонд из шкафчика)*. А как вам понравилась ее сестра?

Крэмптон. Небось вам она пришлась больше по вкусу, а?

Валентайн *(восторженно)*. Она мне показалась... *(спохватывается и прозаически добавляет)*, впрочем, это к делу не идет. *(Профессиональным тоном.)* Откройте, пожалуйста.

Крэмптон раскрывает рот, Валентайн вставляет зеркальце, осматривает зубы.

Хм! Вот вы какой сломали. У вас чудесные зубы, а вы их портите. И зачем это вам понадобилось разгрызать орехи зубами? *(Вынимает зеркальце и становится перед Крэмптоном, чтобы было удобнее разговаривать с ним.)*

Крэмптон. Я всегда разгрызал ими орехи. На то они и зубы. *(Назидательно.)* Для того чтобы сохранить зубы, надо давать им как можно больше работы — грызть кости, орехи, и мыть их каждый день с мылом... да, да, простым, обыкновенным мылом, вот которым стирают белье.

Валентайн. Ну зачем же мылом?

Крэмптон. Эту привычку в меня внедрили еще в детстве, и я ее придерживаюсь всю жизнь. Зато и не знаю зубной боли.

Валентайн. И вам нисколько не противно?

Крэмптон. Да ведь почти все полезное противно. Но меня учили, что с этим нужно мириться. Меня заставляли мириться. А теперь я уже привык. Откровенно говоря, мне даже нравится вкус мыла, если только оно доброкачественное.

Валентайн *(с невольной гримасой)*. Вас, видимо, очень тщательно воспитывали, мистер Крэмптон?

Крэмптон *(мрачно)*. Пожаловаться не могу.

Валентайн *(чуть улыбаясь про себя)*. Право?

Крэмптон *(сварливо)*. А что?

Валентайн. Да зубы-то у вас хороши, ничего не скажешь. Но мне доводилось видеть зубы не хуже ваших у пациентов, которые не подвергали себя столь суровой дисциплине. *(Шагнув к шкафчику, меняет зонд.)*

Крэмптон. Я имел в виду воспитание не только в приложении к зубам, но и к характеру.

Валентайн *(умиротворяюще)*. Ах, к характеру! Понимаю! *(Принимаясь снова за лечение.)* Чуть пошире. Хм! Вы слишком энергично работаете челюстями. Ведь вашему зубу досталось больше, чем ореху. Придется удалить. Его уже не спасти. *(Вынимает зонд изо рта Крэмптона и снова подходит к ручке кресла беседовать.)* Не беспокойтесь, вы ничего не почувствуете. Я дам вам наркоз.

Крэмптон. Что за вздор! Не нужно мне никакого наркоза. Рвите так! В мое время людей учили стойко переносить боль, если она неизбежна.

Валентайн. Ну, если вам нравится боль, пожалуйста. Боли я могу вам причинить сколько угодно и даже не возьму с вас лишнего за благотворное воздействие боли на развитие характера.

Крэмптон *(приподнимаясь и глядя на него в упор)*. Молодой человек, вы должны мне за квартиру за шесть недель.

Валентайн. Да.

Крэмптон. Вы в состоянии мне заплатить?

Валентайн. Нет.

Крэмптон *(довольный своим преимуществом)*. Я так и полагал. Как же вы думаете расплатиться со мной, если вы издеваетесь над пациентами? *(Садится.)*

Валентайн. Дорогой мой, не все же пациенты воспитывали свой характер на стиральном мыле.

Крэмптон *(хватая Валентайна за руку в тот момент, когда тот поворачивается, чтобы взять что-то из шкафчика)*. Тем хуже для них! Послушайте, вы еще не знаете

моего характера. Если бы я мог обойтись без зубов, я бы заставил вас вырвать их все до единого. Я показал бы вам, на что способен человек с твердым характером, когда он на что-нибудь решился. *(Для усиления эффекта своих слов кивает головой и выпускает руку Валентайна.)*

Валентайн *(как ни в чем не бывало, все тем же беспечно-игривым тоном)*. И вам хочется, чтобы характер у вас стал еще тверже?

Крэмптон. Да.

Валентайн *(небрежной походкой идет к звонку)*. По-моему, он у вас и так достаточно твердый — я говорю как жилец.

Крэмптон мрачно усмехается.

(Дергает шнур и, в ожидании горничной, весело, как бы между прочим, бросает.) Почему вы не женились, мистер Крэмптон? Может быть, жена и детишки несколько и смягчили бы ваш характер.

Крэмптон *(с неожиданной яростью)*. А вам какое дело, черт возьми?

В дверях появляется горничная.

Валентайн *(вежливо)*. Теплой водички, пожалуйста.

Она удаляется, а Валентайн вновь обращается к шкафчику и, нимало не смутившись грубой выходкой Крэмптона, продолжает болтать, выбирая щипцы и кладя их так, чтобы они были под рукой, рядом с распоркой и стаканом для воды.

Вы спрашивали, какое мне, черт возьми, дело. Видите ли, я сам начинаю подумывать о женитьбе.

Крэмптон *(с ворчливой иронией)*. Еще бы, еще бы! Когда у молодого человека становится совсем пусто в кармане да вдобавок ему через двадцать четыре часа грозит конфискация мебели в счет уплаты долга за квартиру, он непременно должен жениться. Я это всегда замечал. Ну что ж, женитесь, полезайте в петлю!

Валентайн. Уж и в петлю! Вы-то почему знаете?

Крэмптон. Потому что я не холостяк.

Валентайн. Значит, в природе существует и миссис Крэмптон?

Крэмптон *(злобно передернувшись)*. Существует... будь она проклята!

Валентайн *(невозмутимо)*. Хм! Вы, может быть, не только супруг, но и отец, мистер Крэмптон?

Крэмптон. Троих детей.

Валентайн *(любезно)*. Будь они прокляты, да?

Крэмптон *(ревниво)*. Ну нет! Дети столько же мои, сколько и ее.

Входит горничная с кувшином горячей воды.

Валентайн. Спасибо.

Горничная подает ему кувшин и уходит.

(Идет с кувшином к шкафчику, продолжая болтать. Хотел бы я познакомиться с вашей семьей, мистер Крэмптон, ей-богу! *(Наливает горячей воды в стакан.*

Крэмптон. К сожалению, ничем не могу вам помочь, сэр. Где они обретаются я, слава богу, не знаю, и знать не хочу, лишь бы ко мне не приставали.

Валентайн, подняв плечи и наморщив лоб, со звоном опускает щипцы в стакан.

Если это для меня, то напрасно беспокоитесь, могли бы и не греть эту штуку. Я не боюсь прикосновения холодной стали.

Валентайн наклоняется, чтобы установить баллон с газом и шланг возле кресла.

А эта штуковина, такая тяжелая, зачем?

Валентайн. Эта-то? Да так просто. Чтобы было обо что упереться ногой, когда я начну дергать.

Крэмптон невольно меняется в лице. Валентайн выпрямляется, подвигает к себе стакан с щипцами и продолжает болтать с раздражающим спокойствием.

Так что вы не советуете мне жениться, мистер Крэмптон? *(Наклонившись, возится с подъемным механизмом кресла.)*

Крэмптон *(раздраженно)*. Я советую вам поскорее вырвать мне зуб и больше не напоминать о моей жене. Ну-ка, давайте! *(Вцепившись в ручки кресла, весь напрягается.)*

Валентайн. На что спорим, что вы и не почувствуете, как я удалю вам зуб?

Крэмптон. На шесть недель квартирной платы, молодой человек. И довольно морочить мне голову.

Валентайн *(поймав его на слове, принимается энергично крутить колесо).* Идет! Готовы?

Крэмптон, которого резкий подъем заставил выпустить ручки кресла, складывает руки на груди, выпрямляет спину и напряженно ждет. Валентайн внезапно откидывает спинку кресла так, что она образует тупой угол с сиденьем.

Крэмптон *(хватаясь за ручки кресла и падая навзничь.)* Уф! Полегче, любезный! Я так не мо...

Валентайн *(ловко вставляя ему в рот распорку, другой рукой хватает маску газового баллона).* Погодите, через минуту вы вовсе ничего не сможете. *(Прижимает маску ко рту и носу Крэмптона, наваливаясь ему на грудь и прижимая его голову и плечи к креслу.)*

Крэмптон издает какой-то невнятный звук сквозь маску и пытается схватить Валентайна, думая, что тот находится перед ним. Несколько секунд он бесцельно шарит по воздуху руками и, наконец, ослабевая, опускает их и окончательно теряет сознание. Валентайн быстро убирает маску, ловким жестом выхватывает щипцы из стакана, и... занавес падает.

Терраса перед Морским отелем. Выложенная плитами площадка залита ярким солнцем, она отгорожена со стороны моря парапетом. Старший официант раскладывает салфетки на столе, накрытом для завтрака; его спина повернута к морю, по его правую руку здание отеля, по левую, с ближнего к морю края, лестница, ведущая вниз к пляжу. В поле зрения официанта, чуть влево от него, чугунный столик и такой же стул, на котором сидит средних лет джентльмен; на столике сахарница; джентльмен читает ультраконсервативную газету, закрывшись зонтом от послеполуденного августовского солнца, которое нещадно печет носки его вытянутых ног. На той же стороне, что и здание отеля, садовая скамейка, какие бывают в общественных парках. Вход для посетителей через дверь, в центре фасада. Ближе к парапету ход на кухню, замаскированный крыльцом в виде плетеной беседки. Длинный стол, за которым хлопочет официант, стоит поперек террасы, на нем пять приборов: по два с каждой стороны и один на конце, ближнем к зданию отеля; у каждого прибора стул. К парапету вплотную придвинут еще один стол, подсобный.

Официант — личность в своем роде замечательная. Это благостный старичок, седой и на вид тщедушный. Но он так жизнерадостен, так доволен своей участью, что одно его присутствие вселяет бодрость, и в его обществе честолюбие уже начинает казаться пошлостью, а воображение — чуть ли не крамолой по отношению к царящему кругом благоденствию, какой-то изменой действительности. У него то особое выражение лица, какое свойственно людям, достигшим высоких степеней в своей профессии: он чужд зависти, ибо познал всю тщету успеха.

Джентльмен, сидящий за чугунным столиком, одет не по-курортному, в городской сюртук, на руках перчатки; рядом с сахарницей на столе его шелковый цилиндр. Прекрасное состояние его одежды, да и само качество ее, очки в золотой оправе, которые он надел, чтобы читать,— все это признаки человека солидного и почтенного. На вид ему лет пятьдесят, он гладко выбрит и коротко острижен; углы рта опущены, но как-то неубедительно,— словно он

подозревает их в тенденции загибаться кверху и твердо решил не давать им воли. У него открытый лоб, — тут, впрочем, тоже чувствуется некоторая натяжка, точно обладатель этого лба еще в юности поклялся быть правдивым, великодушным и неподкупным, но так и не мог добиться, чтобы эти качества сделались его второй натурой. И все-таки это человек, достойный уважения. Его нельзя назвать ни глупым, ни слабохарактерным; напротив, всякий, взглянув на него, решил бы, что как по положению, которое он занимает в своей области, так и по способностям, которые он в этой области проявляет, это человек не совсем заурядный. Он так наслаждается и погодой и морем, что еще не испытывает нетерпения. Однако он уже исчерпал все новости в газете и обратился было к разделу объявлений, где, как видно, не нашел себе духовной пищи по вкусу.

Джентльмен *(окончательно разочаровавшись в газете и зевая)*. Послушайте!

Официант *(подходя к нему)*. Сэр?

Джентльмен. Вы точно знаете, что миссис Клэндон собиралась быть дома до завтрака?

Официант. Совершенно точно, сэр. Она ожидала, что вы прибудете ровно без четверти час, сэр.

Джентльмен, тотчас успокоенный голосом официанта, смотрит на него с ленивой улыбкой. Голос у официанта тихий, с какой-то мягкой певучестью, которая придает задушевность самым обыденным его замечаниям; речь его приятна и правильна, без каких бы то ни было вульгаризмов.

(Вынимает часы и смотрит на них.) Как будто бы рановато, сэр? Двенадцать сорок три, сэр. Осталось всего две минуты, сэр. Прелестное утро, сэр!

Джентльмен. Да, воздух очень свежий после Лондона.

Официант. Вот именно, сэр. Все наши гости говорят то же самое, сэр. Приятное семейство, семейство миссис Клэндон, сэр.

Джентльмен. Они вам нравятся?

Официант. Да, сэр. Такая непринужденность манер, сэр, чрезвычайно располагающая, сэр, чрезвычайно. В особенности у младшей барышни и джентльмена.

Джентльмен. Вы, должно быть, имеете в виду мисс Дороте и мистера Филипа.

Официант. Да, сэр. Барышня, например, всякий раз, как дает мне какое-нибудь поручение, непременно скажет: «Помните, Уильям, что в этом отеле мы остановились ради вас, потому что слышали, какой вы отличный официант». А молодой джентльмен, так тот постоянно говорит, что я напоминаю ему его отца.

Джентльмен вздрагивает при этих словах.

И что он во всем полагается на меня, как на родного отца. *(Сладко и приятно понижая голос.)* Веселые господа, сэр, чрезвычайно ласковые и веселые.

Джентльмен. Это вы-то похожи на его отца? *(Смеется такой нелепой кажется ему эта мысль.)*

Официант. Ах, сэр, их не надо принимать всерьез. Ведь если бы было какое-нибудь сходство, то и барышня бы его заметила.

Джентльмен. А она не заметила?

Официант. Нет, сэр. Ей кажется, что я похож на бюст Шекспира в Стрэтфордской церкви, сэр. Потому-то она и называет меня — Уильям. На самом же деле меня зовут Уолтер, сэр. *(Поворачивается к столу, чтобы снова приняться за работу, и вдруг видит миссис Клэндон, которая поднимается по лестнице, ведущей с пляжа.)* А вот и миссис Клэндон, сэр! *(К миссис Клэндон, конфиденциальным тоном, но без назойливости.)* К вам джентльмен, мэм.

Миссис Клэндон. Мы ждем еще двух джентльменов к завтраку, Уильям.

Официант. Хорошо, мэм. Благодарю вас, мэм. *(Уходит в дом.)*

Миссис Клэндон идет по террасе и, скользнув безразличным взглядом по фигуре сидящего джентльмена, продолжает кого-то искать глазами.

Джентльмен *(игриво смотрит на нее из-под зонтика)*. Не узнаете?

Миссис Клэндон *(изумленно, пристально вглядываясь)* Неужто Финч Мак-Комас?

Мак-Комас. А вы как думаете? *(Закрывает зонт, кладет его, затем принимает комическую позу, уперев руки в бока, и дает себя обозреть.)*

Миссис Клэндон. Пожалуй, что и он. *(Протягивает руку. Следует рукопожатье старых друзей, которые встречаются после долгой разлуки.)* Куда вы девали бороду?

Мак-Комас *(с притворным пафосом)*. Как можно – адвокат и вдруг с бородой!

Миссис Клэндон *(показывая на цилиндр на столе)*. Это ваша шляпа?

Мак-Комас. Как можно – адвокат и вдруг без цилиндра!

Миссис Клэндон. А я-то все эти восемнадцать лет вспоминала человека с бородой и в мягкой шляпе с широкими полями! *(Садится на садовую скамью.)*

Мак-Комас садится на свой стул.

Вы продолжаете ходить на митинги Общества диалектики?

Мак-Комас *(степенно)*. Я больше не посещаю митингов.

Миссис Клэндон. Финч, я все поняла: вы остепенились и сделались добропорядочным членом общества.

Мак-Комас. А вы?

Миссис Клэндон. Я? Ничуть.

Мак-Комас. И вы придерживаетесь наших прежних убеждений?

Миссис Клэндон. С прежней твердостью.

Мак-Комас. Господи! Неужели вы и теперь, презрев свой пол, готовы публично выступать с речами?

Миссис Клэндон кивает.

Отстаивать право замужних женщин на раздельную собственность?

Опять кивок.

Защищать взгляды Дарвина на происхождение видов и «Опыт о свободе» Джона Стюарта Милля?

Кивок.

Читать Хаксли, Тиндаля и Джордж Элиот?

Три кивка.

Требовать университетских дипломов, доступа во все профессии и права голоса при выборах в парламент для женщин наравне с мужчинами?

Миссис Клэндон *(решительно* Да! Я ни на йоту не отступила от своих принципов. Я и Глорию свою воспитала так, чтобы она могла продолжать дело, начатое мной. Собственно, это и побудило меня вернуться в Англию. Я вдруг поняла, что не имею права похоронить ее заживо на Мадейре, на этой моей Святой Елене, Финч. Ве-

роятно, ее встретят бурей негодования, как некогда встречали меня. Ну, да она к этому готова

Мак-Комас. Какие там бури! Милая моя, да ведь нынче в ваших взглядах нет ничего такого, что могло бы помешать ей выйти замуж хоть за архиепископа. Вы только что упрекнули меня в том, что я остепенился. И совершенно неосновательно: я придерживаюсь наших прежних убеждений так же крепко, как всегда. В церковь не хожу и не скрываю этого. Я называю себя радикалом с философским уклоном,— таков я и есть на самом деле: стою за свободу личности и за ее права, как мой учитель Герберт Спенсер. И что же, вы думаете — меня встречают бурей негодования? Нет, ко мне относятся со снисходительным сожалением: что, мол, со старика спрашивать! Я отстранен от жизни, ибо не пожелал преклонить колен перед социализмом.

Миссис Клэндон *(пораженная)*. Социализмом?!

Мак-Комас. Ну да, социализмом. Вот увидите, что ваша мисс Глория, если вы только дадите ей волю, через какой-нибудь месяц сама по уши увязнет в социализме

Миссис Клэндон *(убежденно)*. Но ведь я могу доказать ей, что социализм — заблуждение.

Мак-Комас *(печально)*. Вот так-то, доказывая, я и растерял своих молодых последователей. Будьте же вы осторожны: не мешайте ей идти своим путем. *(Не без горечи.)* Мы с вами, матушка, из моды вышли, отстали, видите ли. Есть, правда, в Англии одно местечко, где ваши взгляды еще показались бы передовыми.

Миссис Клэндон *(с высокомерным недоверием)*. Может быть, церковь?

Мак-Комас. Нет, театр. А теперь — к делу! Зачем вы меня вызвали сюда?

Миссис Клэндон. Отчасти затем, что хотела повидаться с вами...

Мак-Комас *(с добродушной иронией)*. Спасибо.

Миссис Клэндон. ...отчасти же для того, чтобы вы все рассказали детям. Они ничего не знают. Теперь, раз уже мы перебрались в Англию, невозможно их дальше оставлять в неведении. *(Волнуясь.)* Финч, я не могу найти в себе силы рассказать им все сама. Я...

Внезапное появление близнецов и Глории прерывает ее речь. Долли и Фил мчатся вверх по лестнице наперегонки; Фил умудряется сочетать бешеную скорость

с корректной неторопливостью движений, из-за чего, впрочем, и проигрывает состязание, и в результате Долли первой подбегает к матери и своими бурными объятиями чуть не опрокидывает садовую скамейку.

Долли *(запыхавшись)*. Все в порядке, мама. Зубной врач будет и приведет с собой старика.

Миссис Клэндон. Долли! Милая! Разве ты не видишь мистера Мак-Комаса?

Мак-Комас встает улыбаясь.

Долли *(лицо ее вытягивается, выражая самое недвусмысленное разочарование)*. Это он? А где же развевающиеся кудри?

Филип *(горячо поддерживая ее)*. Где борода?.. Где плащ? Где поэтическая внешность?

Долли. Ах, мистер Мак-Комас, как вы себя изуродовали! Почему вы не дождались нас?

Мак-Комас *(оторопев поначалу, тут же призывает на помощь чувство юмора)*. Потому что адвокат не может восемнадцать лет обходиться без парикмахера.

Глория *(подходя к Мак-Комасу с другой стороны)*. Здравствуйте, мистер Мак-Комас! *(Он поворачивается к ней, она пожимает его руку, глядя открыто и прямо ему в глаза.)* Наконец-то мы вас видим!

Мак-Комас. Мисс Глория, я полагаю?

Глория улыбается в ответ и, еще раз пожав его руку, выпускает ее из своей; затем становится позади матери, облокотившись на спинку скамейки.

А этот молодой человек?

Филип. Меня окрестили более или менее прозаически. Меня зовут...

Долли *(заканчивает его фразу декламацией)*. «Норваль. На склонах гор Грампийских...»

Филип *(торжественно подхватывая)*. «Смиренный мой отец пасет стада...»

Миссис Клэндон *(пытаясь обуздать их)*. Милые, милые дети, полноте дурачиться. Им все тут внове, Финч, и они на радостях совсем взбесились. Англичане им кажутся страшно смешными.

Долли. Чем мы виноваты, когда они и вправду смешные?

Филип. Как ни обширен мой житейский опыт, мистер Мак-Комас, я никак не могу воспринимать обитателей этого острова всерьез.

Мак-Комас. Я полагаю, сэр, что вы и есть юный Филип. *(Протягивает ему руку.)*

Филип *(подает ему свою и торжественно смотрит на него)*. Юным Филипом я был на протяжении ряда лет, так же как и вы некогда были юным Финчем. *(Тряхнув руку Мак-Комаса, выпускает ее, отворачивается и задумчиво восклицает.)* Забавно, не правда ли, иной раз оглянуться на свое детство?

Долли *(к миссис Клэндон)*. Ты догадалась предложить Финчу выпить чего-нибудь?

Миссис Клэндон *(укоризненно)*. Что ты, милая! Мистер Мак-Комас ведь завтракает с нами.

Долли. Ты сказала, чтоб накрыли на семерых? Не забудь старого джентльмена.

Миссис Клэндон. Я его не забыла, милая. Кстати, как его зовут?

Долли. Крингер. Он будет в половине второго. *(К Мак-Комасу.)* Скажите, вы нас представляли себе такими?

Миссис Клэндон *(с жаром и даже чуть резковато)*. Долли! Мистер Мак-Комас имеет сказать вам нечто более серьезное. Дети! Я попросила моего старого друга ответить вам на вопрос, который вы задали мне сегодня утром. Он друг не только мой, но и вашего отца; поэтому он в состоянии рассказать о моей семейной жизни с большей объективностью, чем я. Глория, ты довольна?

Глория *(с серьезной учтивостью)*. Мистер Мак-Комас очень любезен.

Мак-Комас *(в замешательстве)*. Ничуть, моя милая барышня, ничуть. Вместе с тем... все это несколько неожиданно. Я не совсем подготовился... э-э...

Долли *(подозрительно)*. О, нам ничего заранее подготовленного и не надо.

Филип *(предостерегающе)*. Нам нужна правда!

Долли *(внушительно)*. Голая, неприкрытая правда!

Мак-Комас *(задетый за живое)*. Надеюсь, вы серьезно отнесетесь к тому, что я скажу.

Филип *(с чрезвычайной важностью)*. Если оно будет того заслуживать, мистер Мак-Комас. Мой житейский опыт учит меня не ожидать слишком многого.

Миссис Клэндон *(укоризненно)*. Фил...

Филип. Хорошо, мама, хорошо. Прошу прощенья, мистер Мак-Комас. Не обращайте на нас внимания.

Долли *(примирительно)*. Мы ведь не нарочно.

Филип. Молчок!

Долли зажимает рот рукой. Мак-Комас берет один из стульев, которые окружают накрытый стол, ставит его между маленьким столиком и садовой скамьей и усаживается с видом человека, готовящегося сделать пространное сообщение. Все Клэндоны смотрят на него выжидающе.

Мак-Комас. Кха! Ваш отец...

Долли. Сколько ему лет?

Филип. Тсс!

Миссис Клэндон *(тихо)*. Милая Долли, не будем перебивать мистера Мак-Комаса.

Мак-Комас *(подчеркнуто)*. Благодарю вас, миссис Клэндон. Спасибо. *(К Долли.)* Вашему отцу пятьдесят семь лет.

Долли *(так и подпрыгнув от неожиданности)*. Пятьдесят семь?! Где он живет?

Миссис Клэндон *(умоляюще)*. Долли, Долли!

Мак-Комас *(останавливая миссис Клэндон)*. Позвольте же мне ответить, миссис Клэндон. Мой ответ вас очень удивит. Он живет здесь.

Миссис Клэндон встает в сильном гневе, однако опять садится, не проронив ни слова. Глория с недоумением смотрит на нее.

Долли *(убежденно)*. Я так и знала, Фил. Этот Крекинг и есть наш отец!

Мак-Комас. Крекинг?

Долли. Ну Кримпинг или как его там. Он мне сказал, что я похожа на его мать. Но, конечно же, он хотел сказать – дочь. Я так и поняла.

Филип *(совершенно серьезно)*. Мистер Мак-Комас! Я никоим образом не хочу оскорблять ваши чувства, но должен предупредить вас, что если вы, увлекшись совпадениями, попытаетесь уверить меня, что этот самый мистер Крэмптон, проживающий в этом самом городке, – мой отец, то я просто откажусь считать ваши сведения достоверными.

Мак-Комас. Позвольте спросить, отчего?

Филип. Да оттого, что я видел этого джентльмена; и ни мне, ни Долли, ни Глории он совершенно не годится в отцы, а моей матери – в супруги.

Мак-Комас. Ах, вот оно что! Так позвольте же, сэр, сказать, что он – угодно это вам или не угодно – действи-

тельно является вашим отцом, а также отцом ваших сестер, а также супругом миссис Клэндон. Вот! Что вы на это скажете?

Долли *(хныча)*. Вы-то чего сердитесь? Ведь Крэмптон не ваш отец.

Филип. Мистер Мак-Комас, ваше поведение бессердечно. Вот вы увидели семью, увидели, какую необыкновенно спокойную и свободную жизнь ведут сироты. Ведь мы ни одного родственника и в глаза не видывали, не знали никаких обязательств, кроме тех, что накладывает дружба, основанная на свободном выборе. И вот вы хотите навязать нам в качестве ближайшего нашего родственника человека, которого мы не знаем...

Долли *(с ожесточением)*. Какого-то ужасного старика! *(С укором.)* Да еще говорите так, словно приготовили для нас вполне симпатичного отца!

Мак-Комас *(сердито)*. Откуда вы знаете, что он несимпатичный? Да и какое право вы имеете выбирать себе отца? *(Повышая голос.)* Позвольте вам сказать, мисс Клэндон, что вы еще молоды, чтобы...

Долли *(с живостью перебивая его)*. Стойте! Я совсем забыла! Он богат?

Мак-Комас. Он очень состоятельный человек.

Долли *(в восторге)*. Ну, что я говорила, Фил?

Филип. Долли, я допускаю, что мы поторопились забраковать старика! Продолжайте, мистер Мак-Комас.

Мак-Комас. Я не стану продолжать, сэр. Я оскорблен и возмущен до глубины души!

Миссис Клэндон *(с трудом сдерживаясь)*. Финч, вы понимаете, что происходит? Вы понимаете, что дети пригласили этого человека к завтраку и что он вот-вот придет сюда.

Мак-Комас *(вконец расстроенный)*. Что?! Вы хотите сказать... должен ли я понять?.. Неужели?..

Филип *(внушительно)*. Спокойно, Финч. Обдумайте все тщательно, не торопясь, он сейчас придет к завтраку.

Глория. Кто из нас скажет ему правду? Вы об этом подумали?

Миссис Клэндон. Финч, придется вам.

Долли. Да нет же! Финч не умеет сообщать новости. Смотрите, какую он тут развел тягомотину!

Мак-Комас. Мне не давали говорить. Я протестую!

Долли *(ласково беря его под руку)*. Милый Финч, не сердитесь.

Миссис Клэндон. Идем, Глория. Он ведь может прийти в любую минуту.

Глория *(гордо)*. Ни шага отсюда, мама! Я во всяком случае никуда не уйду. Мы не должны убегать.

Миссис Клэндон. Милая, не можем же мы вот так просто сесть за стол. Нужно привести себя в порядок. Мы, конечно, вернемся. Но демонстрацию устраивать ни к чему.

Глория морщится, однако следует за матерью, не говоря больше ни слова.

Долли, идем! *(Сталкивается в дверях с официантом, который несет на подносе два дополнительных прибора.)*

Официант. Джентльмены еще не пришли, мэм?

Миссис Клэндон. Мы ждем еще двоих. Они сейчас будут. *(Идет в дом.)*

Официант ставит поднос на запасной стол.

Филип. Идея! Мистер Мак-Комас, это сообщение должен сделать человек безупречного такта, не правда ли?

Мак-Комас. Такт понадобится, безусловно.

Филип. Хорошо! Долли, чей такт поразил тебя сегодня утром?

Долли *(с восторгом подхватывая его мысль)*. Ну конечно же! Правда, правда!

Филип. Он, и только он! *(Зовет.)* Уильям!

Официант. Сию минуту, сэр.

Мак-Комас *(в ужасе)*. Официант?! Позвольте! Я не могу этого допустить. Я...

Официант *(становится между Филом и Мак-Комасом)*. Да, сэр?

Лицо Мак-Комаса приобретает землисто-серый оттенок, взгляд становится неподвижным и лишается какого бы то ни было выражения. Он опускается на стул в совершеннейшей прострации.

Филип. Уильям, вы помните, я просил вас смотреть на меня, как на родного сына?

Официант *(с почтительным снисхождением)*. Да, сэр. Раз вам так угодно, сэр.

Филип. Уильям! На самой заре вашей отцовской карьеры на сцене появляется ваш соперник.

Официант. Ваш подлинный отец, сэр? Ну что ж, рано или поздно это должно было случиться, сэр, не правда ли? *(Оборачиваясь с радостной улыбкой к Мак-Комасу.)* Уж не вы ли, сэр?

Мак-Комас *(негодование выводит его из состояния летаргии)*. Ну нет! Мои дети умеют себя вести.

Филип. Нет, Уильям. Этот человек чуть было не сделался моим отцом: он ухаживал за моей матерью, но был отвергнут.

Мак-Комас *(вне себя)*. Ну, знаете...

Филип. Тсс! И потому он всего-навсего наш поверенный. Вы не слыхали о некоем Крэмптоне, обитателе этого городка?

Официант. Косой Крэмптон, сэр, из Кривой бутылки, сэр,— он, сэр?

Филип. Я не знаю. Финч, он содержит пивную?

Мак-Комас *(встает, скандализованный)*. Нет, нет и нет! Ваш отец, сэр, известный судостроитель, крупная фигура в этих краях.

Официант *(с уважением)*. Ах, простите, сэр, простите! Вы имеете в виду мистера Крэмптона? Ах ты господи!

Филип. Мистер Крэмптон завтракает с нами.

Официант *(озабоченно)*. Да, сэр. *(Дипломатично.)* Он, верно, не всегда завтракает с семьей, сэр?

Филип *(внушительно)*. Уильям! Он не подозревает, что мы и есть его семья. Последний раз мы с ним виделись восемнадцать лет назад, и он, разумеется, нас не узнает. *(Для вящего эффекта прыжком садится на чугунный столик и глядит на официанта, поджав губы и болтая ногами.)*

Долли. И мы хотим, чтобы вы ему об этом сказали.

Официант. Но надо полагать, мисс, что при виде вашей матушки он и сам догадается об этом.

Ноги Фила застывают в воздухе. Он с упоением смотрит на официанта.

Долли *(пораженная его умом)*. А мне и в голову не пришло!

Филип. И мне! *(Соскакивая со стола и обращаясь с укором к Мак-Комасу.)* Да и вы хороши!

Долли. А еще адвокат!

Филип. Финч, ваша профессиональная бездарность ужасна. Уильям, ваша проницательность — укор нам всем!

Долли. Уильям, вы точь-в-точь как Шекспир.

Официант. Что вы, сэр! О чем тут говорить, мисс! Рад служить, сэр, очень рад. *(Скромно ретируется к накрытому столу и ставит дополнительные приборы — один на тот конец стола, что ближе к лестнице на пляж, а другой на той его стороне, что дальше от парапета.)*

Филип *(порывисто хватая Мак-Комаса под руку, тащит его к отелю)*. Финч, идемте мыть руки.

Мак-Комас. Я обижен и оскорблен, мистер Клэндон...

Филип *(перебивая)*. Ничего, вы к нам привыкнете. Идем, Долли!

Мак-Комас вырывается и шествует к отелю один. Филип следует за ним с невозмутимым спокойствием.

Долли *(уже в дверях отеля, оборачивается)*. Смотрите в оба, Уильям. Готовится фейерверк!

Официант. Хорошо, мисс. Можете на меня положиться, мисс.

Долли проходит в отель.

Валентайн, с тросточкой в руках, поднимается по лестнице с пляжа; за ним с мрачным упорством шагает Крэмптон. От старческой ли зябкости или просто, чтобы как-то нейтрализовать впечатление, производимое его морской курткой, Крэмптон надел поверх нее легкое пальто. Он останавливается посреди террасы, возле стула, на котором сидел Мак-Комас, и с минуту стоит, опираясь на него.

Крэмптон. У меня прямо голова закружилась от этой лестницы. *(Проводит рукой по лбу.)* А все наркоз проклятый — никак не очухаюсь! *(Садится на чугунный стул и, облокотившись о стол, подпирает голову руками. Впрочем, он скоро приходит в себя и начинает расстегивать пальто.)*

Валентайн между тем вступает в беседу с официантом.

Валентайн. Официант!

Официант *(выходя вперед и становясь между ними)*. Да, сэр?

Валентайн. Мы к миссис Ланфри Клэндон.

Официант *(с радушной улыбкой)*. Да, сэр. Мы вас ждали, сэр. Вот ваш стол, сэр. Миссис Клэндон сейчас спустится, сэр. Барышня, что помоложе, и молодой джентльмен только что говорили о вашем знакомом, сэр.

Валентайн. Вот как?

Официант *(с приятной певучестью в голосе)*. Да, сэр. Они чрезвычайно радостно настроены, сэр. Так сказать, на шутливый лад, сэр. *(Проворно оборачиваясь к Крэмптону, который встал, чтобы снять пальто.)* Прошу прощенья,

сэр, позвольте! *(Стаскивает с него пальто, которое оставляет у себя.)* Благодарю вас, сэр!

Крэмптон снова садится, а официант продолжает прерванную мелодию.

А молодой джентльмен опять новую шутку придумал, он уверяет, будто бы вы — его отец, сэр.

Крэмптон. Что?!

Официант. Да это его излюбленная шутка, сэр. Вчера, к примеру, я был его отцом. Сегодня же, как только он узнал, что вы пожалуете к нам, он пытался уверить меня, что именно вы и есть его отец, — тот самый отец, которого он так давно разыскивает! Восемнадцать лет, говорит, не виделись.

Крэмптон *(вздрогнув)*. Восемнадцать?!

Официант. Да, сэр. *(С добродушным лукавством.)* Ну да я уже знаю, с кем имею дело, сэр. Я сам видел, как эта мысль зародилась у него. Гляжу — стоит, задумался; ну, думаю, уж верно затевает, как бы меня еще подурачить. Да, сэр, он уж такой: ба-а-льшой забавник и очень, очень непринужденный и общительный молодой человек, сэр. *(Заметив, что Валентайн пытается прислонить свою трость к садовой скамейке, снова переключается на быстрый темп.)* Позвольте, сэр? *(Берет трость.)* Благодарю вас, сэр.

Валентайн подходит к столу и начинает изучать меню.

(Обращаясь к Крэмптону, официант продолжает.) Даже адвокат, сэр, — а ведь мы с ним, можно сказать, по душам поговорили о молодом джентльмене, — и тот поддержал эту шутку. Уверяю вас, сэр. Вы и представить себе не можете, сэр, на что способны почтенные джентльмены, когда приезжают из Лондона подышать свежим морским воздухом и этот воздух кинется им в голову, сэр!

Крэмптон. Так с ними и адвокат?

Официант. Да, сэр, их поверенный. По фамилии Мак-Комас, сэр. *(С пальто и тростью направляется к дверям гостиницы, в блаженном неведении о том, что на Крэмптона упоминание этого имени подействовало как взрыв бомбы.)*

Крэмптон *(вскочив в бешенстве и страхе)*. Мак-Комас?! *(Кричит.)* Валентайн! *(Еще раз, яростно.)* Валентайн!!

Валентайн оглядывается.

Это заговор, западня! Ведь это моя собственная семья! Мои дети, моя жена, будь она проклята!

Валентайн *(невозмутимо)*. Право? Любопытная встреча! *(Продолжает изучать меню.)*

Крэмптон. Нет уж, увольте! Я не желаю никаких встреч! *(Кричит официанту.)* Отдайте мое пальто!

Официант. Слушаю, сэр. *(Возвращается, осторожно прислоняет трость Валентайна к столу и подает Крэмптону пальто, предварительно чуть-чуть встряхнув его.)* Выходит, сэр, что я возвел напраслину на молодого человека и что на этот раз он не шутил?

Крэмптон. Рррр! *(Начинает вдевать руки в рукава, но останавливается и, пораженный мыслью, напускается на Валентайна.)* Валентайн, вы с ними заодно! Вы подстроили этот заговор! Вы...

Валентайн *(безапелляционно)*. Вздор! *(Отшвырнув от себя меню, обходит стол и как ни в чем не бывало смотрит поверх парапета на море.)*

Крэмптон *(сердито)*. Как вы...

Из отеля выходит Мак-Комас, за ним Фил и Долли; завидя Крэмптона, Мак-Комас останавливается в нерешительности.

Официант *(мягко перебивая Крэмптона)*. Спокойно, сэр. Вот и они, сэр. *(Подхватывает тросточку, перекидывает пальто через руку и идет к дверям отеля.)*

Мак-Комас, решительно опустив углы рта, идет к Крэмптону, который подается назад, глядя в упор на Мак-Комаса и пряча руки за спиной. Мак-Комас, с еще более открытым челом, чем обычно, останавливается перед ним во всем величии человека, совесть которого безупречно чиста.

(Вполголоса, проходя мимо Фила по дороге к двери.) Я открыл ему все, сэр.

Филип. Бесценный Уильям! *(Проходит к столу.)*

Долли *(вполголоса официанту)*. Как он это принял?

Официант *(тоже вполголоса)*. Вначале был несколько изумлен, мисс, однако смирился, совсем смирился, мисс. *(Уносит трость и пальто.)*

Мак-Комас *(который все это время отвечал на упорный взгляд Крэмптона таким же взглядом и, наконец, привел его в замешательство)*. Ну, вот и вы, мистер Крэмптон!

Крэмптон. Да, вот и я... в ловушке... в гнусной ловушке. Это мои дети?

Филип *(с убийственной вежливостью)*. Мистер Мак-Комас, это и есть наш отец?

Мак-Комас *(стоически)*. Да.

Долли *(светски)*. Очень приятно. *(Ходит бесцельно вокруг стола, обменявшись на ходу гримаской с Валентайном.)*

Филип. Позвольте исполнить первейший долг гостеприимства и заказать вина. *(Берет карточку со стола.)*

Под влиянием учтивой внимательности Филипа и небрежной любезности Долли Крэмптону начинает казаться, что он просто-напросто в гостях у людей, с которыми случайно познакомился сегодня утром у зубного врача. Это отзывается болью в его родительском сердце; он начинает дрожать, лоб его покрывается испариной. Он тупо взирает на сына, между тем как тот, упиваясь собственной черствостью, в которой видит лишь остроумие и находчивость, беспечно продолжает.

Для вас, Финч, как для почтенного адвоката, нужно заказать старую, заплесневелую бутылочку хорошего портвейна, правда?

Мак-Комас *(твердо)*. Только минеральной воды. Алкогольных напитков не пью. *(Отходит в сторону, к краю террасы, с выражением человека, который бежит соблазна.)*

Филип. Валентайн?

Валентайн. Пиво, если это не вульгарно.

Филип. Конечно, вульгарно. Закажем пива. *(Обращаясь к Крэмптону с приличной веселостью.)* Ну-с, мистер Крэмптон, а для вас мы что закажем?

Крэмптон. Что? Мальчишка!

Филип. Мальчишка! *(С пафосом.)* А кто виноват, что я мальчишка?

Крэмптон грубо вырывает у него карточку и не очень убедительно делает вид, что читает ее. Филип уступил ему карточку с изысканной учтивостью.

Долли *(глядя в карточку через правое плечо Крэмптона)*. Виски на предпоследней странице.

Крэмптон. Не приставай, девчонка!

Долли. Девчонка! Ну нет, можете называть меня Долли, если хотите, но девчонкой — нет. *(Берет Фила под руку; стоят вдвоем и разглядывают Крэмптона, словно перед ними не отец, а какой-то незнакомый чудак.)*

Крэмптон *(измученный и взбешенный, вытирает лоб платком; впрочем, он уже готов и то считать за благо, что*

они с ним шутят). Славный завтрак нас ждет, Мак-Комас, нечего сказать!

Мак-Комас *(с подчеркнутой бодростью).* А чем же не славный?

Филип. Только посмотришь на Финча — и сразу делается весело на душе.

Миссис Клэндон и Глория появляются из дверей отеля. Миссис Клэндон выступает с мужественным самообладанием и подчеркнутым достоинством; на последней ступеньке останавливается и приветствует Валентайна, который первым попадается ей навстречу. Глория также останавливается и не без отвращения смотрит на Крэмптона.

Миссис Клэндон. Рада вас видеть у себя, мистер Валентайн.

Он улыбается.

(Проходит дальше и, дойдя до Крэмптона, собирается так же спокойно приветствовать и его; однако, взглянув на него, внезапно останавливается и говорит с тревогой и оттенком раскаяния.) Фергюс, ты очень изменился!

Крэмптон *(мрачно).* Возможно. За восемнадцать лет изменишься.

Миссис Клэндон *(с беспокойством).* Я... я не в этом смысле. Как у тебя со здоровьем?

Крэмптон. Спасибо. Нет, дело не в здоровье, а в счастье — вот какая перемена бросилась тебе в глаза. *(Взрываясь.)* Посмотрите на нее, Мак-Комас! А теперь *(издавая звук, средний между смехом и рыданием)* — взгляните на меня!

Филип. Тсс! *(Показывая на вход в гостиницу, где в эту минуту появляется официант.)* Держитесь перед Уильямом!

Долли *(предостерегающе трогая Крэмптона за руку).* Кхе-кхе!

Официант идет к подсобному столику, подает рукой знак на кухню, и оттуда выходит молодой официант с суповыми тарелками, а за ним повар, в белом переднике и колпаке, несет суповую миску. Молодой официант остается прислуживать, повар уходит и время от времени появляется с новым блюдом; он режет мясо, но не подает. Старший официант становится подле стола, у того конца, что ближе к лестнице на пляж.

Миссис Клэндон *(подходя к столу вместе с гостями).* Тут как будто все уже виделись сегодня. Ах нет, простите. *(Знакомя.)* Мистер Валентайн — мистер Мак-Комас. *(Идет к концу стола, ближнему к зданию отеля.)* Фергюс, я попрошу вас сесть за хозяина!

Крэмптон. Ха! *(С горечью.)* За хозяина!

Официант *(тактично подбадривает его, выдвигая ему стул).* Вот сюда, сэр.

Крэмптон покорно садится на указанное место.

Благодарю вас, сэр.

Миссис Клэндон. Мистер Валентайн, не угодно ли вам сесть вот сюда *(показывает на сторону, ближнюю к парапету),* рядом с Глорией?

Валентайн и Глория усаживаются, Глория — по левую руку от Крэмптона, Валентайн — по правую от миссис Клэндон.

Финч, мне придется посадить вас на этой стороне, между Долли и Филом. Защищайтесь, как можете.

Все трое занимают указанные им места: Долли — по левую руку от матери, Фил — рядом с отцом.
Подают суп.

Официант *(к Крэмптону).* Суп или бульон, сэр?

Крэмптон *(к миссис Клэндон).* А что, в этом доме не принято читать молитву перед едой?

Филип *(ловко вворачивая свою реплику).* Сперва решим, о чем нам молить бога, Уильям!

Официант. Да, сэр? *(Быстро и бесшумно обойдя стол, подходит к Филипу слева; по дороге успевает шепнуть молодому официанту.)* Суп.

Филип. Две бутылочки пива для детей, как всегда, Уильям, и одну большую этому джентльмену. *(Указывает на Валентайна.)* Большую минеральной для мистера Мак-Комаса.

Официант. Так, сэр.

Долли. Не хотите добавить капельку ирландского, Финч?

Мак-Комас *(скандализован).* Нет... нет, спасибо.

Филип. Четыреста тринадцатый для моей матери и мисс Глории, как всегда. И... *(Вопросительно в сторону Крэмптона.)* А?

Крэмптон *(нахмурившись и собираясь ответить грубостью).* Я...

Официант *(медоточиво)*. Хорошо, сэр. Мы уже изучили вкусы мистера Крэмптона, сэр. *(Уходит в отель.)*

Филип *(строго глядя на отца)*. Так вы, оказывается, завсегдатай баров? Не одобряю!

Повар, в сопровождении официанта, несущего стопку горячих тарелок, вносит из кухни рыбу, ставит на подсобный стол и начинает раскладывать.

Крэмптон. Я вижу, вы кое-чему успели научиться у вашей матери.

Миссис Клэндон. Фил, я просила бы тебя помнить, что твои шутки неуместны с людьми, которые нас мало знают, а также и то, что твой отец сегодня наш гость.

Крэмптон *(с горечью)*. Да, гость, которого посадили «за хозяина»!

Официанты убирают суповые тарелки.

Долли *(сочувственно)*. Не совсем ловко, да? Ну да и нам ведь не сладко.

Филип. Тсс! Долли, нам с тобой недостает такта. *(Крэмптону.)* Мы стараемся, мистер Крэмптон, но мы еще не сильны в сыновних и дочерних чувствах.

Официант возвращается из отеля с бутылками.

Уильям, вы нам нужны,— восстановите мир и согласие.

Официант *(бодро)*. Да, сэр. Слушаю, сэр. Маленькую пива вам, сэр. *(Крэмптону.)* Ирландского с сельтерской для вас, сэр. *(Мак-Комасу.)* Аполлинарис, сэр. *(К Долли.)* Маленькую пива, мисс. *(К миссис Клэндон, наливая ей вина.)* Четыреста тринадцатый, мэм. *(Валентайну.)* Большую пива, сэр. *(Глории.)* Четыреста тринадцатый, мисс.

Долли *(пьет)*. Да здравствует семья!

Филип *(пьет)*. Да здравствует домашний очаг!

Официанты разносят рыбу.

Мак-Комас. Вот видите, как все мило получается, несмотря ни на что!

Долли *(придирчиво)*. Несмотря ни на что? На что же, по-вашему, не нужно смотреть, Финч?

Крэмптон *(ядовито)*. Он хочет сказать, что все очень мило, несмотря на присутствие вашего отца. Я правильно понял вас, мистер Мак-Комас?

Мак-Комас *(смешавшись)*. Да нет же. Я сказал «несмотря

ни на что», просто чтобы, так сказать, закруглить свою мысль. Я... э... э... э...

Официант *(тактично)*. Тюрбо, сэр?

Мак-Комас *(с безграничной благодарностью)*. Спасибо, любезный, спасибо.

Официант *(вполголоса)*. Не стоит благодарности, сэр. *(Возвращается к подсобному столу.)*

Крэмптон *(Филипу)*. Ты уже думал о выборе профессии?

Филип. Этот вопрос я все еще держу открытым. Уильям!

Официант. Да, сэр?

Филип. Как по-вашему, сколько нужно учиться, чтобы сделаться первоклассным официантом?

Официант. Этому не выучишься, сэр. Это уж у кого какая натура, сэр. *(Вполголоса Валентайну, который ищет чего-то на столе.)* У дамы нет хлеба, сэр? Сию минуту, сэр. *(Подает Глории хлеб и в полный голос продолжает развивать свою тему.)* Чрезвычайно редкое призвание, сэр.

Филип. А у вас самого, случайно, нет сына?

Официант. Есть, сэр. Как же, сэр. *(К Глории, снова понизив голос.)* Еще рыбки, мисс? Вы ведь не станете кушать жаркое днем.

Глория. Нет, спасибо.

Официанты убирают тарелки из-под рыбы и вносят следующее блюдо.

Долли. Уильям, ваш сын тоже официант?

Официант *(подавая Глории дичь)*. Что вы, мисс! У него для этого характер неподходящий. Он пошел по другой линии.

Мак-Комас *(покровительственно)*. Верно, по питейной, да?

Официант *(с оттенком печали, как бы вспоминая былое разочарование, горечь которого смягчило время)*. Нет, сэр, совсем по другой... по вашей линии, сэр. Он юрист, сэр.

Мак-Комас *(сконфуженно)*. Прошу прощения.

Официант. Помилуйте, сэр. Естественнейшая ошибка, сэр. Я и сам частенько жалел, что он не пошел по питейной части. Гораздо раньше встал бы на ноги, сэр. *(Тихо Валентайну, который опять что-то ищет.)* Соль возле вас, сэр. *(Продолжая.)* Да, сэр, мне пришлось помогать ему до тридцати семи лет, сэр. Теперь-то его дела идут отлично, сэр; весьма, весьма даже хорошо, сэр. Меньше пятидесяти гиней и не берет, сэр.

Мак-Комас. Демократия, Крэмптон! Современная демократия!

Официант *(спокойно)*. Нет, сэр, не демократия, а всего лишь образование, сэр. Стипендии, сэр. Выдержал вступительный экзамен в Кембридже, сэр. Окончил Сидней-Сассекский колледж, сэр.

Долли дергает его за рукав, он наклоняется к ней, она ему что-то шепчет.

Имбирного, мисс? Слушаю, мисс. *(К Мак-Комасу.)* И слава богу, сэр. Он никогда не питал склонности к настоящей работе, сэр. *(Идет в дом.)*

Оставшиеся несколько подавлены величием его сына.

Валентайн. Кто же после этого осмелится требовать его услуг?

Долли. Как вы думаете, ничего, что я послала его за пивом?

Крэмптон *(с тупым упорством)*. Раз он официант, пусть служит. Если бы вы с ним держались, как подобает держаться с официантом, он не стал бы распускать язык.

Долли. И как бы мы прогадали! Ведь он может представить нас своему сыну и ввести нас в лондонское общество!

Официант возвращается с пивом.

Крэмптон *(презрительно ворчит)*. Лондонское общество, лондонское общество! Да ты, девчонка, ни для какого общества не годишься.

Долли *(выходя из себя)*. Послушайте, мистер Крэмптон! Если вы думаете, что...

Официант *(тихонько, подойдя к ней)*. Имбирное пиво, мисс!

Долли *(растерявшись от неожиданности, делает глубокий вздох, чтобы прийти в себя, и ласково отвечает официанту)*. Спасибо, милый Уильям. Вы подоспели в самый раз. *(Пьет.)*

Мак-Комас. Я хочу спросить о другом, если позволите. Какого вероисповедания придерживаются на Мадейре, мисс Клэндон?

Глория. Вероятно, португальского. Впрочем, я не интересовалась.

Долли. Во время великого поста приходят слуги, становятся перед вами на колени и просят прощения за все, что они натворили, а вы делаете вид, будто прощаете. В Англии тоже так, Уильям?

Официант. Пожалуй, что нет, мисс. Может быть, кое-где это и принято, но мне с этим обычаем не приходилось сталкиваться, мисс. *(Перехватывает взгляд миссис Клэн-*

дон, которой молодой официант предлагает салат.) Вы любите его без приправы, мэм. Сию минуту, мэм; я для вас приберег. *(Своему молодому коллеге, жестом предлагая ему обслужить Глорию.)* Сюда, Джо. *(Берет отдельную порцию салата со второго стола и ставит ее рядом с тарелкой миссис Клэндон; при этом от него не ускользает внезапная гримаска на лице Долли.)* Это вам попалась пряная травка, мисс, ее позабыли вынуть. *(Убирает ее тарелку.)* Благодарю вас, мисс. *(Молодому официанту, жестами объясняя, что нужно принести новую порцию для Долли.)* Джо! *(Возвращаясь к прежней теме.)* У нас тут почти все — члены англиканской церкви, мисс.

Долли. Члены англиканской церкви! А какие у вас членские взносы?

Крэмптон *(резко поднявшись со стула среди всеобщего замешательства).* Вы видите, в каком духе воспитаны мои дети, Мак-Комас? Вы видите? Вы слышите? Я вас всех призываю в свидетели... *(Речь его становится нечленораздельной, он собирается с размаха ударить кулаком по столу.)*

Официант предусмотрительно принимает его тарелку.

Миссис Клэндон *(твердым голосом).* Сядьте, Фергюс. Ваш пыл неуместен. Не забывайте, что Долли здесь почти что иностранка. Сядьте же, пожалуйста.

Крэмптон *(неохотно опускаясь на стул).* А все-таки не след бы мне здесь сидеть да потворствовать всему этому, не след.

Официант. Сыру не угодно ли? Или вы, может быть, предпочитаете сладкое?

Крэмптон *(растерявшись).* Что? А? Давайте сыру!

Долли. Уильям, принесите папирос!

Официант. Я уже приготовил, мисс. *(Берет с подсобного стола коробку и кладет ее перед Долли.)*

Долли выбирает себе папиросу и готовится закурить, официант идет к подсобному столу за спичками.

Крэмптон *(с ужасом глядя на Долли).* Она курит?!

Долли *(в сердцах).* Вот что, мистер Крэмптон! Я вижу, что отравляю вам завтрак. Пойду курить на пляж. *(Резко встает из-за стола и, надувши губки, направляется к лестнице.)*

Официант чиркает спичкой и ловко подает ей огонь.

Спасибо, Уильям. *(Спускается по ступеням.)*

Крэмптон *(в ярости)*. Маргарет, заставь эту девчонку вернуться. Позови ее, слышишь?

Мак-Комас *(умиротворяюще)*. Послушайте, Крэмптон, бросьте! Она просто унаследовала отцовский характер, вот и все.

Миссис Клэндон *(с глубоким раздражением в голосе)*. Надеюсь, что нет, Финч. *(Встает, все привстают вслед за ней.)* Мистер Валентайн, вы извините меня? Долли, должно быть, очень обижена и расстроена всем этим. Мне нужно пойти к ней.

Крэмптон. Чтобы взять ее сторону против меня, да?

Миссис Клэндон *(игнорируя его)*. Глория, будь, милая, за хозяйку, покуда я вернусь. *(Идет к лестнице.)*

Крэмптон провожает ее ненавидящим взглядом, остальные смотрят ей вслед, сохраняя неловкое молчание; на всех этот инцидент произвел тяжелое впечатление. Официант тактично уходит в отель через кухню, уводя с собой помощника и предоставляя гостей самим себе.

Крэмптон *(откидываясь на спинку стула)*. Это я понимаю, Мак-Комас! Вот это мать так мать!

Глория *(с твердостью)*. Да, прекрасная мать.

Крэмптон. И ужасный отец – так, что ли?

Валентайн *(возмущенно, вставая)*. Мисс Клэндон, я...

Крэмптон *(накидываясь на него)*. Фамилия этой девицы Крэмптон, а не Клэндон, мистер Валентайн. Или вы решили заодно с ними оскорблять меня?

Валентайн *(игнорируя его)*. Мисс Клэндон, я в отчаянии. Во всем виноват я. Я его сюда привел, и я должен за него отвечать. Мне стыдно за него.

Крэмптон. Это еще с какой стати?

Глория *(холодно, поднимаясь со стула)*. Вам не за что извиняться, мистер Валентайн. Боюсь, мы все вели себя, как дети. Завтрак не удался, и я думаю, что лучше нам всем разойтись и на этом покончить. *(Отодвигает свой стул и направляется к лестнице; проходя мимо Крэмптона, с убийственным спокойствием бросает ему.)* Всего хорошего, отец. *(Спускается по лестнице с выражением холодного, брезгливого равнодушия.)*

Все смотрят ей вслед и поэтому не замечают официанта, который выходит из отеля, неся пальто Крэмптона, трость Валентайна, несколько шалей, зонтиков и складные стулья. Все это он сваливает на скамью.

Крэмптон *(с искаженным лицом смотрит вслед Глории и повторяет, ни к кому не обращаясь)*. Отец! Отец! *(С силой опускает кулак на стол.)* Какого чч...

Официант *(подавая ему пальто)*. Ваше, сэр, если я не ошибаюсь, сэр.

Крэмптон свирепо смотрит на него, резко вырывает пальто у него из рук, идет вдоль террасы к садовой скамейке и от ярости никак не может продеть руки в рукава. Мак-Комас встает, помогает ему надеть пальто, потом берет свой цилиндр и зонтик с чугунного столика и направляется к лестнице. Между тем официант, с невозмутимой учтивостью поблагодарив Крэмптона за то, что тот взял у него пальто, собирает со скамейки оставшиеся вещи и протягивает Филипу зонтики.

Зонтики для дам, сэр. Солнце на взморье так и слепит, сэр. Убийственно для цвета лица, сэр. Стулья я понесу сам, сэр.

Филип *(цитируя «Алису в стране чудес»)*. Папа Уильям, вы старик... но вы самый внимательный из смертных. И все же возьмите-ка вы зонтики, а я понесу стулья. *(Забирает их у него.)*

Официант *(с подчеркнутой признательностью)*. Благодарю вас, сэр.

Филип. Финч, ну-ка, помогите! *(Протягивает ему несколько стульев.)* Пошли! *(Спускаются по лестнице.)*

Валентайн *(официанту)*. Давайте и я что-нибудь понесу. Да вот хотя бы это! *(Хочет взять у него один из зонтов.)*

Официант *(тонко)*. Это младшей барышни, сэр.

Валентайн тотчас же выпускает зонт.

Благодарю вас, сэр. С вашего позволения, сэр, мне кажется, что вам лучше бы взять вот это. *(Кладет зонтики на стул, на котором сидел Крэмптон, и извлекает из кармана своего фрака книгу, заложенную дамским носовым платком.)* Сейчас ее читает старшая барышня.

Валентайн с жадностью хватает книгу.

Благодарю вас, сэр. «О подчиненном положении женщины», сэр, как видите. *(Снова взваливает на себя зонты.)* Мы с вами, пожалуй, предпочли бы что-нибудь полегче для чтения на пляже, сэр. Не правда ли, сэр? *(Спускается по лестнице.)*

Валентайн *(возбужденно подступая к Крэмптону)*. Послушайте, Крэмптон, и вам не стыдно?

Крэмптон *(воинственно)*. Стыдно?! Чего это я должен стыдиться?

Валентайн. А того, что вы вели себя, как медведь. Что теперь подумает обо мне ваша дочь? Ведь это я вас сюда привел.

Крэмптон. Признаться, я не задумывался о том, что моя дочь подумает о вас.

Валентайн. Конечно, вы думали только о себе! Вы законченный эгоист.

Крэмптон *(с надрывом)*. Она сказала вам, кто я такой: отец... отец, которого лишили детей. Как бессердечно нынешнее поколение! Что же они думают? Прийти — после стольких лет разлуки, увидеть наконец своих детей... услышать их голоса — и — держаться, как гость, попавший случайно на завтрак! Слушать, как меня величают мистером Крэмптоном, — понимаете: *мистером* Крэмптоном! Кто дал им право так разговаривать со мной? Ведь я их отец, они сами этого не отрицают! Я человек с обыкновенными человеческими чувствами. Или я уж совсем никаких прав не имею, ни на что не могу претендовать? Кто окружал меня все эти годы? Прислуга, клерки, деловые знакомые. И от всех-то я видел почет и уважение, да и доброту тоже. Ни у кого из них не повернулся бы язык разговаривать со мной так, как разговаривала эта девчонка; никто из них не позволил бы себе так надо мной издеваться, как этот мальчишка! *(Истошным голосом.)* Детки родные! «*Мистер* Крэмптон»! Род...

Валентайн. Ну-ну-ну, ведь они еще дети. Назвала же она вас отцом?

Крэмптон. Назвала! «Всего хорошего, отец»! «Всего хорошего»!.. Нащупала, с какой стороны у меня сердце, и — ножом!

Валентайн *(не на шутку обидевшись)*. Послушайте, Крэмптон, вы бы хоть ее оставили в покое, вам грех жаловаться на ее обращение. Мне ведь нынче пришлось в тысячу раз хуже, чем вам.

Крэмптон. Вам?!

Валентайн *(распаляясь)*. Ну да, мне! Я сидел рядом с ней и за все время рта не раскрыл — ни одного разнесчастного слова не мог придумать! И она тоже не сказала мне ни слова.

Крэмптон. Ну и что же?

Валентайн *(как человек, которому уже не до шуток, говорит все быстрее и быстрее)*. Крэмптон, вы знаете, что со мной сегодня случилось? Или вы думаете, я со всеми своими пациентами проделываю такие фокусы, как сегодня с вами?

Крэмптон. Надеюсь, что нет.

Валентайн. Дело в том, что я окончательно сошел с ума... или, вернее, я наконец-то в своем уме. Я теперь все могу, я стал взрослым наконец, я — человек! И это ваша дочь меня сделала человеком.

Крэмптон *(не веря своим ушам)*. То есть вы влюбились в мою дочь?

Валентайн *(извергая целый водопад слов)*. Влюбился? Чепуха! Это что-то совсем другое, гораздо выше и шире любви. Это — жизнь, это — вера, это — сила, уверенность в себе, блаженство...

Крэмптон *(перебивая, с испепеляющим презрением)*. Вздор, любезный! Вам не прокормить жену. Вы не можете на ней жениться.

Валентайн. Кто говорит о женитьбе? Я готов целовать ей руки, стоять перед ней на коленях, жить ею одною, умереть за нее — и больше мне ничего не нужно. Взгляните, это ее книга: вот! *(Целует ее платок.)* Если бы вы предложили мне все свое состояние за то лишь, чтобы я отказался от этого предлога спуститься на пляж и обменяться с ней еще одним словечком, я бы только рассмеялся в ответ! *(Радостно сбегает с лестницы и попадает в объятия официанта, который поднимается с пляжа. Чтобы не упасть, они крепко обхватывают друг друга за талию и начинают кружиться.)*

Официант *(мягко)*. Спокойно, сэр, спокойно!

Валентайн *(устыдившись своего порыва)*. Ради бога, простите!

Официант. Ничего, ничего, сэр. Вполне естественно в вашем возрасте, сэр. Барышня послала меня за книгой, сэр. С вашего разрешения, сэр, я бы вас попросил отнести ее сейчас же, сэр.

Валентайн. С удовольствием! Разрешите мне предложить вам шестинедельный заработок лица свободной профессии! *(Протягивает ему монету, полученную от Долли.)*

Официант *(точно эта сумма превысила самые его оптимистические ожидания)*. Благодарю вас, сэр. Премного вам обязан, сэр.

Валентайн летит вниз по лестнице.

Чрезвычайно живой молодой человек, сэр, чрезвычайно мужественный и прямолинейный, сэр.

Крэмптон *(со сварливым скептицизмом)*. И, уж верно, скоро сколотит себе состояние, прибавьте. Я-то знаю, к чему сводится его шестинедельный заработок. *(Шагает через террасу к чугунному столику и садится.)*

Официант *(философски)*. Как знать, сэр! Поживем — увидим. Таков мой принцип, сэр, если мне позволительно, сэр, иметь принципы. *(На время официант берет верх над философом.)* Вы совсем забыли ваше виски с сельтерской, сэр, так и не притронулись к нему. *(Взяв рюмку со стола, за которым сидели гости, ставит ее перед Крэмптоном.)* Так-то, сэр: поживем — увидим. Да вот хотя бы мой сын, сэр! Кто бы мог ожидать, что он дойдет до шелковой мантии, сэр! И вот подите же — не меньше пятидесяти гиней, сэр. Есть о чем задуматься, сэр!

Крэмптон. Ну что ж, надеюсь, он благородный сын и не забывает, чем он вам обязан?

Официант. Да, мы с ним ладим, сэр, превосходно ладим; особенно если принять во внимание разницу нашего положения в обществе.

Крэмптон тянется к рюмке.

Небольшой кусочек сахара, сэр, оживит вашу сельтерскую, не придавая ей сладкого вкуса, сэр. С вашего разрешения, сэр! *(Опускает кусок сахара в рюмку.)* А в конце концов я частенько говорю ему: так ли уж велика эта разница? Мне вот приходится надевать фрак, чтобы все знали, кто я таков; а разве ему тоже не приходится надевать парик и мантию, чтобы показать, кто он? Мой основной доход зависит от чаевых, сэр, которых мы якобы не берем; но ведь и он живет главным образом на гонорары, сэр; а у них тоже, говорят, принято делать вид, будто они не берут. Вы скажете, что он по своему положению имеет возможность вращаться в порядочном обществе и сталкиваться с самыми различными людьми. Но разве нельзя сказать того же и о моей профессии, сэр? И если юристу не совсем пристало иметь в качестве отца официанта, то посудите сами, сэр, ловко ли официанту иметь сына юриста? Многие даже усматривают тут непозволительную дерзость, сэр; уверяю вас, сэр. Не подать ли вам еще чего, сэр?

Крэмптон. Нет, спасибо. *(С горьким смирением.)* Я ведь никому не помешаю, если посижу здесь еще немножко, правда? Все равно никого нет, все на пляже.

Официант *(с чувством)*. Вы слишком любезны, сэр; вы точно не знаете, что оказываете нам и удовольствие и честь, мистер Крэмптон. Спасибо, сэр! Ведь нам только лучше, если вы будете чувствовать здесь себя как дома, сэр.

Крэмптон *(с душераздирающей иронией)*. Как дома!

Официант *(задумчиво)*. А что, сэр, все зависит от точки зрения, сэр. Я всегда говорил, что одно из основных достоинств гостиницы заключается в том, сэр, что в ней можно найти убежище от семейной жизни, сэр.

Крэмптон. Мне сегодня что-то не довелось воспользоваться этим ее преимуществом.

Официант. Верно, сэр, верно. Увы, сэр, жизнь полна неожиданностей! *(Качая головой.)* Ну что ж, сэр, поживем — увидим, сэр, поживем — увидим. *(Уходит в дом.)*

Крэмптон *(подпирает голову руками; лицо его осунулось, измучено, в глазах сухой блеск)*. Дом! Дом! *(Заслышав шаги, поспешно выпрямляется.)*

Это Глория поднимается по лестнице; она одна; в руках у нее зонтик и книга. Он вызывающе смотрит на нее; есть, впрочем, нечто трогательное в том, как выражение его рта и глаз взаимно противоречат друг другу: рот говорит о свирепом упорстве, в то время как в глазах — тоска. Она подходит к скамейке, прислоняется к ней с края и начинает разглядывать отца, словно удивляясь его слабости. Он ей любопытен, — следовательно, она не совсем холодна к нему; однако узы родства оставляют ее в высшей степени равнодушной.

(Угрюмо бросает ей.) Ну?

Глория. Я хочу с вами поговорить.

Крэмптон *(глядит на нее в упор)*. Неужели? Вот уж не ожидал! Встречаешься с отцом после восемнадцатилетней разлуки и так-таки хочешь «поговорить» с ним! Трогательно, ты не находишь?

Глория. Все это, по-моему, совершенно бессмысленно и не нужно. Каких чувств вы ждете от нас? Каких поступков? Да и вообще чего вы хотите? Почему вы с нами обращаетесь менее вежливо, чем все другие? По всему видно, что вы не особенно нас любите, да и с чего бы вам любить нас? Но неужели нам нельзя встречаться без того, чтобы не ссориться?

Крэмптон *(по его лицу проходит зловещая серая тень)*. Ты понимаешь, что я ваш отец, или нет?

Глория. Конечно, понимаю.

Крэмптон. Знаешь ли ты, чего я, как отец, вправе от вас ожидать?

Глория. Например?

Крэмптон *(поднимаясь с видом человека, которому предстоит бой с чудовищем)*. Например? Например? Например, дочернего долга, любви, послушания...

Глория *(которая все это время стояла, небрежно опершись о спинку скамейки, резко выпрямляется и окидывает его гордым взглядом)*. Я послушна одному лишь голосу совести. Я уважаю только то, что благородно. И в этом одном я вижу свой долг. *(Следующие слова она произносит с меньшей категоричностью.)* Что касается любви, то это уже не в моей воле. Я даже не совсем уверена, понимаю ли я, что такое любовь. *(Отворачивается, ясно показывая, что эта тема ей не по нутру, и идет к столу в поисках удобного стула; книгу и зонтик кладет на стол.)*

Крэмптон *(следуя за ней глазами)*. Ты это всерьез?

Глория *(не мешкая, дает ему суровый отпор)*. Простите, но это даже невежливо. Я говорю с вами серьезно и вправе рассчитывать на серьезное отношение к себе. *(Выдвигает один из стульев, поворачивает его спинкой к столу и устало опускается на него.)* Неужели вы не можете обсудить этот вопрос разумно и хладнокровно?

Крэмптон. Разумно и хладнокровно? Не могу. Понимаешь? Не могу.

Глория *(отчеканивая)*. Нет. Этого я не понимаю. Я не сочувствую такому...

Крэмптон *(испуганно съежившись)*. Стой! Не договаривай! Ты не знаешь, что делаешь. Или ты хочешь довести меня до сумасшествия?

Она хмурит брови,— ее раздражает его ребяческая вспыльчивость.

(Поспешно прибавляет.) Нет, нет, я не сержусь; право же, не сержусь. Погоди, погоди, дай мне подумать. *(Стоит с минуту, опуская и поднимая брови, сжимая и разжимая кулаки, в недоуменном раздумье; затем берет стул, стоящий у конца стола, садится рядом с ней и делает трогательное усилие над собой, стараясь быть*

с ней мягким и терпеливым.) Вот, кажется, нашел. Попробую во всяком случае.

Глория *(уверенно)*. Вот видите! Стоит только как следует подумать, и все проясняется.

Крэмптон *(почуяв опасность)*. Нет, нет, тут не думать надо. Я хочу, чтобы ты не думала, а чувствовала, — в этом наше единственное спасение. Слушай! Ты... Но погоди... я забыл... как тебя зовут. Я имею в виду уменьшительное имя. Не зовут же тебя дома Софронией?

Глория *(с ужасом и отвращением)*. Софрония? Мое имя — Глория, и так меня все и зовут.

Крэмптон *(снова выходя из себя)*. Девчонка, твое имя — Софрония; тебя так назвали в честь твоей тетушки, а моей сестры — Софронии. Она же и подарила тебе твою первую Библию, в которую вписала твое имя.

Глория. В таком случае, моя мать дала мне другое имя.

Крэмптон *(сердито)*. Она не имела никакого права. Я этого не потерплю.

Глория. Это вы не имели права называть меня именем вашей сестры. Я ведь с ней не знакома.

Крэмптон. Ты городишь чушь. Есть пределы моему долготерпению! Я этого не допущу! Слышишь?

Глория *(вставая, с угрозой)*. Вы непременно решили ссориться?

Крэмптон *(страшно испугавшись, умоляюще)*. Нет, нет! Садись, ну садись же...

Она смотрит на него выжидающе.

(Заставляет себя, наконец, произнести ненавистное имя.) Глория.

Она удовлетворенно поджимает губы и садится.

Ну вот! Видишь, я только хочу доказать тебе, что я в самом деле твой отец, моя... мое дорогое дитя... *(Ласка в его устах звучит так трогательно-неловко, что вызывает невольную улыбку у Глории, которая даже немного смягчается к нему.)* Теперь слушай, я тебя вот о чем хотел спросить: ты меня совсем не помнишь? Ты, правда, была крошкой, когда вас у меня забрали, но уже многое замечала. Неужели ты не помнишь того, которого ты тогда любила или *(застенчиво)* к которому испытывала хотя бы детскую привязанность? Ну? Того, кто позволял тебе сидеть у себя в кабинете и любоваться мо-

делями кораблей,— ты еще принимала их тогда за игрушки? *(Смотрит заискивающе ей в лицо: нет ли в нем ответного проблеска; и продолжает с меньшей надеждой, но более настойчиво.)* Того, кто позволял тебе делать что угодно и просил тебя только об одном: сидеть смирно и не разговаривать? Кто был для тебя тем, чем никто другой не был,— отцом?

Глория *(ничуть не растроганная его словами)*. Если вы будете все так описывать, мне, конечно, покажется, будто я помню. На самом же деле я ничего не помню.

Крэмптон *(с тоской)*. А мать? Неужели она вам так-таки ничего не рассказывала обо мне?

Глория. Она никогда не упоминала вашего имени.

Он издает невольный стон.

(Взглядывает на него с оттенком презрения и продолжает.) Кроме одного-единственного раза, когда она напомнила мне в самом деле кое о чем, что я позабыла.

Крэмптон *(с надеждой)*. О чем же?

Глория *(безжалостно)*. О плетке, которую вы купили специально для того, чтобы меня бить.

Крэмптон *(скрежеща зубами)*. О! И это вытащить на свет! Чтобы отвратить вас от меня! Ведь вы могли бы никогда этого не знать. *(Тихо, с тяжелым и мучительным вздохом.)* Будь она проклята!

Глория *(вскакивая)*. Негодяй! *(Скандируя.)* Не-го-дяй! И вы смеете проклинать мою мать!

Крэмптон. Замолчи! Не то сама пожалеешь! Я твой отец.

Глория. Как ненавистно мне это слово! И как я люблю другое слово: мать! Уходите.

Крэмптон. Я... я задыхаюсь... Ты хочешь убить меня! Эй, кто там!.. Я... *(Задыхается, чуть ли не в припадке.)*

Глория *(не теряя присутствия духа, спокойно подходит к парапету и кричит оттуда)*. Мистер Валентайн!

Валентайн *(отвечая снизу)*. Я здесь!

Глория. Будьте добры, поднимитесь сюда на минутку. Вы нужны мистеру Крэмптону. *(Возвращается к столу и наливает стакан воды.)*

Крэмптон *(вновь обретая дар речи)*. Нет, оставь меня. Мне его не нужно. Я совершенно здоров. Слышишь? Мне не нужна ни твоя, ни его помощь. *(Встает и весь подтягивается.)* Ты права,— мне, пожалуй, лучше уйти. *(Надевает шляпу.)* И это твое последнее слово?

Глория. Надеюсь, что да.

С минуту он смотрит на нее в упор, затем мрачно кивает, как бы в подтверждение ее слов, и проходит в гостиницу. Она смотрит на него так же упорно, пока он не исчезает в дверях, после чего с жестом, выражающим облегчение, оборачивается к Валентайну, который взбегает по ступенькам лестницы.

Валентайн *(запыхавшись)*. Что случилось? *(Озираясь.)* Где Крэмптон?

Глория. Ушел.

Лицо Валентайна мгновенно озаряется радостью, страхом и лукавством: он вдруг понял, что находится наедине с Глорией.

(Она же продолжает равнодушным голосом.) Мне показалось, что он нездоров. Однако он оправился. Он не стал дожидаться вас. Извините, пожалуйста. *(Направляется к столу за книгой и зонтиком.)*

Валентайн. Тем лучше. В больших дозах он невыносим. *(Как бы забывшись.)* И подумать только, что у такого отца такая красавица дочь!

Глория *(на мгновенье опешив, отвечает затем вежливо, но с подчеркнутым презрением)*. Это что же – комплимент? Так, кажется, называют подобные речи? Поверьте, мистер Валентайн, что комплименты губят всякий разговор. Давайте строить нашу дружбу – если нам с вами суждено дружить – на основе разумной и здоровой. Замуж идти я не намерена, а если вас не устраивает такое положение вещей, нам лучше не продолжать нашего знакомства.

Валентайн *(осторожно)*. Понимаю. Разрешите все же задать вам один вопрос. Ваше отрицательное отношение к браку простирается на брак вообще или только на брак лично со мной?

Глория. Я слишком мало знакома с вами, мистер Валентайн, и не успела еще составить себе какое-либо мнение относительно ваших личных достоинств. *(Изображая безграничное равнодушие, отворачивается и садится с книгой на садовую скамейку.)* Для уважающей себя женщины теперешняя форма брака неприемлема.

Валентайн *(мгновенно переходит на искренний, задушевный тон, давая понять, что он чистосердечно принимает ее условия и сам в восторге от ее взглядов, которые целиком разделяет)*. Ну вот видите, у нас уже есть точка соприкосновения. Я совершенно согласен с вами: нынешняя

форма брака в высшей степени несправедлива. *(Снимает шляпу и беспечно швыряет ее на чугунный столик.)* Нет, нет, я сам хочу отделаться от всей этой чепухи. *(Садится рядом с ней так просто и естественно, что ей и в голову не приходит возмутиться; с жаром.)* У нас ведь не успеют мужчина с женщиной познакомиться, как их начинают подозревать в матримониальных намерениях. Ну не гнусно ли? Точно у них не может быть иных интересов, иных тем для разговора, точно женщина ни на что другое не способна!

Глория *(заинтересовавшись)*. Вот теперь вы заговорили по-человечески и вполне разумно, мистер Валентайн!

Валентайн *(в его глазах загорелся огонек: «клюнуло!»)*. Еще бы! Мы ведь с вами умные люди. Зато какое это наслаждение — не правда ли, — когда в этом дурацком мире, опутанном условностями, встречаешь родную душу, человека развитого, свободного от предрассудков!

Глория *(искренне)*. Я надеюсь встретить в Англии много таких людей.

Валентайн *(с сомнением)*. Хм! Народу-то здесь немало — почти сорок миллионов. И это вам не чахоточные представители высокообразованных классов, как на Мадейре.

Глория *(оседлав своего любимого конька)*. Ах, на Мадейре все глупы и набиты предрассудками. Слабые, сентиментальные созданья! Я ненавижу слабость и ненавижу сантименты.

Валентайн. Потому-то вы так вдохновляюще действуете на других.

Глория *(с улыбкой)*. Я не знала, что действую вдохновляюще.

Валентайн. Да. Сила заразительна.

Глория. Как сила — не знаю, а вот слабость в самом деле заразительна.

Валентайн *(убежденно)*. Вы сильный человек. Знаете ли вы, что благодаря вам весь мир для меня сегодня перевернулся?! Я хандрил, думал о том, что за квартиру не уплачено, будущее страшило меня... Когда вы вошли, у меня словно в глазах помутилось.

По ее лицу пробегает легкая тень.

(Поспешно продолжает.) Это глупо, сам знаю. Но тем не менее со мной действительно что-то такое сделалось. Объясняйте это как хотите, но кровь моя... *(останавливается, пытаясь подобрать достаточно бесстрастное*

слово) подверглась окислению! В мышцах появилась упругость, мозг прояснился, я ощутил прилив мужества. Странно, правда? Тем более что я вовсе не склонен к сентиментальности.

Глория *(встает в некотором беспокойстве)*. Пойдемте на пляж.

Валентайн *(таинственно, вскинув на нее глаза)*. Ах, и вы почувствовали?

Глория. Что?

Валентайн. Страх.

Глория. Страх?

Валентайн. Да, словно что-то вот-вот должно случиться. За секунду до того, как вы предложили бежать на пляж, меня самого охватило это чувство.

Глория *(с изумлением)*. Вот странно, просто удивительно! И у меня было такое же предчувствие.

Валентайн *(торжественным тоном)*. Поразительно! *(Поднимаясь.)* Что же делать? Бежать?

Глория. Бежать?! Ну нет, это было бы ребячеством. *(Садится. Он усаживается рядом и смотрит на нее с глубоким сочувствием. Она же произносит следующие слова тоном задумчивым и несколько озабоченным.)* Интересно – должно ведь быть научное объяснение для подобной игры фантазии!

Валентайн. Да, любопытно! Странное, беспомощное какое-то ощущение, правда?

Глория *(восставая против этого слова)*. Беспомощное?

Валентайн. Ну да. Словно природа, все эти годы предоставлявшая нас самим себе и позволявшая нам действовать сообразно нашему разумению и совести, вдруг занесла над нами свою огромную лапу, ухватила нас, маленьких своих детишек, за шиворот, и давай нами орудовать по-свойски, преследуя свои цели и не считаясь с нашей волей.

Глория. Вам не кажется, что вы ударились в поэзию?

Валентайн *(переходя неожиданно на бесшабашный тон)*. Не знаю. Да и не все ли равно? *(И вдруг с укором.)* Ах, мисс Клэндон, как вам не стыдно!

Глория. А что такое?

Валентайн. Да вот – заколдовали меня. Я самым честным образом стараюсь вести себя разумно, по-научному – словом, так, как вы требуете. Но... но... но... Ах, да неужели вы сами не видите, какую искру вы заронили мне в душу?

Глория. Надеюсь, что вы не настолько глупы... не настолько пошлы... чтобы сказать, что искра, которую я заронила вам в душу, — любовь?

Валентайн. Нет, нет, нет! Не любовь, помилуйте! Назовем это, если хотите, химией. Не станете же вы отрицать существование такого явления, как химическая реакция, или химическое сродство, или химические соединения, — ведь это из всех сил, действующих в природе, — самая неотразимая! Ну так вот, вы неотразимо притягиваете меня к себе... химически, понимаете?

Глория *(высокомерно)*. Вздор!

Валентайн. Ну конечно же вздор, глупая вы девчонка!

Глория отшатывается в негодовании, еле веря своим ушам.

Да, да, глупая девчонка! Что-что, а это уж доподлинно научный факт. Вы — ханжа, ханжа в юбке. *(Вставая.)* Ну вот, теперь уж вы, наверное, не захотите иметь со мной дела. *(Идет к чугунному столику и берет с него шляпу.)*

Глория *(с подчеркнутым спокойствием, выпрямившись, как классная дама, позирующая для фотографии)*. Ваше последнее замечание лишь показывает, как мало вы разбираетесь в моем характере. Я и не думала обижаться.

Валентайн снова кладет шляпу.

Я всегда готова выслушать друзей, мистер Валентайн, когда они хотят указать мне на мои недостатки — даже в тех случаях, когда они так нелепо заблуждаются относительно меня, как вы. Недостатков у меня много, и недостатков весьма существенных, но вот чего во мне совершенно нет, так это именно гого, что вы именуете ханжеством. *(Чинно поджимает губки и глядит на него в упор, с вызовом, вся подбираясь.)*

Валентайн *(возвращается к скамейке, чтобы с большей убедительностью бросить ей в лицо)*. Неправда, есть! Так говорит мой разум, мои знания, мой опыт.

Глория. Позвольте вам напомнить, что ни разум ваш, ни знания, ни опыт нельзя, по счастью, считать непогрешимыми.

Валентайн. Я вынужден доверять им. Разве только вы захотите, чтобы я верил своим глазам, своему сердцу, своим инстинктам, своему воображению, которые чудовищно лгут мне о вас.

Глория *(понемногу теряя самоуверенность)*. Лгут?!

Валентайн *(упрямо)*. Да, лгут. *(Снова подсаживается к ней.)* Не хотите же вы, чтобы я поверил, что вы первая красавица в мире?

Глория. Как глупо! Вы уж переходите на личности.

Валентайн. Разумеется, глупо. Но так говорят мне мои глаза.

Глория презрительно поводит глазами.

Нет, я не собираюсь льстить. Я же вам сказал, что не верю своим глазам.

К стыду своему, она обнаруживает, что и это ее не устраивает.

Неужели вы думаете, что если вы отвернетесь от меня из отвращения к моей слабости, я тут же заплачу, как малый ребенок?

Глория *(чувствуя, что нужно говорить коротко и жестко, иначе у нее задрожит голос.)* Это еще с какой стати?

Валентайн. Разумеется, не идиот же я в самом деле? Но сердце, дурацкое мое сердце подсказывает мне, что запла́чу. Впрочем, я буду спорить со своим сердцем и урезоню его наконец. Сколько бы я ни любил вас, я заставлю себя смотреть правде в глаза. В конце концов не так уж трудно быть разумным, факты остаются фактами. Что это за место? Не рай, а Морской отель. Время? Не вечность, а около двух часов пополудни. Кто я такой? Зубной врач, «пятишиллинговый дантист»!

Глория. А я — ханжа в юбке.

Валентайн *(с жаром)*. Нет, нет, я так не могу! Я должен сохранить хоть одну иллюзию — вас. Я люблю вас... *(Поворачивается к ней, точно не в силах совладать с неудержимым желанием дотронуться до нее; она поднимается и стоит в гневной и настороженной позе. Он нетерпеливо вскакивает и отступает на шаг.)* Ах, какой же я дурак! Идиот! Вам, впрочем, этого не понять, с таким же успехом можно говорить с камешками на пляже. *(Обескураженный, отворачивается от нее.)*

Глория *(успокоенная отступлением, даже с некоторым раскаянием)*. Простите, я не хочу быть черствой, мистер Валентайн; но что я могу сказать?

Валентайн *(делая шаг к ней; прежнюю бесшабашную манеру сменила рыцарская учтивость)*. Вы ничего не можете сказать, мисс Клэндон. Это я должен просить у вас прощения. Это моя вина, или, вернее, мое несчастье. Что ж поделаешь, коли у вас нет сердечного влечения ко мне!

(Она открыла было рот, но он останавливает ее умоляющим жестом.) О, я знаю, что вам не полагается говорить, нравлюсь ли я вам или нет, но...

Глория *(тотчас встает на защиту своих принципов)*. Не полагается? Это еще почему? Я свободная женщина, почему бы мне не сказать?

Валентайн *(в ужасе, с мольбой, отступая)*. Ах, не надо! Я боюсь.

Глория *(тон ее перестает быть презрительным)*. Вам нечего бояться. Я считаю вас сентиментальным и немножко глупым. Но вы мне нравитесь.

Валентайн *(в изнеможении опускаясь на ближайший стул)*. Итак, все кончено. *(Являет собой картину отчаяния.)*

Глория *(озадачена; подходит ближе к нему.)* Но почему же?

Валентайн. Потому что нравиться мало. Я, например, чем глубже вникаю, тем больше сомневаюсь в том, нравитесь вы мне или нет.

Глория *(глядя на него сверху вниз, с участливым удивлением)*. Мне вас жаль.

Валентайн *(с мучительно-сдерживаемой страстью)*. Ах, только не жалейте меня! Ваш голос разрывает мне сердце. Оставьте меня, Глория. Вы проникаете до самых глубин моего существа... вы взбаламутили меня всего, разбередили мне душу... Я не в силах бороться... Я не могу высказать...

Глория *(внезапно теряя самообладание)*. Перестаньте же рассказывать мне о ваших чувствах – я больше не могу!

Валентайн *(вскакивает с торжеством, в голосе его уже не мука, а сила, металл, ликование)*. Вот он – час моей отваги! *(Хватает ее за руки, она со страхом смотрит на него.)* *Нашей* отваги! *(Энергично и порывисто привлекает ее к себе и целует; затем хохочет, как мальчишка.)* Ну, теперь все, Глория, конец! Мы влюблены друг в друга.

Она тихо охает.

А какой, однако, ты была фурией всего минуту назад! И как же безобразно я боялся тебя!

Голос Филипа *(с пляжа)*. Валентайн!

Голос Долли. Мистер Валентайн!

Валентайн. Прощайте. Простите меня. *(Поспешно целует ей руки и бежит к лестнице, где сталкивается с миссис Клэндон.)*

Глория, в полной растерянности, только смотрит ему вслед.

Миссис Клэндон. Вас дети зовут, мистер Валентайн. *(Тревожно озирается.)* Он ушел?

Валентайн *(недоумевающе)*. Он? *(Сообразив.)* Ах, Крэмптон! Он, миссис Клэндон, уже давно ушел. *(С живостью сбегает вниз по лестнице.)*

Глория *(опускаясь на скамью)*. Мама!

Миссис Клэндон *(подбегая в тревоге)*. Что такое, милая?

Глория *(с искренним, за душу хватающим укором)*. Почему ты не воспитала меня как следует?

Миссис Клэндон *(изумленно)*. Деточка, я старалась, как могла.

Глория. Ах, ты ничему меня не научила, ничему!

Миссис Клэндон. Да что с тобой на самом деле?

Глория *(с предельной выразительностью)*. Ничего — только очень стыдно! Очень! Очень! *(Мучительно краснея, закрывает лицо руками и отворачивается.)*

Гостиная миссис Клэндон в отеле. Дорогой номер на первом этаже, со стеклянной дверью в парк. Посреди комнаты стоит солидный стол, окруженный стульями и покрытый скатертью вишневого цвета, по столу разбросаны путеводители и железнодорожные справочники в роскошных переплетах. Войдя в комнату через стеклянную дверь и проследовав к столу, посетитель увидел бы слева камин, а справа письменный стол; письменный стол придвинут к стене, и в той же стене, чуть подальше,— дверь. Затем гость, если только он охотник до подобных красот, мог бы полюбоваться обоями цвета спелой сливы, с тисненым орнаментом под бронзу, и панелью, увенчанной карнизом и золочеными консолями по углам. По обе стороны стеклянной двери он увидел бы вазы на мраморных с прожилками колоннах, на постаментах черного полированного дерева; рядом с вазой, что ближе к камину,— декоративную горку, у которой передняя стенка деревянная с инкрустацией, а боковые — стеклянные, и сквозь них просвечивают полочки, уставленные дешевеньким — белым с голубым — фарфором; рядом с другой вазой — бамбуковый чайный столик с откидными полочками; изображения океанских пароходов и копии собак Ландсира; против двери, у противоположной стены, он заметил бы обитую ковром оттоманку, на коврике перед камином — два мягких стула с такой же обивкой; и, наконец, повернувшись кругом и подняв голову, вошедший увидел бы тяжелый бронзовый ламбрекен над стеклянной дверью, с которого свисают шторы вишневого цвета с зеленой штампованной каймой. В общем же вся обстановка вполне отвечает своему назначению: она льстит мещанскому представлению о хорошем тоне, заставляя мириться с дорогой ценой за номер — фунт стерлингов в сутки.

Миссис Клэндон сидит за письменным столом и держит корректуру. Глория стоит возле стеклянной двери и в мучительной задумчивости глядит в сад Часы на камине бьют пять с болезненным надрывом, ибо черный мраморный склеп, в котором они замурованы, действует на них угнетающе.

Миссис Клэндон. Пять часов! Пожалуй, нет смысла ждать детей. Уж, верно, они без чая не останутся.

Глория *(усталым голосом)*. Позвонить?

Миссис Клэндон. Пожалуйста, милая!

Глория идет к камину и звонит.

Слава богу, наконец разделалась с этой корректурой!

Глория *(начинает бесцельно шагать по комнате и наконец останавливается за стулом, на котором сидит ее мать)* С какой корректурой?

Миссис Клэндон. Для нового издания «Женщины Двадцатого Века».

Глория *(с горькой усмешкой)*. У тебя недостает одной главы.

Миссис Клэндон *(судорожно перебирая гранки)*. Да что ты! Неужели?

Глория. Я имею в виду ненаписанную главу, главу, которую напишу за тебя я... когда-нибудь, когда узнаю, чем она кончается. *(Возвращается к стеклянной двери.)*

Миссис Клэндон. Новая загадка, Глория?

Глория. Да нет, все та же, старая.

Миссис Клэндон *(озадаченная и несколько встревоженная, пристально смотрит на нее)*. Девочка!

Глория *(идет к ней)*. Да?

Миссис Клэндон. Ты знаешь, я никогда ни о чем не расспрашиваю.

Глория *(становясь на колени подле ее стула)*. Я знаю, знаю. *(Внезапно обнимает мать и страстно прижимается к ней.)*

Миссис Клэндон *(мягко улыбаясь, но не без замешательства)*. Ты становишься сентиментальной, дорогая.

Глория *(отпрянув)*. Ах, нет, нет! Не говори так! Ах! *(Встает и отворачивается с жестом отчаяния.)*

Миссис Клэндон *(ровно)*. Милая моя, в чем дело? Что...

Входит официант с подносом.

Официант *(мягко)*. Надеюсь, я угадал ваше желание, мэм?

Миссис Клэндон. Да, да, спасибо. *(Поворачивает стул спинкой к письменному столу и снова усаживается.)*

Глория идет к камину и садится возле него, сгорбившись, отвернув лицо.

Официант *(ставя поднос на большой стол в середине комнаты)*. Я так и думал, мэм. Удивительно, до чего к вече-

ру разыгрываются нервы, когда не выпьешь чашки чаю. *(Поднимает бамбуковый столик и ставит его перед миссис Клэндон, не прекращая разговора.)* Барышня и молодой джентльмен только что вернулись, мэм. Они катались на лодке, мэм. Приятное времяпрепровождение, мэм, в особенности в такой погожий денек, как нынче, мэм. И удовольствие, и польза. *(Снимает поднос с большого стола и ставит его на чайный столик.)* Мистер Мак-Комас просил не ждать его к чаю, мэм, он пошел проведать мистера Крэмптона. *(Берет два стула и ставит их по обе стороны стола.)*

Глория *(оборачиваясь, в порыве внезапного страха)*. А другой джентльмен?

Официант *(успокоительно, на минутку впадая в размер песенки, которую он певал в детстве: «Как бродил я»)*. Он придет, мисс, он придет. Он сидел на веслах, мисс, и побежал в аптеку купить чего-нибудь, чтобы смазать мозоли на руках. Он скоро придет, мисс, очень скоро.

Глория, не в силах совладать со своей тревогой, встает и поспешно идет к двери

Миссис Клэндон *(привставая)*. Гло..

Глория выходит. Миссис Клэндон обращает озадаченный взгляд на официанта, невозмутимого, как всегда.

Официант *(бодро)*. Прикажете подать еще чего-нибудь?

Миссис Клэндон. Нет, спасибо.

Официант. Вам спасибо, мэм.

В то время как официант выходит, врываются радостные и возбужденные Фил и Долли. Официант пропускает их в комнату, придерживает дверь, затем выходит, притворяя ее за собой.

Долли *(с жадностью)*. О, дайте мне чашку чаю скорей!

Миссис Клэндон наливает ей чай.

Мы катались на лодке. Валентайн сейчас придет.

Филип. Навигация для него непривычное дело. А где Глория?

Миссис Клэндон *(озабоченно, наливая ему чай)*. Фил, с Глорией что-то неладно. Что-нибудь случилось?

Фил и Долли переглядываются и с трудом подавляют смешок.

В чем дело?

Филип *(подсаживаясь к ней слева)*. Ромео...

Долли *(подсаживаясь справа)*. И Джульетта!

Филип *(принимая чашку из рук миссис Клэндон)*. Да, да, дорогая мама,— старая, старая история. Долли, оставь мне немного молока! *(Ловким жестом отбирает у нее молочник.)* Так вот: «Весною...»

Долли. «Юноша мечтаньем...»

Филип. «И помыслом к любви...» *(К миссис Клэндон, которая протягивает ему вазу с печеньем.)* Спасибо! «...стремится». С иными это случается и осенью. «Юношей» в данном случае оказался...

Долли. Валентайн!

Филип. И он настолько помыслом и мечтаньем устремился к Глории, что...

Долли. Он поцеловал ее!

Филип. В углу террасы!

Долли. В губы! При всех!

Миссис Клэндон *(не веря своим ушам)*. Фил! Долли! Вы шутите?

Они отрицательно мотают головой.

И она позволила?

Филип. Мы думали, что он тотчас падет, сраженный молнией презрения...

Долли. А он хоть бы что!

Филип. По всей видимости, ей это понравилось.

Долли. Да, насколько мы могли судить. *(Останавливая Филипа, который начал было наливать себе вторую чашку.)* Стой! Ты ведь дал зарок не пить больше одной.

Миссис Клэндон *(не на шутку встревоженная)*. Дети, я не хочу, чтобы мистер Валентайн застал вас здесь. Мне нужно очень серьезно поговорить с ним обо всем этом.

Филип. Выяснить его намерения, да? А как же «Принципы Двадцатого Века»?

Долли. Правильно, мама, призови его к ответу. Выжми все что можно из девятнадцатого века, пока он еще не кончился.

Филип. Тсс! Вот и он.

Входит Валентайн.

Валентайн. Простите, ради бога, что я опоздал, миссис Клэндон.

Миссис Клэндон хочет налить ему чашку.

Нет, спасибо, я чаю не пью. Мисс Долли и Фил, верно, рассказали вам, что со мной произошло?

Филип *(с важностью, вставая)*. Да, Валентайн. Мы все рассказали.

Долли *(многозначительно, тоже вставая)*. Мы все-все рассказали!

Филип. Так велел нам долг. *(Чрезвычайно серьезно.)* Идем, Долли! *(Подставляет ей руку, она кладет на нее свою.) Бросив Валентайну на прощание печальный взгляд, они торжественно выходят под руку. Валентайн недоуменно смотрит им вслед.*

Миссис Клэндон *(вставая и отходя от чайного стола)*. Мистер Валентайн, сядьте, пожалуйста. Я хочу с вами поговорить, если позволите.

Валентайн медленно направляется к оттоманке; голос совести говорит ему, что предстоит провести не слишком приятные пятнадцать минут. Миссис Клэндон с достоинством опускается на стул, на котором сидел Филип. Валентайн садится.

Прежде всего я должна заручиться вашим снисхождением, так как я собираюсь говорить о предмете, о котором знаю очень мало, вернее – ничего, а именно: о любви.

Валентайн. О любви?!

Миссис Клэндон. Да, о любви. Но вы напрасно взволновались, мистер Валентайн: я-то во всяком случае не влюблена в вас.

Валентайн *(растерявшись)*. Право, миссис Клэндон... *(Приходя в себя.)* Я был бы только польщен.

Миссис Клэндон. Благодарю вас, мистер Валентайн. Но мне уже поздно начинать.

Валентайн. Начинать! Неужели вы никогда...

Миссис Клэндон. Никогда. Моя история довольно обычная, мистер Валентайн. Я была слишком молода, когда выходила замуж, и не понимала, что делаю. В результате, как вы сами имели возможность убедиться, мы оба, муж и я, потерпели горчайшее разочарование. Так вот и вышло, что я хоть и замужняя женщина, а ни разу не была влюблена. Романов у меня не было, да и сказать по чести, наглядевшись на чужие романы, я не очень-то сожалею о таком недостатке житейского опыта.

Валентайн, чрезвычайно мрачный, недоверчиво поглядывает на нее и молчит.

(Она слегка краснеет и произносит со сдержанным гневом.) Вы как будто не верите мне?

Валентайн *(смущенный тем, что она верно прочла его мысли)*. Ах нет, отчего же? Отчего же?

Миссис Клэндон. Так позвольте мне сказать вам, мистер Валентайн, что жизнь, посвященная служению человечеству, полна восторгов и страстей, которые во много раз превышают эгоистические влечения и мелкую чувствительность романтической любви. Впрочем, восторги и страсти, которые я имею в виду, вряд ли покажутся привлекательными вам.

Сознавая, что безнадежно падает в ее глазах, Валентайн печально кивает.

Ну вот видите... А я со своей стороны совсем не компетентна в так называемых сердечных делах, в которых вы, очевидно, разбираетесь до тонкости.

Валентайн *(тревожно)*. Что вы хотите этим сказать, миссис Клэндон?

Миссис Клэндон. Я думаю, вы и сами понимаете, что я хочу этим сказать.

Валентайн. Глория?

Миссис Клэндон. Да, Глория.

Валентайн *(сдаваясь)*. Ну что ж, я влюблен в Глорию. *(Предупреждая ее возражение.)* Я знаю, что вы сейчас скажете: у меня нет денег.

Миссис Клэндон. Я меньше всего забочусь о деньгах, мистер Валентайн.

Валентайн. В таком случае вы сильно отличаетесь от всех матерей, с которыми мне до сих пор доводилось беседовать на эту тему.

Миссис Клэндон. Вот-вот-вот, мистер Валентайн, мы подходим к существу дела. Для вас это все не внове, а? *(Он раскрывает рот, чтобы возражать, но она гневно обрывает его.)* Ах, неужели же вы думаете, что я вовсе лишена здравого смысла? При всем своем невежестве в этом вопросе, я все же понимаю, что неопытному новичку не удалось бы за одно свидание добиться так много от такой женщины, как моя дочь!

Валентайн. Уверяю вас...

Миссис Клэндон *(останавливая его)*. Да я и не виню вас, мистер Валентайн... Глория должна уметь постоять за себя, и вы имеете полное право развлекаться, как вам угодно. Но...

Валентайн *(протестуя)*. Развлекаться?! О, миссис Клэндон!

Миссис Клэндон *(неумолимо)*. И вы клянетесь, мистер Валентайн, что ваше чувство серьезно?

Валентайн *(с отчаянной решимостью)*. Клянусь!

Она испытующе смотрит на него.

(Чувство юмора берет верх, и он с забавной миной продолжает.) Только беда в том, что мои чувства всегда бывали серьезны, а в результате — вот он я, цел и невредим, как видите.

Миссис Клэндон. Я так и представляла себе дело. *(Сурово.)* Мистер Валентайн, вы принадлежите к той породе мужчин, для которой сердце женщины — игрушка.

Валентайн. А почему бы и нет? Стоит ли серьезно относиться к чему-нибудь, кроме служения человеку? Впрочем, я вас понял. *(Встает, берет шляпу; с корректной учтивостью.)* Вы желаете, чтобы я перестал посещать ваш дом?

Миссис Клэндон. Напротив. Лучший способ для Глории освободиться от вашего влияния — это познакомиться с вами покороче.

Валентайн *(искренне испугавшись)*. Что вы говорите, миссис Клэндон? Неужто вы так думаете на самом деле?

Миссис Клэндон. Я твердо верю в разумное воспитание, которое Глория получила с детства.

Валентайн *(точно гора у него свалилась с плеч)*. А-а! Ну тогда я спокоен. *(Снова садится, отшвырнув шляпу небрежным жестом человека, которому больше ничего не угрожает.)*

Миссис Клэндон *(возмущенная его самоуверенностью)*. Что вы хотите этим сказать?

Валентайн *(таинственно поворачиваясь к ней)*. Разрешите вас поучить немного, миссис Клэндон?

Миссис Клэндон *(сухо)*. Я всегда готова учиться.

Валентайн. Вы никогда не интересовались военным делом?.. Ну, артиллерия, знаете, пушки там, броненосцы и прочее?

Миссис Клэндон. Военное дело имеет какое-нибудь отношение к Глории?

Валентайн. Самое прямое, — по аналогии. На протяжении всего нашего столетия, дорогая миссис Клэндон, развитие артиллерийского дела сводилось по существу к поединку между тем, кто делает пушки, и тем, кто произво-

дит броню для защиты от пушечных ядер. Вы строите корабль, способный устоять против самой мощной из существующих пушек; затем кто-то строит еще более мощную пушку и топит ваш корабль. Вы строите еще более тяжелый корабль, рассчитанный именно на это, самое последнее, орудие; кто-то строит еще более мощную пушку и снова топит ваш корабль. И так далее и так далее. Ну так вот — то же самое происходит в поединке полов.

Миссис Клэндон. Поединок полов?!

Валентайн. Вот именно. Вы разве не слыхали о «поединке полов»? Ах да, я забыл: вы ведь были на Мадейре, когда появилось это выражение. Нужно ли объяснять, что оно значит?

Миссис Клэндон *(презрительно)*. Нет!

Валентайн. Ну вот видите. Теперь рассмотрим, как протекает поединок полов. Мать, женщина старомодная, получила в свое время старомодное воспитание, рассчитанное на то, чтобы оградить ее от мужских козней. Результат вам известен: старомодный мужчина ее обставляет. Тогда старомодная мать, решившись во что бы то ни стало изыскать более верные средства для спасения своей дочери, пытается создать броню, которая оказалась бы не по зубам старомодному мужчине. Она дает своей дочери научное образование, — ваш случай. Что делать старомодному мужчине? Он начинает вопить, что этак нельзя, неженственно, дескать, и все такое прочее. Да что толку? И вот ему приходится отказаться от своей старомодной тактики — с коленопреклонениями там, клятвами в любви, уважении, покорности и так далее.

Миссис Клэндон. Положим, эти клятвы требовались от женщины.

Валентайн. Разве? Впрочем, вы, наверное, правы, — да, да, конечно так. Ну-с, так что же делает мужчина? Да то же, что делал наш артиллерист: пытается вырваться на голову вперед, вооружается научно и побивает женщину в этой новой игре точно так же, как побивал ее в прежней. Мне еще и двадцати трех лет не было, когда я постиг правила обращения с женщиной, воспитанной на женском равноправии: ведь это еще до меня открыли. Как видите, я действую по самой новой системе.

Миссис Клэндон *(брезгливо)*. Вижу.

Валентайн. Но по этой-то причине есть одна категория девушек, против которой моя система бессильна.

Миссис Клэндон. И это?..

Валентайн. Девушка старинного образца. Если бы вы воспитали Глорию по старинке, мне бы пришлось восемнадцать месяцев добиваться того, чего я добился у нее сегодня в какие-нибудь восемнадцать минут. Да, миссис Клэндон! Благодаря «высшему образованию для женщин» мне и удалось одержать победу над Глорией. А кто заставил ее уверовать в это высшее образование? Вы!

Миссис Клэндон *(вставая)*. Мистер Валентайн! Вы очень умны...

Валентайн *(тоже вставая)*. Что вы, миссис Клэндон!

Миссис Клэндон. Однако нового вы мне ничего не сказали. Прощайте.

Валентайн *(в ужасе)*. Прощайте?! Значит, я ее даже не увижу больше?

Миссис Клэндон. Боюсь, что она не вернется сюда, пока вы не уйдете отсюда, мистер Валентайн. Она потому и ушла, что не хотела встречаться с вами.

Валентайн *(задумчиво)*. Это хороший признак. До свиданья. *(Кланяется и идет к дверям, по-видимому, вполне довольный положением дела.)*

Миссис Клэндон *(встревоженная)*. Почему вы считаете это хорошим признаком?

Валентайн *(дойдя до двери, оборачивается)*. Потому что я до смерти боюсь ее; и похоже, что она до смерти боится меня. *(Поворачивается и сталкивается в дверях с Глорией. Она смотрит на него немигающим взглядом. Он растерянно, во все глаза, глядит на нее, затем переводит взгляд на миссис Клэндон и, окончательно смешавшись, вновь глядит на Глорию.)*

Глория *(бледная, с трудом сдерживаясь)*. Мама, это правда — то, что Долли мне сейчас рассказала?

Миссис Клэндон. Что же она тебе рассказала?

Глория. Что ты беседовала обо мне с этим джентльменом?

Валентайн *(чуть слышно)*. С этим джентльменом! О!

Миссис Клэндон *(резко)*. Мистер Валентайн, вы можете минуту помолчать?

Он жалобно смотрит на них, затем, махнув рукой, возвращается к оттоманке и швыряет на нее шляпу.

Глория *(матери, с горьким упреком в голосе)*. Мама, какое право ты имела так поступить?

Миссис Клэндон. Но, Глория, я ничего такого не говорила, чего бы я не имела права говорить.

Валентайн *(ввязываясь некстати со своей поддержкой)*. Ничего. Ровно ничего.

Обе женщины уничтожают его взглядом.

Прошу прощенья! *(С виноватым видом опускается на оттоманку.)*

Глория. Я считаю, что никто не имеет права даже думать о том, что касается одной меня. *(С трудом подавляет волнение и отворачивается от них обоих, чтобы скрыть его.)*

Миссис Клэндон. Милая моя, если я задела твою гордость...

Глория *(поворачиваясь к ним на минутку)*. Гордость? Какая там гордость! У меня нет больше гордости! Чем мне гордиться, когда я не имею власти над самой собой? *(Снова отворачивается.)* Но если женщина не может уберечься сама – никому ее не уберечь. И спасать ее не имеет права никто; даже родная мать не имеет этого права. Я потеряла твое доверие, так же как потеряла уважение этого человека, пусть... *(Останавливается, чтобы подавить рыдание.)*

Валентайн. Этого человека! О!

Миссис Клэндон. Да замолчите же, сэр!

Глория *(продолжая)*. Но разве нельзя меня оставить в покое с моим позором? Ну да, я из тех слабых созданий, которые только затем и рождаются на свет, чтобы покориться первому, кто глянет в их сторону; и мне, видно, не миновать своей судьбы. Так не подвергайте же меня еще большему унижению – не делайте попыток спасти меня! *(Садится у дальнего края стола, прижимая платок к глазам.)*

Валентайн *(вскакивая)*. Послушайте...

Миссис Клэндон *(строго)*. Мистер Ва...

Валентайн *(закусив удила)*. Нет, я буду говорить! Ведь я молчу уже целых тридцать секунд. *(Решительно подходит к Глории.)* Мисс Клэндон...

Глория *(с горечью)*. Зачем же «мисс Клэндон»? Вы ведь убедились, что меня можно безнаказанно называть Глорией?

Валентайн. Ну нет! Чтобы вы сами потом попрекали меня этим и обвиняли в неуважении к вам? Это же чудовищная, душераздирающая клевета – будто я вас не уважаю! Это верно, что я ни во что не ставил вашу прежнюю гордость, – с чего бы мне уважать ее? Ведь она не что иное,

как малодушие. Я ни во что не ставил ваш ум, потому что мой собственный лучше. Ум – это мужская специальность. Но когда заговорили бездны... Когда наступил мой час... когда вы вселили в меня мужество!.. О, тогда, тогда, тогда...

Глория. Тогда, верно, вы меня стали уважать.

Валентайн. Нисколько. Я стал обожать вас.

Она порывисто вскакивает и поворачивается к нему спиной.

Этого мгновения вам у меня не отнять. И теперь мне все нипочем! *(Возвращается к оттоманке, адресуя свои жизнерадостные излияния в пространство.)* Вы думаете, я не понимаю сам, что несу чушь? Но что ж делать? *(К миссис Клэндон.)* Я люблю Глорию. Вот и все!

Миссис Клэндон *(отчеканивая)*. Мистер Валентайн, вы очень опасный человек. Глория, иди сюда.

Глория, недоумевая, повинуется и становится по правую руку матери, опустив голову; Валентайн же стоит по левую руку миссис Клэндон, которая говорит с глубочайшим презрением.

Спроси этого человека, которого ты так вдохновила, в которого ты вселила мужество, сколько женщин вдохновляло его, сколько их вселяло в него мужество до тебя?

В порыве ревнивого гнева и изумления Глория резко поднимает голову.

Сколько раз ставил он свою ловушку, ту самую, в которую ты попалась? Скольких заманил он в нее такими же речами? Спроси его, долго ли он упражнялся, прежде чем достичь совершенства на поприще дуэлянта в «поединке полов»?

Валентайн. Этак не годится! Вы злоупотребляете моим доверием, миссис Клэндон.

Миссис Клэндон. Спроси, спроси его, Глория!

Глория *(в бешенстве, стиснув кулаки, подходит к нему)*. Это правда?

Валентайн. Не сердитесь...

Глория *(неумолимо, перебивая его)*. Это правда? Вы кому-нибудь говорили все это прежде? Вы испытывали подобные чувства... к другой?

Валентайн *(просто)*. Да.

Глория поднимает руки, сжатые в кулаки.

Миссис Клэндон *(в ужасе, хватает ее за руку)*. Глория! Дорогая моя! Опомнись...

Глория тяжело переводит дух и медленно опускает руки.

Валентайн. Посудите сами: как развиваются у человека его способности? Ведь прежде, чем он поймет, куда их приложить, сколько раз ему приходится растрачивать их впустую! Способность восхищаться и любить тоже развивается не сразу.

Миссис Клэндон. Внимание, Глория! Это тоже прием!

Валентайн *(протестуя)*. О!

Глория *(к миссис Клэндон, с высокомерным спокойствием)*. Неужели ты думаешь, что я все еще нуждаюсь в предостережениях? *(Валентайну.)* Вы пытались внушить мне любовь?

Валентайн. Пытался.

Глория. Ну что ж, вам удалось внушить мне самую страстную... ненависть!

Валентайн *(философски)*. Удивительно, до чего ничтожная разница между этими понятиями.

Глория в негодовании отворачивается от него.

(Продолжает, обращаясь к миссис Клэндон.) Я знал женщин, которые любили своих мужей. И что же? Они держали себя точь-в-точь как ваша дочь.

Миссис Клэндон. Извините меня, мистер Валентайн, но мне кажется, что вам лучше уйти.

Глория. Если ты гонишь его из-за меня, мама, то не стоит труда. Для меня он больше не существует, а Долли и Филу с ним весело. *(С надменной небрежностью садится возле конца стола, ближайшего к стеклянной двери.)*

Валентайн *(радостно)*. Ну конечно же! Вот это трезвый взгляд! Послушайте, миссис Клэндон, какой вам расчет ссориться с таким мотыльком, как я?

Миссис Клэндон. Я отношусь к вам с большой опаской, мистер Валентайн. Тем не менее мне не хотелось бы видеть в вашем пагубном легкомыслии всего лишь испорченность и бесстыдство...

Глория *(как бы про себя, но не понижая голоса)*. А что же это, как не испорченность и бесстыдство?

Миссис Клэндон. ...поэтому, может быть, в самом деле

лучше всего позвать Фила и Долли, с тем чтобы вы заключили свой визит обычным порядком.

Валентайн *(точно она сказала ему нечто в высшей степени лестное)*. Я потрясен, миссис Клэндон! Благодарю вас.

Входит официант.

Официант. Мистер Мак-Комас, мэм.

Миссис Клэндон. Отлично. Просите.

Официант. Он просит вас выйти к нему в холл, мэм.

Миссис Клэндон. Почему же он не хочет войти сюда?

Официант. С вашего позволения, мэм, мне кажется, что мистер Мак-Комас предпочитает говорить с вами без младших членов вашей семьи, мэм. Так ему, видно, удобнее.

Миссис Клэндон. Скажите ему, что их нет.

Официант. Они здесь поблизости, мэм; они точно сторожат кого-то.

Миссис Клэндон *(направляясь к двери)*. Ну, хорошо. Я выйду к нему.

Официант *(распахивая перед ней дверь)*. Благодарю вас, мэм.

Миссис Клэндон уходит. Официант возвращается.

(Заметив по глазам Валентайна, что тот хочет, чтобы он ушел.) Хорошо, сэр. Благодарю вас, сэр. Только вот посуду приму, сэр. *(Берет в руки поднос.)* Извините меня, сэр. Благодарю вас, сэр. *(Уходит.)*

Валентайн *(Глории)*. Послушайте. Рано или поздно вы меня все равно простите. Простите же меня сейчас, а?

Глория *(вставая, чтобы тирада ее прозвучала внушительней)*. Никогда! Покуда трава не перестанет расти, покуда вода не иссякнет в земле – никогда, никогда, никогда!!!

Валентайн *(ничуть не обескураженный)*. Ну, как хотите. Лично я не способен печалиться о чем бы то ни было. Я уже никогда больше не впаду в уныние – никогда, никогда, никогда! Покуда трава не перестанет расти, покуда вода не иссякнет в земле! Мысль о вас будет всегда наполнять меня ликованием. *(Предупреждая готовую сорваться у нее едкую реплику.)* Нет, этого я еще никому не говорил. Это совсем новое.

Глория. Зато когда вы скажете эти слова следующей женщине, они уже не будут новыми.

Валентайн. Не надо, Глория, пожалуйста! *(Становится перед ней на колени.)*

Глория. Встаньте! Встаньте! Как вы смеете?

В комнату врываются Фил и Долли, как всегда наперегонки, но застывают на месте. Валентайн вскакивает.

Филип *(со скромным достоинством)*. Прошу прощения. Идем, Долли! *(Подает ей руку и поворачивается, чтобы идти.)*

Глория *(с раздражением)*. Мама сейчас придет, Фил. *(Строго.)* Я прошу вас дождаться ее здесь. *(Отворачивается к стеклянной двери, смотрит в сад.)*

Филип *(многозначительно)*. Ах, вот как! Мхм!

Долли. Ага!

Филип. Вы, кажется, в прекрасном настроении, Валентайн?

Валентайн. Да. *(Становится между близнецами.)* Вот что, друзья! Вы, конечно, понимаете, что тут у нас происходит?

Глория резко оборачивается, уверенная, что ей готовится новое оскорбление.

Долли. Еще бы!

Валентайн. Ну так вот — с этим покончено. Мне отказали, мной пренебрегли. Теперь меня здесь терпят из одной только жалости. Ваша сестра решительно отвергает мои домогательства и ни в какой мере не изволит интересоваться моей особой.

Успокоившись, Глория снова презрительно отворачивается.

Понятно?

Долли. Так вам и надо. Зачем торопились?

Филип *(похлопывая его по плечу)*. Ничего! Вы бы света невзвидели, если бы она согласилась стать вашей женой. Зато теперь вы можете начинать новую главу вашей жизни.

Долли. Примерно семнадцатую.

Валентайн *(которому сейчас не до смеха)*. Не надо так говорить! Вы не представляете себе, сколько вреда могут причинить такие вот легкомысленные шуточки.

Долли. В самом деле? Мхм!

Филип. Ага! *(Проходит к камину и стоит там, всем своим видом изображая «главу семьи».)*

С чрезвычайно озабоченным выражением лица, быстрыми шагами в комнату входит Мак-Комас в сопровождении миссис Клэндон; поглощенная мыслью о Гло-

рии, миссис Клэндон сразу начинает искать ее глазами, собираясь подойти к ней; но Глория сама идет ей навстречу с подчеркнутым выражением любви и доверия. В конце концов миссис Клэндон садится на свое прежнее место, а Глория становится позади нее. Долли останавливает Мак-Комаса на пути к оттоманке.

Долли. Что новенького, Финч?

Мак-Комас *(сурово)*. Ничего хорошего, мисс Клэндон. Я принес весьма печальные вести от вашего отца, весьма печальные. *(С внушительным видом идет к оттоманке и садится.)*

Долли, сделав постное лицо, садится рядом с Мак-Комасом по его правую руку.

Валентайн. Может быть, мне уйти?

Мак-Комас. Ни в коем случае, мистер Валентайн. Дело это в большой степени касается и вас.

Валентайн берет один из стульев, стоящих вокруг стола, ставит его поближе к оттоманке и садится на него верхом, опираясь грудью на спинку стула.

Миссис Клэндон, ваш муж требует передачи ему на воспитание младших детей, не достигших еще совершеннолетия.

Миссис Клэндон *(всполошившись)*. Он хочет отнять у меня Долли?

Долли *(растроганно)*. Но как это мило с его стороны! Мама, мы ему понравились!

Мак-Комас. Тут я, к сожалению, вынужден рассеять ваши иллюзии, мисс Доротея.

Долли *(в восторге начинает ворковать)*. Доротея! *(Нежно прильнув к его плечу, тает.)* Ах, Финч!

Мак-Комас *(испуганно отодвигаясь)*. Нет, нет, нет!

Миссис Клэндон. Но ведь, расходясь с мужем, мы заключили соглашение, по которому дети оставались со мной.

Мак-Комас. И в этом же соглашении была оговорка, гласящая, что вы со своей стороны обязались не тревожить и никоим образом его не преследовать.

Миссис Клэндон. А разве я нарушила это условие?

Мак-Комас. Чтобы решить, можно ли квалифицировать поведение ваших младших детей как преследование, нам, вероятно, понадобится мнение авторитетного юриста. Мистер Крэмптон, во всяком случае, настаивает на факте

преследования; мало того, он убежден, что его зазвали сюда в результате предварительного сговора и что мистер Валентайн действовал как ваш агент.

Валентайн. Что? Что такое?

Мак-Комас. Он утверждает, будто бы вы его усыпили, мистер Валентайн...

Валентайн. Это верно.

Мак-Комас. Это еще зачем?

Долли. Чтобы получить пять шиллингов сверх обычной платы.

Мак-Комас *(к Долли, резко)*. Мисс Клэндон, я просил бы вас не перебивать своими неуместными замечаниями наш в высшей степени серьезный разговор. *(Повышая голос.)* И вообще я настаиваю на том, чтобы серьезные вопросы обсуждались серьезно и с должным уважением.

После этой вспышки среди присутствующих воцаряется виноватое молчание, а сам Мак-Комас жестоко конфузится.

(Откашлявшись, он начинает заново, обращаясь на этот раз к Глории.) Мисс Клэндон, я должен сообщить вам, что ваш отец также внушил себе, будто мистер Валентайн намерен на вас жениться...

Валентайн *(ловко выворачивает)*. Это верно.

Мак-Комас *(обиженным тоном)*. В таком случае, сэр, пеняйте на себя, если отец этой молодой особы заподозрит, что вы целитесь на ее приданое.

Валентайн. Что ж, так оно и есть. Или, по-вашему, моя жена может прожить на *мои* заработки? Десять пенсов в неделю?!

Мак-Комас *(с отвращением)*. Сэр, мне больше не о чем с вами говорить. А мистеру Крэмптону я буду вынужден сообщить, что в этой семье отцу делать решительно нечего. *(Идет к двери.)*

Миссис Клэндон *(спокойно и властно)*. Финч!

Он останавливается.

Предоставьте дурачиться мистеру Валентайну — вам это не к лицу. Сядьте.

Мак-Комас, у которого после недолгого колебания дружба к миссис Клэндон одерживает верх над чувством собственного достоинства, покорно садится, на этот раз между Долли и миссис Клэндон.

Вы же знаете, что все это дело яйца выеденного не стоит и что сам Фергюс верит в него не больше вашего. А вот вы мне лучше посоветуйте — искренне, как друг, — вы ведь знаете, как я считаюсь с вашим мнением — посоветуйте мне, что делать? Дети будут сидеть тихо, обещаю вам.

Мак-Комас *(сдается)*. Ну, хорошо! Вот что я хочу сказать. Ведь, заключая ваше соглашение с мужем, вы, миссис Клэндон, находились в более выгодном положении, чем он.

Миссис Клэндон. Это, собственно, почему?

Мак-Комас. Ну как же. Вы всегда были передовой женщиной, вы привыкли не считаться с мнением общества, вам дела не было до того, что будут о вас говорить.

Миссис Клэндон *(гордясь этим)*. Да, это верно.

Глория, которая стоит позади матери, наклоняется к ней и целует ее в голову, чем несказанно смущает миссис Клэндон.

Мак-Комас. Что же касается вашего супруга, миссис Клэндон, то одна мысль об огласке повергала его в трепет. Кроме того, ему приходилось думать о своей репутации в коммерческом мире и считаться с предрассудками родных — ведь он вырос в достаточно старомодной семье.

Миссис Клэндон. Ну, положим, у него и собственных предрассудков хватало.

Мак-Комас. Слов нет, миссис Клэндон, он вел себя недостойно.

Миссис Клэндон *(саркастически)*. Слов нет.

Мак-Комас. Но можно ли винить его одного?

Миссис Клэндон. Может быть, это я была виновата?

Мак-Комас *(поспешно)*. Нет, нет, что вы!

Глория *(пристально глядя на Мак-Комаса)*. А ведь вы говорите не то, что думаете, мистер Мак-Комас.

Мак-Комас. Милая барышня, вы уж очень придирчивы. Позвольте вам представить все дело, как я его понимаю. Когда человек женится неудачно (причем, заметьте, никто тут не виноват: несоответствие вкусов и склонностей, которого нельзя было предугадать) — и в результате такой неудачи оказывается лишенным того самого тепла и сочувствия, в расчете на которые он, надо полагать, и вступал в брак, — словом, когда обнаруживается, что ему лучше было бы вовсе не жениться, чем жениться на

этой женщине (в чем сама она, разумеется, ничуть не виновата!), — следует ли удивляться, если он начинает винить во всем жену, усугубляя положение и без того тяжелое, а затем в своем отчаянии заходит еще дальше: пьет, напиваясь порой до буйного состояния, и, наконец, даже начинает искать сочувствия на стороне?

Миссис Клэндон. А я его и не винила. Я просто спасала себя и детей.

Мак-Комас. Это так, миссис Клэндон, но вы ставили жесткие условия. Он был в ваших руках: вы грозили возбудить дело о разводе, что повлекло бы за собой неминуемую огласку. Ему пришлось покориться. Теперь представьте себе, что не вы, а он обладал бы подобной властью и, пользуясь этим, отобрал бы у вас детей да еще и воспитал бы их так, чтобы они даже имени вашего не знали. Каково бы это показалось вам? Как бы поступили вы в таком случае? Неужели нельзя сделать хоть некоторую скидку на его чувства — вспомнить, что и он человек, что и ему свойственны человеческие слабости?

Миссис Клэндон. Что касается его чувств, они для меня так и остались загадкой. Зато с характером его я познакомилась основательно, равно как и с... *(содрогнувшись)* прочими человеческими слабостями.

Мак-Комас *(с тоской)*. Женщины подчас судят очень строго, миссис Клэндон.

Валентайн. Это верно.

Глория *(сердито)*. Молчите!

Валентайн утихает.

Мак-Комас *(собравшись с силами)*. Позвольте мне в последний раз попытаться смягчить ваше сердце, миссис Клэндон. Право же, бывает так, что человек преисполнен всяких чувств — и нежных чувств, заметьте, — а выразить их не умеет. Вас смущает в Крэмптоне отсутствие светского лоска, этого искусства с обворожительной учтивостью говорить неискренние комплименты и оказывать пустячные знаки внимания. Если бы вы пожили в Лондоне, где все отношения построены на мнимом благодушии, где можно так никогда и не узнать, что человек, с которым вы знакомы вот уже двадцать лет, ненавидит вас лютой ненавистью, — в Лондоне у вас открылись бы глаза на многое! Мы, лондонцы, с добрейшей улыбкой творим свои недобрые дела, сладчайшим голосом произносим слова, полные яда, и разрываем наших друзей на

части не иначе, как под хлороформом. Теперь представьте себе оборотную сторону. Представьте себе людей, творящих добро с мрачной миной, людей, чье прикосновение неуклюже, а голос неприятен, людей вспыльчивых и раздражительных помимо собственной воли, которые мучают и ранят именно тех, кого любят, и как раз в тот момент, когда пытаются привлечь к себе их сердца, — и которые, однако же, нуждаются в любви не меньше нас с вами. Характер у Крэмптона отвратительный, не спорю. У него ужасные манеры, полное отсутствие такта и обаяния. Кто полюбит его такого? Кто догадается, кто поверит, что этот человек жаждет любви? Так неужели же он не вправе ожидать от собственных своих детей какого-то проблеска чувства, хотя бы жалости в конце концов?

Долли *(совершенно разомлев)*. Ах, Финч, как красиво у вас получается! Какой вы душка!

Филип *(убежденно)*. Финч, вы оратор! Заправский оратор!

Долли. Мама, мы, верно, не дали папе как следует развернуться. Пригласим его к обеду!

Миссис Клэндон *(непреклонно)*. Нет, Долли, мне и позавтракать-то почти не удалось. Мой дорогой Финч, ни к чему говорить мне о Фергюсе. Вы не были за ним замужем. Я была.

Мак-Комас *(к Глории)*. Мисс Клэндон, до сих пор я не решался взывать к вам, ибо, если верить мистеру Крэмптону, вы оказались еще бессердечней, чем ваша мать.

Глория *(заносчиво)*. Ее сила заставляет вас обратиться к моей слабости?

Мак-Комас. Нет, мисс Клэндон, я уповаю отнюдь не на слабость вашу. Я апеллировал к уму миссис Клэндон, а теперь я обращаюсь к вашему сердцу.

Глория. Я больше не доверяю своему сердцу. *(Бросая сердитый взгляд на Валентайна.)* Я бы хотела вырвать свое сердце из груди и выкинуть его вон! Мне нечего прибавить к тому, что сказала моя мать.

Мак-Комас *(признавая себя побежденным)*. Ну что ж, жаль, очень жаль. Я сделал все, что мог. *(Встает, собираясь уходить, в сильном огорчении.)*

Миссис Клэндон. Я не понимаю, Финч, на что вы могли рассчитывать. Чего вы хотите от нас?

Мак-Комас. Первым делом вам вместе с Крэмптоном следует узнать мнение квалифицированного юриста относительно того, имеет ли соглашение, которое вы заклю-

чили между собой, юридическую силу. Так вот, чем откладывать дело в долгий ящик, почему бы вам не заручиться этим мнением сейчас, устроить дружескую...

Лицо миссис Клэндон становится каменным.

или, если угодно, нейтральную встречу – тут же на месте, сегодня вечером? И дело бы с концом, а? Что вы на это скажете?

Миссис Клэндон. Но где нам раздобыть такого юриста?

Мак-Комас. Само небо посылает его нам. По дороге от Крэмптона сюда я встретил одного видного адвоката, крупного специалиста. Дело, благодаря которому этот адвокат прославился, он как раз вел по моему поручению. Он только что приехал, пробудет здесь до понедельника, чтобы подышать морским воздухом и повидаться с каким-то своим родственником, который здесь проживает. Он был так любезен, что обещал помочь нам советом, если я возьму на себя собрать всех заинтересованных лиц. Давайте же воспользуемся случаем и решим наше дело тихо-мирно, по-семейному! Позвольте мне привести моего коллегу и попытаться уговорить Крэмптона тоже прийти! Ну как, согласны?

Миссис Клэндон *(после минутного колебания, тоном, не предвещающим ничего хорошего)*. Финч, я не желаю знать мнение юриста, потому что у меня есть свое собственное, которым я и намерена руководствоваться. Я не желаю больше встречаться с Фергюсом, потому что он неприятен мне, и я ничего хорошего от этой встречи не жду. Но вам... *(вставая)* вам удалось внушить детям, что их отец не совсем отпетый человек. Поступайте, как вам угодно.

Мак-Комас *(взяв ее руку в свою и пожимая ее)*. Благодарю вас, миссис Клэндон. В девять часов вам удобно?

Миссис Клэндон. Вполне. Фил, позвони, пожалуйста.

Фил звонит.

Но раз уже меня обвиняют в заговоре с мистером Валентайном, пусть он тоже присутствует.

Валентайн *(поднимаясь)*. Совершенно согласен с вами. По-моему, это необходимо.

Мак-Комас. Не возражаю. Я убежден, что все удастся уладить наилучшим образом. Итак, до скорого свидания. *(Идет к двери и сталкивается с официантом, который распахивает ее перед ним.)*

Миссис Клэндон. Уильям, мы ждем гостей к девяти часам. Нельзя ли нам будет пообедать в семь вместо половины восьмого?

Официант *(в дверях)*. Семь часов, мэм? Отлично, мэм. Нам это даже еще удобней, мэм, у нас сегодня вечером много дела. Тут и оркестр и за иллюминацией проследить нужно. Не одно, так другое, мэм.

Долли. Иллюминация?

Филип. Оркестр? Уильям, что этим ты сказать желаешь?

Официант. Да вот, мисс, бал-маскарад...

Долли и Филип *(бросаются к нему одновременно)*. Бал-маскарад?!

Официант. Да, сэр. Его устраивает лодочный комитет в пользу Спасательной службы, сэр. *(К миссис Клэндон.)* У нас такие балы не редкость, мэм: китайские фонарики, мэм, по всему парку, светло и приятно, невинное веселье. *(Филипу.)* Билеты внизу, в конторе, сэр, цена пять шиллингов; дамам в сопровождении кавалеров — за полцены.

Филип *(хватает его за руку и тащит за собой)*. В контору, Уильям!

Долли *(задыхаясь, хватает официанта за другую руку)*. Скорее, пока их не распродали!

Вдвоем им удается увлечь его с собой.

Миссис Клэндон *(идет за ними)*. Нельзя их отпускать на бал. Ведь нужно, чтобы они были здесь, когда придет... *(Исчезает в дверях.)*

Глория окидывает Валентайна спокойным взглядом и затем многозначительно смотрит на часы.

Валентайн. Понимаю. Я засиделся. Ухожу!

Глория *(с холодной учтивостью)*. Мистер Валентайн, я должна перед вами извиниться. Я как будто была несколько резка, а может быть, даже и груба с вами.

Валентайн. Ну что вы!

Глория. В свое оправдание скажу лишь, что тот, кто не умеет держаться с достоинством, должен пенять на одного себя, если люди не соблюдают по отношению к нему элементарных правил вежливости.

Валентайн. Как же человеку держаться с достоинством, когда он влюблен?

Глория *(сердито)*. Не смейте так говорить со мной. Я запрещаю вам! Это оскорбление!

Валентайн. Нет, просто глупость. Я ничего не могу поделать.

Глория. Истинная любовь не заставила бы вас поглупеть — напротив, она придала бы вам серьезности, достоинства, ну и... красоты.

Валентайн. Нет, вы вправду думаете, что от любви я бы похорошел?

Она отворачивается от него с уничтожающим презрением.

Ну вот видите, вы этого не думаете. Любовь не может наделить человека новыми качествами. Она лишь обостряет те качества, которые заложены в нем от природы.

Глория *(вновь оборачиваясь к нему)*. Какие это, интересно, качества заложены в вас от природы?

Валентайн. Легкость душевная.

Глория. А также умственная, а также легкость убеждений, — словом, легкость всего, что придает человеку вес.

Валентайн. Да, да, вы правы! Весь мир для меня сейчас — пушинка, танцующая на свету, а Глория — солнце, озаряющее этот мир.

Она сердито вскидывает головой.

Прошу прощенья. Бегу! Вернусь к девяти. До свидания. *(Весело убегает.)*

Она остается посреди комнаты, глядит ему вслед.

Глория *(взбешенная тем, что он посмел от нее уйти; звонко)*. Болван!

Та же комната. Девять часов. Пусто. Лампы зажжены, однако шторы не задернуты. Дверь, ведущая в парк, распахнута настежь. Среди деревьев мерцают гирлянды китайских фонариков, за ними усыпанное звездами небо. В саду, заглушая шум моря, оркестр играет танцевальную музыку.

Входит официант, ведя за собой Крэмптона и Мак-Комаса. Крэмптон подавлен и встревожен; он устало и робко садится на оттоманку.

Официант. Дамы в парке, сэр. Решили пройтись взглянуть на костюмы, сэр. Вы пока посидите тут, джентльмены, а я схожу доложить о вас. *(Собирается пройти в дверь, ведущую в парк, Мак-Комас останавливает его.)*

Мак-Комас. Минуточку! Если придет еще один джентльмен, ведите его прямо сюда. Мы его ждем.

Официант. Хорошо, сэр. Как его фамилия, сэр?

Мак-Комас. Бун. Мистер Бун. Так как миссис Клэндон с ним не знакома, он, вероятно, даст свою визитную карточку. Его фамилия пишется так: Би-оу-эйч-эй-эн. Не забудете?

Официант *(улыбаясь)*. Будьте покойны, сэр. Моя настоящая фамилия тоже Бун, сэр, хотя тут мне дали прозвище «Уолтер-Миротворец». Мне бы тоже следовало писать свою фамилию через «эйч», однако я воздерживаюсь, сэр, — не по чину, знаете. Отдает норманнским происхождением, сэр. А кому нужен официант с норманнским происхождением, сэр?

Мак-Комас. Ну что вы! Сказал же поэт: «Честное сердце стоит короны, а чистая вера — норманнского предка».

Официант. Это, сэр, смотря какое положение вы занимаете в обществе. Если бы вы были официантом, сэр, вы бы убедились, что от чистой веры не больше проку, чем от норманнских предков. Я предпочитаю писать свое имя попроще да поглядывать в оба. Но я отнимаю у вас время, сэр. Так я скажу дамам, что вы пришли, сэр. *(Проходит в парк.)*

Мак-Комас. Крэмптон, я могу на вас положиться?

Крэмптон. Да, да, я буду вести себя тихо. Я буду терпелив. Я буду стараться.

Мак-Комас. Помните: я вас не предавал. Я сказал им, что во всем виноваты они сами.

Крэмптон. А мне вы сказали, что виноват во всем я.

Мак-Комас. Вам я сказал правду.

Крэмптон *(жалобно)*. Если б они только были справедливы ко мне!

Мак-Комас. Мой дорогой Крэмптон, они не будут к вам справедливы. В их возрасте этого и ждать нельзя. Если вы собираетесь ставить невозможные условия, то уж лучше нам прямо идти домой.

Крэмптон. Неужели я не имею права...

Мак-Комас *(непреклонно)*. Прав вы никаких не добьетесь. Вот что, Крэмптон, давайте раз и навсегда договоримся! Когда вы обещали хорошо себя вести, вы что же имели в виду — воздержаться от жалоб, только пока не будет повода для жалоб? Если так, то... *(Делает вид, что собирается уйти.)*

Крэмптон *(в отчаянии)*. Нет, нет! Да что вы ко мне пристаете в самом деле? Разве мало надо мной измывались, мало мучили меня? Я же сказал, что буду стараться. Но если эта девчонка снова начнет со мной так говорить и так смотреть на меня... *(Хватается за голову.)*

Мак-Комас *(смягчаясь)*. Полно, полно! Все будет хорошо, будьте только сами терпеливы и снисходительны. Ну же, возьмите себя в руки — кто-то идет!

Но Крэмптон настолько удручен, что ему все равно; он почти не меняет позы. Входит Глория из парка. Мак-Комас идет к двери, навстречу ей, чтобы Крэмптон не мог слышать их разговора.

Он здесь, мисс Клэндон. Будьте с ним помягче. Я вас оставлю на минутку вдвоем. *(Удаляется в парк.)*

Глория с независимым видом проходит в комнату.

Крэмптон *(тревожно оглядываясь)*. Где Мак-Комас?

Глория *(равнодушно, но не жестко)*. Вышел, чтоб оставить нас наедине. Из деликатности, надо полагать. *(Останавливается подле него и с чуть заметной усмешкой глядит на него сверху вниз.)* Ну что, отец?

Крэмптон *(смиренно)*. Ну что, дочка?

Глядят друг на друга некоторое время с меланхолическим юмором, хотя у обоих это чувство не слишком развито.

Глория. Может быть поздороваемся?

Подают друг другу руки.

Крэмптон *(задерживая ее руку)*. Дорогая моя, я, кажется, сегодня говорил в недопустимом тоне о вашей матери.

Глория. Ах, не извиняйтесь! Я держалась достаточно дерзко сама. Но я смирилась с тех пор. О да, меня смирили. *(Садится на пол возле его стула.)*

Крэмптон. Что же с тобой случилось, дитя мое?

Глория. Так, пустяки! Тогда я выступала как дочь своей матери; но я не гожусь для этой роли. Я — дочь своего отца. *(Смотрит на него грустным взглядом.)* Ведь это будет ступенькой пониже, а?

Крэмптон *(рассердившись)*. Что?! *(Выражение ее лица не меняется. Он сдается.)* А пожалуй, что и так, моя милая. Конечно, я бываю подчас раздражителен, но я знаю, что к чему, хоть и не всегда веду себя, как следовало бы. Ты можешь это понять?

Глория. Как же мне не понимать, когда я сама такая — ну точь-в-точь такая! Вот ведь — знаю, где правда, достоинство, сила, благородство, не хуже ее самой знаю... А что я делаю? Чего я только не делаю! Чего только не позволяю другим!

Крэмптон *(с невольным раздражением)*. Не хуже ее? Ты имеешь в виду свою мать?

Глория *(поспешно)*. Ну да, мать. *(Оборачивается к нему, не поднимаясь с колен, и хватает его за руки.)* Вот что: не будем предавать ее ни словом, ни помыслом. Она выше нас — и вас и меня, — неизмеримо выше. Так?

Крэмптон. Да, да. Как тебе угодно, дорогая.

Глория *(такой ответ ее не удовлетворяет; отшатнувшись она выпускает его руки)*. Она вам не нравится?

Крэмптон. Дитя мое, вы не были на ней женаты. Я был.

Она медленно поднимается, глядя на него со все возрастающей холодностью.

Она нанесла мне непоправимую обиду тем, что вышла за меня без любви. В дальнейшем же, не спорю, обидчиком был я. *(Снова протягивает ей руку.)*

Глория *(жмет его руку крепко и многозначительно)*. Смотрите же! Это опасная тема. Сердцем, моим несчастным, малодушным сердцем женщины, я, может быть, и с вами, но совесть моя с ней.

Крэмптон. Ну что ж, такое разделение меня вполне устраивает. Спасибо, дорогая.

Входит Валентайн. Глория тотчас напускает на себя высокомерие.

Валентайн. Прошу прощения. Но я не мог найти никого, кто бы обо мне доложил. Даже бессменный Уильям и тот, кажется, отправился на маскарад. Я бы и сам, впрочем, пошел, если б у меня было пять шиллингов на билет. Ну-с, Крэмптон, как мы себя чувствуем? Получше?

Крэмптон. Я пришел в себя, мистер Валентайн, хоть и не вашими молитвами.

Валентайн. Что за неблагодарный у вас отец, мисс Клэндон! Я избавил его от нестерпимой боли, а он еще меня поносит!

Глория *(холодно)*. Мистер Валентайн, моя мать скоро придет. Ведь еще нет девяти, а юрист — джентльмен, о котором говорил мистер Мак-Комас, — должен прийти ровно в девять.

Валентайн. Он уже здесь. Я встретил его и говорил с ним. *(Лукаво.)* Вам он понравится, мисс Клэндон: это олицетворение интеллекта, — так и слышишь, как он ворочает мозгами!

Глория *(игнорируя насмешку)*. Где же он?

Валентайн. Купил картонный нос и пошел на маскарад.

Крэмптон *(взглянув на часы, ворчливо)*. Да что они, сговорились, что ли, идти на маскарад, вместо того чтобы прийти сюда, как условлено?

Валентайн. Не беспокойтесь, он придет. Ведь то было полчаса назад. Я постеснялся попросить у него взаймы пять шиллингов, а то бы я и сам пошел; так что я стоял в толпе и любовался маскарадом из-за забора, пока мисс Клэндон не ушла в дом.

Глория. Иначе говоря, вы уже до того дошли, что преследуете меня повсюду и, не стесняясь людей, пялите на меня глаза.

Валентайн. Да, да! Прикажите посадить меня на цепь.

Глория поворачивается к нему спиной и направляется к камину. Проглотив обиду, как истинный философ, Валентайн идет в противоположный угол комнаты. В дверях появляется официант, пропуская вперед миссис Клэндон и Мак-Комаса.

Миссис Клэндон. Прошу прощения за то, что заставила себя ждать.

В дверях появляется гротескно-величественная фигура незнакомца в домино, с картонным носом и в очках.

Официант *(незнакомцу)*. Извините, сэр, вы не туда попали, сэр. С вашего разрешения, сэр, я проведу вас в бар и буфет, сэр. Пожалуйста сюда, сэр. *(Выходит в парк, показывая дорогу, в полной уверенности, что маска следует за ним.)*

Однако величественный незнакомец проходит прямо в комнату и, остановившись у стола, с неторопливой важностью движений снимает картонный нос, а затем домино; завернув нос в домино, кидает сверток на стол жестом чемпиона-боксера, швыряющего перчатку. Теперь видно, что это полный, высокий мужчина, в возрасте между сорока и пятьюдесятью, бритый, с жесткими черными, коротко подстриженными и напомаженными волосами, которые подчеркивают матовую бледность его лица — результат полночных бдений; его брови лоснятся, как обивка на мебели ранней викторианской эпохи. Физически и духовно это человек несколько грубоватый, зато ум его, изворотливый и ловкий, беспощадно остер. Один его вид, когда он появляется в комнате, достаточно внушителен и вызывает смутную тревогу; когда же он еще и заговорит, его мощный, грозный голос, чеканная дикция, безапелляционный тон и убийственно критическая манера выслушивать собеседника усугубляют производимое им впечатление до предела, и он становится положительно страшным.

Незнакомец. Моя фамилия Бун.

Всеобщий трепет.

Я имею честь говорить с миссис Клэндон?

Она кланяется. Бун кланяется.

Мисс Клэндон?

Глория кланяется. Бун кланяется.

Мистер Клэндон?

Крэмптон *(отстаивая свое достоинство, насколько хватает духу)*. Моя фамилия Крэмптон, сэр.

Бун. Вот как! *(Потеряв всякий интерес к нему, поворачивается к Валентайну.)* Может быть, вы мистер Клэндон?

Валентайн *(решившись ни за что не поддаваться ему)*. Неужели я произвожу такое впечатление? Моя фамилия Валентайн. Это я давал наркоз.

Бун. Понимаю. Значит, мистер Клэндон еще не прибыл?

Официант *(появляется в двери, встревоженный)*. Прошу прощения, мэм; не знаете ли вы, куда девался тот... *(Узнает Буна и теряет все свое самообладание.)*

Бун неподвижно выжидает, чтобы официант пришел в себя.

Прошу прощенья, сэр... право, сэр... *(Убитым голосом.)* Так это... был ты?

Бун *(безжалостно)*. Это был я.

Официант *(не в силах сдержать слезы)*. Ты, Уолтер, с картонным носом! *(Хватается за спинку стула, чтобы не упасть.)* Прошу прощения, мэм. Право... легкое головокружение...

Бун *(повелительным тоном)*. Вы его, конечно, извините, миссис Клэндон, когда узнаете, что это мой отец.

Официант *(в отчаянии)*. Нет, нет, Уолтер! Мало тебе картонного носа, так у тебя еще отец — официант! Что они только подумают о тебе?

Миссис Клэндон. Мистер Бун, я в восторге. Мы тут все очень подружились с вашим отцом, с самого первого дня.

Бун важно кланяется.

Официант *(мотая головой)*. Помилуйте, мэм! Вы очень добры, мэм, очень любезны и снисходительны. Но, право, пусть все остается по-прежнему. А вы, мэм, забудьте, пожалуйста, что я отец этого джентльмена, — ведь это всего лишь случай, игра природы, мэм. Вы меня, конечно, извините, что я отвлек вас от дела. *(Перехватываясь от стула к стулу, продвигается вдоль стола по направлению к выходу.)*

Бун. Минутку!

Скрепя сердце официант останавливается.

Мой отец был свидетелем событий, которые имели место сегодня, — не так ли, миссис Клэндон?

Миссис Клэндон. Да, он как будто был здесь почти все время.

Бун. В таком случае он нам понадобится.

Официант *(жалобно)*. Ах, сэр, может быть вы обойдетесь без меня? У меня сегодня столько дела с этим маскарадом, столько дела, сэр!

Бун *(неумолимо)*. Вы нам будете нужны.

Миссис Клэндон *(вежливо)*. Вы бы присели.

Официант *(с жаром)*. Увольте, мэм. Это было бы уже слишком. Чтоб меня тут видели сидящим — это невозможно, мэм. Тем не менее я вам очень благодарен, мэм. *(Обводит присутствующих страдальческим взглядом, от которого растопился бы и камень.)*

Глория. Не будем тратить время попусту. Уильям просто-напросто хочет продолжать обслуживать нас, как прежде. А я бы не прочь выпить чашку кофе.

Официант *(приметно оживляясь)*. Кофе, мисс? *(Со вздохом облегчения.)* Сию минуту, мисс! Благодарю вас, мисс. Весьма своевременно, мисс. Вы очень чутки и внимательны, мисс. *(К миссис Клэндон, с робкой надеждой.)* Не угодно ли вам чего-нибудь, мэм?

Миссис Клэндон. Мм... Ах да! Тут так жарко, что, я думаю, нам бы всем не мешало выпить крюшону.

Официант *(просияв)*. Крюшону, мэм! Отлично, мэм!

Глория. А пожалуй, и я предпочла бы крюшон. Да положите туда кусок огурца.

Официант *(в восторге)*. Огурчик, мисс! Да, мисс. *(Буну.)* Вам, сэр? Вы ведь не любите огурцы, сэр.

Бун. Если миссис Клэндон позволит... виски шотландского с содовой.

Официант. Очень хорошо, сэр. *(Крэмптону.)* Вы, кажется, предпочитаете ирландское, сэр?

Крэмптон крякает в знак одобрения. Официант смотрит вопросительно на Валентайна.

Валентайн. Я люблю огурцы.

Официант. Очень хорошо, сэр. *(Подытоживая.)* Крюшон, виски с содовой, один шотландского, один ирландского?

Миссис Клэндон. Как будто так.

Официант *(окончательно придя в себя)*. Очень хорошо, мэм. Сию минуту, мэм. Благодарю вас. *(Ковыляющей походкой проходит в парк; в какие-нибудь пятьдесят секунд он пробежал всю гамму человеческих переживаний — от мрачного отчаяния до райского блаженства.)*

Мак-Комас. Ну что ж, можно начинать?

Бун. Надо дождаться супруга миссис Клэндон.

Крэмптон. Это то есть как? Я ее супруг.

Бун *(тотчас придираясь к несоответствию между после ним и предыдущим его заявлением)*. Но ведь вы только что сами сказали, что ваша фамилия Крэмптон.

Крэмптон. Ну да.

Миссис Клэндон, Глория, Мак-Комас, Валентайн *(все четверо одновременно)*. Я... Моя... Миссис... Вы...

Бун *(заглушая всех двумя словами, сказанными громовым голосом)*. Одну минутку!

Мертвая тишина.

Позвольте. Попрошу всех сесть.

Все повинуются. Глория садится на мягкий стул возле камина. Валентайн пробирается в тот же угол и садится на оттоманку, лицом к стеклянной двери, — так, чтобы видеть Глорию. Крэмптон тоже садится на оттоманку, спиной к Валентайну. Миссис Клэндон, которая все время держится в другом конце комнаты — подальше от Крэмптона, усаживается у двери; Мак-Комас рядом с ней, по ее левую руку. Бун, входя в роль судьи, занимает место в центре всей группы у конца стола, ближайшего к миссис Клэндон.

(Выждав, чтобы все уселись, и пригвоздив Крэмптона взглядом.) В данной семье мы имеем мужа по фамилии Крэмптон и жену, которая носит фамилию Клэндон. Таким образом, в самом начале рассматриваемого нами дела мы наталкиваемся на некоторую путаницу.

Валентайн *(встает, опираясь одним коленом об оттоманку)*. Но ведь это очень просто...

Бун *(изничтожая его очередным громоизвержением)*. Разумеется, просто: миссис Клэндон приняла другую фамилию. Вы боялись, что я сам не набреду на это довольно элементарное объяснение факта? Вы недооцениваете мои умственные способности, мистер Валентайн... *(Валентайн хочет возразить, но он предупреждает его.)* Нет, нет, не отвечайте, — мне не это нужно. Мне нужно, чтобы вы, когда у вас следующий раз появится желание перебить меня, сперва подумали о том, что я сейчас сказал.

Валентайн *(ошеломленный)*. Но ведь это же — из пушки по воробьям! Какой в этом смысл? *(Снова садится.)*

Бун. А вот какой, сэр. Для того чтобы уладить это семейное недоразумение, — а мы все надеемся, что оно уладится, —

необходимо, приличия ради, а также и для удобства, либо чтобы миссис Клэндон вновь приняла фамилию своего мужа...

На лице миссис Клэндон появляется выражение непоколебимой решимости.

...либо чтобы мистер Крэмптон согласился впредь называться мистером Клэндоном.

По лицу Крэмптона видно, что он ни за что на это не пойдет.

Конечно, мистер Валентайн, вам все это кажется проще простого. *(Смотрит выразительно на миссис Клэндон, потом на Крэмптона.)* Я держусь иного мнения. *(Откидывается на спинку стула и грозно хмурится.)*

Мак-Комас *(робко)*. Мне кажется, Бун, что нам бы следовало сперва разделаться с основными вопросами.

Бун. Основные вопросы не представляют трудностей, Мак-Комас. Это – правило. А вот именно из-за мелочей-то мы и терпим кораблекрушение перед самым входом в гавань.

Видно, что Мак-Комас воспринимает это утверждение как парадокс.

Вы со мной не согласны?

Мак-Комас *(заискивающе)*. Будь я согласен...

Бун *(перебивая)*. Будь вы согласны, вы были бы мной, а не тем, что вы есть.

Мак-Комас *(подобострастно)*. Конечно, Бун, ваша специальность...

Бун *(еще раз перебивая его)*. Моя специальность – быть правым там, где другие ошибаются. Если бы вы были со мной согласны, мне бы нечего было здесь делать. *(Кивает для усиления эффекта; затем внезапно и резко поворачивается к Крэмптону.)* Теперь займемся вами, мистер Крэмптон. Что вас лично больше всего интересует в этом деле?

Крэмптон *(медленно)*. Я бы хотел отрешиться от всех личных соображений...

Бун *(перебивая его)*. Этого хочет каждый из нас. *(К миссис Клэндон.)* Вы ведь тоже хотите отрешиться от всего личного, миссис Клэндон?

Миссис Клэндон. Конечно. Мне эта беседа особого удовольствия не доставляет.

Бун. И вы также, мисс Клэндон?

Глория. Да.

Бун. Я так и полагал. Мы все хотим одного.

Валентайн. Кроме меня. Мои цели полностью эгоистичны.

Бун. Это оттого, что вы думаете, будто, прикидываясь откровенным, вы произведете лучшее впечатление на мисс Клэндон, чем если бы прикинулись бескорыстным.

Валентайн, разбитый наголову этим справедливым замечанием, ограничивается вместо ответа вымученной улыбкой. Бун, довольный тем, что окончательно подавил мятеж, снова откидывается на спинку стула; на лице его написана готовность терпеливо выслушивать все претензии.

Ну что ж, мистер Крэмптон, продолжайте. Итак, все личные соображения побоку. Человек так устроен, что всегда начинает с подобного заявления.

Крэмптон. Но у меня это не пустые слова, сэр.

Бун. Разумеется. Так чего бы вы хотели?

Крэмптон. Всякий разумный человек признает бескорыстие моих желаний. Они касаются моих детей.

Бун. Ну? Так что же ваши дети?

Крэмптон *(волнуясь)*. Они...

Бун *(резко наклоняясь вперед)*. Минутку! Вы собираетесь рассказать мне о своих переживаниях, мистер Крэмптон. Не надо: я сочувствую вам, но они меня не касаются. Объясните точно, чего вы хотите, — вот что нам надо выяснить.

Крэмптон *(обескураженный)*. На этот вопрос очень трудно ответить, мистер Бун.

Бун. Попробую помочь. Что вас беспокоит в детях?

Крэмптон. Меня беспокоит то, как их воспитали.

Брови у миссис Клэндон грозно сдвигаются.

Бун. Что же вы предлагаете?

Крэмптон. Я считаю, что им следует одеваться поскромнее.

Валентайн. Чепуха!

Бун *(резко откидываясь на спинку стула, возмущенный его вмешательством)*. Продолжайте, мистер Валентайн, я подожду.

Валентайн. Костюм мисс Клэндон безупречен!

Крэмптон *(горячась, Валентайну)*. Вашего мнения не спрашивают!

Глория *(предостерегающе)*. Отец!

Крэмптон *(с жалким смирением)*. Я ведь не тебя имел в виду, дорогая! *(К Буну с горячей мольбой)*. Но младшие! Вы их еще не видели, мистер Бун. Я уверен, что вы согласились бы, что в их манере одеваться есть что-то вызывающее, беспечное и даже легкомысленное.

Миссис Клэндон *(теряя терпение)*. Неужели вы думаете, что я распоряжаюсь их гардеробом? Право же, это смешно.

Крэмптон *(в гневе, вставая)*. Смешно?!

Миссис Клэндон в негодовании встает.

Мак-Комас, Валентайн, Глория *(встают и говорят одновременно)*.
Крэмптон, вы обещали...
Глупости, они прелестно одеваются!
Давайте же, наконец, говорить серьезно!

Общий переполох. Из смежной комнаты раздается предостерегающий звон бокалов. Все виновато оглядываются: оказывается, официант только что вернулся из буфета в парке и бренчит подносом, мягко ступая по направлению к столу. Мертвая тишина.

Официант *(Крэмптону, ставя на стол рюмку)*. Вам, сэр, ирландского.

Крэмптон несколько сконфуженно садится.

(Ставит еще одну рюмку и сифон, обращаясь к Буну.) Шотландское с содовой, сэр.

Бун нетерпеливо отмахивается.

(Ставит на стол большой кувшин и три бокала.) А вот крюшон.

Все опускаются на свои места. Воцаряется тишина.

Миссис Клэндон. Мы вас, кажется, прервали, мистер Бун?

Бун *(спокойно)*. Да. *(Официанту, который собирался уже уходить.)* Погодите минуточку.

Официант. Хорошо, сэр. Отлично, сэр. *(Становится позади Буна.)*

Миссис Клэндон *(официанту)*. Вы не сердитесь, что мы вас задерживаем? Это желание мистера Буна.

Официант *(который успел вполне оправиться)*. Нисколько, мэм, помилуйте. Мне доставляет удовольствие следить

за работой его мощного и методичного ума, — это очень полезно, мэм, весьма даже интересно и поучительно, мэм.

Бун *(вновь забирая бразды в свои руки)*. Так как же, мистер Крэмптон? Мы вас ждем. Снимаете ли вы свои возражения против их манеры одеваться или нет?

Крэмптон *(жалобно)*. Мистер Бун, войдите в мое положение хоть на минутку! Ведь мне приходилось думать не об одном себе, у меня же еще есть сестра Софрония, и зять, и весь их круг. Они боятся всего, что является — как бы это выразиться? — несколько... э... э...

Бун. Да говорите, не стесняйтесь! Вызывающим? Крикливым? Легкомысленным?

Крэмптон. Я не в каком-нибудь там предосудительном смысле, конечно, но... но... *(выпаливая разом)* эти дети шокировали бы их. Им нельзя общаться с собственной родней. Вот к чему сводятся мои жалобы.

Миссис Клэндон *(со сдержанным гневом)*. Мистер Валентайн, вы находите, что Фил и Долли одеты крикливо и вызывающе?

Валентайн. Нисколько. Все это чушь несусветная. У них великолепный вкус.

Крэмптон. Нашли кого спрашивать!

Миссис Клэндон. Уильям, вам часто приходится видеть людей из высшего английского общества. Вы находите какие-нибудь излишества в туалете моих детей?

Официант *(успокоительно)*. Помилуйте, мэм! *(Убежденно.)* Нет, сэр, вовсе нет. Нарядно, конечно, и не без шика, но все выдержано в самом хорошем тоне и вполне изысканно, в высшей степени элегантно и благородно. Уверяю вас, сэр. Они вполне сошли бы за детей какого-нибудь духовного лица, сэр; уверяю вас, сэр. Достаточно взглянуть на них, сэр, чтобы...

В этот момент, кружась под звуки вальса, доносящегося из парка, в комнату врывается пара: Арлекин и Коломбина. Костюм Арлекина сшит из чередующихся золотых и бирюзовых ромбов, в дюйм величиною каждый. В руке у него позолоченный прутик, маска поднята. Юбка Коломбины представляет собой спелое поле — на золотисто-оранжевом фоне пунцовые маки; коротенький бархатный корсаж символизирует тычинки маков. Прелестным, ослепительным видением Арлекин и Коломбина проплывают между Мак-Комасом и Буном, а затем по

кругу возвращаются к столу и с заключительным аккордом вальса застывают посреди комнаты; Арлекин становится на левое колено, Коломбина на его правое колено, держа чуть согнутые в локтях руки над головой. В то время как танец их был преисполнен грации, «поза» их не особенно удачна и грозит катастрофой.

Коломбина *(пронзительно)*. Снимите меня кто-нибудь! Я сейчас упаду. Папа, сними меня!

Крэмптон *(заботливо подбегая к ней, протягивает ей руки)*. Деточка!

Долли *(соскакивая с его помощью)*. Спасибо! Какой ты милый!

Филип садится на край стола и наливает себе крюшону. Крэмптон в сильном замешательстве возвращается на диван.

Как весело! Ах, как весело! *(Прыжком садится на передний край стола, запыхавшись.)* Ой, крюшон! *(Пьет.)*

Бун *(раскатистым басом)*. Это и есть младшая дочь?

Долли *(испуганная его грозным голосом и манерой, соскакивает со стола)*. Да, сэр. А вы кто, сэр?

Миссис Клэндон. Долли, это мистер Бун. Он любезно согласился нам помочь.

Крэмптон. Мистер Бун! Мак-Комас! Я обращаюсь к вам. Куда это годится? И разве не вправе семья моей сестры протестовать против такого?

Долли *(вспыхивая румянцем — предвестником грозы)*. Вы опять?

Крэмптон *(заискивающе)*. Нет, нет. В твоем возрасте оно, должно быть, естественно.

Долли *(упрямо)*. Оставим мой возраст в покое. У меня красивый костюм?

Крэмптон. Красивый, красивый, детка. *(Садится в знак покорности.)*

Долли *(не унимаясь)*. Вам нравится?

Крэмптон. Дитя мое, неужели ты не понимаешь, что мне не может понравиться подобный наряд, что я не могу его одобрить?

Долли *(решив не давать ему спуску)*. Вы признаете, что он красивый, и все-таки он вам не нравится, — не понимаю!

Мак-Комас *(встает, скандализованный)*. Ну, знаете...

Бун, который все время слушал Долли с видимым одобрением, напускается на Мак-Комаса.

Бун. Нет, Мак-Комас, не перебивайте! У барышни совершенно правильный метод. *(К Долли, очень настойчиво.)* Продолжайте, мисс Клэндон, продолжайте!

Долли *(поворачиваясь к Буну)*. Какой вы, однако, оглушительный! Вы всегда такой?

Бун *(поднимаясь)*. Да. И не думайте меня сбить, барышня, вы для этого еще молоды. *(Берет стул, на котором сидел Мак-Комас, и ставит его рядом со своим.)* Садитесь!

Долли повинуется, как зачарованная; Бун тоже садится. Мак-Комас, оставшись без места, садится на стул по другую сторону стола, около оттоманки.

Ну-с, мистер Крэмптон, факты налицо — оба факта. Вы только думаете, будто бы хотите, чтобы ваши младшие дети жили с вами. А на самом деле вы этого не хотите.

Крэмптон пытается возражать, но с Буном шутки плохи.

Нет, нет, не хотите. Вы только думаете, что хотите. Позвольте уж мне знать. Вы бы потребовали, например, чтобы эта барышня перестала наряжаться Коломбиной — вечером маскарадной, а днем светской. Но она никогда не перестала бы, никогда. Она думает, что перестала бы...

Долли *(перебивая)*. Ничего я не думаю! *(Решительно.)* Я никогда не перестану носить красивые вещи. Никогда. Как сказала Глория тому человеку на Мадейре: «Никогда, никогда, никогда! Покуда трава не перестанет расти, покуда вода не иссякнет в земле».

Валентайн *(вставая, в страшном волнении)*. Что? Что?! *(Почти скороговоркой.)* Когда она это говорила? Кому она это говорила?

Бун *(откидываясь на спинку стула; солидно и снисходительно)*. Мистер Валентайн!

Валентайн *(горячась)*. Не перебивайте меня, сэр! Это уже в самом деле серьезный вопрос. Я должен знать, кому мисс Клэндон говорила такие слова?

Долли. Может быть, Фил помнит. Фил, это который номер? Третий или пятый?

Валентайн. Пятый?!

Филип. Выше голову, Валентайн! Это был не пятый номер, а всего-навсего безобидный морской офицер, сверх программы, — самый смирный и терпеливый из смертных.

Глория *(холодно)*. О чем, собственно, идет разговор?

Валентайн *(совершенно пунцовый)*. Прошу прощения. Извините, что перебил. Я больше не стану мешать, миссис Клэндон. *(Поклонившись миссис Клэндон, торжественно удаляется в парк, унося в груди бурю гнева.)*

Долли. М-хм!

Филип. Ага!

Глория. Мистер Бун, продолжайте, будьте добры.

Долли *(воспользовавшись тем, что Бун, грозно хмурясь, собирается с силами для новой схватки)*. Вот вы сейчас будете нас терроризировать, мистер Бун!

Бун. Я...

Долли *(перебивая)*. Да, да, да. Вы думаете, что не будете, а вот будете. Я по бровям вижу, что будете.

Бун *(сдаваясь)*. Миссис Клэндон, у вас очень умные дети, с ясной головой, прекрасно воспитанные. И я сознательно делаю это заявление. Не можете ли вы со своей стороны указать мне способ заставить их помолчать?

Миссис Клэндон. Долли, милая!..

Филип. Наш обычный грех, Долли. Молчок!

Долли зажимает рот рукой.

Миссис Клэндон. Ну вот, мистер Бун, пока они не начали...

Официант *(вполголоса)*. Торопитесь, сэр, торопитесь!

Долли *(с лучезарной улыбкой)*. Милый Уильям!

Филип. Тсс!

Бун *(внезапно открывая кампанию вопросом к Долли)*. Вы намерены выйти замуж?

Долли. Я? Да вот Финч, например, называет меня по имени.

Мак-Комас *(резко вздрогнув)*. Это ни на что не похоже! Мистер Бун! В том, что я обращаюсь к этой барышне по имени, нет ничего удивительного. Ведь я старый друг ее матери.

Долли. Положим, вы называете меня «Долли» в качестве старого друга моей матери; ну-с, а как вы объясните «Доротею»?

Мак-Комас встает с видом оскорбленного достоинства.

Крэмптон *(встревожившись, встает, чтобы остановить его)*. Успокойтесь, Мак-Комас. Не будем ссориться! Наберитесь терпения.

Мак-Комас. Не желаю я набираться терпения! Крэмптон, вы проявляете самое жалкое малодушие. Я утверждаю, что это чудовищно.

Долли. Мистер Бун, постращайте, пожалуйста, Финча за нас.

Бун. Непременно. Мак-Комас, вы ведете себя неумно. Садитесь.

Мак-Комас. Я...

Бун *(повелительно машет ему рукой)*. А я говорю: садитесь! Ну?

Мак-Комас угрюмо садится. Крэмптон, успокоившись, следует его примеру.

Долли *(смиренно Буну)*. Спасибо.

Бун. Теперь слушайте меня все. Не стану разбирать сейчас, в какой степени вы скомпрометированы в смысле, указанном этой молодой особой.

Мак-Комас пытается возразить.

Нет, не перебивайте меня. Так или иначе — она выйдет замуж: за вас ли, за другого — все равно. Таким образом разрешается трудность, возникающая в связи с тем, что она не носит фамилию своего отца. Старшая дочь во всяком случае собирается замуж.

Глория *(вспыхнув)*. Мистер Бун!

Бун. Ну конечно же собираетесь. Вы можете этого не знать, но это так.

Глория *(вставая)*. Погодите! Я просила бы вас, мистер Бун, не навязывать мне намерений, которых у меня нет.

Бун *(вставая)*. Напрасно, мисс Клэндон, — вам меня не сбить. Я утверждаю, что в скором времени вы не будете называться ни Клэндон, ни Крэмптон; я даже мог бы сказать, как именно вы будете называться. *(Направляется к противоположному концу стола, берет свое домино.)*

Все встают. Фил идет к стеклянной двери. Бун жестом подзывает официанта, чтобы тот помог ему облачиться.

Мистер Крэмптон, ваша затея обратиться в суд — чепуха: прежде чем там решится вопрос, ваши дети достигнут совершеннолетия. *(Подставляя плечи официанту, который накидывает на него домино.)* Единственное, на что вы можете рассчитывать, это на полюбовное соглашение. Если ваша семья нужна вам больше, чем вы нужны ей, — прогадаете вы; если же вы нужны им больше, чем они вам, — прогадают они. *(Встряхивается, чтобы домино ниспадало красивыми складками, и берет в руки картонный нос.)*

Долли смотрит на него с восхищением.

Их сила заключается в их личном обаянии. Ваша — в ваших доходах. *(Надевает нос, и его облик снова обретает гротескное величие.)*

Долли *(подбегая к нему)*. Вот теперь вы стали похожи на человека! Мне так хочется потанцевать с вами! Вы танцуете?

Фил входит в роль Арлекина и взмахивает своим прутиком, как бы колдуя.

Бун *(громовым голосом)*. Да! Вы думаете, что я не танцую, а я танцую. Разрешите! *(Подхватывает ее и энергично, но вместе с тем с подчеркнутой корректностью и изяществом, танцуя, мчит ее в сад через стеклянную дверь.)*

Филип. «Мы будем танцевать, и пусть кипит веселье!» Уильям!

Официант. Да, сэр?

Филип. Не можете ли вы достать парочку домино и картонных носов для моего отца и мистера Мак-Комаса?

Мак-Комас. Ни в коем случае. Я протестую.

Крэмптон. Отчего же? Что нам сделается, Мак-Комас? Попробуем один разок. Не будем портить им праздника!

Мак-Комас. Крэмптон, я ошибся в вас. *(Ядовито.)* Скандалисты всегда оказываются трусами. *(Мрачно направляется к двери в парк.)*

Крэмптон *(следуя за ним)*. Ну, ничего! Надо же их когда-нибудь и побаловать. Официант, вы можете раздобыть нам какой-нибудь наряд?

Официант. Сию минуту, сэр. *(Опережает их на пути к стеклянной двери, затем сторонится, чтобы пропустить их вперед.)* Пожалуйте, сэр. Значит, два домино и два носа, сэр?

Мак-Комас *(сердито, проходя в дверь)*. Я желаю сохранить свой собственный нос.

Официант *(обходительно)*. Конечно, сэр! Картонный нос будет сидеть на нем как нельзя лучше, сэр: он очень просторный, сэр, весьма просторный. *(Выходит вслед за Мак-Комасом.)*

Крэмптон *(повернувшись в дверях, обращается к Филипу, стараясь придать своему голосу отцовскую непринужденность)*. Идем, мой мальчик, идем! *(Выходит.)*

Филип *(весело, следуя за ним)*. Иду, папочка! *(Останавливается на пороге, глядит вслед Крэмптону, затем делает пируэт, согнув прутик над головой в виде нимба; понизив*

голос, к миссис Клэндон и Глории.) Вы оценили сию трогательную сцену? *(Исчезает.)*

Миссис Клэндон *(оставшись наедине с Глорией)*. Интересно, почему мистер Валентайн так внезапно ушел?

Глория *(капризно)*. Не знаю. Впрочем... знаю. Пойдем посмотрим на танцы.

Идут к двери в парк, навстречу им входит из парка Валентайн; он шагает быстро, с мрачной решимостью на лице.

Валентайн *(сухо)*. Извините; я думал, все разошлись.

Глория *(придирчиво)*. Зачем же вы тогда вернулись сюда?

Валентайн. Я вернулся оттого, что у меня нет ни гроша. Для того чтобы выйти тем ходом, нужно заплатить пять шиллингов за билет.

Миссис Клэндон. Вы чем-то расстроены, мистер Валентайн?

Глория. Не обращай на него внимания, мама. Он просто хочет лишний раз оскорбить меня, вот и все.

Миссис Клэндон *(ей трудно поверить, чтобы ее Глория умышленно провоцировала пошлую перебранку)*. Глория!

Валентайн. Миссис Клэндон, вы находите что-нибудь оскорбительное в моих словах или поступках?

Глория. Вы меня смертельно оскорбили. Вы дали понять, что мое прошлое походит на ваше.

Валентайн. Ничего подобного. Я убежден, что по сравнению с вами я просто святой.

Миссис Клэндон *(возмущенная до глубины души)*. Мистер Валентайн!

Валентайн. А что прикажете мне думать, когда я узнаю, что мисс Клэндон говорила другим те же слова, что и мне? Пять поклонников до меня, не говоря о безобидном морском офицере сверх программы! Ах, это ужасно!

Миссис Клэндон. Но, мистер Валентайн, ведь дети пошутили! Неужели вы можете относиться к этим романам всерьез?

Валентайн. Для вас они несерьезны, да, верно, и для нее тоже. Но я-то знаю, что должны были чувствовать сами мужчины. *(Входит в раж.)* Подумали ли вы о разбитых жизнях, о браках, заключенных с отчаянья, о самоубийствах, о... о... о...

Глория *(презрительно перебивая его)*. Мама, это какой-то сентиментальный идиот и больше ничего. *(Шествует к камину.)*

Миссис Клэндон *(ужаснувшись)*. Глория, дорогая моя, ведь мистер Валентайн может обидеться.

Валентайн. Нет, я не сентиментальный идиот. Я теперь навеки излечился от сантиментов. *(Сердито отворачивается.)*

Миссис Клэндон. Мистер Валентайн, я должна просить вашего снисхождения. Ведь прежде чем приобрести манеры, приличные свободным людям, женщине приходится отвыкать от мнимо хороших манер, которые она усвоила в рабстве. Не подумайте, что Глория вульгарна на самом деле.

Глория изумленно поворачивается к ней.

Глория. Мама! Ты еще перед ним извиняешься за меня!

Миссис Клэндон. Друг мой, кроме достоинств, присущих молодости, ты обладаешь еще и некоторыми ее недостатками. К тому же мистер Валентайн как будто придерживается традиционного взгляда на свой пол, и поэтому вряд ли ему особенно приятно, когда его называют идиотом. Однако не мешало бы нам взглянуть на Долли. *(Направляется к двери в парк.)*

Глория. Иди одна, мама. Мне надо поговорить с мистером Валентайном наедине.

Миссис Клэндон *(растерявшись от неожиданности, с укором)*. Дорогая моя! *(Спохватившись.)* Впрочем, извини. Раз тебе это нужно, оставайся, конечно. *(Выходит.)*

Валентайн. Как жаль, что ваша мать не вдова! Она стоит полдюжины таких, как вы.

Глория. За все время это первый раз, что вы сказали путное слово.

Валентайн. А, бросьте! Говорите скорее, что вам нужно, и отпустите меня.

Глория. Я хочу сказать лишь вот что: сегодня вы на какой-то один момент заставили меня опуститься до вашего уровня. Но неужели вы не понимаете, что если бы такое со мной когда-нибудь уже случалось, я бы знала, как уберечься, была бы начеку, знала бы о своей проклятой слабости?

Валентайн *(с жаром напускается на нее)*. Не смейте говорить об этом в таком тоне! Мне ни до чего нет дела, кроме того, что вам угодно называть вашей слабостью! Вы думали, что вы в полной безопасности, да? Что вас спасут ваши передовые идеи? Ну, а мне, видите ли, при-

шло в голову поразвлечься: подошел и без особого труда с этими вашими идеями разделался.

Глория *(дерзко, поняв, что он теперь в ее руках)*. Скажите на милость!

Валентайн. Вы спросите, зачем мне это понадобилось? Меня увлекла мысль разбудить ваше сердце, расшевелить вашу душу. Почему эта мысль меня увлекла? Потому что природа, с которой я вздумал было шутки шутить, не захотела шутить со мной. В решительную минуту чье сердце проснулось? Чья душа расшевелилась? Кто был задет за живое? Мое сердце, моя душа, я сам! Я не помнил себя от блаженства! А вы? Вы почувствовали себя оскорбленной, шокированной — и только. Вы всего-навсего обыкновенная барышня,— такая обыкновенная, что никогда бы не позволили каким-нибудь безобидным морским офицерам того, что позволили мне. Вот и все. Не стану утруждать вас светскими извинениями. Прощайте. *(Решительно направляется к двери.)*

Глория. Стойте!

Он задерживается.

Ах, поймете ли вы меня, если я вам скажу правду? Не примете ли вы это за кокетство?

Валентайн. Вздор! Как будто я не знаю, что вы собираетесь сказать! Вы не считаете себя обыкновенной и хотите сказать, что я был прав,— у вас есть душа. Что ж, вам приятно так думать.

Она отворачивается.

Ну, хорошо, я допускаю, что вы не совсем обыкновенная девушка,— вы умная девушка!

Глория подавляет гневный возглас и делает шаг вперед.

Но вас еще не разбудили. Вы ничего не чувствовали, да и сейчас не чувствуете. Это моя трагедия, а не ваша. Прощайте! *(Поворачивается к двери. Она смотрит на него; мысль, что он может выскользнуть у нее из рук, повергает ее в ужас. Готовясь уже открыть дверь, он оборачивается и протягивает ей руку.)* Расстанемся друзьями?

Глория *(испытывая огромное облегчение, но тотчас демонстративно поворачиваясь к нему спиной)*. Прощайте. Надеюсь, вы скоро оправитесь от раны.

Валентайн *(пораженный радостным открытием, что хозяин положения все же он, а не она)*. Я-то оправлюсь.

Подобные раны скорее полезны, нежели вредны. В конце концов у меня остается моя собственная Глория.

Глория *(резко оборачивается к нему)*. Это какая же такая ваша Глория?

Валентайн. Глория, созданная моим воображением.

Глория *(гордо)*. Ну и берегите себе свою Глорию, свою выдуманную Глорию! *(Чувство, однако, начинает брать верх над гордостью.)* Настоящая же Глория, та Глория, которая была оскорблена, застигнута врасплох, которая была в ужасе – да, да, это сущая правда! – которая чуть с ума не сошла от стыда, когда почувствовала, что теряет всякую власть над собой при первом же столкновении с... с... с... *(Кровь приливает к ее щекам. Она закрывает лицо левой рукой, правой же опирается на его левое плечо.)*

Валентайн. Берегитесь! Я, кажется, снова теряю голову!

Собравшись с мужеством, Глория отнимает руку от лица и кладет ее на его правое плечо, поворачивая его к себе и глядя ему прямо в глаза. Он взволнован, пытается протестовать.

Глория! Будьте же разумны! К чему все это? Ведь у меня ни гроша за душой.

Глория. Неужели вы не можете зарабатывать, как люди?

Валентайн *(и обрадован и испуган одновременно)*. Я никогда не посмел бы... Вы были бы несчастны... Любовь моя, дорогая! Но ведь я был бы последним авантюристом, охотником за приданым, если бы...

Она еще крепче стискивает его руки, затем целует его.

О господи! *(Задыхаясь.)* Ах, я... *(Обрывает.)* Ничего-то я не понимаю в женщинах. Оказывается, двенадцатилетний опыт – ничто!

В порыве ревности она отшвыривает его от себя, и он летит, как лист на ветру, и попадает прямо в кресло. Появляется Долли, вальсируя с официантом; за ними, тоже вальсируя, появляются миссис Клэндон и Финч, и, наконец, Фил, который кружится в одиночку.

Долли *(опускаясь на стул подле письменного стола)*. Ой, я больше не могу! Как вы замечательно танцуете, Уильям!

Миссис Клэндон *(опускаясь в кресло подле камина)*. Ах, Финч, ну куда это годится? Ведь последний раз я танцевала в Лондоне, двадцать лет тому назад.

Глория *(повелительно, Валентайну)*. Встаньте!

Валентайн понуро встает.

Отбросим ложный стыд. Сообщите моей матери, что мы решили пожениться.

Все ошеломленно молчат. Валентайн, онемев от ужаса, озирается по сторонам с очевидным желанием убежать.

Долли *(нарушая молчание)*. Шестой!

Филип. Тссс!

Долли *(бурно)*. Ой, я не могу! Я должна кого-нибудь поцеловать, но у нас в семье это не принято. Где Финч?

Мак-Комас. Нет, категорически!

В дверях появляется Крэмптон.

Долли *(подбегая к Крэмптону)*. Вот кстати! *(Целует его.)* А теперь *(ведя его за собой)* благословите их!

Глория. Нет. Я не потерплю этого даже в шутку. Если мне понадобится чье-нибудь благословение, я его попрошу у своей матери.

Крэмптон *(глубоко огорченный, Глории)*. Ты что же, помолвлена с этим молодым человеком, так надо понимать?

Глория *(решительно)*. Да. Намерены ли вы быть нам другом или...

Долли. Отцом?

Крэмптон. Я бы хотел быть и тем и другим, дитя мое. Но неужели... Мистер Валентайн! Я взываю к вашей порядочности.

Валентайн. Вы совершенно правы. Все это сущее безумие. Если бы мы захотели пойти потанцевать, мне пришлось бы просить у нее взаймы пять шиллингов на билет. Глория, не будьте опрометчивы, не губите вы себя. Лучше мне выбраться отсюда подобру-поздорову, пока не поздно, и больше никогда ни с кем из вас не встречаться. Я не стану кончать с собой, я даже не очень буду страдать. Наоборот, мне так будет лучше: я... я боюсь, ей-богу, боюсь. Вот и все, как на духу.

Глория *(решительно)*. Вы никуда не пойдете.

Валентайн *(трепеща)*. Конечно, нет, дорогая, никуда, никуда. Только... Ах, хоть бы кто-нибудь сказал два толковых слова и вправил бы нам всем мозги! Лично я не в состоянии. Где Бун? Вот бы его сюда! Фил, пойдите и позовите к нам Буна.

Филип. «Я вызову его из пропасти безбрежной». Лечу! *(Взмахивает прутиком и исчезает.)*

Официант *(мелодично, Валентайну).* Разрешите вставить словечко, сэр? Пять шиллингов не должны служить препятствием к вашему счастью, сэр. Мы с радостью запишем стоимость билета вам в кредит, а уж вы расплатитесь, когда вам будет удобно. Всегда рад служить вам, сэр. Весьма, весьма счастлив и доволен, сэр.

Филип *(вновь появляясь).* Грядет! *(Взмахивает прутиком перед дверью.)*

Входит Бун, на ходу снимая картонный нос, и, кинув его на стол, становится между Глорией и Валентайном.

Валентайн. Мистер Бун, дело в том, что...

Мак-Комас *(перебивает, со своего места у камина).* Прошу прощения, сэр! Это дело должен изложить юрист. Вот как стоит вопрос. Эта молодая девица и этот молодой джентльмен желают вступить в брак. Девица обладает некоторым состоянием, которое *(глядя в сторону Крэмптона),* по всей вероятности, со временем еще увеличится.

Крэмптон. Возможно, возможно. Будем надеяться.

Валентайн. А у джентльмена — ни гроша.

Бун *(тотчас реагируя на это заявление, Валентайну).* В таком случае настаивайте на том, чтобы вам выделили часть. Это оскорбляет вашу чувствительность? Разумная предосторожность всегда оскорбляет чувствительность. Но вы обращаетесь ко мне за советом, и я его вам даю. Настаивайте на раздельном имуществе.

Глория *(гордо).* У него будет своя часть.

Валентайн. Послушайте, сэр, я не для себя прошу совета. Вы ей дайте совет.

Бун. Она ему не последует. Когда вы поженитесь, она и ваших советов не станет слушать... *(Резко поворачиваясь к Глории.)* Конечно, не станете. Вы думаете, что станете, но вы не станете. Он начнет работать, а зарабатывать себе на жизнь... *(Резко поворачиваясь к Валентайну.)* Конечно, начнете. Вы думаете, что не начнете, но вы начнете. Она вас заставит.

Крэмптон *(не вполне еще убежденный).* Значит, мистер Бун, вы не считаете их брак неразумным?

Бун. Конечно считаю. Все браки неразумны. Неразумно появляться на свет, неразумно жить, неразумно жениться. Только умирать разумно.

Официант *(незаметно очутившись между Крэмптоном и Валентайном).* В таком случае, сэр, — если позволительно ввернуть словечко, — тем хуже для разума, сэр.

Филип. Позвольте мне заметить, что если Глория решила...

Долли. То это дело решенное, и Валентайну — аминь. А мы пропускаем все танцы.

Валентайн *(мужественно принимая свое поражение, Глории)*. Позвольте вас пригласить...

Бун *(вторгается, обрушивая на них весь свой диапазон)*. Прошу прощения! Я претендую на это удовольствие сам, — в награду за консультацию. Имею честь просить... Благодарю вас. *(Кружится с Глорией в танце, исчезая с ней среди китайских фонариков в парке.)*

Валентайн смотрит им вслед разинув рот.

Валентайн *(придя в себя)*. Долли, разрешите?.. *(Предлагает ей себя в кавалеры.)*

Долли. Глупости! *(Ускользнув от него, бежит вокруг стола к камину.)* Финч, мой Финч! *(Хватает Мак-Комаса и заставляет его танцевать с собой.)*

Мак-Комас *(протестуя)*. Увольте, пожалуйста... право...

Долли, танцуя, увлекает его в парк.

Валентайн *(делая последнюю попытку)*. Миссис Клэндон, могу я...

Филип *(опережая его)*. Ну-ка, мама! *(Подхватывает мать и начинает кружить ее.)*

Миссис Клэндон *(протестуя)*. Фил, Фил... *(Разделяет судьбу Мак-Комаса.)*

Крэмптон *(следует за ними, радуясь по-стариковски)*. Хо-хо-хо! Хи-хи-хи! *(Посмеиваясь, проходит в парк.)*

Валентайн *(бессильно опускается на диван, уставясь на официанта)*. Можно подумать, что я уже женат.

Официант *(глядит на поверженного участника «поединка полов» с невыразимым сочувствием)*. А вы не унывайте, сэр, не унывайте! Нет такого мужчины, который бы не боялся брака, когда дело подходит к венцу. А посмотришь — и все оборачивается как нельзя лучше, весьма даже счастливо и благополучно, сэр; бывает и так, сэр, право. Сам-то я никогда не был хозяином у себя в доме. Моя супруга была на манер вашей барышни, сэр. У нее был властный, своенравный характер, который и унаследовал мой сын. Но если б мне предложили начать жизнь сызнова, я бы сделал то же самое, сэр, уверяю, вас, то же самое. Вперед не заглянешь, сэр; поживем — увидим.

КОММЕНТАРИИ

Наиболее авторитетным изданием произведений Б. Шоу на английском языке является собрание сочинений The Standard Edition of the Works of Bernard Shaw. London, Constable, 1931–1950.
Настоящее издание является первым полным собранием драматических произведений Шоу, выходящим на русском языке.
До революции, не считая изданий отдельных пьес, вышли в свет два собрания сочинений Шоу – в издательстве В. М. Саблина в десяти томах (М., 1910–1911) и в издательстве «Современные проблемы» в девяти томах (М., 1910–1913). В советское время выходили избранные произведения – три однотомника (М., Гослитиздат, 1933, 1946, 1953), двухтомник (М., Гослитиздат, 1956) и том пьес Шоу в серии «Библиотека всемирной литературы» (1969).
В данном издании используются переводы из последних изданий, несколько пьес дается в новых переводах, и целый ряд драматических произведений Шоу появляется на русском языке впервые.
Шоу сопровождал издания своих пьес предисловиями. До сих пор на русский язык переводились лишь некоторые из них. Так, собрание сочинений, изданное В. М. Саблиным, содержало предисловие к «Человеку и сверхчеловеку»; однотомник 1953 и двухтомник 1956 г. ограничились публикацией предисловия «Главным образом о себе самом».
Предлагаемое читателям издание включает избранные предисловия Шоу, вводящие читателя в творческую лабораторию автора, раскрывающие мотивы, которыми он руководствовался при написании пьес. В них часто содержатся декларации общехудожественного характера и полемика с критиками. К сожалению, и данное издание не включает всех предисловий Шоу – это значительно увеличило бы его объем. Поэтому издательство вынуждено было произвести отбор, стремясь представить читателю лишь те предисловия, которые имеют непосредственное отношение к пьесам.
Каждая пьеса сопровождается комментарием.

Пьесы неприятные

Свои первые три пьесы, объединенные под этим названием, Шоу напечатал в 1898 г., сопроводив сборник предисловием. Эти произведения положили начало английской социальной драматургии.
Сюжетной связи между пьесами цикла нет. Каждая из них представляет собой самостоятельное произведение.

Предисловие.
Главным образом о себе самом

Стр. 50. *Уотли, Ричард* (1787–1863) – дублинский архиепископ, писатель.
...одно или два из этих произведений все же пустили корни... – Первыми опубликованными произведениями Б. Шоу были романы «Профессия Кэшела Байрона» (1882) и «Неуживчивый социалист» (1883).

Стр. 51. *Гаррик, Дэвид* (1717—1779) — знаменитый английский актер, один из основоположников английского сценического реализма. Ему принадлежит заслуга возрождения Шекспира на английской сцене XVIII в.

Джонсон, Сэмюэль (1709—1784) — видный английский писатель и критик эпохи Просвещения.

Стр. 52. *Пинеро, Артур Уинг* (1855—1934) — английский драматург, представитель бытописательской мещанской драматургии.

Стр. 52—53 *...мои сограждане... презрительно согласились избрать меня членом церковного совета...* — В конце 90-х гг. Шоу увлекся «муниципальным социализмом» и в течение семи лет (1897—1904) работал в муниципальном совете одного из больших лондонских приходов в качестве санитарного инспектора.

Стр. 53. *Байрейтский театр* («Дом торжественных представлений») — театральное здание, построенное в 1876 г. специально для постановок музыкальных драм Р. Вагнера близ города Байрейта, на юге Германии, в Баварии.

Стр. 54. *Эчерч, Джэнет* (1864—1916) — английская актриса, одна из первых пропагандисток творчества Г. Ибсена в Англии.

Грейн, Джэкоб Томас (1862—1935) — английский театральный критик и режиссер, один из основателей и руководителей Независимого театра.

Независимый театр — открыт в Лондоне в 1891 г. На основе этого театра позднее (1899) возникло «Театральное общество», ставившее закрытые спектакли, которые не требовали разрешения театральной цензуры.

Арчер, Уильям (1856—1924) — английский театральный критик и драматург.

Стр. 55. *Театр «Ройалти»* — лондонский театр, в помещении которого ставились спектакли Независимого театра.

Уиндем, Чарлз (1837—1919) — английский актер и режиссер, с 1876 г. руководил театром «Крайтирион».

Стр. 56 *...разоблачение и пресечение взяточничества, свирепствовавшего тогда в парламенте.* — Имеется в виду пьеса Г. Филдинга (1707—1754) «Исторический календарь за 1736 год» (1737), в которой он вскрыл парламентскую коррупцию.

Уолпол, Роберт (1676—1745) — английский политический деятель, в 1721—1742 гг. премьер-министр.

Стр. 59. *Хальма* — настольная игра, напоминающая игру в шашки.

Стр. 62. *Ирвинг, Генри* (1838—1905) — крупный английский режиссер и актер, постановщик многих трагедий Шекспира. Роль Шейлока в пьесе Шекспира «Венецианский купец» принадлежала к лучшим ролям Ирвинга.

Рейен, Ада (1860—1916) — американская актриса.

Питер Тизл — персонаж комедии Шеридана «Школа злословия» (1777).

Стр. 63. *Мередит, Джордж* (1828—1909) — английский романист и поэт.

ДОМА ВДОВЦА

Творческая история пьесы рассказана самим Шоу в предисловии, которое он назвал «Главным образом о себе самом». В 1890-х гг. началось движение за обновление английского театра. Передовой театраль-

ный деятель Дж. Т. Грейн основал Независимый театр, открывшийся 19 марта 1891 г. «Привидениями» Ибсена. Театру, однако, недоставало английских пьес, столь же острых по социальному звучанию, как драмы Ибсена и Гауптмана. Шоу, горячо поддерживавший инициативу Грейна, решил помочь Независимому театру и создал для него социальную драму на английские темы.

Название пьесы перекликается со следующим текстом Евангелия: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что поедаете дома вдов и лицемерно долго молитесь: за то примете тем большее осуждение».

В Независимом театре пьесу сыграли только два раза – 9 и 13 декабря 1892 г., после чего она была снята с репертуара под давлением буржуазной публики, возмущенной «безнравственностью» содержания. Вторично «Дома вдовца» появились на английской сцене лишь пятнадцать лет спустя, в 1907 г., когда пьесу сыграла в Манчестере труппа, возглавлявшаяся прогрессивной театральной деятельницей Энн Элизабет Хорниман. В том же году пьеса была поставлена в Нью-Йорке. Два года спустя труппа Хорниман привезла спектакль в Лондон. Все три английские постановки прошли на сцене пятнадцать раз. Лишь после первой мировой войны, когда от пуританских нравов английской буржуазии осталось не очень много, пьесу увидели более широкие круги британской публики.

Под названием «Лондонские трущобы» пьесу поставили в 1950 г. московский Театр сатиры и ленинградский Драматический театр. В сезоне 1950/51 г. пьеса шла в Калининграде, Бресте, Воркуте, Горьком, Ростове-на-Дону, Ашхабаде и в других городах. В 1975 г. она была поставлена на Центральном телевидении.

Социальный смысл пьесы сам Шоу определил лаконично и точно, сказав, что она представляет собой «гротескно-реалистическое разоблачение домовладельцев в трущобных кварталах, аферистов из городского управления, а также денежных и матримониальных союзов между этой публикой и теми милыми людьми, которые живут на «независимый» доход и воображают, что вся эта грязь никак их не затрагивает». [1]

В «Домах вдовца» нет персонажа, который выражал бы в прямой форме положительный общественный идеал автора. Это в подлинном смысле слова «пьеса без героя». Если театральные традиции допускали тип злого, бессердечного отца, наподобие Сарториуса, или проходимца вроде Ликчиза, то в образах Тренча и Бланш Шоу резко порывал с привычными штампами театрального героя и героини. Поначалу оба выглядят милой парочкой, зритель убежден, что их отношения завершатся в конце пьесы браком, и Шоу следует этому обязательному штампу современного ему театра. Но все дело в том, как это происходит. В обычных «хорошо сделанных пьесах» согласие между влюбленными нарушалось каким-нибудь нелепым недоразумением. У Шоу расхождение влюбленных – принципиального характера: это столкновение между «идеализмом» Тренча и практицизмом Бланш. Конфликт становится типичным для драмы идей. Это характерно и для всей пьесы в целом. Все отношения между персонажами определяются различиями в том, как каждый понимает правила житейского поведения.

Шоу очевидна хищническая основа богатства, но он обличает не отдельных людей, а весь строй жизни в целом. Гнев Шоу направлен не

---

[1] «Главным образом о себе самом». См. настоящий том, с. 54.

против Сарториуса, Ликчиза, Бланш или Тренча, а против социальной системы, при которой порядочность оказывается практически почти невозможной, как это выявлено на примере Тренча, человека честного по своим намерениям, но замаранного грязью буржуазных отношений не меньше, чем те, кто сознательно пользуется возможностями бесчестного обогащения.

Обращает на себя внимание прием, впервые появившийся в этой пьесе и затем встречающийся у Шоу неоднократно. Независимо от своего положения и выгоды, извлекаемой из той или иной ситуации, его герои судят о фактах общественной жизни трезво и реалистически. Это можно особенно ясно видеть на примерах Сарториуса и Ликчиза, которые откровенно рисуют действительное положение вещей. Шоу в своих пьесах, как правило, показывает буржуа, без стеснения говорящих о пороках общества, несправедливости которого служат основой их процветания.

Стр. 72. *Хэмстед-Хис* – район в северной части Лондона, где живет преимущественно мелкая буржуазия.

Стр. 74. *Бедекер* – путеводитель для путешественников (по имени составителя наиболее распространенных немецких изданий такого рода).

Стр. 120. *Синяя книга.* – По традиции сборники правительственных документов выпускаются в Англии в синих переплетах.

СЕРДЦЕЕД

Вторая пьеса Шоу имела скудную сценическую историю. Первое представление ее для регистрации авторского права состоялось только пять лет спустя после создания пьесы – в 1898 г. Затем «Сердцеед» был поставлен в Новом сценическом клубе в 1905 г. Первое публичное представление дала труппа Ведрена и Гренвил-Баркера в театре «Ройал Корт» 8 февраля 1907 г. Постановку осуществил режиссер, актер и драматург Харли Гренвил-Баркер, видный деятель обновления английского театра и друг Шоу. В спектакле были заняты лучшие силы труппы, но успеха он не имел. Пьеса прошла всего восемь раз на утренниках. Она игралась также в Варшаве (1907), Праге (1909) и Нью-Йорке (1913). Впоследствии «Сердцееда» ставили в Лондоне в театрах «Эвример» (1923–1924), «Корт» (1930) и «Артс» (1944). В России пьеса была издана под названием «Волокита» и вошла в том сочинений Шоу, изданный В. М. Саблиным в 1911 г. На русской сцене не шла.

Пьеса «Сердцеед» принадлежит к числу немногих произведений драматурга, содержащих автобиографические мотивы.

В двадцать девять лет Шоу сблизился с приятельницей своей матери миссис Дженни Патерсон, вдовой, которая была лет на пятнадцать старше его. Натура страстная и бурная, Дженни нередко устраивала Шоу сцены ревности, особенно по поводу его отношений с известной общественной деятельницей Анни Безант.

Вопросы пола, любви, семьи и брака постоянно интересовали Шоу, и он уделил им много внимания в своем творчестве. «Сердцеед» – первая из его пьес на эти темы. Острая критическая мысль Шоу с самого начала отвергала буржуазные экономические основы брака, превращающие женщину в рабу мужчины.

В конце XIX в. в Англии было сильно развито движение за равноправие женщин во всех сферах жизни, в том числе общественно-политической. В передовых слоях общества получили распространение идеи «свободной любви». Взгляды Шоу на брак сформировались под влиянием социалистических идей XIX в. Наряду с этим большое значение имели для него те пьесы Г. Ибсена, в которых великий норвежский драматург с беспощадным реализмом обличал буржуазный брак.

Пьеса «Сердцеед» отстаивает принцип равенства полов и отражает увлечение современников Шоу Ибсеном, как писателем, смело поставившим в своих произведениях вопросы семейной морали. Европейские социалисты высоко ценили реалистические произведения Ибсена. Ф. Энгельс в письме П. Эрнсту писал об Ибсене, что его «драмы хотя и отображают нам мир мелкой и средней буржуазии, но мир, совершенно отличный от немецкого, – мир, в котором люди еще обладают характером и инициативой и действуют самостоятельно, хотя подчас, по понятиям иностранцев, довольно странно». [1] Дочь Маркса Элеонора (Тусси) и ее муж, социалист Эдуард Эвелинг, увлекались Ибсеном. В одном из писем Энгельса к Зорге мы узнаем, что «Тусси и Эвелинг... уехали в Норвегию; удивляюсь, как такие горячие поклонники Ибсена могли до сих пор удержаться от посещения новой земли обетованной». [2] По-видимому, Элеонора Маркс была одним из инициаторов любительской постановки «Норы», в которой она играла роль героини, а Шоу выступал в роли Крогстада.

В первоначальном незавершенном наброске, над которым Шоу работал в 1890 г., уже намечены некоторые идеи, получившие затем развитие в «Сердцееде». Эштон очень похож на героя «Сердцееда» Чартериса: «Он влюбляется во всякую женщину, с которой встречается, и утверждает, что это приносит ему пользу – не дает ему превратиться в раба своей посредственной интеллектуальности...» Из всех чувств, по мнению Эштона, самое приятное – любовь. Чувства вообще являются побуждением к действию, и для внутреннего развития человека важно все время получать такой стимул. «Поэтому, если вы хотите развиваться, – гласит афоризм героя, – вы должны постоянно влюбляться».

Совершенно естественно, что Шоу придавал важное значение духовной стороне отношений между мужчиной и женщиной, но, бросая вызов ханжескому пуританизму, он утверждал радость физической любви и видел ее красоту в том душевном подъеме, с которым связаны нормальные взаимоотношения между любящими. Правда, наряду с этим Шоу смеялся над тем, что в романах и драмах главное внимание уделяется любви. Имея в виду сентиментальное превознесение любви как единственной и главной духовной ценности, Шоу со свойственной ему иронией писал: «Я никогда не ставил требования пола на первое место, и не было случая, чтобы я отказался выступить на собрании с пропагандой социализма ради того, чтобы провести вечер с женщиной».

Щадя живые прототипы персонажей своей пьесы, Шоу перевернул реальное соотношение между близкими ему женщинами. В пьесе Чартериса преследует своей любовью незамужняя Джулия Крейвен, тогда как вдова Грейс Трэнфилд ведет себя с тем благоразумием и выдержкой, которые не были свойственны миссис Патерсон.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд., т. 37, с. 353.
[2] Там же, с. 373.

В период написания пьесы передовые слои общества боролись за равноправие женщин. Шоу, всегда обгонявший свое время, выступил в «Сердцееде» с утверждением, что освобождение женщины от цепей буржуазных условностей не должно превратиться в свою противоположность – в закабаление мужчины. Как это было свойственно Шоу, он, конечно, утрировал ситуацию, однако за комизмом и иронией в пьесе стоит серьезная мысль о том, насколько созрели люди для тех новых отношений, которые они хотели бы установить в жизни.

Ибсеновский клуб, изображенный в пьесе, в действительности не существовал, но в Англии было столько клубов самого причудливого типа, что Шоу мог позволить себе эту занятную выдумку. Устав Ибсеновского клуба гласит: члены его должны отречься от устаревших понятий о том, что дозволено мужчинам и что женщинам. Все действие комедии проникнуто иронией; Шоу смеется над неженственными женщинами и немужественными мужчинами.

В образе театрального критика Катбертсона Шоу создал карикатуру на известного театрального критика конца XIX в. Клемента Скотта, стяжавшего сомнительную славу тем, что он встретил в штыки драматургию Ибсена и выступал со статьями, в которых осуждал его произведения за безнравственность.

Стр. 137. *Кембл, Джон Филип* (1757–1823) – знаменитый английский актер классицистского направления.

Сиддонс, Сара (1755–1831) – английская актриса, выдающаяся представительница позднего классицизма.

Королева Екатерина – персонаж пьесы Шекспира «Король Генрих VIII», испанская принцесса Екатерина Арагонская.

Макреди, Уильям Чарлз (1793–1873) – английский актер, выражавший в своем искусстве романтические тенденции.

Маклиз, Дэниэл (1806–1870) – английский художник. Известен главным образом благодаря двум монументальным работам на исторические сюжеты, находящимся в Уэстминстерском дворце.

Ирвинг, Генри – см. примеч. к с. 62.

Терри, Эллен (1847–1928) – английская актриса. В 1878–1902 гг. работала вместе с Г. Ирвингом в театре «Лицеум», исполняя главные роли.

Кендел, Робертсон Мод (1849–1933) – английская актриса, игравшая роли великосветских женщин.

Рейен, Ада – см. примеч. к с. 62.

Бернар, Сара (1844–1923) – выдающаяся французская актриса.

Джонс, Генри Артур (1851–1929) – английский драматург и актер.

Пинеро, Артур Уинг – см. примеч. к с. 52.

Дузе, Элеонора (1858–1924) – известная итальянская актриса.

Стр. 184. *Суданская кампания* – военные действия Англии против восставших племен Судана (1896–1898), в результате которых Судан окончательно был превращен в английскую колонию, при формальном участии Египта в управлении страной.

Стр. 193. *Рип Ван Винкль* – герой одноименного рассказа В. Ирвинга (1783–1859). Однажды, спасаясь от брани жены, Рип ушел в горы охотиться, попал в компанию неких странных людей, которые его напоили так, что он проспал двадцать лет и вернулся в родную деревню стариком.

Из трех ранних пьес Шоу «Профессия миссис Уоррен» вызвала наибольший шум из-за острой постановки в ней вопроса о проституции в буржуазном обществе. В литературе и тем более театре благопристойной капиталистической Англии XIX в. эта тема была, естественно, под запретом. Хотя проституция в стране процветала, официально содержание публичных домов не разрешалось. Поэтому публичные дома миссис Уоррен находятся за границей, в частности в столице Бельгии — Брюсселе.

Шоу написал пьесу в 1893—1894 гг., но театральный цензор запретил ее постановку. Пришлось ограничиться публикацией текста (1894) с предисловием, которое позже несколько раз дополнялось автором.

Пьеса впервые была сыграна в Англии на закрытом спектакле «Театрального общества» 2 января 1902 г. Затем ее поставили в США, сначала в Нью-Хейвене, штат Коннектикут (27 октября 1905 г.), затем в театре «Гаррик» в Нью-Йорке (30 октября 1905 г.). В Англии пьеса появилась на сцене тридцать с лишним лет спустя после ее написания — в театре принца Уэльского в Бирмингеме (27 июля 1925 г.). Та же труппа показала этот спектакль в Лондоне 28 сентября 1925 г.

В России пьеса впервые сыграна в 1907 г. петербургским Александринским театром; роль миссис Уоррен исполняла М. Г. Савина. В Москве пьеса шла в Никитском театре, а затем в театре Корша (1908). В 1956 г. «Профессия миссис Уоррен» была поставлена в Москве дважды: в Театре сатиры и Центральном театре Советской Армии, где главную роль исполняла Л. И. Добржанская. Другие постановки того же года: Театр Балтийского флота в Ленинграде, драматические театры Куйбышева, Перми, Ташкента, Челябинска. В 1959 г. состоялась премьера в Душанбе, в 1964 г.— в Ярославле, в 1966-м — в Одессе, в 1967-м — в Севастополе, в 1968 г.— в Баку.

Шоу строит действие пьесы на постепенном узнавании прошлого главной героини и некоторых других персонажей. Этот прием используется и в «Домах вдовца», но именно в «Профессии миссис Уоррен» он применен с наибольшим драматизмом.

В образе Виви Шоу изобразил тот идеал «неженственной женщины», который был так дорог ибсенистам в пьесе «Сердцеед». Она не романтическая героиня, а девушка, стремящаяся жить по-новому, не быть рабой мужчины, самой устраивать свою жизнь.

Обращает на себя внимание тот факт, что в финале пьесы драматург избегает развязки, которая сблизила бы молодых героя и героиню. Увлечение Фрэнка и Виви оказывается лишь эпизодом в их судьбе. Шоу не раз еще будет нарушать традицию, требовавшую обязательной свадьбы в конце пьесы.

Стр. 215. *Лорд-канцлер, которому парламентским актом дана... деспотическая власть над нашими театрами...* — В июне 1737 г. через парламент был проведен закон о театральной цензуре.

...запрещение такой сравнительно невинной пьесы, как моя, оказалось смешным, и его отменили. — «Профессия миссис Уоррен» была впервые поставлена в Англии для широкой публики в 1925 г.

Стр. 217. *Арчер, Уильям* — см. примеч. к с. 54.

Стр. 218. «*Окажите усопшей внимание...*» — строка из поэмы Томаса Гуда «Мост вздохов».

Стр. 221. «*Крик проститутки в час ночной*» — строка из «Песен опыта» Уильяма Блейка.
«*Антоний и Клеопатра*» — пьеса У. Шекспира.
«*Айрис*» — пьеса А. Пинеро (1901).
Пинеро, Артур Уинг — см. примеч. к с. 52.

Стр. 223. *Уичерли, Уильям* (1640—1716) — английский драматург эпохи Реставрации.
«*Вторая миссис Тэнкерей*» (1893) — пьеса А. Пинеро.

Стр. 225. «*Распутник*» (1889), «*Знаменитая миссис Эбсмит*» (1895), «*Веселый лорд Кэ*» (1899) — пьесы А. Пинеро.
«*Защита миссис Дэйн*» — пьеса английской писательницы Августы Брайт.
Virginibus puerisque (лат.) — девушкам и юношам.
Бентамисты — последователи Иеремии Бентама (1748—1832), родоначальника одного из направлений в английской философии — утилитаризма.

Стр. 236. *Лорд Шефтсбери, Энтони Эшли* (1801—1885) — известный английский общественный деятель, выступавший в защиту неимущих классов.

Стр. 237. *Бут, Чарлз* (1840—1916) — английский социолог, приверженец общественных реформ.

Стр. 248. *Чансери-лейн* — судейский квартал в Лондоне.

Стр. 257. *Герцог Веллингтон* (1769—1852) — английский полководец и государственный деятель, принадлежал к крайнему правому крылу консервативной партии.

Стр. 263. «*Судьбы страшится только тот, кто слишком осторожен...*» — отрывок из стихов Джеймса Грэхема, маркиза Монтроза (1612—1650).

Стр. 294. *Линкольнс-Ин* — одна из четырех английских юридических корпораций, готовящих юристов; находится вблизи Чансери-лейн (Лондон).
Ричмонд — западный пригород Лондона, где расположен бывший королевский парк, излюбленное место отдыха лондонцев.

Пьесы приятные

Название цикла явно ироническое, ибо, как и в «Пьесах неприятных», Шоу продолжает здесь критику буржуазного общества. Правда, он почти не касается социально-экономических проблем, занимающих такое большое место в «Домах вдовца» и «Профессии миссис Уоррен», но, в сущности, пьесы этого цикла так же антибуржуазны.
Пафос всех четырех «приятных» пьес — в критике романтических иллюзий и в утверждении реалистического взгляда на жизнь. Реализм для Шоу — не сумма художественных приемов, а философия действительности. Задача искусства в том, чтобы научить людей понимать жизнь такой, какова она на самом деле, освободить их от превратных представлений, созданных традицией, воспитанием и искусством. Эти мысли выражены Шоу в предисловии к «Пьесам приятным», которое на русском языке публикуется впервые. Предисловие имеет программное значение и излагает взгляды Шоу на задачи искусства вообще и драмы в особенности.

В конце предисловия к «Пьесам неприятным» Шоу сам указал, в чем состоит главное различие между двумя первыми циклами его драматических произведений: «Пьесы неприятные» посвящены преступлениям общества, «Пьесы приятные» — романтическим нелепостям и личностям, борющимся против романтических заблуждений.
Техника «Пьес неприятных» была разоблачительной в самом точном смысле слова. Само развитие действия в «Домах вдовца» и «Профессии миссис Уоррен» строилось как цепь разоблачений. В «Пьесах приятных» композиция иная. Шоу теперь идет на некоторый компромисс ради завоевания сцены и приручения публики. Зритель любил «хорошо сделанные пьесы» с занятной интригой, романтические комедии и мелодрамы. Шоу решил использовать привычные жанры, но так, чтобы и они служили целям драмы идей.

Стр. 313. *Независимый театр* — см. примеч. к с. 54.
Фарр, Флоренс (1860—1917) — актриса, современница Шоу, участвовала во многих постановках пьес Ибсена в Независимом театре.
Йитс, Уильям Батлер (1865—1939) — ирландский поэт и драматург, один из родоначальников ирландского литературного Возрождения.
Вест-эндские театры — театры в фешенебельном районе Лондона.
Британские прерафаэлиты — группа английских художников и писателей середины XIX в., положившая начало стилизованному романтизму в английской культуре; своим идеалом прерафаэлиты провозгласили итальянское искусство Раннего Возрождения, до Рафаэля.
Моррис, Уильям (1834—1896) — английский художник и поэт.
Берн-Джонс, Эдвард (1833—1898) — английский художник-прерафаэлит.
Джотто ди Бондоне (1266—1337) — итальянский художник, родоначальник живописи эпохи Возрождения.

Стр. 314. *Клиффорд, Джон* (1836—1923) — известный представитель британских нонконформистов — членов церковных организаций, не признававших обрядов и учения англиканской церкви. Начиная с XVI в. нонконформисты подвергались гонениям.
Сюлливен, Артур Сеймур (1842—1900) — английский композитор, основоположник английской оперетты, писал музыку ко многим пьесам.

Стр. 315. *Раскин, Джон* (1819—1900) — английский писатель, критик и художник, оказавший большое влияние на формирование английских литературных и художественных вкусов викторианской эпохи (XIX в.).
Карпаччо, Витторе (ок. 1455—1526) — итальянский художник венецианской школы эпохи Возрождения.
Беллини — семья итальянских живописцев, ее главой был Якопо Беллини (1400—1470). Самый крупный художник из семейства Беллини — Джованни (ок. 1430—1516).
Тинторетто, Якопо (1518—1594) — итальянский живописец венецианской школы.
Блейк, Уильям (1757—1827) — английский поэт и художник, представитель раннего романтизма.
Шелли, Перси Биши (1792—1822) — английский поэт, революционный романтик.

Стр. 316. *Мэнсфилд, Ричард* (1854—1907) — американский актер и режиссер.

Стр. 317. *Бонд-стрит* — улица в деловом районе Лондона, на которой расположено множество различных контор и фирм.

Стр. 323. *Стамболов, Стефан* (1854—1895) — болгарский политический деятель, глава правительства (1887—1894), убит по политическим мотивам.
Гладстон, Уильям Юарт (1809—1898) — английский политический деятель, лидер либералов, четыре раза возглавлял английский кабинет.

ОРУЖИЕ И ЧЕЛОВЕК

Пьеса была закончена в 1894 г. и 24 апреля того же года появилась в Лондоне на сцене театра «Авеню» в антрепризе актрисы Флоренс Фарр, приятельницы Шоу, игравшей в ней роль Луки. Пьеса «Оружие и человек» принесла Шоу первый подлинный театральный успех. Ее многократно возобновляли на лондонской сцене, и она с успехом шла в других странах, в том числе в России. Большое значение для последующей судьбы драматургии Шоу на американской сцене имела постановка комедии в нью-йоркском театре «Геральд Сквер», где Ричард Мэнсфилд с блеском сыграл роль Блюнчли.
Композитор Оскар Штраус использовал текст Шоу как основу либретто оперетты «Шоколадный солдатик», поставленной в Берлине (1909) и Лондоне (1910). В 1932 г. в Англии был снят фильм по пьесе. Русский перевод комедии, появившийся впервые до революции, также носил название «Шоколадный солдатик». Ее играли в петербургском Малом театре в 1905—1906 гг., в Петрограде — в Народном доме в 1920 г., в Театре пролетарского актера — в 1923 г., в Театре миниатюр — в 1936 г. В последние годы постановки осуществлены: в Московском театре им. Пушкина (1966), в Ереване (1971), в Киеве (1974).
Название пьесы заимствовано из первой строки «Энеиды» Вергилия — «Оружие и героя пою...».
Пьеса вызвала резкое осуждение буржуазных театральных критиков, обвинявших драматурга в том, что он враг патриотизма и отрицает значение армии в защите страны. Шоу ответил на нападки статьей «Драматург-реалист своим критикам» (1894). Он писал в ней, что есть две действительности: подлинная и театральная, и его критики исходят из второй. В отличие от них, Шоу стоит на почве фактов. При этом он подчеркнул, что его отношение к войне продолжает традицию величайших гуманистов и реалистов Европы.
«Война, как мы знаем, особенно сильно влечет к себе романтическую фантазию. Суть величайшего в мире реалистического романа «Дон Кихот» — в отрезвляющем уроке, который человек с романтическим воображением получает от знакомства с буднями солдатского ремесла, — писал Шоу. — Сейчас ни у кого не хватит глупости назвать Сервантеса циником за то, что он высмеял Амадиса Галльского; или назвать Дон Кихота — никчемным человеком за то, что он воевал с ветряными мельницами и стадами овец. А между тем меня неоднократно обзывали циником, моего швейцарского офицера — трусом, а болгарского Дон Кихота — никчемным хвастуном за то, что я руководствовался теми же соображениями, что и Сервантес, и применил тот же метод...» [1]
Сославшись на то, что он опирался на достоверные свидетельства участников современных войн — франко-прусской (1870—1871) и русско-турецкой (1877—1878), а также на литературные источники, Шоу продолжал: «Трудно выразить словами, насколько мой метод шел вразрез

[1] Бернард Шоу. О драме и театре. М., 1963, с. 98—99.

с воинственными домыслами критиков. Их несказанно возмущал малейший намек на то, что отваге солдата бывает предел или что он способен предпочитать жизнь и непродырявленную шкуру доблестной смерти во славу отчизны. Взгляд критиков был прост, мужествен и прям, как все неосуществимое. Человек – либо трус, либо нет. Если он храбр, то ничего не боится; если трус, тогда он не солдат, и изображать его таким – значит клеветать на благородное ремесло. Люди, кое-что смыслящие в этом деле, высказываются совершенно иначе». [1] Шоу приводит свидетельства военных, опровергающие романтическое представление о герое, воплощенное в популярном театральном образе Дон Сезара де Базана, «распахнувшего грудь перед пулями». Шоу иронизирует также над другими обвинениями: «...если я вызвал возмущение критиков, когда изобразил солдата как человека, который не хочет бесцельно гибнуть, то еще большее негодование я возбудил тем, что показал солдата, который хочет есть». [2]

Критики считали пьесу Шоу сплошным балагурством, фантасмагорией. Сам же он оценивал ее как строго реалистичную: «В ней нет никакого бурлеска; я изобразил в ней лишь одни военные будни, основываясь исключительно на свидетельствах настоящих военных и избегая фарсовых эпизодов... Я утверждаю, что столкновение этой действительности с понятиями романтических девиц и воинственных штатских создает не бурлеск, а самую настоящую комедию... Я показываю, что в настоящей войне есть и настоящая опасность для солдата и никогда не покидающее его сознание этой опасности. Театральная же война сулит ее участникам одну только славу. Вот почему капитан Блюнчли, для которого поле битвы является местом тяжкого и опасного труда, неверсятен для критика, для которого это поле – всего лишь зрелище, доставляющее наслаждение и удовлетворяющее наши патриотические чувства и жажду крови и победы, но отнюдь не грозящее ни опасностью, ни расплатой». [3]

Первоначально Шоу не собирался точно определять место действия. Потом, по совету своего друга Сидни Уэбба, он сделал местом действия Болгарию, чем вызвал недовольство болгар, оскорбленных мнимым посягательством на их национальное достоинство. Это касалось главным образом того, что Шоу изобразил болгарских офицеров не очень умелыми мастерами воинского искусства.

Шоу отвел упреки, сказав, что в войне с Сербией в 1885–1886 гг. «болгары проявили подлинный героизм, в течение полугода отражая натиск напавших на их страну сербов. Но так как они лишь накануне этих событий избавились от многовекового гнета турок и едва приняли искоренять у себя варварство – или, если хотите, насаждать у себя пороки цивилизации, – то, хотя они и отличались беззаветной храбростью и были исполнены патриотического энтузиазма, в военном отношении оказались настолько неумелыми, что им пришлось пойти под начало русских командиров. Попытки болгар воспринять европейскую цивилизацию, как и их попытки воевать, были поучительны, романтичны и беспомощны. Во всех областях это была нация отважных новичков». [4] Шоу был свободен от национальных предубеждений. Не говоря уже о том, как он изображал Англию, в которой жил с

---

[1] Бернард Шоу. О драме и театре, с. 99.
[2] Там же, с. 106.
[3] Там же, с. 108–109.
[4] Там же, с. 98.

двадцати лет, отметим, что и о своей родной Ирландии он также всегда писал, не скрывая ее недостатков и при этом нисколько не оскорбляя нацию как таковую.

Стр. 328. Сражение под Сливницей произошло 19 ноября 1885 г. В результате победы в этом сражении Болгария выиграла войну с Сербией (1885—1886).

Стр. 354. *Пирот* — город в Сербии. Во время сербо-болгарской войны (1885—1886) был занят болгарскими войсками, но затем по мирному договору возвращен Сербии.

КАНДИДА

Признанная теперь одной из самых успешных театральных пьес Шоу, «Кандида», подобно другим его ранним произведениям, не сразу утвердилась на сцене как из-за консервативности театральных антрепренеров, так и из-за требовательности, с какой автор подходил к подбору исполнителей главных ролей. Он нашел исполнительницу роли Кандиды по своему вкусу в лице актрисы Джэнет Эчерч, одной из первых исполнительниц ибсеновской Норы. Она сыграла Кандиду с труппой филиала Независимого театра в Абердине (30 июня 1897 г.), затем гастролировала с ней по английской провинции. В США пьесу поставил Арнольд Дейли (1903). В Лондоне «Кандиду» впервые показало «Театральное общество» (1900) в единственном клубном спектакле для избранных зрителей. Публичное представление пьесы в Лондоне было осуществлено антрепризой Ведрена и Гренвил-Баркера в театре «Ройал Корт» (26 апреля 1904 г.). С 1907 г. началась европейская слава этой пьесы: ее сыграли в Брюсселе и Париже (1908), она шла на немецкой сцене, и в 1908 г. гастролеры из Германии сыграли ее в Петербурге. Вскоре петербургский Театр комедии поставил пьесу в режиссуре Н. Н. Евреинова (1911). В Москве она шла в театре Корша (1917). Затем ее поставил в петроградском Передвижном театре П. П. Гайдебуров (1922).

Сам Шоу намекнул, что ситуация «Кандиды» представляет собой перевернутую ситуацию «Норы» Ибсена. И здесь и там — «кукольный дом», только у Ибсена куколкой является Нора, а у Шоу — Морелл. Он может красоваться своим величием лишь благодаря тому, что жена незаметно для него делает все, чтобы ему было легко жить. В конце пьесы он начинает это понимать. «То, что я есть, — говорит Морелл Кандиде, — это ты сделала из меня трудами рук твоих и любовью твоего сердца». Хотя Морелл далеко не безупречен, все же неверно было бы видеть в нем фигуру отрицательную. Как справедливо заметил немецкий критик Юлиус Баб, «Шоу вовсе не желает, чтобы люди презирали... этого дельного работника на социальной ниве... Его неутомимая жажда труда, ставшая страстью, поднимает его высоко над уровнем Берджесса, и, как бы неумно-поучительно ни звучали его речи, его дело уже вовсе не такое бесплодное, каким его изображают в момент горечи уста его соперника, поэта».[1] Превращать Морелла в карикатурный образ противоречило бы словам Шоу: «Муж Кандиды — энергичный, сердечный священник, пользующийся уважением и обладающий умением убеждать людей...»[2]

[1] Ю. Баб. Бернард Шоу как писатель и художник. М., 1911, с. 71—72.
[2] Bernard Shaw. Collected letters. London, 1972, p. 495.

Если этот большой и сильный мужчина оказался, в сущности, слабым, то хрупкий Марчбэнкс обладает внутренней силой, позволяющей ему понять, что смысл его жизни не в любви, а в творчестве, в деянии. Поэтому он отказывается от того, чтобы дальше добиваться любви Кандиды. «Я больше не хочу счастья. Жизнь благороднее этого» — в словах Марчбэнкса звучит мысль самого Шоу.

Не лишено основания соображение критиков Юлиуса Баба [1] и Эрика Бентли [2] о том, что Шоу как бы поделил себя между социалистом Мореллом и поэтом Марчбэнксом. В Марчбэнксе проявилась та поэтичность, которая, несомненно, была глубоко присуща великому насмешнику и острослову.

В заключение приведем несколько замечаний, которые Шоу сделал, готовя первую постановку пьесы. «В пьесе всего шесть персонажей. Один из них старик, вульгарный, как Эклз в «Касте» (пьеса Робертсона, популярная в те времена. — *А. А.*), только он не опустившийся пьяница, а преуспевающий член городского управления, нажившийся на своем деле. Это должен быть по-настоящему смешной вульгарный комик... И он должен в самом деле быть средних лет или староватым, а не молодым актером, загримированным под старика, что, по-моему, является одной из самых удручающих вещей в театре. Затем там есть молоденькая женщина, занимающая положение секретарши, маленькая злючка, довольно обыденная, впрочем, не без комизма и чувствительности, когда надо. Она не должна говорить медленно: роль требует быстрой и бойкой речи... Затем идет священник (Лекси Милл. — *А. А.*). Для этой роли сойдет любой молодой актер, умеющий хорошо говорить». [3]

Шоу решительно настаивал на том, чтобы роль Марчбэнкса поручали только очень молодому актеру. Он нашел такого в лице Харли Гренвил-Баркера, который считался лучшим исполнителем роли. Для Марчбэнкса Шоу сделал еще одно дополнительное режиссерское указание: «Во время объяснения между Берджессом и Мореллом (во втором акте) он должен уйти в тень. Это очень существенно для того, чтобы возник эффект неожиданности, когда он вдруг вмешается в разговор. Для этого я посадил Вас в кресло спиной к публике... И я настаиваю, чтобы Вы ничего не изменяли...» [4]

Стр. 399. *...в кокнейской страсти к наживе.* — Здесь в значении: вульгарная, грубая страсть к наживе. Кокни — диалект лондонского Ист-Сайда.

Стр. 400. *Морис, Джон Фредерик Денисон* (1805—1872) — английский священник и писатель, один из основателей движения «христианских социалистов».

Браунинг, Роберт (1812—1889) — видный поэт викторианской Англии.

«*Прогресс и бедность*» (1879) — книга мелкобуржуазного публициста и экономиста Генри Джорджа (1839—1897), который считал, что конец обнищанию масс в капиталистическом обществе положит не пролетарская революция, а национализация земли и всех средств производства буржуазным государством.

«*Фабианские опыты*». — Здесь речь идет о ряде брошюр, написанных Б. Шоу в тесном сотрудничестве с С. Уэббом и опубликованных в 1889 г.

---

[1] Ю. Баб. Бернард Шоу как писатель и художник, с. 71.

[2] E. Bentley. Bernard Shaw. Norfolk (Conn), 1957, p. 204—205.

[3] Bernard Shaw. Collected letters, p. 494.

[4] Ibid., p. 499.

«*Мечта Джона Болла*» (1888) — утопический роман английского писателя-социалиста Уильяма Морриса (1834—1896). Джон Болл — английский народный проповедник, один из вождей крестьянского восстания Уота Тайлера в Англии. Казнен в 1381 г.

Стр. 401. *...репродукция с главной фигуры Тицианова «Успения».* — Тициан, Вечеллио ди Кадоре (1477—1576) — великий итальянский живописец. Центральная фигура картины — богородица, возносящаяся на небо.
Христианский социалист — сторонник буржуазного учения, пытающегося примирить социалистические идеи с религиозным мировоззрением.

Стр. 402. *Независимая рабочая партия (НРП)* — английская реформистская партия, основанная по инициативе К. Гарди в 1893 г.
Конфирманты — у протестантов юноши и девушки, достигшие 14—16 лет, которым предстоит конфирмация: обряд приобщения к церковной общине.

Стр. 403. *Фабианское общество* — реформистская организация английской буржуазной интеллигенции, основанная в 1884 г. О характере этого общества говорит уже само его название, данное по имени римского полководца Фабия Кунктатора («Медлителя»), известного своей осторожной стратегией.
«Церковный реформатор» — журнал, издававшийся в Лондоне в 1882—1895 гг.

Стр. 409. *Работный дом* — приют для бедных в ряде капиталистических стран. Работные дома в Англии были созданы в XVII в.

Стр. 450. *Ларошфуко, Франсуа* (1613—1680) — французский писатель-моралист, автор книги «Размышления, или Моральные изречения и максимы» (1665). Фраза «...браки бывают удобные, но счастливых браков не бывает» взята из «Максим» Ларошфуко.

ИЗБРАННИК СУДЬБЫ

В XIX в. существовал обычай начинать спектакль с небольшой одноактной пьесы, которая игралась в то время, когда зрители съезжались на спектакль. Благодаря этому опаздывавшие не лишались возможности посмотреть целиком ту главную пьесу, ради которой они шли в театр. Этот обычай до сих пор сохранился в некоторых европейских театрах, например в «Комеди Франсез». В Англии такого рода пьесы назывались: «для поднятия занавеса». И вот Шоу, «полнометражные» пьесы которого в то время еще почти не ставились на английской сцене, решил взять на себя скромную роль автора такой пьесы «для поднятия занавеса». Так в 1895 г. появился «Избранник судьбы».
Впервые пьеса была поставлена в театре «Гранд» в Кройдоне (под Лондоном) 1 июля 1897 г., где прошла три раза. Затем Дж. Т. Грейн поставил ее в лондонском театре «Комедия» (1901), где ее сыграли всего один раз для избранной публики. Лишь в 1907 г. Ведрен и Гренвил-Баркер осуществили первое лондонское публичное представление комедии в театре «Ройал Корт». В Англии она возобновлялась затем несколько раз. В США, если не считать студенческого спектакля 1899 г., пьеса была впервые поставлена Арнольдом Дейли в 1904 г. В России под названием «Человек судьбы» шла в 1910 г. в театре Корша в Москве, в 1922 г. в Саратове, в 1970 г. под названием «Избранник судьбы» в Ленинграде (спектакль в концертном исполнении, режиссура С. Юрского).

«Избранник судьбы» — первая историческая пьеса Шоу, вернее, первая пьеса Шоу с историческими персонажами. Подобно Шекспиру и Льву Толстому, Шоу наделял героев исторических произведений психологией людей не прошлых эпох, а своего времени. Прием был сознательным, ибо Шоу хотел увидеть прошлое глазами современника.

С точки зрения драматургической пьеса поистине блестяща. В ней два главных действующих лица, внешних событий почти нет, но, читая ее, нельзя не ощутить той поразительной динамики, которая характерна для этого маленького шедевра. Действие развивается в диалогах между Наполеоном и дамой. В руках дамы письмо, компрометирующее жену полководца. Узнав это, он стремится заполучить его. Но дело не только в том, чтобы добыть документ. Для Наполеона это своего рода нравственное испытание. Он не просто обманутый или ревнивый муж, он уже Наполеон, личность, сознающая свое историческое значение, человек, понимающий, что его величие зависит от способности подняться над уровнем обыденных людей, для которых их личные интересы и обиды превыше всего. Наполеон у Шоу знает, что он избранник судьбы. Он еще не покорил пол-Европы, но не сомневается в том, что она будет у его ног.

Шоу последовательно деромантизирует образ Наполеона, полнее всего это выражено в характеристике его как нравственной личности: «У него богатое воображение, но никаких иллюзий; есть творческая жилка, но нет ни веры, ни преданности, ни патриотизма, ни прочих общепринятых идеалов». Впрочем, он может, если ему это надо, поиграть в преданность идеалам, не веря в них. Полный отказ от нравственных принципов делает Наполеона человеком, воплощающим волю к власти, как ее обрисовал известный немецкий философ Ницше, чьи идеалы были весьма популярны в конце прошлого века. Шоу был знаком с его идеями и создал художественный образ, соответствующий этой концепции.

Великий стратег, предстающий перед нами в конфликте маленького, чисто бытового значения, обнаруживает те же черты, которые были характерны для него на поприще борьбы за господство над миром. Наполеон хитер, изворотлив, находчив; в конечном счете, он умеет использовать даже свои слабости. Он умен, но он человек бессердечный и бессовестный, когда стремится к цели. Для него не может быть моральных катастроф, потому что у него нет морали. Более того, в последний момент у Наполеона даже возникает мысль — не отплатить ли жене той же монетой, но Шоу не любит развязок вполне ясных. Нам предоставляется самим решить, воспользуется ли Наполеон возможностью завести интрижку с дамой.

При несомненном богатстве идей философского характера, перед нами все же не просто пьеса о великом человеке. Шоу не преминул сделать в ней отступление на темы современности и вложил в уста Наполеона поразительную по сатирической силе характеристику английской буржуазии.

«Избранник судьбы» — эскиз большой темы, к которой Шоу будет неоднократно возвращаться, — великие люди в истории человечества («Цезарь и Клеопатра», «Святая Иоанна»). Вернется он еще раз и к фигуре Наполеона («Назад к Мафусаилу»).

Стр. 471. *Лоди* — город в Италии, где 10 мая 1796 г. произошел бой арьергарда австрийской армии Болье с войсками Наполеона, закончившийся поражением австрийцев.

Стр. 472. *Он совсем недавно произведен в генералы, — и производством этим обязан отчасти тому, что использовал свою жену для обольщения Директории.* — Первая жена Наполеона, Жозефина Богарнэ (1763—1814), находилась в близких отношениях с главой Директории Баррасом, который устроил назначение Наполеона главнокомандующим итальянской армией.
Директория — правительство Франции в 1795—1799 гг. в составе пяти директоров; орган диктатуры крупной буржуазии.

Стр. 473. *...каждый из них несет в своем ранце маршальский жезл* — знаменитые слова Наполеона о французских солдатах.
Больe, Жан Пьер (1725—1819) — австрийский фельдмаршал, командовавший в 1796 г. союзными австро-сардинскими войсками в Италии, где он был наголову разбит Наполеоном.

Стр. 474. *Маренго* — деревня в Северной Италии, вблизи которой 14 июня 1800 г. произошло сражение между австрийской и французской армиями, закончившееся победой французов.

Стр. 475. *Ризотто* — итальянское национальное кушанье: род каши из риса, лука, масла и бульона.

Стр. 480. *Деларош, Поль* (1797—1856) — французский художник.
Мейссонье, Эрнест (1815—1891) — французский художник, автор многочисленных батальных картин, посвященных Наполеону.

Стр. 483. *Принцесса де Ламбаль (Мария Тереза Луиза; 1749—1792)* — приближенная французской королевы Марии Антуанетты.
Ватто, Антуан (1684—1721) — выдающийся французский живописец.

Стр. 484. *Генерал Массена, Андре* (1756—1817) — один из военачальников Наполеона, участвовал в итальянском походе Наполеона (1796—1797).

Стр. 489. *Однажды на моих глазах парижская чернь растерзала полк хороших швейцарских солдат.* — Имеется в виду штурм дворца Тюильри и низложение Людовика XVI 10 августа 1792 г., свидетелем чего был Наполеон, находившийся на улице среди толпы.
Семь месяцев назад я отомстил за свой позор, расстреливая эту чернь из пушек. — 5 октября 1795 г. (13 вандемьера) Наполеон, впервые широко применив артиллерию на улицах Парижа, разгромил роялистских мятежников, восставших против термидорианского Конвента.

Стр. 494. *...нарушить нейтралитет Венеции.* — На протяжении большей части XVIII в. Венеция соблюдала строжайший нейтралитет, Наполеон положил конец независимости Венеции, оккупировав ее своими войсками.

Стр. 496. *Баррас, Поль* (1755—1829) — политический деятель периода французской буржуазной революции XVIII в., один из организаторов переворота 9 термидора и глава Директории. Проводил политику, расчистившую путь военной диктатуре Наполеона.

Стр. 510. *Англичане — нация лавочников* — известная фраза Наполеона (приводится в книге Б. О'Мира «Наполеон на Святой Елене», т. II).
Тальма, Франсуа Жозеф (1763—1826) — выдающийся французский актер-трагик.

Стр. 512. *Он устраивает у себя две революции, а потом объявляет войну нашей.* — Имеются в виду английская буржуазная революция 1640—1660 гг., государственный переворот 1688—1689 гг. (так называемая «Славная революция») и война Англии против революционной Франции, начатая в феврале 1793 г.

...отрубает своему королю голову из принципа республиканского. — После победы английской буржуазной революции XVII в. король Карл I 30 января 1649 г. был казнен.

Стр. 513. *...звезда мужчины держится на женской подвязке* — намек на высший английский орден Подвязки.

ПОЖИВЕМ — УВИДИМ

«Поживем — увидим» (1895—1896) — пьеса, завоевавшая сцену только через десять лет после написания. Лишь в 1898 г. Шоу сумел организовать спектакль для регистрации своего авторского права. Лондонское «Театральное общество» сыграло клубный спектакль в 1899 г. В 1900 г. в театре «Стренд» состоялись первые публичные представления пьесы в Лондоне — шесть утренников. В Нью-Йорке Арнольд Дейли поставил комедию в 1905 г. Тогда же начался ее сценический успех в Англии, где она появилась на подмостках театра «Ройал-Корт» в постановке Х. Гренвил-Баркера. После этого комедия неоднократно возобновлялась на сцене и по количеству спектаклей и постановок среди пьес Шоу стоит в числе первых. В России известен только спектакль театра Корша (1915).

В жанровом отношении «Поживем — увидим» приближается к классическому типу европейской комедии. Здесь есть пара юных героев, влюбляющихся друг в друга с первого взгляда, ссорящихся и в конце концов вступающих в брак. Есть черствый отец, который в финале становится милым добряком в духе персонажей рождественских рассказов Диккенса. Возможно, к Диккенсу же восходят и образы двух юристов, представленных в пьесе. О своей любви к Диккенсу Шоу писал много раз. Молодые озорники Долли и Фил отчасти традиционны. Ново в них то, что они иронически относятся к идеям их прогрессивной матери, ярой поборницы женской эмансипации. Шоу любил смеяться над модой, что легко увидеть в обрисовке миссис Клэндон и Глории, изображенных с большой дозой иронии. Вариант волокиты-сердцееда представлен в образе зубного врача Валентайна, причем Шоу не преминул саркастически уколоть медицинскую профессию.

По общему признанию критиков, самой яркой и оригинальной фигурой пьесы является старый официант. Вежливый, исполнительный, в высшей степени тактичный, он — идеальный английский лакей, верящий в кастовое разделение общества и поэтому знающий свое место. Даже к собственному сыну, ставшему видным законоведом, он относится уже не как к сыну, а как к представителю той среды, которая занимает более высокое место в социальной иерархии. При всем том он не просто умен, а даже мудр, и любит своей мудростью поделиться, не забывая, однако, вовремя услужить своим слушателям, стоящим выше его на общественной лестнице.

Стр. 526. *Милль, Джон Стюарт* (1806—1873) — английский буржуазный экономист и философ. Трактат «О подчиненном положении женщин» написан в 1869 г., а «Опыт о свободе», также упоминаемый в пьесе, в 1859 г.

Стр. 538. *«Из памяти печаль с корнями вырви»* — строка из трагедии Шекспира «Макбет».

Стр. 547. *Хаксли, Томас Генри* (1825—1895) — английский естествоиспытатель, последователь и пропагандист учения Ч. Дарвина.

Тиндаль, Джон (1820 – 1893) – английский физик и естествоиспытатель. *Джордж Элиот* – псевдоним английской писательницы Мэри Энн Ивенс (1819 – 1880).

Стр. 549. *«Меня зовут Норваль. На склонах гор Грампийских смиренный мой отец пасет стада...»* – цитата из трагедии «Дуглас» шотландского драматурга Джона Хома (1722 – 1808).

Стр. 566. *«Алиса в стране чудес»* (1856) – известная сказка английского писателя Льюиса Кэррола (1832 – 1898).

Стр. 578. *Что это за место?..* – перефразированные слова Армадо из «Бесплодных усилий любви» Шекспира.

Стр. 581. *Лэндсир, Эдвин* (1802 – 1873) – английский художник-анималист.

Стр. 584. *«Весною юноша мечтаньем и помыслом к любви...»* – строка из стихотворения А. Теннисона «Локсли Холл».

Стр. 603. *«Честное сердце стоит короны, а чистая вера – норманнского предка»* – строка из стихотворения А. Теннисона «Леди Клара Вир де Вир».

Стр. 619. *«Мы будем танцевать, и пусть кипит веселье»* – строка из поэмы Байрона «Чайльд Гарольд» (песнь III, 22).

Стр. 624. *«Я вызову его из пропасти безбрежной»* – строка из трагедии Шекспира «Генрих IV» (ч. 1-я, акт III, сц. 1).

СОДЕРЖАНИЕ

БЕРНАРД ШОУ 5
А. Аникст

Пьесы неприятные

ПРЕДИСЛОВИЕ. ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ О СЕБЕ САМОМ 49
Перевод О. Холмской

ДОМА ВДОВЦА 69
Перевод О. Холмской

СЕРДЦЕЕД 135
Перевод Ю. Корнеева

ПРОФЕССИЯ МИССИС УОРРЕН 213
Перевод Н. Дарузес

ПРЕДИСЛОВИЕ 215
Перевод Е. Корниловой

Пьесы приятные

ПРЕДИСЛОВИЕ К «ПЬЕСАМ ПРИЯТНЫМ» 313
Перевод Е. Корниловой

ОРУЖИЕ И ЧЕЛОВЕК 325
Перевод П. Мелковой

КАНДИДА 397
Перевод М. Богословской и С. Боброва

ИЗБРАННИК СУДЬБЫ 469
Перевод М. Лорие

ПОЖИВЕМ – УВИДИМ 515
Перевод Т. Литвиновой

КОММЕНТАРИИ 627
А. Аникст и А. Николюкин

Шоу Б.

Ш81 Полное собрание пьес в шести томах. Т. 1. Пер. с англ./Ред. тома Е. А. Корнеева. Вступит. ст. А. А. Аникста. Коммент. А. А. Аникста, А. Н. Николюкина. — Л.: Искусство, 1978. — 647 с., портр.

Первый том Полного собрания пьес Бернарда Шоу включает в себя семь произведений английского драматурга, созданных им в период с 1885 по 1896 г.: «Дома вдовца», «Сердцеед», «Профессия миссис Уоррен», «Оружие и человек», «Кандида», «Избранник судьбы» и «Поживем — увидим». Первые три пьесы составили цикл «Пьесы неприятные», остальные цикл «Пьесы приятные». Помимо пьес публикуются три предисловия, написанные самим драматургом: «Главным образом о себе самом», предисловия к пьесе «Профессия миссис Уоррен» и к циклу «Пьесы приятные».

Том снабжен комментариями, раскрывающими творческую и сценическую историю пьес английского драматурга.

Ш $\frac{70600\text{-}053}{025(01)\text{-}78}$ подписное

И(Англ)

БЕРНАРД ШОУ

Полное собрание пьес
в шести томах

Том 1

Редактор И. В. Кудрова. Художественный редактор Э. Д. Кузнецов. Технический редактор И. М. Тихонова. Корректор Н. Д. Кругер.

ИБ № 576

Сдано в набор 20.12.77. Подписано в печать 30.05.78. Формат 84 × $108^1/_{32}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура Таймс. Печать высокая. Усл. печ. л. 34,125. Уч.-изд. л. 32,91. Тираж 80 000 экз. Зак. тип. № 1686. Цена 2 р. 60 к. Издательство «Искусство». 191186, Ленинград, Невский, 28. Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Гатчинская ул., 26

2р. 60к.